

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»

**СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

Сборник статей участников
V Международной научной конференции
26-27 апреля 2010 года
Челябинск

ТОМ 2

Челябинск
2010

Редакционная коллегия

кандидат филологических наук О.Р.Абдрахманова
доктор филологических наук, профессор Е.Н.Азначеева (отв. ред.)
кандидат педагогических наук, доцент И.А.Бобыкина
кандидат филологических наук, доцент И.В.Войтешук
кандидат филологических наук, доцент У.А.Жаркова
кандидат филологических наук, доцент Е.В.Иванова
кандидат филологических наук, доцент Т.М.Матвеева
кандидат филологических наук, доцент О.Ю.Подъяпольская
кандидат филологических наук, доцент А.Г.Салахова

Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников V Междунар.науч. конф., Челябинск, 26-27 апреля 2010 г. , Челябинск. Т. 1 / [редкол.: д.филол.н., проф. Е.Н. Азначеева (отв. ред.) и др. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2010. - ...с.

В сборнике представлены статьи российских и зарубежных ученых, принявших участие в V международной научной конференции, посвященной актуальным проблемам , связанным с взаимоотношением языка, культуры и общества. В двух томах сборника освещаются общетеоретические вопросы функциональных и прикладных проблем языкознания, перевода и методики преподавания иностранных языков, рассматриваются способы отражения языковой картины мира в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

Издание адресовано специалистам в области лингвистик, аспирантам и студентам лингвистических и филологических факультетов высших учебных заведений

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета.

Сборник издается в авторской редакции

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «DONNA» В ИТАЛЬЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

(на материале фразеологизмов и паремий)

Е.В. Анзулевич

Челябинский государственный университет

The article is dedicated to the representation of concept “donna” in the Italian linguistic world-image. The phraseology and proverb are striking example of this concept realization in the language. A lot of these expressions show negative attitude to a woman.

Языковая картина мира – это мировидение сквозь призму языка. По определению А.П. Бабушкина, ЯКМ – это упорядоченная социально значимая система языковых знаков, содержащая информацию об окружающем мире, это отражение объективной действительности средствами конкретного языка [Бабушкин, 1996, с. 43].

Действительно, язык – зеркало культуры, в нём отражаются не только реальный мир, не только реальные условия жизни человека, но и общественное самосознание, менталитет народа, его национальный характер, его образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира. Одновременно язык – это орудие, инструмент культуры, он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т. п., то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения. Язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи [Тер-Минасова, 2000, с. 15]. Всё это – компоненты целостной картины, так называемой языковой картины мира. Ментальными же единицами этой языковой картины мира являются концепты.

В рамках данной статьи наиболее подходящим представляется одно из определений концепта, данное В.А. Масловой. Концепт – культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму; единица коллективного сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. [Маслова, 2004, с. 35]

Говоря же непосредственно о концепте «donna» («женщина»), необходимо отметить, что он представляет собой проекцию стереотипных представлений о женщине как носителе социально предписанных качеств и свойств,

сформировавшихся на основании половых, семейных, общественных, этических, эстетических и других функций [Аминова, Махмутова, 2003, с. 7].

Структура концепта «*donna*» в целом может быть разделена на три больших «поля». Во-первых, это внешние признаки (способность к продолжению рода, внешность и т.д.). Во-вторых – внутренние признаки, то есть моральные качества, такие как доброта, мудрость и т.д. И, в-третьих, это возможные социальные роли, исполняемые женщиной (мать, жена, подруга, хозяйка и т.д.) [Аминова, Махмутова, 2003, с. 7].

Толковый словарь итальянского языка Collins даёт следующую дефиницию лексемы «*donna*» (женщина): 1. *femmina adulta della specie umana* (взрослая женская особь человеческого вида), 2. *compagna, fidanzata* (подруга, невеста), 3. *domestica* (домработница). Итальянский язык очень прочно укоренил в сознании итальянцев ассоциацию «женщина – хозяйка». Причина тому – этимология слова «*donna*», которое происходит от латинского «*domna*», синкопированной формы слова «*domina*», т.е. *padrona* (хозяйка, госпожа). До конца тринадцатого века, для обозначения женщины использовалось слово «*femmina*», но потом в Тоскане вошло в обиход слово «*donna*», и его использование распространилось по всей Италии [Collins pocket, 2007, P. 98].

Большой итальянско-русский словарь даёт следующие синонимы слова *donna*: *femmina* (самка); *figlia d'Eva* (дочь Евы), *costola d'Adamo* (ребро Адама); *moglie* (жена), *consorte* (супруга), *sposa* (жена, супруга), *compagna* (подруга, спутница); *fidanzata* (невеста); *amante* (любовница); *signora* (дама, замужняя женщина), *padrona* (хозяйка); *gentildonna* (достойная женщина); *serva* (служанка), *domestica* (домработница), *collaboratrice familiare – colf* (домработница); *regina* (ферзь), *bel / gentil sesso* (прекрасный пол), *sesso debole* (слабый пол).

Рассмотрим первую группу лексем, представляющих собой внешние/физические признаки, свойственные женщине. В первую очередь это *femminilità*, *femminile* (женственность, женский), *procreazione* (способность к деторождению), *gravidanza* (беременность), *seno* (грудь), *debolezza fisica* (физическая слабость), *bellezza*, *bella* (красота, красивая), *gonna* (юбка). В выражении «*correre dietro le gonnelle*» (волочиться за каждой юбкой) «*gonnella*» (юбка) выступает в роли синонима слова «*donna*». Выражение «*Otello in gonnella*» (Отелло в юбке) подчёркивает, что юбка является чисто женским атрибутом и напрямую ассоциируется с женщиной.

Вторая группа, представляющая собой моральные качества женщины, характеризуется такими лексемами как, *seduzione*, *seduttrice* (соблазнительность, обольстительница), *timidezza*, *timida* (скромность, скромная), *contraddizione*, *contradditoria* (противоречивость, противоречивая), *emotività*; *sensibilità*; (эмоциональность, чувствительность), *saggezza* (мудрость), *docilità*; *rassegnazione* (покорность, смирение), *premura*, *cura* (заботливость). Но нужно отметить, что данная группа явно не представлена в итальянских фразеологизмах и поговорках. Эти репрезентации концепта «*donna*» нужно искать в литературе.

Третья группа представлена следующими лексемами: *moglie* (жена), *madre*, *madama* (мать, мама), *consorte* (супруга), *sposa* (жена, супруга), *compagna* (подруга, спутница); *fidanzata* (невеста); *amante* (любовница); *signora* (дама, замужняя женщина), *padrona* (хозяйка); *gentildonna* (достойная женщина); *serva* (служанка), *domestica* (домработница), *collaboratrice familiare* – *colf* (домработница).

Проиллюстрировать реализацию рассматриваемого концепта в рамках третьей группы можно такими устойчивыми выражениями, как «*fare alle signore*» (играть в дочки-матери), *chi ha moglie; ha doglie* (завёл жену – забудь тишину), *essere donna e madonna* (быть полновластной хозяйкой (дома)), *le donne son tutte compagne* (все женщины одинаковы), *tre donne fanno un mercato e quattro una fiera* (три бабы базар, а четыре – ярмарка), *chi ha bella donna e castello in frontiera; non ha mai pace in lettiera* (если замок на границе да красавица жена – тут уж, право, не до сна). В данных примерах мы видим, что очень многие итальянские фразеологизмы и поговорки выражают отрицательные качества женщины и пренебрежение к ней.

Особое место в итальянской культуре и языке занимает образ матери, ведь она играет решающую роль в принятии решений, в управлении хозяйством, в вопросах воспитания детей. Тому есть многочисленные примеры в языке: «*stare sempre attaccato alla gonna della mamma*» (держаться за мамину юбку), *fare da mamma* (быть вместо матери), *chi ha mamma non pianga* (грех тому горевать, у кого есть мать), *l'antica madre* (Ева) «*la madre di tutti, la gran / la nostra madre antica, madre terra*» (мать-Земля), «*la madre è sempre madre*» (мать – всегда мать), «*come madre natura l'ha fatto*» (как создала его мать-природа).

Женщина – хранительница генофонда, она обладает самым ценным в природе качеством – способностью воспроизводить жизнь, продолжать род, т.е. воплощает традиционные ценности, обеспечивая функции сохранения жизни сообщества. Но, несмотря на это, она ассоциируется в обществе с иррациональностью (Аристотель), аморальностью (Шопенгауэр), чувственностью (Кант), существом с массой недостатков (Фрейд) и т.д. [Маслова 2001, с. 121]. Этот гендерный стереотип имеет место и в итальянском языке: *chi disse donna; disse danno* (все беды от женщин).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминова, А.А. Аксиологические особенности концепта «женщина» в русском, английском и татарском языках [Текст] / А.А. Аминова, А.Н. Махмутова // Сопоставительная филология и полилингвизм. – Казань, 2003.
2. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1996.
3. Зорько, Г.Ф. Большой итальянско-русский словарь [Текст] / Г.Ф. Зорько, Б.Н. Майзель, Н.А. Скворцова. – М. : «Русский язык», 2000.
4. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001.
5. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] : учебное пособие / С.Г. Тер-Минасова. — М. : Слово, 2000.
6. Collins pocket Dizionario italiano [Text] / Boroli Editore, 2007.

К ВОПРОСУ ОБ ОПИСАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ

Л.И. Антропова

Магнитогорский государственный технический университет

The article concerns the possibility of formation of the typology of national language situations, which is one of the actual tasks of sociolinguistics. Language situation is studied from a position of sociocultural – communicative approach.

Описание языковых ситуаций и создание их типологии являются одной из актуальных задач социолингвистики. Решение этой задачи имеет большое практическое значение, позволяя раскрыть основы и характер языковой политики государства, оценить перспективность того или иного курса в отношении языка, прогнозировать тенденции языковой жизни страны.

Языковая ситуация рассматривается нами как системно организованная совокупность всех форм существования языка, обслуживающих коммуникативные потребности данного общества в целом в пределах данного административно-политического и территориального объединения. По определению Ч. Фергюсона, «термин языковая ситуация (language situation) относится к общей конфигурации использования языка в данное время и в данном месте и включает такие данные, как, сколько языков и какие языки используются в конкретном ареале, сколько человек на них говорит, при каких обстоятельствах и каких установок и мнений в отношении этих языков придерживаются члены данного коллектива» [Фергюсон, 1989].

Социокультурно-коммуникативный подход к изучению языковой ситуации позволяет исследовать культуру, отражённую во многих формах существования одного и того же языка, и проследить сохранение культурно-национальных традиций. Формы существования языка историчны. Они функционируют в условиях диглоссии и полиглоссии.

Изучение социальных и культурных факторов в создании национальных традиций, даёт нам возможность выделить в истории формирования языковой ситуации четыре этапа развития форм существования языка.

Первый этап – этап относительно общих языков культуры, когда для того или иного культурного ареала выделяется язык, который не имеет национального характера. На втором этапе, этапе преднациональных языков, в условиях сохраняющейся территориальной дифференциации функционируют общие языки культуры. Третий этап, этап формирования национальных языков, когда в границах государства вырастает язык со строго сформулированной нормой и который выполняет все культурные функции общества. На этом этапе развивается не только государственный язык, но и общерегиональные, а также городские обиходно-разговорные языки, функционирующие в пределах регионов и крупных городов. На современном четвертом этапе в связи с изменившимся социальным статусом носителей литературного языка отмечается противопоставленность

обиходно-разговорного языка кодифицированному литературному языку и территориальным диалектам.

Если языковую дифференциацию связать с выделенными нами этапами становления и развития форм существования национального языка, то этапы членения языкового пространства этноса можно представить в следующем виде:

На первом этапе в обобщённом виде располагаются формы существования языка в соответствии с лингвистической традицией в целом. Этапом ниже располагаются язык культуры и территориальные диалекты. Далее следуют обработанные и необработанные основные формы существования языка, обиходно-разговорный язык и территориальные диалекты. И, наконец, следует последний уровень, который образуют группы, обозначающие внутреннюю дифференциацию отдельных форм существования языка. Если в донациональный период развития языка основным фактором, характеризующим языковую ситуацию, было стремление к созданию общего языка в условиях сильного диалектного членения, то на современном этапе признано разнообразие форм существования языка, которые наряду с кодифицированным литературным языком обладают статусом равноправия и используются носителями литературного языка в разных ситуациях общения. Особо при описании национальных языковых ситуаций на современном этапе следует изучать формы существования языка третьего и четвертого уровней, так как данные уровни отражают сложные взаимоотношения социальных, социокультурных и языковых элементов и не обладают единством терминологии. Каждая из выделенных нами форм существования языка третьего и четвертого уровней, кроме внешней дифференциации, имеет и внутреннюю дифференциацию: литературный язык в письменной и устной формах, обиходно-разговорный

язык в надрегиональной форме, так называемый литературно-разговорный язык, обиходно-разговорный язык в общерегиональной и городской формах и разнообразные формы существования территориальных диалектов (региональные и локальные).

Подход к описанию языковой ситуации с точки зрения социокультурно-коммуникативной дифференциации форм существования языка является научно оправданным, так как он позволяет описать современную языковую ситуацию в любой стране в ее развитии, то есть в динамике. Как отмечает [Алпатов, 2002, с. 14], чтобы понять специфику современной языковой ситуации в стране, необходимо учитывать основные компоненты языковой ситуации. Это следующие компоненты: формы существования языка, их структурное и социолингвистическое различие, действие языковой нормы при выборе конкретной формы существования языка и пр.

Учёные, занимающиеся исследованием состояния языковой ситуации в разных странах, пришли к выводу, что в динамике культурно-национальных традиций наблюдаются сходные типологические процессы. К таким исходным типологическим процессам можно отнести: основные формы существования национального языка, признаки взаимоотношений форм существования языка, выводимые из социальной и языковой характеристик говорящих, социально-коммуникативная система, коммуникативные сферы, коммуникативные отношения, типизированные коммуникативные ситуации, носители кодифицированного литературного языка, их социальная среда и социальный статус.

Отношения между всеми этими компонентами, включая факторы времени и пространства, на конкретном этапе развития любого языкового сообщества формируют языковую ситуацию, характерную для этого сообщества.

Следует подчеркнуть, что для социокультурно-коммуникативной дифференциации языка и языковой ситуации значима коммуникативная ситуация, так как именно она определяет выбор из матрицы общения форм существования языка с полным набором речевых и языковых средств, а также тон беседы: на производстве деятельность человека требует коммуникативно сконцентрированных кратких высказываний; в других ситуациях могут быть допустимы развернутые высказывания, переход с одной темы на другую и пр.

Таким образом, изучение социальных и культурных факторов в создании типологии национальных языковых ситуаций даёт возможность выделить универсальные компоненты, которые характеризуют любую языковую ситуацию в определённый период времени: формы существования языка, конституирующие языковую ситуацию, социокоммуникативная система, коммуникативное пространство, коммуникативные ситуации, носители форм существования языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов, В.М. Национальные традиции в вычленении и обозначении обработанных литературных идиомов (система терминов) [Текст] / В.М.

Алпатов // Формы дифференциации языка в зеркале национальных терминологических традиций / Материалы круглого стола; редакц. Коллегия : В.Я. Порхомовский, Н.Н. Семенюк. – М. : Институт языкознания РАН, 2002. – С. 34-45.

2. Фергюсон, Ч.А. Проблемы влияния языковой ситуации на обучение второму языку [Текст] / Ч.А. Фергюсон // Новое в лингвистике. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика; общ. ред. В.Г. Гака. – М. : «Прогресс», 1989. – С. 122-127.

СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ИНОКУЛЬТУРНОМ ТЕКСТЕ СМИ

В.В. Бачурская

Челябинский государственный университет

The mass-media text is always aimed to influence public opinion and by this way to change its vision of the reality. To achieve it journalist uses different methods of speech influence on all the levels of the language like phonetic, graphic and other.

В современном мире процесс коммуникации всё чаще становится не просто межличностным, но межкультурным. Так или иначе, коммуниканты действуют в условиях определённой ситуации, социального контекста, культурной среды. Особенности процесса коммуникации зависят, таким образом, не только от личностных намерений и мнений, но и от той культуры, в которой существуют оба коммуниканта, в которой они воспитывались и в которой было сформировано их мировоззрение.

Основным средством общения между людьми, или, в более широком смысле, между культурами является язык как система знаков. Язык, кроме того, является «зеркалом» культуры, отражающим в себе некоторые сведения о носителях этого языка, об их менталитете, их восприятии мира.

При этом истинными хранителями культуры являются тексты, которые как набор специфических сигналов автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традиции данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных. Текст является важнейшей единицей культуры. Именно текст, а не язык, отображает духовный мир человека. Кроме того, правила построения текста зависят от культурного контекста, в котором он возникает.

Таким образом, текст, созданный в иной культуре, принадлежащий представителям этой культуры, отражающий ее специфику через свою структуру и содержание, мы можем называть *инокультурным текстом*.

Более или менее полное и адекватное понимание инокультурного текста как позитивного результата человеческой коммуникации обусловлено комплексом факторов социально-демографического, социально-психологического, культурно-языкового характера [Антипов, 1989, с. 91]. Среди них такие факторы, как соотношение систем понятий, которыми оперируют отправитель и получатель информации, общефоновые и специальные знания, а также жизненный опыт реципиента, его

индивидуально-психологические свойства. Существенное влияние на степень и адекватность понимания оказывает содержание (смысл) текста: чем ближе оно к интересам и потребностям какой-либо группы реципиентов, тем более схожи варианты понимания информации в этой группе [Будагов, 1974, с. 15].

Кроме того, многие тексты обладают способностью выражать не только то, что подвержено буквальной интерпретации, но и то, что втянуто в текст ассоциациями и коннотациями, подчас и неосознаваемыми. Восприятие и понимание данной имплицитной информации также зависит от личностных и культурных особенностей читателя.

Ориентация на выполнение какой-то заранее намеченной цели сообщения, его функциональная направленность является одной из наиболее характерных особенностей письменной разновидности языка [Гальперин, 1981, с. 16]. Поэтому письменный текст всегда прагматичен, как, впрочем, и всякая речь. Но письменный текст не всегда столь прямолинейно и непосредственно раскрывает свою целенаправленность, как это имеет место, к примеру, в устной речи, именно поэтому адекватное его понимание является более сложным процессом.

Публицистический стиль как один из функциональных стилей современного литературного языка выделяется среди остальных по цели высказывания и по характеру употребления в нем языковых средств (лексических, фразеологических и морфолого-синтаксических).

В публицистическом стиле реализуются такие функции языка, как функция воздействия и функция сообщения (или коммуникативно-информативная функция). Основная цель публицистики, ее социальное назначение состоит в том, чтобы оказывать постоянное и глубокое влияние на общественное мнение, формировать это мнение, воздействуя тем самым на сознание людей, на их мировоззрение, на восприятие ими своей и чужой культуры. «Формируя общественное мнение и воздействуя на становление массового сознания, публицистика тем самым способствует ... социальной ориентации, всестороннему духовному самоопределению, выработке единого мироотношения, что находит выход в поведении или в какой-либо другой форме социальной активности» [Прохоров, 1998, с. 55].

Все конкретные средства речевого воздействия, используемые в газетно-публицистических текстах, иначе говоря, приемы речевого воздействия, могут быть объединены в две основные группы методов: базовые методы и вспомогательные (экспрессивные) методы речевого воздействия [Глинчевский, 2005, с. 18-20]. Несомненно, особый интерес, с лингвистической точки зрения, представляют именно вспомогательные или лингвостилистические методы, используемые на графико-фонетическом, лексическом и морфолого-синтаксическом уровнях языка.

Так, при анализе статей обозревателей газеты «Новой», было отмечено, что графический уровень языка широко эксплуатируется их авторами для создания определённого образа или формирования мнения о некотором факте или событии. В целом, для данного жанра характерно более свободное обращение с языком и стилем, что, несомненно, отражается на выборе

средств речевого воздействия и их количестве. Например, в одной из статей можно встретить целый абзац, состоящий только из риторических вопросов, не требующих ответов, но заставляющих задуматься. *«Случайность? Или таким путем Медведеву напоминают, что его «президентский контракт» не дает ему, <...>, возможности контроля за силовиками? Или это часть сценария?»* (Внутреннее горе // Новая газета, 2009, 27 июля, №80). Автор уже формулирует в своих вопросах готовые ответы, которые читатель должен для себя вынести и осознать как практически единственно возможные.

Часто используются кавычки, выделяющие те слова, на которые автор хочет обратить внимание читателя: *«наверх» донесли бы немедленно»; «сказано это было в Германии – в «экспортном варианте», «Путинская парадигма», «карманные структуры»* и т.д. (Внутреннее горе // Новая газета. 2009. 27 июля. №80). Здесь налицо ироничный взгляд, который оказывает определённое влияние на восприятие читателем действительности и корректирует его точку зрения. Разумеется, кавычки несут не только ироничную коннотацию. Они же используются для придания большей достоверности словам, оформляя цитаты, или событиям, указывая на названия или, например, марки: *«кандидат в канцлеры от социал-демократов Франк-Вальтер Штайнмайер назвал наш план развертывания евро ракет – «ложным сигналом в неудачное время»; «ракетный комплекс «Искандер»; «ракета «Точка-У»* (Оружие поражения воображения // Новая газета, 2008, 10 ноября, №83).

Во французских статьях так же, как и в русских, используется большое число разнообразных приёмов речевого воздействия, поскольку вне зависимости от национальной и культурной принадлежности авторы газетных текстов имеют определённую цель – оказать влияние на читателя, «подсказать» ему некоторую точку зрения, сформировать взгляд на события. Именно поэтому французские газетно-публицистические тексты также характеризуются использованием таких средств как повторение одинаковых знаков препинания (вопросительных знаков) или цитирование в кавычках. Однако стоит заметить, что в отличие от русских статей, где риторические вопросы являются одним из излюбленных авторских приёмов, французский текст более утвердителен. Даже если автор формулирует вопрос, в большинстве случаев, следующее же предложение будет содержать на него ответ. Таким образом, французский читатель получает «готовую» точку зрения, в отличие от русского, для которого создаётся иллюзия самостоятельного вывода. *«Pourquoi ce Cabinda, dont tout le monde, de nouveau, connaît le nom, ne serait-il pas une province riche de l'Angola? Parce que l'ancien colonisateur portugais avait donné l'exemple» - «И почему эта Кабинда, чье название теперь известно каждому, не может стать богатой провинцией Анголы? Потому что старый португальский колонизатор показал пример, как нужно действовать»* (<http://www.politis.fr/Terrorisme-de-pres-et-de-loin,9184.html>).

Кавычки также широко используются во французских статьях, однако подавляющее большинство случаев – это цитирование, в отличие от русских

текстов, где, как было отмечено, зачастую выделение кавычками помогало выразить имплицитно выраженную оценку. «*Je trouve normal que M. Bill Gates gagne bien sa vie*» – «Я считаю нормальным, что Билл Гейтс хорошо зарабатывает на жизнь» (<http://www.politis.fr/Profil-bas,9338.html>).

Таким образом, использование средств речевого воздействия с целью оказать влияние на формирование общественного мнения характерно как для французского, так и для русского газетно-публицистического текста. Однако цель использования и, естественно, степень и характер воздействия различаются, как различаются в целом социокультурные ситуации, в которых создавались данные тексты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов, Г.А. Текст как явление культуры [Текст] / Г.А. Антипов – Новосибирск, 1989. – 234 с.
2. Будагов, Р.А. Человек и его язык [Текст] / Р.А. Будагов – М., 1974. – 226 с.
3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин – М., 1981. – 182 с.
4. Глинчевский, Э.И. Средства речевого воздействия в языке СМИ [Текст] / Э.И. Глинчевский // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 4. – 2005. – С. 18-26.
5. Прохоров, Е.П. Публицистика в жизни общества [Текст] / Е.П. Прохоров – М., 1998. – 140 с.

ИРОНИЯ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

К.А. Воробьева

Челябинский государственный университет

The article is devoted to the analysis of irony as a lingua-cultural phenomenon which takes a special place in modern society. The article highlights a philosophical value of irony and the attitude towards it in traditional types of culture. The research concludes that there is almost no difference in comprehension of irony between various cultures nowadays due to their global integration existing in the world today

Феномен иронии имеет разнообразные формы проявления, в которых отражается множество аспектов: социально-исторический, культурологический, филологический, эстетический, аксиологический, личностный и многие другие. Особый интерес ирония представляет как пространство, отражающее своеобразие определенного типа культуры, его ценностных ориентаций.

Известно, что в различные исторические эпохи не только термин «ирония» интерпретировался по-разному, но и отношение к ней было неоднозначным. Употребление иронии в речи критиковали, запрещали за ее стремление ниспровергать устоявшиеся законы и признанных авторитетов или, напротив, приветствовали, считая ее методом достижения истины, действенным средством воздействия на слушателя или продуктивным

защитным механизмом в психике человека. Во многом содержание понятия иронии и ее оценка зависели от философского мировосприятия конкретной эпохи, социальных отношений или типа культуры в целом, так как каждый народ имеет свои внешние и внутренние нормы бытия, выработанные в ходе истории.

Будучи особой формой оценочного, критического, эмоционального освоения действительности, ирония получила своё максимальное развитие и распространение преимущественно в «западной цивилизации». Общими отличительными чертами и основными ценностями культур, принадлежащих к западному типу, являются динамизм, ориентация на новизну, индивидуализм, установка на автономность личности, рациональность, идеалы свободы. По нашему мнению, все эти черты созвучны с глубинной основой, составляющей сущность иронии, для которой свойственны личностное начало (иронию часто называют «болезнью индивидуализма»), рациональная гибкость, динамизм, сомнение, пренебрежение устоявшимися правилами и нормами, неверие в авторитеты.

В восточных культурах отношение к иронии во многом отличается. Под восточными культурами в данном случае мы имеем в виду традиционные индо-буддийский и даосистско-конфуцианский типы культур. Ирония как установка сознания не характерна для культур, указанных выше, т.к. они ориентированы на морально-примиренческое отношение к миру, покорность, абсолютную любовь ко всему многообразию живой и неживой природы, принятие внешней ситуации и отсутствие социального протеста, почитание традиций. Индивидуализм и личное начало не являются ценностями этих культур, а жизнь и судьба каждого человека в их трактовке predetermined Богом или кармой. Всё это приводит к тому, что в древних индийских и китайских текстах, называемых классическими, или каноническими, ироническое мировосприятие практически отсутствуют, т.к. ирония заключает в себе изначально самовозвышающееся над другими сознание и, согласно философской картине мира этих народов, свойственно только человеку с низким уровнем духовного развития. Так, нет в канонических индийских литературных произведениях и сатиры, суть которой состоит в призыве к общественному протесту. ее существование ограничивает «закон кармы», согласно которому каждый человек сам несет ответственность за социальную неполноценность в данном перерождении, а попытка силой добиться лучшего в конечном счёте приведёт лишь к ухудшению кармы.

Важно отметить, что глобальная интеграция культур придаёт иронии как феномену языка и культуры новый смысл и особую важность. Тенденции, происходящие в современном обществе, а именно: замена религиозного сознания светским и доминирование научной картины мира, проникают и на Восток. В силу доминирующей позиции западного типа культуры в мире, и английского языка в частности, ирония как языковое явление находит достаточно широкое распространение в современной литературе и Востока, и Запада, а также активно используется в повседневной речи.

В Китае активный процесс влияния европейской культуры начался в 80-90-е годы XX в. в связи с изменением экономической политики Китая. Это повлекло за собой смену ценностных ориентаций в обществе. Как только Китай стал открытым для других стран и вступил в капиталистические отношения, уклад жизни простых людей резко поменялся, а вместе с ним изменилось и восприятие мира. Общество захватила страсть к накопительству и преумножению материальных средств. По словам китайского литературоведа Лэй Да, «произошёл распад ядра "исконных убеждений" – неких базисных этических и эстетических императивов-установок, которые всегда являлись основой китайской культуры. Многие писатели, отбросив навязшие в зубах "идеалы" и литературные модели, бросились перенимать опыт западной литературы» [Богачко, 2001, с. 14]. Как результат таких бурных перемен в литературной традиции Китая ирония и сатира стали находить отражение в литературе этих стран. Широко известны такие китайские авторы, как Ли Ао, Цзя Пинва и др., которым не чуждо ироническое отношение к происходящему.

Подобные процессы происходят и в индийской литературе. Однако влияние Запада здесь началось несколько ранее. Уже с конца XVIII в. в связи с колонизацией Индии Великобританией на культурную жизнь и религиозное самосознание индийцев стали оказывать огромное воздействие внедрение моделей английского образования и деятельность христианских миссионеров. По словам доктора философии Вишванату Нараване, «часть образованных индийцев, чрезмерно увлекшись европейской культурой, игнорировала своё национальное наследие» [Нараване, URL].

Однако взаимное влияние культур настолько велико сейчас, что сама культура рассматривается как мобильный феномен со становящимися и изменяющимися ценностями, среди которых называются ориентация на успех, лёгкость, гибкость, открытость интерпретациям.

Высокий темп современной жизни приводит к изменению и образа мышления современного человека. Многие исследователи отмечают, что иронический «способ мышления» или ироническое «состояние духа» стали общей тенденцией нашего времени. И именно ирония помогает принимать постоянно изменяющийся и динамичный мир, позволяя не так болезненно переживать переломные периоды.

Одновременно с этим сама ирония является источником динамики и осмысления относительности культурных ценностей. Она изменяет традиционные представления о чем-либо и не допускает их унификации, и тем самым несёт лёгкость и гибкость в качестве культурных ценностей. По мнению О.В. Солодовниковой, «ирония дает современной культуре широту восприятия: возможность сосуществования других модальностей понимания, представление об относительности границ наших миров и об относительности порядка, определяющего наши миры. Ирония при этом снимает противоположность реального и возможного миров» [Солодовникова, 2001, с. 10].

Таким образом, в XXI веке ирония понимается как мировоззренческая позиция и способ мышления, как взгляд с высоты свободы, покоя и объективности. Ирония рассматривается скорее не с точки зрения морали, а с точки зрения гибкости и эффективности, она интеллектуальна. Ироническая позиция – это анализирующее, критическое отношение к окружающей действительности. Она является формой остранения, «средством обособления личности от общества, и одновременно, способом выражения скептического отношения личности к миру» [Ляхова, URL]. Ирония помогает человеку не застревать на проблемных ситуациях, а двигаться вперёд к намеченным целям, изменяя знак переживания события с минуса на плюс, снимая тревогу и враждебность, помогает осознанию многомерности и противоречивости бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богачко, П.В. Художественное своеобразие прозы Цзя Пинва [Текст] : магистерская диссертация / П.В. Богачко. – М. : МГУ, 2001.
2. Нараване, В. Индия [Электронный ресурс] / Вишванату Нараване // URL : www.india.ru/India/culture/.
3. Солодовникова, О.В. Эстетизация современной культуры и формы ее представления [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Солодовникова. – Томск, 2002.
4. Ляхова, Е. Воздействие иронии на читателя и когнитивная модель понимания иронии в художественном тексте [Электронный ресурс] / Е.Ляхова – // URL : www.fccl.ksu.ru .

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИНОСТРАНЦА

Р.Е. Гайда

Педагогический университет им. Комиссии Народного Просвещения,
г. Краков (Польша)

The Russian language at the beginning of the twenty-first century largely abounds with borrowings, especially from the English language. They are visible in many areas of life, first and foremost in the media (the Internet), contemporary music, youth subcultures, sport, etc. The presented article focuses on this phenomenon.

Русский язык начала XXI века вызывает интерес лингвистов, которые могут наблюдать стремительный виток языковой эволюции, особенно в следующих сферах жизни:

- - массовая культура (диск-жокей, дискотека, рок-клуб, шоу, шоу-бизнес);
- современная молодежная музыка (*диско, мейнстрим, рейв, рок, рэп, синтезатор*);
- молодёжная субкультура (*бодипирсинг, пирсинг*);
- спорт, игры (*армрестлинг, бодибилдинг, боулинг, качок*);

- кушанья, напитки (*баночный коктейль, гамбургер, кока-кола, кола, крекер, поп-корн, сникерс, тоник, чизбургер, шаверма*);
- предметы обихода, украшения, игрушки (*биотуалет, джакузи, микроволновка, тамагочи, тисы, трансформер*);
- одежда, фасоны одежды (*адидасы, боди, бюстье, капри, карго, косуха, парка, пуховик, свингер, слаксы, топ, топless, шазюбль*);
- ткани, материалы (*крэг, лайкра, наппа, нубук, органза, стреч, эластан*);
- косметика (*гель, скраб, кондиционер*).

Наиболее важный (если не основной, то, во всяком случае, наиболее очевидный) источник новой лексики – заимствования (преимущественно из американского варианта английского языка) [Земская, 1997]: имидж, киллер, мейнстрим, нотбук, он-лайн, папарацци, поп-корн, прайс, пресс-релиз, промоутер, ремикс, сайт, секьюрити, сиквел, сингл, слоган, тамагочи, ток-шоу, транш, холдинг, эксклюзивный и множество других, разной степени освоенности, при этом многие частотные слова, преимущественно термины информатики, употребляются в текстах современных газет, журналов, деловой литературы в написании латиницей, что демонстрирует их недостаточную освоенность языком (Unix, notebook, BMW, CD, CD-ROM, Coca-Cola, Hi-fi, IBM, mass-media, on-line, Pentium, PR, VIP, Windows). Встречается также еще одно новое языковое явление, свидетельствующее о начальном этапе освоения иноязычной лексики русским языком – комбинированное (латиницей и кириллицей) написание сложносоставных слов (IBM-совместимый, PR-акция, PR-бизнес, PR-менеджер, VIP-клиент, VIP-номер, VIP-мероприятие, Web-сайт, WEB-страница, Web-сервер), а также некоторых слов, образованных от иноязычного слова по словообразовательной модели русского языка (PRщик, VIPовский и т. п.). Этот лексический материал чрезвычайно важен для лингвистической науки и для современного языкового сознания, так как дает возможность «схватить» момент соприкосновения двух разноязычных систем и зафиксировать самый первый шаг на пути процесса заимствования слова.

Вполне понятно, что заимствования не могли бы с таким напором хлынуть в язык, если бы не были востребованы обществом и не обслуживали бы его потребности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская, Е.А. Лингвистическая мозаика: Особенности функционирования русского языка последних десятилетий XX века [Текст] / Е.А. Земская // Оценка в современном русском языке. *Studia slavica finlandensia*, Т. 14. – Helsinki, 1997.
2. Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995) [Текст] : Коллективная монография / отв. ред. Е.А.Земская. – М., 1996.
3. Сиротина, О.Б. Современный публицистический стиль русского языка [Текст] / О.Б.Сиротина // Русистика. 1999. – № 1/2.

4. Складьяревская, Г.Н. Введение [Текст] / Г.Н.Складьяревская // Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения; отв. ред. Г.Н.Складьяревская. – СПб., 1998.

О МАКРОСТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Г.Г. Галич

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

The article deals with the Linguistic World-Image as a cognitive- discursive formation and offers its hypothetical model based upon various linguistic and cognitive parameters.

Большое место в современном языкознании занимают исследования языковой картины мира (ЯКМ) с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Масштаб ЯКМ как глобального объекта описания, реконструкции или моделирования порождает множественность подходов к определению ее сущности и выделению ее фрагментов и ракурсов.

В ходе исследования отдельных концептов как оперативных единиц ЯКМ, а также их группировок, характерных для одного национального языка или рассматриваемых в контрастивном либо сравнительно-типологическом плане, учёными накоплен значительный объём материалов об объективации отдельных участков ЯКМ в различных словарных единицах и дискурсивных образованиях-текстах. В этой связи сохранила актуальность задача «систематизировать полученные данные» [Кубрякова, 1999, с. 6], сформулированная более 10 лет назад. Настоящая статья представляет собой попытку подобной систематизации на основе обобщения научных взглядов авторитетных лингвистов и материалов частных работ.

За рамками статьи остается анализ концепций соотношения ЯКМ с более общим объектом – образом мира в сознании индивида [Залевская, 1996, с. 43; 2001, с. 43] или концептуальной картиной мира, вариации которой стали предметом многих исследований [см., напр., Попова, Стернин 2007, с. 50-66].

ЯКМ рассматривается в данной статье как более частное когнитивно-дискурсивное образование: совокупность знаний, закодированных в системе языка, его словаре и грамматике, а также в прагматических значениях языковых единиц, отражающих референцию говорящего.

Необходимость конструирования подобного объекта определяется потребностью в едином системном основании для когнитивного истолкования семантики языковых единиц, или, словами И.П. Сусова, когнитивной и прагматической интерпретации формальных языковых структур относительно структур сознания и структур деятельности [Сусов, 1988, с. 11-13]. В современном понимании два последних вида структур могут быть сопоставлены с концептосферой и культурными стереотипами – двумя основными составляющими концептуальной картины мира.

Представленный в упомянутой статье И.П. Сусова широкий взгляд на язык как когнитивно интерпретируемую систему позволяет отнести ЯКМ к числу языковых объектов – несмотря на отсутствие подобного толкования в

обследованной литературе. Соответственно, логично сделать вывод о ее (ЯКМ) билатеральности, которая свойственна всем входящим в неё значащим единицам языка. Формами, объективирующими ЯКМ, могут быть признаны лексико-грамматические структуры, перекодирующие семантико-прагматическую информацию в звуко-буквенные формы и обратно. Содержанием ЯКМ – и это общепринятое мнение – являются знания человека (или социума) о мире и самом себе, кодируемые в языковых формах.

Постулируя языковой статус ЯКМ, можно признать для нее, как и для языка вообще, наличие двух модусов существования: в сознании субъекта-носителя и в объективированной форме – в речи, дискурсе, текстах. Именно с дискурсом имеет дело исследователь при рассмотрении живого функционирования номинантов концептов в процессе контекстуального анализа. В этой связи – но на основании других критериев – В.Б. Касевич пишет о возможности различения языковой и текстовой картин мира [Касевич, 2004, с. 183-184]. Как частные случаи текстовой картины мира он рассматривает научную картину мира и «вторичный миф» (текст) [Там же, с. 184].

Как любой языковой объект, ЯКМ может быть рассмотрена в синхронии и диахронии. При этом диахронический анализ может касаться генезиса и развития концептов в ходе истории языка или сосредоточиться на рассмотрении синхронных срезов: архаическая versus современная ЯКМ. О плодотворности такого анализа написано немало страниц [см., напр. Кубрякова, 2000, с. 85-86]. Особенно значимым признаётся обращение к архаической ЯКМ, поскольку, по наблюдению многих авторов, ЯКМ современного человека во многих своих фрагментах пережиточно сохраняет черты древних картин мира и мифологического типа мышления [напр., Касевич, 1990, с. 100-101].

Собственно содержание ЯКМ может быть структурировано по меньшей мере в трех ракурсах: по характеру, объекту и субъекту отраженного знания.

По характеру знания выделимы как минимум два типа структур. Прежде всего, на основе широко признанной оппозиции научного и обыденного (наивного, практического) познания можно разграничить научно-терминологическую и не специальную ЯКМ, опирающиеся на различение содержания термина и общеупотребительного слова.

Еще одно существенное различие по характеру познания связано с оппозицией отражения объективного мира «как он есть» и формирования отношения субъекта к миру в виде мнений, взглядов и оценок [ср. Кубрякова, 2000, с. 91]. Эта оппозиция позволяет различать фактуальную, идентифицирующую или дескриптивную ЯКМ, с одной стороны, и оценочную ЯКМ – с другой. Оценочная ЯКМ в плане выражения наполняется оценочными словами и дискурсивными построениями, в плане содержания она, несомненно, связана с существующей в сознании индивида и в социуме системой ценностей, объединяемых в ценностную картину мира [Карасик, 2004, с. 141]. Для некоторых видов оценок, например,

количественных, место ценностей в процедурах познания занимает значимость отражаемых объектов для деятельности субъекта [Галич, 2000].

Специфичны по характеру знания (познания) выделяемые рядом авторов метафорическая и метонимическая ЯКМ.

Структурирование ЯКМ по объекту познания непосредственно связано с одним из центральных вопросов когнитивной лингвистики – вопросом о структурах отражаемого в языке знания и о механизмах их формирования, получивших наименования «концептуализация» и «категоризация» [Rosch, 1978; Лакофф, 1988; Болдырев, 2000 и др.].

Сегодня большинство частных исследований фрагментов ЯКМ посвящены концептам, категории как более крупные разряды исследуются реже. Соответственно, ЯКМ как целостный объект лингвокогнитивного моделирования выглядит сегодня как некоторая незавершённая мозаика из фрагментов, совместимости которых подчас уделяется мало внимания.

Представляется, что именно инвентарь семантических или когнитивных категорий способен проявить онтологическую структуру ЯКМ.

Вопрос о категориях далеко не нов, и не специфичен для когнитивной лингвистики – достаточно вспомнить традиции отечественной ономазиологии, которую сегодня называют ранней версией когнитивизма. В ее рамках как языковые сущности описывались понятийные и скрытые категории, грамматико-лексические, функционально-семантические, коммуникативно-прагматические и пр. поля, имеющие планом содержания те или иные мыслительные категории (обзор см. [Проблемы ..., с. 12-21]).

Для структурирования ЯКМ существенно не столько определение статуса категорий – считать ли их языковыми или концептуальными – сколько «исследование всех категорий нашей когнитивной системы, к которым относятся и языковые категории» [Лакофф, 1988, с. 47], т.е., именно инвентарь.

В ономазиологических исследованиях наряду с грамматическими категориями широко использовались традиционные мыслительные категории, восходящие к Аристотелю. Отрицая их эмпирическую фундированность, многие когнитологи, тем не менее, выделяют структуры, соотносительные с ними. В качестве примера Е.С. Кубрякова называет «семантические примитивы» А. Вежбицкой и «базовые концепты» Р. Джекендоффа [Кубрякова, 2000, с. 84-85]. В другой работе Р. Джекендофф под названием «главные онтологические категории» приводит практически тот же список, что и Аристотель: вещи, место, направление, действие, способ, количество, время и др. [Jackendoff, 1986, p. 50-56].

Полного списка подобных категорий пока еще нет, однако он может быть создан в процессе индуктивно-дедуктивных исследований реального языкового материала с использованием известной из теории понятийных категорий «челночной процедуры» анализа, объединяющей многократное обращение к материалу по пути «от содержания к формам» и обратно [Есперсен, 1958, с. 57-61]. Важны также процедуры обобщения, благодаря которым список включаемых в модель ЯКМ категорий может быть сокращен

до обозримого минимума: так, «место» и «направление» Р. Джекендоффа могут войти в единую категорию пространства, а «звук» и «запах» – в категорию явления. Возможность взаимного пересечения подобных речемыслительных структур не противоречит положениям когнитивной семантики (в частности, теории прототипов). Антропоцентризм современных наук о познании и языке побуждает включить в базовый список категорию «человек» с его соматическими характеристиками, внутренним миром и деятельностью.

Последняя из предложенных в данной статье линия систематизации касается различий субъектов ЯКМ. В этом плане выделимы универсальная (с субъектом – человечеством), национальная (субъект – этническое сообщество), групповая (субъекты – различные социальные, территориальные, субкультурные сообщества), индивидуальная ЯКМ. Из числа индивидуальных наиболее значимы художественные картины мира крупных творческих личностей, влияющих на развитие национального языка.

Подводя итог, хочется высказать надежду на то, что совокупность намеченных ракурсов и выделенных разрядов, не претендуя на полноту и завершенность, тем не менее, может послужить одной из возможных систем координат для дальнейших частных исследований концептов и категорий в аспекте их включения в целостную ЯКМ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика [Текст] : монография / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : ТГУ, 2000. – 123 с.
2. Галич, Г.Г. Когнитивная категория количества и ее реализация в современном немецком языке [Текст] : монография / Г.Г. Галич. – Омск : ОмГУ, 2002. – 208 с.
3. Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] : монография / О. Есперсен. – М. : Иностранная литература, 1958. – 404 с.
4. Залевская, А.А. Проблема признака как основания для взаимопонимания и для расхождений при межэтнических контактах [Текст] / А.А. Залевская // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М. : ИЯ РАН, 1996. – С. 163-175.
5. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – С. 36-44.
6. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] : монография / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
7. Касевич, В.Б. Языковые и текстовые знания [Текст] / В.Б. Касевич // Вопросы языкознания. 1990. – № 6. – С. 98-101.
8. Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык [Текст] : монография / В.Б. Касевич. – СПб. : СПбГУ, 2004. – 282 с.
9. Кубрякова, Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира [Текст] / Е.С. Кубрякова // Филология и культура. ч. III. – Тамбов : ТГУ, 1999 – С. 6-13.
10. Кубрякова, Е.С. О понятиях места, предмета и пространства [Текст] / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Яз.

рус. культ., 2000. – С. 84-92.

11. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов [Текст] / Дж. Лакофф //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М. : Прогресс, 1988. – С. 12-51.

12. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] : монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 314 с.

13. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры [Текст] / ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. – СПб : Наука, 2005. – 479 с.

14. Сусов, И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система [Текст] / И.П. Сусов //Языковое общение : Процессы и единицы. – Калинин : Изд-во КГУ, 1988. – С. 7-13.

15. Jackendoff, R. Semantics and Cognition [Text] / R. Jackendoff – Cambridge, 1986. – 283 p.

16. Rosch, E. Principles of Categorization [Text] / E. Rosch //Cognition and Categorization. – N.-Y. : Hillsdale, 1978. – P. 27-48.

ПРОБЛЕМА АКТУАЛИЗАЦИИ ФОЛЬКЛОРНОГО СОЗНАНИЯ В МЕМОРАТАХ

И.А. Голованов

Челябинский государственный педагогический университет

Modern memorat texts reflect motives and images of the folklore consciousness.

Для научного осмысления того, каким образом фольклор позволяет увидеть в обыденном бытийное, необходимо введение категории фольклорного сознания. Под **фольклорным сознанием** мы понимаем совокупность представлений, образов, идей, получающих свою репрезентацию в произведениях фольклора. Фольклорное сознание представляет собой особую духовную систему, которая живет относительно самостоятельной жизнью и которую невозможно анализировать изолированно от других явлений бытия носителей фольклора.

Поскольку фольклор выступает специфической формой художественного освоения действительности, фольклорное сознание имеет образную природу. Образы составляют его основное содержание, вокруг них группируются мотивы, стереотипы, представления. Фольклорный образ не просто отражает, но и обобщает действительность, раскрывая в единичном, случайном сущностное, неизменное, общее. Он всегда является результатом идеализации действительности: наряду с реальными чертами, отражает желаемые характеристики. Индивидуальные черты изображаемого не столь важны, более значимо то общее, что объединяет объект изображения с определенным типом объектов.

Главной проблемой фольклорного сознания является соотношение «человек – мир». В этом заключается его философская сущность, которая не исключает онтологической, гносеологической, аксиологической и эстетической его природы. К анализу этого отношения фольклорное сознание подходит с точки зрения не отдельного человека, а коллектива, социума.

В самом общем виде фольклорное сознание – это осмысление человеком мира и себя в этом мире через фольклорные мотивы, образы и сюжеты. Обращение к этим формам происходит подспудно, эти «готовые» конструкты хранятся на глубинном уровне сознания человека и могут быть воспроизведены им в различных ситуациях. В центре внимания настоящей статьи находятся *мемораты*, или фольклорные рассказы о событиях, основанные на собственных воспоминаниях рассказчика и воспринимаемые как достоверные.

Обратимся к недавним (2009 года) записям меморатов из нашего архива, в которых актуализированы образы и мотивы фольклорного сознания (что, собственно, и придает им фольклорный характер). Одна из наших информанток, женщина сорока с небольшим лет, рассказывая о своей судьбе и описывая реальные события своей жизни – в их хронологической последовательности, естественно для себя (но неожиданно в контексте всего рассказа) использует древний фольклорный мотив контакта с «иным» миром: ее любовь к молодому конголезцу в далекие восьмидесятые все окружающие однозначно осудили, и только «одна бабушка, на вокзале, подошла к ней и сказала: «Не бойся, милая, у тебя всё будет хорошо», и с этого момента всё изменилось». Далее информантка продолжила свой вполне реалистический рассказ. Однако то, что в ее сознании хранится приведенный эпизод, свидетельствует о его значимости в понимании судьбы этим человеком. В актуализированном мотиве переплелись представления о жизни и смерти, тайном и явном, прошлом и будущем. Образ незнакомой старушки, связанный с архетипом «предка», тотемного покровителя как мотив знания, недоступного для непосвященных, ее появление в критический для героини момент – всё это свидетельствует о влиянии на сознание современного человека глубинных образов и форм, отраженных в фольклоре.

Другой пример. Летом 2009 года, во время поэтической встречи на одной из южноуральских баз отдыха, миасский поэт Александр Петров, отвечая на вопрос, фаталист он или нет, «приоткрыл» отдельные стороны своего понимания мира: «Я вообще безбожник. Но верю, что что-то есть. <...> Когда мои дети были грудными, они спали в другой комнате. И ночью моя душа отлетала, выходила из меня. Я видел и себя, и детей – как они спокойно спят. И я тогда успокаивался. Самое трудное – это возвращение в свое тело. Это происходит как электрический разряд. Вообще взаимоотношения с потусторонним миром – это очень странно. Когда ты видишь сон, а в нем другой сон (сон о сне), то назад из третьего сна ты можешь не вернуться... Я сплю очень плохо... у меня всегда включен свет...». Несмотря на то что в данном случае перед нами результат индивидуального осмысления происходящего – сознанием шестидесятилетнего мужчины, это «индивидуальное» не что иное, как воспроизведение древнего мифологического, а точнее – фольклорного мотива. Описание ситуации «покидания» душой тела, особенно упоминание рассказчиком «электрического разряда», а также размышления о снах выводят его интерпретацию за пределы поля обыденности.

Мотив оставления душой тела для рассказчика важен прежде всего потому, что дает ответ на важнейший для него вопрос о природе его поэтического дара. Наличие некой субстанции, которая может временно закрепиться в определенном объекте – человеке, с одной стороны, позволяет ему более или менее понятно объяснить происхождение своего таланта, а с другой – заставляет заботиться о его сохранении и помнить об ответственности за него.

Важно подчеркнуть, что воспроизводство фольклорных мотивов в мемуарах происходит незаметно для самого рассказчика, он не отдает себе в этом отчет. Приведем в качестве доказательства фрагменты нашей беседы с коренным жителем Кыштыма, в прошлом лесником, Рябининым Германом Константиновичем, 1931 г.р. Во время объезда примечательных мест Кыштыма, который сопровождался рассказом об истории края, мой собеседник невольно выходил за рамки «официального» прошлого и обращался к событиям из своего личного опыта. Тема разговора плавно переходила от чувств, переполняющих рассказчика, к фактам истории, от воспоминаний о детстве к событиям пугачёвского восстания, и наоборот.

Рассказ о своей родине, о лично пережитом – это всегда та эмоциональная волна, которая и позволяет разворачиваться, органично функционировать фольклорным мотивам и сюжетам: «Кыштым – любимое место... Интересного много... Я вот здесь родился, школу закончил... поехал в институт... Но я получил вторую специальность – военную. Я же штурман. У меня было хорошее здоровье – я штурман был. Меня в армию не брали, просто в институте была кафедра военная... Вот сколько был, служил, летал, отлично летал. А не прикипел к этому полету, некоторые ребята там балдеют от того, что он летит: ой, полет! А мне – нет. Мне нравилась земля, город...»

На фоне такого эмоционального подъема рассказчик «вспоминает» о многом важном в своей судьбе и не только: «Там, где граница Азии и Европы, стоял деревянный столб с дощечкой... Однажды зимой дороги чистили, и я говорю: давайте, ребята, построим столб. Контакт у меня был с этим Смирновым, прорабом. Сделаем, давайте. И пошел, говорю: Анатолий Алексаных, дай бетону немножко. – Зачем? – Столб поставим. Ну, мы с ним и договорились. И всё. Значит, пришел к мужикам, говорю: сделать надо форму четырехгранную. Тумбу. <...> Вот я ее сделал. И немножко передвинули столб-то: он ближе сюда стоял, а там чуть дальше родник на горе. И мы взяли и сделали там на роднике: родник из-под столба. Сделали внизу арочку и поставили столб. А второй-то раз <...> Приехали туда – досок взяли мало. Срубили три осины, связали вверху, поставили, обшили их досками... бетон залили в эту стелу. А еще я зашел в гараж... нашел вот такую доску, ну, не доску, а железный кусок и к нему у сварщика приварил. Вот. И значит, залили и туда выставили... Дальше тут у нас был художник знаменитый – Трубовщиков. Не слышали? Трубовщиков. Самый знаменитый кыштымский художник был. Ну, я пошел к Михал Николаичу: напиши «Европа – Азия». Написал. Всё. Поставили. И вот теперь столб стоит. Но только он получился не четырех-, как в Златоусте, а трехгранный <...> Мы

Азии немножко прибавили. Чуть-чуть нарезали у Европы...». Перед нами разворачивается не просто повествование о действительно произошедших событиях, рассказчик невольно «интерпретирует» их в фольклорном духе – в русле преданий о деяниях культурного героя, ибо только культурному герою позволено менять границы пространства.

Поводом к меморату становится рассказ из далекого прошлого, а он притягивает все остальные впечатления рассказчика, хранящиеся в памяти. Именно они являются благодатной почвой для фольклорного повествования. В сознании происходит «смыкание» разных фольклорных мотивов, бережно сохраняемых фольклорным сознанием. Один мотив «лепится» к другому – и возникает фольклорный текст: «...это в детстве у меня было. ...мы с мамой ночевали, точнее не ночевали, а вечером пошли и пришли к избушке у речки, вот. В избушке – корова, лошадь и старик. Вот, мама его знала. Пришли, поели. Когда поели и спать еще не легли, сели, сидим, разговариваем. Мама-то у него спрашивает: «Дед, слушай, у тебя ведь в городе семья, дети прекрасные, дом, а ты всё время вот здесь живешь. Что тебя тут такое держит?». А он, вот не знаю, соврал или правду рассказал, но говорит так: «А вот знаешь, не могу отвязаться от того, что было в молодости». Я, говорит, в юности любил охоту, пошел однажды на охоту и подстрелили козла. Я, говорит, за ним. И в этих местах стало темнеть и дождичек накапывать. Смотрю, где спрятаться... там такая пещерка... Я туда, в пещерку, и думаю – заночую, а утром домой. Ну, ночевать – это огонь надо, надо осветить, темно. Спичку зажег и вижу, говорит, стенка-то кварцевая, а по ней – он вот так показал – вот такой толщины (в толщину запястья) – золотая жила. А в Кыштыме все занимались мытьем золота. И он сразу – дождик не кончился – веточки заломил, заметил место – и домой. Прибежал ночью домой, взял инструмент, какой надо, причем залез, говорит, во двор – никому ничего не сказал. Не разбудил никого, взял и ушел. И к утру сюда, говорит, вернулся. Пришел, подхожу, вот здесь, вот веточка заломлена, вот место. Нету этой пещерки. Как так? Вот опять начинает, снова. Всё обыскал – нету пещерки. Значит, весь день проискал, второй – нету. Ушел домой. Домой, говорит, как спать лег – всё перед глазами. И чего не мог найти? Вот же где, вот, вот. Опять туда. Опять проискал там сколько-то времени: день, два ли, не знаю. Нет и всё. И вот, говорит, как уеду домой, так опять вижу всё: вот где и вот где. Как приеду сюда – не могу. И так, говорит, всю жизнь здесь живу. Вот целое хозяйство сделал, коровёнку завел... Это где-то в двадцатые годы произошло. А утром поехали на покос, и больше я с ним не встречался и не общался. Вот. Но, значит, такое у меня вот произошло однажды. Недавно. Вот здесь вот я был в районе... там есть гора, горка – Пугачёвка называется. Вот она, по ту сторону реки. И там, при спуске с этой горы, есть грот. Ну, грот и грот. Я ездил мимо сколько раз, даже не обращал внимания. А тут поехали, и этот грот... сфотографировали. Забрались в грот, а солнышко зашло, и грот темный, и такая вот полоса идет из слюды, и эта слюда какая-то вот такая желтая, как золото! Вот. И эта полоса, внутри породы, светится. И вот я подумал... что не исключено, что он нашел слюду – а уж тем более

спичку зажег – свет красноватый, слюда могла бликовать. Тем более что он говорил: «Я не знаю, было это со мной или я во сне это видел?»

В приведенном тексте реализована типичная особенность фольклорного сознания: через воспоминание о собственном детстве рассказчик обращается к «истории» старика, с которым произошел необычный случай. Так фольклорное повествование, будучи актуализацией образного мышления носителя фольклора, развивается от одной точки в прошлом к другой, находящейся в еще более далеком прошлом, и все это развернуто к настоящему, а возможно, и к будущему. Примечательно, что затронутая в рассказе тема актуальна для уральцев и сегодня: поиски золота на Южном Урале, и в частности в окрестностях Кыштыма, ведутся простыми людьми по сей день.

Перед нами типичный пример мемората, где личные впечатления рассказчика подкреплены фактами реальной истории. Основное ядро текста составляет повествование о золотой жиле, которое строится на сочетании мотивов «золото показывается (блзнится)» и «золотой клад не дается». При этом информант, рассказывая «историю в истории», пытается дать ей прагматическое объяснение.

Назовем характерные особенности использования фольклорных мотивов в современности. Их актуализация отмечается на фоне вполне рационально выстроенного, осмысленного и личностно переживаемого рассказа и обязательно при наличии атмосферы доверительности, когда у коммуникантов возникает ощущение духовной близости сродни «кругу посвященных, доверенных лиц».

Таким образом, в меморатах как индивидуальных воспоминаниях человека, благодаря традиционным мотивам, хранящимся в фольклорном сознании, ставятся жизненно важные вопросы о судьбе, жизни и смерти, о природе человеческого бытия.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО

(на материале модельных личностей уральских лингвистов)

Е.И. Голованова

Челябинский государственный университет

The article gives lexicographic description of individual scientist language, shows its implementation in the dictionary in terms model personalities of Uralic linguists.

Исследование профессиональной языковой личности – одно из приоритетных направлений современного терминоведения. Понятие личности, прежде разрабатываемое в философии, психологии, социологии и педагогике, в конце XX века стало важнейшим понятием междисциплинарных наук. Личность профессионала представляет научный интерес как совокупность способностей, знаний, интересов, как носитель особого типа сознания, специального языка и групповой культуры.

Трудность изучения профессиональной языковой личности заключается в выборе объекта исследования, так как искомая индивидуальная личность должна быть типом личности, в ее особенностях должны находить проявление общезначимые отношения и характеристики. В данном исследовании центральным объектом наблюдения и исследования стали три модельных личности уральских лингвистов – В.П. Тимофеева, В.Ф. Житникова и Л.А. Шкатовой. Их объединяет принадлежность к одному типу профессиональной языковой личности, а именно личности ученого.

Понятие «профессиональная языковая личность» вошло в научный обиход сравнительно недавно. Его появление связано с развитием когнитивно-коммуникативного направления в лингвистике. Данное понятие самым тесным образом связано с такими понятиями, как «профессия», «профессиональная коммуникация», «профессиональный дискурс», «профессиональная среда», «профессиональная картина мира». Под профессиональной личностью подразумевается совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности. За любыми действиями, поступками той или иной личности, ее отношением к другим людям стоит комплекс присущих личности (а значит, и соответствующей профессиональной субкультуре) идей, ценностей, взглядов, потребностей, интересов и моральных убеждений.

Каждый человек, вовлеченный в профессиональную деятельность как в активный процесс по преобразованию мира, включается в уникальный социокультурный контекст и в дальнейшем выстраивает собственную мыслительную деятельность и поведение в соответствии с ним. Профессиональная языковая личность раскрывается в особенностях производимых ею текстов, в своеобразии принадлежащего личности профессионального дискурса, подчиненного целям и задачам профессиональной коммуникации.

По нашему убеждению, для получения адекватных данных о содержании профессиональной языковой личности ее анализ следует вести по трем уровням: 1) уровень профессионального сознания (концепты и домены как ментальные образования, отражающие структуру специального опыта), 2) вербальный уровень (коррелирующие со структурами сознания системы и микросистемы специальных наименований – терминов, профессионализмов, номенклатурных знаков), 3) мотивационно-прагматический уровень. На основе анализа разнообразных текстов профессиональной коммуникации возможно выявить набор составляющих языковой личности профессионала, описать их структурную организацию, охарактеризовать различные способы репрезентации профессиональной личности в ее текстах.

Для изучения профессиональной языковой личности с когнитивных позиций целесообразно выделять различные ее типы – в соответствии с основным характером производимой человеком деятельности, поскольку

именно в деятельности происходит «и развитие когнитивных способностей, и концептуализация мира, и формирование структур знаний, выражаемых языком» [Позднякова, 1999, с. 23].

Ученый – это особый тип профессиональной личности. На его речь и стиль мышления оказывают влияние постоянная рефлексия и саморефлексия, «внутренний диалог», стремление классифицировать явления окружающей действительности, обнаруживать сходное и различное между объектами, выявлять закономерности их функционирования и воплощать свои наблюдения в слове.

Для ученого как личности рефлексивного типа наиболее характерна деятельность теоретического характера. Целью теоретического познания является постижение истины (приближение к истине), получение знания, соответствующего объективному положению дел. Ведущий способ познания – анализ, поиск у предметов дифференцирующих, различительных признаков. Ключевая единица данного типа познания – понятие, которое логически конструируется, о его содержании договариваются. На языковом уровне понятию соответствуют термины.

Профессиональная языковая личность ученого исследуется нами на основе анализа опубликованных научных трудов. В центре внимания оказываются предпочтения в выборе прецедентных текстов, «авторская» терминология, стиль заголовков научных статей, типизированные речевые конструкции и проч. Привлекаются и «фоновые» сведения, в частности особенности проявления личностного начала в научном дискурсе (в текстах посвящений к научным трудам, в авторских комментариях и т.п.).

Наиболее адекватный путь реконструкции языковой личности ученого – создание словаря. Рассмотрим его особенности на примере составленного нами словаря языковой личности доктора филологических наук, профессора, действительного члена Петровской академии наук и искусств Л.А. Шкатовой [Голованова, 2009].

В структуре профессиональной языковой личности ученого мы выделяем три параметра: 1) *профессиональные знания*, получающие реализацию в используемых личностью терминах и других специальных единицах; 2) *индивидуальные личностные смыслы*, отраженные в ключевых словах, сквозных темах и проблемах профессионально ориентированной коммуникации; 3) *мотивационно-прагматический параметр*, проявляющийся в отборе личностью прецедентных имен и прецедентных текстов, предпочтении монологических или диалогических форм коммуникации, ориентации на национально-культурные или инокультурные стереотипы общения и соответствующие языковые средства.

В соответствии с названными параметрами в словаре выделяется три раздела: «Научное содержание концептосферы», «Индивидуальные личностные смыслы», «Прецедентные тексты и имена». Каждый из этих разделов репрезентирует важную часть структуры языковой личности ученого.

Первый раздел объективирует содержание *когнитивных структур*, то есть структур, связанных с познанием личности. В данном разделе представлены научные понятия, которые составляют главный познавательный интерес Л.А. Шкатовой и с которыми связан ее вклад в науку. Второй раздел эксплицирует *концептуальные структуры*, или наиболее значимые для мыслительной деятельности личности базовые смыслы, определяемые принятой ею системой ценностей. Данные концепты не только мыслятся, но и переживаются. Их совокупность формируется всем разнообразием деятельности человека на протяжении его жизни. В третьем разделе представлены прецедентные тексты и прецедентные имена, воспроизведенные личностью в текстах. Выбор имени в качестве объекта познания или обращение к нему как средству аргументации, использование тех или иных значимых для культуры текстов ярко характеризует анализируемую языковую личность, поскольку этот выбор всегда осознан.

Ключевыми для личности Л.А. Шкатовой выступают такие понятия, как *имидж, межкультурная коммуникация, корпоративная культура, лингвокультурная грамотность, профессиональный коммуникатор, речевое поведение, язык города* и др. Полный перечень терминов демонстрирует широту научных интересов ученого. Отобранные для словаря единицы представлены в заголовках и текстах научных трудов, имеют дробную классификацию и развитые парадигматические связи. Мы посчитали возможным включить в словарь, помимо заголовков работ самого автора, названия кандидатских диссертаций, выполненных под руководством Л.А. Шкатовой (они подаются после значка ■).

ИМИДЖ

Заголовки: Преподаватель: имидж или облик?; Имидж преподавателя в корпоративной культуре вуза

Имидж – единица символического мира, он выступает как знаковый заменитель, отражающий основные черты организации или человека, причем это могут быть черты, которые хотят на нас спроецировать (Преподаватель: имидж или облик? С. 329).

Антропоцентризм современного бытия проявляется на разных уровнях: в бытовой сфере – в растущем осознании человеком себя как индивидуальности, неповторимой личности, требующей особого внимания к своей персоне <...>; в деловом общении – в понимании большой роли «человеческого фактора» в достижениях и неудачах учреждений и предприятий; в области политики – в стремлении создать позитивный **имидж**, привлекательный для электората... (Диалог как способ выживания, с. 51)

В наше время **имидж** стал ходким товаром, благодаря которому одной из развитых сервисных индустрий стала политическая и торговая реклама. В связи с возрастающим спросом на имиджирование появилась новая сфера деятельности – имиджмейкинг, новая профессия – имиджмейкер, то есть специалист по конструированию имиджа личности и различных деловых

структур. Стали актуальными новые понятия «**имидж** вуза», «**имидж** преподавателя» (Преподаватель: имидж или облик? С. 325).

> **Имиджевый**

Заголовки: ■ Отражение корпоративной культуры вуза в имиджевом дискурсе

Функционирование русского языка в современном обществе обусловлено, в частности, социальным заказом на поведенческие науки, ориентированные на регулирование социального взаимодействия. Эти ориентации представляют собой конструкты, выраженные речевыми формулами. Это и поиск «русской идеи» взамен прежней «Православие, самодержавие, народность», и слоганы в рекламе, и **имиджевые** регуляторы типа «Правда. Порядок. Законность», и максимы, формулируемые лингвопрагматиками, и лаконичные тексты, определяющие миссию той или иной организации (Прагмалингвистический аспект межкультурных коммуникаций, с. 15).

Второй раздел репрезентирует такие важные для Людмилы Александровны концепты, как *идея, проект, новый, обучение, профессия, модель, технология, управление, русский язык, учитель, слово* и др. Среди перечисленных сущностей выделяются универсальные концепты (*идея, профессия, модель*); концепты, имеющие национально-культурную специфику (*слово, учитель*), и индивидуально маркированные концепты (*новый, обучение, русский язык* и др.). В целом в разделе в вербализованном виде представлены наиболее характерные для описываемой личности смыслы, сформированные под влиянием национальной культуры и социальной среды как важнейших факторов социализации личности.

УЧИТЕЛЬ (= Преподаватель)

Заголовки: Приемы педагогического воздействия в ситуациях «учитель-ученики»; Слово об Учителе

...несомненно отличие языкового сознания русского и американского **учителя**, воспитателя, **преподавателя**. Навязываемые нам стереотипы чужого поведения встречают явное или скрытое (неосознанное) сопротивление как со стороны представителей данной профессии, так и всего общества (Клиентурное речевое поведение: межкультурные аспекты, с. 219).

Преподавателя можно отнести к харизматическим личностям: «**ХАРИЗМАТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ**. Этот концепт в русской культуре – новый, и само словосочетание может рассматриваться как неологизм. Под харизматической личностью понимается личность, нравственно обаятельная, увлекающая за собой других (будь то в обыденной жизни, в искусстве или политике) (Ю.С. Степанов. Константы, с. 740)». **Учитель** (педагог, преподаватель) уже в силу специфики своей деятельности наделяется в сознании россиян этими качествами... (Преподаватель: имидж или облик?. С. 327).

Считать делом чести каждого **преподавателя** и сотрудника филологических кафедр, **учителя-словесника**, ведущего краеведческую работу, выступления на страницах местной печати, по областному радио и

телевидению, поднимающие уровень духовной культуры в Уральском регионе (Изучение языка уральского города, с. 67).

Третий раздел состоит из собственных имен лиц и микротекстов, включенных в научные труды ученого. Конечно же, перечень имен, приведенных в словаре, далеко не полон и формат сборника не позволил нам привести его целиком. В ряду собственных имен выделяется группа зарубежных и отечественных ученых: *Н. Винер, А. Маслоу, Т.М. Дридзе, В.В. Виноградов, М.В. Ломоносов*; поэтов и писателей: *А.А. Блок, В.А. Жуковский, Ф.И. Тютчев, В.Я. Брюсов, П.П. Бажов*; лексикографов: *В.И. Даль, В.П. Бирюков*; педагогов: *К.Д. Ушинский*. Эти имена создают «личностный ореол» вокруг образа ученого, высвечивают духовное и коммуникативное богатство его личности.

ЛИЦА НЕОБЩИМ ВЫРАЖЕНИЕМ

В противовес этой одноликости жители Челябинска предлагают обозначения, которые, на их взгляд, могли бы подчеркнуть самобытность городской географии и истории. «Лица необщим выраженьем», с их точки зрения, могли бы отличаться улицы Рябиновая горка, Серебряный остров, Яблоневый спуск, облик края подчеркнули бы названия: *Металлистов, Токарная, Мастерская, Старателей* и др. («Языковой код» уральского города, с. 73).

Как видно из приведенных примеров, словарная статья включает ряд зон: 1) заголовочное слово (сочетание слов); 2) названия работ, содержащих заголовочное слово; 3) цитаты из научных текстов; 4) частотные производные наименования; 5) типичные для заголовочного слова синтагматические связи (реализованные валентности атрибутивного или объектного типа); 6) парадигматические отношения (синонимы, гипонимы заголовочного слова).

Представляется, что подобный словарь, как и исследование в целом, будет способствовать более глубокому пониманию профессиональной личности ученого, особенностей его научного познания и стиля мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованова, Е.И. Словарь языковой личности Л.А. Шкатовой [Текст] / Е.И. Голованова // Проблемы номинации и речевой коммуникации в профессиональной среде : сб. науч. тр. в честь проф. Л.А. Шкатовой. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – С. 10-49.
2. Позднякова, Е.М. Словообразовательная категория имен деятеля в английском языке (когнитивный аспект исследования) [Текст] / Е.М. Позднякова – М.; Тамбов, 1999.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ СИСТЕМЫ

И.В. Денисова

Челябинский государственный университет

The article deals with the gender stereotypes as one of the main means of forming the gender system. The attitude to men and women and the relationships

between them are often determined by the gender stereotypes which exist in the given society and are imposed by the culture.

Важную роль в развитии и поддержании гендерной системы играет сознание людей. Конструирование гендерного сознания индивидов происходит посредством распространения и поддержания гендерных стереотипов. Понятие «стереотип» впервые было введено американским журналистом Уолтером Липпманом в работе «Общественное мнение» в 1922 году. Липпман трактовал стереотипы как избирательный и неточный способ восприятия действительности, ведущий к ее упрощению и порождающий предрассудки [Приводится по: Рябова, 2003, с. 120]. Вместе с тем Липпман высказал идею о том, что стереотипы являются неизбежными, будучи объективной функцией взаимодействия человека и окружающей его действительности и проекцией на мир собственных чувств, ценностей человека [Там же].

Стереотип – это суждение, в заостренно упрощающей и обобщающей форме, с эмоциональной окраской приписывающее определённому классу лиц некоторые свойства или, наоборот, отказывающее им в этих свойствах. Стереотипы рассматриваются как особые формы обработки информации, облегчающие ориентацию человека в мире.

При таком понимании стереотипа выделяются две его важные черты – детерминированность культурой и быть средством экономии трудовых усилий, и соответственно, языковых средств. Если алгоритмы решения математических задач экономят мышление человека, то стереотипы «экономят» саму личность [Маслова, 2001, с. 109].

Стереотипы имеют несколько функций:

1. когнитивную, заключающуюся в упорядочении информации: функцию схематизации и упрощения, функцию формирования и хранения групповой идеологии;
2. аффективную, противопоставляющую «своего» и «чужого»;
3. социальную, разграничивающую внутригрупповые и внегрупповые явления.

Итак, стереотип характерен для сознания и языка представителя культуры, он своего рода стержень культуры, ее яркий представитель, а потому опора личности в диалоге культур [Маслова, 2001, с. 111]. Мы можем сделать вывод, что мы живем в мире стереотипов, навязанных нам культурой.

Гендерные стереотипы являются частным случаем стереотипа. Гендерные стереотипы представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерный стереотип – схематизированный обобщенный образ женственности/феминности и мужественности/маскулинности [Рябова, 2003, с. 120].

В.А. Маслова пишет, что гендерные стереотипы – это система представлений о том, как должны вести себя мужчина и женщина. Было

установлено, что у мужчин и женщин различны и стратегии поведения, и стратегии речевой коммуникации [Маслова, 2001, с. 125].

В своей основе гендерные стереотипы имеют, прежде всего, биологические различия. Но, в то же время, эти биологические различия находят своё преломление в обществе, и отношение к мужчинам и женщинам, а также взаимоотношения между ними часто определяются не реальностью, а стереотипами, которые сложились в данном социуме и передаются из поколения в поколение. Гендерные стереотипы, как и другие стереотипы сознания и поведения, несут на себе печать архаических представлений, коренящихся в традиционной культуре.

Гендерные системы различаются в разных обществах, однако в каждом обществе эти системы асимметричны таким образом, что мужчины и всё «мужское/маскулинное» (речь, черты характера, модели поведения, профессии и прочее) считаются значимыми и доминирующими, а женщины и всё «женское/фемининное» определяются как незначительное и подчиненное. Гендерная система как таковая отражает асимметричные культурные оценки и ожидания, адресуемые людям в зависимости от их пола. Социальные нормы с течением времени меняются, однако гендерная асимметрия остается.

Ядром концепции социального конструирования гендера является теория гендеризма Ирвина Гофмана, объясняющая, кем и как создаются гендерные отношения. Хотя И. Гофман и стоит на эссенциалистских позициях (половые различия у него являются выражением естественной сущности индивидов), они рассматриваются им на уровне социального взаимодействия, но на основе обобщенных символов. И. Гофман вводит базовое для конструктивизма понятие – гендерный дисплей (проявление индивида в своей принадлежности к определенному полу) [Гофман, 2001]. Процесс коммуникации всегда сопровождается процессом создания гендера (doing gender), т.е. приписывания собеседника к определенному полу, который осуществляется посредством гендерного дисплея. Стоит отметить, что «дисплеем» в современной западной историко-социологической литературе именуется бесчисленное разнообразие «культурных составляющих пола».

По И. Гофману, институционализация и ритуализация пола являются основой гендерного дисплея, необходимые для раскрытия механизма создания стереотипов, навязывающих определенный стиль поведения, приписываемого тому или иному полу в обществе. Институционализация пола выражается в общественном порядке и общественных установках, проявляющихся в коммуникации. Социальное взаимодействие предполагает соблюдение и определенных ритуалов, в основе многих из которых лежит гендер. Вся наша жизнь пронизана дихотомией мужское – женское. Стиль одежды, причёски, голоса и интонации, имена, формы обращения, выбор лексики – всё это ритуализирует гендерную идентичность, которая регламентируется обществом. Если дисплей не вписывается в общепринятые нормы, его исполнитель оказывается в ситуации гендерной проблемы, т.е.

сталкивается с сомнением общества в его социальной компетенции как мужчины или женщины.

Проанализировав данные исследований, проводимых многими лингвистами – гендерологами (Р. Унгер, А. В. Кирилина, О. А. Хасбулатова), мы пришли к выводу, что язык зафиксировал патриархальную установку: в нем прочно закрепились стереотипы, согласно которым женщине присущи многие пороки, поэтому сравнение с ней мужчины – всегда несет негативную окраску: болтлив, любопытен, кокетлив, самовлюблен, капризен, истеричен как женщина, женская логика; женщину же сравнение с мужчиной только украшает: мужской ум, мужская хватка, мужской характер.

Таким образом, гендерные стереотипы являются одним из основных способов формирования гендерной системы; они влияют на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения, в том числе и речевого. Гендерные стереотипы очень упрощают реальную ситуацию, однако в коллективном общественном сознании они закрепились прочно и меняются медленно. Кроме того, изучение гендерных стереотипов играет основополагающую роль в анализе проблемы языковой репрезентации гендера. Однако необходимо учитывать, что существуют факторы, влияющие на гендерную стереотипизацию, – этническая и расовая принадлежность человека, его возраст, профессиональный статус и ряд других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гофман, И. Гендерный дисплей [Текст] / И. Гофман // Введение в гендерные исследования. Ч. 2 : Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. – Харьков : ХЦГИ, 2001; СПб. : Алетейя, 2001. – С. 306-335.
2. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
3. Рябова, Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований [Текст] / Т. Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. – Вып. 1–2. – М., 2003. – С. 120-139.

СТИЛИСТИКА ЭПОХИ И СПОСОБЫ ЕЕ ВОССОЗДАНИЯ В МЕТАИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ В.Я. БРЮСОВА

М.А. Дубова

Коломенский государственный педагогический институт

In the middle of the article there is a problem of art style of Silver century. Means styles of the Brusov' s historical novels as a component of common style, «forma formans».

Вопрос о стиле искусства Серебряного века, а также присущих ему внутренних напластованиях и их динамике, когда «все минувшие эпохи способны как бы оживать, тесня друг друга на стыках, анализируя различные свои сущностные моменты» [Бергер, 1990, с. 42], привлекает многих современных исследователей, филологов и культурологов.

Действительно, размышления над природой Слова оказались в центре философских и художественных медитаций той эпохи. «Абсолютный дух,

вызвавший из небытия духовный и внешний мир, содержит, как универсальное сознание, весь мир идей. И весь материальный мир... – это язык, озаменованный, символический, которым говорит с нами Божество», – отмечал Вл. Эрн, стремясь обосновать связь русского слова и культуры. [Эрн, 1990, с. 46].

Философия слова-символа, разработанная символистами, реализовала идеи Вл. Соловьева, Вл. Эрна, П. Флоренского, имеславческого движения, лингвистические разработки А. Потебни [Бонецкая, 1988, с. 21].

Чаемое «жизнетворчество» как культурная парадигма обусловило особую связь поэтики и эстетики символизма в контрапункте Слова с магией, мифом, мистерией и, конечно, музыкой. Культурологическая идея «жизнетворчества» нашла свою реализацию в художественно-эстетической стилизации, столь ярко и оригинально явленной в произведениях Н. Минского, Д. Мережковского, Вяч. Иванова, В. Брюсова, З. Гиппиус, Ф. Сологуба...

Безбрежная стилевая полифония русской литературы конца XIX – начала XX вв. нередко вызывала упреки в эклектизме и вторичности. Однако художественно-эстетическая стилизация была предопределена самой сутью мироощущения писателей и художников Серебряного века. Символизм явил не только бесчисленные талантливые стилизации минувших эпох, но – прежде всего – единственный и неповторимый стиль культуры Серебряного века.

Если исходить из определения стиля как «формы форм» (Д.С. Лихачев), то русский символизм в полном смысле является «большим стилем», «*Forma formans*» [Искржицкая, 1997, с. 172].

«Русские художники... почти бессознательно... увлекаемые к игре стилями и формами прошлых веков, обобщают и резюмируют столетие европейского искусства в широко охватывающих исторических панорамах», – утверждал М. Волошин [Волошин, 1914, с. 269].

Наиболее ярко эта черта реализовалась в исторической прозе В.Я. Брюсова. Символизм был понят им не только как широкое духовное течение, далеко выходящее за пределы искусства, но и как новый способ овладения художественным материалом.

Одна из центральных черт творческого метода писателя – историзм, причем историзм образный, что особенно видно, если сравнить стиль его художественных произведений с его же научными историческими трудами. «Историческая жажда Брюсова» всё время пыталась «найти утолнение» [Шервинский, 1964, с. 506].

Писателя особенно привлекали эпохи, отмеченные «сдвигами в сознании народов и критическими ситуациями в их судьбах» [Пуришев, 1974, с. 328]. Он, несомненно, искал в них структурно-исторические аналоги своему переломному времени.

Брюсовские романы-стиликации – это романы-имитации «правдивых повестей» прошлых эпох, где «чужой» стиль совпадает с его собственным стилем, становится «своим». Вот почему Брюсов – человек начала XX века

совпадает в некоторых существенных особенностях с Рупрехтом—современником Реформации в Германии XVI века и с Юнием, живущим в Риме IV века [Пуришев, 1974, с. 329]. Аналогии между культурными эпохами подчеркивают общечеловеческий, всемирный характер брюсовского героя, для которого красноречие (риторика) – это словесная магия, преодолевающая хаос.

Стиль – ключевой символ в метаисторических романах Брюсова, внутренний мир которых мало затронут процессами символизации поэтики. Символизация разворачивается, прежде всего, на границах произведений, обостряя чувство контекста (жизненного и литературного). Символом является текст в целом. Подчеркнутая «литературность» («словесная магия») романов Брюсова акцентировала семиотический аспект искусств.

В своих исторических романах В.Я. Брюсов предпринял попытку создания «аппарата изысканных реминисценций, примет воспроизводимых эпох» [Блок, Брюсов, 1907, с. 12].

Практически все исследователи отмечают почти «научную точность, документальность Брюсова в воспроизведении как исторического, так и биографического содержания. Его роман «Огненный ангел», с одной стороны, сопровождается приблизительно 300 примечаниями [Воспоминания..., 1993, с. 49]. С другой стороны, за историческими коллизиями угадываются конкретные прототипы: Нина Ивановна Петровская, А. Белый, сам В. Брюсов; за «старым Кёльном» – «быт Москвы...» [Белый, 1990, с. 308.].

Особенность историзма «Огненного ангела» не в воссоздании внешних примет эпохи, или портретов и характеров исторических деятелей, а в воспроизведении типа мышления современников эпохи Возрождения и Реформации: ученых, священнослужителей, рыцарей, простолюдинов и пр.

На передний план выдвигается не мистика и не любовь героев, а написание книги, процесс творчества, освобождающий от тягостной реальной действительности. Таким образом, Брюсову принципиально важна внешняя, материализованная форма его романа как книги, как элемента третьего аспекта художественной культуры – аспекта институционального [Каган, 1987, с. 8].

В 1910-е годы В. Брюсов создал еще два исторических романа – «Алтарь Победы» (1911-1912 гг.) и его незаконченное продолжение «Юпитер поверженный» (1913 г.). Исследователи отмечают «более конкретный историзм» [Гаспаров, 1974, с. 544], отличающий эти романы, посвященные Риму IV в. н.э., от «Огненного ангела».

В романах достаточно широко отражены экономические и политические явления Рима накануне гибели античной культуры; здесь теория самозамкнутых цивилизаций сменилась в сознании Брюсова идеей преемственности [Гаспаров, 1974, с. 58].

Метаисторически мыслящий философ вновь рассматривает не события, а «стилистику» эпохи. Создавая исторический фон «Алтаря Победы»,

Брюсов гораздо тщательнее, чем в «Огненном ангеле» воспроизводит детали прошлого, сопровождая повествование обстоятельными комментариями.

С. Абрамович справедливо заметил, что «область иррационально-абсурдного уже в этих романах, чем в «Огненном ангеле». Если в первом романе сквозь мир физический просвечивал мир метафизический, то в романах 900-х годов мистического аспекта бытия нет. Столкновение двух религий – это, прежде всего, политическая борьба, а не схватка Бога и Дьявола...» [Брюсов, 1974, с. 58].

Прав М.Л. Гаспаров, отметивший, что «Брюсов создал эффектную стилистическую перспективу между рассказчиком и рассказом. Первые главы «Юпитера поверженного» – отличный образец имитации стиля латинских христианских авторов...» [Гаспаров, 1974, с. 500].

В понятии «стиля» у Брюсова совпали два значения: стиль как выражение духа эпохи, самобытной неповторимости культуры, имеющей словесный, риторический характер, и стиль как средство воплощения содержания в форме.

Наверное, можно считать две «повести», написанные Юнием («Алтарь победы», «Юпитер поверженный») единым романом, автором которого является Брюсов. Снова возникает игра автора-творца и автора-рассказчика. «Примечания» и «Приложения» имеют научно-исторический характер, дополняют представление читателя об эпохе сведениями об экономике, социальном, бытовом укладе позднего Рима, а также включают в себя список указанных самим Брюсовым источников, которыми он пользовался при написании романа.

Тем не менее «археологический», «компиляторский» историзм Брюсова – вольно или невольно – воспроизводит характер языческой историографии IV века, сплошь построенной как компиляции и бревиарии. В.П. Уколова объясняет такую особенность римских историков IV века следующим образом: «Иногда создается впечатление, что образованные люди этой эпохи были заняты преимущественно упаковкой интеллектуального культурного наследия предшествующей эпохи, стараясь сохранить и спрессовать как можно больше разнообразных знаний. Это заставляет думать, что они... ощущали переломный характер времени, стремились к «утилизации» культурного опыта человечества перед угрозой надвигающейся варваризации общества» [Уколова, 1992, с. 41].

Снова, как в «Огненном ангеле», совпали прошлое и настоящее, художественное и внехудожественное, реальная жизнь В.Я. Брюсова и жизнь его героя – Юния Норбута – слились в единый «текст» культуры.

По сравнению с первым романом, в дилогии менее очевиден автобиографический подтекст сюжета, но герой по-прежнему соотносим с Брюсовым как автор с автором, как литератор с литератором.

В исторических романах В. Брюсова налицо интерес писателя к отличительным чертам различных культур, к самим декорациям эпох в их специфике. Вследствие этого историзм Брюсова (которым гордился сам писатель) – можно оценить как «декорационный историзм» [Силард, 1984,

с.76]. Действительно, провозглашаемый Брюсовым «археологизм» основой имеет не «объективность историка», как казалось самому Брюсову, а интерес к отличительным знакам иной культуры. Вот почему, как замечает сам писатель в одном из вариантов предисловия к «Алтарю Победы», он старается «употреблять латинские названия некоторых вещей и явлений, так как соответствующие им русские слова имеют не совсем то же значение» [Брюсов, 1975, с. 21].

Внимание Брюсова сосредоточено на словесном воплощении материала. Писатель проявляет себя мастером словесной декорации. В его искусстве сказывается острая потребность мышления стилями, противопоставлявшаяся эпохой рубежа веков «бесстильному» XIX веку не только в литературе, но и в живописи и в театре. Умение творить из культурных реминисценций словесный археологизирующий орнамент – отличительная черта стиля исторической прозы В. Брюсова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый, А. Начало века [Текст] / А.Белый. – М., 1990.
2. Бергер, Л.Г. Пространственный образ мира в структуре художественного стиля [Текст] / Л.Г. Бергер // Эстетический логос. – М., 1990.
3. Блок А. Земная ось [Текст] / А. Блок, В. Брюсов // Золотое руно, 1907. – №1.
4. Бонецкая, Н.К. «Магичность слова» и «Имеславие как философская предпосылка» П. А. Флоренского : Слово в теории языка П. А. Флоренского [Текст] / Н.К. Бонецкая // Studia Slavica Hung. 34/1-4. – Budapest, 1988.
5. Брюсов, В.Я. Огненный ангел [Текст] / В. Я. Брюсов // Собр. соч.: в 7 тт. Т.4. – М., 1974.
6. Брюсов, В. Алтарь Победы [Текст] / В. Брюсов // Собр. соч.: в 7-ми тт. Т.5. – М., 1975.
7. Волошин, М. Лики творчества [Текст] / М. Волошин – Спб., 1914. – Кн.1.
8. Воспоминания о Серебряном веке [Текст] / М., 1993.
9. Гаспаров, М.Л. Брюсов и античность [Текст] / М.Л. Гаспаров // Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7тт. – М., 1974. – Т.5.
10. Искржицкая, И.Ю. Культурологический аспект литературы русского символизма [Текст] / И.Ю. Искржицкая. – М., 1997.
11. Каган, М.С. Искусство как феномен культуры [Текст] / М.С. Каган // Искусство в системе культуры. – Л., 1987.
12. Пуришев, Б.И. Брюсов и немецкая культура XVI века [Текст] / Б.И. Пуришев // Брюсов В. Я. Собр. соч.: в 7-ми тт. – М., 1974. – Т.4.
13. Силард, Л. Поэтика символистского романа конца XIX– начала XX [Текст] /Л. Силард // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. – Л., 1984.
14. Уколова, В.П. Поздний Рим. Пять портретов [Текст] / В.П.Уколова. – М., 1992.
15. Шервинский, С.В. Ранние встречи с В. Брюсовым. [Текст] / С.В. Шервинский // Брюсовские чтения 1963 года. – Ереван, 1964.
16. Эрн, Вл. Сочинения. [Текст] / В. Эрн. – М., 1990.

ВОСПРИЯТИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ РЕСПОНДЕНТАМИ

Л.В. Житникова

Челябинский государственный университет

The article deals with data of the verbal associative experiment. It is aimed to show free associations due to the data of the Russian dictionary of associations. Problems of the occupational titles borrowed from English and their usage in Russian are very important for Russian people.

Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ и В.М. Жирмунский подчеркивали невозможность анализа заимствований без учета социолингвистического характера данного явления, отмечая необходимость объяснения лингвистических изменений в связи с фактами истории, психологии, даже физиологии человека [см., например, работы И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.М. Жирмунского].

Функционирование англоязычных НЛП в русском языке связано с процессом их семантического освоения, что определяет задачу – установить степень их употребительности в русской среде и уточнить их восприятие носителями русского языка.

Восприятие мира у каждого отдельно взятого человека очень индивидуально. «Оно складывается из многих факторов: воспитания, социокультурной среды, образования, характера человека, его мировоззрения, личного опыта. Все эти факторы образуют сложную систему, направленную на восприятие информации, ее анализ и выдачу соответствующей реакции» [Нефёдова, 2009, с. 71].

По словам Н.В. Уфимцевой, та или иная культура по-разному воздействует на сознание социума и на воспроизведение респондентами окружающей действительности, что проявляется при проведении массовых ассоциативных экспериментов [Уфимцева, 1996, с. 141].

Нами проведен психолингвистический ассоциативный эксперимент, в ходе которого мы проверили ассоциативную реакцию носителей русского языка на англоязычные наименования лиц по профессии.

Цель эксперимента – выявление свободных ассоциаций по методике авторов «Русского ассоциативного словаря» [Караулов и др., 2002].

Анализ и сопоставление полученных ассоциаций осуществлялись с использованием рекомендаций А.А. Залевской, М.Р. Шелховской и др. [см., напр., Залевская, 1996; Шелховская, 2008].

Экспериментальное исследование было проведено в 3 этапа:

1. Выборка лексем для предъявления респондентам на основе анализа словарных статей и данных различных лексикографических источников: английских, американских и русских толковых и словообразовательных словарей и тезаурусов.

2. Проведение свободного ассоциативного эксперимента.

3. Подведение результатов исследования.

В результате обращения к носителям русской культуры в свободном ассоциативном эксперименте были задействованы (опрошены) 300 человек (149 мужчин и 151 женщина в возрасте от 17 до 60 лет).

Испытуемыми выступили граждане РФ, являющиеся коренными жителями, чьим первым языком является русский. Эксперимент проводился в Челябинской области. География эксперимента включает города Челябинск, Миасс, Златоуст, Троицк, Копейск. В эксперименте участвовали студенты Челябинского государственного университета, Южно-Уральского государственного университета, Челябинского государственного педагогического университета, сотрудники государственных и частных предприятий и организаций Челябинской области.

Период проведения эксперимента – июнь – июль 2008 года. Эксперимент проводился как в групповой, так и в индивидуальной форме. Групповой эксперимент проводился с 2 – 20 испытуемыми за один сеанс. В начале опросного листа респондентам предлагалась инструкция следующего содержания:

«Уважаемый коллега! Челябинский государственный университет благодарит Вас за участие в ассоциативном эксперименте. Запишите напротив указанного слова то, что первым придет Вам на ум или возникнет в Вашем сознании. Не задумывайтесь, отвечайте как можно быстрее». После короткого инструктажа предлагалась анкета с пронумерованным списком лексем (всего – 30).

В результате эксперимента от испытуемых было получено 6193 ассоциативных реакции. Респонденты давали по одной ассоциации на каждое слово-стимул. Средний показатель отказов составляет 2 лексемы из 30.

Дальнейший алгоритм работы представлял собой несколько этапов.

1. Обработка полученных анкет.
2. Статистический анализ ассоциативных реакций, их когнитивная интерпретация.
3. Построение уровневой интегративной модели ассоциативных отношений.

Результаты анализа ассоциаций показали, что в процессе ассоциирования респонденты также часто обращаются к сходным по значению лексемам (до 52,7 % от общего числа ассоциаций на слово-репрезентант). Выявлены как положительные, нейтральные, так и отрицательные реакции на заданные стимулы. Соотношение положительных и отрицательных реакций на стимул почти равное и составляет около 30%. Нейтральные реакции на стимул составили 40%, что позволяет судить о некоторой степени освоенности данного пласта лексики.

Психолингвистами постоянно отмечается различие между мужскими и женскими ассоциативными реакциями, здесь речь идет об особенностях самого общего характера (о различиях в степени стандартности мужских и женских ассоциаций): эти различия обусловлены спецификой мужских и женских интересов, возможностей, занятий, ценностей, социальных ролей и пр.[см., напр., работы В.Е. Гольдина, Е.В. Харченко и др.].

Подводя итоги, отмечаем, что психолингвистический эксперимент продемонстрировал следующее:

1. ассоциативные реакции наших респондентов на англоязычные заимствования НЛП не всегда однозначны (в зависимости от пола, возраста, образования, социального статуса опрошенных);

2. в сознании опрошенных слова-стимулы *брокер, виджей, диджей, дилер, дизайнер, имиджмейкер, клипмейкер, менеждер, маркетолог, провайдер, риэлтор* вызывают большее количество ассоциаций, что говорит об их известности русскоязычному населению, поскольку они прочно вошли в нашу жизнь, являясь частью российских экономических отношений;

3. менее известны респондентам такие номинации, как: *виндсерфингист, дистрибьютер, копирайтер, промоутер, спичрайтер, супервайзер*; поскольку данные названия получили гораздо меньше реакций по сравнению с предыдущей лексикой. Их можно назвать «новыми модными словами». Не случайно, что наибольшее число ответов наблюдалось среди студентов. Тем не менее, большей части респондентов эти слова знакомы, мы можем предположить, что они приживутся в русском языковом фонде;

4. ошибочные ассоциации или отказы от ответа наблюдались при предъявлении следующей группы слов: *адвайзер, адвертайзер, джоббер, мерчандайзер, перчайзер, сейлер, трейдер, эксекьютив*. Минимальное количество ассоциативных реакций на данные заимствования дает нам право говорить об их недостаточной освоенности русским языком.

Таким образом, на основании проведенного психолингвистического эксперимента можно судить о разных степенях восприятия и освоенности англоязычных заимствований НЛП в русском языке. Перечисленные особенности являются типичными для россиян, поэтому очевидной становится необходимость учета данных ответов при моделировании словарных статей в Международный словарь профессий.

Специфику восприятия инноваций в русской культуре (в нашем случае – англоязычных наименований лиц по профессии) мы определяем, вслед за С.И. Приходкиной, через ее связь с дихотомией «свой» / «чужой»: в отличие от первоначального впечатления, при котором развитие рыночных отношений было воспринято большинством носителей русской культуры отрицательно, поскольку ассоциировалось с «чужими» моральными ценностями, современные представления о рыночной экономике меняются, хотя для русского человека дифференциация различных аспектов национально-культурных явлений по принципу «свой» / «чужой» является важным фактором, формирующим отношение как к устойчивым, так и к современным национально-культурным явлениям [Приходкина, 2007, с. 8].

Говоря о функционировании заимствованных НЛП, мы можем сказать, что употребление англо-американских наименований данной категории слов в средствах массовой информации еще не является свидетельством того, что новое слово «пришло ко двору» нормированному русскому литературному языку.

Несмотря на то, что именно время даст нам исчерпывающий ответ на поставленный вопрос, многое также будет зависеть от языка-рецептора, от его возможностей как принимающего языка с его коммуникативно-прагматическими и экспрессивно-выразительными потребностями.

Не последнюю роль будут играть и способности англо-американизмов по сравнению с исконной лексикой русского языка, проявляющиеся в достойных, своевременных и энергичных ответах на языковые и стилистические задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ, И.А. О смешанном характере всех языков [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т.2. – С. 342-366.
2. Гольдин, В.Е. Нормативный аспект лексических ассоциаций [Текст] / В.Е. Гольдин // Русский язык сегодня. Проблемы языковой нормы. – М., 2006.
3. Жирмунский, В.М. История немецкого языка [Текст] / В.М. Жирмунский. – М., 1948. – 82 с.
4. Залевская, А.А. Вопросы теории и практики межкультурных исследований [Текст] / А.А. Залевская // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 23-39.
5. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь [Текст] : в 2 т. Т.1. От стимула к реакции. Ок. 7000 стимулов. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М. : АСТ, 2002. – 992 с.
6. Нефёдова, Л.А. Имплицитность как аспект социальной дифференциации языка [Текст] / Л.А. Нефедова // Проблемы номинации и речевой коммуникации : сборник научных трудов в честь профессора Л.А. Шкатовой / под ред. Е.И. Головановой. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – С. 70-75.
7. Приходкина, С.И. Национально-культурная специфика речевого поведения субъекта продаж (на примере речевой деятельности промоутера) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / С.И. Приходкина. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2007. – 22 с.
8. Уфимцева, Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания [Текст] / Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 139-162.
9. Харченко, Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении [Текст] / Е.В. Харченко. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2003. – 336 с.
10. Шелховская, М.Р. Ассоциативный эксперимент как источник изучения языковой картины мира современного студента [Текст] / М.Р. Шелховская // Вестн. Челяб ун-та. – Филология. Искусствоведение. – 2008. – Вып. 3. – С. 153-157.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР: ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «GENERATION «П»

С.Л. Жовнерик

Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск (Республика Беларусь)

The article analyses foreign inclusions found in V. Pelevin's novels "GENERATION 'P'". The classification of inclusions and ways of their introduction into the text are given.

Русский социум всегда был подвержен внешнему влиянию в силу своего геополитического положения и исторической судьбы. В отличие от многих других социумов и этносов, русский социум чрезвычайно восприимчив, русский патриотизм никогда не вступал в противоречие с активным, а в некоторые периоды бурным процессом распространения «иноземных» образцов. И это свидетельствует об открытости и незакомплексованности русской культуры: заимствуя, русская культура остается самотождественной, не растрчивает своей яркой национальной самобытности, настолько громадны и неисчерпаемы ее собственные ресурсы. Процесс обогащения преобладает над процессами культурного нивелирования и унификации. За последние годы объем новаций и скорость проникновения иноязычных слов в язык заметно возросли.

Помимо полностью или частично усвоенных заимствованных слов, в русских текстах появляются так называемые иноязычные вкрапления – слова чужого языка, находящиеся на первых ступенях заимствования и сохраняющие свой иноязычный графический облик. Некоторые из них «застывают» в этой стадии надолго. Роман Виктора Пелевина «GENERATION «П» ярко иллюстрирует данное языковое явление.

Иноязычное вкрапление – термин, появившийся в лингвистической литературе сравнительно недавно. По мнению Ю.Т. Листровой к иноязычным вкраплениям относятся «отрезки текста, отдельные слова, фонетические, грамматические и семантические элементы ... других языков» [Листрова, 1979, с. 3], но исследователь категорически исключает из их числа интернациональные элементы по признаку регулярного употребления последних в речи русских монолингвов [Листрова, 1979, с. 12]. Л.П. Крысин понимает иноязычное вкрапление шире, считая, что именно интернациональные слова и словосочетания занимают основное место среди иноязычных вкраплений, которые могут быть употреблены в текстах любого развитого литературного языка. К интернационализмам исследователь относит слова и выражения греко-латинского происхождения и новообразования на базе греческих и латинских основ, а также слова и выражения, принадлежащие живым языкам – французскому, немецкому, английскому и др. [Приводится по: Крысин, 1968, с. 47]. Мы принимаем точку зрения Л.П. Крысина, согласно которой иноязычное вкрапление – это любой отрезок текста на иностранном языке, в данном случае на английском, переданный в исконной или русской графике, а также интернациональное слово.

Анализируя иноязычные вкрапления в романе «GENERATION «П», мы пришли к выводу, что Виктор Пелевин предпочитает два вида вкраплений в тексте:

- вкрапления, употребленные в исконной графической форме (138 единиц, т.е. слов, словосочетаний, фраз, образующих в тексте единое неделимое целое): «*Made in USA. One size fits all*», «*Heaven's Gate*», «*Jim Beam*», «*target group*», «*Welcome to the route 666*», «*GUCCI FOR MEN*» «*trink different*», «*Homo Zapiens*», «*Loser-jet*», «*BOMBAY SAPHIRE*», «*black public relations*», «*Nike sweatshop №1567903*», «*Silicom Graphics*»;

- вкрапления, употребленные в русской графической форме (41 единица): «*Янг энд Рубикам*», «*Софт Имаж*», «*Силикон Графикс*», «*лэве*», «*Гамовер*», «*севен ап*», «*Ролекс Уйстер*», «*хай-энд*», «*софт-дринк*», «*Геллап Медиа*», «*Оппенхайм энд Радлер*», «*ТУБОРГ МЭН*», «*Джей-Ар Рейнольдс табакко*», «*Смирнофф*», «*Парламент Лайтс*».

«Чужеродность», «инокультурность» иноязычных вкраплений в исконной графической форме носит демонстративный, акцентированный характер: они выделяются в тексте как чуждые элементы даже визуально, без чтения и осознания их смысла.

Кроме этих видов иноязычных вкраплений, В. Пелевин использует и смешанного типа вкрапления. Это словосочетания, фразы, в которых комбинируются графические средства языка-донора и языка-реципиента, т.е. русского: «*Bad trip Иоанна Богослова*», «*ВАУ! АКАПУЛЬКОПСИС NOW!*», «*It's a Сон*», «*Тампакс ultra safe: красные не пройдут!*», «*PR-кампании*», «*PR-сервис*», «*3D-сканер*», «*3D-генерал*». В такого типа вкраплениях содержится дополнительный стилистический резерв: чередование форм разных национальных языков усиливает контраст сталкиваемых в контексте формул «языков культур».

В. Пелевин применяет несколько способов введения вкраплений в текст:

- авторский комментарий в тексте и в сносках (метатекст): «*смотрел «Starship troopers»*? Где космический десант с жуками воюет*» – в сноске указано: «*Звездный десант*» (англ.), «*быстрое переключение телевизора с одной программы на другую называется zapping*», «*Golden Eye*»* – в сноске указано: «*Золотой глаз*» (англ.);

- «беспереводное» включение иноязычных названий: «*coca-cola*», «*Panasonic*», «*Sony*», «*Hend & Shoulders*», «*Pantene pro-V*», «*Zoom*», «*cultural references*», «*Wow!*», «*No name*», «*PARLIAMENT*», «*unisex*».

Отметим, что при появлении в тексте объясненных или переведенных иноязычных единиц возникает возможность двоякого прочтения: читатель может ограничиться данным в тексте переводом – такое восприятие будет узким, не углубляющим понимание всего текста, – либо, при условии понимания не только лингвистической, но и культурной семантики вкрапления, – он более глубоко понимает мысль автора и возможную игру смыслов.

Иноязычные вкрапления в романе В. Пелевина «GENERATION «П» способны выступать в качестве элементов языковой игры (как правило, они приводят к созданию комического эффекта), например: «*Мировой Pantene pro-V! Господи, благослови!*» «*Храм Спаса на pro-V: шампунь, инвестиции*», «*mercedes – мерседес – merdecas – Merde-SS*», «*лэвэ – L и V – liberal values*»,

«*Piaget Possession – пеже позесьон – господин Пеже со своими пацаками*», «*Сони Тофетиссимо – It's a Sin – It's a Сон*», «*Панасоник – Панасворд ви-ту – Panasword V-2*» и т.д. Языковой стёб как признак современной речи на уровне написания всё шире базируется на смешении элементов чужого и родного языка.

Таким образом, Виктор Пелевин довольно широко использует в романе «GENERATION «П» иносистемные языковые явления разных типов. Их стилистические возможности опираются на особенности употребления иноязычных вкраплений в живой устной и письменной речи иностранцев и русских. Ведь иноязычное слово в той или иной форме выделяется из привычного ряда. Вследствие иноязычности, «непрозрачности» формы смысл его для многих является зашифрованным, непонятным – эта непонятность служит символом недоступной учености, почему и речь, содержащая иноязычные слова (вкрапления), часто расценивается как социально престижная. В других произведениях В. Пелевина мы находим свидетельства иронического отношения автора к этому культурному стереотипу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин, Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке [Текст] : монография / Л.П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
2. Листратова, Ю.Т. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX века (на материале немецких вкраплений) [Текст] : монография / Ю.Т. Листратова. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1979, – 155 с.
3. Пелевин, В.О. «GENERATION «П». Рассказы [Текст] / В.О. Пелевин. – М. : Вагриус, 2002 – 608 с.

КОНЦЕПТ «БЕЛЫЙ ЦВЕТ» В ЛИНГВОЦВЕТОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале русских паремий)

А.Р. Копачева

Челябинский государственный университет

This article is dedicated to the linguistic study of the concept white colour in Russian proverbs and sayings. It reveals its semantic and symbolic content. Basic meanings of the concept white colour are analyzed as applied to colour naming in world view

Концептуализация и категоризация внутреннего и внешнего мира, сортировка и классификация человеческих ощущений и знаний являются одними из основных функций языковой картины мира, которая представляет собой сочетание взаимосвязанных семиотических воплощений информации и реализуется в конкретных символических системах, куда входит и система цветообозначений.

Все представления о мире цвета находят свое отражение в языковой картине мира, которая понимается как целостный глобальный образ мира, являющийся результатом всей духовной деятельности человека в ходе его контактов с миром. [Кубрякова, 1999, с. 13].

Лингвоцветовая картина мира объединяет концептуальный и языковой уровни: языковая цветовая символика является оформлением когнитивных структур (цветовых концептов) и одновременно является содержанием по отношению к вербальному уровню (цветообозначениям).

Одной из основных единиц лингвоцветовой картины мира выступает концепт «белый цвет», являющийся понятием белого цвета с потенциально заложенной возможностью развивать эстетические и символические нецветовые смыслы.

Символические значения концепта «белый цвет» тесно связаны с мифологической, религиозной, народной и поэтической символикой. Белый цвет традиционно считается символом света, чистоты, добродетели и целомудрия, с другой стороны, он является древнейшим цветом траура, успокоения, отказа от цветов, олицетворяющих жизнь.

Символика белого цвета связана с глубоко укорененными в народном сознании цветовыми универсалиями, устойчивыми, заданными культурной традицией семантическими характеристиками белого цвета, который очень наглядно картируется в паремиологии, где отражается его национально-культурное и национально-языковое своеобразие.

В основе концептуализации белого цвета в составе паремий лежат элементарные смыслы, восходящие к первичному процессу осознания человеком окружающего мира, т.е. имеющие отношение к мифопоэтической модели мира, которая, потеряв своё доминирующее положение, присутствует в модели мира современного человека.

Феномены психики человека, чувства и некоторые социальные понятия могут концептуализироваться как объекты, занимающие определенное пространственное положение, и как следствие, имеющие некое отношение к глобальным феноменам (жизнь, смерть) и получающие положительную или отрицательную оценку.

Структура концепта «белый цвет» в паремиях состоит из:

- основного актуального признака чистоты, святости, невинности, т.е. несет положительную оценку: *Легко очернить, нелегко обелить (вернуть хорошую репутацию); Черного кобеля не отмоешь добела (плохой не станет хорошим); И белый песок в грязи чернеет (можно испортить и самое хорошее); Белые ручки всегда в мозолях (хорошие, трудолюбивые); Языком и белит и чернит (превозносит, хвалит); Черные ризы не спасут, а белые не погубят (святые одежды); Белое к черному не пристанет (хорошее к дурному); Ложь и черное сделает белым (хорошим, положительным); Свет бел, да люди черны (сочетание, которому не свойственна цветовая характеристика: мир чист, а люди плохи); Всякому своё, и не мыто, бело (всякому своё, и грязное, чисто); Бел снег, да ногами топчут (снег чист, но люди этим пренебрегают); Белый снег на черную землю, и то к лицу (чистое скрывает грязь); Работа черна, да денежка бела (работа грязная, но деньги за нее чистые, честные)* [Приводится по: Михельсон, 1994].

- дополнительных признаков красоты, здоровья, богатства: *У кого мать роденькая, у того и сорочка беленькая (дорогая одежда, т.е. за*

ребенком хороший уход); Сама собой миленька, личиком беленька (белое лицо означает красоту); Моя родненька и не умыта, беленька (красивы, любимы в любом виде); Белому телу вода рада (здоровому, красивому); Бел лицом, да худ отцом (красив, но низкого происхождения); Кто смел, тот и бел (богат); Полюби-ка нас в черне, а в беле нас всяк полюбит (в богатстве); Портит Иваишку белая рубашка (дорогие вещи); Бела, румяна – ровно кровь с молоком (красивый, здоровый цвет лица); В добром житье лицо белится (красота), румянится, – в плохом – чернится; Две лошади белые (красивые), третья голая [Приводится по: Жуков, 1993].

Кроме положительного содержания концепта «белый цвет», существуют и дополнительные отрицательные признаки:

- белые (седые) волосы – символ пережитых страданий: *Горе косицу белит; Не время волос белит, а кручина .*

- противопоставление «красивая оболочка – плохое содержание» и «некрасивая оболочка – хорошее содержание»: *Бела редька, да горька; Бела береста, да дёготь черен; Бел снег, да невкусен; Рожжа черна, да душа бела (некрасив внешне, зато красив душой); Черная коровка дает белое молоко; Земелька черная, да хлебец белый родит.*

В структуре данного концепта существует также несколько дополнительных значений, характеризующих его с различных позиций: *Белое – венчальное, черное – печальное (радостное, свадебное); Дела как сажжа бела (плохи); Чужая мука белее молока (лучше, вкуснее); Уголь сажжи не белей (не лучше); Подсыпать белого перцу (яду); Стыдливый покраснеет, а бесстыжий побледнеет (психологический признак); Белее белья стал (очень сильно побледнел) [Приводится по: Михельсон, 1994].*

Цветовая деталь может выступать как символ целого, своеобразная цветовая метонимия, что обеспечивает национальную, социальную и психологическую достоверность образов (например, краски живого лица утрачиваются от испуга, боли, переживаний, гнева, волнения, усталости, переутомления, болезни). Концептуализироваться может свет, заключенная в прозрачной емкости бесцветная жидкость, обширные светлые поверхности: небо, облака, покрытые снегом поверхности.

Прямое, нейтрально-номинативное значение белого цвета не является характерным для цветковых и световых слов в составе паремий, приоритет принадлежит переносно-символическим значениям, что проявляется в большей сочетаемости цветосветовых компонентов со словами, которым не свойственна цветовая характеристика.

Так, положительное значение реализуется через следующие составляющие концепта «белый цвет»: чистота, святость, богатство, хорошая репутация, благородство происхождения, трудолюбие, невинность, честность, красота, здоровье, мудрость.

Отрицательное значение реализуется в паремиях в гораздо меньшем объеме, составляющими концепта «белый цвет» являются пустота, незаполненность, болезненная бледность, седина от пережитых страданий,

смерть, нечистая совесть, плохое содержание красивой оболочки, плохое состояние дел.

Таким образом, следует отметить, что в пословицах и поговорках прямое цветовое, переносно-метафорическое и символическое значения концепта «белый цвет» взаимодействуют, нередко создавая амбивалентность и диффузность семантики, что объясняется актуализацией оценочных коннотаций и символических значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев, Г. Национальные образы мира. Космо- Психо- Логос [Текст] / Г. Гачев. – М. : Изд. группа «Прогресс- Культура», 1995. – 480 с.
2. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г.В Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 92 с.
3. Кубрякова, Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира [Текст] / Е.С. Кубрякова // Филология и культура : Материалы II Межд. конф. 12-14 мая 1999. – Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 1999. – ч. 3. – С. 6-13.
4. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира [Текст] // Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова и др. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
5. Михельсон, М.И. Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) [Текст] / М.И. Михельсон. – М. : ТЕРРА, 1994. – 400 с.
6. Словарь русских пословиц и поговорок (сост. В.П. Жуков) [Текст] / В.П. Жуков. – М., 1993. – 380 с.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ СТРУКТУРИРОВАНИЯ В РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В.В. Корнева

Воронежский государственный университет

The article deals with the structure of the space linguistic picture in Russian and Spanish based on the universal space parameters and reveals the existence of the features space configuration in these languages.

Многомерность и всеобъемлющий характер пространства по-разному концептуализируются и отражаются в сознании человека. Совокупность пространственных представлений, отраженных сознанием конкретного этноса и зафиксированных в языке, формирует пространственную картину мира (ПКМ) – неотъемлемую составляющую любой языковой картины мира.

Разные языковые средства в силу присущей им категориальной семантики вербализуют разные пространственные представления. Своеобразие наречий как специализированных средств выражения пространственных отношений заключается в том, что они осуществляют первичную категоризацию пространства и отражают основные параметры его членения.

Параметризация пространства в целом имеет универсальный характер, что обусловлено особенностями его восприятия человеком, антропоцентричностью языка, структурированием пространства по образу и

подобию человеческого тела, единством законов мышления. Согласно данным проведенного нами исследования, к числу универсальных можно отнести следующие параметры пространства: «близко», «далеко», «вверху», «внизу», «вперед», «сзади», «сбоку», «внутри», «снаружи», «центр», «периферия», «езде», «нигде», «где-то», «конкретное место» и «способ/позиционное положение» (подробнее см. [Корнева, 2008]).

В то же время в разных лингвокультурах пространство наряду с универсальными чертами обладает ярко выраженной национальной спецификой (см., например, [Тханг Ли, 2001; Корнева 2008a]). Идиокультурная специфика универсальных параметров проявляется в глубине их когнитивной проработки в языковом сознании этноса, в конфигурации этих параметров, в большей значимости одних параметров пространства по сравнению с другими в разных лингвокультурах. Доказательством этому может служить предлагаемое сопоставительное исследование локативных наречий в русском и испанском языках.

При сравнении обращает на себя внимание обилие наречных лексем в русском языке, особенно очевидное на фоне испанского языка: в русском языке их более 50, тогда как в испанском языке чуть больше 20, то есть фактически их соотношение составляет примерно 2,5 : 1. Следовательно, сравнивать наречные лексемы в данных языках в абсолютных цифрах невозможно. В связи с этим на первом этапе анализа выделялись семантически значимые сферы отдельно для русского и испанского языка, а затем на основе полученных данных проводилось их сопоставление.

Анализ семантики наречий позволил установить, что в ПКМ русского языка существует определенная иерархия в членении пространства. Максимальную репрезентацию в ПКМ русского языка находит концептуальная сфера «удаленность». ее вербализуют 25 лексем, из которых 14 объективируют концепт «близко» и 11 – концепт «далеко».

Широко представлена в русском языке *горизонталь* (18 лексем), причем отдельными лексемами вербализуется как *фронтально ориентированное пространство*, представленное в языковом сознании в виде оппозиции «вперед – сзади», так и *латерально ориентированное пространство* (по 9 наречий соответственно).

Вертикально ориентированное пространство также достаточно дифференцированно объективируется в русском языке, однако количественный состав лексем данной семантики (13 слов) свидетельствует о том, что в ПКМ русского языка приоритет отдается горизонтально ориентированному пространству (напомним, что средствами вербализации данных смыслов являются соответственно 13 и 18 лексем). Отметим также, что объективация онтологически равных значений «верх» и «низ» делает особенно очевидной доминирующую роль верха в языковом сознании этноса: из 13 лексем 8 вербализуют концепт «верх» и только 5 – концепт «низ».

Значимой для русского языкового сознания оказывается также *неопределенность* пространственной локализации (11 лексем), что подтверждает выводы ученых о том, что неопределенность относится к числу

семантических доминант русской языковой картины мира (см., например, [Рылов, 2006]).

Закрывают шкалу репрезентативности отдельных семантических сфер в структуре ПКМ русского языка следующие типы пространства, организуемые на основе оппозиций:

- оппозиция «*езде – нигде*» («отрицательная локализованность» – 6 наречий и «*овсеместность*» – 4 лексем);
- оппозиция «*внутри – снаружи*», репрезентирующая *внешнее и внутреннее пространство* (4 и 3 наречия соответственно);
- оппозиция «*центр – периферия*» (4 и 2 наречия соответственно).

Кроме того, в русском языке есть конкретные наречия абсолютной ориентации (5 лексем), однозначно указывающие либо на местонахождение / место реализации действия (*дома*), либо на направление перемещения (*домой*), либо на трассу (место) перемещения (*лесом, полем, морем*).

Таким образом, языковые данные свидетельствуют о том, что ядро ПКМ в русском языке формируют такие концептуально значимые смыслы (концепты), как удаленность и горизонтально и вертикально ориентированное пространство. Объективация данных пространственных сфер в русском языке осложняется когнитивными признаками «статичность – динамичность», а также «направленность – ненаправленность» (ср. *где-* и *куда-*наречия, в том числе *откуда-*наречия) и «сопространственность – несопространственность» (ср. *вверх, сверху* и *наверх, наверху; внизу* и *снизу*).

В ПКМ испанского языка, вербализуемой наречиями-универбами, отмечена иная конфигурация пространственных представлений и иной состав типов пространства, что подтверждает неравноценность различных пространственных сфер для сознания этноса. Как и в русском языке, в ПКМ испанского языка максимально репрезентирован концепт «*удаленность*» (12 лексем, причем 8 из них собственно дистантные наречия и 4 наречия синкретичной семантики, указывающие на удаленность по вертикали и по горизонтали, а также *внутри/вглубь*); концепт «*близко*» объективируется 5 лексемами, и концепт «*далеко*» – 7, в том числе 4 синкретичными наречиями).

Важное место в структуре ПКМ испанского языка занимает *вертикально ориентированное* пространство, вербализуемое 4 наречиями верха и низа и 3 дистантными наречиями, указывающими на удаленность по вертикали в воздушной среде (2 наречия) и в воде/земле (1 наречие).

Горизонтальное членение пространства представлено в испанском языке только *фронтально ориентированным* пространством, которое объективируется 5 лексемами, в том числе 1 наречием с семантикой «*напротив*» (заметим, что латерально ориентированное пространство, как и некоторые другие типы пространств, выделяемые в русской ПКМ, в испанском языке вербализуются не наречиями-универбами, а наречными оборотами).

Наконец, *внешнее и внутреннее* пространство объективируется 4 наречиями.

Таким образом, ПКМ испанского языка отличается четкостью и компактностью структуры. ее ядро составляют когнитивные области «удаленность» и «вертикаль», тогда как в околоядерную зону входят горизонтальное (фронтально ориентированное), а также внешнее и внутреннее пространство. Отличительной чертой испанской ПКМ является маркированность основных типов пространства по признаку «статика» и по признаку «удаленность».

Всё сказанное выше свидетельствует о том, что дистантное значение является семантической доминантой и в испанской, и в русской ПКМ. Однако детализация удаленного пространства (как и других параметров пространства) в сравниваемых языках во многих случаях не совпадает. В частности, по степени удаленности в русском языке дифференцируется зона близости, а в испанском языке – зона удаленности (подробнее см. [Корнева, 2007]).

В целом универсальные параметры членения пространства в анализируемых языках находят весьма специфическое преломление и имеют разную значимость. В русской ПКМ доминирует горизонталь, в испанской – вертикаль. В ПКМ русского языка отражается большее количество параметров, чем в испанской ПКМ. Наконец, ПКМ русского языка маркируется признаками «динамика», «направленность», а также «неопределенность» и «сопространственность», тогда как ПКМ испанского языка характеризуется прежде всего признаками «статика» и «удаленность». Всё вышесказанное свидетельствует о том, что в разных лингвокультурах структурирование пространственной картины мира происходит по-разному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнева, В.В. Универсальное и специфическое в пространственной локализации [Текст] / В.В. Корнева // Человек как субъект коммуникации: универсальное и специфическое: коллективная монография. – Воронеж : Воронеж. гос. университет, 2006. – С. 114-128.
2. Корнева, В.В. Наречия и параметры пространственной картины мира [Текст]: монография / В.В. Корнева. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. – 302 с.
3. Корнева, В.В. Пространство в единицах и структурах языка [Текст]: монография / В.В. Корнева. – М. : АНО ВПО «МГИ», 2008а. – 192 с.
4. Рылов, Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки [Текст] / Ю.А. Рылов. – М. : Гнозис, 2006. – 306 с.
5. Тханг Ли, Тоан. Пространственная локализация «верх-низ» во вьетнамском языке [Текст] / Тоан Тханг Ли // Язык и культура : Факты и ценности : К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 347-362.

СТЕРЕОТИП КАК РЕЗУЛЬТАТ ВОСПРИЯТИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ ДРУГИХ КУЛЬТУР

Ю.С. Куликова
Челябинский государственный университет

During intercultural communicative acts people are exposed to the influence of stereotypes, which are deep-rooted in our mind. They build standardized image of a representative of some other nationality. They promote our communication with him, but sometimes they hamper the process.

Язык создает вербальные иллюзии, играющие важную роль в создании социальных стереотипов, которые влияют на восприятие людьми друг друга. В стереотипах содержится накопленный столетиями опыт людей и отражение повседневной жизни. Во время межкультурных контактов мы воспринимаем представителя другой культуры с позиции своих культурных традиций, в результате чего и обнаруживаются типичные черты того или иного народа. Так постепенно складываются стереотипы, представляющие собой обобщенные представления о типичных чертах, характерных для той или иной нации.

Впервые термин «стереотип» использовал американский журналист Уолтер Липпман, который в 1922 году опубликовал книгу «Общественное мнение». Под стереотипом Липпман понимал особую форму восприятия окружающего мира, оказывающую определенное влияние на данные наших чувств до того, как эти данные дойдут до нашего сознания [Приводится по: The Clash of Cultures, 1999, с. 2]. По мнению Липпмана, человек, пытаясь постичь окружающий его мир во всей его противоречивости, создает «картину в своей голове» относительно тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал [Там же, с. 3]. Получается, что человек имеет ясное представление о большинстве вещей еще до того, как он с ними непосредственно столкнулся в жизни. Подобные представления-стереотипы навязываются нам окружающей нас культурой, и мы воспринимаем это как данность. Интересен тот факт, что стереотипы очень жизнестойки, так как передаются из поколения в поколение и часто воспринимаются как реальность и биологический факт.

Липпман не только ввел в научный оборот термин «стереотип», дал ему определение, но и подчеркнул важность этого явления. «Система стереотипов, – писал он, – возможно, является стержневой в нашей личной традиции, она защищает наше место в обществе, ... а также сохраняет время в нашей занятой жизни и помогает нам спастись от сбивающих с толку попыток увидеть мир устойчивым и охватить его целиком» [Там же, с.3].

Нам представляются наиболее важными следующие аспекты стереотипов:

1. Стереотипы упрощают реальность. Они сводят сложные характеристики к простым высказываниям.

2. Человек приобретает стереотипы от той социальной группы, к которой он принадлежит, или из СМИ, дающих обобщенное и упрощенное представление о проблемах и явлениях. Особенно охотно индивид принимает стереотипы, если сам не владеет никакой информацией по данному вопросу.

В стереотипе выделяют разные свойства, поэтому и сама формулировка понятия варьируется. Вот какое определение дает «Лингвистический Энциклопедический Словарь»: Стереотип – схематический,

стандартизированный образ или представления о социальном явлении, объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие большой устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта [Лингвистический Энциклопедический словарь, 1990, с. 386].

В.А. Маслова определяет стереотип как «явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой – проявлять себя среди «своих» и одновременно опознать «своего» [Маслова, 2001, с. 70].

Из последнего определения видно, что носителем стереотипов является группа, поэтому именно в опыте группы следует искать корни стереотипов, которые проецируются в основном на большие социальные группы. Если при личном общении стереотип не подтверждается, то в данной ситуации индивид скорее признает его исключением из общей системы, чем ложной установкой. Наиболее ярко проиллюстрировал это Чарльз Бакли, звезда баскетбола: «Вы понимаете, что мир не такой, какой вы думали, когда узнаете, что лучший рэпер – белый (имеется в виду Эминем), лучший игрок в гольф — чернокожий, самый высокий баскетболист — китаец (суперзвезда NBA Яо Минь, ростом 2 м 29 см), а немцы не хотят воевать в Ираке» [Приводится по: Кабакчи, 2001].

Среди многообразия проблем, вытекающих из определения понятия «стереотип», можно выделить одну из наиболее важных и одновременно спорных, представляющую интерес – наличие зерна правды в стереотипах. Единого мнения по этому вопросу нет. На бытовом уровне они воспринимаются как объективная реальность. Большинство же исследователей проблемы придерживаются «золотой середины». Мы, в свою очередь, не считаем стереотипы однозначно ложными представлениями. Стереотип может быть правдой, или частично правдой, или ложью.

С проблемой выяснения зерна правды неразрывно связан вопрос об устойчивости стереотипов. Если в основе стереотипа – реальные факты, то он должен быть устойчивым, если же он ложен, то он должен меняться в зависимости от исторической, международной и даже внутривнутриполитической ситуации в той или иной стране. В связи с этим можно прийти к выводу, что стереотип изменчив.

Стереотипы часто эмоционально окрашены симпатиями или антипатиями, в зависимости от которых одно и то же поведение получает разную оценку. Те черты, которые у своего народа рассматриваются как проявление ума, у другого – считаются проявлением хитрости. Например, то, что у своего народа считается расчетливостью, у другого народа – жадностью. Стереотипы также оказывают довольно сильное влияние на людей, стимулируя у них формирование таких черт характера, которые отражены в стереотипе. Например, европейцев, впервые вступивших в общение с японцами, шокирует то, что японцы с улыбкой говорят о самых

печальных вещах. Это стало основой для формирования стереотипа о бездушии, цинизме и жестокости японцев. Такое поведение понимается в том смысле, какой оно имеет не в европейской, а в японской культуре: таким образом японцы стремятся не обременять окружающих своими личными проблемами.

Россиянок, впервые приехавших в Германию, поражает жадность и неуважение немцев к женщинам. В русской культуре опоздание женщины на свидание – явление вполне нормальное, однако немцы очень дорожат своим временем, поэтому в случае опоздания женщина будет выслушивать вполне обоснованные недовольства. Жадность немцев, по мнению наших соотечественниц, проявляется в «нежелании» платить за даму в ресторане или кафе. Данный факт объясняется весьма просто: разделив счет на двоих, мужчина дает женщине понять, что считает ее равноправным членом общества, а не представителем «слабого пола».

Что касается закрепления стереотипов, то этому может способствовать сегрегация между группами, а их сближение приводит к изменению стереотипов, а иногда – к их полному уничтожению. Например, был проведен эксперимент, в ходе которого представителей разных рас поселили в одном здании на разных этажах. В результате их стереотипы сохранились и даже укрепились. И наоборот, многие стереотипы в этих группах разрушились, когда они стали занимать один этаж, сталкиваясь с одними и теми же бытовыми трудностями и совместно решая проблемы.

Итак, стереотип, являясь своего рода призмой, через которую человек смотрит на окружающий его мир, формирует наши представления о других людях. Под влиянием стереотипов в своих суждениях мы отделяем «своих» от «чужих», тем самым дифференцируя и упрощая окружающий нас мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабакчи, В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации [Текст] : монография / В. В. Кабакчи. – СПб. : Геликон, 2001.
2. Лингвистический Энциклопедический словарь [Текст] / Под общ. ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
3. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М. : Просвещение, 2001.
4. Павловская, А.В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации [Текст] / А.В. Павловская // Вестник МГУ/ отв. ред. В. В. Потапов. – №3. – М. : МГУ, 2002. – С. 94-104.
5. Филиппова, М.М. Парадоксы и стереотипы межкультурного общения представителей русской и британской культур [Текст] / М.М. Филиппова // Вестник МГУ / отв. ред. В.В. Потапов. – №3. – М. : МГУ, 2002. – С.64-82.
6. The Clash of Cultures and How to Avoid It [Text] / J. Stallabrass // Hello! – 1999. – № 1.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ПРИ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.Е. Кустова

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
The article deals with the peculiarities of interaction of language and culture in the nonverbal communication.

Элементы невербальной коммуникации помогают лучше понять способы, с помощью которых выражается межкультурный смысл общения. В этом отношении важнейшей особенностью невербальной коммуникации является то, что она осуществляется с помощью всех органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса, обоняния, каждый из которых образует свой канал коммуникации. В данной статье нам бы хотелось рассмотреть взаимодействие языка и культуры на примере жестовой коммуникации.

Кинесика представляет собой совокупность жестов, поз, телодвижений, используемых при коммуникации в качестве дополнительных выразительных средств общения. Этот термин был предложен для изучения общения посредством движений тела. «Кин – мельчайшая единица движения, из них складывается поведение, так же как речь складывается из слов, предложений и фраз» [Грушевицкая, Попков, 2003, с. 175]. Элементами кинесики являются жесты, мимика, позы и взгляды, которые имеют как физиологическое происхождение (например, зевота, потягивание) так и социокультурное (сжатый кулак, знак победы и т.п.).

Жесты – это различного рода движения тела, рук или кистей рук, сопровождающие в процессе коммуникации речь человека и выражающие отношение человека непосредственно к собеседнику к какому-то событию, другому лицу, какому-либо предмету, свидетельствующие о желаниях и состоянии человека.

Кинесическая система каждого языка социально обусловлена и присуща лишь данному языковому сообществу. В невербальных компонентах коммуникации довольно много сходства, но, как и в естественном языке, в жестовом поведении также существуют различия. Целый ряд кинесических компонентов, присущих одному языку, либо не существует в другом, либо имеет в нем другое значение.

Рассмотрим некоторые из жестов.

Рукопожатие. Люди обмениваются рукопожатиями, когда здороваются или знакомятся друг с другом, мирятся после размолвки или заключают какое-либо соглашение, выражают благодарность или прощаются, поздравляют друг друга или выражают соболезнование. Степень обязательности рукопожатия при взаимном приветствии или знакомстве у русских более высока, чем у англичан и американцев, а количество ситуаций, требующих рукопожатия, на Западе меньше, чем в России. Так, например, англичане, в отличие от русских, редко подают друг другу руку при встрече и практически никогда при прощании. В США рукопожатие характерно, скорее, для официальных случаев, чем для повседневной жизни, а также используется как приветствие при знакомстве, но не является обязательным, когда встречаются старые знакомые и сослуживцы. Рукопожатие в русской традиции расценивалось как жест, который имеет характер правового акта и в силах придать законный характер торговой сделке или заключенной

договоренности. И до сих пор люди «бьют по рукам», когда заключают какое-нибудь соглашение.

Жест – призыв «иди сюда». Внутри европейского лингвокультурного сообщества наблюдаются различия в проявлении русского жеста «поманить к себе рукой». Именно так он выполняется в русской, немецкой и французской культурах. У итальянцев, португальцев, латиноамериканцев, арабов данная жестовая форма обозначает настоятельную просьбу или требование уйти.

Жест – «кольцо» или «ОК». Жест «ОК» как знак заимствован из американской кинесической системы, в которой имеет значение всё в порядке, всё хорошо. Такой же смысл вкладывают в этот жест и русские. В Японии та же форма означает деньги. В Греции и на острове Сардиния в Италии значение жеста можно трактовать, как «отмахнуться». Во Франции он означает «ноль» или «ничего», а в некоторых странах Средиземноморского бассейна этот жест используется для обозначения гомосексуальности мужчины.

Жест – «палец у виска». Когда немец, говоря о ком-то, прикасается пальцем к виску, то это означает, что человек, о котором идет речь, несколько не в себе. В целом ряде африканских культур та же жестовая форма означает, что жестикулирующий глубоко задумался, погрузился в размышления. Во Франции жест обозначает просто глупого человека, тогда как в Голландии подобная форма значит, что человек умный.

Жест – «поднятый вверх большой палец». В Америке, Англии, Австралии и Новой Зеландии поднятый вверх большой палец имеет три значения. Обычно он используется при «голосовании» на дороге, в попытках поймать попутную машину. Второе значение – «всё в порядке», а когда большой палец резко выбрасывается вверх, это становится оскорбительным знаком, который означает нецензурное ругательство. В некоторых странах, например, в Греции этот жест означает «заткнись». Соответственно можно представить положение американца, пытающегося этим жестом поймать попутную машину на греческой дороге.

Можно найти еще ряд жестовых различий у разных народов.

Едва ли не все народы Земли считают на пальцах, но по-разному: западноевропейцы начинают счет с большого пальца и при этом пальцы разгибаются из предварительно сжатого кулака; ряд восточных народов считает, прикасаясь к фалангам большим пальцем той же руки, причем, начиная с мизинца, снизу вверх. Русские при счете пальцы левой руки сгибают к центру ладони (указательный палец правой руки сгибает раскрытые пальцы левой, начиная с мизинца, и обычно под счет «раз, два, три, четыре, пять»).

Как известно, в России во время разговора принято смотреть в глаза собеседнику, лишь ненадолго отводя взгляд. Японцы, жители стран Скандинавии (кроме Швеции), Индии, Пакистана считают дерзостью рассматривать человека в упор.

Улыбка – обязательный атрибут приветствия и любого общения у европейцев, и американцев. Природная российская неулыбчивость

воспринимается на Западе либо как средство плохого воспитания, либо как свидетельство недоброжелательного отношения к партнеру. Американец привык улыбаться широко, поэтому постоянная застывшая улыбка японца кажется американцу неестественной и неискренней. Между тем в Японии принято улыбаться в любой ситуации, даже когда человек попал в беду и переживает горе. Согласно японскому этикету, человек не должен мешать окружающим, проявляя свои личные чувства. Китайцы при беседе тоже улыбаются вне зависимости от того, о чем идет речь. Их улыбка является выражением согласия и приветствия, а не чувства радости и взаимной приязни, как это принято у европейцев.

Иногда жест, который делает собеседник, не имеет эквивалента в другой культуре, и смысл его, естественно, остается непонятным для представителей этой культуры. Например, когда французу хочется показать, что ему скучно, он похлопывает по щекам тыльной стороной ладони.

Часто мы видим в жестах иностранца определенный смысл, исходя из своих национальных традиций, которые ему неизвестны. Так, для француза держать руки в карманах при разговоре с кем-то – нейтральное поведение, а в России это может быть ошибочно воспринято как демонстрация с его стороны неуважения, пренебрежения.

Таким образом, невербальное поведение представляет собой проявление культуры, тех этических норм, которые приняты в данном языковом сообществе. Вступая в межъязыковое и межкультурное общение, необходимо знать национальную специфику жестов и использовать их в речевом общении в соответствии с семантикой данного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации [Текст] : учебник для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. / Под ред. А.П. Садохина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
2. Пиз, А. Язык телодвижений. Как читать мысли других по жестам [Текст] / А. Пиз. – Нижний Новгород : Ай Кью, 1992. – 262 с.
3. Русский язык и культура речи [Текст] : Учебно-методический комплекс для вузов. / Под ред. А.Г. Антипова. – Кемерово, 2002. – 232 с.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ДРУЖБА»)

М.Ф. Масгутова

Челябинский государственный университет

Lingual identity is one of the main terms widely-used in modern linguistics. The notion “lingual identity” implies the interconnection of both culture and language. Within the framework of our research we would like to focus on the study of English Lingual Identity.

В конце 80-х годов в отечественной лингвистике произошел «антропоцентрический переворот». Термин «языковая личность» (ЯЛ) стал стержневым в современной лингвистике, которая сфокусировала своё внимание на говорящем человеке, изучая его как языковую личность.

Личность является средоточием взаимосвязи культуры и языка, диалектики их развития, поскольку в коммуникативной деятельности пересекаются и взаимодействуют культура и язык.

Впервые к понятию ЯЛ обратился немецкий ученый Л. Вайсгербер, который считал, что язык является неким промежуточным миром (Zwischenwelt) между человеком и внешним миром и обладает абсолютной властью над личностью и над всем процессом познания человеком окружающего мира. Личность способна смотреть на мир лишь через призму собственного языка, который создает определенную картину мира в ее сознании. Вслед за В.А. Масловой, под языковой личностью мы понимаем «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, языковая компетенция, характеризующаяся глубиной и точностью отражения действительности, степенью структурно-языковой сложности, при этом интеллектуальные характеристики языковой личности выдвигаются на первый план» [Маслова, 2004, с. 119].

Национальное своеобразие личности состоит в неповторимом сочетании общих для всех наций и народов элементов, в комбинации системы отношений и ценностей. Мы считаем, что изучение языковой личности – это целенаправленный синтез лингвистических и культурно-понятийных характеристик.

Особый интерес для нас представляет аксиологический подход к изучению языковой личности. Аксиологический, ценностный, уровень языковой личности формируется в процессе воспитания человека и образует систему жизненных смыслов и принципов. Сквозь призму языка личность усваивает духовные представления, формирующие национальный характер. Затем данный языковой образ мира реализуется в процессе языковой коммуникации. Для того, чтобы рассмотреть данный уровень на конкретном языковом материале, нами в течение 2009 года проводился ассоциативный эксперимент, в котором приняло участие 140 респондентов в возрасте от 22 до 46 лет. Все опрашиваемые являются носителями английского языка. Опрос проходил в форме анкетирования и, главным образом, был нацелен на выявление того, какую значимость имеет концепт «дружба» в национальном самосознании англичан.

Согласно полученным результатам, именно ассоциативный эксперимент позволил нам проследить изменение ценностных взглядов носителей английского языка и определить основные жизненные ориентиры представителей английского лингвосообщества.

Анкета состояла из пяти заданий. Мы бы хотели более подробно остановиться на некоторых вопросах нашей анкеты.

Первый вопрос *In your opinion who is a friend?* был нацелен на то, чтобы определить, кем, по мнению респондентов, является друг, и как мыслится данный концепт носителями английского языка. Согласно полученным результатам, мы распределили ответы по двум показателям:

- Характеристики дружбы (чувства, ощущения, понятия).

- Интерпретация концепта на личностном, локальном и национальном уровне.

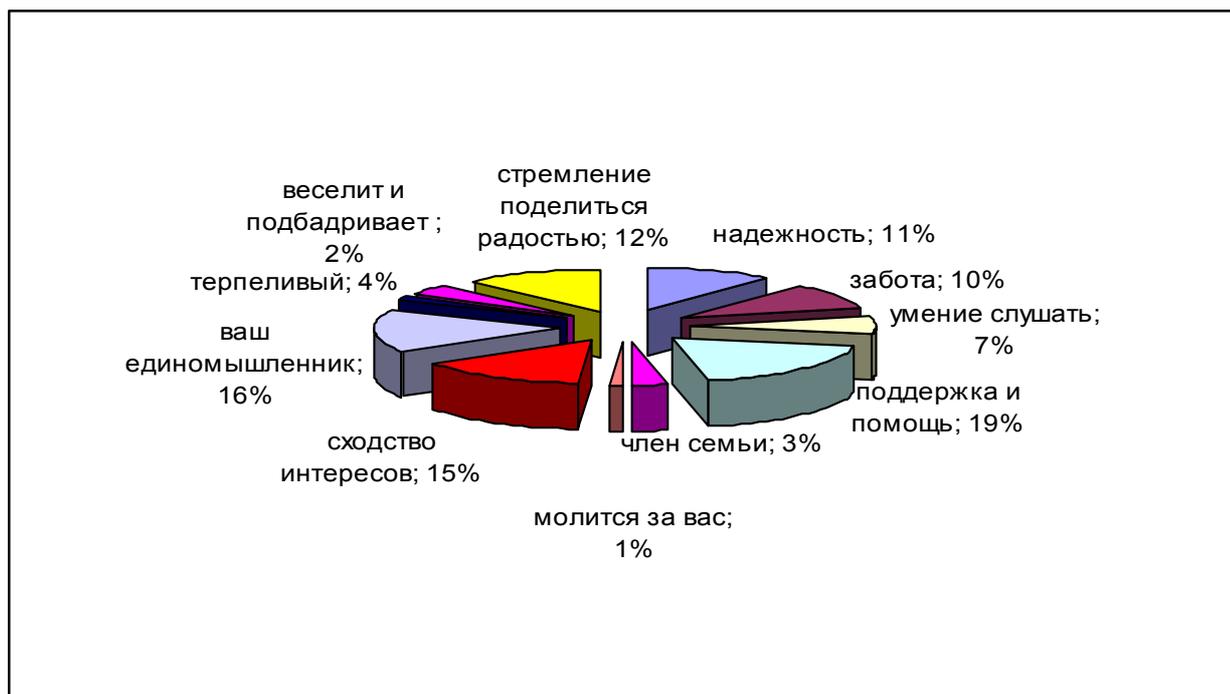
Поскольку концепт «дружба» является универсальным, играющим важную роль в жизни каждого, рассматриваемый концепт находится в центре внимания большинства респондентов, и, на наш взгляд, отражает сложную систему духовно-нравственного и морально-этического измерений картины мира и внутренней, духовной жизни языковой личности.

С точки зрения информантов, дружба выражается следующим рядом лексем, которые носят деятельностный характер: to talk (разговаривать), to accept (принимать), to share life experience, tears, laughter, glee, benefits (делиться своим жизненным опытом, слезами, смехом, весельем, своими благами), to stand by (заступаться), to guide you through life (вести вас по жизни), to enjoy being around (наслаждаться присутствием), to support (поддерживать), to call (звонить), to tell your inner most feelings (делиться самым сокровенным), to learn you (учить вас), to serve (служить), to follow (следовать), to listen to (слушать), to be there (быть с вами), will never let you down (никогда вас не подведет), depend upon (зависеть), to respect (уважать), to confide in (полагаться), to trust (доверять), to feel comfortable (чувствовать себя комфортно), to consider the member of your family (считать вас членом своей семьи).

Некоторые респонденты давали характеристику концепту «дружба» исключительно на личностном уровне, то есть проецировали концепт на отношения между друзьями и блага, которые можно приобрести и получить, благодаря дружбе. A friend is someone who loves you the way you are. – Друг – человек, который любит вас таким, какой вы есть (Анкета №7, доктор, 48); A friend is my soul-mate. – Друг – это мой единомышленник (Анкета №67, учитель, 23).

Мы обобщили результаты толкования концепта «друг» в диаграмме ниже:

Диаграмма 1. Характеристики концепта «друг» для носителей английского языка

Среди самых частотных действий друга – это стремление поделиться своим опытом, счастьем, радостью (12%). Для многих респондентов важно такое качество друга, как сходство интересов (15%). 16% респондентов считают, что друг – это их единомышленник. Одними из главных характеристик друга являются забота и поддержка (19%). В связи с этим респонденты используют ряд синонимов к лексемам – поддержка, поддерживать – stand by, provide support, care for, protect, assist, give support.

Во втором задании анкеты респондентам предлагалась написать пять прилагательных к слову «друг». Лексемы апеллировали к слову «друг» («friend») и имели дескриптивный или оценочный характер.

Полученные результаты представлены в таблице ниже:

Таблица 1.

Дескриптивные лексемы	Оценочные лексемы
Best – лучший	Loving – любящий
Lost – утраченный	Godly – святой
Distant – далекий	Kind – добрый
Supportive – оказывающий поддержку	Loyal – верный
Caring – проявляющий заботу	Love friend – любящий
Close – близкий	Happy – счастливый
Lasting – старый, постоянный	Pain-in-the-butt – занудный
Neutral – неблизкий	Devoted – преданный
Jovial – веселый, общительный	Forgiving – прощающий
Observant – наблюдательный	Special – особенный
Sad – грустный	Honest – честный
Bad – плохой	True – настоящий
Boy friend – друг	Unconditional – бескорыстный
Girl friend – подруга	Fair – справедливый
	Trustworthy – надежный

<p>Animal friend – друг-животное Lucky – удачливый Cheerful – радостный Well-known – известный Good – хороший Real – настоящий Old, old-time – старый Situational – случайный Mutual – общий Funniest – смешной Favorite – любимый Longstanding – старинный Interesting – интересный Easy-going – терпимый, спокойный Childhood – друг детства Lifelong, life – друг на всю жизнь Irreplaceable – незаменимый Dear – дорогой Random – случайный Bosom – закадычный Coming-to-help-me – готовый оказать помощь</p>	<p>Compassionate – сострадательный Annoying – раздражающий Faithful – верный Amazing – изумительный Precious – драгоценный Superficial – мнимый Fair-weather – ненадежный Worthwhile – достойный Lovely – очаровательный</p>
--	--

Таким образом, эмоционально-оценочная характеристика концепта «дружба», выявленная нами на данном уровне, говорит о высокой степени его аксиологизации, о его важности и месте в жизни представителей английской лингвокультуры.

Подводя итоги, мы хотели бы отметить, что рассматриваемый концепт занимает важное место в сознании англоязычной личности, так как он является одним из ключевых концептов, национально-детерминированным и отражающим этнический характер английского лингвообщества. Различные интерпретации концепта «дружба» отражают личность человека, его способность к дружбе и жизненный опыт. Необходимо отметить то, что языковая личность – это не только внешний облик общества, но и внутренне присущий ему атрибут, благодаря которому человеческое общество приобретает принципиально новую, качественно высшую форму своего существования и специфики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] : монография / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987.
2. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] : учебное пособие/ В.А. Маслова. – М. : Флинта : Наука, 2004.

РОЛЬ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ КАК КЛЮЧЕВОГО ОБРАЗА АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

This article defines the concept of woman and its place in the language system. The concept of woman reflects the World View of the native language users in general and may be considered as one of the basic elements in the American culture.

При взаимодействии человека с окружающим его миром он формирует свои представления о нем, вследствие чего складывается картина мира – одно из фундаментальных понятий, описывающих человеческое бытие. Современные представления о языковой картине мира отражают определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный определенному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. Таким образом, понятие «концепт» занимает центральное место в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и ряде других наук.

Лингвисты выделяют целый ряд базисных когнитивных категорий (концептов), которые являются универсальными, ибо отражают единый для всех когнитивный процесс. Одним из ключевых концептов американской культуры является концепт «женщина», который отражает сложную систему духовно-нравственного и морально-этического состояния духовной жизни личности и таким образом дает понять картину мира группы индивидов.

1. Концепт – мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода [Аскольдов, 1997, с. 267]. А также это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова, 2005, с. 329].

2. Стоит отметить, что культура и история народа, а соответственно и картина мира, находят наиболее яркое отражение в сленговых выражениях. Именно в них закрепляются те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами и стереотипами, именно поэтому мы рассматриваем выбранный нами концепт «женщина» на примере американского сленга. «Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [Хомяков, 2008, с. 168].

Опираясь на данные лексикографических источников, мы даем своё собственное определение лексемы «женщина». Женщина – лицо,

противоположное мужчине по полу, взрослое, в отличие от девушки и девочки, вступившее в брачные отношения, и имеющее определенный жизненный опыт.

Отобранный нами лексический материал на английском языке, дает основания сделать вывод, что для более детального и четкого определения концепта «женщина» необходимо выявить комплексный признак лексемы, поэтому нам интересно комбинаторное выражение концепта «woman» в повседневной речи представителей американской культуры.

Наиболее широко лексема «женщина» (woman) представлена в словосочетаниях (прилагательное + существительное): attractive woman – привлекательная женщина, charming woman, girl – очаровательная женщина, elegant woman – элегантная женщина, handsome woman – статная, импозантная женщина, intelligent woman – умная женщина, young woman – молодая женщина, wise woman – мудрая женщина.

Из выше приведенных словосочетаний можно сделать вывод, что ключевым признаком женщины, во-первых, является ее красота и обаяние (иными словами, внешний вид и поведение), во-вторых, ее возраст, и в третьих – принадлежность к мужчине (замужем или свободна).

Часто можно встретить, когда рассматриваемый нами концепт «женщина» несет в себе политическое наполнение. Нам известен тот факт, что на протяжении долгого времени американские женщины боролись за независимость, выступали за политическое, экономическое и социальное равенство полов, и их равноправие в области семейных отношений. Как следствие, мы видим следующее употребление слова «woman» в словарях сочетаемости: women's rights – права женщин, women's movement – движение женщин, women's organizations – организации женщин или женские организации, Women's Liberation Movement – движение за освобождение женщин.

Также в английском языке встречаются словосочетания, которые обозначают принадлежность женщины к какому-либо роду занятий, работе. Скорее всего, предпосылкой этого явилась вышеупомянутая борьба за равенство между мужчинами и женщинами: female servant, girl, woman – служанка, lady-doctor — женщина-врач, lady guest — гостья, newspaper woman – журналистка, woman astronaut – женщина-космонавт, woman prisoner – заключенная.

Существует большое количество организаций, созданных в поддержку женщин во всех сферах жизни. Так называемые «женские объединения» очень развиты в Америке: WAVES = Women in the Navy – «Уэйвз» Женщины на флоте, Women's Army Corps – Женская служба Сухопутных войск, Women's Institute – «Женский институт» (организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности; в рамках которой действуют различные кружки), Women's Rights National Historical Park – Национальный исторический заповедник «Права женщин», Women's Royal Air Force – королевская женская служба, Women's Royal Voluntary Service – Женская королевская добровольная служба.

Проведенное нами исследование показало, что содержательный минимум концепта «женщина» выражается в двух аспектах: 1) женщина обладает сексуальностью и привлекательностью, 2) женщина находится в постоянной борьбе за независимость. Таким образом, лексические средства реализации концепта «женщина» в американской картине мира представлены широкой и яркой палитрой языковых средств.

В проанализированных нами синонимах лексемы «женщина» было достаточно сложно выделить нечто общее между ними, так как в большинстве слов прослеживается не только национально-культурная специфика говорящего, но и его личностное отношение к называемому объекту. Итак, мы выделяем 10 наиболее часто встречаемых образов концепта «женщина»:

1. «Женщина – животное/птица» (27,7%);
2. «Вкусняшка» (16,6 %);
3. «Проститутка» (11,1 %);
4. «Золотоискатель» (9,26 %);
5. «Часть от целого» (7,4 %);
6. «Член семьи» (7,4 %);
7. «Предмет гардероба» (7,4 %);
8. «Ангел» (5,6 %);
9. «Лотерейный номер» (3,7 %);
10. «Феминистка» (3,7 %).

Первый ярко выраженный образ – женщина – животное/птица (Pigeon – голубка; Fox – лисичка; Filly – молодая кобыла; Moose – американский лось). Женщина – вкусняшка второй по частоте употребления образ (Cheesecake – торт; Dish – лакомство; Chick – цыпочка), женщина – проститутка (Call girl – девушка по вызову; Chippy – дешевка; Pro – про), женщина – золотоискатель (Gold digger – золотоискатель; Slick-chick – ловкая, умелая цыпочка), женщина – часть от целого (Ball and chain – ядро на цепи; Better half – лучшая половина), женщина – член семьи (Mama bear – мама-медведь; Red-hot mama – пламенная мамаша), женщина – предмет гардероба (Bra-burner – «поджигательница бюстгальтера»; Suit – костюм), женщина – ангел (Angel – ангелочек), женщина – лотерейный номер (Number – номерок), женщина – феминистка (Goldie locks – золотые наручники; Libber – сторонник движения женщин за свои права).

Из приведенных образов женщин можно сделать вывод, что, в целом, у представителей американской картины мира отношение к женщинам положительное, реже нейтральное. Интересен тот факт, что для ругательного отношения к женщинам используются образы животных, таких как корова, свинья и так далее.

Таким образом, проанализировав внутреннюю форму концепта «женщина» – «woman», мы пришли к выводу, что сам концепт является некой проекцией стереотипных представлений, сложившихся в ходе истории о женщине в американской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов, С.А. Концепт и слово [Текст] / С.А. Аскольдов // Русская словесность: антология / Под ред. В.Н. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267-280.
2. Кубрякова, Е.С. Семантика производного слова [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 2005. – 329 с.
3. Хомяков, В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Хомяков. –Л., 2008. – 168 с.

МЕДИЦИНСКАЯ МЕДИАКАРТИНА МИРА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБЩЕЙ МОДЕЛИ МИРА ИНДИВИДА

Е.А. Михеева

Алтайская академия экономики и права

In the offered paper the author attempts to describe the medical mass-media mode as an integral and at the same time specific component of the general world outlook of an individual, built by means of appropriation of media specific cognitive structures of cognition and reality presentation.

Появившееся на рубеже XIX-XX веков понятие «картина мира» широко используется в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, психолингвистике, концептологии и в других научных парадигмах при исследовании отношений между объективной действительностью, мышлением и языком, при обсуждении проблем мировидения, представления о реальности носителями определенного языка.

Работы российских и зарубежных ученых [А.Н. Леонтьев, В.А. Пищальникова, А.В. Демьянков, Р.И. Павленис, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер и др.], посвященные исследованию и обоснованию сущности понятия «картина мира» и отражающие стремление исследователей выявить характер указанного выше соотношения, способствовали появлению целой совокупности таких понятий, как образ мира, когнитивная система, модель мира, концептуальная система, которые углубляют сложившиеся представления о содержании актуальной познавательной категории.

Кроме того, антропоцентрический подход, акцентированный современной лингвистикой и предполагающий «исследование языковых феноменов в тесной связи с использующим их в разных областях своей деятельности человеком» [Пищальникова, 2001, с. 74] способствовал появлению таких терминологических обозначений, как медиакартина мира, журналистская картина мира, публицистическая картина мира, социологическая картина мира, художественная картина мира, этнокультурная картина мира, которые представлены в работах И.В. Рогозиной, В.Д. Мансуровой, Г.Я. Солганик и др. Предложенные «специализированные картины аспектов реальности» [Рогозина, 2003, с. 141] моделируются на основе различных критериев. Каждая модель, отражает представления ученых о характере репрезентации реальности, и, соответственно, имеет право на существование, поскольку позволяет обнаружить определенный аспект проблемы.

В связи с этим представляется возможным говорить о построении модели медицинской медиакартины мира как «неотъемлемой и вместе с тем по ряду оснований специфической составляющей общей модели мира индивида» [Рогозина, 2003, с. 8], обнаруживающей специфически медийные аспекты медицинской реальности, репрезентированной в сознании индивида-продюцента и индивида-реципиента.

Определяя картину мира как «континуальную систему смыслов, структурирующуюся в деятельности индивида в результате присвоения конвенционального опыта, перцептивных процессов и собственно рефлексии» [Пищальникова, 2001, с. 97], можно предположить, что формирование медицинской медиакартины мира индивидом есть когнитивный результат воздействия на индивида определенным образом репрезентированных фрагментов реальности посредством института СМИ, транслирующего медицинские знания, накопленные на определенном этапе развития общества; результат рефлексии как процесса самостоятельной работы мышления над полученным собственным жизненным опытом, определяющим выбор человека в пользу здоровья; результат интериоризации наивного и научного медицинского знания в ходе межличностного общения.

Продуцируя социокультурные и медицинские стандарты знаний, масс-медиа обуславливают социальную адаптацию и интеграцию людей, нивелируя, например, чувство «инакости» [Волкова, 2008, с. 477] у людей с ограниченными возможностями здоровья, и обуславливая чувство толерантности по отношению к ним со стороны людей, оценивающих себя как потенциально здоровых; обеспечивают социальную защищенность, посредством формирования у индивида суждений о состоянии собственного здоровья, о своём психофизиологическом статусе.

Перерабатывая и презентуя информацию медицинского характера, СМИ эксплицируют медицинские феномены, делая их понятными, вписывая их в имеющуюся систему координат за счёт фиксации фрагментов медицинской реальности с помощью «когнитивных структур, адекватных механизмам как чувственно-наглядного, так и абстрактно-понятийного мышления» [Рогозина, 2003, с. 15], тем самым, способствуя «медиатизации мышления индивидов, посредством присвоения им специфически медийных когнитивных структур познания и представления реальности» [Рогозина, 2003, с. 8]. Иными словами, следствием информационного воздействия на ментальные структуры индивида, является формирование содержания его концептуальной системы, то есть происходит медиатизация мышления индивида.

Целесообразно предположить вслед за И.В. Рогозиной, что медицинская медиакартина мира существует в двух формах – в виде превращённой, т.е. в виде медицинских медиатекстов, с одной стороны, и с другой, в виде ментальной, как результат когнитивной обработки медицинской информации, отобранной на основе индивидуальных аттитюдов и убеждений.

В основе медицинской медиакартины мира лежит особая форма познавательной и предметной деятельности, детерминированная

индивидуальными мотивами, в частности познавательными, связанными у индивида-реципиента с получением знаний о болезнях человека, методах их лечения и профилактики, а у индивида-продуцента с представлением медицинской информации посредством СМИ.

Специфика мотивов, направляющих индивида на восприятие медицинского медиатекста связана с особенностями содержания его концептуальной системы и структуры сознания, которое, согласно позиции А.Н. Леонтьева, «выступает перед нами как движение, связывающее сложнейшие моменты: реальность мира, представленную в чувственности, опыт человечества, отражённый в значении, и пристрастность существования как живого существа, заключающегося в обретении «значения-для-меня» (личностного смысла)» [Приводится по: Иржевская, 2009, с. 61].

Посредством когнитивной обработки медицинской информации, полученной по медиканалам, медицинский медиатекст приобретает личностный смысл и встраивается в систему индивидуального сознания, способствуя формированию новых когнитивных структур репрезентирующих реальность.

Продуцируемые СМИ медицинские медиатексты способствуют появлению у индивида новых ментальных структур путём построения структуры медицинских концептов в опорной концептуальной системе, тем самым определяя поведение и мотивацию человека, в частности связанную с позитивным или деструктивным отношением к своему здоровью. Иными словами, формируемая у индивида-реципиента система медицинских концептов усваивается как часть образа мира в виде специфических знаний, в том числе и о состоянии собственного здоровья. Когнитивная деятельность предполагает построение специфической медицинской картины мира.

Если концептуальная система определяется как система знаний и мнений индивида о действительности или возможном мире [Приводится по: Домбровская, 2006] и фиксируется при помощи языка, обладающего моделирующими свойствами [Рогозина, 2003, с. 137], то, вслед за Р.И. Павиленисом, И.В. Рогозиной, В.А. Пищальниковой, медицинскую картину мира можно представлять как континуальную систему знаний и представлений, конституируемую в процессе интериоризации медицинских когнитивных структур познания и представления реальности, и продуцируемую человеческим мышлением в результате рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова, И.П. Современные парадигмы теории и практики социально-психологической адаптации и интеграции инвалидов по зрению [Текст] / И.П. Волкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 12, Вып. 3, 2008. – С. 477-485.
2. Домбровская, М. В. Концепт «дождь» как компонент национальной картины мира (на материале французского и русского языков) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М.В. Домбровская. – Новосибирск, 2006.

3. Иржевская, В.П. Осознание собственной болезни как проблема в патопсихологии [Текст] / В.П. Иржевская // Вопросы психологии. Вып. 3, 2009. – С. 56-63.
4. Пищальникова, В.А. Общее языкознание [Текст] : учебное пособие / В.А. Пищальникова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. – 240 с.
5. Рогозина, И.В. Медиакартина мира: когнитивно-семиотический аспект [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / И.В. Рогозина. – Барнаул, 2003. – 430 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СТЕРЕОТИПОВ-ОБРАЗОВ В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

М.В.Моисеев

Омский государственный университет

The process of stereotyped images formation in the English linguistic world-image is greatly influenced by contacts and interactions of different cultures resulting in the appearance of certain lexical units reflecting stereotypes.

Термин «стереотип» является междисциплинарным. Это понятие рассматривалось сначала в социологии, затем в психологии, философии, литературоведении, культурологии, этнологии, когнитивной лингвистике, этнопсихолингвистике и лингвокультурологии. Его определение во многом зависит от того, какой из вышеперечисленных наук он используется, так как в каждой из них понятие «стереотип» получает несколько иную интерпретацию.

В когнитивной лингвистике и этнолингвистике стереотип относится к содержательной стороне языка и культуры, т.е. понимается как ментальный (мыслительный) стереотип, который коррелирует с «наивной картиной мира». Существенное уточнение в рассмотрение понятия стереотипа вносит В.В. Красных с позиций этнопсихолингвистики и лингвокультурологии. «Стереотип-представление есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа-представления] национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей» [Красных, 2002, с. 178]. В этом определении чрезвычайно важными являются два момента: 1) выделение национально-культурной маркированности в качестве признака стереотипа; 2) представление стереотипа в виде ментально-лингвального комплекса, отражающее его языковую сущность. По мнению В.В. Красных, стереотип, с точки зрения содержания, есть некий фрагмент картины мира, существующей в сознании, некоторый образ-представление. Это некая ментальная картинка, обладающая рядом специфических для нее свойств. Это устойчивое, минимизировано-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации [Красных, 2002, с. 178-179]. Таким

образом, отличительными свойствами стереотипа, кроме национально-культурной маркированности, являются устойчивость, минимизированность (сведение к минимуму дифференцирующих признаков объекта), наличие инварианта.

В.А. Маслова, представляющая лингвокультурное направление в исследовании проблем, связанных со стереотипами, считает языковым стереотипом не только суждение или несколько суждений, но и любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов, например, устойчивое сравнение, клише и т.д.: лицо кавказской национальности, седой как лунь, новый русский [Маслова, 2001, с. 109]. По ее мнению стереотип – это некоторый фрагмент концептуальной картины мира, ментальная «картинка», устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации. Он являет собой некоторое культурно-детерминированное представление о предмете, явлении, ситуации. Это не только ментальный образ, но и его вербальная оболочка. [Маслова, 2001, с. 110]. Отличительным признаком этого определения является характеристика стереотипа как способа хранения доминантных компонентов какой-либо культуры и идентификатора принадлежности к данной культуре.

Языковой стереотип-образ является структурой ментально-лингвального комплекса, имеющей четко выраженную и устойчивую языковую форму, которая в результате процесса стереотипизации функционирует как национально детерминированное минимизированное представление определённого элемента культуры, содержащее минимальное количество дифференциальных признаков и атрибутов. Например: *Essex girl*, *Essex man*, *Sloane Ranger*.

Формирование стереотипов (стереотипизация) связано с особенностями человеческого мышления и психики. Оно представляет собой сложный и многоступенчатый процесс, включающий восприятие, классификацию и оценку объектов окружающего мира на основе определённых представлений и системы ценностей. Стереотипизация является одной из важнейших характеристик межгруппового и межличностного восприятия и отражает схематичность, аффективную окрашенность, свойственную этой форме социальной перцепции. В зависимости от соотношения субъекта и объекта восприятия можно выделить три класса процессов социальной перцепции: межличностное восприятие, самовосприятие и восприятие межгрупповое.

Так как стереотипы являются, в основном, групповыми представлениями о национальных или социальных группах, то представляется целесообразным при их рассмотрении обратиться к данным социальной психологии. Было установлено, что восприятие социальных объектов обладает специфическими отличиями от восприятия неодушевленных предметов. Во-первых, социальный объект не пассивен и не безразличен по отношению к воспринимающему субъекту. Во-вторых, внимание субъекта социальной перцепции сосредоточено не на моментах порождения образа как результата отражения воспринимаемой реальности, а на смысловых и оценочных интерпретациях объекта восприятия. В-третьих,

восприятие социальных объектов характеризуется слитностью познавательных компонентов с эмоциональными (аффективными) компонентами, большей зависимостью от мотивационно-смысловой структуры деятельности воспринимающего субъекта [Краткий ..., 1985, с. 242].

Так, в конце XIX – начале XX вв. большой приток эмигрантов из Ирландии в США обусловил формирование многочисленной ирландской диаспоры в крупных городах на восточном побережье США, особенно в Нью-Йорке. С 1815 по 1915 гг. в США прибыло около пяти миллионов ирландцев. Только в 1851 г. четверть миллиона ирландцев приехали в Америку, и почти все они обосновались в Нью-Йорке и Бостоне. К 1855 году одна треть всего населения Нью-Йорка была ирландского происхождения. Кроме того, большинство из них были выходцы из сельской местности. Социальные условия иммигрантов были ужасными. «Crime, prostitution, begging, disease, and almost every other indicator of social deprivation existed at levels that are all inconceivable now» [Bryson, 2001, с. 137]. Соответственно, будучи носителями другой культуры, иного варианта языка, ирландцы являлись социальной группой – объектом социальной перцепции для субъекта восприятия (населения Америки, проживавшего на этой территории до переселения ирландцев). Внимание субъекта перцепции, естественно, было сосредоточено на отрицательных оценочных интерпретациях объекта восприятия. Всем членам данной этнической группы приписывались сходные характеристики без осознания различий между ними. В результате, в американской лингвокультуре конца XIX – начала XX вв. сформировался стереотипный образ ирландца, отличительные признаки которого отразились в следующих фразеологизмах: Irish buggy (тачка), Irish beauty (женщина с двумя синяками под глазами), Irish confetti (кирпичи), to get one's Irish up (разозлиться, выйти из себя). Смысл этих фразеологических единиц выражает однозначную негативную оценку ирландского образа жизни в США в тот период. Конфетти разбрасывают на праздниках, но то, что бросают ирландцы – это кирпичи. Женщина, у которой подбиты оба глаза, иронично называется ирландской красавицей, что подразумевает якобы типичное свойство для ирландцев – избивать своих женщин. Вспылить, выйти из себя – значит уподобиться ирландцу. Анализ характеристик, приписываемых стереотипному ирландцу, отражённых в приведённых выше фразеологизмах, показывает, что для восприятия данного объекта перцепции присуща большая степень слитности познавательных компонентов (реальных условий жизни ирландцев в крупных городах США) с эмоциональными компонентами (негативной оценкой свойств ирландцев). Стереотипизация ирландских иммигрантов американцами выполняла ряд функций: поддержание идентификации личности в группе (мы не такие, как ирландцы) и оправдание негативных установок по отношению к другим группам (они плохие, потому что ирландцы).

С ассимиляцией ирландцев американским обществом, вышеперечисленные фразеологические единицы с отрицательной

коннотацией, содержащие элемент «Irish», почти все вышли из употребления. Это указывает на то, что они отражали второстепенные признаки. Часто употребляющимся остался только фразеологизм «to get one's Irish up». «Late in the last century these epithets focused on the Irish, and often, it must be said, they were as witty as they were wounding. Now almost the only slur against these fine people is to get one's Irish up, and that isn't really taken as an insult» [Bryson, 2001, с. 17]. Это свидетельствует о том, что вспыльчивость остаётся основным признаком стереотипа ирландца в американской лингвокультуре.

Аналогичным образом в результате массовой иммиграции мексиканцев в США в американской языковой картине мира сложился определённый стереотип представителя данной национальности, отраженный в следующих языковых единицах Mexican breakfast, Mexican carwash, Mexican overdrive. Фразеологизм Mexican overdrive означает «the neutral gear position used when coasting downhill» [Oxford ..., 2000, с. 254]. Словарь Macmillan даёт следующую дефиницию слова overdrive (ускоряющая передача) «extra gear in a car that allows it to continue to travel fast *while using less power*» [Macmillan ..., 2006, с. 102]. Таким образом, смысл фразеологизма заключается в том, что нейтральное положение передачи позволяет спускаться с холма, не расходуя много топлива, т.е. не затрачивая энергии. То, что этот способ называют «мексиканской ускоряющей передачей», отражает стереотип мексиканцев в американской лингвокультуре, как людей, старающихся не затрачивать много сил на работу, на что указывает компонент дефиниции *using less power*.

Хотя многие авторы считают стереотипы негибкими феноменами, неспособными к изменениям, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что и стереотипы обладают способностью изменяться под воздействием социальных или культурных перемен. «In the UK the *stereotype of a university student* is someone who does not study very much, enjoys drinking a lot of alcohol, misses classes because they always wake up too late, and complains about not having enough money. Some people think students are lazy and do not deserve their grants. But these *ideas are changing, partly because most students no longer receive any government money, almost all students have a lot of debts by the time they get their degrees*» [Longman ..., 2002, с. 1344].

При рассмотрении факторов, влияющих на формирование стереотипов, нельзя игнорировать роль исторических, экономических и социальных факторов. Длительное соперничество и войны Англии с Голландией на море и на суше в XVI– XVII вв. оказали влияние на формирование стереотипа голландца, характерного для того периода. Это отразилось в многочисленных фразеологизмах с отрицательной коннотацией, передающих образ голландца: to do the Dutch act (дать деру, удрать), Dutch courage (храбрость во хмелю), Dutch feast (пир, на котором хозяин напивается первым).

Анализ языковых стереотипов-образов в английском языке показывает, что подавляющее большинство национальных гетеростереотипов имеют отрицательные коннотации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология [Текст]. Курс лекций / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
2. Краткий психологический словарь [Текст] / Сост. Карпенко Л.А; под ред. А.В. Петровского. – М. : «Политиздат, 1985. – 431 с.
3. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
4. Bryson, V. Made in America [Text] : An Informal History of the English Language in the United States / V. Bryson. – New York : Perennial, 2001. – 417 p.
5. Longman Dictionary of English Language and Culture [Text] – Edinburgh : Pearson Education Limited, 2002. – 1568 p.
6. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International Student Edition [Text] – Oxford : Macmillan Education, 2006. – 1692 з.
7. Oxford Dictionary of Idioms [Text] – Oxford : University Press, 2000. – 395 p.

СИМВОЛИКА ЧЕРНОГО ЦВЕТА В ИСПАНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Н.М. Охрицкая

Челябинский государственный университет

Colour plays a large role in Spanish society and color perception of the world is reflected in phraseological system of the language. The sources of black colour in the Spanish language are concealed in the remote past, in associations and symbols.

С течением времени вопрос цветообозначений не потерял своей актуальности. В наши дни появился ряд работ, где современные исследователи изучают прилагательные цвета с точки зрения разных наук, опираясь на опыт предыдущих ученых. Несомненный интерес в этом плане представляют фразеологические единицы, которые, как известно, обладают большой коммуникативной ценностью, т.к. в них ярко отражены материальная и духовная культура нации. Наиболее интенсивно фразеология в национально-культурном аспекте исследуется в русском языке (В.Л. Архангельский, В.Н. Телия, А.М. Бабкин, Ю.Е. Прохоров, Т.Н. Кондратьева, Б.А. Ларин, А.И. Молотков, Н.М. Шанский и др.). На материале испанского языка исследований с культурным компонентом еще очень мало (Н.М. Фирсова, Т.В. Писанова, О.С. Чеснокова, А.В. Вернер, В.В. Яковлева), несмотря на то, что испанский язык принадлежит к наиболее распространенным языкам мира, тем самым, представляя обширный и интересный материал.

В разных культурах символика одних и тех же цветов различна. Это явление подробно описано на примере черного и белого цвета в работах Г.А. Антипова, О.А. Донских, И.Ю. Марковиной, Ю.А. Сорокина. С давних времён у того или иного народа начала складываться определённая гамма любимых цветов. К.П. Исаева отмечает: «От окружающей природы,

темперамента испанского народа, их обычаев и традиций, эстетических норм и религиозных воззрений зависело распространение того или иного цвета в испанском костюме и предметах быта, в произведениях искусства, а также употребление цвета в речи и его отражение во фразеологических единицах» [Исаева, 2005].

Известно, что набор цветовых символов достаточно ограничен. В цветофразеологии испанского языка часто используется черный цвет.

Черный цвет – это цвет отрицания света, греха и ассоциирующегося с ночью, злом, ложью [Трессидер, 1999]: *mercado negro* (черный рынок) – торговля товарами или услугами, продажа которых запрещена или существенно ограничена. Черный цвет – цвет безнадежности, уныния: *verlo negro* (быть пессимистом), *más negro que la pena* (безотрадный, унылый, тоскливый), адского труда: *trabajar como un negro* (вкалывать по-черному), *verse negro* (разрываться на части, с трудом) [Vales, Meléndez 2001, 317]. Помимо этого, черный – символ невежества, дурных намерений: *poner a uno negro* (избить кого-то до полусмерти). Он также неотделим от меланхолии, отчаяния и страха перед сложными жизненными ситуациями: *verlo todo de color negro* (видеть все в черном цвете).

В христианстве черный цвет символизирует тьму смерти, горе, скорбь и зло (сатану называют князем тьмы), низшие уровни или ступени мироздания (загробный мир) и зловещие предсказания [Трессидер, 1999]: *la bestia negra* (черная тварь) – «подстрекатель». Так называют постоянного врага или человека, который создаёт проблемы и препятствия. Возможно, относится к образу дьявола в средневековых сводах, в которых появлялось существо похожее на волка или дракона черного цвета [Buitrago, 2002, с. 83].

Согласно поверьям, черный цвет – синоним несчастья [Трессидер, 1999, с. 410]: *pensamientos negros* (черные мысли), *la noche negra de aquellos años* (черные годы), *tener la negra* (быть неудачником), *estar en la lista negra* (быть в сложной или опасной ситуации). Синоним тяжелого времени: *suerte negra* (горькая доля), *día negro* (неудачный, роковой день), *siempre tuve una suerte negra* (мне никогда не везло), *jesa es más negra!*; *jesa sí que es negra!* (дело плохо!; это конец!), *horas negras* (нужда, тяжелые времена) [www.lingvo.ru].

Именно из Испании пришла любовь к ёрному цвету, цвету власти и силы. Это ярко проявилось на портретах испанских королей или придворных работ Веласкеса (1599–1660) или Гойи (1746–1828).

Черный цвет стал считаться официальным еще в XVI веке. При испанском дворе было принято носить черное, и этот обычай быстро распространился на другие страны Европы. Вплоть до недавнего времени испанские невесты надевали черные платья [www.coloprofi.ru]. Е.А. Анкудинова пишет: «В Испании цветом одежды можно было выказать свою ревность в деле веры. Так, настоящий испанец-католик выбирал черный, серый, коричневый и белый цвета. Дело в том, что эти цвета соответствовали цветам монашеских орденов и явно демонстрировали благонадежность» [Анкудинова, 2008, с. 12]. В свою очередь, Т.В. Козлова упоминает: «Во времена диктата испанской инквизиции такая предосторожность была

нелишней. Одна из версий пристрастия испанских грандов к черному сообщает, что в длительный период Реконкисты аристократы стали так одеваться, чтобы сильнее был контраст между черным одеянием и белой кожей, чем, конечно, арабы (мавры) похвастаться не могли» [Козлова, 1989, 40].

Традиция траурных одеяний уходит у испанцев в прошлое. В прошлом жена, дочь или сестра усопшего ходили в черном долгие годы, а иногда и всю жизнь, если им выпадала несчастливая доля потерять, одного за другим, мужа, отца и брата. Поэтому черный цвет также является символом мрачности, подавленности: *estar de un humor negro* (быть мрачным, подавленным), *más negro que la muerte* (беспросветный, мрачный, хуже некуда (о положении, ситуации)), *estar (или ponerse) negro* (становиться мрачнее тучи – цветовой компонент negro символизирует образ человека в плохом настроении), *negro de pena* (мрачнее тучи) [Buitrago, 2002, с. 85].

В ритуалах и мифах древних народов черный цвет, как символ зла, противопоставит белому, как цвету добра. Черный – антитезис белого [Тресиддер, 1999, с. 413]: *escrito blanco sobre negro* (написано черным по белому), *hacer pasar lo negro por lo blanco* (выдавать черное за белое), *no distinguir lo blanco de lo negro* (не отличать черное от белого) [www.lingvo.ru]. Всё самое негативное в жизни первобытных людей выражал черный. Злые силы, враждебные человеку, в представлениях древних имели черный цвет. В отличие от «белой», «черная магия» апеллирует к силам зла, и приводит человека к гибели и проклятию. В Средние века черная кошка была одним из атрибутов ведьмы. Суеверные люди и сейчас считают, что если черная кошка (*gato negro*) перейдет дорогу, то это к несчастью [www.wikipedia.org].

Черный цвет также может иметь значение чего-то грязного и запачканного: *manos negras* (черные руки), *negro de la uña* (грязь под ногтями). Во фразеологическом обороте *Más negro que Tito* (быть грязным, страшным) используется имя собственное, упоминается Тито или Титоний, сын Лаомедонта, короля Трои, который вместо того, чтобы получить бессмертие, был превращен богами в цикаду [Vales, Meléndez, 2001, 314]. Кроме того, черный цвет – символ подлости: *negra ingratitud* (черная неблагодарность), *el garbanzo negro* (человек, который отличается от других своими отрицательными качествами), *la oveja negra* (паршивая овца) [www.lingvo.ru].

Таким образом, можно сделать вывод, что корни испанских фразеологизмов, имеющих в своём составе черный цвет, кроются в далеком прошлом, в ассоциациях, которые цвет вызывал у людей, в символах, обозначаемых данным цветом: злодейства, тяжёлых последствий и мрачного настроения: *melancolía negra* – черная меланхолия; сверхъестественных сил или Сатаны: *magia negra* (черная магия); беды и несчастья: *día negro* (неудачный день); враждебности, досады, мрачности: *envidia negra* (черная зависть); символ страшного, злого или нечестного: *asuntos negros* (черные дела).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкудинова, Е.А. Вокруг света. Цвет в истории [Текст] / Е.А. Анкудинова. – М., 2008.
2. Википедия, свободная энциклопедия [Электронный ресурс] // URL : www.wikipedia.org
3. Исаева, К.П. [Электронный ресурс] / К.П.Исаева // [София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. Выпуск 8, 2005.](#)
4. Козлова, Т.В. Цвет в костюме. [Текст] / Т.В. Козлова. – М., 1989.
5. Словарь символов [Электронный ресурс] / <http://lib.deport.ru/slovar>
6. Трессидер, Д. Словарь символов [Текст] / Д. Трессидер. – М., 1999.
7. Черный цвет [Электронный ресурс] // URL: www.coloprofi.ru
8. Электронный словарь lingvo [Электронный ресурс] // URL: www.lingvo.ru.
9. Vales, J.C. Dichos y Frases hechas [Text] / José Calles Vales, Belén Bermejo Meléndez – LIBSA, 2001.
10. Buitrago, A. Diccionario de dichos y frases hechas Madrid [Text] / Alberto Buitrago. – 2002.

ИМПЕРАТИВЫ ПО-АМЕРИКАНСКИ

С.А. Питина

Челябинский государственный университет

The article is about misunderstanding and communication difficulties in cross-cultural communication.

Глобальный характер американского варианта английского языка не вызывает сомнения, но распространение американского коммуникативного поведения вызывает не только сомнение, но и активное неприятие. Попробуем подтвердить это на примере анализа коммуникативных тактик сотрудников американского консульства.

Российские граждане привыкли к очередям и бюрократическим процедурам, грубости чиновников и запутанности инструкций. Краснокирпичное здание американского консульства в центре города встретило американским флагом, табличкой с надписью золотыми буквами, милиционером на крыльце и его вопросом: «Куда собралась?». Пропускали в здание по одному с интервалом в 2-3 минуты, стоять можно было только перед крыльцом, не на ступеньках. После 25 градусного мороза холл с пятью милиционерами показался сначала очень приветливым. Попросили вывернуть карманы, снять часы, ремень, сдать кошелек и кредитные карточки (сумку я уже оставила в машине), разрешили взять паспорт, ручку, бумажные деньги. Потом проход до стены и обратно через металлоискатель. Всё по инструкции, как в тюрьме, как с потенциальными террористами, нарушителями закона. Получаю последнее указание на первом этаже подниматься на четвертый этаж, на втором и третьем опять охрана. На четвертом этаже еще один паспортный контроль, еще один металлоискатель и всего один милиционер. Хорошо, что можно снять пальто и есть кресла, где можно собраться с мыслями.

В небольшой комнате человек 12, все молчат, в проеме видны три застеклённые кабинки с номерами, перед каждой кабиной непонятный прибор. Не очень отчётливо вызывают по очереди ко второй кабинке. «Приложите четыре пальца правой руки к сканеру, потом четыре пальца левой руки, потом одновременно два больших пальца», не у всех получается сразу, пальцы потные, от волнения прикасаются не теми пальцами. Когда дактилоскопия пройдена, (вот зачем приборчик!) все 12 еще больше помрачнели. Пришёл охранник, принес фотографии, оброненные на ступеньках, не сразу находится их владелец. Уже полдвенадцатого, скоро начнется собеседование.

Первыми вызывают мужчину с дочерью. Снова просят приложить указательный палец правой руки к сканеру. Собеседование проходит в первой кабинке, все вопросы и ответы слышны всем присутствующим, в открытом американском обществе всё должно быть открытым. Мужчина волнуется, говорит зачем-то, что он армянин, учредитель какой-то фирмы. Долго думает, как ответить на вопрос, почему едет с дочерью, но без жены. Визу ему дают, дочь вообще ни о чем не спрашивают.

Второй просительнице повезло меньше. Консул три раза очень вежливо повторил, что ее ответ несерьёзен, когда она заявила, что едет в США путешествовать. Вызвав на помощь русскоговорящего сотрудника, «главный» американец отчитал ее сначала по-английски, потом весьма вольным переводом сотрудник консульства по-русски. Не могут русские женщины самостоятельно путешествовать, не верят им, когда они хотят поехать в Лос-Анджелес или в Филадельфию. Отчитали и подобрили, бумаги-то у второго посетителя консульства были в полном порядке. Обрадованная женщина стала хвалить Америку и американцев и ругать Россию, непонятно за что. Стало обидно за отечество и неловко за неадекватное поведение соотечественницы.

Третий проситель собрался в гости к матери, забыл от волнения имя ее американского мужа. Его спрашивали о детях, сколько им лет. На все эти вопросы уже есть ответы в анкете.

В анкете есть вопросы и сложнее: «Вы едете в США заниматься терроризмом, проституцией, прочими противоправными действиями?» Ехать хочется всё меньше и меньше, очередь всё ближе и ближе. Полагаю, что не я одна думала о том, что натворила в прошлом, творю в настоящем и сколько натворю в будущем. Тишина между вопросами и ответами гнетущая, всё напоминает допрос с пристрастием в банальном детективе или раздевалку в общественной бане. Решила, что буду проходить собеседование на английском, хоть не так открыто и понятно, может быть, сидящим в комнате. Больше всего меня удивило то, что мне сказали, что моим ответам верят. А если бы не поверили? Так же откровенно с американской непосредственностью и сказали бы, что не верят.

Вечером в новостях передали о террористе на борту американского самолета, которому не помешали металлоискатели, анкеты, строгий

контроль, плохой английский, цвет кожи, отсутствие надлежащей инкультурации в американское общество.

Императивы в коммуникации вызывают ответные императивы, недоверие порождает ответное недоверие.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ И ДИСКУРСИВНАЯ ПРИРОДА НЕТОЛЕРАНТНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С.Н.Плотникова

Иркутский государственный лингвистический университет

В теории межкультурной коммуникации большое внимание уделяется диалогу культур, предполагающему сближение представителей разных культур и их толерантность друг к другу, то есть понимание особенностей других культур, уважение к ним, терпимость к чужому выбору, постоянный поиск новых, все более совершенных форм солидарности.

В 60-х гг. двадцатого века М. Маклюэн образно назвал мир единой планетарной деревней (global village) [McLuhan 1964]. В наши дни эта метафора стала чрезвычайно популярной. В ней подчеркивается как единство человечества, ведь планета Земля – наш общий дом, так и различия между народами, которые, хотя и живут в одной «деревне», но все-таки каждый – «на своей улице». До сих пор мы живем так, что многие из «нас» недовольны «ими», «этими» – представителями других культур – и не в силах преодолеть в себе агрессивность, проявляющуюся в поведении и дискурсе. И проблема здесь не в специфике сознания отдельных нетолерантных личностей, не в том, что именно их сознание направлено на негативно-оценочные концепты. Проблема межкультурной нетолерантности гораздо глубже, она закладывается на уровне коллективного бессознательного, в групповых, а не индивидуальных концептосферах.

Пока еще сравнительных исследований концептосфер разных культур очень мало. Но и имеющиеся единичные работы позволяют раскрыть некоторые важные концептуальные и дискурсивные аспекты межкультурной нетолерантности.

В частности, В. Вудикунст и И. Ким, описывая особенности взаимодействия американской и арабской культур, установили, что трудности в таком взаимодействии возникают из-за актуализации разных наборов ценностных концептов, которыми на бессознательном уровне руководствуются носители этих культур и которые вступают в противоречие друг с другом. Для среднего американца базовыми концептами, по мнению этих авторов, являются: «Materialism» («Практичность»), «Success» («Успех»), «Activity» («Энергичность», «Деловитость»), «Progress» («Устремленность к новым целям», «Движение вперед»), «Rationality» («Здравый смысл», «Разумность»). Соглашаясь, в целом, с этим обобщенным списком экзистенциальных концептов, свойственных модельной коммуникативной личности – носителю британо-американской культуры, все

же думается, что к ним надо добавить еще один значимый для этой культуры концепт – «Privacy» («Приватность», «Право на частную жизнь»).

Для среднего представителя арабской культуры указанные авторы выделяют следующий набор базовых концептов: «Hospitality» («Гостеприимство»), «Generosity» («Щедрость»), «Courage» («Храбрость»), «Honor» («Честь»), «Self-Respect» («Самоуважение») [Gudykunst, Kim 1984: 50].

Поддерживая эти идеи, Д. Андерсон делает более обобщенный вывод о том, что выделенное разграничение наборов базовых поведенческих концептов носит кардинальный характер и отделяет друг от друга средних представителей культур постиндустриального общества с высокоразвитой экономикой и культур индустриального и неиндустриального общества с менее развитой экономикой [Anderson 1991: 97].

Если принимать во внимание вышеперечисленные концепты, то становится возможным объяснить многие проявления нетолерантности в дискурсе, характеризующем людей из другой культуры. Рассмотрим в качестве примера статью, написанную россиянкой, побывавшей в США («Как я была американской школьницей». Эхо планеты, № 24, июнь, 1993). Вот как она описывает женщину, в доме которой она жила, когда училась по обмену в американской школе:

Некоторое время мне довелось прожить в доме пожилой американки, владеющей несколькими гектарами очень дорогой земли на Гавайских островах и активно преумножающей свой солидный капитал. Тем не менее, эта богачка прилежно собирала купоны, которые можно вырезать из газеты или каталога, – они позволяют по специально указанным дням покупать продукты в магазине определенной компании со скидкой. Она без конца сортировала купоны и еженедельно ездила на другой конец города в магазин военного аэродрома, чтобы сэкономить пару долларов. Как я заметила потом, такие купоны во многих американских домах держат рядом с важными деловыми бумагами.

Девушка воспринимает поведение своей хозяйки через призму концепта «Скупость», антиномичного концепта-антиценности по отношению к ценностному для нее концепту «Щедрость». В понимании россиянки американка скупа, хотя ее материальное положение позволяет ей быть щедрой (то есть для скупости нет оправданий). Возведение наблюдаемого положения вещей к концепту «Скупость» наблюдается и в отношении других ее американских знакомых, а также всех американцев в целом:

Как-то я беседовала с преуспевающим хозяином сети мастерских по починке автомобилей. Он с гордостью сообщил, что, будучи сыном матери-одиночки, стал миллионером, потому что всю свою молодость посвятил накоплению денег. Он не тратил ни цента на новую одежду, испортил себе желудок, не встречался с девушками и в конце концов разбогател. Женился он уже в весьма зрелом возрасте, успев к тому времени изрядно подорвать здоровье. Когда я несколько бестактно спросила, стоит ли

тратить лучшие годы жизни во имя будущих богатств, которые не вернут ни того, ни другого, он меня просто не понял.

Самым распространенным словом в американском лексиконе, по моим наблюдениям, является «sale» – распродажа по сниженным ценам. В таких случаях всегда собирается масса народу. По залам, заваленным товаром, рыщут очень сосредоточенные люди. Пока американец решится сделать покупку, он будет долго думать и сравнивать ценники. Когда же покупатель наконец получает на руки выбранный товар, упакованный в фирменный бумажный пакет с ручками, лицо его сияет, поскольку он предвкушает, как будет хвастаться перед знакомыми замечательно дешевой покупкой.

Если обратиться к списку экзистенциальных концептов модельной личности представителя британо-американской культуры, то особенности поведения, которые в своей совокупности были проинтерпретированы россиянкуй как скупость, предстанут, с точки зрения самих американцев, как практичность и разумность, а также – в отношении сына матери-одиночки, хозяина сети автомастерских – как стремление к успеху, движение вперед к новым целям, энергичность, деловитость.

Несоответствие поведения американцев концептуальным ожиданиям россиянки становится главной порождающей причиной ее дискурса. Оценивая американцев по шкале «хорошо – плохо», она считает их поведение «плохим», о чем свидетельствует ее саркастический тон, создаваемый соответствующим подбором языковых средств (*эта богачка прилежно собирала купоны; по залам, заваленным товаром, рыщут очень сосредоточенные люди*).

Сарказм, пронизывающий дискурс, подкрепляется преувеличениями: воображение девушки рисует катастрофические картины жизни ее американских собеседников (*Он не тратил ни цента на новую одежду, испортил себе желудок, не встречался с девушками и в конце концов разбогател*). Сама же она предстает как судья, поскольку присваивает себе право определять, «что такое хорошо и что такое плохо». Она словно обладает знанием некоей высшей истины и неким высшим интеллектом, с высоты которого она оценивает «скупого» американского покупателя. Мысленно следуя за ним от супермаркета до дома, она видит в своем воображении и описывает в дискурсе его примитивную радость и хвастовство перед себе подобными (*лицо его сияет, поскольку он предвкушает, как будет хвастаться перед знакомыми замечательно дешевой покупкой*).

Кроме «обвинения» американцев в отсутствии у них концепта «Щедрость» здесь наблюдается и «обвинение» в отсутствии концептов «Честь» и «Самоуважение», свойственных, как было указано, культурам с менее развитой экономикой. Имплицитной, не выраженной на поверхностном, но легко выводимой на когнитивном уровне пропозицией в описании «богачки, прилежно собирающей купоны», является пропозиция <Нужно не иметь чести и самоуважения, чтобы поступать подобным образом>. Тот же самый смысл приписывается и другим упомянутым людям.

Отсутствие у американцев ощущения того, что у них *должны* быть подобные качества и что они *должны* вести себя по-другому, оценивается россиянкой как глупость, неспособность понять очевидное (*Когда я несколько бестактно спросила, стоит ли тратить лучшие годы жизни во имя будущих богатств, которые не вернут ни того, ни другого, он меня просто не понял*).

Можно сделать вывод, что экзистенциальные поведенческие концепты, усвоенные человеком на бессознательном уровне благодаря длительному нахождению в определенной культуре, бессознательно же проецируются им на представителей другой культуры, поведение которых начинает отвергаться как неуместное в случае несовпадения базовых концептов. Выясняется также, что нетолерантность возрастает по мере увеличения количества несовпадающих концептов:

Расскажу еще об одной семье. Я была знакома со вдовой военного летчика, женщиной очень милой и общительной. Она всегда с любовью говорила о своей семье, но, когда на вечер к ней приезжали внуки (случалось это не слишком часто), спешно прятала посуду, не разрешала трогать ее коллекцию детских книг и ужасно сердилась, если ребята начинали возиться на заднем дворе. Бабушка была недовольна, если внуки просили поесть, – позже она выговаривала их родителям за то, что ребят не накормили дома. Не скрою, меня, выросшую в семье, где бабушка – это воплощенная нежность и доброта, несколько коробил уж очень рациональный стиль общения с внуками американок.

Еще более своеобразно моя знакомая выглядела в роли заботливой матери. Когда одну из ее дочерей выкинул из дома муж, забрав заодно и ребенка, и та в отчаянии пришла к матери, рассчитывая найти здесь поддержку и кров, та долго ругала ее за причиненное беспокойство. Впрочем, оказалась «захваченной» комната для гостей, а главное, дочь проявила явное неуважение к личной жизни матери (ей даже пришлось пропустить пару-другую визитов в клубы, в которых она без конца заседала). Позднее она с досадой сообщила мне, сколько беспроцентных кредитов предоставила дочерям, которые должны жить сами по себе и не вправе полагаться на то, что родители вытянут их из любой неприятности. Наверное, с точки зрения формальной логики все это справедливо, но ведь есть понятия, логике не поддающиеся, и родительская любовь – из их числа.

В этой ситуации россиянку возмущает то, что американке не достает любви и доброты к внукам. В ее сознании концепты «Любовь» и «Доброта» интерпретируются через концепт «Честь»: она не видит у американки «кодекса чести» бабушки, согласно которому себя ведет ее собственная бабушка. То, что американка прячет от внуков посуду, не разрешает им трогать коллекцию детских книг и играть на заднем дворе, воспринимается россиянкой как полное отсутствие «чести» – приверженности к правильному или общепринятому стандарту поведения, обеспечивающей человеку хорошую репутацию. С точки зрения россиянки, репутацию данной американки как матери тоже нельзя признать хорошей: она недовольна тем,

что ее выгнанная мужем дочь «захватила» комнату для гостей и что из-за нее ей пришлось пропустить несколько встреч. В дискурсе россиянки также явно проявляется негодование по поводу отсутствия у американки гостеприимства и щедрости – двух концептов, воспринимаемых ею как абсолютные ценности.

Интерпретация ситуации с позиций концептосферы одной культуры очень сильно отличается от взгляда на эту же ситуацию с позиций концептосферы другой культуры. Американка, несомненно, воспринимает происходящее через призму концепта «Privacy». Это ее частная жизнь: ее дом, ее посуда, ее книги, ее встречи и т.д. Приватность является для нее такой же абсолютной ценностью, каковыми для россиянки являются гостеприимство, щедрость и доброта (честь). Россиянка неправильно понимает собеседницу, думая, что та неискренне говорит о своей любви к семье, поскольку ее поведение якобы противоречит словам. На самом же деле реакция матери на поведение поселившейся в ее доме взрослой дочери объясняется доминированием в ее сознании концептов «Rationality», «Activity», «Materialism», «Success», «Progress»: дочь должна в сложной жизненной ситуации проявить здравый смысл, практичность, двигаться вперед, быть энергичной и деятельной и найти успешное решение своих проблем. Мыслящая в таком ключе мать, конечно, является и доброй, и любящей и, несомненно, воспринимается таковой другими людьми в ее культуре. Непонимание и негативное отношение присуще в подобных ситуациях именно межкультурной коммуникации, что требует особого отношения при подготовке к ней.

Итак, людей, принадлежащих к другой культуре, мы не всегда способны понимать автоматически, поэтому к общению с ними лучше всего готовиться заранее. Каждая культура имеет свое когнитивное «оснащение» – свою концептосферу, определенное общее знание, разделяемое всеми и делающее возможным человеческое сосуществование. Понимание когнитивных оснований чужой культуры ведет к выработке межкультурной компетенции: формированию человека, терпимого к взглядам, отличающимся от его собственных, и не приемлющего идеологии культурного превосходства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anderson, J.W. A comparison of Arab and American conceptions of “effective” persuasion [Text] / J.W. Anderson // Intercultural Communication : A Reader. Ed. by L.A. Samovar, R.E. Porter. – 6th ed. Belmont : Wadsworth, 1991. – P. 96-106.
2. Gudykunst, W., Kim, Y. Communicating with Strangers: An Approach to Intercultural Communication [Text] / W. Gudykunst, Y. Kim. – Reading, MA : Addison-Wesley, 1984. – 284 p.
3. McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man [Text] / M. McLuhan. – N.Y. : McGraw Hill, 1964. – 315 p.

КОНТЕНТ – АНАЛИЗ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Л.В. Путилина

Оренбургский государственный университет

In the article temporal markers are analyzed in the terms of content analysis. The category of time is studied in linguistic world-image.

В статье предпринята попытка описать некоторые аспекты концепта «время» в языковой картине мира (ЯКМ) отдельной языковой личности. Материалом для настоящего исследования послужила книга «Путь русского офицера» – автобиография генерала царской армии А.И. Деникина. Рассуждения автора об окружающей действительности, представленные в автобиографиях, являются выражением индивидуального фрагмента языковой картины мира. Языковая личность А. Деникина, как и любая другая, структурно отражена на вербально-грамматическом, когнитивном и прагматическом уровнях. Индивидуальная ЯКМ представляет собой вариант национальной ЯКМ.

Для анализа категории времени в языковой картине мира Деникина применяется контент-анализ. Контент-анализ, как способ исследования языковой личности, становится одним из распространенных в последнее время методов в лингвистических исследованиях.

Объём текста, подвергнутого контент-анализу составил 70 страниц. Методом контент-анализа были обработаны главы книги, не включившие описания военных действий.

В данной статье на основе метода «контент-анализ» исследуются единицы лексического уровня, а именно существительные, прилагательные и наречия, выражающие какие-либо временные значения. Лексические средства представления концепта время в дискурсе А. Деникина позволяют в определённой степени описать его содержательное наполнение. Образные средства, такие как фразеологизмы, сравнения, пословицы, поговорки и метафоры не рассматриваются. Контент-анализ используется в лингвистических исследованиях для определения присутствия определённых слов или понятий в тексте или массивах текстов. Как пишет А.Н. Баранов, «Сущность контент-анализа заключается в том, чтобы по внешним – количественным характеристикам текста на уровне слов и словосочетаний сделать правдоподобные предположения о его содержании и, как следствие, сделать выводы об особенностях мышления и сознания автора текста – его намерениях, установках, желаниях, ценностных ориентациях и т.д.» [Баранов, 2001, с. 247].

Результаты контент-анализа необходимо соотносить с такими факторами внеязыковой реальности, как личностные характеристики автора текста, его цели, характеристики адресата текста, события общественной жизни и т.д. Контент-анализ применяется для исследования вербально-грамматического уровня, выделяемого в структуре языковой личности Ю.Н. Карауловым и способствует выявлению особенностей использования различных языковых средств для достижения целей общения.

Цель применения контент-анализа в данном случае состоит в определении количественного содержания лексических маркеров категории «Время», одной из онтологических категорий, выделяемых в картине мира языковой личности. «Изучая лексикон языковой личности, мы с неизбежностью вторгаемся и в ее картину мира, и в то же время устанавливаем прагматические векторы, характеризующие ее позицию в мире» [Караулов, 2007, с. 137].

В идиолексиконе А. Деникина по частоте употребления лексические маркеры времени распределились следующим образом: существительные (367 словоформ), наречия (63 словоформы), прилагательные (78 словоформ). Как мы видим, количество наречий и прилагательных практически одинаково. Количество временных маркеров, выраженных существительными, выше более чем в четыре раза. Временные маркеры, представленные существительными, прилагательными и наречиями, составляют около 9 процентов от общего объёма анализируемого текста.

Итак, темпоральные номинаторы в исследуемом текстовом материале представлены различными частями речи – существительными, прилагательными и наречиями, отображающими какой-либо фрагмент или аспект категории времени: определенные или неопределенные по длительности отрезки времени; циклические события человеческой жизни или циклические природные явления; линейность времени и его антропоцентричность.

Временные отрезки *определенной длительности* обозначаются всеми рассматриваемыми частями речи: существительными (184 словоформы), прилагательными (7), наречиями (4). Наиболее частотны существительные: *год* (54), *день* (37), *месяц* (15), *лет* (27). Количество прилагательных и наречий весьма незначительно. Прилагательные: *страстная* (3), *пасхальный* (1), *полуденный* (1), *вечерний* (1), *суточный* (1); наречия: *кратковременно* (1), *долго* (3).

Значительное количество существительных, обозначающих определенную длительность временных отрезков, свидетельствует, на наш взгляд, о профессиональных качествах военачальника, знатока военной науки, где точность и определённость приобретают особую важность. А. Деникин предстаёт как ценитель времени, он не растрчивает его попусту.

Темпоральных номинаторов, обозначающих временные отрезки *неопределенной длительности* выявлено гораздо меньше, что говорит о низкой функциональной значимости таких единиц для данной языковой личности. Это, например, существительные: *досуг* (2), *времена* (1); наречия: *когда-то* (2), *как-то* (4), *когда-нибудь* (1).

Среди номинаторов времени, маркирующих его *линейный характер*, наибольшая вариативность присуща прилагательным (28) и наречиям (52). Вариативность существительных (39) низкая. В качестве темпоральных номинаторов, выраженных прилагательными наиболее частотными являются: *последний* (7), *дальнейший* (3), *бывший* (4). Остальные прилагательные употребляются один, реже два раза (*очередной*, *тогдашний*,

будущий, ближайший) и др. Высокочастотными наречиями, обозначающими линейность времени, являются наречия: *скоро* (6), *тотчас* (5), *теперь* (5), *впоследствии* (14). Другие наречия встречаются в тексте от одного до двух раз (*давно, позже, нынче, прежде, позднее* и другие). Наиболее частотные существительные: *конец* (18), *начало* (10).

Среди темпоральных маркеров, обозначающих *циклический характер* времени можно выделить две группы: слова, обозначающие *циклические природные явления и циклические события человеческой жизни*. Для фиксации циклических природных явлений используются существительные (61) и прилагательные (5). Данные номинаторы не отличаются разнообразием. Наиболее частотными являются существительные *день* (37), *ночь* (10). Количество прилагательных весьма незначительное: *суточный* (1), *полуденный* (1), *вечерний* (2).

Слова, обозначающие циклические события человеческой жизни не так многочисленны, но более разнообразны: существительные (20): *пост* (2), *Пасха* (1), *причастие* (1), *праздник* (8), *получка* (2), *именины* (1) и т.д. Прилагательные (8): *страстная* (3), *пасхальный* (1), *полуденный* (1), *ежегодный* (1) и др. Наречия: *изредка* (1), *часто* (4). Очевидно, что определённое значение для данной личности имеют события церковной жизни.

Антропоцентрические маркеры времени представлены существительными (65 словоформ) и прилагательными (31 словоформа). Чаще всего используются существительные: *возраст* (5), *молодежь* (5), *мальчишки* (6), *молодые* (6), *мальчик* (4), *студент* (5), *старик* (12). Прилагательные: *детский* (5), *школьный* (6), *выпускной* (8).

Использование 96 различных словоформ свидетельствует о достаточной вариативности и разнообразии временных маркеров, отражающих различные периоды человеческой жизни в языковой картине мира Деникина. Как показывают данные контент-анализа, определённой значимостью для этой языковой личности обладает ранний период жизни, что говорит о ностальгии по тем временам, по детству и юности.

Итак, на основе контент-анализа было установлено, что в языковой картине мира генерала Деникина преобладают лексические номинаторы *временных отрезков определённой длительности* (195 словоформ) и лексические номинаторы *линейности времени* (117 словоформ). На третьем месте находятся лексические маркеры, обозначающие *антропоцентричность времени* (96 словоформ). Для выражения временных *отрезков неопределённой длительности* используется всего 10 словоформ. Для фиксации такой характеристики времени, как *циклическость* употреблены 97 словоформ. Из них для обозначения циклических природных явлений используется 65 словоформ, в то время как для обозначения циклических событий человеческой жизни только 32 словоформы.

Наиболее детально в ЯКМ данной языковой личности выражены такие аспекты категории времени как определённая длительность, циклическость,

линейность и антропоцентричность. Менее всего представлено качество неопределённости временных отрезков по длительности.

Время многогранно, разнообразно. Осмысление различных его сторон отдельной языковой личностью отразилось в языке, в частности, в многообразии лексических темпоральных маркеров. Выявленные посредством контент-анализа лексические единицы обозначают различные фрагменты концепта время. Таким образом, можно сделать вывод, что, традиционно выделяемые и описываемые лингвистами аспекты времени, в той или иной степени находят отражение в ЯКМ А. Деникина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] : учеб. пособие / А.Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] : монография / Ю.Н. Караулов. – Изд.6-е. – М. :Издательство ЛКИ, 2007.

КАРТИНА МИРА КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ МУЗЫКАНТА

Н.А. Ригина

Челябинская государственная агроинженерная академия

The article is devoted to the problem of structure of professional linguistic personality. It examines linguistic and conceptual world-image of German modern musician's linguistic personality.

Понятие языковой личности и ее структуры тесно связано с понятием картины мира. Картина мира – исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека [Серебрянников, Кубрякова, Постовалова, 1988, с. 21].

Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношение его с миром, важнейшие условия его существования в мире [Серебрянников, Кубрякова, Постовалова, 1988, с. 11].

Являясь по существу одной из главных составляющих структуры языковой личности, картина мира находит отражение на вербально-семантическом и когнитивном уровнях, опредмечиваясь в первом случае в конкретных знаковых формах и реализуясь в виде особых единиц сознания во втором случае. Другими словами, на вербально-семантическом уровне формируется языковая картина мира, а на когнитивном уровне знания представлены в рамках концептуальной картины мира [Титоренко, 2003, с. 18].

Языковая картина мира – совокупность всех тех фрагментов знания о мире, которые могут быть опредмечены и выражены средствами языка. Единицами языковой картины мира выступают все явления, обнаруживаемые на структурных уровнях языка (слова, словоизменительные и словообразовательные формативы, синтаксические конструкции, тексты) [Титоренко, 2003, с. 19]. По мнению Ю.Н. Караулова, языковая картина мира

на вербально-семантическом уровне образует единую вербальную сеть, где в качестве единиц фигурируют отдельные слова в их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связях, а стереотипами здесь являются наиболее ходовые, стандартные словосочетания, простые формальные предложения и фразы [Караулов, 1987, с. 52].

Концептуальная картина мира – образ мира, преломлённый в сознании человека, т.е. мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности [Тер-Минасова, 2000, с. 47].

Концептуальная картина мира состоит из структурированной совокупности особых концептов – идеальных моделей в индивидуальном сознании, заключающих в себе субъективное знание об объективных явлениях окружающего мира [Титоренко, 2003, с. 20]. По мнению О.Л. Каменской, в этих моделях «индивид реализует личностную экспликацию данных (представлений, мнений, знаний) о том или ином фрагменте внешнего мира, то есть то, что он (индивид) думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира и их отношениях, включая и абстрактные отношения между классами объектов» [Каменская, 1990, с. 23].

В книге «Человеческий фактор в языке» утверждается, что концептуальная и языковая картины мира соотносятся друг с другом как целое с частью. Языковая картина мира – это часть концептуальной картины, хотя и самая существенная. Однако языковая картина беднее концептуальной, поскольку в создании последней участвуют, наряду с языковым, и другие виды мыслительной деятельности, а также в связи с тем, что знак всегда неточен и основывается на каком-либо одном признаке [Приводится по: Тер-Минасова, 2000].

Наше внимание привлекает картина мира языковой личности музыканта. Нами были проанализированы интервью с немецкими музыкантами современной субкультуры, взятые из независимого online-фельетона satt.org.

Языковая картина мира современного немецкого поп-музыканта представлена вербально-семантическим уровнем. Этот уровень предполагает для современного музыканта нормальное владение профессиональной лексикой. Он представлен профессиональным лексиконом музыкантов, в нашем случае мы можем поставить знак равенства между профессионализмами и англицизмами. Это связано с тем, что в последние годы в немецкий язык стало проникать всё больше английских слов. Можно найти много англицизмов в различных профессиональных сферах и, прежде всего, в музыке, спорте, экономике и технике.

В ходе анализа нами были выявлены англицизмы, которые были заимствованы немецким языком без изменения смысла слова: *der Song* (песня), *die Single* (песня), *die Maxisingle* (миниальбом), *der Track* (трек), *die CD* (компакт-диск), *der Live-Show* (живое представление, выступление «в живую»), *der Club* (клуб). Также в речи современных немецких музыкантов встречаются заимствованные глаголы: *rappen* (от английского глагола *to rap* – читать речитатив под музыку), *slammen* (от английского глагола *to slam* –

отстукивать). Немецкие музыканты достаточно часто употребляют сложные слова, одна часть которых заимствована из английского языка, другая часть – немецкие слова, это так называемое смешанное образование: *der Gesangsound* (песня), *die Games-Artisten* (создатели компьютерных игр), *der Sound für Games* (музыка для компьютерных игр), *der Teamwettkampf* (командное соревнование), *die Slam-Szene* (представление, во время которого читают реп и отстукивают ритм). Можно выделить названия музыкальных инструментов, которые встречаются в речи музыкантов: *Snare* (малый барабан), *Percussion* (ударные инструменты), *Drums* (барабаны), *E-Piano* (электро-пианино), а также музыкальные жаргонизмы: *Gig* (выступление), *Jams* (выступление).

Концептуальную картину мира языковой личности современного немецкого музыканта можно представить тремя концептуальными метафорическими моделями, в которых основополагающую роль играет концепт «музыка».

Современные немецкие поп-музыканты в своих высказываниях подчёркивают тесную связь и единение концепта «музыка» и концепта «текст»: ... *mit Texten kann man Songgeschichten schreiben, die Musik strukturieren. Man hört Musik anders, wenn Text dabei ist; Musik ist mein einziger Zugang zum Textschreiben. (...при помощи текстов можно написать истории песен, которые создают музыку. Когда есть текст, воспринимаешь музыку по-другому. Музыка – это мой единственный путь к написанию текста).* В данном случае речь идёт о метафорической модели МУЗЫКА – ТЕКСТ.

Процесс создания (написания) музыки и текста – это процесс трудоёмкий, требующий сосредоточенности и трудолюбия. Это доказывают следующие высказывания музыкантов: *Song schreiben geht überall, ich arbeite ähnlich wie eine Schriftstellerin. (Процесс написания песни происходит повсюду, я работаю так же, как и писательница); Songwriting und Live-Show sind zwei gänzlich verschiedene Dinge. Wo beim zweiten der chaotische und spontane Austausch regiert, würden beim ersten zu viele Köche den Brei verderben. Songwriting ist eine einsame reflektierende Angelegenheit, also stilles Kämmerchen oder unterwegs beim Reisen. (Процесс написания песни и выступление на публике – это две совершенно разные вещи. На выступлении преобладает хаотичный и спонтанный обмен, а при написании песни чьё-либо присутствие могло бы помешать (у семи нянек дитя без глаза). Написание песни – это процесс, который происходит в уединении, т.е. либо в тихой комнатке, либо во время поездки); Ich muss Musik machen. Musik ist der Ernstfall. Die Songs entstehen zuerst über den Inhalt, ich lese viel...; ...das Textschreiben war ein regelrechtes Ringen. (Я должен делать (писать) музыку. Музыка – это серьёзное занятие. Сначала возникает содержание песни, я много читаю...; Создание (написание) текста было настоящей борьбой).* Таким образом, здесь мы выделяем метафорическую модель МУЗЫКА – ТРУД. Своим трудом музыкант создаёт не только музыку и тексты, но и самого себя как профессиональную личность.

При помощи музыки музыканты стремятся создать и вызвать у людей различные эмоциональные состояния: *Mit der Musik evozieren wir Assoziationen von Erotik, Macht, Unterwerfung, Lust, Schmerz, Tod...; Der Song klingt wie Messerwerfen; Ich wollte eine Ambienneffekt erreichen: dass Musik stillstehen kann und sich doch weiterentwickelt.* (Музыка вызывает у нас ассоциации эротического характера, силы, покорности, радости, боли, смерти...; Песня звучит как удар ножа в сердце; Я хотел добиться эмоционального эффекта: музыка становится тише, а потом вновь возрождается). В этом случае мы рассматриваем третью метафорическую модель – МУЗЫКА – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ.

С. Тер-Минасова в своей книге «Язык и межкультурная коммуникация» высказывает мысль, что языковая и концептуальная картины мира тесно взаимосвязаны, находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и восходят к реальной картине мира, окружающей человека [Тер-Минасова, 2000, с. 46]. Мы полагаем, что этот вывод приемлем и по отношению к языковой личности современного музыканта. На вербально-семантическом уровне формируется языковая картина мира музыканта, в которой в качестве единиц фигурируют английские заимствования. На когнитивном уровне формируется концептуальная картина мира, которая представлена тремя метафорическими моделями: МУЗЫКА – ТЕКСТ, МУЗЫКА – ТРУД и МУЗЫКА – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, которые, в свою очередь, объединяет обобщающая метафорическая модель – МУЗЫКАНТ – СОЗДАТЕЛЬ. Таким образом, картина мира языковой личности современного музыканта выражает его специфические особенности, а именно эмоциональность, трудолюбие, позиционирование себя как человека творческой профессии, создающего произведения по всем правилам жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация [Текст] / О.Л. Каменская. – М. : Высшая школа, 1990. – 150 с.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
3. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира [Текст] / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
4. Тер-Минасова, С. Язык и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс] / С.Тер-Минасова // URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_06.php
5. Титоренко, М.Ю. Сленг как составляющая языковой личности подростка [Текст] : дисс ... канд. филол. наук / М.Ю. Титоренко. – Москва, 2003. – 203 с.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С КУЛЬТУРОЙ

Е.С. Рогожникова

Магнитогорский государственный технический университет

The article is devoted to the problems of linguistic world-image and culture.

Языковая картина мира исторически сложилась в обыденном сознании языкового коллектива и является отражённой в языке совокупностью представлений о мире, определённым способом организации действительности. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, с одной стороны; и к идеям американской этнолингвистики, гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа, – с другой.

Современные представления о языковой картине мира, согласно акад. Ю.Д. Апресяну, выглядят следующим образом.

Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отражённые в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надёжным проводником в этот мир. Например, заповеди наивной этики реконструируются на основании сравнения пар слов, близких по смыслу, одно из которых нейтрально, а другое несёт какую-либо оценку: хвалить и льстить, смотреть и подсматривать, добиваться и домогаться, жаловаться и ябедничать и т.п. Анализ подобных пар позволяет составить представление об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики: «нехорошо преследовать узкокорыстные цели»; «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей»; и т.д. Характерной особенностью русской наивной этики является концептуальная конфигурация, заключённая в слове попрекать (попрёк): «нехорошо, сделав человеку добро, потом ставить это ему в вину».

Итак, понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи:

1. Картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира»);
2. Каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки [krugosvet, URL].

Наверное, каждый из нас прекрасно знает, что языкознание и культурология находятся в тесной связи друг с другом. Известный немецкий философ и языковед Вильгельм Гумбольдт указывал на то, что язык это часть культуры. Язык активно участвует во всех важнейших моментах культурного творчества – выработке миропредставлений, их фиксации и

последующем осмыслении. Гумбольдт полагал, что язык и культура настолько тесно связаны друг с другом, что если существует одно, то другое можно вывести из него.

Другими словами, язык является неотъемлемой частью культуры, и объединяет эти две сущности следующее: культура, как и язык, это форма сознания, отображающая мировоззрение человека; культура и язык существуют в диалоге между собой; их субъектом всегда является индивид или социум; нормативность и историзм – сущностные свойства как языка, так и культуры.

Картина, которую представляет собой соотношение языка и культуры сложна и многообразна. Можно выделить три подхода к разрешению этой проблемы. Первый подход заключается в следующем: взаимосвязь языка и культуры оказывается движением в одну сторону; так как язык отражает действительность, а культура является неотъемлемым компонентом этой действительности, с которой сталкивается человек, то и язык простое отражение культуры. Изменяется действительность, меняется и сам язык. В основе второго подхода лежит известная гипотеза Сепира – Уорфа: язык обуславливает способ мышления говорящего на нём народа; способ познания реального мира зависит от того, на каких языках мыслят познающие объекты. Третий подход заключает следующее: отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого; язык может быть воспринят как компонент культуры и как орудие культуры. В то же время язык автономен по отношению к культуре и концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством естественного языка [Маслова, 2001].

Таким образом, из всего вышеизложенного мы можем проследить взаимосвязь языковой картины мира с культурой и, более того, сказать, что языковая картина мира как неотъемлемая часть культуры (наивная или научная) является результатом переработки информации о среде и человеке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] : Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001.
2. Реформатский, А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов [Текст] / Реформатский А. А. / Под ред. В.А. Виноградова. – М. : Аспект Пресс, 2008.
3. Энциклопедия кругосвет [Электронный ресурс] // URL : <http://www.krugosvet.ru>.

ЭТИКЕТНО-РЕЧЕВОЙ ЖАНР «ПОЗДРАВЛЕНИЕ» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

К.А. Соляян

Сибирский федеральный университет, (г. Красноярск)

The object of the article is Chinese congratulations. The aim is to study the linguocultural peculiarities of these congratulations in the context of intercultural

communication. We take an attempt to determine Chinese congratulatory text as a complex of several speech acts on the basis of the theory of pragmatics.

Культура – это своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений [Телия, 1996, с. 226]. Самая важная функция культуры – быть средством передачи разнообразных знаний и информации от одного человека к другому. Язык как культурный объект, т.е. как часть культуры, играет при этом крайне важную роль, воспроизводя логическую и эстетическую картину мира, внося в неё своеобразные коррективы, накладывая на понимание свой отпечаток. Взаимная связь языка и культуры не вызывает сомнений. Каждый язык неотделим от культуры, которая составляет его содержательный, репрезентативный и функциональный аспекты. Язык не только синхронно отражает современную культуру, но и фокусирует ее предыдущие состояния и передает ее ценности от поколения к поколению. Отсутствие определённых предметов и явлений, существующих в одной культуре и не имеющих аналогов в другой, ведёт к отличию в языковом понимании [Бао Хун, 1999, с. 305-310]. Язык – область действий, посредством которых люди в повседневной практике влияют на поведение, мысли и эмоции окружающих, при этом подчёркивается тесная взаимосвязь между действиями, осуществляемыми посредством слов, и социальным контекстом их употребления [Austin, 1963, p. 22-54].

Каждый язык обладает своим собственным способом восприятия и отражения мира и по-своему создает его языковую картину. Выявление культурных особенностей китайских поздравлений очень важно в процессе современной межкультурной коммуникации и заслуживает подробного исследования.

Известно, что праздники являются древнейшими и одними из важнейших проявлений традиционной культуры того или иного народа, формирующейся в течение веков и тысячелетий. Как правило, такие праздники практически не изменялись с течением времени и сохраняли свои традиции празднования. В Китае праздники отчётливо отображают основные черты традиционной общественной организации китайцев. Все праздники, особенно народные и религиозные, связаны с очень давними традициями, с китайскими верованиями, поэтому можно говорить об особой серьезности их празднования в жизни китайцев. Поскольку в Китае основную социальную единицу представляет собой семья, а не индивидуум, то все праздники, по существу, являются скорее семейными, чем государственными.

Задачей данной статьи является определить культурную специфику поздравлений на примере китайских новогодних поздравлений. Рассмотрим традиции празднования китайского нового года (Праздника Весны).

Празднование Нового Года в Китае имеет за своими плечами длительную историю. Изначально оно самым непосредственным образом было связано с жертвоприношениями божествам и предкам, обычно совершаемым в начале или в конце года, и называлось «синьянь» (Новый Год). Однако после Синьханьской революции 1911 года, когда в Китае

приняли новый стиль летоисчисления, он был переименован в Праздник Весны – Чуныцзе (春节), в это время начинается обновление природы, наступает конец холодного, зимнего периода, становится тепло. Китайцы проходят через так называемый, цикл очищения, который начинается изгнанием всех вредных духов и продолжается подготовкой к тому, чтобы привлечь и принять благоприятные знаки и духовные силы наступающего года, то есть сначала в форме установленных семейных обрядов, а затем в виде более свободных публичных развлечений на улицах. Китай как бы застывает в своих традициях и формах быта, связанного строгими правилами и ценностями. Но с изменением общества изменяются и праздники, они теряют свой первоначальный смысл и принимают новый. Если Новый год раньше был связан больше с изгнанием злых духов, принятием духовной силы, то сейчас это отодвигается на второй план. Новый год еще называют праздником «живота», поскольку очень большое значение уделяется еде. Такого рода изменения представляют собой результат приспособления к новой социальной ситуации создания нового культурного равновесия в изменяющемся мире [Горбачев, 1994, с. 528].

Праздник Весны по лунному календарю наступает в полночь второго новолуния после дня зимнего солнцестояния (22 декабря), поэтому по григорианскому календарю он приходится в разные годы на разные даты, с конца января до второй половины февраля. Например, в 2008 году Праздник Весны китайцы начали отмечать 7 февраля, в 2009 году – 26 января, а в 2010 – 14 февраля. В дни праздника обязательно устраиваются традиционные массовые представления, такие как танец львов, пляска драконов, проводятся всевозможные спортивные соревнования.

Праздник Весны активно отмечается несколько дней. На самом деле в общей сложности поздравления продолжаются два месяца. Однако существует большая разница между месяцем, предшествующим официальному дню Нового года, и последующим периодом. Это объясняется тем, что природа заражена злыми духами, и надо отогнать этих носителей зла, нейтрализовать их, чтобы войти в Новый год чистыми веселыми и без страха. Поэтому двенадцатая луна года – это время изгнания духов, очищение дома в материальном и духовном плане. Красочные и веселые карнавальные ночи Праздника фонарей (元宵节) завершают Новый год [赵红, 2007, с. 195].

Любой традиционный китайский праздник не мыслим без обязательной церемонии приобщения к вселенскому торжеству, которое сопровождается приёмом пищи. Можно даже предположить, что всемирно известная китайская кухня обязана своим утончённым мастерством именно этим ритуализированным общественно-религиозным представлениям. В период празднования Нового года традиционная китайская кухня предлагает полный набор блюд, которые символизируют значение этого события в жизни общества. Китайский рынок всегда ориентирован на продукты, которые присутствуют на праздничном столе китайцев. На прилавках магазинов мы

можем видеть традиционные для новогоднего времени разнообразные пирожные, кунжутные шарики, сделанные из миндаля и других орешков, конфеты, фруктовые сладости, не говоря уже о тех продуктах, которые неизменно присутствуют в повседневном рационе каждой китайской семьи – лапша, морепродукты, разнообразная зелень и целебные травы, мясо и многое другое.

Отправляясь в гости для празднования нового года, китайцы делают разнообразные подарки. Например, дарят фрукты. Их лучше преподносить в корзине или сетке, конфеты, пирожные, печенье и торты – в коробках. Родственники и близкие знакомые могут принести мясо, рыбу креветки, сигареты, парное количество бутылок водки или вина, а также одежду. Иностранцы могут преподносить китайцам конфеты, печенье, пирожное (особенно ценится «няньгао» 年糕 – новогоднее рисовое печенье), хороший чай. На Новый год в Китае принято дарить парные предметы, символизирующие единство, семейную гармонию: две вазы, две кружки и т.д. Не следует дарить часы, особенно пожилым, так как их произношение «чжун» (zhong) сходно со звучанием слова «конец, смерть». Не дарят игрушки, детские вещи семье, где нет детей или еще только ожидают их рождения. Сначала подарки дарят лицам, старшим по возрасту и положению. Мужчинам делается предпочтение перед женщинами. В Китае новогодние подарки гостей для хозяев принято дарить перед уходом. Иногда даже оставляют их тайком, чтобы не видели хозяева. Но сейчас подарки дарят сразу. По этикету нельзя равнодушно отнестись к подарку, надо посмотреть его, выразить благодарность и сделать соответствующий ответный подарок. Подаренный значок принято сразу прикрепить к одежде. Будет вежливым предупредить гостя, что в следующий раз не надо приносить подарки. По-китайски это звучит следующим образом: цзай лай ши бу яо се дай ли пинь ла! (再来时不要携带礼品啦!), что расценивается как приглашение прийти в гости на следующий праздник. Ситуация праздника естественно подразумевает поздравление. Обратимся к анализу китайских поздравлений.

Одним из ключевых понятий прагматики является понятие речевого акта, разработанное в теории речевых актов, которая послужила толчком развития прагматики в целом. Основоположником теории речевых актов считают британского представителя лингвистической философии Дж. Остина, представившего единый речевой акт в виде трёхуровневого образования. Речевой акт в отношении к используемым в его ходе языковым средствам выступает как *локутивный акт*; в отношении к цели и условиям его осуществления – как *иллокутивный акт*; в отношении к своим результатам – как *перлокутивный акт*. Дж. Остином было также установлено, что успешность исполнения речевого акта зависит от того, насколько слушающий идентифицирует иллокуцию говорящего, так как значение слова или высказывания в иллокутивном акте рассматривается в связи с коммуникативной направленностью речевого акта. Таким образом, иллокуция – намерение говорящего совершить действие с помощью речи, а

осуществление того или иного действия связано с выбором речевых средств [Austin, 1962, p. 168]. По мнению Дж. Сёрля, иллокутивный акт – есть производство конкретного предложения в определённых условиях, и является минимальной единицей языкового общения [Сёрль, 1986, с. 153].

В соответствии с иллокутивной силой входящих в них высказываний Дж. Остин выделил пять классов таких высказываний: 1) вердиктивы; 2) экзерситивы; 3) комиссивы; 4) бехабитивы; 5) экспозитивы. Свою систему речевых актов предложил американский логик Дж. Сёрль, выделивший: 1) ассертивы или репрезентативы; 2) директивы; 3) комиссивы; 4) декларативы; 5) экспрессивы [Сёрль, 1986, с. 174-176].

Применяя теорию речевых актов к китайским новогодним поздравлениям можно отметить, что поздравительный текст содержит в себе несколько типов речевых актов:

Репрезентативы (передают фактическую информацию о празднике, праздничном событии). Например, в Китае традиционно новогодние поздравления выражаются с помощью *дуйлянь* (对联) – парных надписей.

Их новогодний вариант носит название *чуньянь* (春联) – весенние парные надписи. На полосках бумаги красного цвета делают надписи золотыми иероглифами с пожеланиями счастья и удачи в наступающем году. Их вешают у входа в дом и в комнатах. Например, 金牛贺岁 ; 玉鼠回宫。乙朗芳草地 ; 丑待吉祥年。人勤春来早 ; 草发牛更肥

。 Кроме того, до сих пор существует традиция вывешивать у входа в дом талисман в виде изображения иероглифа счастье 福 (фу). Часто картинку вешают вверх ногами, подчёркивая тем самым ее значение. Когда гости придут с поздравлениями, они сделают замечание: «счастье перевернулось», что будет звучать, как 福反(фу фань) – счастье возвращается [Горбачев, 1994, с. 528]. Сейчас китайцы используют выражение 福到 (фу дао), что означает «счастье пришло».

Экспрессивы (эмоциональная образная составляющая ситуации поздравления, праздничной коммуникации). Например, 祝你新年快乐 ! (Поздравляю с Новым годом! (дословно: желаю тебе весёлого Нового года) или 春节好 ! (Поздравляю с Праздником Весны!), 愿新的一年带给你新的福和欢乐。(Пусть Новый год принесёт тебе новое счастье и радость). В первом случае перформативный глагол 祝 – «поздравлять» представляет ситуацию поздравления, во втором примере – опущение перформативного глагола 祝 «желать» также имеет значение представления праздничной ситуации, а именно, новогодних пожеланий. Данные высказывания обозначают само действие, которое происходит при

осуществлении определённого высказывания, т.е. действие пожелания или поздравления.

Следует отметить, что у китайцев нет такого обычая как в России обмениваться поздравительными открытками. Исключение составляют лишь специально изготовленные новогодние открытки с особыми поздравлениями и пожеланиями Нового года. Приведём несколько примеров, где перформативный глагол 祝贺 будет переводиться на русский язык глаголом «поздравляю»: 祝 (贺) 您 (你) (*Поздравляю вас (тебя) с ...*); 祝你新年快乐! (*Поздравляю с Новым годом!* (дословно: желаю тебе весёлого Нового года)); 祝你新世纪快乐! (*Поздравляю с Новым веком!*); 贺年! (*Поздравлять с Новым годом*); 祝节日好! (*Поздравлю с праздником!* (дословно: желаю хорошего праздника). Действие праздничной ситуации выражается перформативными глаголами, которые и являются поздравлениями.

Из примеров видно, что перформативные глаголы 祝 и 贺 могут употребляться как отдельные глаголы, обозначая одно и то же, а именно, «поздравлять», «желать», т.е. высказывание, в составе которого они употреблены, не описывает соответствующее действие, а равносильно самому осуществлению этого действия.

К устным новогодним поздравлениям можно отнести следующие выражения. Обычно такие поздравления можно услышать в повседневном общении: 您过年好! (Хорошо вам провести новый год!); 新年快乐! (Весёлого Нового года!); 新年好! (*Поздравляю с Новым годом!*) В китайском варианте идёт опущение глагола «поздравить», но на русский язык он переводится: 恭贺新! (Счастья в Новом году! – Такая форма поздравления используется очень редко, в основном в парных надписях); 预祝新年快乐! (С наступающим Новым годом!). В двух последних примерах, наоборот, в русском варианте мы опускаем глагол «поздравить», а в китайском – нет. Примеры представляют собой поздравления, реализующиеся посредством нейтральной лексики, использующиеся чаще всего в устной речи: *хорошо провести, поздравляю, счастья, с наступающим*. Эти поздравления реализуются как до праздника, так и во время празднования, но у китайцев нет такого обычая, как, например, в России, поздравлять друг друга после праздника, то есть с наступившим Новым годом.

В заключении необходимо отметить, что изучение и описание культурных и прагматических особенностей поздравительных текстов позволяет осуществить комплексный анализ языковых механизмов, определяющих его эффективность в осуществлении общей прагматической установки – оптимального воздействия на адресата. На примере китайских

новогодних поздравлений Праздника весны (春节) мы рассмотрели реализацию поздравления в устной речи, письменной (на примере новогодних открыток), а также выявили прагматический аспект новогодних поздравлений.

Необходимо учитывать тот факт, что с изменением общества изменяются и праздники, теряя свой первоначальный смысл и принимая новый, но несмотря на некоторое изменение исторических новогодних фраз (фуфань изменилось на фудао), смысловое значение которых не теряется, традиционное празднование и почитание Нового года в Китае, а также реализация поздравлений посредством перформативных глаголов 祝 и 贺, остается неизменным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бао, Хун. Фразеология в контексте культуры [Текст] / Бао Хун // Национально-культурная специфика фразеологизмов в русском и китайском языках. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С.305-310.
2. Горбачёв, Б.Н. Речевой этикет (Русско-китайский разговорник) [Текст] / Б.Н. Горбачёв. – М. : Русский язык, 1994. – 528 с.
3. Сёрль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. XVII : Теория речевых актов. – С. 170-194.
4. Сёрль, Дж. Р. Что такое речевой акт [Текст] / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. XVII : Теория речевых актов. – С. 151-169.
5. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 228 с.
6. Austin, J.L. How to do things with words [Text] / J. L. Austin. – Oxford : Oxford University Press, 1962. – 68 p.
7. Austin, J.L., Performative-Constatative [Text] / J. L. Austin // Philosophy and ordinary language, ed. by Ch.E. Caton. – Illinois : Univ. of Illinois Press, 1963. – P. 22-54.
8. 中国传统节日习俗 作者:赵红 祁斌 [安徽文艺出版社](#) 2007. – 195 页

ЭКСПОНАТ КАК ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ МУЗЕЯ

А.И. Фофин

Иркутский государственный лингвистический университет

The article refers to the exhibit as the culturological text of the museum's discourse.

Необходимость превращения музея в пространство диалога культур, пространство, наполненное смыслами, в пространство коммуникативное, интерактивное, диалоговое, остаётся весьма острой и актуальной.

Она актуальна и для недавно открытого в Париже на набережной Бранли Музея искусства и культуры Африки, Азии, Океании и обеих Америк. Его

открытие является не только культурным и музееведческим, но политическим и историческим событием, поскольку «далёкие», «экзотические» незападные культуры, которые так долго недооценивались и даже игнорировались или рассматривались как экстравагантная экзотика, приобрели собственное культурологическое пространство. Установление в нем диалога необходимо для того, чтобы проявилась их неявная априори значимость, их глубина, ценность для мировой культуры и взаимосвязь с европейской цивилизацией.

Стремясь дать заинтересованному посетителю представление о жизни другой культуры, музей Бранли представляет вещи, значимые для этого осмысления. Бытовые, культовые предметы, произведения художественного творчества разных стран, находят среду своего нового существования в одном помещении, едином пространстве. Помещенные в другой социально-исторический, культурный контекст, они становятся объектами познания, что предопределено существованием по отношению к ним качественно нового поведения реципиента. Посетитель музея (человек другой культуры) относится к ним именно как к предметам, важным для культурной трансляции, то есть как к тексту культуры. Он пытается изучить механизмы их существования и закономерности появления на свет, тогда как в их «родной» среде они больше воспринимаются на уровне интуиции.

В музее Бранли происходит погружение личности посетителя в специально организованную предметно-пространственную среду, включающую предметы быта, произведения искусства, памятники природы, экзотические предметы, исторические и религиозные реликвии. Несмотря на широчайшее разнообразие экспонатов и существующие между ними различия, все музейные экспонаты включаются в объединяющий их универсум, который позволяет каждому музейному предмету «реализовать его содержание в процессе передачи «музейного текста» [Арзамасцев, 1989, с. 48]. Этот универсум имеет своим основанием категорию знаковости.

Семиотический универсум любой музейной экспозиции возникает в перекрещивании двух знаковых векторов: интерпретационного взгляда посетителя на экспонат (экспонаты, коллекцию) и интерпретационного взгляда на мир, заключенного в самом произведении искусства – экспонате. Совокупность музейных экспонатов может рассматриваться как своего рода текст, описание жизнедеятельности человека, она может быть сравнима с книгой, особым текстом, который написан не привычным вербальным языком, а языком культуры, языком выставочного предмета.

Родоначальник принципа изучения культуры как текста Михаил Бахтин в своей работе «Эстетика художественного творчества» говорит о том, что каждый тип культуры порождает свою специфику репрезентации и выражает ее через символические формы. В символах раскрывается смысл культуры. Для того чтобы понять другую культуру, необходима расшифровка этих символов. Таким образом, М. Бахтин выделяет специфичность различных художественных языков, однако он не отрицает возможности понимания одного языка другим. По его мнению, процесс осмысления неразрывен с

понятием «диалога культур»: «... чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом...» [Бахтин, 1979, с. 354]. Следуя логике теории М. Бахтина, можно утверждать, что музей является базой, дающей возможность существования этого диалога. Музей Бранли – наилучшая констатация этого положения.

Приспосабливаясь к музейной среде, выставочный предмет встраивается в окружающее пространство, вписывается в «сложившуюся морфологию предметного окружения» [Эстетические..., 1990, с. 190]. Музейное пространство или пространство уже сформированной экспозиции выступает активным элементом, оно как бы поглощает все экспонаты, которые теряют индивидуальность, возможность заявить о себе, но приобретают интегральность, целостность, невозможность разделения. Это целостный текст, главы которого значимы только в контексте друг друга.

Такой способ экспонирования характерен для некоторых выставок, проводимых в стенах Музея Бранли, которые рассказывают о каком-то одном событии или явлении (например, выставка к Столетию Клода Леви-Стросса, на которой представлены документы, фотографии, личные вещи). В Музее Бранли существует и другой способ организации музейного пространства. Например, экспонирование в павильоне Сирии одного предмета – паланкина для женщин во время перемещения кочевых племён. Этот единичный экспонат является центром экспозиции, вокруг которого организуется выставочное пространство. Объект активно воздействует своей композиционной определённостью на морфологию окружения, зрительно подчиняя его своей роли. Пространство при этом остаётся пассивным.

В первом случае единичный экспонат приобретает значимость исключительно как «выразитель некоего вышестоящего целого – содержательного, стилистического, декоративного» [Калугина, 1988, с. 15]. Он лишается своей уникальности, своего единичного значения и, если так можно выразиться – своего голоса. Подчиняясь организующей силе музейной экспозиции, вливаясь в массу других, подобных ему экспонатов, он обретает способность говорить, демонстрируя тем самым, стремление к всеохватывающему взгляду на мир, к проявлению себя в универсуме.

Сотрудники музея Бранли не игнорируют задачу обучения языку искусства. Благодаря их усилиям появляется возможность читать экспозиции подобно тексту, рассказу, поскольку за основу их построения берётся представление какой-либо проблемы. Экспозиционный зал наполняется музейными предметами, каждый из которых несёт в себе элемент общего повествования. Через компоненты выставки раскрываются идея и логика заявленной темы, наглядно демонстрируется реальная возможность научиться читать текст музейной композиции.

Культура «всегда детерминирует образ экспозиции, непосредственно – через художественную культуру и опосредованно – через особенности мировосприятия эпохи» [Эстетические..., 1990, с. 24]. Очевидно, что на уровень восприятия реципиентом художественного произведения будут

оказывать влияние время его создания и пространственные особенности, непосредственно связанные с ценностями культуры каждой отдельной страны. В связи с этим, язык музейной экспозиции будет так же по-разному читаться в каждой культурной среде. Значение форм предметной среды может варьироваться и допускает различные толкования. Их интерпретации зависят не только от контекста, но и «...от культурной и социальной принадлежности воспринимающего индивида, особенностей его личной и определяемой ситуацией установки восприятия» [Калугина, 1988, с. 266]. Сообщение, заложенное в предметно-пространственное решение музейной композиции, раскрывается не только через временную последовательность знаков-образов, но и в их одновременной экспозиции, которая может прочитываться в произвольной последовательности. Этот факт является определяющим для относительно большей гибкости правил сочетания форм в пространственном (средовом) контексте по сравнению с языковыми (вербальными) текстами. Несмотря на определённую свободу, язык музейного экспонирования имеет одно жёсткое ограничение, релевантное и для лингвистики. Это ограничение связано с различной трактовкой, с наличием отличных друг от друга вариантов значений одних и тех же объектов для различных социо-культурных групп, отсюда – с проблемой перевода текста с одного языка на другой.

Межкультурные исследования показывают «сходство и различия в восприятии пространства, формы, цвета, движения людьми, принадлежащими к различным культурам» [Эстетические ценности предметно-пространственной среды, 1990, с. 144]. Каждая культура находит свою трактовку одного и того же знака, кроме того, она имеет и свои, не свойственные никакой другой культуре семиотические доминанты, значение которых может быть вообще не воспринято представителями иной «среды». В этом плане, задачей музея становится выработка универсального языка, понимаемого всеми без исключения. Но, в то же время, наряду со стремлением к универсальности понимания экспозиции, музей как наглядное воплощение написанной истории искусств не может рассматривать искусства разных стран как события одной истории. Для понимания внутренней сути каждой культуры музею необходимо выявить общий конструктивный принцип репрезентации художественного объекта.

Музейная коллекция экспонатов как сложный текст культуры (а один экспонат – это один текст) призвана формировать (или совершенствовать, если он уже есть у искушенного посетителя) единый язык «понимания» в создаваемом художественном пространстве, поскольку такой язык необходим для инициирования диалога и реализации интерпретативных процессов. Развернутые и аргументировано доказанные идеи о том, что экспонат музея является текстом культуры и что для его «прочтения», понимания и интерпретации необходимо обратиться к таким понятиям как «гештальт-теория» и «миф», мы находим у О. Шпенглера [Шпенглер, 1993] и Р. Барта [Барт, 2004].

Они аргументированно доказывают, что экспонат музея как текст культуры является мифом, и, следовательно, носителем некоей обобщённой культурологической информации.

Выставочный предмет, становясь экспонатом музея, полностью теряет соотношение с той средой, в которой он когда-то функционировал. Меняя окружающую обстановку, предмет освобождается от утилитарной или исключительно эстетической роли. Подчиняясь законам музейной деятельности, он становится «говорящим» экспонатом, несущим, прежде всего, информационную нагрузку. Каждый выставочный предмет содержит в себе определённую кодировку, набор знаковых составляющих, которые становятся значимыми не только для понимания и интерпретации этого музейного предмета, но для всей совокупности предметов, для трактовки общей значимости всей экспозиции. Выставочная вещь становится отрывком текста, синтагмой, имеющей своё значение при прочтении всего повествования.

В рамках восстановления культурно-исторических контекстов экспонат актуализирует свою функцию предметного опосредования, задавая ситуации экскурса в культуру и историю, чему способствует изменение роли экспоната (предмета представления), что создает дополнительные условия для развития семиотических способностей посетителя. В этом случае представляется не только собственно экспонат, но и те реальности, которые он опосредует. Представляя смысловое содержание экспоната, контексты его бытия, музей Бранли использует различные подходы в организации музейной среды:

- содержательно расширяет экспозиционное пространство посредством привлечения непрофильных материалов (документы, таблицы и т.п.), информационных текстовых сопровождений (каталоги, брошюры, проспекты), аудиовизуальных средств (фильмы, музыка);
- территориально-содержательно расширяет экспозиции посредством создания пространства игрового взаимодействия с экспонатами;
- моделирует ситуации создания и бытия экспонатов (мастерская ремесленника, ткацкая или ювелирная мастерская).

Благодаря подобным подходам сотрудники музея Бранли активно формируют у посетителя способность быть грамотным музейным зрителем (обучают его «чтению» экспонируемых предметов), что предполагает наличие элементарной визуальной культуры, умения самостоятельно (без посредника) вступать в диалог с музейными объектами.

Вся музейная деятельность, организуемая вокруг выставочной работы, призвана не только заинтересовать зрителя, доставить ему эстетическое удовольствие, но предоставить обширную, новую, неожиданную, исчерпывающую информацию о культуре, традициях, образе жизни и художественном творчестве народов далеких экзотических стран, тем самым, приближая посетителя к этим цивилизациям, предоставляя возможность лучше узнать далёкие народы, понять их и оценить.

Музей Бранли является своеобразной моделью переплетения культур разных времен и разных народов в пространстве музея, это не только место

встречи материальных следов различных культур, но и место встречи смыслов и значений, что и позволяет рассматривать его музейное пространство как пространство диалога культур.

Экспонат музея представляет собой знак, символ, раскрытие которого даёт наряду с эстетическим переживанием, некую информацию. Эта дешифровка текста музейного объекта является своеобразным дополнением к нашим уже имеющимся знаниям, она делает картину нашего представления о мире более полной, развернутой.

Экспонат создает целостный когерентный текст, единое интерпретативное пространство. Как и любой другой текст, он обладает качествами целостной когерентности, авторизованной уникальности, идущей от его создателя; так же, как и вербализованный текст, он конституирован такими операциональными категориями, как локализованность в пространстве и времени, персонализация, индивидуализация, квалификативные и квантификативные (цвет, ритм, движение, силуэт, перспектива, линия и т.д.) характеристики. Его отличие от дискретного вербализованного текста явно состоит в том, что он обладает большей силой перцептивного воздействия единого образа, вызывая аффективно-ассоциативные связи в интерпретативных процессах. В едином языке понимания (то есть восприятия, идентификации и приписывания экспонату неких смыслов, идущих от личности интерпретатора), формирующемся в условиях музея и концентрированного погружения в культурную среду экспоната, посетитель оказывается в ситуации декодирования, расшифровки некоего «мифа», репрезентируемого в экспонате.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзамасцев, В.П. О семантической структуре музейной экспозиции [Текст] / В.П. Арзамасцев // Музееведение. На пути к музею XXI века. Сб. научн тр. НИИ культуры. – М. : НИИК, 1989. – С. 43-49.
2. Барт, Р. Мифологии [Текст] / Ролан Барт; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 2004. – 320 с.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин // Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
4. Калугина, Т.П. Художественная экспозиция как феномен культуры [Текст] / Т.П. Калугина //Музей. Сборник статей и публикаций. – Вып. 9. – Сост. А.С. Логинова. – М. : Советский художник, 1988. – С. 12-19.
5. Шпенглер, О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Том 1. Образ и действительность [Текст] /Освальд Шпенглер; пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М. : Мысль, 1993. – 663 с.
6. Эстетические ценности предметно-пространственной среды [Текст] / Под ред.А.В. Иконникова. – М. : Стройиздат, 1990. – 190 с.

О МИФОСЕМИОТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

Д.И. Хизбуллина

Башкирский государственный университет

The article is devoted to the problems of culturology, semiotics and contrastive linguistics in the light of world model theory and linguistic world-image by example of mythological representations in the English, Bashkir and Russian languages.

Метод разложения сложного целого на простые составляющие был признан приемлемым и для лингвистического анализа языка духовной культуры. Сложные структуры различных форм человеческой культуры можно разложить на простые элементы, некоторые из которых повторяются в разных фрагментах культурных образований и культурной традиции. Единицей языка духовной культуры и объектом исследования являются не сами реалии (предметы и явления внешнего мира, растения, животные, лица, действия, свойства, отношения), не их названия и семантика, и не их ментальные корреляты (концепты, образы и понятия), а соответствующие им знаки языка культуры в единстве их формы и символического содержания. Внутри каждого вида явления культуры происходит эволюция, образуя так называемые эволюционные ряды. Для лингвистических исследований в языке культуры выявляется его глубинный уровень – система функционально-символических инвариантов, так называемых парадигм языка культуры или синонимических рядов единиц, которые способны иметь одно и то же символическое значение и одинаковую функцию в различных культурных текстах.

Одну из онтологических констант и категорий картины мира, универсалию мировых культур – **центр мира** или Вселенной символизирует синонимический ряд: Земля – гора – камень. *Земля* – один из четырёх первоэлементов мироздания. В трехчленной вертикальной модели мироздания (верх – середина – низ) Земля оказывается средним элементом, обителью людей, противопоставляемой небу и преисподней. В центре мира находится *гора*, вокруг которой как вокруг мировой оси строится мироздание. С горами в мифах и легендах связаны многие значительные события в истории человечества. На горе Арарат остановился Ноев ковчег, на горе Синай Моисей получил десять заповедей, на горе Монтсальват стоял Замок Грааля, древнетюркское божество Йер-Суб обитало на горе Ланьшань и др. Древние священные *камни* могли быть наделены сложной символикой и также обозначать центр мира. Самым примечательным из этих символов является Омфал – омфалос, который в широком смысле обозначает любую центральную точку. В Греции известен Омфал, находящийся в Дельфийском храме Аполлона. Ирландский камень Лиа Фаль (Лиа Файл) являлся Омфалом – камнем, к которому сходились все дороги Ирландии. Главная мусульманская святыня – камень Аль-хаджар аль-асвад находится в храме Кааба.

В современном подходе всё большее внимание привлекают отношения эволюционных рядов между собой. Ряды образуют семантические, а точнее – семиотические, цепи, а между одновременными, синхронными звеньями различных эволюционных рядов устанавливаются отношения сходства.

Принцип эволюционного ряда как главный принцип упорядочения материала существенно дополняется определением связей несколько иного характера – когда что-то из предшествующего звена становится знаком в последующем, и весь подобный ряд можно назвать эволюционным семиотическим рядом.

Кроме рядов, которые располагаются по ходу времени, для науки важны и ряды, соединяющие концепты одной эпохи из разных рядов в единое целое. Ряды материальных объектов сочетаются с соответствующими им представлениями и вступают в отношения знаковости. Различные исследования и эксперименты показывают, что наш мозг легче распознает то, что мы привыкли видеть. Значит, если подготовить мозг к восприятию некоего объекта, тот он будет понят нашим мозгом и станет привлекательным. Этим же объясняются и культурные различия в понимании красоты. Первые автомобили (конец 19 – начало 20 вв.) подобно каретам разделялись на городские и дорожные и сохраняли соответствующий этому разделению облик. Подобное различие не диктовалось никакими потребностями техники. Автомобиль занял место кареты, и неизбежно хотя бы на первое время должен был принять ее облик [Степанов, 2001, с. 606]. Подобно этому, первые электрические лампы получали форму керосиновых или газовых, первые электрические лифты – форму открытых лестничных площадок, первые входы в метро – форму парадных в жилых домах, изначально аэропорты строились как железнодорожные вокзалы и т.п.

Сходные процессы происходили не только в современном мире и не всегда связаны лишь с техническим прогрессом. Олень как символ скифской культуры, как одно из самых почитаемых животных у многих азиатских и европейских народов, и удивительные памятники погребальных сооружений скифов являются ярким доказательством в пользу теории эволюционных рядов. Когда лошади сменили оленей в хозяйственных функциях, консервативный ритуал погребения потребовал маскировки нового животного, и лошади хоронились в масках в виде головы оленя. Новый объект (предмет, социальное явление, вещество и т.п.) занимает в общественном сознании и жизнедеятельности место какого-то прежнего объекта, принимая его функцию. И форма в широком понимании выступает знаком занятого места, функции или назначения.

Семиотический процесс замещения есть одновременно процесс преемственности и эволюции. Этот процесс в сфере культуры, состоящий в замещении одного предмета другим и переносе на второй формы и облика первого, представляет собой явление того же порядка, что и перенос имени с одного предмета на другой, образование нового слова на основе прежнего, включение прежнего наименования в состав более сложного нового.

На нашем примере универсалий культуры, *Земля* воплотилась в образ матери всего живого, Великой матери, Великой Богини. Ср. греческие Гея – «земля» и Деметра – «земля-мать», малоазийская Кибела, римская Рея, египетская Исида, древнетюркское божество Йер-Суб, славянский культ Земли-Богородицы, Мать Сыра Земля в русском фольклоре, **англ.** *mother*

earth ‘мать сыра-земля’. Ср. **башк.** *Тупрактан яралғанбыз – тупракка һалынабыз, Ерзән сыккан – ергә кайта*. В основе этих образов лежит один из основных архетипов человечества – архетип матери. Человек называется «рожденный землей». В Евангелии человек – это сын Матери-Земли: с ней он одно целое, от неё он родился, благодаря ей живет, и, в конце концов, в неё вернется. Ср. **англ.** *earth-born* ‘смертный, человеческий, рожденный землей’, *every mother’s son* ‘все без исключения, все до одного’. С возникновением земледелия Мать-Земля превращается в Богиню плодородия, которая покровительствует плодородию почвы, скота, людей. Фригийская богиня Кибела – мать богов и всего живого на планете, возрождает природу и дарует плодородие. Ср. **башк.** *Ере барзын еме бар, Күктән көткән ергә табылды*.

В английской и башкирской языковой картине мира *гора* метафоризируется как нечто сходное с живым существом или человеком, имеющим голову – **англ.** *the head of the mountain* – **башк.** *тау башы* ‘вершина горы’; ноги – **англ.** *the foot of the mountain* ‘подножие горы’, лицо – **башк.** *тау бите* ‘склон горы’; спину – **англ.** *the back of the mountain* – **башк.** *тау аркаһы* ‘горный хребет’ и др. В русской языковой картине мира с вершиной горы и с движением на вершину горы связан успех в жизни и житейское благополучие – *взбираться на гору, идти в гору*, путь обратно связан с лишением чего-то – *идти под гору*. Если что-то достигает размера с гору, то это очень хорошо – *пир горой* (обильный), *с гору* (очень большой), *стоять горой* (всеми силами защищать кого-то или что-то). Можно горой или горами двигать – *горы свернуть*, ср. **англ.** *remove mountains* (этим. библ.), что значит сделать очень важное или большое дело, после которого наступает большое облегчение – *как гора с плеч*.

Камнем стали пользоваться как алтарем (домом Бога) на Древнем Востоке, иудеи, римляне (священный камень Юпитера), ирландцы (Камень Лиа Фаль) [Энциклопедия символов, знаков, эмблем, 2005, с. 265]. В Библии камень – символ бытия, природный алтарь, оружие (Давид побивает Голиафа камнем), эмблема Христа (*the Rock of Ages* ‘твердыня вечная’). Одним из грандиозных мегалитических памятников считается Стоунхендж у города Солсбери в Англии. Это древний храм, возможно связанный с культом Солнца и символизирующий небесный круг [Широкова, 2005, с. 101]. Камни обладают сверхъестественными свойствами – ср. **англ.** *have kissed the Blarney Stone* ‘быть льстецом’ (по преданиям, тот, кто поцелует камень в ирландском замке Бларни, обретёт способность льстить), **башк.** *йэй ташы* ‘летний камень’ или *таш колон* ‘каменный жеребенок’ (почитаемое как священное каменное изваяние, которое, по поверью, помогает вызвать или остановить дождь). Камень рассматривался как символ мудрости [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, 2006, с. 690], мог служить именем-оберегом – ср. **башк.** *ташка үлсәем* ‘употребляется, когда не хотят, чтобы болезнь перешла на собственное тело’. В русских народных сказках камни – символическая карта мира, мировая проекция, например, камни-указатели.

Таким образом, данный метод исследования позволяет анализировать на определенном уровне абстракции композицию мифов, духовной культуры, морфологию представлений о мире в глобальном смысле и различных этносов в сопоставительном плане. Кроме этого, возможно составить словарь метаязыка этих представлений, состоящий из неслучайных и упорядоченных единиц, из которых строится некое наднациональное целое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мифология: энциклопедия [Текст] / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2008. – 736 с.
2. Семиотика: Антология [Текст] / под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Акад. Проект, 2001. – 702 с.
3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка [Текст] / ред. Э. Тенишев, А. Дыбо. – М. : Наука, 2006. – 908 с.
4. Степанов, Ю.С. Семиотика концептов [Текст] // Семиотика 2001. – С. 602-612.
5. Широкова, Н.С. Мифы кельтских народов [Текст] / Н.С. Широкова. – М. : Астрель, 2005. – 431 с.
6. Энциклопедия символов, знаков, эмблем [Текст] / – М. : Эксмо, 2005. – 608 с.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РУССКОМ, КИТАЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ

Л.И. Шагиахметова

Институт экономики, управления и права, (г. Казань)

The article describes national character's reflection in Russian, Chinese and English proverbs.

Первоначально понятие **картина мира** употреблялось лишь в философских источниках. «Картиной мира называется картина внутреннего восприятия индивида, формирующая образ окружающей нас действительности» [Философский энциклопедический словарь, 2000, с. 249]. «Под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин, 2007, с. 4]. Данное определение отражает тесную связь окружающей действительности с разными видами человеческого сознания, одним из которых является сознание общественное, социальное, подчеркивающее национальный компонент понятия **картина мира**. Представления, формирующие картину мира, образуют совокупность опыта и жизненного уклада поколений данного народа, сфер деятельности человека со сложностями бытия и его противоречиями. Функционирование данных представлений в языке по принципу преемственности от одного поколения другому, несёт в себе характер абсолюта, т.е. принятия на веру и следования при возникновении определенных жизненных ситуаций незыблемому своду законов и правил.

Таким образом, при употреблении пословиц и поговорок проблема истинности снимается, «так как человек говорит не от себя, а ссылаясь на чужой и тем самым объективируемый опыт [Николаева, 1994, с. 154]».

Особенности языкового общественного сознания накладывают отпечаток на пословицы и поговорки, отражая, национальный языковой характер народа. В.А. Маслова, например, использует термин «этнокультурные стереотипы», который даёт обобщённое представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ [Маслова 2001: 108.]. С.М. Арупонян определяет национальный характер как «своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые и национальные черты привычек и традиций, формирующихся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры» [Арупонян, 1994, с. 23].

Употребление пословиц и поговорок представителями одного народа – естественный процесс передачи информации, который гармонично входит в мировосприятие носителей данного языка как неотъемлемая часть общей картины реальности. Другим образом обстоит дело с представителем иностранной культуры, для которого те же самые паремиологические единицы будут наполнены незнакомым, непонятым национальным колоритом.

Паремиологические единицы русского языка – это некое послание современным поколениям, призывающее ощутить историю своего отечества как судьбу единого национального духа, пробудить национальное сознание, энергию русского народа. Русская история, культура и цивилизация – это уникальное явление национального духа, которому на протяжении многих тысячелетий приходилось преодолевать всяческого рода препятствия, начиная агрессивной природно-климатической средой обитания на огромных пространствах, заканчивая захватническими набегам, войнами и иными катаклизмами, что воспитало в народе привычку чередования напряжения и расслабления. Поэтому в русском паремиологическом фонде тематика пословиц и поговорок охватывает широкий круг суждений о положительном и отрицательном отношении к труду (*Золото познается в огне, а человек – в труде; терпенье и труд все перетрут; без труда не вытащишь и рыбку из пруда; от работы лошади дохнут; от работы не будешь богат, а будешь горбат*), негативном проявлении к лени (*В лес не ездить – на печи замерзнешь; ленивому и солнце не вовремя встаёт*), но в то же время о рациональном чередовании труда и отдыха (*Делу – время, потехе – час; мешай дело с бездельем, проводи время с весельем*).

В английском характере просматривается стремление через индивидуальное самосовершенствование преобразовать окружающий мир. Данная характеристика базируется на идее доказывания конкретными действиями и поступками разумности своего существования, а также желании в любой ситуации сохранять своё добропорядочное имя (*It is never too late to learn; learn wisdom by the follies of others; little knowledge is a*

dangerous thing; live and learn zeal without knowledge is a runaway horse). Однако отметим, что даже такие положительные черты как гостеприимство, доброжелательность истолковываются с рациональной точки зрения. Это четкие понятия, обусловленные рамками этикета и времени (*The best fish smell when they are three days old; friends are thieves of your time; even reckoning makes long friends; familiarity breeds contempt*).

Китайская история, культура, философия, социальная мысль богаты специфическими воззрениями, коренным образом отличающихся от европейских традиционных взглядов. В системе ценностей китайского народа приоритетное место занимают отношения, складывающиеся между природой и людьми. Через познание природы, окружающего мира, человек приходит к осознанию смысла своего собственного существования (Ren bu qi di pi, di bu qi pi; Cao tu jie bing «человек не обидит землю, земля не обидит человека»; Ren guo liu ming, yan guo liu sheng «человек пройдет – останется имя, дикий гусь пролетит – останется звук»; Fen qin zhu he (букв. «сжечь лютию, сварить журавля»)). Каждый день – это неустанный процесс самосовершенствования и доведения начатого дела до идеала (Jing yi qiu jing (постоянно совершенствоваться, не останавливаться на достигнутом); Mo chu cheng zhen (букв. «точить пест, пока он не станет иглой»); Shu peng sheng qiao (букв. «навыки порождают мастерство»)). Китайская традиционная мысль большое внимание уделяет мудрости и внутреннему восприятию бытия. Она исключает попытки объяснения действительности посредством логического анализа, что коренным образом отличает ее от западноевропейской мысли (Ren xin bu zu she tun xiang (букв. «человек, чьё сердце не исполнено удовольствия, подобен змее, пытающейся проглотить слона»; Xiu cai bu chu men, bian zhi tian xia shi (букв. «не выходя на улицу, ученый знает всё, что происходит в мире»)).

Анализ лексикографических источников показал, что подавляющее большинство китайских, английских пословиц и поговорок снабжено русскими соответствиями. Данный факт заслуживает особого интереса, т.к. рассматриваемые нами языки относятся к разным языковым семьям, более того, история и культура носителей данных языков претерпевали различные пути эволюции.

Г.Л. Пермяков в своей работе «Основы структурной паремиологии» полагает, что в китайском, английском и русском паремиологическом фонде существуют изречения «международного распространения, восходящих к одним и тем же источникам» [Пермяков, 2001, с. 138.].

Например: *Мой дом – моя крепость; My house is my castle. Время – деньги; Time is money.*

Второй признак, который Г.Л. Пермяков выделяет в качестве объяснения сходств пословиц и поговорок в различных языках – взаимные заимствования, посредством общих соседей.

Например: *Выше головы не прыгнешь; A man can do no more than he can. Hai zai shen you di, shan zai gao you ding (букв. «хоть и глубоко море, да есть у него дно, хоть и высока гора, а есть у нее вершина). Любишь меня, люби и*

собаку мою; *Love me, love my dog. Ai wu ji wu* (букв. «любишь дом, люби и ворону в нём»).

Главную же причину сходства паремий различных языков, исследователь усматривает в том, что они представляют собой типовые жизненные и логические ситуации или типовые отношения между вещами, а также в общности их основных языковых и фольклорных функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арупонян, Ю.В. Язык культура этнос [Текст] / Ю.В. Арупонян. – М. : Наука, 1994. – 23 с.
2. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 108 с.
3. Николаева, Т.М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика [Текст] / Т.М. Николаева // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. – М. : Издательство «Индрик», 1994. – С. 154.
4. Пермяков, Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока [Текст] / Г.Л. Пермяков. – М. : Лабиринт, 2001. – С. 138.
5. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – С. 4.
6. Философский энциклопедический словарь [Текст] / сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М. : ИНФРА-М, 2000. – С. 249.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАНЦУЗСКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Е.О. Шаповалова

Челябинский государственный университет

Idioms reproduce in their semantics the process of development of the culture of the nation; this is a “soul” of a language, where you can see the spirit and the originality of a nation. The supplementary information in idioms is called the connotation.

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Фразеологизмы – это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации.

При рассмотрении национально-культурной коннотации фразеологии, В.А. Маслова выдвигает следующие гипотезы.

1. В большинстве фразеологизмов есть «следы» национальной культуры, которые должны быть выявлены.

2. Культурная информация хранится во внутренней форме ФЕ, которая, являясь образным представлением о мире, придаёт фразеологизму национально-культурный колорит.

3. Главное при выявлении национально-культурной специфики – вскрыть национально-культурную коннотацию [Маслова, 2001, с. 82].

Фразеологические единицы всегда обращены на субъекта, т.е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Именно это отличает фразеологизмы от других номинативных единиц.

Казалось бы, поскольку у человека сильны общие видовые признаки, то и превалировать во фразеологизмах должно общечеловеческое, универсальное, а не национально-культурное. Однако В.А. Маслова считает, что это касается не всех фразеологизмов, так как если бы значения всех ФЕ были бы культурно-специфичны, было бы невозможно исследовать их культурные различия.

В.Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 117], именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации. Хорошо прослеживается разница между итальянской и российской культурами в следующей паре фразеологизмов: в итальянском *chiudere la stalla dopo che sono scappati i buoi* (досл.: *закрывать хлев после того, как быки сбежали*) и русский эквивалент *пока гром не грянет, мужик не перекрестится*. Данный пример показывает, какие действия итальянцы и русские считают бесполезными для исправления своих ошибок, либо для выхода из трудной ситуации. Закрывать хлев надо вовремя, чтобы быки не разбежались. А принимать меры предосторожности против грозы надо еще до грома: ведь настоящая опасность заключается в молнии.

«Проще всего понять и объяснить культурный аспект тех фразеологизмов, в значении которых большую роль играет денотативный аспект» [Маслова, 2001, с. 83]. В качестве примера можно привести фразеологизмы, одним или несколькими компонентами которых являются названия предметов национальной культуры: *как с писаной торбой носиться* (уделять много внимания); итальянский фразеологизм *essere come il prezzemolo* (досл.: *быть как петрушка, т.е. быть в каждой бочке затычкой*); французский фразеологизм *faute de grives on mange des merles* (дословно – *если нет дроздов, едят ворон, то есть на безрыбье и рак рыба*). Эти фразеологизмы в самом своём лексическом составе содержат указание на сферу материальной культуры. Их значение и неодобрительная оценка формировались с учётом значений этих лексем. Так, *торба* – вид сумки, которую раньше носили нищие и прочий простой люд, она не является ценной вещью, так как хоть и *писаная*, но все же *торба*, а отсюда те, кто носит с ней, вызывают неодобрение. При приготовлении практически любого блюда в Италии в качестве приправы используют петрушку, а для охотников большей удачей считается поймать дрозда, чем ворона. Сюда же можно отнести фразеологизмы, в которых отражена история народа, национальные имена собственные. Так, негативной и в какой-то мере иронической коннотацией обладает французский фразеологизм *l'ordre règne à Varsovie* (досл.: *в Варшаве царит порядок*). В основе данного выражения

лежит историческое событие: 16 августа 1831 года, после жестокого подавления польского восстания, министр иностранных дел Франции Себастьяни заявил: «В настоящий момент в Варшаве царствует порядок». Таким образом, всё выражение означает «спокойствие восстановлено», «вновь водворён порядок» [Приводится по: Маслова, 2001; Гуэрини, 2004; Назарян, 1968].

Чтобы понять, что в ФЕ является носителем культурной информации, необходимо выяснить как возникают фразеологизмы. Сначала в мире возникает некая прототипная ситуация, т.е. ситуация, соответствующая буквальному значению фразеологизма. За ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, т.е. формируется образ фразеологической единицы на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Именно эти первичные слова оставляют в образе свой след. Так возникает внутренняя форма, в которой и содержится основная информация, связанная с культурой.

Таким образом, в самом формировании фразеологизмов, т.е. в отборе образов прослеживается их связь с национально-культурными стереотипами и эталонами. Эта информация затем как бы воскрешается в коннотациях, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой (эталонами, символами, стереотипами).

Итак, фразеологизмы прямо (в их прямом значении) или опосредованно (через соотнесенность ассоциативно-образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры) несут в себе культурную информацию о мире, социуме. Поэтому ФЕ – «своего рода «кладезь премудрости» народа, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет, его культуру от поколения к поколению» [Маслова, 2001, с. 89].

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] : учеб. пособие / В.А. Маслова – М. : «Издательский центр Академия», 2001. – 208с.
2. Назарян, А.Г. Почему так говорят по-французски [Текст] / А.Г. Назарян. – М. : Наука, 1968. – 341 с.
3. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М., 1996. – 315с.
4. Guerini, N. Dizionario italiano-russo di fraseologismi [Text] / N. Guerini. – Milano, 2004. – 321 p.

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «ТОЛЩИНА» В СФЕРЕ ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ СЛОЖНОСТИ В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Н.Ю. Шнякина

Омский государственный педагогический университет

The article considers the role of metaphor and human experience in language and mind, namely in the representation of the conceptual scheme “thick is hard, bad; thin is light, good” in German picture of the world.

Параметрические концепты, отражающие особенности восприятия человеком пространственных характеристик материальных предметов, представляют собой совокупность дифференциальных признаков, служащих основанием метафорических переносов из сферы «пространство» с другие сферы, в том числе оценочные.

Одним из элементов структуры параметрического концепта «толщина» является дифференциальный признак – *сложность механического воздействия* на объект, обладающий значительной толщиной. Действительно, в сознании носителя языка имеется представление, согласно которому материальный предмет, обладающий значительной толщиной, устойчив к воздействиям извне: значительную толщину сложно преодолеть (слопать, пробить и т.д.), незначительная же толщина либо тонкий слой преодолевается легко, не вызывая сложностей.

Анализ языкового материала показывает, что особенность, связанная с преодолением человеком «толстого» и «тонкого» (стен, перегородок, других поверхностей) лежит в основе метафорического переноса из сферы «толщина» в сферу оценки, основанной на признаке «сложность преодоления», где «сложность преодоления» ассоциируется с отрицательной оценкой, а «отсутствие сложности» оценивается положительно. Данное противопоставление входит в концепт «толщина» и представляет собой метафорическую схему «толстый – сложно, плохо/тонкий – легко, хорошо», реализующуюся в немецкой языковой картине мира адъективами *dick* и *dünn*.

Наиболее эксплицитно эта схема выражена в фразеологической парной конструкции «*dick und dünn*»: *Ihn könnte man sich sehr gut als Freund vorstellen, als so einen, mit dem man durch dick und dünn gehen könnte* [Frühaufl, 1983, S. 175]. В русском языке приведённому фразеологическому обороту соответствует выражение «идти за кем-либо в огонь и воду» [Moskalskaja, 2002, S. 339].

Для выражения негативной оценки сложностей в немецком языке употребляется адъектив *dick*:

- ... *und es kommt noch viel dicker, kann ich Ihnen sagen, wenn die Industrie die Roten aussortiert* [Updike, 2001, S. 143].

- ... *mit Ihnen würde ich mich auch im dicksten Dickicht nicht fürchten* [Strittmatter, 1962, S. 147].

- ... *mitten in der dicksten Arbeit* [Klappenbach, 1961, S. 809].

Адъектив *dünn*, наоборот, используется для метафорического описания процесса, не сопряжённого с трудностями:

- *das Brett bohren, wo es am dünnsten ist (sich eine Arbeit bequem, leicht machen)* [Klappenbach, 1961, S 871].

- *er war schon in der Schule ein Dünnbrettbohrer* [Klappenbach, 1961, S. 871].

Таким образом, представленный материал свидетельствует о значительности переносов из сферы «пространство» в другие сферы для

формирования языковой картины мира. Такие переносы представляют собой универсальную схему языкового выражения оценочных конструктов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Frühauf, K. Die Bäume von Eden [Text] / K. Frühauf K. – Halle-Leipzig : Mitteldeutscher Verlag, 1983. – 191 S.
2. Klappenbach, R. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache [Text] / R. Klappenbach, W. Steiniz. – Berlin, 1961-1977.
3. Moskalskaja, O.I. Das große Deutsch-Russische Wörterbuch [Text] / O.I. Moskalskaja. – M. : Русский язык, 2002.
4. Strittmatter, E. Der Wundertäter [Text] / E. Strittmatter – Moskau : Verlag für fremdsprachige Literatur, 1962. – 564 S.
5. Updike, J. Gott und die Wilmonts [Text] / J. Updike. – Rowohlt : Taschenverlag GmbH, 2001. – 735 S.

DAS FRAUENBILD IN DEUTSCHEN UND BENINISCHEN MÄRCHEN AM BEISPIEL VON GRIMMS UND MAXI – MÄRCHEN

Sourou Dieudonne Aglewe

Universite d' Abomey – Calavi, Benin

The article deals with the comparative analysis of concept “woman” in Grimm’s - and Maxitales.

Das Verschwinden der Märchen in Benin bedeutet den Verlust eines großen Teils des Kulturgutes des Landes und somit der Identität des Volkes. Der vorliegende Artikel leistet einen Beitrag zur Bewahrung dieser Märchen vor dem Aussterben, das Ziel besteht darin, das Bild der Frau in deutschen und beninischen Märchen zu untersuchen.

Die vergleichende Analyse des Frauenbildes in den Maxi-Märchen sowie in den Märchen der Gebrüder Grimm zeigt uns viele Gemeinsamkeiten, jedoch auch Unterschiede. Interessant ist allerdings, dass offenbar die Frauengestalten größtenteils dasselbe Bild vermitteln, wenngleich sie in veränderter Form innerhalb oder außerhalb derselben Kultur auftreten. Bei näherer Betrachtung springt ins Auge, dass das Frauenbild in deutschen und Maxi-Märchen zum größten Teil seine Wurzel in der Weltanschauung jeweiliger Kultur hat. Schon eine oberflächliche Betrachtung der Märchen zeigt schnell, dass das Bild der Frau vielfältige Aspekte hat, die sowohl in der Realität als auch in der Märchenwelt der Motivation vieler Handlungen zugrunde liegen. Sowohl in Maxi- als auch in Grimms Märchen beziehen sich viele Erzählungen auf die Charaktereigenschaften junger Mädchen und Ehefrauen sowie alter Frauen, die einerseits ein positives Bild, andererseits ein negatives Bild vermitteln [Freund, 1996].

Im Zuge des positiven Bildes tritt die Frau in manchen Märchen als ein ausdauerndes und waghalsiges Wesen in Erscheinung. Dieses Bild wird meistens von Mädchen und Ehefrauen übermittelt, besonders wenn sie ehrlich und von ganzem Herzen lieben. So treten manche Frauengestalten im Märchen auf, die mit ihren Männern oder Verlobten jede Herausforderung annehmen sowie allerlei Gefahren trotzen. Das Maxi-Märchen mit dem Titel *die Liebhaberin* zum Beispiel veranschaulicht richtigerweise diesen Aspekt. Diese Erzählung inszeniert, wie die

Hauptfigur hart gekämpft hat, um ihrem Verlobten das Leben zu retten. Der Verlobte sollte eigentlich dem Vodún geopfert werden. Es wurde tatsächlich bestimmt, als es Zeit für die jährliche Zeremonie des Vodún war, wer im Dorf der Gottheit geopfert werden sollte. Das Orakel deutete also auf den jungen Mann hin. Unter diesen Umständen und um ihren Verlobten, den sie sehr liebte, vor dem Vodún, also einer heiligen Schlange, zu retten, ging sie zum Schmied und ließ sich einen Bogen herstellen. Zu größter Überraschung aller Dorfbewohner erschoss sie schließlich mit dem Bogen die heilige Schlange und rettete so ihren Verlobten vor dem Tod. Die Lehre am Ende des Märchens lautet: „Von diesem Tag an durfte dank eines jungen Mädchens kein Mensch mehr, sondern nur Tiere dem „Vodún“ geopfert werden.“

Auch in Grimms Märchen ist dieses Bild der ausdauernden und waghalsigen Frau zu finden. In der Tat weisen zahlreiche Grimms Märchen auf Wechselfälle oder tragische Lebensumstände von Verlobten oder Ehepaaren hin, wobei die Frauengestalt trotzdem ihren Verlobten oder Mann nicht davonläuft, sondern ganz im Gegenteil standhält und an der Seite ihres Partners kämpft. Das zeigt die wahre und treue Liebe des schönen und fleißigen Mädchens in *Die wahre Braut*, das seinem Verlobten, einem Königssohn, trotz allem treu bleibt und mit viel Geduld darauf wartet, bis er es wiedererkennt und heiratet.

Abgesehen von diesem positiven Bild der Frau, die sogar in den Wechselfällen des Lebens bei ihrem Mann bleibt, zeigen sie andere Märchen als eine arbeitsame Figur. Der Drang zur harten Arbeit ist eine viel wesentlichere Tugend, welche sowohl Grimms Märchen als auch Maxi-Märchen hervorheben. Die meisten Märchen liefern Hinweise auf den Arbeitseifer der Frau. Die Maxi-Märchen *Das Waisenmädchen und seine Stiefmutter* und *Das Mädchen, das all seine Liebhaber abwies* illustrieren richtigerweise die harten häuslichen Arbeiten, nach deren Bewältigung die Mädchen belohnt werden. Treffende Beispiele in Grimms Märchen wären u. a. *Schneewittchen*, *Frau Holle*, *Die zwölf Brüder* und *Die sechs Schwäne*.

In *Schneewittchen* ermöglicht sich das gleichnamige Mädchen durch häusliche Arbeit ihrerseits Unterschlupf und reflektiert die Vorstellung von Beziehungsverträglichkeit. Den realistischen Aspekt einbezogen, ist die Frau der Vormundschaft ihres Mannes unterstellt. Weiterhin wären die auferlegten Haushaltspflichten in *Frau Holle* nennenswert, welche nach deren Bewältigung belohnt werden. In den Grimmschen sowie in den Maxi-Märchen ist ebenso eine enge Verknüpfung von Fleiß mit Schönheit zu entnehmen. Andere Grimmsche Märchen weisen typischerweise Spuren zur Flachspinnerei auf. Beschreibungen von blutig gesponnenen Händen (Goldmarie), Stich durch Spindel in den Fingern (*Schneewittchen*) zeugen von weiblichen Tätigkeiten, die den Heldinnen öfter zur Schicksalsbewältigung dienen. Die Schwester in *Die zwölf Brüder* bringt sieben Jahre mit Spinnen zu, um ihre Brüder vom Zauber zu befreien. Ebenso ihre Artgenossen aus *Die sechs Schwäne*, welche Brennesselfäden zu Kleidungsstücken spinnt. Folglich resultieren für die Frau Erlösung und gesellschaftlicher Aufstieg aus der Kombination Schönheit und Arbeit.

In den Maxi-Märchen tritt die Frau auch als eine Quelle von Reichtum auf, welche der Motivation vieler Handlungen zugrunde liegt. Als Kindergebärerin erhöht die Frau nämlich das soziale Ansehen ihres Mannes und bestimmt selbst zugleich ihre Stellung in der Gemeinschaft, da sich der Wert eines Menschen, sein soziales Ansehen in der traditionellen afrikanischen Gesellschaft vielmehr oft an der Anzahl seiner Kinder und Enkelkinder, als an seinen materiellen Besitzungen messen lässt. Dies zeigt das Maxi-Märchen *Das kinderlose Ehepaar*. Auch in Grimms Märchen wie *Dornröschen*, *Rapunzel*, *Schneewittchen* und *Daumendick* zum Beispiel trifft man auf dieses Bild der Frau als Kindergebärerin und somit eine eheliche und gesellschaftliche Reichtums- und Erfolgsquelle. Von diesen Betrachtungen ausgehend versteht man die untröstlichen Klagen der kinderlosen Ehepaare und besonders der Ehefrauen in Grimms Märchen. Die Grimmschen Erzählungen geben im Unterschied zu den Maxi-Märchen keinen Hinweis darauf, ob die Unfruchtbarkeit auf den Ehemann oder die Ehefrau zurückgeht, und dass sie einen Grund dafür bildet, dass der Mann eine zweite Ehefrau heiratet. Tatsache ist jedoch, dass die Zeugungsfähigkeit der Frau auch dort im Mittelpunkt der Eheschließung steht.

In Maxi- und Grimmschen Märchen gilt die Frau und besonders die alte Frau als die wichtigste Behüterin der traditionellen Werte und übernimmt dementsprechend eine Initiationsrolle. Es fällt ihr z. B. zu, das Kind in den ersten Lebensjahren zu den moralischen Werten und den gesellschaftlichen Gesetzen sowie den alltäglichen Hausarbeiten anzuhalten. Die alten Frauen veranschaulichen konsequenterweise das Bild der Frau als Garantin der traditionellen Werte und deren Vermittlung.

Weiterhin vertritt man allerdings sowohl in Grimms als auch in Maxi-Märchen ein Frauenbild, das mit einer Anzahl von Untugenden oder negativen Charaktereigenschaften übersät ist. Häufig wird die Bosheit vieler Figuren im Märchen erwähnt. Die Frauengestalten, beispielweise die bösertige Stiefmutter, die alte Frau, die Hexe verkörpern die böse Frau durch etliche Untugenden wie Eifersucht, Hass, Neid usw.

Ein noch sehr einfälliges Frauenbild in den Maxi-Märchen ist das der Frau als ein geschwätziges, wankelmütiges und nicht vertrauenswürdiges Wesen. Zu bemerken ist hier, dass die Frau aus der Sicht der traditionellen Gesellschaft kein Geheimnis wahren kann. Deshalb wird oft in zahlreichen Märchen empfohlen, der Frau kein Geheimnis anzuvertrauen. Erwähnenswert ist das Maxi-Märchen, in dem die Indiskretion der älteren Frau des Jägers zu ihrem Tod und dem ihrer Kinder führt. Die Moral am Ende der Erzählung lautet: *Deshalb vertrauen die Männer heutzutage ihren Frauen kaum Geheimnisse an, weil die Frauen nicht verschwiegen sind; und was man ihnen zu verraten verbietet, genau das teilen sie anderen mit.*

Ein solches Bild der Frau als ein wankelmütiges und nicht vertrauenswürdiges Wesen vertritt auch das Grimmsche Märchen *Rotkäppchen*, in dem sich Rotkäppchen, die gleichnamige Hauptfigur, ein Mädchen, trotz der ausdrücklichen Warnung ihrer Großmutter, nicht vom Wege abzukommen und niemandem zu

trauen, im Wald auf ein Gespräch mit dem Wolf eingelassen hat. Der Wolf horcht Rotkäppchen aus und diese lässt sich leicht überreden.

In Maxi- und Grimmschen Märchen, die ein negatives Frauenbild vermitteln, taucht die Frau meistens als eine wenig emanzipierte, geduldig leidende, inaktive, sich der alles bestimmenden Männerwelt unterordnende, höchstens unterworfen und sich passiv verhaltende, blasse Figur auf. Im Bereich der Ehe reagiert die Frau in den Maxi-Märchen zum Beispiel nicht darauf, dass ihr Mann eine andere Frau heiratet, da die Vielweiberei in der traditionellen afrikanischen Gesellschaft als legitim betrachtet, und die Frau für ein Privateigentum des Mannes gehalten wird. Meines Erachtens ist der Weg zur Ehe in dieser Art für die Frau eine einzige Demütigung, die nicht zum Glück führt, sondern zur Erschütterung des Selbstbewusstseins und zu Gefühlen der Wertlosigkeit. Die Demütigung und Unterwerfung der Frau skizziert sich in weiteren Maxi- und Grimmschen Märchen durch den Zwang zur Heirat, wobei sich die Frau den Entscheidungen ihrer Eltern beugen muss, und die Wahl ihres Mannes nur den Eltern zufällt. In den Grimmschen Märchen *König Drosselbart* sowie *Die sechs Diener* soll die Prinzessin sich nicht nur fügen, sondern sie sollte am Ende noch dafür dankbar sein, dass sie zur Heirat gezwungen wurde. Die Erschütterung und zwar Zerstörung des Selbstwertgefühls der Prinzessin in beiden Märchen wird deutlich in Sätzen wie: „[Ich] bin nicht wert, deine Frau zu sein“ (*König Drosselbart*) oder „Wenn nicht Euer Mann wäre, ...“ (*Die sechs Diener*).

Da das Märchen kulturgeschichtliche psychologische Sachverhalte reflektiert, symbolisiert und interpretiert, ist auch das Bild der Frau im Märchen äußerst facettenreich. Die Maxi- und Grimmschen Märchen sind jeweils und untereinander durch Kontraste und Parallele gekennzeichnet. So werden viele ambivalente Figuren dargestellt, die sich in gute und böse, aktive und passive einteilen lassen.

Eine der Frauengestalten in den Maxi-Märchen, auf die sich das Motiv der Bosheit oft bezieht, ist die Mitfrau. Auch in Grimms Märchen ist die böse Ehefrau oft zu finden. Hingegen taucht sie in keinem der bekannten Grimmschen Märchen in der Gestalt der Mitfrau auf, sondern stets als Stiefmutter, die dem Waisenkind allerlei Misshandlungen zufügt. Dies kann sich durch den großen Einfluss des Christentums auf dem deutschen bzw. europäischen Raum erklären, das die Polygamie nicht erlaubt. Allerdings deuten die Maxi-Märchen gleichzeitig auf die Folgen der Polygamie hin, die viele Schäden in den Familien anrichtet.

Auf Seiten der deutschen und zwar Grimmschen Märchen liefert die Gestalt der Spinnerin typischerweise ein durch Fleiß geprägtes einziges Frauenbild. Im Grimmschen Märchen *Die drei Spinnerinnen* gilt der Spinnfleiß als ein Maßstab, an dem die Qualität der Mägde und Hausfrauen und der künftigen Hausfrauen gemessen wird. Fleißige Spinnerinnen wurden oft belohnt, schlechte und faule angeprangert und verspottet. Alte Frauen überwachen besonders das Spinnen und allgemein die Hausarbeit, bestrafen die Faulen und belohnen die Fleißigen [Schödel, 1990].

Das oben Gesagte zusammenfassend lässt sich folgende Schlussfolgerung ziehen. Trotz vieler übereinstimmenden Momente in beiden betrachteten

Märchentraditionen kann man abhängig von den nationalen Besonderheiten eine Reihe von Unterschieden ausmachen.

LITERATUR

1. Brüder Grimm, Kinder- und Hausmärchen. 3 Bände, Reclam Universal-Bibliothek, Stuttgart, 1980.
2. Freund, W. Deutsche Märchen. Eine Einführung. Wilhelm Fink Verlag, München, 1996.
3. Schödel, S. Märchenanalysen. Reclam Universal-Bibliothek, Stuttgart, 1990.

DYNAMIC CULTURAL KNOWLEDGE AND THE LEXICON

Carlos Inchaurrealde

Universidad de Zaragoza, Spain

For the lexicon of any language dynamic knowledge is as important as static knowledge. However its complexity should be approached from many different perspectives. Some examples involving pragmatic and cultural interaction are shown here.

Different types of knowledge

Understanding and using vocabulary in any language involves both static and dynamic knowledge. The classical approach to the lexicon is static. However, scholars nowadays use a different perspective, especially in the cognitive approach to vocabulary usage. According to Langacker [6], lexical units are merely points of access, and therefore “concepts are simply entrenched cognitive routines”. (...) “The entity designated by a symbolic unit can (...) be thought of as a point of access to a network”. In this kind of description we assume some type of semantic networking in which the key word is 'activation', a term used in connectionism to designate the degree of strength that the different nodes in a neural network may have [1]. It is thus necessary to leave behind us the fixed-entry approach, provided by a dictionary perspective on the lexicon, and adopt some sort of distributed, encyclopedic view. This approach to vocabulary is now well-established. Some examples: The encyclopedic approach [8], different types of knowledge [3], the notions of cultural scripts and 'cultural key words', etc. Wierzbicka [12] gives many examples of cultural key words in languages as diverse as English (both British and Australian), Russian, Polish and Japanese.

As a matter of fact, there are many kinds of knowledge involved in vocabulary. There is basic linguistic knowledge, which is not independent, and there is also a certain knowledge of the structure of external reality, based on bodily and sensory experience, which can be mapped onto knowledge about word classes and grammar categories (nouns, verbs, categories of number, person, tense, aspect, mood, modality, etc.). In addition, we also have discursive knowledge of some kind. The different types of mental storage (short-term memory, long-term memory, episodic memory, semantic memory) are connected with different types of knowledge structures that may be required for text production and interpretation. One such structure is the organization of global topics that a text is about, what Van Dijk [2] called “thematic structure.” Other structures refer to formal schemata used to describe the general form of a discourse (Van Dijk's

“superstructures”). However, there are oppositions concerning the knowledge that can be required for the correct understanding of a text, which may be of many other kinds as well, as Van Dijk [3] himself reminds us: representational (“knowing what”) vs. procedural (“knowing how”); based on its social scope (personal, interpersonal, social, cultural); referential (specific or particular facts vs. general events or states); ontological (real events, concrete events, abstract events, fictitious events, historical events, etc.); or based on strength (absolute vs. relative certainty). And this discourse knowledge can be shared. In any piece of discourse, regardless of the manner in which the linguistic message is being developed in a temporal sequence, there is always knowledge that should be available to both the speaker and the addressee. Socially shared knowledge may be in the message (e.g. the speaker may assume that the addressee knows certain information that derives from experiences they have shared) or in the presentation of the message (e.g. a technical writer may omit heading conventions in a text like ‘results’ and ‘discussion’ because the content is clear).

It is important to consider all kinds of knowledge. Let us take for instance the distinction between personal, interpersonal, group and cultural knowledge. These categories are relevant for discourse understanding. Personal knowledge cannot be presupposed but can be emphasized and asserted when relevant, and the other kinds of knowledge can be presupposed only when the message is to be used within the scope of its own domains (e.g. group knowledge is to be presupposed only within the group, not among groups). These oppositions often concern vocabulary, and this is especially the case with specialized terminology and slang. Interpersonal, group and cultural knowledge, however, can cover procedures and whole events (e.g. when delivering a text about everyday life in Franco’s Spain many things that do not need to be explained if the reader is a Spaniard who is old enough to have memories of those days). We have the same situation with different categories of knowledge according to reality and concreteness of reference (whether the events described are real, concrete, abstract, fictitious, historical, etc.). But here cultural and in-group keywords with their associated scripts come into play.

We may wonder whether we really need to use these categories for the representation of discourse. Certainly, for some languages, these categories may be useful for certain grammatical resources and certain alternative expressions of the linguistic message. This is particularly true, for instance, with languages that need a great deal of interpersonal information, like Chinese or Japanese.

Knowledge in discourse is not fixed. It seems to change as the discourse develops. This process can be interpreted in different ways. From a productive point of view we can regard it as a process of ‘windowing’ through content. Nevertheless, there is also a more static view of how discourse expresses meaning, which can be better associated with the reception process and with the written text, where both production and interpretation can more freely move through the linguistic message. Any discourse has a thematic structure (van Dijk’s term; see above) within which all the different themes or topics are hierarchically articulated. There is empirical evidence of the fact that this vertical structure also influences

oral text production [9]. In other words, it can influence the sequence of discourse in real time. There are theories that can cater to both the dynamic and the static qualities of discourse. One example of such a theory could well be Werth's [11] text world theory, based on the notion of conceptual space. Other theories that draw upon similar notions are Johnson-Laird's [5] mental models or Fauconnier's [4] mental spaces. In these models, a mental or conceptual space is a functional conceptual gestalt, defined by a set of deictic parameters.

Dynamic knowledge, pragmatic interaction and the lexicon

A good example of the interaction of dynamic knowledge and linguistic expression can be found in pragmatics. There is knowledge about social interpersonal relationships that is always at work in communicative situations. According to Leech [7], it is possible to identify an optionality scale, an indirectness scale, an authority scale, and a social distance scale. Also, for directive and commissive speech acts, which are essential to verbal interaction, it is also relevant to remember the five dimensions mentioned by Verschueren [10]: degree of directivity, social setting, goals of directing, directionality, authority. Such interactive variables influence linguistic choice, which differs considerably from language to language. We can see it in phenomena that take place in typologically similar languages, such as English and German. Directive speech acts are handled differently in German, where there is a tendency for less indirectness. But, more significantly, there are also grammatical resources for encoding social distance and power relations between the speaker and the addressee that cannot be found in English. One is the distinction between the second person personal pronouns *Sie* (more formal) and *du* (less formal). A German speaker needs to handle information concerning the hierarchical relations and the social distance between himself/herself and the addressee, as well as the degree of formality of the communicative situation. In fact, this is also the case in other Indo-European languages (such as Italian, Spanish, French, Russian, etc.).

However, there are still more complex situations once we leave the Indo-European linguistic area. If we take languages that are more concerned with the expression of social relationships within the linguistic message, we can see that the European layout in this respect is very simple. In languages like Japanese, for instance, the possibilities are far more complex. We have several pronouns for first person singular (*boku*, *ore*, *watashi*, *watakushi*, *atashi*), second person singular (*kimi*, *omae*, *anata*) and third person singular (*kare*, *kanojo*). There are categories for honorific language (the speaker praises the addressee), humble language (the speaker humbles himself/herself) or even the gender of the speaker. We should also consider the fact that the use of personal pronouns is not always appropriate in Japanese. For instance, when talking to a person of a higher status, a speaker does not use the formal second person pronoun *anata* but to use that person's name plus an honorific title (*san*, *sama*, *choo*, etc.). Using the pronoun is regarded as impolite. This type of strategy is not used at all in English and other Indo-European languages, where the tendency is to use as many pronouns as possible. Furthermore, first person pronouns like *boku* and *ore* cannot be used at all in formal settings, even when the speaker uses humble language. *Watashi* is the

unmarked form, but *watakushi* is used if more formality is required. However, although women can use *watakushi* and *watashi* if required, they can also use *atashi*. Men cannot use *atashi*, but *boku* and *ore* are exclusively masculine; a woman would never use them. This is a very simple example but, in a language like Japanese, these variables have a very important influence in aspects like lexical choice (especially for verbs, nouns and many special idioms) and the conjugation of verbs and adjectives (in Japanese, many adjectives can behave like verbs under certain circumstances). The relevance or irrelevance of the information concerning these variables is part of the linguistic knowledge that both the speaker and the addressee have.

There are elements in the communicative context which are relevant for further processing, and this fact is clearer in such languages, with a strong grammaticalization and lexicalization of pragmatic phenomena that deal with the social relationship between the interlocutors in the communicative situation. Our example, Japanese, attaches a lot of importance to the perceived distance between the interlocutors, which relates to two different factors that work together: One factor is politeness, which is in turn related to a strong need to keep up one's face, as well as the other person's, in Japanese culture. The second one is the strength of hierarchical relations in a group-oriented culture.

Thus, in this language, apart from the neutral "unmarked" register, there is a special register, which is called *keigo* and has three distinct sub-registers, *sonkei-go* (respectful language), *kenjoo-go* (humble language), and *teinei-go* (honorific language). These special registers involve special choices in the vocabulary employed, but they also require changes in the construal of the situation that underlies many expressions. In English, however, the role of vocabulary in the signalling of pragmatic information is simpler than in Japanese, but we cannot forget that there are differences in the use of both grammatical and full lexical items according to different parameters of the communicative situation. Grammatical terms such as the use of modals (*can, may, might, should, etc.*) or choice of more formal terms (e.g. *hereby, thereof, thus, etc.*) can be used for politeness. Some words like *Sir, Madam, Mr., Ms.* can be used to refer to the relative status of the interlocutor. Most importantly, nearly every word can be chosen for pragmatic effects according to its connotations, which may be based on encyclopedic information of some kind (e.g. *chief, boss, used for a superior*). This takes us back to where we started. We see here how lexical items are important for the decoding of pragmatic information and this is proof of why lexical items should be considered as dynamic entities (as opposed to the static view of words as containers of meaning).

REFERENCES

1. Anderson, J. R. *The Architecture of Cognition*. – Cambridge : Harvard University Press, 1983.
2. Dijk, T. van. *News Analysis. Case studies of international and national news in the press*. – Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1988
3. Dijk, T. van. *Discourse, knowledge and ideology: Reformulating old questions*. – LAUD Series A : 564. Essen : LAUD, 2002.

4. Fauconnier, G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. – Cambridge University Press, 1994.
5. Johnson-Laird, P. N. *Mental Models*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983.
6. Langacker, R. W. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol I: Theoretical Prerequisites*. – Stanford, Cal. : Stanford University Press, 1987. – pp. 162-163.
7. Leech, G. *Meaning and the English Verb*. – London : Longman, 1971.
8. Peeters, B. *The Dictionary-Encyclopedia Interface*. – Amsterdam : Elsevier, 2000.
9. Sanders T.J.M., Schilperoord J., Spooren, W. *Text Representation: Linguistic and psycholinguistic aspects*. – Amsterdam : John Benjamins, 2001.
10. Verschueren, J. *What People Say They Do with Words. Prolegomena to a Empirical-Conceptual Approach to Linguistic Action*. – Norwood : Ablex, 1985.
11. Werth, P. *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. – London : Longman, 1995.
12. Wierzbicka, A. *Understanding Cultures through their Key Words. English, Russian, Polish, German, and Japanese*. – Oxford : Oxford University Press, 1997.

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ПОСЛОВИЧНОГО СЦЕНАРИЯ КАК ПРОЦЕСС АКТУАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ПОСЛОВИЦЫ В ДИСКУРСЕ

О.Б. Абакумова

Орловский государственный университет

The article is devoted to the problem of proverb usage and understanding as an indirect speech act. The development of the proverb scenario depends on the meaning of the proverb, on the context of its usage and on the inner context (evaluation of the situation and communicative strategy).

Пословица в данной статье понимается как оценочное высказывание, практическое суждение, ведущее к действию. Это единица двойственной природы. С одной стороны, это языковой знак, так как пословица не создаётся в акте речи, а существует в готовом виде и входит в список подобных единиц, известных всем носителям языка. С другой стороны, пословицы – это традиционные фольклорные тексты, отражающие веками накопленный опыт народа и содержащие советы, рекомендации о том, как нужно вести себя в данной культуре в типовых ситуациях общения.

Косвенный речевой акт (далее КРА) понимается нами как некоторый небуквальный РА, осуществляемый одновременно и средствами буквального РА. П. Грайс [Grice, 1975] называет смысл, который передается через КРА имплицатурой. Мы полагаем, что пословица является потенциальным КРА (о понятии потенциального косвенного речевого акта см. работу [Семененко, 1994]) и актуализуется в речи как КРА. Для доказательства этого тезиса

рассмотрим некоторые теоретические предпосылки, а также практические примеры использования пословиц в бытовых диалогах. Для описания пословиц в речи будем применять модель метафорического преобразования множественных окказиональных фреймов, предложенную Т.С. Зевахиной [Зевахина, 2002]. В ходе производства высказывания реальная ситуация подвергается процедуре осмысления (семантизации, вербализации) на основе образа прототипической ситуации. В ходе понимания высказывания, наоборот, происходит движение из семантического мира в реальный: образ прототипической ситуации служит основой для выделения реальной ситуации, отвечающей требованиям данного типа вербальной метафоры. Метафорическое преобразование конкретных фреймов можно рассматривать как заполнение позиций образного фрейма узлами конкретного окказионального фрейма.

Е.В. Иванова соотносит импликации П. Грайса с пословичным сценарием, который потенциально содержится в каждой пословице. Заключённое в пословице знание, житейский опыт народа «имплицитно предполагает некоторые сценарии возможных действий, конкретная реализация которых обусловлена параметрами ситуации употребления пословицы» [Иванова, 2006, с. 85-86]. Е.В. Иванова не изучает функционирование пословиц, но считает это направление исследований очень перспективным. Мы будем описывать пословицу в дискурсе и использовать понятие окказионального фрейма, введенное Т.С. Зевахиной.

Американские исследователи, занимающиеся изучением функционирования пословиц (см. напр. работы [Norrick, 1994] и др.), показывают, что слушатели реагируют на пословичные высказывания как на директивы от авторитетных источников. Используя пословичное утверждение *An ounce of prevention is worth a pound of cure*, говорящий может осуществить такой же перлокутивный акт убеждения слушающего быть осторожным, как и с обычным императивом *Look before you leap* [Norrick, 1994].

Рассмотрим некоторые примеры функционирования пословиц в тексте, которые призваны показать развертывание пословичного сценария в дискурсе, который мы, вслед за Ю. Хабермасом, понимаем как рефлексивную форму коммуникативного действия, возникающую, если между участниками происходят разногласия, что заставляет их трансформировать свои точки зрения и подтверждать истинность и правильность своих убеждений аргументами [Habermas, 1987]. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса предполагает реализацию в процессе коммуникации двух типов коммуникативных стратегий: собственно коммуникативной, нацеленной на взаимопонимание, которое должно привести к соответствующему действию, и инструментальной стратегии, которая использует слушающего без учёта его интересов.

Пословичные речевые акты представляют собой оценочные высказывания, которые ярче всего проявляются в диалоге.

Пример 1. Коммуникативная ситуация включает разговор спортсмена и тренера, заступившегося за честь женщины, которую оболгал и выставил в некрасивом свете журналист-ведущий ТВ-шоу.

Спортсмен: Ну что, отомстили журналистке?

Тренер: Да разве это месть? Просто показал ему, что со мной шутить не стоит.

Спортсмен: Смотрите, он человек с гнильцой.

*Тренер: **Волков бояться, в лес не ходить** (х/ф «Жаркий лёд»).*

Тренер использует поговорку в целях достижения взаимопонимания, которое должно привести к совместным действиям, то есть реализуется собственно коммуникативная стратегия. Пословица используется в поучительной функции [Пермяков, 1975], тренер хочет научить молодого человека как следует вести себя в подобных ситуациях.

Развертывание пословичного сценария как процесс наложения фреймов:

Образный фрейм: лес, в котором водятся волки. Если бояться волков, не соберёшь грибов, ягод, не сможешь любоваться красотой леса или охотиться на мелкого зверя (ассертив).

Обобщённый фрейм (обобщённое значение): Если бояться чего-либо, не стоит браться за дело (ассертив + директив). Ситуация оценивается как положительная.

Конкретно-ситуативный (оказиональный) фрейм: отношения между людьми, а также средствами СМИ и спортивными сообществами. За ложную информацию в эфире нужно наказывать и не бояться последствий (директив).

Пословичный сценарий: *Нельзя быть трусом* (см. Нормы социального поведения в работе: Карасик, 2004).

Пример 2. Коммуникативная ситуация представляет разговор двух преподавателей теоретических дисциплин.

Молодой преподаватель: Неужели на пятом курсе можно заставить студентов учиться?

*Опытный преподаватель: Можно, если применять политику кнута и пряника. В конце каждой лекции они письменно отвечают на вопросы, а я таким образом проверяю посещаемость. В конце семестра они пишут тест по основным темам, и с учётом их работы на семинарах и результатов теста, я освобождаю кого-то от экзамена, даю спецвопрос или заставляю сдавать на общих основаниях. **Кнут не дьявол, но правду сыщёт.***

Опытный преподаватель использует поговорку с целью достижения быстрого взаимопонимания и последующей деятельности, т.е. опять реализуется собственно коммуникативная стратегия. Пословица также употребляется в поучительной функции и моделирует ситуацию, в которой требуется жесткий контроль для достижения цели.

Актуализация смысла поговорки в дискурсе реализуется как процесс наложения фреймов и развертывание пословичного сценария:

Образный фрейм: наказание преступников с целью получения необходимой информации. Если пригрозить или избить кнутом человека, он может проговориться и сказать правду (ассертив).

Обобщённый фрейм (обобщённое значение): Жёсткий контроль или страх наказания могут быть хорошим стимулом неприятной для субъекта деятельности. Нужно жестко контролировать людей, если вы хотите получить хороший результат (ассертив+директив). Ситуация оценивается как нейтральная с прогнозируемым положительным результатом.

Конкретно-ситуативный (окказиональный) фрейм: обучение студентов теоретическим дисциплинам на старших курсах. Следует следить за посещаемостью на лекциях, заставлять отвечать письменно на вопросы, писать тесты, справедливо оценивать их работу и освободить от экзаменов, если они этого заслужили (директив).

Пословичный сценарий: *Нужно контролировать подчинённых.*

Пример 3. Коммуникативная ситуация включает разговор редактора и одного из журналистов, который давно не появлялся в редакции.

Редактор: На ловца и зверь бежит. Что-то Вы сегодня рано, Данилов.

Журналист: А я так и почувствовал, что я Вам сегодня понадоблюсь.

Редактор: Понадобитесь, понадобится. Зайдите ко мне (х/ф «Срочно в номер»).

Редактор использует поговорку, преследуя инструментальную стратегию, предполагающую использование слушающего без учёта его интересов, т.е. манипулирование. Данилов, творческий инициативный работник, собственными силами раскрывающий преступления, не может постоянно находиться в своём редакционном отделе, а редактор требует его постоянного присутствия на рабочем месте и мешает работать.

Образный фрейм: охота за зверем, жертва бежит навстречу охотнику, который ждёт в засаде (ассертив).

Обобщённый фрейм: человек появляется в тот момент, когда его ждут с определённой целью (обычно неприятной для него), поэтому нужно быть настороже (ассертив + директив). Ситуация оценивается как отрицательная для объекта.

Окказиональный фрейм: руководитель, увидев журналиста, которого хочет отчитать за долгое отсутствие, приглашает его в свой кабинет. Журналисту следует быть готовым к неприятностям (директив).

Пословичный сценарий: *Следует быть осторожным.*

В нашей статье мы рассмотрели развертывание пословичного сценария, который представляет собой наложение фреймов (образного, окказионального и обобщённого) в речевом акте. Смысл поговорки, актуализованной в конкретной ситуации общения, будет складываться из инварианта ее значения как языкового знака, а также из внутреннего (оценки ситуации и выбранной коммуникативной стратегии) и внешнего контекста (коммуникативной ситуации). Анализ примеров показывает, что поговорки являются потенциальными косвенными актами директивного типа, поскольку содержат деонтические нормы социального поведения в своей семантике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зевахина, Т.С. Метафора мертвая и живая [Электронный ресурс]/ Т.С. Зевахина// «Диалог – 2002». – [http:// www.dialog-21.ru](http://www.dialog-21.ru).
2. Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах [Текст]: монография / Е.В. Иванова – Санкт-Петербург : Изд. СПбГУ, 2006. – 279 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг [Текст] : монография / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Пермяков, Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда [Текст] / Г.Л.Пермяков // Типологические исследования по фольклору. Сб. науч. статей. – М.,1975. – С.247 - 273.
5. Семененко, Л.П. Диалог с постулатом значения [Текст]/ Л.П. Семененко // Бахтинские чтения. Сб.науч.трудов – Орёл : ОГУ, 1994. – С. 236-244.
6. Grice, H.P. Logic and Conversation [Text] / H.P. Grice // Syntax and semantics 3: speech acts (ed. by J.L. Morgan). – New York : Academic Press, 1975. – P. 41-58.
7. Norrick, N.R. Proverbial Perlocutions. How to Do Things with Proverbs [Text] / N. Norrick // Wise Words. Essays on the Proverb (ed. by W. Mieder). – New York : Academic Press, 1994. – P. 143-157.
8. Habermas, J. The Theory of Communicative Action [Text] / J. Habermas. – Boston, Beacon Press, 1987. – 783 p.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОРМУЛ БЛАГОДАРНОСТИ В КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ

О.А. Агаркова

Оренбургский государственный университет

This article deals with the functioning of the most widely spread Russian and French etiquette formulas of gratitude in clichés.

Этикет – совокупность правил хорошего тона, принятых в данном обществе и устанавливающих нормы поведения и общения людей в определённых ситуациях.

Правила общения имеют конкретно-исторический характер (изменяются в соответствии с социально-историческими и экономическими условиями жизни народа), а также обладают национальной спецификой (могут существенно различаться в разных странах).

Одно выражение может использоваться в различных этикетных ситуациях. В России благодарность за еду: «*Спасибо за хлеб-соль!*» и приветствие пришедшего в гости: «*Хлеб-соль!*», при этом именитого гостя встречают хлебом-солью.

Люди слышат в этих фразах лишь устойчивую формулу речевого этикета, означающую приветствие, приглашение к столу, выражающую благодарность. В подобных выражениях есть неповторимый национальный колорит. В сущности, каждый язык – неповторимая национальная система знаков. В речевом этикете на национальную специфику языка накладывается специфика привычек и обычаев народа. Поэтому в формах речевого этикета складывается своеобразная фразеология.

В целом речевой этикет – область выражений фразеологизмов, пословиц, поговорок, связанных с обычаями, привычками, верованиями народа. «*Ни пуха, ни пера!*» – желают удачи человеку, идущему на трудное дело. А возникло выражение в речи охотников, с целью обмануть злые силы, чтобы охота была удачной.

В русском речевом этикете в качестве формулы благодарности имеется слово «*спасибо*», которое употребляется как с распространителями, так и без них. Смысл его употребления – выразить благодарность тому, кто как-нибудь позаботился о тебе, проявил внимание, сочувствие, заботу. В таком случае отвечают: «*Спасибо!*», «*Спасибо за...!*», «*Спасибо тебе (вам)!*», «*Большое (тебе, вам) спасибо!*», «*Огромное спасибо!*», «*Очень (крайне, чрезвычайно) признателен!*», «*Очень тронут вашим вниманием!*».

С тем же назначением употребляют и слово «*благодарю*»: «*Благодарю вас!*», «*Благодарю вас за...!*», «*Сердечно благодарю!*», «*Разрешите поблагодарить вас!*», «*Компания (дирекция, ректорат) выражает благодарность за ...!*» и т.д. В данной тематической группе, как и при поздравлении, при пожелании возможны слова, определяющие степень благодарности: «*От души благодарю за...!*», «*От всей души, от всего сердца, сердечно благодарю!*», «*Я вам бесконечно благодарен!*», «*Позвольте (разрешите) выразить (огромную) благодарность за...!*».

Не считая официальных благодарностей, есть еще и обыденные, неофициальные благодарности. Это обыкновенное, упомянутое ранее «*Спасибо!*», также «*Не стоит благодарностей!*» и другие.

Французский речевой этикет в подобной ситуации использует слово «*merci*»: «*Merci bien!*» (*Большое (огромное) спасибо!*), «*Grand merci!*» (*Большое спасибо!*), «*Merci de tout (mon) coeur!*» (*Сердечное спасибо!*, *От всего сердца спасибо!*).

Из примеров видно, что французская формула благодарности предполагает использование интенсификаторов *bien, grand*, усиливающих воздействие на слушающего, которому адресована данная реплика, и выражения *de tout (mon) coeur*, определяющего степень благодарности.

Сравнив этикетные выражения из тематической группы «*Благодарность*» в русском и французском языках, можно сделать вывод, что русский язык использует большее количество формул в данной ситуации. «Словарь русского речевого этикета» насчитывает около двухсот реплик.

Рассмотрим функционирование самых распространённых этикетных формул из тематической группы «*Благодарность*» в русском (*спасибо*) и французском (*merci*) языках в крылатых выражениях.

Как уже было отмечено, рассматриваемые нами этикетные формулы могут употребляться самостоятельно или в сочетании со словами-распространителями для выражения повышенной вежливости, учтивости, а также для указания на причину благодарности.

Проанализировав крылатые выражения со словом «*спасибо*», извлечённые из «Словаря русского речевого этикета», мы пришли к выводу, что преимущественно они употребляются в просторечии, могут содержать

элемент шутки или иронии и в большинстве случаев это выражение благодарности или ответ на неё.

Нам представляется интересным выделить следующие группы:

1. Формулы благодарности, с которыми гость обращается к хозяевам при прощании: «*Спасибо за хлеб, за соль, за ласку!*», «*Спасибо за хлеб, за соль, за милость вашу!*», «*Спасибо этому (вашему) дому, пойдём (поедем) к другому!*».

2. Формулы благодарности на другие речеповеденческие высказывания и действия: «*На добром слове кому не спасибо?*» употребляется в ответ на комплимент, похвалу, приветственное пожелание, утешение, одобрение. «*Спасибо всем богам, а кухарку вверх ногам!*» – грубовато-шутливая благодарность за угощение.

3. Формулы благодарности, связанные с обычаями, обрядами, привычками: «*Спасибо на хлебе, на соли да на добром слове!*» произносят сын или дочь в свадебном обряде как благодарность родителям за воспитание. «*Восточное спасибо!*» – шутка, которой сглаживают неловкость, когда кто-либо икнёт за столом.

4. Формулы благодарности, включающие в свою структуру религиозную лексику: «*Спасибо на аминь, на Иисусовой молитве!*».

5. Формулы благодарности, входящие в пословицы, поговорки: «*Своего спасибо не жалеи, а чужого не жди!*», «*Спасибо – великое дело!*».

6. Формулы, употребляющиеся в ответ на благодарность: «*Спасибо тому, кто кормит и поит, а вдвое тому, кто хлеб-соль помнит!*», «*Из спасибо шубы (шапки) не сошьешь!*», «*Спасибо в карман не положишь (домой не принесешь!*», «*Спасибом сыт не будешь!*», «*Спасибо на хлеб не намажешь!*», «*Спасибо в стакан (в рюмку) не нальёшь!*», «*Спасибо* много, а (100) рублей хватит!», «*За спасибо чина не прибавляют!*».

Французский речевой этикет в отличие от русского использует меньшее количество крылатых выражений, включающих в свою структуру формулу благодарности «*merci*». Общим для обоих языков является то, что французские выражения также как и русские чаще употребляются в просторечии с оттенком иронии. В большинстве случаев французские этикетные выражения имеют отрицательное коннотативное значение:

1. Формулы, включающие в свою структуру слово «*merci*» и несущие негативный оттенок: «*Merci de moi (de ta vie)!*» (Премного благодарен!, Ну вот еще!, Еще чего!), «*Merci du peu!*» (Подумать только!, Только этого не доставало!), «*Merci bien!*» (Нет уж!, Увольте, покорнейше благодарю!).

Выражение «*merci bien!*» несёт в себе как положительный заряд, так и отрицательный. В первом случае «*bien*» является интенсификатором, усиливающим степень воздействия благодарностью на слушающего, и выражение переводится «*большое (огромное) спасибо*». Во втором случае наблюдается отрицательная коннотация, поскольку данная формула подразумевает отказ, использующий этикетные формы.

2. Формулы благодарности, использующие религиозную лексику (что также характерно и для русского языка): «*Dieu merci et (a) vous!*» (Спасибо вам на этом!), «*Dieu merci!*» (Слава богу!).

3. Крылатые выражения с глаголом «*remercier*» (благодарить), не являющиеся формулой благодарности: «*Remercier son boucher (boulangier)*» (Протянуть ноги, умереть).

Проанализированный материал позволяет сделать вывод, что формулы выражения благодарности в русском (*спасибо*) и французском (*merci*) языках могут употребляться как самостоятельно, так и со словами-интенсификаторами, а также входить в структуру фразеологизмов, пословиц, поговорок.

Важно отметить, что постоянно необходимо ориентироваться в ситуации общения, в ролевых признаках напарника, соответствовать своим социальным признакам и удовлетворять ожидания остальных людей. Похвальным является стремление к «образцу», сложившемуся в сознании носителей языка, действие по правилам коммуникативных ролей говорящего либо слушающего, выстраивание текста в согласовании со стилистическими нормами, владение устными и письменными формами общения, умение общаться контактно и дистантно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского речевого этикета [Текст] : словарь / сост. А.Г.Балакай. – 2-е изд., испр. и доп. (6000 слов и выражений) – М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
2. Французско-русский фразеологический словарь [Текст] : словарь / Под ред. Я.И. Рецкера. Около 35000 выражений. – М. : Гос.изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1112 с.

ПЕРЕХОД КОРНЕВЫХ МОРФЕМ В РАЗРЯД СУФФИКСОВ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.Л. Байдикова

Московский государственный институт электронной техники
Transformation of root-morphemes into suffixes in Old English was characterized by the shift of the semantic centre from the second element of a compound to the first one and by more generalized meaning of the semi-suffix.

Словосложение в древнеанглийском языке наряду с аффиксацией являлось основным словообразовательным способом. В этот период протекает активный процесс становления новых суффиксов за счёт высокочастотных вторых элементов сложных слов. Например, морфемы существительных *-dom*, *-hād*, *-lac* и прилагательных *-fæst*, *-ful*, *-leas* еще употреблялись в древнеанглийском языке как самостоятельные слова, но их значение в составе композитов в качестве конечных компонентов становится более абстрактным и общим. Такие морфемы, находящиеся на пути от корневых к аффиксальным, называются полусуффиксами (*semi-affixes*)

[Marchand, 1966, с. 158], суффиксоидами (suffixoids) [Kastovsky, 1992, с. 364], словосложительными суффиксами (composition suffixes) [Carr, 1939, с. 357].

Процесс перехода корневой морфемы в разряд аффиксов занимает длительный отрезок времени, и в определённый исторический период одна и та же морфема может в разных словах функционировать в разном морфологическом статусе. Этим объясняются разногласия исследователей по поводу отнесения таких морфем к классу корневых или аффиксальных.

В частности, нет единого мнения относительно морфемы *-hād*. Слово *hād* в древнеанглийском языке имело значения: человек, вид, форма, пол; привычка, внешний вид, облик; состояние, порядок, степень [Bosworth, 1838, с. 168], титул, звание, чин, положение, (священное) служение [Sweet, 1928, с. 79]. Д. Кастовски склонен считать композиты с этой морфемой в конце слова сложными существительными, так как в некоторых словах *-hād* сохраняет значение лексемы *hād*: *bisceophad* («состояние, положение, сан епископа» – епископство), *martyrhād* («состояние, положение мученика» – мученичество) [Kastovsky, 1992, с. 363]. Ч. Карр также приводит примеры, в которых рассматриваемой морфеме присуща общность значений с соответствующим словом: *cirichād* (церковный сан), *woruldhād* (светский чин), *hēahhād* (высший, религиозный порядок) [Carr, 1939, с. 364]. В примерах другого рода Ч. Карр признаёт морфему *-hād* суффиксом: *camphād* («состояние войны» – военные действия), *wīfhād* («состояние женщины»), *snihthād* («состояние рыцаря» – рыцарство), *mægðhād* («состояние девушки» – девичество, девственность) [Carr, 1939, с. 364]. Таким образом, морфема *-hād* (как и другие полусуффиксы) в древнеанглийский период в разных словах проявляла разную степень семантической близости к лексеме-прототипу, и процесс ее превращения в суффикс еще только разворачивался.

Выделение критериев морфологического опрощения корневой морфемы может помочь разграничению корневых и аффиксальных морфем в составных словах. Авторы «Сравнительной грамматики германских языков» перечисляют несколько условий, при которых происходит переход корневой морфемы в группу аффиксов: 1) чрезвычайная частотность; 2) расширение сочетаемости этих компонентов с разными типами основ и основами разных частей речи; 3) родовое переоформление сложного слова; 4) семантические сдвиги, проявляющиеся в перемещении семантического центра со второго компонента на первый и десемантизация второго компонента [Сравнительная грамматика..., 1963, с. 124-126].

Первый названный критерий однозначно не может определить статус морфемы, так как для древнеанглийского языка была характерна не только высокая частотность аффиксальных, но и корневых морфем в составе сложных слов. Например, основа слова *gūþ* (война), по подсчётам В.Н. Ярцевой, встречается в качестве первого элемента более чем в тридцати сложных словах [Ярцева, 1960, с. 44], Р. Ласс приводит около десяти сложных слов с первым элементом *dæg-* (день), причём основа этого слова также часто встречается и в роли второго элемента сложных слов [Lass, 1995,

с. 193–194]. Очень часто вторым компонентом сложных слов выступали слова: *mann* (человек), *wita* (мудрец), *wiga* (воин), *bōc* (книга), *hūs* (дом) и др.

Второй критерий, касающийся расширения сочетаемости корневой морфемы при превращении ее в аффиксальную, действует не для всех морфем. Авторы «Сравнительной грамматики германских языков» и Ч. Карр приводят в пример морфему *-scipe*, которая перешла в разряд суффиксов в дописьменный период: в качестве корневой она присоединялась к основам одушевлённых существительных (*frēondscipe* – дружба от *frēond* – друг), а впоследствии начала сочетаться с основами неодушевлённых существительных (*nīðscipe* – вражда от *nīð* – ненависть), а затем и основами прилагательных (*gemānscipe* – общность от *gemān* – общий) [Сравнительная грамматика ..., 1963, с. 125; Carr 1939, с. 360].

Третий критерий – родовое переоформление сложного слова при его переходе в разряд суффиксальных также затрагивал не все случаи. Например, композиты с морфемой *-hād* всегда оставались в древнеанглийском языке существительными мужского рода.

Четвертый критерий оказывается более надёжным. Когда второй компонент сложного слова из корневой морфемы превращается в аффиксальную, он утрачивает своё лексическое значение и приобретает обобщённое грамматическое значение. При этом носителем лексического значения всего слова становится корень – первый компонент бывшего сложного слова: *lāscedom* (медицина) от *lāse* (врач). В сложных словах семантическим центром является обычно второй компонент: *lāse-bōc* (медицинская книга).

Четвёртый критерий можно дополнить такой характеристикой, как дифференциация значений между полуаффиксом и соответствующей корневой морфемой. Поясним это явление на примере морфемы *-dom-*.

Самостоятельное слово *dom* имело в древнеанглийском языке значения: «1) выбор; 2) мнение; 3) суд, приговор, декрет, закон, собрание; 4) власть, господство; 5) великолепие; репутация, слава» [Sweet, 1928, с. 43]. Эта морфема как первый элемент вошла в состав ряда сложных слов: *dom-bōc* (книга, свод законов), *dom-dæg* (судный день), *dom-ern* (здание суда), *dom-hus* (здание суда), *dom-setl* (место суда), *dom-stōw* (место суда), *dom-fæstnes* (справедливость суда, справедливость), *dom-ēadig* (достойный славы, прославленный), *domgeorn* («желающий почета, власти» – благородный, праведный). В качестве второго элемента сложных слов морфема *-dom* употреблялась в значении «власть, владение, право, качество, состояние» [Bosworth, 1838, с. 91]: *martyrdom* («состояние мученика» – мученичество), *cyndom* («власть, владение короля» – королевство), *freedom* («состояние свободного» – свобода), *wisedom* («состояние мудрого» – мудрость), *haligdom* («состояние святого» – святость). Как видно из примеров, в модели *dom + N/Adj* первый компонент используется в трех из пяти групп значений самостоятельной морфемы *dom*: «суд, власть, слава». В модели *N/Adj + dom* второй компонент задействует лишь одно значение «власть» лексемы *dom* и приобретает дополнительные значения, отсутствующие у соответствующего

самостоятельного слова. Налицо дифференциация значений и словообразовательных функций морфемы *dom* в моделях *dom* + N/Adj и N/Adj + *dom*. В словах, образованных по модели N/Adj + *dom*, второй компонент уже теряет семантическую связь со своим историческим прототипом: его значение становится более генерализованным и абстрактным, приближаясь к значению суффикса.

Таким образом, семантический критерий в его расширенном понимании указывает на процесс перехода корневых морфем в составе сложных древнеанглийских слов в разряд суффиксов: второй компонент сложного слова десемантизируется, теряя значения самостоятельного слова-прототипа и приобретая более общие и абстрактные значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сравнительная грамматика германских языков. В 5-ти т. Т. III. Морфология [Текст] / Гл. ред. : М.М. Гухман, В.М. Жирмунский, Э.А. Макаев, В.Н. Ярцева. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 456 с.
2. Ярцева, В.Н. Историческая морфология английского языка [Текст] / В.Н. Ярцева. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 196 с.
3. Bosworth, J.A. Dictionary of the Anglo-Saxon Language [Text] / J.A. Bosworth. – London : Longman, Rees etc., 1838. – XXXX, 721 p.
4. Carr, C.T. Nominal Compounds in Germanic [Text] / C.T Carr – London : Oxford University Press, 1939. – XXXVI, 497 p.
5. Kastovsky, D. Semantics and Vocabulary [Text] / D. Kastovsky// The Cambridge History of the English Language / Ed. by R. M. Hogg. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – Vol. I. – P. 290-408.
6. Lass, R. Old English: A Historical Linguistic Companion [Text] / R. Lass. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – XX, 300 p.
7. Marchand, H. The Categories and Types of Present-day English Word-formation: A Synchronic-diachronic Approach [Text] / H. Marchand. – Alabama : University of Alabama Press, 1966. – XX, 379 p.
8. Sweet, H. The Student's Dictionary of Anglo-Saxon [Text] / H. Sweet. – Oxford : Clarendon Press, 1928. – XVI, 217 p.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА В ЛЕКСИКЕ И ГРАММАТИКЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ф.А. Басырова

Башкирский государственный университет

The paper deals with some problems involved in gender / language interaction and outlines the major trends of gender research into modern English lexis and grammar. The focus is on most common linguistic and social means of representing gender and challenges to be met in the studies.

Гендерные исследования в языке стали привлекать всё большее внимание лингвистов в англоязычных странах на рубеже 70-х годов XX столетия. В языкознании возникло своеобразное направление – гендерология. Фундаментальной работой, представляющей это течение, стала книга Р. Лакофф «Язык и место женщины» [Lakoff, 1975], подтвердившая господство

мужского начала в строе языка и ущербность женского образа в языковой картине мира.

В настоящее время исследование проблемы взаимоотношения языка и гендера с выявлением определённых особенностей в женском и мужском вербальном и культурном поведении ведётся по следующим основным направлениям [Горошко, 1999; Кириллина, 1999; Кириллина, 2001]:

- выявление определённых различий языковых уровней: фонетики, морфологии, семантики и синтаксиса наряду с дифференциацией вербальных стереотипов в восприятии женщин и мужчин;
- выявление семантических различий, обусловленных особенностями перераспределения социальных ролей в обществе,
- подход с понятиями феминности и маскулинности, т.е. с гендерных позиций в связи с социальной природой языка женщин и мужчин;
- построение психолингвистических гипотез, в которых «женский» и «мужской» языки проявляются в специфичности языковых характеристик представителей того или иного пола;
- когнитивное объяснение выявленных особенностей с определением не только частотности расхождений, но и установлением отражения в различных аспектах языковой картины мира.

Перспективным и эксплицитным представляется наряду с гендерными признаками различных языковых уровней анализ характеристик лексических и грамматических единиц. Общеизвестно, что мужчины чаще воспринимают новые факты и явления в жизни, склонны к употреблению неологизмов, а также терминологического и профессионального сленга. Некоторые исследователи приходят к заключению, что тексты, написанные авторами-мужчинами, труднее читать и понимать в силу обилия редких, научных и малоупотребительных слов, технических терминов. Женщины склонны в большей мере использовать престижные формы слов, новомодные иностранные заимствования [Пешкова, 2007, с. 265; Серова, 2006, с. 73].

Несмотря на использование женщинами неологизмов и «модных» словечек в повседневной речи, в официальных ситуациях их стремятся избегать [Lakoff, 1975]. Существуют соответствующие закономерности в применении единиц вульгарной и табуированной лексики, жаргонизмов, инвектив и сленга [Bauman, 1979; Ellis, 1986; Phillips, Reynolds, 1987]: мужчины в два раза чаще прибегают к вульгаризмам и бранной лексике (а именно соответствующим глаголам с маркированным значением) [Gilley, Summers, 1970].

Относительно нецензурной лексики или инвектив, частота их в мужской и женской речи разительно отличается. Женщина в меньшей степени в повседневной жизни склонна использовать вульгаризмы.

Существуют определённые тенденции в предпочтении цвета:

1. Женщина использует в речи больше специфических названий цветов, в то время как представитель сильного пола – название насыщенных цветов и сочетания из основных цветов спектра;

2. Женщины предпочитают розовый, темно-красный, желто-красный и голубой цвета, в то время как мужчинам «нравятся» серый, коричневый и зеленый.

Женская речь характеризуется также использованием оценочных прилагательных [Потапов, 2002], поскольку им присущ большой потенциал эмоциональности. Мужчины, если прибегают к оценочным прилагательным, то выбирают те, которые определяют количественные и параметрические признаки [Пешкова, 2007, с. 266]. По мнению Л. Хиршман, женщинам больше свойственно употребление *awful* или *pretty* вместо *very* и *so* (количественные усилительные частицы в английском языке) [Hirschman, 1974].

Было замечено, во-первых, что женщина чаще применяет модальные глаголы в прошедшем времени [Gender and Discourse, 1988]: «Mightn't it be case that ...», «Would the life ...».

Во-вторых, частота применения различных модальных глаголов весьма различается для мужской и женской речи. Например, мужчины предпочитают *can*, а женщины *may*. Анализ встречаемости глаголов *to be* и *to have* в качестве модальных показал, что *to have* как модальный, а не смысловой глагол и *to be* как модальный долженствования почти в два раза чаще употребляются женщинами.

В-третьих, женская речь гораздо чаще содержит вводные слова и сочетания, выражающие различную степень уверенности говорящего, ссылки на чье-либо либо собственное мнение и т.д. Например, *probably, possibly, certainly, I think, I suppose, you see, to seem, to my mind*.

В-четвертых, в силу более вежливого характера речи женщины прибегают к средствам так называемой двойной модальности (модальный глагол + наречие): «*I was wondering if you could possibly do me a small favour*» («не могли бы вы мне оказать небольшую любезность») или «*If you couldn't mind...*» («не возражаете ли вы ...») [Oakley, 1972, с. 71]. Считается, что преобладание именно в речи женщины модальных средств языка можно объяснить за счёт неуверенности, неопределенности и нерешительности женской роли в целом и в выделении в феминизме двух поколений, очерченных двумя измерениями: линейным, быстрым временем и монументальным – оба симультанно присутствуют в контексте, представленном, с одной стороны, национальным государством, а с другой – в «европейском» масштабе [Кристева, 2005, с. 122-123]. Более частотное наличие единиц аффиктированной лексики (*awfully pretty, terribly nice* – страшно симпатичный), различных интенсификаторов, частиц, восклицательных предложений («*What a lovely necklace*» – Что за прелестное колье!) связано с большей эмоциональностью женской речи. Следствием этого являются более частое употребление лексических стилистических средств (метафор, сравнений, эпитетов): «*I'd just go nuts*» – «я просто сошла бы с ума», «*He'll never forget me*» – «он никогда не забудет меня» [Henley, 1977, с. 240]. Женщина больше мужчины сосредоточена на своём внутреннем мире, что приводит к большему количеству слов, выражающих чувства,

использованию «... глагольных предикатов с целью определённым образом представить лицо в системе связей с окружающим миром – так называемая транзитивность ...» [Гриценко, 2009, с. 117-118].

Гендерный подход является одним из актуальных, в частности, при исследовании стратегии реагирования на вопрос: логико-композиционном, структурном, коммуникативно-прагматическом, лингво-когнитивном.

На коммуникативно-прагматическом уровне реализуются некоторые особенности гендерных стратегий. Преобладает отрицательность в косвенных ответах у женщин; распространено сослагательное наклонение в отказных высказываниях у мужчин; высока частота повторов в прямой и косвенной ответных стратегиях мужчин и в отказной стратегии у женщин.

На субъективно-тезаурусном уровне выявляются следующие особенности в ориентации женской и мужской стратегий на определённые блоки когнитивных категорий. Характерной чертой мужской стратегии является разделение на социо-политический (*king, plot, war, politics, etc*) и метафизический (*God, nature, time, place, philosophy*) блоки. Женская стратегия преимущественно имеет дело с матримониальным комплексом когнитивных категорий (*marriage, courting, beauty, clothes*), а также с системой понятий этического характера (*sin, moral, defence, honour*) [Потапов, 2002, с. 81].

Женщина также употребляет вопросительные конструкции в просьбах, где мужчина просто употребил бы императив, например, «*Could you do it?*» – «*Не могли бы вы сделать это?*», но «*Do it*» – «*Сделайте это*». Вводя вопрос, женщина делает его персональным, что приводит к более частотному употреблению в речи местоимений первого лица: «*I want to ask you what time it is?*» («*Я бы хотела знать, который час?*») и «*What time is it?*» («*Который час?*»), и «женский» язык при обращении от первого лица как бы пытается овладеть позицией субъекта [Рюткёнен, 2000, с. 13].

Лингвисты объясняют эти особенности речи женщин тем, что они больше, чем мужчины, стремятся к вежливости и корректности в речевом поведении [Adler, 1987, с. 108].

В современной научной парадигме выделяется несколько основных направлений в изучении гендерной специфики англоязычной лексики и грамматики, а в частности:

1. Социолингвистические гендерные исследования.
2. Феминистская лингвистика.
3. Собственно гендерный анализ, изучающий языковые поведения обоих полов.
4. Исследования маскулинности (самое молодое направление, возникшее на рубеже веков).
5. Кросскультурные, лингвокультурологические исследования, включающие гипотезу гендерных субкультур [Кириллина 1999; 2001].

Таким образом, гендерная специфика лингвистических единиц на уровне лексики и грамматики в современном английском языке требует особого внимания со стороны исследователей с учётом выявления,

регистрации и анализа речевых и языковых изменений в контексте вариативности представления ролевых функций женщин и мужчин в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горошко, Е.И. Пол, гендер, язык [Текст] / Е.И. Горошко. – М. :МЦГИ, 1999. – 217 с.
2. Гриценко, Е.С. Женщины и женственность в американском предвыборном дискурсе [Текст] / Е.С. Гриценко // Вестник Московского университета. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М. : МГУ, 2009. – № 3. – С. 112-123.
3. Кириллина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты [Текст] / А.В. Кириллина. – М., 1999.
4. Кириллина, А.В. Мужественность и женственность как культурные концепты [Текст] / А.В. Кириллина // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж. :Изд-во ВГУ, 2001. – С. 144-145.
5. Кристева, Ю. Время женщины [Текст] / Ю. Кристева // Гендерная теория и искусство. Антология 1970 – 2000 / Пер. с англ. под ред. Л.М. Бредихиной и К. Пипуэлл. – М. :РОССПЭН, 2005. – С. 122-145.
6. Пешкова, Н.П. Гендерные стереотипы при восприятии научного текста [Текст] / Н.П. Пешкова // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология. Материалы конференции, посвящённой 75-летию УГАТУ. – Уфа : Изд-во УГАТУ, 2007. – С. 263-268.
7. Потапов, В.В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии [Текст] / В.В. Потапов // Вопросы языкознания. – 2002. – №1. – С. 80-87.
8. Рюткёнен, М. Гендер и культура: проблема «женского письма» и «женского чтения» [Текст] / М. Рюткёнен // Филологические науки. – 2000. – №3. – С.5-18.
9. Серова, И.Г. Гендер как фактор когниции и коммуникации [Текст] / И.Г. Серова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №2. – С. 65-74.
10. Bauman, M. Two features of «Women’s speech?» [Text] / M. Bauman // B.L. Dubois, I.Crouch (eds). The sociology of languages of American women – Papers in South-West English. – New York, San Antonio, 1979.
11. Ellis, H. Man and woman [Text] / H. Ellis. – London, 1986.
12. Gender and discourse: the power of talk [Text]. – Norwood, 1988.
13. Gilley, H.M. Sex differences in the use of hostile verbs [Text] / H.M. Gilley, C.S. Summers // Journal of Psychology. – 1970. – №76.
14. Henley, N. Body politics: power, sex and non-verbal communication [Text] / N. Henley. – New Jersey, 1977.
15. Hirshman, L. Analysis of supportive and assertive behavior in conversations [Text] / L. Hirshman // Languages and sex: difference and dominance. – Rowley (Mass.), 1974.
16. Lakoff, R. Language and woman’s place [Text] / R. Lakoff. – New York, 1975.
17. Oakley, A. Sex, gender and society [Text] / A. Oakley. – Melbourne, 1972.

18. Phillips, S.U. The interaction of variable syntax and discourse structure in women's and men's speech [Text] / S.U. Phillips, A. Reynolds // Language, gender and sex in comparative perspective. – Cambridge, 1987.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБЩЕГО ЗНАЧЕНИЯ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА

Б.А. Бобнев

Челябинский государственный университет

The history of concept of general meaning of a polysemantic word is considered in this article. It's reduced to a problem of semantic affinity of its lexico-semantic variants and to concept of the invariant of values of a polysemantic word in consciousness of native speakers.

Проблема общего значения слова интересует лингвистов разных школ и направлений на протяжении полутора веков. Начало последовательного изучения семантического центра слова как основы его семантической структуры в отечественной лингвистике было положено работами В.В. Виноградова, который писал о том, что единство слова организуется «его лексико-семантическим стержнем» [Виноградов, 1947, с. 34]. Эту точку зрения разделяли А.И. Смирницкий [Смирницкий, 1954, с. 23] и Р.А. Будагов: в многозначном слове они выделяли «стержневое значение» как «центральный основной смысл» и добавочные значения, которые как бы группируются вокруг основного смысла. «Стержневым» или основным значением, в частности, Р.А. Будагов считал наиболее распространённое или наиболее употребительное значение многозначного слова [Будагов, 1947; 1951].

Сторонником существования общего значения также был Р. Якобсон. Признавая сосюрровское разграничение языка и речи, исследователь относит основное или общее значение к сфере языка, а частные значения к сфере речи. При этом общее значение, попадая в речевой контекст, претерпевает определенные изменения и предстает в речи в виде одного из своих комбинаторных вариантов [Якобсон, 1985].

К сторонникам теории общего значения многозначного слова можно отнести В.А. Звегинцева, который отмечает, что «через, казалось бы, случайное нагромождение значений, всегда пробивается единая смысловая линия». В роли связующего элемента выступает признак, который имеет широкий диапазон и носит, по мнению исследователя, активный характер в процессах обозначения и смыслового развития слова [Звегинцев, 1957, с. 205-207; 2001].

С критикой теории общего значения слова выступали А.А. Потебня и Л.В. Щерба, которые рассматривали каждый из лексико-семантических вариантов многозначного слова как самостоятельное слово, сводя значение слова к его употреблению.

В русле неприятия понятия общего значения многозначного слова, но признания факта наличия связи между значениями многозначного слова выступает Д.Н. Шмелёв. По мнению исследователя, связь между значениями

многозначного слова основана на ассоциативных или репрезентативных признаках, содержащихся в основном (главном или первом) значении слова. Стержнем слова, по мнению Д.Н. Шмелёва, является не какое-то отдельное его значение, а семантические элементы, которые оказываются общими для всех значений слова. Однако дальше признания существования «определённой связи» между отдельными значениями слова автор не идет, подчеркивая, что «не следует искать общее значение, которое рассматривалось бы как семантический инвариант или как некоторое неизменное смысловое ядро, сохраняющееся при употреблении слова в разных значениях». Он подчеркивает, что наличие общего значения у слова сомнительно хотя бы потому, что свойственные слову значения во многих случаях соотносят его с неоднородными «реалиями» и с разными семантическими группами слов [Шмелёв, 1973, с. 76, 78-90, 212].

Против понятия общего значения многозначного слова выступает и представитель функциональной семантики Е.Р. Курилович. Он называет его «абстракцией» и утверждает, что полезность и применение понятия общего значения на сегодняшний день не актуально. Исследователь разграничивает *основное* и *частные* значения, а у частных значений выделяет *главное* значение, которое может быть определено вне контекста. Его возражение против понятия общего значения основано на невозможности интеграции качественно различных элементов, а именно «коммуникативного содержания» и «аффективных (стилистических) оттенков» [Курилович, 1962, с. 246].

Так или иначе, проблема общего значения или общности значений многозначного слова существует. Произнося слово, человек не актуализирует в своём сознании совокупность всех признаков, составляющих то или иное понятие, передаваемое этим словом. Однако, очевидно, что существует какой-то семантический компонент значения или какой-то признак, который будет общим для всех значений многозначного слова.

В этой связи стоит обратиться к семантической теории В.Г. Гака, который выделяет в качестве ядра значения слова семантему. В плане выражения семантической структуры значения семантеме соответствует лексема, в плане содержания – архисемы, дифференциальные семы и потенциальные семы (виртуэмы) [Гак, 1977, с. 13-14], имеющие, безусловно, общий различительный признак, который делает узнаваемым значение слова в речи, независимо от его субъективного употребления или восприятия.

Проблема определения общего значения, по мнению Ю.Д. Апресяна, заключается в том, что его сторонники подходили к рассмотрению семантики многозначных слов без учета неоднородности явления полисемии. Заметим, что такие типы описания полисемии как радиальная и цепочечная (последовательная) по разному отражают явление полисемии. Учёный, в частности, признаёт возможность выделения общего значения при радиальной полисемии, поскольку все значения мотивированы одним и тем же центральным значением. В то же время определение многозначности не требует наличия общей части у всех значений. Как отмечает Ю.Д. Апресян,

не всегда наличие общих компонентов является основанием для того, чтобы два слова можно было отнести к ЛСВ одного слова [Апресян, 1995, с. 70-77].

В целом исследования в области поиска общих значений полисемантов представляются важным этапом в выявлении семантической близости их лексико-семантических вариантов. В современной лингвистике семантическая общность значений полисемантов называется также термином «инвариант», пришедшем в структурную лингвистику из математики, где он обозначает неизменяемую величину при тех или иных преобразованиях.

Первоначально термин «инвариант» был использован в лингвистике применительно к единицам звуковой системы языка. В частности в рамках Пражского лингвистического кружка М.О. Трубецкой рассматривает фонему как инвариант в системе языка, звуки – как варианты фонемы в речи. В 1990-е годы термин «инвариант» начинает использоваться в работах, посвящённых интерпретации теории общего значения. В этих работах постулируется изоморфизм между общим значением слова и инвариантным значением. Так Ю.С. Степанов замечает, что «гораздо существеннее установить не общее значение слова, а его инвариантное значение, для которого вполне достаточно указать не совокупность некоторых признаков, как при описании общего значения, а всего лишь определить его относительно других вариантов. Сама же совокупность признаков при этом может оставаться неясной». По мнению учёного, при определении общего значения необходимо указать перечень признаков, тогда как при определении инварианта достаточно очертить круг и не указывать, что внутри него [Степанов, 1966, с. 159].

В.А. Серебренников трактует инвариант через понятие первого значения слов. По мнению учёного, инвариантное значение в лексическом содержании слова следует интерпретировать как более устойчивое, менее подвижное значение, служащее основой семантической произвольности. «Абсолютным, неизменным в индивидуальном содержании слова является исторически сложившееся и общественно признанное прямое номинативное значение, которое можно считать в определённом смысле инвариантным, сохраняющим более чем все другие лексико-семантические варианты, смысловое тождество слова» [Серебренников, 1972, с. 415-416].

Так или иначе, в роли содержательного ядра многозначного слова может выступать его инвариант или общее значение слова, существующее в сознании носителя языка как некий признак, который может быть общим для многих значений многозначного слова.

В качестве перспективы исследования общего значения многозначного слова можно рассматривать прототипический подход. В лингвистике прототипический подход получил развитие в работах Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора, Р.М. Фрумкиной, И.К. Архипова, С.А. Песиной. Прототип обозначает «первоначальный» и предшествует всем актуализациям значений в речи. Согласно И.К. Архипову лексический прототип есть абстрактная лингвистическая сущность, включающая совокупность семантических компонентов, которые в одной из своих конфигураций лежат в основе всех

или ряда ЛСВ, составляющих семантическую структуру слова в соответствии с интуицией носителя языка [Архипов, 2001]. Прототипичность проявляется в том единодушии, с которым носители языка характеризуют значение языковых единиц в отрыве от контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995.
2. Архипов, И.К. Когнитивный и логический анализ в лексикографической практике [Текст] / И.К. Архипов // Человеческий фактор в языке. – СПб. : Невский институт языка и культуры, 2001.
3. Будагов, Р.А. Слово и его значение [Текст] / Р.А. Будагов. – М. : Наука, 1947.
4. Будагов Р.А. К проблеме устойчивых и подвижных элементов лексики [Текст] / Р. А. Будагов. – М. : Изд. АН СССР, 1951. – Т. 3. Вып. 2.
5. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – М.–Л. : Наука, 1947.
6. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология [Текст] / В.Г. Гак. – М. : Наука, 1977.
7. Звегинцев, В.А. Семасиология [Текст] / В.А. Звегинцев. – М. : МГУ, 1957.
8. Звегинцев, В.А. Язык и лингвистическая теория [Текст] / В. А. Звегинцев. – М. : Эдиториал УРСС, 2001.
9. Курилович, Е.Р. Очерки по лингвистике [Текст] / Е. Р. Курилович. – М.: Прогресс, 1962.
10. Серебренников, Б.А. Общее языкознание. Внутренняя структура языка [Текст] / Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1972.
11. Смирницкий, И.А. К вопросу о слове: Проблема тождества слова [Текст] / И.А. Смирницкий // Труды института языкознания. – Т. 4. – М. : ИЯ, 1954. – С. 88-101.
12. Степанов, Ю.С. Основы языкознания [Текст]: учебное пособие для филологических факультетов пед. ин-тов / Ю.С. Степанов. – М. : Просвещение, 1966.
13. Шмелёв, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) [Текст] / Д. Н. Шмелёв. – М. : Наука, 1973.
14. Якобсон, Р. Речевая коммуникация [Текст] / Р. Якобсон // Избранные работы; под ред. В.А. Звегинцева, В. Иванова. – М. : Прогресс, 1985. – С. 306-319.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ

Е.Н. Боровицкая

Киевский национальный университет культуры и искусств, Украина

The article is about cultural semantics as a sphere that borders on different methodological approaches to culture science and integrates their main aspects and principles. Thus, cultural semantics has an opportunity to investigate the

meaningful particular purposes of cultural phenomena, processes, values. Cultural semantics uses the principles of social pragmatics of the discourse while investigating the different processes of meaning formation and tries to solve the problem of the varieties of meanings of the sign in the context of its usage.

Как известно общей проблемой любой семантики есть исследование двух ипостасей содержания – значения и смысла. Без знания например первичного словарного значения как одного из составляющих ипостась содержания языкового выражения просто невозможно себе представить его смысловое содержание выражения, тем более его смысловые оттенки (культурные, политические, коммуникативные и др.). Следовательно, в связи с таким необходимым как размеживанием, так и сочетанием этих двух ипостасей содержания и различают, как известно, две концептуальные точки зрения на предмет семантики: например, первая, исследующая ипостась содержания языкового выражения, как известно, исследует *значение единиц языка и их языковых выражений* (своего рода план содержания предложения как единицы языка) [Кобозева, 2007, с. 199]; вторая же, *смысл этих выражений* (план содержания высказывания как единицы речи) [Кобозева, 2007, с. 199] *в контексте их употребления, а также варианты его проявления, особенно при различных контекстуальных столкновениях.*

Сама семантика относительно молодая дисциплина, хотя истоки её мы наблюдаем еще в античности, в первых опытах этимологического анализа. Как известно, примерно около ста лет тому назад термин «семантика» в научный обиход был введён французским лингвистом Мишелем Бреалем. Он говорил о новом направлении лингвистических исследований – семасиологии, представители которого должны изучать принципы, регулирующие эволюцию значений слов. Именно о *лингвистической семантике* российский лингвист Юрий Апресян говорил, что такая семантика должна моделировать знание языка, а не знание о мире [Апресян, 1995]. Широкая же концепция семантики учитывает все факторы, определяющие коммуникацию, в том числе экстралингвистические, прагматические; и для описания смысла которой используется метаязык как язык, средствами которого описываются и исследуются свойства некоторого другого языка [Кобозева, 2007, с. 19].

Таким образом, широкая концепция семантики своей компетенцией имеет исследование смысла выражений (высказываний) в контексте их употребления, а также оттенков (даже вариантов) его проявления, особенно при различных контекстуальных столкновениях.

В свою очередь, особое внимание следует акцентировать и на том факте, что например к периоду расцвета французского структурализма (Леви-Стросс, Фуко, Лакан, Барт) научные исследования проблем из области так называемой лингвистической культурологии сформировали комплекс теоретико-методологических подходов к анализу трёх основных семантических составляющих культуры: процессов порождения, функционирования и интерпретации (*понимания*) семантических систем (*языков культуры*) и культурных текстов (*смыслосодержащих объектов*).

Активное взаимопроникновение проблематики и терминологии культурно-семантических исследований и исследований по *логической* и *лингвистической семантике* и *семиотике*, происходившее в этот период, знаменовало появление *культурной семантики* как самостоятельной области научного интереса.

Прежде чем непосредственно говорить о *культурной семантике*, а также о самих её проблемах, следует напомнить об одном из методологических подходов к анализу языковых и социальных явлений в современной лингвистической науке и аналитической (лингвистической) философии, а также в философии лингвистики, которую по праву можно рассматривать как особую отрасль философии науки [Vendler, 1967, p. 3-6], поскольку сегодня это касается ряда тех методологических проблем, которые в равной степени интересны как философу, так и лингвисту. В частности это может быть тот подход, который именуется теперь *социальной прагматикой дискурса*, и который вполне можно представить как актуальное междисциплинарное научное направление [Боровицкая, 2008, с. 317-321]. Как известно, философов язык интересует не сам по себе, а в контексте проблемы понимания, в контексте исследования различных процессов смыслообразования. Особенно это касается вопросов семантики, где как раз и пересекаются интересы философов и лингвистов.

В связи с этим следует отметить как универсальность, так и специфичность этого исследовательского подхода [Боровицкая, 2008, с. 317-321].

Социально-прагматический подход необходим и важен и при анализе культурных явлений, процессов, ценностей, который интегрирует характеристики универсального метода с основными методами анализа в такой науке, например, как культурология, а также ключевые аспекты других пограничных методологических подходов.

Таким образом, принимает участие в процессах смыслообразования, а значит, даёт возможность, например, *артефакт* рассматривать как продукт дискурса (*смысловая специфика артефакта как индикатор образа всей эпохи*) с его *культурно-закономерным* в различных культурно-исторических контекстах, а также *глубинным как архетипным*, в основе которого – прадавняя символическая формула, – а значит, первичным универсальным значением.

Исследование, например, смысловой специфики эмблематики, символики той или иной культуры актуально в межкультурном дискурсе, ведь предисловием дискурса как социальной коммуникативно-знаковой межкультурной системы есть наличие как общего, так и необщего для неё кодов. Отсюда исследование определённого набора стилистических качеств *артефакта*, которые требуют глубинной интерпретации уже с помощью других выводов, даже других дефиниций, учитывая как его конкретно-исторический, так и универсальный *архетипный* смысл.

Социально-прагматический подход даёт возможность решать проблему вариаций (изменений) значения знака в контексте артефактного изображения

как вариантов его смысла (*полисемии*); проблематику сведения смысла знака к его более конкретному, точному смысловому значению, и определения его как точного, а значит единственно возможного универсального смысла в контексте содержания других например композиционно оформленных знаков.

Таким образом, любую композицию культурных знаков можно рассматривать как новую актуализацию текста как приоритетного объекта понимания, что, в свою очередь, бесспорно свидетельствует о тенденции к восприятию самой культуры как текста и «как текста в тексте» [Лотман, 1996].

Отсюда важнейшая проблема, решаемая в *культурной семантике*, это выявление семантических единиц применительно к языкам культуры и культурным текстам. В этих условиях выявление анализируемых единиц и установление единых критериев анализа становится крайне важной и сложной проблемой, актуальной для современного состояния *культурной семантики*.

Исследование культурных явлений, процессов, ценностей с позиций *социально-прагматического подхода*, интегрирующего универсальные характеристики и принципы других пограничных методологических подходов в культурологии, а также принципы *культурной семантики*, является своеобразным средством познания как истоков, критериев развития, расцвета, прогресса самой культуры, так и кризисных её моментов, даже критериев её возможной гибели или исчезновения вообще.

Очевидно исследование проблем *культурной семантики* исходит из универсальных принципов и закономерностей всех семантик без исключения. Таким образом, проблемы любой семантики становятся общими в связи с необходимостью использования этих принципов и закономерностей как базисных универсальных при анализе таких общих концептуальных тем, но с позиций каждой (когнитивной, коммуникативной, культурной) семантики, как например „Слово, высказывание, текст, дискурс”, „Символ и символика”, „Метафора”, „Концепт”.

Таким образом, в рамки предметной области *культурной семантики* как проблемной междисциплинарной сферы наук о культуре, попадают отношения, связывающие смысл объекта (*предмета*) и его реальное (*первичное*) значение с каким-либо другим предметом (*его значением и смыслом*), а также событием, явлением, процессом.

Можно ли определить современное состояние *культурной семантики* как завершающий этап её становления, характеризующийся в принципе сложившейся предметной и объектной областями, сформировавшейся в общих чертах методологией? Всё это требует активной рефлексии, осознанных приоритетных направлений развития, поэтому по-прежнему остаётся открытым. Даже новейшие исследования в области *культурной семантики* и *семиотики* (Куайн, Гуденаф, Горман, Витц, Фелетта) свидетельствуют о явном смещении исследовательского интереса от макроисторических и кросскультурных исследований к анализу современных

проблем, связанных с актуальными семантическими аспектами например социокультурной политики, мониторинга социальных отношений (*работа с электоратом, реклама, маркетинг, имиджмейкерство, субкультурный сленг и т.д*) [Feleppa, 1988]. На наш взгляд, такого рода исследования ограничивают реальные возможности самой *культурной семантики* как сферы, претендующей на особую проблемную область науки о культуре, занимающейся изучением культурных объектов с позиций выражаемого ими смысла, значения, что в свою очередь определили исторически сложившееся многообразие исследовательской методологии.

Компетенцией непосредственно *культурной семантики* как сферы *культурологии* являются такие её проблемы, исследование которых заключается в исследовании смысловой специфики любых культурных порядков, сведения их смысла к более конкретному точному смысловому значению, а также определения его как точного, а значит единственно возможного как универсального контекстуального смысла; или же исследование глубинного как архетипного, а значит первичного смысла культурного объекта.

Проблематика *культурной семантики* безусловно является смежной, с одной стороны, с проблематикой *логической семантики* (изучение процессов означения и понимания применительно к общелогическим понятиям и отношениям таким, например, как «истинность»), *семантики как раздела семиотики* (изучение этих процессов в рамках общей теории знаков и знаковых систем), *лингвистической семантики* (изучение этих процессов применительно к естественным языкам); а, с другой стороны, является смежной с проблематикой *культурологии*, поскольку любые культурные явления, объекты, процессы могут рассматриваться исключительно как средства выражения смысла.

При этом необходимо учитывать не только междисциплинарный характер *культурной семантики*, но и специфичность самой проблематики *культурной семантики* как особой проблемной области науки о культуре, занимающейся изучением культурных объектов с позиций выражаемого ими смысла, значения, что в свою очередь, как уже было отмечено, определили исторически сложившееся многообразие исследовательской методологии.

Очевидно формирование *культурной семантики* как самостоятельной области в изучении культурных явлений, процессов, ценностей протекало параллельно с формированием самого комплекса наук о культуре; и при этом семантический уровень исследования культурных объектов всегда был важен и оставался в центре внимания. Таким образом, особенно актуальной проблемой *культурной семантики* и становится *проблема полисемантизма* культурного объекта и обнаружения в нём различных семантических уровней с помощью например принципов социально-прагматического подхода к анализу процессов означения, смыслообразования и понимания культурных объектов, явлений, процессов, ценностей. Проблема выявления дополнительных смыслов культурных объектов, очевидно, наиболее актуальна, поскольку именно там спектр коннотаций наиболее широк и

многообразен.

Таким образом, всё выше сказанное несомненно свидетельствует о существовании самой *культурной семантике* как проблемной междисциплинарной сфере науки о культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды [Текст]. Т. I. Лексическая семантика. (Синонимические средства языка) / Ю.Д. Апресян – М., 1995.
2. Боровицкая, Е.Н. Социальная прагматика дискурса как междисциплинарное направление [Текст] / Е.Н. Боровицкая // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Сборник научных трудов. Т.1. – Челябинск, 2008. – С. 317-321.
3. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика [Текст] / И.М. Кобозева. – М., 2007.
4. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история [Текст] / Ю.М. Лотман. – М., 1996.
5. Vendler, Z. Linguistic in philosophy [Text] / Z. Vendler. – Ithaca; New York : Cornell Univ. Press, 1967. – P. 3-6.
6. Feleppa, R. Convention, Translation and Understanding [Text] / R. Feleppa. – Albany, 1988.

ВОПРОС КАК СООРГАНИЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ

О.А. Брильц

Челябинский государственный университет

The process of understanding is dialogic, so a question is included into its structure. The main task of understanding, which can be fulfilled with the help of the question, is the organization of knowledge (general) and action (specific).

Вопрос как звено общения является одной из древнейших форм речевого выражения мысли. Как форма мысли он обладает порождающей функцией, то есть ориентирует мышление на погружение в сущность отражаемой действительности. Здесь важен учёт традиций в понимании. Так как понимание диалогично, то понимающий как бы задаёт понимаемому тексту (в широком смысле слова, то есть как источнику информации) соответствующие вопросы и стремится получить от текста ответы на них. По мнению Г.Г. Гадамера, участие многих в процессе постановки вопросов одному и тому же тексту предохраняет от излишнего субъективизма и релятивизма [Гадамер, 1988]. Учёт этих «многих» и даёт традиция (в данном случае традиция должна пониматься не в широком социальном, но в узком герменевтическом смысле как опыт предшествующего понимания).

Удачная постановка релевантного вопроса тексту – это, с одной стороны, проявление правильности «предпонимания», а с другой, искусство и выражение опыта постановки таких вопросов. Из этого опыта вырастает интуиция как догадка в понимании. Для понимания опыт должен быть открытым, необходимо существование рефлексивных отношений между «Я» и «Ты». Источником такой открытости является вопрос. Сущность

вопроса заключается в том, что он имеет смысл. Спрашивать – значит пытаться раскрыть что-то. Открытость спрашиваемого состоит в неустановленности ответа. Но открытость вопроса не бесконечна, она ограничена горизонтом вопроса, который включает предпосылки, позволяющие увидеть сомнительное. Горизонт вопроса ограничен совокупностью возможных ответов, допускаемых этим вопросом. Решение вопроса – это постижение смысла. М.М. Бахтин писал: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [Бахтин, 1979, с. 57]. Понимание – это путь к знанию. «Понимание – это процедура реконструкции вопросов, на которые отвечает наличное знание» [Грязнов, 1977, с. 33]. К решению вопроса мы приходим в том случае, когда основания в пользу одной возможности преобладают над основаниями в пользу другой. Полного знания мы достигаем только после удостоверения в несостоятельности контраргументов. Однако стоит заметить, высказывая какое-то утверждение, мы выражаем тем самым не своё знание, а своё верование. В связи с этим Джон Л. Остин предлагает следующую смысловую наполненность ситуации «вопрос-ответ» [Остин, 1987]. Возьмём, например, выражение «В саду щегол». Коммуникант, сообщая эту информацию, уверен, что птица, которая сидит в саду – это именно щегол. Реципиент хочет проверить правильность понимания им утверждения коммуниканта, а так же выявить источник информации. Для этого он задаёт ряд вопросов, например: Откуда вы это знаете? Почему вы так думаете? На первый взгляд эти вопросы кажутся одинаковыми и содержат уточняющий компонент. Однако первый из вопросов может содержать предположение, что собеседник на самом деле, возможно, не знает, а второй вопрос может предполагать, что он так не должен думать. Если ответ окажется неудовлетворительным в первом случае, собеседник может заметить «Но вы действительно не знаете это» или «Но это ничего не доказывает: вы не можете знать этого», а во втором случае – «Основания для вашего мнения явно недостаточны: вы не должны так думать». Джон Л. Остин считает, что «существование» ... мнения, но не «существование» того, что вы считаете своим знанием, не может быть оспорено» [Остин, 1987, с. 50]. Вопросы могут быть уточняющими или связанными с распознаванием внешней формы, могут относиться к прошлому опыту или затрагивать реальную ситуацию. Можно выделить три трактовки ответов на вопрос:

- приведённых данных недостаточно для узнавания предмета (например, при ответе на вопрос «Почему ты так думаешь?» поставленному к сообщению «В саду щегол» недостаточной является информация «У него на голове красное оперение», так как это может быть и дятел);

- приведённых данных достаточно только для отнесения опознаваемого предмета к определённой группе объектов (если кроме красного оперения указаны еще и другие характерные признаки, то можно достаточно уверенно сказать, что это щегол, но нельзя утверждать, что это живая птица, а не чучело);

- приведено достаточное количество информации для идентификации предмета, либо наши знания позволяют реципиенту не сомневаться в этом.

Множественность версий и содержащихся в них описаний одних и тех же событий является важнейшей гносеологической особенностью понимания. В глазах разных субъектов одни и те же факты могут получить отличные друг от друга информационно-оценочные толкования, переоцениваться с точки зрения времени. «Чем всестороннее представлен факт в высказываниях субъекта, тем полнее и глубже его понимание, тем больше оснований для взаимопонимания сторон. И наоборот, чем ограниченнее представленные связи искомым событиям, тем меньше объяснительные возможности их понимания, а значит, и меньше возможности взаимопонимания субъектных сторон» [Шилков, 1992, с. 177].

При этом понимание не заменяет собой знания, а трансформирует его в «инструкцию» для действия в конкретной ситуации: используя знания, мы составляем инструкцию к действию. В этой инструкции выражается понимание цели, задачи, направления, горизонтов, способов, операторики действия. Понимание пополняет знание новыми аспектами. Формулирование своей позиции по отношению к действию коммуниканта является «пределной точкой» понимания. Знание и понимание тесно связаны: знание лежит в основе понимания, а понимание создаёт возможность знания. Выделение «чистого знания» или «чистого понимания» является идеальной моделью, оно возможно только в мысли. В реальной интеллектуальной деятельности нельзя найти «чистого знания» или «чистого понимания».

Главной задачей понимания, реализуемой с помощью вопроса, является соорганизация знания (всеобщее) и действия (конкретное). Знание возводит локальное, ситуативно понятое в ранг всеобщего. В основе знания лежит системообразующий принцип со своей логикой, а в основе понимания – путь, способ действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М.Бахтин. – М., 1979. – 350 с.
2. Гадамер, Г.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики [Текст] / Г.Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 486 с.
3. Грязнов, Б.С. Научная проблема и ее познавательные функции [Текст] / Б.С. Грязнов // Логика научного поиска. Ч. 2. – Свердловск, 1977. – С. 32-34.
4. Остин, Джон Л. Чужое сознание [Текст] / Дж.Л. Остин // Философия, логика, язык. – М., 1987. – 336 с.
5. Шилков, Ю.М. Гносеологические основы мыслительной деятельности [Текст] / Ю.М. Шилков. – СПб., 1992. – 207с.

ПРЕДИКАТИВНАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ЛСГ «ПТИЦЫ»

(на материале русских и английских народных примет)

К.Р. Вагнер

Казанский Институт экономики, управления и права

The article considers the words compatibility of the lexico-semantic group “Birds” in Russian and English weather lore. The most common are the verbs of movement and the verbs characterizing sounds uttered by birds.

Целью настоящей статьи является анализ предикативной сочетаемости слов лексико-семантической группы (далее ЛСГ) «птицы» в русских и английских метеорологических народных приметах.

Существительные указанной ЛСГ активно распространяются глагольными предикатами со значением движения, наиболее частотным среди которых является глагол «лететь/fly»: *Лебедь летит – к снегу* [Ермолов, 1995, с. 89]; *When swans fly, it is a sign of wet weather* [Freier, 1989, с. 88]. В русских народных приметах основное глагольное значение, в зависимости от той или иной приставки обогащается дополнительными семантическими компонентами. Например, однокоренными образованиями глагола «летать», представленными в русских народных приметах, являются глаголы «прилететь», «улететь», «полететь», «отлететь»: *Чибис прилетел - на хвосте воду принес* [Ермолов, 1995, с. 89]. *Если тетерева и куропатки улетают зимой с открытых мест и редких перелесков под защиту бора, скоро начнется пурга* [Лютин, 1993, с. 15]. *Если на Арину журавли полетят, то на Покров надо ждать первого мороза; а если их не видно в этот день, то раньше Артемьева дня (2 ноября) не ударит ни одному морозу* [Грушко, 2003, с.123]. *Грач отлетел – жди снега* [Копейка, 2004, с. 112]. Общее значение движения заложено в самом глаголе «лететь», периферийные семы проявляются на синтагматическом уровне через валентность глаголов. Так, в анализируемых языках глагольный предикат «лететь/fly», в большинстве случаев конкретизируется обстоятельственными детерминантами, выраженными наречиями, либо сочетаниями существительного с предлогом, характеризующими признак «высота полета»: (высоко/низко, вверх/вниз – up/down, high/low): *Если журавли осенью летят низко – жди теплой зимы; летят высоко – холодной* [Грушко, 2003, с. 98]. *Ласточки летают высоко – к вёдру* [Даль, 1992, с. 66]. *Ласточки летают то вверх, то вниз – жди бури* [Рыженков, 1992, с. 95]. *When birds of long flight—rooks, swallows, or others—hang about home, and fly up and down or low, rain or wind may be expected* [Inwards, 1994, с. 132]. *When men-of-war hawks fly high, it is a sign of a clear sky; when they fly low, prepare for a blow* [Inwards, 1994, с. 140]. *If the lark flies high, expect fair weather* [Freier, 1989, с. 16]. Обстоятельственные детерминанты и в русском, и в английском языках часто выражают признак направления полета: *Если кулик летит с болота на поле и неустанно кричит, то скоро пойдет дождь* [Грушко, 2003, с. 148]. *Если грачи прямо на гнездо летят - дружная весна* [Ермолов, 1995, с. 81]. *Журавль прилетит на наст – к неурожаю* [Рыженков, 1992, с. 114]. *Журавли летят на север – потеплеет, на юг – возвратятся холода* [Копейка, 2004, с. 46]. *Курица летает по избе – к морозу* [Даль, 1992, с. 61]. *If crows make much noise and fly round and round, a sign of rain* [Freier, с. 39]. *If crows fly south, we’ll have a severe winter* [Freier, 1989, с. 57]. *But when the flock varies its flight to the west or east, the morrow will bring rain or snow* [Sloane, 1963, с. 31]. *Geese, flying directly south and very high*

indicate a cold winter [Inwards, 1994, с. 134]. В обоих сопоставляемых языках глагол «лететь» нередко заменяется синонимами. В русском частотным является глагол «порхать», в английском активно употребляются глаголы «soar» (парить), «circle» (кружить). Например: *Ласточки порхают над водой — к дождю* [Ермолов, 1995, с. 85]. *When swallows fleet, soar high, and sport in air, they tell us that the welkin would be clear* [Inwards, 1994, с. 138]. *A heron, when it soars high, shows wind* [Inwards, 1994, с. 139]; *When chimney swallows circle and call, a sign of rain* [Freier, 1989, с. 39].

С существительными ЛСГ «птицы» активно сочетаются глаголы авторизующего значения, которые характеризуют звуки, издаваемые птицами, наиболее частотным среди них в сопоставляемых языках является глагол «кричать/сру»: *Удод кричит — на дождь* [Ермолов, 1995, с. 92]. *If peacocks cry in the night, there is rain to follow* [Freier, 1989, с. 88]. В английском языке народных примет активно употребляются глаголы «scream» (вопить), «squawk» (орать), «squall» (пронзительно кричать): *If owls scream during bad weather, there will be a change* [Inwards, 1994, с. 138]. *Guinea hens squawk more than usual before a rain* [Freier, 1989, с. 39]. *Guinea-fowls squall more than usual before rain* [Inwards, 1994, с. 134]. Частотным как в русском, так и в английском языках является глагол «реветь/bawl»: *Если гагара заревёт — то перед северным ветром и дождем, а если закричит — то перед вёдром* [Ермолов, 1995, с. 89]. *When the peacock loudly bawls, soon we'll have both rain and squalls* [Inwards, 1994, с. 135]. Активно сочетается практически со всеми существительными данной ЛСГ глаголы «петь/sing»: *If the robin sings loudly from the topmost of trees expect a storm* [Freier, 1989, с. 38]. *If larks fly high and sing long, expect fine weather* [Inwards, 1994, с. 139]; *Снегирь зимою поёт на снег, вьюгу и слякоть* [Ермолов, 1995, с. 92]. *Зяблик поёт — на тепло* [Грушко, 2003, с. 114].

Особенностью некоторых авторизующих глаголов является их ограниченная валентность, т.е. сочетание предикатов только с определёнными лексемами. Так, в русском языке глагол «кудахтать» сочетается с существительным «куры»: *Куры кудахчут — к ненастью* [Даль, 1992, с. 65], глагол «куковать» вступает в предикативные связи с существительным «кукушка»: *Кукушка кукует на сухом дереве — к морозу* [Рыженков, 1992, с. 94]. Глагол «токовать» сочетается с лексемой «глухарь»: *Глухари прилетают токовать в ненастное утро — это значит погода наладится* [Лютин, 1993, с. 21]; глагол «ворковать» — с лексемой «голубь»: *Вёдро следует ждать, если голуби воркуют* [Грушко, 2003, с. 31]; глагол «пищать» — с лексемой «синица»: *Синицы утром пищат — на ночной мороз* [Копейка, 2004, с. 116]; глаголы «рюмит», «свирлит» — с лексемой «зяблик»: *Зяблик рюмит к дождю* [Лютин, 1993, с. 36]. *Свирочек-зяблик свирлит к ненастью, к холоду* [Грушко, 2003, с. 216]; глагол «каркать» вступает в предикативные связи с существительным «ворона»: *Ворона каркает — к дождю* [Лютин, 1993, с. 39]. В английских приметах глагол «croak» (каркать) активно сочетается с лексемой «raven/ворон»: *Ravens, when they croak continuously, denote wind; but if the croaking is interrupted or stifled, or at longer*

intervals, they show rain [Inwards, 1994, с. 137]. С лексемой «воробей/sparrow» и в русском и в английском языках активно сочетаются глаголы «чирикать/chirp»: *If sparrows chirp a great deal expect a storm* [Freier, 1989, с. 88]. *Воробьи дружно чирикают – к теплу, зимой – к снегу* [Грушко, 2003, с. 46]. Как в русском, так и в английском языках глагол «кукарекать/crow» сочетается с лексемой «петух/cock»: *Петух без времени вечером кукарекает – к перемене погоды* [Рыженков, 1992, с. 95]. *If a cock crows during a downpour, it will be fine before night* [Bowen, 1978, с. 59]. Глагол «крякать/quack» – с лексемой «утка/duck»: *When ducks quack loudly, it's a sign of rain* [Freier, 1989, с. 17]. *Если утки плещутся в воде и крякают – к дождю; если они тихи – к грозе* [Ермолов, 1995, с. 78]. Глагол «гоготать/cackle» с лексемой «гусь/goose»: *Зимою, если гусь гогочет – к теплу, а если сидит, поджавши ноги – к холоду* [Ермолов, 1995, с. 77]. *When geese cackle, it will rain* [Freier, 1989, с. 17]. Помимо этого, в английских приметах активно употребляется еще один глагол, характеризующий крик гусей “honk” (кричать): *If the goose honks high, fair weather; if the goose honks low, foul weather* [Freier, 1989, с. 16]. В английском языке глагол «whistle» (свистеть) характеризует звуки, издаваемые попугаем и малиновкой, глагол «finch» (чирикать, щебетать) – зябликом; «hoot» (ухать) – совы: *When parrots whistle, expect rain* [Freier, 1989, с. 17]. *Robins will perch on the topmost branches of trees and whistle when a storm is approaching* [Inwards, 1994, с. 138]. *When the finch chirps, rain follows* [Inwards, 1994, с. 139]. *You can expect rain when owls hoot* [Dolan, 1988, с. 205].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предикативная сочетаемость носит облигаторный характер и актуализируется в различных сочетаниях глаголов со словами ЛСГ «птицы». Причём наибольшую сочетаемостную зону составляют глаголы движения и глаголы, характеризующие звуки, издаваемые птицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушко, Е.А. Энциклопедия русских примет [Текст] / Е.А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М. : Эксмо, 2003. – 384 с.
2. Даль, В.И. Месяцеслов. Суеверия. Приметы. Причуды. Стихи. Пословицы русского народа [Текст] / В.И. Даль. – СПб. : Лениздат, 1992. – 96 с.
3. Ермолов, А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Народное погодоведение [Текст] / А.С. Ермолов. – М.: «Русская книга», 1995. – 430 с.
4. Копейка, В.И. Календарь народных примет [Текст] / Авт.-сост. В.И. Копейка. – М. : ООО «Издательство АСТ», Донецк : «Сталкер», 2004. – 126 с.
5. Лютин, А.Т. Народное наследие о приметах погоды: Календарь [Текст] / А.Т. Лютин, Г.А. Бондаренко. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. – 96 с.
6. Рыженков, Г.Д. Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде [Текст] / Сост. Г.Д. Рыженков. – М. : Современник, 1992. – 127 с.
7. Bowen, D. Weather lore for gardeners. A guide to the accurate prediction of local weather conditions [Text] / D. Bowen. – Wellingborough, Northamptonshire,

1978. – 95 p.

8. Dolan, E. The old farmer's almanac book of weather lore: the fact and fancy behind weather predictions, superstitions, old-time sayings, and traditions [Text] / by E. Dolan; foreword by W. Scott. – Dublin, New Hampshire : Yankee Publishing Incorporated, 1988. – 224 p.

9. Freier, D.G. Weather proverbs [Text] / G.D. Freier. – Fisher Books USA, 1989. – 138 p.

10. Inwards, R. Weather lore. A collection of proverbs, sayings and rules concerning the weather [Text] / R. Inwards. – London : Senate, Studio Editions Ltd, 1994. – 190 p.

11. Sloane, E. Folklore of American weather [Text] / E. Sloane. – New York : Hawthorn Books, 1963. – 63 p.

УПРЁК КАК ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АКТ

И.В. Винантова

Челябинский государственный университет

There are certain culturally-specific peculiarities of SA reproach. They are based on communicative culture and are linguistically justified. As reproaches are associated with FTAs, there can be distinguished tactics of how to save speaker's positive face.

Согласно словарю С.И. Ожегова, упрёк – «выражение неудовольствия, неодобрения, обвинение» [Ожегов, 1995, с. 825]. Необходимо сразу отметить, что РА *упрёк* относится к ликоугрожающим речевым актам (т.е. таким, который угрожает позитивному лицу собеседника). Тем не менее, конфликтная коммуникативная ситуация нередко интеракциональна и поддаётся моделированию.

Несомненно, ликоугрожающие акты очень распространены, а упрёк стандартно рассматривается как негативное явление в процессе коммуникации. В связи с этим коммуникантами используется множество различных стратегий, чтобы завуалировать и смягчить негативное содержание высказываний.

Отметим, что агрессивная стратегия реализуется в бытовых конфликтных ситуациях при помощи следующих агрессивных тактик коммуникативного поведения в английском дискурсе: *interruption* – прерывание контакта (10,1%), *insistence* – настаивание (6,8%), *defiance* – вызов (3,3%), *prohibition* – запрет (2,4%), *threat* – угроза (5,2%), *disclosure* – обличение (4,6%), *reproach* – упрёк (24,5%), *accusation* – обвинение (2,5%), *display of offence* – демонстрация обиды (5,4%), *indignation* – возмущение (10,6%), *mockery* – насмешка (4,1%), *stinging remark* – колкость (9,8%), *insult* – оскорбление (5,2%) [Волкова, 2009, с. 14].

Необходимо отметить, что выражение упрёка в английской лингвокультуре сопряжено с некоторыми трудностями. Как известно, к основным ценностям англичан относятся индивидуализм и независимость, автономность личности, которые проявляются в недопустимости оказания прямого воздействия на собеседника, толерантности к поведению других.

Самодостаточность англоязычных коммуникантов, их осознание собственного «Я» («*Self*») проявляется в способности существовать автономно, самодистанцированность британцев связана с представлением о неприкосновенности личного пространства. Конечно, данные особенности поведения наложили свой отпечаток и на выражении некоторых РА.

Главная особенность РА *упрёк* состоит в форме его выражения. Абсолютное большинство упреков в английском языке выражено косвенно. Это можно интерпретировать тем, что большинство людей предпочитает не говорить напрямую о своём недовольстве:

Get the tire! Bring it with you! Ain't you got any sense at all? Why didn't you bring it? – Достань шину! Возьми ее с собой! Ты что, вообще ничего не понимаешь? Почему ты не принес ее? [H. Lee, To Kill a Mockingbird, с. 43] (здесь и далее – перевод наш. – И.В.).

Поскольку упрёк – потенциально опасное действие для упрекающего (именно он в случае экспликации иллокутивной силы несёт ответственность за некооперативное поведение), он выбирает стратегию косвенного выражения упрека, избегая тем самым ответственности за нанесение ущерба своей репутации, т.к. ответственность за правильную интерпретацию иллокутивной силы лежит в данной ситуации на упрекаемом. Употребление косвенных форм вызвано желанием упрекающего избежать открытого конфликта; смягчение конфликтной иллокуции обеспечивается за счёт лингвистических средств [Давыдова, 2007, с. 27].

Очень интересны также группы вопросов, смыслом которых является упрёк с дополнительным выражением эмоции. В данном случае можно не рассматривать каждый вопрос как отдельный, но именно всю группу вопросов сразу. Показательным примером такой «тирады» может служить группа вопросов, произнесённая взволнованным Лестером в адрес Дженни:

That's all right, but what's the use of all this secrecy? Why can't you come out and tell what's the matter with you? What's the use of this whispering behind doors? Where do you have to go? – Хорошо, но к чему же все эти секреты? Почему ты не можешь прийти и сказать, что у тебя произошло? Какой смысл шептания за дверьми? Куда тебе надо идти? [Th. Dreiser, Jennie Gerhardt, с. 177]

При исследовании КРА со значением упрека было выявлено большое разнообразие конструкций. Это разнообразие может быть объяснено несколькими параметрами. Перечислим некоторые из них:

1. социальный статус, возраст, уровень образования и др.:

Сенатор терпеливо спрашивает Дженни, немного упрекая ее в том, что порой в ее голову лезут неправильные мысли: *Where do you get those ideas, Jennie? – Где ты набралась этих идей, Дженни? [Th. Dreiser, Jennie Gerhardt, с. 263]*

2. степень раздражённости, уровень тактичности:

Гейша раздражённо спрашивает новенькую девочку, упрекая ее в неопрятности: *Where on earth did you come from? – И откуда ты такая взялась? [A. Golden, Memoirs of a Geisha, с. 45]*

3. реципиент упрёка:

Королева надменно спрашивает мальчика Эдмунда: *Is that how you address a Queen? – И так ты обращаешься к королеве?* [C.S. Lewis, *The Complete Chronicles of Narnia*, с. 85]

Проанализировав модификации коммуникативных ситуаций можно заметить, что использование прагматических переменных характеризует функционирование различных языковых форм. В ситуациях с симметричными отношениями между коммуникантами можно говорить о более разнообразных способах выражения упрёка, чем в ассиметричных социальных отношениях. Это объясняется тем, что коммуниканты находятся в симметричных отношениях, равноправны в своих высказываниях и способах выражения эмоций – поэтому и использование лингвистических средств практически неограниченно.

Отрицательные конструкции довольно часто встречаются в упрёках (более 38% случаев), что придаёт им характер назидания:

Haven't you noticed anything? – Неужели ты ничего не заметил? [K. Amis, *Lucky Jim*, с. 122]

Таким образом, можно сделать вывод, что дальнейшее изучение РА упрёк, его характеристик, основных тенденций и особенностей приведёт к более эффективному общению коммуникантов, на каком бы уровне (симметричном или ассиметричном) ни находились их отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова, О.С. Прагмалингвистические особенности межличностного общения в коммуникативной ситуации «бытовой конфликт» (на материале английского языка) [Текст] / О.С. Волкова // автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 23 с.
2. Давыдова, Т.А. Роль упрёка в межличностном общении [Текст] / Т.А. Давыдова // Международная научно-практическая конференция МК-1-07.– Астрахань: АГУ, 2007.– С. 26-28.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Российская АН.; Российский фонд культуры; – 2-е изд., испр. и доп. – М.; АЗЪ, 1995. – 928 с.
4. Amis, K. *Lucky Jim* [Text] / K. Amis. – Arden, 2002. – 304 p.
5. Dreiser, Th. *Jennie Gerhardt* [Text] / Th. Dreiser. – Philipp Reclam, 2004. – 284 p.
6. Golden, A. *Memoirs of a Geisha* [Text] / A. Golden. – Vintage, 2005. – 503 p.
7. Lee, H. *To Kill a Mockingbird* [Text] / H. Lee. – Antology, 2004. – 320 p.
8. Lewis, C.S. *The Complete Chronicles of Narnia* [Text] / C.S. Lewis. – Harper Collins Publishers, 2000. – 524 p.

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ФИНИТИВА

Л.В. Воронина

Рязанский военный автомобильный институт

This article is devoted to the facultative component of semantic structure of the finitive in its structural-semantic and pragmatical aspects and the features of its expression and functioning.

Финитив – «компонент со значением цели, назначения действия» [Золотова, 1998, с. 43] – имеет особую структуру, представленную семантическим комплексом субъекта, действующего произвольно, осознанно и мотивированно, а также вербально выраженным результатом его интенций – целью:

Семантический комплекс субъекта Мотив Ресурсы Результат

Каждый из представленных компонентов является необходимым и обусловлен волей и сознанием действующего с определённой целью субъекта. Интерес представляет аналитический компонент семантической структуры финитива. Он носит факультативный характер и связан с вопросом о том, каков итог целенаправленной деятельности субъекта, иными словами, достигнута цель или нет.

Можно говорить о принципиальной достижимости любой цели, но свидетельствовать о том, что цель действительно была достигнута или что-то помешало ее достижению, в рамках собственно целевой конструкции не представляется возможным, что обусловлено ирреальной модальностью обуславливаемого компонента. Эту функцию – сообщать о конечном результате интенций субъекта в реальной модальности – берёт на себя компонент соответствующей семантики. Назовем его аналитическим.

Целевые конструкции, содержащие аналитический компонент, трехчастны: первая информирует о ресурсах, вторая о цели действий, а третья – о соответствии или несоответствии задуманного и результата действий.

По понятным причинам конструкции, информирующие о достижении субъектом цели, редко употребляются в языке: *Каждый день он придумывал средства, чтобы избавиться от этого наваждения, и употреблял эти средства* (Л.Н. Толстой). Вербализация аналитического компонента, информирующего о соответствии целей и результатов обусловлена его контекстной актуальностью, связанной с неожиданным развитием действием или отклонением от задуманного: *Коврин бросился в сторону, в розжь, чтобы дать ему дорогу, и едва успел это сделать* (А.П. Чехов).

Более актуальными представляются конструкции, аналитический компонент которых сообщает о несовпадении цели и результата. При этом происходит ссылка на: 1) несовершенство самой цели: *Трут вываривали в кипятке с подсолнечной золой, чтобы скорее загорался, но ... огонь добывался трудно* (Шолохов); 2) несоответствие реальных ресурсов и цели (при этом потенциальные ресурсы и реальные находятся в противоречии): *Можно дождаться сумерек, чтобы пересечь ... луга затемно, но Григорий решил ехать сейчас же* (Шолохов); 3) личные качества субъекта цели: *Попробовал было еще зайти к кое-кому, чтобы узнать по крайней мере причину, и не добрался никакой причины* (Н.В. Гоголь); 4) внешние обстоятельства цели: *Наконец, устанет думать, подойдет к зеркалу*

посмотреться – ан там уж пыли на вершок насело... (Салтыков-Щедрин); 5) несовпадение желаний субъекта целеполагания и второго агенса: *Прокуратор... пригласил первосвященника на балкон, с тем чтобы укрыться от безжалостного зноя, но Каифа вежливо извинился и объяснил, что сделать этого не может* (Булгаков); 6) причины, помешавшие реализации задуманного: – *Позапрошлый год в Каменскую на суд вызывали, а батя догадался – успел помереть* (Шолохов).

Структурно-семантический анализ таких конструкций позволяет выделить следующие особенности: субъект направляет действия на достижение предполагаемого результата, который неосуществим по ряду причин. Между частями предложения, сообщающими о предполагаемой цели и реальном результате действий агенса, устанавливаются сопоставительные отношения, оформляемые посредством сочинительных союзов *а, но, да* или устаревшего союза *ан* (в пословицах). В случае, когда аналитический компонент крепится посредством союза *да и*, в нем развивается дополнительное значение неожиданности конечного результата действий субъекта: *Пошёл за хлебом до рынка, а купил волынку* (пословица).

Сообщать о несоответствии результата цели способны конструкции с лексемой *пришлось*, имеющей значение вынужденности, необходимости что-либо сделать: *Поехали пировать, а пришлось горевать* (пословица); *Ехал наживать, а пришлось и своё прожить* (пословица). Полученный результат оказывается для субъекта не просто не соответствующим его плану, но нежелательным.

Итак, анализ результативности усилий субъекта может осуществляться по нескольким направлениям, констатируя:

1. факт достижения цели,
2. способ достижения цели,
3. факт недостижения цели,
4. причины недостижения цели,
5. нежелательную замену предполагаемого результата иным, вынужденным.

ЛИТЕРАТУРА

Золотова, Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса [Текст] / Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1998. – 439 с.

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КОМИКСА

Н.Ю. Григорьева

Магнитогорский государственный технический университет

Речевое воздействие (далее РВ) в широком смысле слова понимается в лингвистике как «воздействие на индивидуальное и/или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными средствами, с помощью сообщений на естественном языке и/или сообщений, построенных средствами паралингвистических семиотических систем, к которым в случае

письменной коммуникации относятся средства графического оформления текста (метаграфемика)» [Паршин, 1996, с. 32].

По утверждению О.С. Иссерс, «язык есть семиотический код, следовательно, он навязывает систему ценностей, систему представлений говорящего и неизбежно конструирует модель мира. Это не есть нейтральное отражение фактов по принципу зеркала.

Точнее, язык как инструмент воздействия, не может быть «нормальным» зеркалом – он (вне зависимости от воли говорящего) всегда с той или иной степени является «кривым» зеркалом» [Иссерс, 2006, с. 18]. «Кривизну» зеркала О.С. Иссерс определяет, исходя из коммуникативных задач автора и его картины мира.

По мнению Р. Блакара, «выражаться нейтрально невозможно – даже неформальный разговор предполагает осуществление власти» [Блакар, 1987, с. 89], то есть любая речь воздействует на восприятие и структурирование мира человека. При этом могут использоваться самые разнообразные по своему значению предложения, а употребление одного и того предложения может вызвать очень разные перлокутивные эффекты в зависимости от обстоятельств, в которых оно употребляется, в частности, от характера адресата, его знаний, системы ценностей. Поэтому в политическом комиксе используются, как установлено в нашем исследовании, такие речевые акты, для которых осуществления иллокутивного акта обязательно влечёт за собой вполне определённый перлокутивный эффект.

Аналогичное место данный факт имеет в случае иллокутивного акта сообщения. Здесь иллокутивная функция или функция сообщения характеризуется следующей коммуникативной целью – донести до адресата определённую информацию. Иначе говоря, появляется иллокутивный или прагматический компонент, характеризующий цель, с которой используется высказывание.

Так, цель речевого высказывания «*Help will be here soon*» (*Помощь скоро придёт*) – передать информацию о скором спасении; «*You are making a mistake, my friend!*» (*Ты совершаешь ошибку, мой друг!*) – предостережение и оценка деятельности; «*Poor baby!*» (*Бедный ребёнок!*) – сочувствие. Адресат сообщения всегда преследует определённую цель.

Сказанное относится и к комиксам, целью которых, как средств массовой информации, является речевое воздействие передаваемой коммуникативной информации на максимально большую аудиторию.

Для успешной реализации стратегического процесса – речевой коммуникации – в комиксах широко используются многочисленные так называемые «инструменты» речевого воздействия (в терминологии А.Г. Паршина). А.Г. Паршин утверждает, что «инструмент речевого воздействия существует только один – использование значимого варьирования языковых структур, при котором различия между ними... игнорируются адресатом сообщения в рамках «коммуникативного компромисса» и в результате ему навязывается одна из нескольких возможных интерпретаций окружающей действительности [Паршин, 1996, с. 34]. Тем не менее, тот же автор

высказывает и другую точку зрения, когда выделяет основные случаи значимого отбора языковых средств как инструменты языкового воздействия. Принципы отбора языковых средств («языковых инструментов») прослеживаются и в нашем исследовании комикса в плане речевого воздействия информации на сознание и поведение адресата. К таким мы относим пять важных, на наш взгляд, типов «языковых инструментов».

Во-первых, это – выбор/конструирование формальной оболочки текста. В графическом компоненте комикса используется специфическое средство воздействия – метаграфемика, в частности, супраграфемика (выбор шрифтовых гарнитур, средств шрифтового выделения-курсив, использование заглавных букв, варьирование насыщенности и размера шрифта) и топографемика (способы размещения печатного текста на плоскости). Шрифты имеют исторические и эмоциональные ассоциации. Расположение вербального ряда на плоскости в комиксе ассоциируется с динамичностью («диагональ революции») или реализует идею выбора («диагональ меню»).

Во-вторых, наиболее распространённым «языковым инструментом» для реализации целей речевого воздействия в комиксе является выбор/конструирование слов и выражений, т.к. эмоциональная составляющая его вербального ряда, дополненная графическими средствами, обладает повышенной иллокутивной силой. Наиболее сильное эмоциональное воздействие в политическом комиксе, по нашему мнению, осуществляется с помощью окказионализмов – новых слов, отсутствующих в системе языка, но созданных специально для целей определённого сообщения (в экспрессивных целях). Так, например, в одном из политических комиксов США для обозначения понятия «бывшие» – «*used to be*» используется образный окказионализм «*youstabees*» и графическое изображение политиков в образе пчёл («*bees*»), основным занятием которых является сбор мёда, в данном случае приятное прохождение времени, «сладкая жизнь», которую бывшие демократы ищут в политике, с лёгкостью переходя из одной партии в другую.

Подобное явление наблюдается и при использовании слова «*cheneuverse*», образованного по аналогии с «*universe*» (вселенная) и означающего соответственно «мир Чини» (бывший вице-президент США).

В-третьих, в вербальной составляющей комикса широко представлен выбор синтаксических конструкций. Синтаксис располагает большим разнообразием средств речевого воздействия. В политическом комиксе, в частности, в целях усиления иллокутивного эффекта высказывания часто используется приём парцеллирования – использование одного высказывания, состоящего из нескольких фраз: «*Rates were low\ money was plentiful*» (Цены были низкие, денег было много...); «*Yes... \ and the show before yours\ and the show before those*» (Да, и шоу перед вашими, и шоу перед теми ... (имеются в виду выборы). В последнем примере приём парцеллирования позволяет путём повтора закрепить в сознании адресата идею о том, что отражённое в данном комиксе – всего лишь «шоу».

Иная цель достигается использованием в комиксе контекстуального или конситуативного эллипсиса. В этом случае наблюдается пропуск одного или другого члена синтаксической конструкции высказывания, ясного только из контекста или конситуации (т.е. при определённых условиях). «*Seems foolish...*» (*Кажется глупым...*) – отсутствие подлежащего.

«*Examine terrorism's root causes?*» (*Изучаете главные причины терроризма?*) – отсутствие подлежащего и части сказуемого. Используя более короткие, лаконичные фразы, политики-адресанты коммуникации стараются придать своей речи динамичность, сделать ее более доступной, «разговорной».

В-четвёртых, неотъемлемой компонентой политического комикса являются когнитивные операции, предполагающие соотнесение различных понятийных сфер и различных миров.

Речевое воздействие инициирует эти операции, в частности, операцию метафорического переноса. В политическом комиксе метафорический перенос осуществляется методом метафорического моделирования политической действительности. Используя некоторые положения теории метафорического переноса в нашем исследовании мы пришли к выводу о том, что комиксовая метафора – это активный способ мышления и путь к преобразованию языковой картины мира в сознании индивида. Комикс, с одной стороны, обращён к прагматическим ситуациям и жизненным контекстам, а с другой стороны – к ментальным процессам индивидуума: этнографическим, психологическим и этнокультурным правилам порождения, понимания и воспроизведения комиксового знака. Прагматическая ситуация детерминирует связность комикса и отражает его коммуникативную адекватность. Ситуация реализует прагматическую функцию политического комикса, в котором используются метафоры, понятные носителям определённой культуры. В нашем исследовании такими носителями языка (адресантами) являются потребители информации США, и использование в комиксе метафорических образов осуществляется с учётом сложившейся в их сознании определённой картины мира. При этом часто используется персонификация – перенесение на неживой предмет свойств или функций живого лица. Как известно, персонификация, как одна из разновидностей онтологической метафоры, является способом восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т.п. как материальных существ и веществ.

Примерами персонификации в политическом комиксе США являются следующие выражения: 1) «*Invisible Hand of Free Market*» (*Невидимая рука свободного рынка*). Здесь вербальный компонент сопровождается графическим изображением «руки с человеческими чертами лица». 2) «*A Single-payer Health Care System*» (*Система здравоохранения только для одного плательщика*).

Помимо метафорического переноса в политическом комиксе для усиления речевого воздействия используется также метонимический перенос – использование одной сущности для ссылки на другую, которая с ней

связана. В следующих примерах присутствует метонимическая соотнесённость с конкретными людьми, хорошо известными адресантам политического комикса США:

«The White House Called» (Звонил Белый Дом); *«The Senate Would Like You to Release Your Records!»* (Сенат хотел бы, чтобы Вы опубликовали свои записи!).

В-пятых, для комикса характерна передача неоднозначной и имплицитной информации, следовательно, присутствуют логические операции для управления логическим выводом. С этой целью осуществляется выбор слов и выражений, которые воздействуют на адресата с целью приведения данного адресата к выгодному для адресанта логическому выводу. Например, задавая вопрос *«Haven't you heard? We've entered a new era of politics»* (Разве вы не слышали? Мы вступили в новую политическую эру), адресант в неявном виде сообщает адресату о том, что а) предыдущая политическая эра завершилась (пресуппозиция глагола 'know' – «знать», которая предполагает понятие истины), о том, что б) новая политическая эра имеет место (на это указывает пресуппозиция глагола 'to enter' – «вступить»); о том, что в) адресант был уверен, что адресат знает об изменениях, произошедших в политике США ('Haven't you... ' – «Разве вы не...»).

Таким образом, речевое воздействие комикса инициирует различные понятийные миры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакар, М. Язык как инструмент социальной власти [Текст] / М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 88-125.
2. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – М. : КомКнига, 2006. – 286 с.
3. Паршин, П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века [Текст] / П.Б.Паршин // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19-42.

МНОГОТОЧИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ДИНЫ РУБИНОЙ

Т.В. Григорьева, Е.В. Дегтярева

Башкирский государственный университет

The scientific article is devoted studying of dots in Dina Rubina's texts. Various functions of dots in different works of the author are considered.

Пунктуация современного русского языка представляет огромный интерес. «Знаки препинания служат для выявления различных смысловых оттенков, присущих отдельным частям письменного текста» [Валгина, Розенталь, Фомина, 2008, с. 491]. Многие авторы текстов нередко используют так называемые яркие знаки препинания для создания определённого эффекта. Одним из таких знаков является многоточие, появившееся в конце XVIII в. и называвшееся тогда «знаком пресекательным» [Гольцова, URL], а в просторечии – «троеточием». Этот, по словам Н.С. Валгиной, «частый и незаменимый знак в текстах большого

эмоционального накала» [Валгина, 2001, с. 269] имеет ряд первичных функций. Оно употребляется, когда необходимо обозначить незаконченность высказывания, различные заминки, связанные с волнением говорящего; для указания продолжения прерванного изложения (в начале текста); при переходе от одной мысли к другой для обозначения пауз; для обозначения пропуска части цитируемого текста (в начале, середине или конце цитаты). Со временем «употребление многоточия стало значительно шире» [Валгина, 2001, с. 269], это популярный знак препинания в построении текста, при помощи которого подчеркивается неожиданность высказывания, его абсурдность, алогизм; в начале абзаца передаётся разрыв в повествовании, резкий переход от одной темы к другой.

В текстах Дины Рубиной многоточия несут особую смысловую нагрузку. Рассмотрим некоторые особенности употребления этого знака препинания в ее произведениях.

1. Посредством многоточия передаются заминки, которые свойственны устной речи и которые показать на письме довольно сложно: *В те годы, как и сейчас, впрочем, я не имела чёткого представления об иерархии высших сил – да кто его имеет-то, сказать по совести, – но всё же подозревала, что ни время, ни число... сотрудников большой проблемы там, наверху, не составляют («Цыганка»).* - *Это звучит несколько... фантастично, – заметила я («Адам и Мирьям»).* *Словом, жила она и жила в этой неразличимой и тоскливой для меня сердцеvine прошлого века в... Мариуполе («Душегубица»).*

2. Интересны примеры, где многоточие разрывает одно слово. В подобных случаях тоже возникает заминка, но в них Дина Рубина, используя данный знак, разрывает уже не части предложения, а части слова: *Мне лет двадцать назад этот ме...ханизм объясняла одна старая армянка... («Цыганка»).*

3. Многоточие используется для выделения наиболее градационно значимого компонента. Такое выделение (семантическое, интонационное и, как следствие, графическое) часто сопровождается приёмом парцелляции: *Интересно, что остальных кошек, с которыми сводила его судьба, Ральф ненавидел, вскипал бешенством, гнался, преследовал, настигал, вгрызался... Душил! («Ральф и Шура»).* *Недели три Ральф погибал от тоски. Не ел... Валялся на полу, катая башку на протянутых лапах... («Ральф и Шура»).* *Помню первое жертвоприношение. Не нога, не рука... Жизнь человека! Целиком, окончательно, страшно – и безжалостно связано со мной («Цыганка»).*

4. Многоточие может указывать на открытость однородного ряда: *Старше его на два года, Берта просто ослепительна: кожа гладкая, брови шёлковые, золотистые, румянец акварельный... («Душегубица»).* *И на столах у той вон стены рядом лежало столько разных диковинных дудок, свирелей, бубнов, трещоток... («Адам и Мирьям»).*

5. При помощи многоточия Д. Рубина оформляет вставные конструкции: *Земную жизнь пройдя до половины... да что там! – давно перевалив эту*

умозрительную вершину, я научилась водить машину («Адам и Мирьям») (с одной стороны вводной конструкции многоточие, с другой – запятая, что в общем-то тоже нехарактерно для выделения вставок). Нет, всё это не передаёт... не может описать чувство упоительной... ага, уже ближе... дело в том, что я вдруг вспомнила подростковую украденную свободу, которая овладела мной, если вместо уроков я сбегала в зоопарк, или садилась в пригородную электричку и, выйдя на станции Чирчик, шлялась до вечера по окрестным полям и бахчам совершенно одна («Адам и Мирьям»).

С точки зрения синтаксиса язык Дины Рубиной уникален. Она свободно владеет знаками препинания и при их постановке ведёт себя достаточно смело, выходя порой за рамки правил. Тем самым она обращает на себя внимание и волей-неволей делает свой язык ярким и неповторимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке [Текст] : Учебное пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
2. Валгина Н.С. Современный русский язык [Текст] / Под ред. Н.С. Валгиной: Учебник для вузов / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина. – М. : Логос, 2008. – 528 с.
3. Гольцова Н.Г. От утёнка до кавычек. Из истории русской пунктуации. Роль знаков препинания [Электронный ресурс] / Н.Г. Гольцова // URL: http://www.znaki-pr.spb.ru/texts/history_of_punctuation_marks.html

РАЗЛИЧНЫЕ МОДЕЛИ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «СОБЫТИЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Е.А. Давыдова

Оренбургский государственный университет

The article represents main approaches to the notion «event» in the modern linguistics. Russian linguists propose various models of the category «event»; they explain the difference between such similar notions as «event» and «fact», «event» and «scene».

В современной лингвистике не существует устоявшегося понятия «событие». При анализе категория «событие» художественного текста выделяется интуитивно, субъективно, поэтому возникает множество вопросов по поводу того, какой смысл вкладывает лингвист, употребляя термин «событие». Данной проблемой занимались Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1988], В.З. Демьянков [Демьянков, 2009], В.Я. Шабес [Шабес, 1989]. В данной статье мы попытаемся представить модели вышеназванных авторов.

Н.Д. Арутюнова рассматривает такие понятия, как «факты» и «события», уподобляя их «земле» и «небу» соответственно. «Факты» и «события» максимально сближены, но между этими категориями проходит «линия горизонта». Категория «событие» обладает следующими характеристиками:

- 1) отнесённость к жизненному пространству;

- 2) принадлежность магистральной линии жизни;
- 3) динамичность и кульминативность;
- 4) «сценарность»;
- 5) неконтролируемость;
- 6) слабая структурированность;
- 7) целостность;
- 8) отсутствие логической необходимости существования;
- 9) единичность, счётность;
- 10) функциональность;
- 11) преимущественная включённость в интерпретирующий контекст;
- 12) «вершинная» позиция при пространственно-временном совмещении с другими событийными объектами, служащими субстратом события [Арутюнова, 1988, с. 181].

В.З. Демьянков предлагает различать три разновидности понятия «событие»:

1. *Событие как идея*, его аналогом, видимо, является интенционал имени или дескрипции; два неидентичных идеи-события могут в пространстве и времени полностью накладываться друг на друга.

Для того, чтобы привести пример для данного вида события следует сказать, что существует много подходов к событию. Рассмотрим два основных. Одни учёные считают, что мир состоит из событий, а не из субстанций, составляющих объекты, и что объекты – это некоторые «структурированные единства, занимающие определённые области в пространстве-времени». Другие же исследователи уподобляют события не объектам, а скорее их теням: происходя в одном и том же месте и в одно и то же время, события могут полностью накладываться друг на друга, не совпадая, а только создавая впечатление сгущенности. Таким образом, события лежат вне измерений пространства-времени в отличие от реальных объектов, полностью идентифицируемых своим положением в пространстве-времени.

2. *Собственно событие*, или *референтное событие*; его аналог – конкретный референт (экстенционал) имени – конкретный объект, занимающий конкретное же положение в пространстве-времени, это – прообраз для идеи-события, которая в свою очередь даёт его интерпретацию; если говорят, что два события происходят одновременно в одном и том же месте, значит, мы имеем два разных события-идеи, но одно референтное событие, рассматриваемое с разных точек зрения (мы имеем дело с одним референтным объектом, но с разными его интерпретациями в виде денотатов).

3. *Текстовое событие* в его атрибутах, «осциллирующих» в интерпретации (отдалённая аналогия его – «звуковая оболочка» имени). Так, текстовое событие может устанавливать течение событий плавно, без возвращения на начало и без исправлений, а может быть переполнено противоречивыми деталями, заставляющими выбирать то одну, то другую гипотетическую интерпретацию, т. е. соотносить текстовое событие то с

одной идеей-событием, то с другой, при этом то, предполагая наличие референтных событий, то полностью осознавая их невозможность. Между идеями-событиями и референтными событиями в рамках одной и той же интерпретации текста существуют соотношения типа «Идее-событию А, являющейся причиной для идеи-события В, может соответствовать только такое референтное событие, которое происходит раньше референтного события для В»; подобной соотнесённости нет между идеей-событием и текстовым событием.

Обладая перечисленными выше «параметрами», событие представляет сложное единство – такой комплекс (референтное событие, идея-событие и текстовое событие), который в различных эпизодах интерпретации текста проявляет различные, иногда противоречивые свойства. Этим и объясняется, что среди перечисленных признаков имеются такие, которые частично перекрывают друг друга. Подчеркивая предварительный характер предлагаемого набора характеристик, отметим, тем не менее, что именно благодаря таким «перекрытиям» и возможны в интерпретации противоречивые идеи-события. Несмотря на это, идеи-события могут недвусмысленно соотноситься со строго устанавливаемыми референтными событиями и связно описываться в тексте [Демьянков, 2009].

В.Я. Шабес поясняет событие как одну из единиц фоновых знаний. Самой маленькой единицей фоновых знаний является сцена. Под сценой понимается воспринимаемый из объективной реальности или иконически воспроизводимый из памяти конкретный фрагмент отражаемого движущегося мира, ограниченного рамками объёма внимания. Простейшим случаем сцены является отражение единичного объекта в его деятельности в момент времени. Событие является основной единицей фоновых знаний. Под событием понимается отражённая в сознании цельная динамическая система взаимосвязанных общих и существенных параметров (признаков) некоторого однородного класса сцен [Шабес, 1989, с. 16].

Таким образом, проанализировав теоретические работы отечественных лингвистов, мы пришли к выводу, что категория «событие» мало изучена, и в лингвистике не существует единого объективного определения этого термина. В перспективе предполагается выявить объективные составляющие категории «событие», реконструируя графосемантическую модель термина «событие». Следуя построенной модели, выявить какие составляющие понятия «событие» являются доминантными, а какие – вторичными. Для локализации категории «событие» во внутритекстовом отрезке пространства-времени предполагается провести позиционный анализ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
2. Демьянков, В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах URL : интерпретации текста. [Электронный ресурс] / В.З. Демьянков // URL : http://www.infolex.ru/IZV4_83.html.

3. Шабес, В. Я. Событие и текст [Текст]: монография / В. Я. Шабес. – М. : Высшая школа, 1989. – 175 с.

ПАРОНИМЫ И ПРАГМАТИКА НАУЧНОГО ТЕКСТА

Е.Н. Демидова

Челябинский государственный университет

The article is devoted to the problem of paronyms' differentiation in the scientific text. The author reveals the reasons of violation of the scientific text's accuracy and formulates the basic principles of the terms' variation on the basis of paronyms' differentiation.

Проблема паронимии в научном тексте пока не получила серьёзного осмысления в лингвистике. Между тем многие учёные обеспокоены ростом случаев неадекватного использования в научном дискурсе лексических единиц, что ведёт к приблизительности речи, неопределённости авторской мысли и, в конечном итоге, снижает прагматическую ценность научного текста как средства трансляции научного знания [Шурыгин, 2005; Голованова, 2007; Комарова, 2009].

С одной стороны, стремительный поток научных работ, увеличение числа исследователей-билингвов, интенсификация международных контактов неуклонно ведут к расширению объёма используемых в научной речи номинативных средств, появлению новых, нетрадиционных вариантов терминов и терминологических элементов, ср. *активировать* наряду с *активизировать*, *структуральный*, *перцептуальный* наряду со *структурный*, *перцептивный*. С другой стороны, этот хаотический рост «научных неологизмов» вступает в противоречие с базовым принципом познания: получение информации должно снижать уровень неопределённости, а не наоборот.

Причиной нарушения точности современного научного текста часто является забвение связи между формой и содержанием языкового знака. Конкретно это проявляется в неразграничении частичных паронимов: *динамичность* – *динамизм*, *типология* – *типологизация*, *дистантный* – *дистанцированный* и под. Как отмечает Ю.С. Степанов, «само различие (или неразличие) чего-либо тождественного уже составляет научную проблему. Например, по Б. Расселу (в его Гарвардских лекциях 1940 г.): “Что неразлично, то тождественно”» [Цит. по: Степанов, 2007, с. 12].

В научной и учебной литературе под паронимами принято понимать слова со сходной морфологической структурой и разным содержанием, которые рассматриваются в связи с возможностью смешения этих слов в речи [Вишнякова, 1984]. В широком значении под паронимами подразумевают вообще всякие близкие по звучанию слова [Ахманова, 2005]. Так, Н.П. Колесников, автор «Словаря паронимов русского языка», относит к паронимам любые созвучные слова на основе их окказионального смешения в речи (*легальный* – *лояльный*, *стерильный* – *стиральный*) [Колесников, 2003]. В узком значении паронимами называют только семантически близкие однокоренные слова [Вишнякова, 1984; Воркачёв, 2006]. По мнению автора «Словаря паронимов русского языка» Ю.А. Бельчикова и автора «Толкового

словаря паронимов русского языка» В.И. Красных, паронимами следует считать однокоренные слова, принадлежащие к одной части речи, имеющие звуковое сходство, но различающиеся своими значениями (типа *гневный – гневливый*) [Бельчиков, 2004; Красных, 2003]. При такой трактовке паронимов их звуковое сходство не является случайным, а обусловлено словообразовательными и смысловыми связями данных языковых единиц.

В работе О.В. Вишняковой «Паронимия в русском языке» понятие паронимии ограничивается указанием на одноместность ударения в обоих компонентах паронимического ряда. Вместе с тем автор, в отличие от других исследователей, не рассматривает ряды паронимов, включающие более двух компонентов. При таком подходе круг паронимов неоправданно сужается [Вишнякова, 1984]. Полагаем, что широкое понимание паронимов (с возможностью окказионального смешения слов типа *надеть – одеть, абонент – абонемент, представить – предоставить* и пр.) правомерно, прежде всего, по отношению к общеупотребительному языку и уместно в рамках культуры речи. Применительно к языку научной прозы более целесообразно использовать узкое понимание паронимов и рассматривать их в контексте всей речемыслительной деятельности человека.

Первые упоминания о паронимах в русской и зарубежной лексикографии связаны с разного рода словарями речевых трудностей, отклонений от литературных норм. Как часть языковой системы паронимы начали изучать с 1960-х гг. Большая часть работ, посвящённых этой проблеме, так или иначе была связана с преподаванием иностранных языков и русского языка как иностранного [Юханова, 1988; Листрова, 1976]. Одновременно шёл процесс изучения паронимии как особого явления языка [Вишнякова, 1984; Бельчиков, 1994]. В докторской диссертации Т.В. Веракши «Лингвистическая природа паронимов русского языка», защищённой в 2000 году, была обоснована точка зрения на паронимы как системную языковую категорию, которая чётко отграничивается от близких и смежных явлений. Однако до сих пор недостаточно внимания уделяется терминологическим паронимам, тем единицам, смешение которых ведёт не только к стилистическим, но и к смысловым потерям. Изучение паронимии в научных текстах в настоящее время особенно актуально в связи с интенсивным развитием научного знания. Эволюция взгляда на исследуемые объекты ведёт к пересмотру научного аппарата, появлению новых оттенков в значениях существующих терминов. Так, произошли изменения в употреблении и семантике терминов *парадигма, деривация, контекст, лексема* и др. [Шурыгин, 2005]. Отметим, что уточнение понятий, разграничение смежных явлений и фиксация результатов этой деятельности языковыми средствами и составляет цель научных исследований.

Наиболее ярко это проявляется в смежном с явлением паронимии процессе варьирования терминологических единиц. Термины, которые ранее считались словообразовательными вариантами, начинают приобретать самостоятельное значение и на первом этапе становятся частичными, а затем и полными паронимами. Это произошло с прилагательными на *-ический / -*

ичный (которые, как указывает О.В. Вишнякова, до XIX века считались вариантами слова). В настоящее время это самостоятельные слова, которые функционируют в разных контекстах (ср. *динамический* – *динамичный*, *экономический* – *экономичный*, *категорический* – *категоричный*). По мнению Е.И. Головановой, «различие в словообразовательных аффиксах рано или поздно подводит специалистов к мысли о содержательном различии соотносимых слов» [Голованова, 2007, с. 13]. Не случайно уже сейчас остро стоит проблема разграничения в научном тексте таких слов, как *лингвокультурный* – *лингвокультурологический*, *вербальный* – *вербализованный*, *варьирование* – *вариативность* – *вариантность* и др.

В научных исследованиях последних лет поставлена проблема чёткой дифференциации терминов *этнология* – *этнография* (Е. Бартминьский), *историология лингвистики* – *историография лингвистики* (под первой В.Р. Тимирханов предлагает понимать «теорию языка в ретроспективном изложении», под второй – «историческое описание лингвистики»). На выявленную нами тенденцию указывает и С.Г. Воркачев: «Ментальность и менталитет в русском языке – этимологические дублиеты и паронимы, стремящиеся к расподоблению и приобретению «самостийного значения». <...> Если ментальность – это способ видения мира вообще, то менталитет – набор специфических когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов нации» [Воркачев, 2006, с. 6-7].

Таким образом, на процесс варьирования языковых единиц в научной речи накладываются определённые ограничения, связанные с возможностью ментального профилирования в них не сходств, а различий на основе формальных расхождений. Возникшие в результате смысловой дифференциации самостоятельные наименования требуют от авторов научных текстов повышенного к себе внимания и метаязыковой рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 3-е, стереотипное [Текст] / О.С. Ахманова. – М. : КомКнига, 2005. – 576 с.
2. Бельчиков, Ю.А. Словарь паронимов русского языка [Текст] / Ю.А. Бельчиков, М.С. Панюшева. – М. : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Издательство Астрель», 2004. – 458 с.
3. Вишнякова, О.В. Паронимия в русском языке [Текст]: монография / О.В. Вишнякова. – М.: Русский язык, 1984. – 382 с.
4. Вишнякова, О.В. Словарь паронимов русского языка [Текст] / О.В. Вишнякова. – М.: Русский язык, 1984. – 352 с.
5. Воркачев, С.Г. «Из истории слов»: лингвокультурный концепт [Текст] / С.Г. Воркачев // Новое в когнитивной лингвистике. – Кемерово : Изд-во КемГУ, 2006. – С. 3-14.
6. Голованова, Е.И. Паронимия и вариантность в научном тексте [Текст] / Е.И. Голованова // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения [Текст] / Е. И. Голованова. – Екатеринбург, 2007. – С. 12-15.

7. Колесников, Н.П. Словарь паронимов русского языка [Текст] / Н.П. Колесников. – М. : Русский язык, 2003. – 285 с.
8. Красных, В.И. Толковый словарь паронимов русского языка [Текст] / В.И. Красных. – М. : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Издательство Астрель», 2003. – 589с.
9. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации [Текст] / Ю.С. Степанов. – М. : «Языки славянских культур», 2007. – 248 с.
10. Шурыгин, Н.А. Семасиологический и лексикографический аспекты описания терминологической лексики [Текст] / Н.А. Шурыгин. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2005. – 246 с.

О ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ СНИЖЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ СПОРТИВНОЙ ФАРМАКОЛОГИИ В КОННЫХ ВИДАХ СПОРТА

А.А. Елистратов

Челябинский государственный университет

The article deals with a poorly studied lexical field of slangisms connected with pharmacological means in equestrianism. The author analyzes the slangisms at an angle of their semantics and derivation.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы рассмотреть малоизвестный, очень специфичный пласт стилистически сниженных номинаций, связанных с фармакологией конных видов спорта. Актуальность подобных работ, таким образом, обусловлена как малоизученностью этих лексических средств в лингвистическом аспекте, так и необходимостью проникнуть в некоторые особенности современного конного спорта.

История применения стимулирующих веществ с целью улучшения физических кондиций лошади насчитывает много столетий. Известно, что еще древние скифы давали лошадям какие-то стимуляторы. В средневековой Англии применение стимуляторов для лошадей приняло такой размах, что в XVI в. был издан специальный указ, запрещающий эту практику [Семёнов, 1990, с. 29]. В наши дни номенклатура фармакологических препаратов для лошадей является весьма обширной, поскольку разработка подобных субстанций имеет под собой мощную научную базу. Неудивительно, что наименования фармакологических веществ, используемых в конном спорте, проникли в языковой субстандарт спортсменов-конников. Таких номинаций зафиксировано немного – около десяти. Все они почерпнуты методом сплошной выборки из специализированных словарей и тематических письменных источников, которые и определили материал этой статьи.

Для облегчения анализа рассматриваемая здесь лексико-тематическая группа «Фармакология для лошадей» разделена на четыре подгруппы. Первая подгруппа охватывает названия препаратов, вторая – действия и методы, описывающие приём препаратов, третья подгруппа называется «Соревнования», четвертая – «Лица, дающие лошадям допинг».

Первая подгруппа включает в себя лексемы *флюид*, *bute*, *dope*. Лексема *флюид* происходит от латинского *Fluidus* (текучий, струящийся) и означает «старинное собирательное название жидких смесей различного состава для растирания мышц, сухожилий и суставов лошади в профилактических и предупредительных целях» [Гуревич, 1991]. Ср. также: «Уехал шпион, а мы тем временем жеребцу, которого он вычистил, стали втирание мускульного флюида делать» [Урнов, 1983, с. 54]. Вторая лексема этой подгруппы – *bute* образована путём усечения длинного наименованием допингового вещества *Butazolidim*, которое дают скаковым лошадям, чтобы улучшить их скоростные качества [The Macmillan Dictionary of American Slang, 1995] (далее – Macmillan, 1995). *Butazolidim* следует считать разновидностью *dope*, вещества, даваемого лошади или борзой либо принимаемого спортсменом, чтобы повлиять на результат состязаний [The Oxford Dictionary of Modern Slang, 1992] (далее – Oxford, 1992). Своё происхождение слово *dope* берёт в кафарском диалекте юго-восточной Африки, в котором «*dop*» означало специальную жидкость, употреблявшуюся кафарами во время религиозных церемоний как взбадривающее средство [Попов, 1972, с. 7].

Приём препаратов, даваемых лошадям, описывается лексическими единицами *to dope* [Oxford, 1992], *to dose*, *to hop up* [Macmillan, 1995]. Все они имеют общее значение «давать лошади стимулирующие препараты для улучшения ее скоростных качеств». Применительно к конному спорту лексемы *to dope* и *to dose* сузили своё значение с широкого («давать наркотик или допинг» и «давать лекарство дозами», соответственно) до узкого. Лексема *to hop up* также изменила свою семантику, будучи образованной, судя по всему, от глагола *to hop* с общим значением быстрого, резкого движения и от сленгизма *hop* в значении наркотика.

Следующие лексические единицы – *загрузка*, *загрузить* встречаются в «недопинговом» контексте, то есть метафорически обозначают приём легальных, разрешённых препаратов: «Не подтверждена целесообразность предварительной «загрузки» лошади электролитами в течение нескольких дней перед пробегом» [Коневодство и конный спорт, 2006, с. 17].

Оставшиеся подгруппы содержат только по одной лексеме: *drugstore-race* («скачки, в которых одной или несколькими лошадям дали допинг или алкоголь») и *doctor* («лицо, дающее лошадям допинг с целью улучшить их скоростные качества») [Macmillan, 1995]. Семантика обеих единиц является прозрачной, метафоричной, так как выводится из слов *drugstore* «аптека» и *doctor* «доктор, врач».

Таким образом, в группе рассматриваемой нами лексики наблюдаются такие семантические и словообразовательные процессы, как усечение, метафоризация, сужение значения общеупотребительного слова, являющиеся обычными при образовании сниженных лексических единиц, включая узкопрофессиональные.

Безусловно, данное исследование может быть расширено при наличии нового лексического материала на русском и английском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич, Д.Л. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту [Текст] / Д.Л. Гуревич, Г.Т. Рогалев. – М. : Агропромиздат, 1991. – 238 с.
2. Коневодство и конный спорт: научно-производственный, спортивно-методический журнал [Текст]. – 2006. – № 6. – 56 с.
3. Попов, С.Г. Взаимы у жизни [Текст] / С.Г. Попов. – М. : Физкультура и спорт, 1972. – 55 с.
4. Семёнов, В.А. Использование допингов в спорте [Текст] / В.А. Семёнов // Актуальные проблемы пропаганды физической культуры и спорта. – М. : Издательство «Знание», 1990. – С. 26 – 37.
5. Урнов, Д.М. Кони в океане [Текст] / Д.М. Урнов. – М. : Советская Россия, 1983. – 128 с.
6. The Macmillan Dictionary of American Slang [Text]. – London : Macmillan, 1995. – 499 p.
7. The Oxford Dictionary of Modern Slang [Text]. – Oxford; New York : Oxford University Press, 1996. – 310 p.

РЕГУЛЯЦИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

В.В. Захарова

Челябинский государственный университет

The article is concerned H. P. Grice's Cooperation Principle and conversational postulates (maxims). In the article we are trying to show that these postulates can be violated in everyday conversations, considering some examples from American/British movies.

Теория диалога неразрывно связана с теорией коммуникации вообще. Одной из важнейших проблем, стоящих перед исследователями диалога, является **регуляция** диалогического процесса, т.е. правила, нормы, законы речевого поведения и их осуществление. Регуляторами конкретного диалогического процесса, в первую очередь, являются сами коммуниканты с их знаниями, целями, и отношением к самому диалогическому процессу.

Изучение правил, норм, законов и принципов общения обычно в первую очередь связывают с именем Г.П. Грайса, который выдвинул в качестве всеобщего закона (принципа) общения **Принцип Кооперации** (Принцип Сотрудничества) и ряд постулатов (качества, количества, отношения и манеры), соблюдение которых соответствует выполнению этого принципа [Грайс, 1985, с. 222]. Принцип Кооперации можно назвать основой «неписаного кодекса» речевого этикета. В реальном общении он всегда взаимодействует с речевой тактикой говорящего, типами речевого поведения: говорящий может выступать в роли «агрессора», конструктивного собеседника или пассивно «поддакивать».

Постулат (максима) **качества**, с одной стороны, требует от автора не говорить того, что он не считает истинным, а с другой – даёт возможность реципиенту верить в истинность получаемой информации.

Постулат (максима) **количества** включает в себя две тенденции – к языковой экономии (**импликативная тенденция**) и языковой избыточности (**экспликативная тенденция**). Экспликативная тенденция связана с

неподготовленностью, спонтанностью диалогической речи, вербализация избыточных элементов и реплик несёт эмоциональную, экспрессивную нагрузку. С другой стороны, имплицативная тенденция продиктована экономией языковых средств. Лаконичность диалогических реплик естественна и объясняется ситуацией общения, пресуппозицией, чётко выраженной коммуникативной установкой говорящего. «Мы не говорим того, что представляется нам очевидным» [Ленерт, 1988, с. 273].

Постулат (максима) *отношения* (релевантности) требует от автора, чтобы его речевое произведение было «вписано» в контекст, а реципиент, соответственно, ожидает, что это произведение согласовано с контекстом, имеет к нему какое-либо отношение. С постулатами отношения и количества связан *принцип опережения*, основанный на способности человека некоторым образом предвидеть развитие ситуации общения. Он проявляется, в частности, в избыточно-информативных ответах, в том случае, когда отвечающий предвидит, что за первым вопросом последуют более частные вопросы.

Постулат (максима) *манеры* предписывает автору строить своё речевое произведение таким образом, чтобы оно было понятным, «прозрачным» для реципиента, который, в свою очередь, воспринимая это речевое произведение, исходит из того, что оно осмысленно и непротиворечиво. К принципам построения и понимания высказывания относится, в частности, *принцип коммуникативно-прагматического доминирования*, который заключается в преобладании в высказывании некоторого компонента (функционально-прагматической доминанты) – будь то пропозиция, модальный, эмоциональный компонент – доминирование одного из компонентов может происходить как при экспликации других, так и при опущении последних (что говорит о полном доминировании первого).

Помимо принципов и норм речевое общение также регулируется волей конкретных коммуникантов, их целями (в данной ситуации общения и глобальными), статусными ролями. Такое регулирование осуществляется с помощью различных схем речевого поведения, которые принято называть речевыми стратегиями. Речевая стратегия — это «комплексное речевое воздействие, которое осуществляет говорящий для «обработки» партнера» [Иссерс, 1997, с. 58].

Одна из наших целей – не показать, как эти постулаты соблюдаются, а доказать, что они часто нарушаются в речи, показав это на примерах, взятых из англоязычных фильмов. Кроме того, мы хотели бы подчеркнуть, что выполнение всех постулатов невозможно из-за некоторых противоречий – это можно увидеть в следующих примерах:

1. Постулат *Количества* – с одной стороны, постулат требует от автора не говорить того, что он не считает истинным, а с другой – даёт возможность реципиенту верить в истинность получаемой информации:

A: *-What's that supposed to mean?*

B: *-I think it's perfectly clear what it means (Four feathers).*

В данном примере мы видим, что информация, данная собеседником *B*, является имплицитной. Таким образом, собеседник *B* даёт возможность реципиенту *A* верить в полноту и истинность получаемой информации (Принцип Кооперации). Однако данную беседу нельзя считать корректной с точки зрения Г.П. Грайса (нарушение постулата *Количества*) – «твоё высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога)» [Грайс, 1985, с. 222].

2. Постулат *Качества* – истинность информации:

(1) *A*: -*Shouldn't you be using a computer?*

B: -*No, I don't trust computers. They lose things.*

A: -*Not if you know what you're doing (How to make a quilt).*

В данном диалоге соблюдается постулат «Старайся, чтобы твоё высказывание было истинным» [Грайс, 1985, с. 222]. Собеседник *B* не говорит того, что он считает ложным, он имеет достаточные основания говорить правду.

Однако если мы рассмотрим второй пример, мы увидим, что собеседник *B* считает нужным скрыть информацию от своего реципиента:

(2) *A*: -*What are you two doing?*

B: -*Nothing (Four feathers).*

3. Постулат *Отношения* (релевантности) требует от автора, чтобы его речевое произведение было «вписано» в контекст, а реципиент, соответственно, ожидает, что это произведение согласовано с контекстом, имеет к нему какое-либо отношение. Согласно Г.П. Грайсу, с категорией *Отношения* связан один-единственный постулат – то постулат релевантности («Не отклоняйся от темы») [Грайс, 1985, с. 223]:

A: -*Does anybody know Frank Ipsy who comes by here with the eggs?*

B: -*Gladly, Frank has a cancer (How to make a quilt).*

Очевидно, что собеседник *B* отклоняется от заданной темы. Это не соответствует постулату *Отношения*.

4. Постулат *Манеры* предписывает автору строить своё речевое произведение таким образом, чтобы оно было понятным, «прозрачным» для реципиента, который, в свою очередь, воспринимая это речевое произведение, исходит из того, что оно осмысленно и непротиворечиво:

(1) *A*: -*What are you two lovebirds laughing about?*

B: -*His eye (Four feathers).*

(2) *A*: -*Are you ready, my dear?*

B: -*With all my heart (Four feathers).*

В англоязычных фильмах мы наблюдаем, что данный постулат нередко нарушается, что и доказывают примеры, приведённые выше.

В примере (1) не трудно догадаться, что в беседе участвуют 3 человека. Хотя один из них, в данном случае собеседник *A* не знает темы, заданной другими участниками диалога. Задавая вопрос, он ждёт ясного ответа. Собеседник *B*, выражаясь имплицитно, тем самым не соблюдает постулат *Манеры*.

Во втором примере, в отличие от первого, ответ понятен собеседнику *A*, но возникает неоднозначность – что имел в виду второй участник диалога?

Группа А. Примеры, когда все постулаты соблюдаются:

A: -Grandma, do you mind if I put on some music?

B: -Hell no (How to make a quilt).

На данном примере мы убедились, что постулаты *количества, качества, отношения и манеры* соблюдены. Собеседник *B*, выражаясь ясно и лаконично, даёт понять собеседнику *A*, чего не стоит делать.

Группа Б. Примеры, в которых один из постулатов не соблюдается из-за возникающего конфликта с другим постулатом [Грайс, 1985, с. 228].

(1) *A: -If you still love each other, why don't you just stay married?*

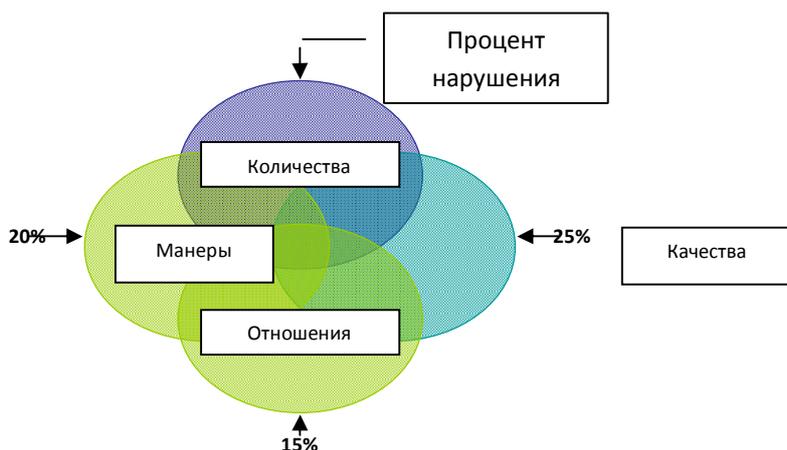
B: -Well, some people like to get a new car every other year (How to make a quilt).

Мы не считаем, что собеседник *B* уклоняется от ответа или меняет тему разговора (нарушение постулата *Отношения*), с другой стороны, мы можем утверждать, что его ответ мало информативен с точки зрения *A*. Это несоблюдение постулата *Количества* объясняется тем, что, нарушая его, *B* тем самым следует постулату *Качества* «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований» [Грайс, 1985, с. 229]. Собеседник *B* на самом деле не знает, как объяснить сложившуюся ситуацию *A*.

(2) *A: -When does she ever listen to me?*

B: -Ethne, listen to Jack, please (Four feathers).

В данном примере мы видим, что *B* очевидно не соблюдает постулат *Количества* (высказывание содержит недопустимо мало информации для *A*), но тем самым он пытается помочь своему собеседнику. *B* не нарушает постулат *Качества*, то есть не говорит того, на что у него нет достаточных оснований.

Итак, проведя небольшое исследование, мы пришли к выводу, что в общении не все постулаты Г.П. Грайса соблюдаются в силу того, что один из них не может быть соблюден из-за возникающего конфликта с другими. Самыми нарушаемыми, согласно диаграмме и проведенному исследованию, являются постулат *Количества*. Многие критики теории Грайса заявляют, что ее нельзя считать нормативной (т.к. в некоторых культурах нарушения

являются нормой), однако его теорию можно считать нормативной моделью. Сам учёный рассматривает, как бы выглядела «идеальная» беседа при соблюдении всех постулатов, однако он не считает их обязательным аспектом диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение [Текст] / Г.П. Грайс // Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 217-237.
2. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии как реальность речевого общения [Текст] / О.С. Иссерс // Стилистика и прагматика : Тезисы докладов международной научной конференции (25-27 ноября 1997г.). – Пермь : Пермский ун-т, 1997. – С. 57-59.
3. Ленерт, У. Проблемы вопросно-ответного диалога [Текст] / У. Ленерт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 258-280.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В РЕШЕНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНО-КОНСТРУКТОРСКИХ ЗАДАЧ

Г.И. Исенбаева

Орский гуманитарно-технологический институт

The theme of semantic integrity of the text, its nature and the conditions under which it is formed from the point of view of the system analysis and intersemiotic transformations are being discussed in this article.

Принципиальные характеристики текста выявляются по-разному, в зависимости от направления исследования текста: структурного или лингвистического, коммуникативного, информационного, семиотического, комплексного, лингвокультурологического и др. Несмотря на такое разнообразие подходов, в них выделяются некоторые неизменные признаки текста – его языковое построение, целостность и связность. В теории текста наиболее изученными являются вопросы состава и структуры текста, менее – целостности, связности и знаковости как основы универсальных категорий текста. И если учёными-когнитологами достигается определённое общее представление по поводу того, что текст – это сложный знак, который выражает знания писателя о действительности, воплощённые в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира, то вопрос смысловой целостности еще не нашёл удовлетворительного решения.

В коммуникативном подходе текст рассматривается как продукт речевой деятельности, как некоторое коммуникативное единство. Изучение языкового построения и связности осуществляется путём выявления темо-рематической структуры его компонентов, выделяются смысловые (ассоциативные и образные), коммуникативные и структурные средства связи. Смысловая целостность текста определяется единством его темы, под которой понимается смысловое ядро текста, конденсированное и обобщённое содержание текста. Проявлением его смысловой целостности сверхфразового единства является объединение всех составляющих его предложений вокруг одной темы.

В психолингвистических концепциях целостность текста ориентирована на план содержания, на смысл, она обусловлена законами восприятия текста, стремлением читателя соединить все компоненты текста в единое целое: текст как нечто целостное есть некоторый концепт, ментальное образование [Залевская, 2005].

При комплексном подходе определяющим является положение о том, что цельность текста обеспечивается его денотативным пространством и конкретной ситуацией его восприятия: кто воспринимает текст? где? когда? зачем? Это позволяет говорить о ситуативности цельности текста и ее противоречивости [Бабенко, 2003].

Хотя семантика текста определена в лингвистике текста как фактор, жёстко определяющий его связность, семантические концепции текста не привели к созданию методологически обоснованной теории понимания, которая стала бы общим для специалистов способом постижения мира текста и обеспечила бы выявление именно того смысла, который имел в виду автор.

Если к пониманию текста подходить с позиций познавательного отражения, то становится очевидным, что обобщённое содержание текста, формируемое сюжетными линиями, не может являться его смыслом, не эквивалентно ему. Смысл по своему происхождению являет собой познавательный образ, развивающуюся в познании целостность, и его гносеологическое развитие может быть прояснено только на основании логики собственного развития, вскрытой теоретической мыслью. В таком качестве смысл может получить своё развитие только в полноценной познавательной деятельности, в реализации субъектно-объектного отношения, в выполнении предписаний закона «восхождения». Иными словами, смысл, являясь осознаваемой категорированной сущностью, обнаруживает себя в понимании как научном познании.

Лингвистическая наука давно пришла к выводу о том, что теория языка должна включать теорию понимания, теорию порождения (предложения), теорию памяти, теорию мотивации и поведения и еще многое другое. Становление междисциплинарных программ исследований конкретизирует это представление: правильнее было бы считать, однако, что адекватная теория языка должна не столько включать перечисленные теории, сколько интегрировать их, рассмотрев все их данные с лингвистической точки зрения [Кубрякова, 2008]. Согласно современным представлениям, объяснение механизма обработки естественного языка, построение модели его понимания составляет основную задачу общей теории языка. Сформулированный в когнитивной лингвистике постулат о знаковом характере языковой системы открывает перед лингвистом возможность обращения к междисциплинарному знанию.

В статье мы ставим перед собой цель выявить некоторые разрешающие возможности семиотики и межсемиотического перевода для обнаружения смысловой связности текста.

Объектом исследования является значение предикативных единиц текста, за которым стоит определённая структура эмпирического знания;

предметом – логико-семантический механизм образования и взаимодействия понятий и пропозиций, обеспечивающий смысловую целостность текста; материалом – текст новеллы А. Роб-Грийе «Scène» объёмом в 24 сверхфразовых единства.

Методы анализа – комплексные: различения и отождествления, относительности адекватности отражения, дефиниционный анализ, компонентный анализ и синтез, функционально-семиотический и др.

Единицы анализа – сема (признак), предикативный узел – (пропозиция).

Например, пусть дан текст-знак: *Quand le rideau s' ouvre, la premiere chose que s on aperçoit depuis la salle – entre les pans de velours rouge qui s' écartent avec lenteur – la première chose que s on aperçoit est un personnage vu de dos, assis a sa table de travail au milieu de la scène vivement éclairée* [Robbe-Grillet, 1981, с. 390].

Задача: каким образом семантические объекты «цементируют» его, формируя смысловую целостность и связность?

Решение: 1. Преобразовываем выражение на язык синтаксических моделей и определяем число предикативных узлов и отношения между ними:

$$\left\{ \frac{(S + S + V + Od + Cattr)_2}{(S + V)_1 + (S + V + Circ_1 + \frac{Circ_2}{(S + V + Circ_m)_4}) + (S + V)_5} \right\}$$

2. Преобразовываем выражение на язык семантических уравнений и определяем число пропозиций и отношения между ними:

$$S^2 \rightarrow \left\{ \frac{(S^1 + S^1 + Pr + Od + Cattr)_2}{(S^1 + Pr)_1 + (S^1 + Pr + Circ_1 + \frac{Circ_2}{(S^1 + Pr + Circ_m)_4}) + (S^1 + Pr)_5} \right\}$$

3. Терминируем значения общеупотребительных слов и выражений и обрабатываем их по аналогии с обработкой терминов, что позволяет обнаружить «чистое» знание в виде означаемого полученного термина или совокупности познанных существенных признаков объекта.

4. По отдельности выявляем семы, их взаимную соотнесённость и сводим их в пучки сем (признаков) – грамматических и лексических, структурируя их по основаниям: «выше/ ниже», «равно/ не равно», закладываем основу вертикально-горизонтальной структуры знания (фреймы отношения порядка, эквивалентности, подчинённости).

5. Закрепляем структуры субъективного знания социально отработанной чёткой логической структурой понятия и иерархических (суперординации и субординации и др.) отношений внутри них.

6. Опознаём чувственные образы (знание в форме подпонятий и лексических понятий), категорируем их, присваиваем имена.

7. Рассматриваем полученные лексические понятия в их отношениях к другим понятиям, выявляем образуемую ими предметную область в форме ситуации, ее целесообразного участника S^1 , присваиваемого им процессуальному признаку Pr.

8. Закрепляем структуры субъективного знания социально отработанной чёткой логической структурой основных онтологических отношений между

понятиями (аргумент – функция, целое – часть и др.), внутри одной категории (напр.: субъект – одушевлённый, инактивный, характеризуемый, предикат – неназванный, статичный, бытийности) и между категориями (субъект – обладатель или посессор + предикат свойства и др.).

9. Закрепляем структуры субъективного знания социально отработанной чёткой логической структурой онтологических отношений детерминации, конъюнкции, дизъюнкции, позволяющих вскрыть новые понятия.

10. Итеративно применяем комплекс мысленной обработки к каждой пропозиции, выявляем связи между ними, обобщаем частичные смыслы в целостные в соответствии с логическим формализмом системы и семантическим – ситуации («объекты, атрибуты и связи»).

Полный текст новеллы объективирует локальную картину возможного мира текста с присутствием в ней (в той или иной степени представленности и рассредоточенности) системы из шести персонажей (субъектов), их характеристик и связей. Это автор (S^2) – лицо, находящееся за рамками текста, не имеющее прямого наименования, но обнаруживающее себя посредством семантики наречий (*cependant*), модальных слов (*sans doute, probablement*), форм условного наклонения (*on distingeraient... s' il ne se trouvait masqué, on dirait...*), эпитетов (*de profonds creux l' ombre, mur nu, porte de taille ordinaire*), сравнений (*comme une supplication dernière, comme aux aguets*), эмотивных сем значимых лексем (*avec précaution, de toute évidence, violent, ampleur anormale*), порядком предложений, знаками препинания и др.

Второе лицо (мужчина), объективированное именем (*un, le personnage, un homme*) и соответствующим ему местоимением, обнаруживается посредством 28 референций. Третий участник – неназванные, обезличенные люди в зале (зрители), обозначенные неопределённо-личным местоимением «on» (*la première chose que s on aperçoit depuis la salle, on ne voit pas non plus ses mains...*), обнаруживается посредством 9 референций. Четвертый участник сцены – неназванный человек, который яростно стучит в дверь комнаты (*un bruit violent attire s' attention a l' autre extrémité de la pièce: des coups frappés contre un panneau de bois...*), обнаруживается посредством 4 референций. Пятый персонаж – это лицо (режиссер), говорящее в рупор из зала (*une voix dans la salle; quelqu' un, sans doute, qui parle dans un porte-voix...*), обнаруживающееся посредством 2-х референций. Шестое лицо – женщина, чье косвенное присутствие в сцене передаётся такими деталями: *le papier porte des traces très apparentes de rouge a lèvres* обнаруживается посредством 2-х референций.

Анализ качества предикативных признаков, приписываемых названным семантическим субъектам, вскрывает характер детерминируемых ими предикатов, распределение ролей режиссера и актёров, позволяет дифференцировать основное и фоновое знание о них, построить микро- и макропропозиции, подключить к порождаемым смыслам данные прагматики знака, формирующие смысл, привносимый автором.

Таким образом, семиотические представления в системе понимания по типу научного познания обеспечивают приближение к относительно точному

смыслу языковых единиц, соотносящихся с отрезками внеязыковой действительности, который можно изучать посредством анализа характера и связей заключённых в нем пропозиций. Системно-семиотический, задачный, признаковый подход позволяет вскрыть множество пропозициональных субмоделей, характер которых и отношения между которыми в их глобальном единстве образуют модель смысловой системы текста. Относительно целостным можно признать выявленный познавательный образ, ограниченный продуктами комплекса прилагаемых к единицам, значениям и категориям семантических действий по восхождению в пределах установленных предикативных узлов или пропозиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник-практикум [Текст] / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М. : Флинта, Наука, 2003. – 496 с.
2. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избранные труды [Текст] / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
3. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности [Текст] / Е.С. Кубрякова. – 2-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – С.5.
4. Robbe-Grillet, A. Scène [Текст] / А. Robbe-Grillet // Современная французская новелла XX века : сборник; сост. Т. Балашова, В. Балашов. – М. : Прогресс, 1981. – С. 390-394.

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СИТУАЦИИ ЭМОТИВНОГО ПОБУЖДЕНИЯ

Ю.В. Кадыркова

Мордовский государственный университет

The article presents the characteristics of speech persuasion in terms of semantic pragmatic aspects of interaction between imperative and emotive components of persuasion.

Побудительные высказывания играют важную роль в речевом общении, т.к. практически во всех областях человеческой деятельности обнаруживается стремление человека воздействовать «...на окружающую среду в целях организации или перестройки ее в соответствии с требованием говорящего» [Прокопчик, 1955, с. 6]. Специфика побуждения обусловлена особенностями речевого воздействия (под речевым воздействием понимается речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности [Иссерс, 2003]), когда помимо основной цели – вербализовать интенцию побуждения – адресант (говорящий) преследует цель добиться максимального результата общения, связанного с достижением перлокутивного эффекта. Для реализации этих целей адресант в зависимости от параметров ситуации выбирает оптимальные языковые ресурсы для увеличения эффективности своего волеизъявления. Таким образом, речевое воздействие в ситуации побуждения обусловлено, во-первых, исходным мотивом побудить слушающего к определённом действию (физическому или психическому); во-вторых, коммуникативным

намерением управлять процессом интеракции в рамках основной цели для реализации условия успешности коммуникации. Следовательно, достижение основной цели побуждения определяется комплексом второстепенных целей, связанных с необходимостью приспособиться к компонентам ситуации общения в целом, и, в частности, потребностью управлять «человеческим фактором», поскольку исполнение задуманного адресантом действия предстоит выполнить адресату. Поэтому взаимодействия коммуникантов можно представить как непростую схему соединения побудительного и эмотивного значений. Эмотивный компонент непосредственно связан с интенцией побуждения и функционирует как прагматический механизм ее реализации (например, позволяет однозначно понять позицию говорящего или, напротив, замаскировать его коммуникативную цель с необходимостью интерпретации контекста, а также выражает желание заинтересовать слушающего, убедить и т.д.). Таким образом, особенности речевого воздействия в подобном рода высказываниях (обозначим их как *эмотивные побудительные высказывания* (далее ЭПВ)) обусловлены их семантической и прагматической многослойностью (семантическая характеристика связана с выявлением содержания высказывания, прагматическая – с выявлением его коммуникативного смысла). В связи с этим исследовательский интерес представляет семантико-прагматический анализ речевого воздействия в ЭПВ.

1. С *семантической* точки зрения можно выделить ***воздействие императивное и эмотивное***.

• Императивное значение в русском языке выражено соответствующей парадигмой, когда формы повелительного наклонения выступают ядерным средством вербализации волеизъявления (эксплицитные формы). Например:

– ***Не говорите глупостей*** (Донцова).

– *Марина Викторовна, в кабинет никого **не пускайте*** (Устинова).

• Значение побуждения может быть имплицитно представлено иной языковой единицей, в частности эмотивной. Например:

– ***Ты ничего не понимаешь!*** *Покрывать преступницу значит поставить крест на собственной жизни! Навсегда! Ты к этому готов?* (Устинова) (Импликатура: *одумайся*).

Адресант, характеризуя действия адресата как не соответствующие норме, идеалу, осуществляет воздействие с целью побудить его к изменению существующего положения дел.

– ***Какой ты дурак, Кузя!*** *Я же для фирмы стараюсь, а ты, как осёл, понимать не хочешь!* (Устинова) (Импликатура: *прими мою точку зрения*).

В данном примере эмотивные единицы, эксплицитно выражая оценки, также имплицитно передают коммуникативное намерение адресанта воздействовать на адресата, склонить его к своей позиции, убедить в правильности суждения, и подразумевают в данном контексте общения **требование** изменить свою позицию.

• Наблюдаются случаи, когда в структуре побуждения присутствуют оба компонента – императивный и эмотивный. Особенности их взаимодействия в ЭПВ представляют собой следующие типы отношений:

а) интеграция императивного и эмотивного значений в рамках одного языкового средства. Например:

– *Не пори чушь!* (Донцова).

– *Отвали, тетя!* (Устинова).

– *Не шей мне дело, начальник!* (Устинова).

Интенсивность воздействия в такого рода высказываниях увеличивается за счёт суммы императивного и эмотивного воздействия.

б) дифференциация императивного и эмотивного воздействий, когда значение побуждения выражается единицами императивной парадигмы, а эмотивное значение сопровождает глагольный императив, «...служит средством поддержки прескрептивной семантики» [Трипольская, 1999, с. 124].

– *Бабулечка Сонечка, помоги Христа ради!* (Донцова).

Выделенные эмотивные компоненты эксплицируют отношение говорящего к слушающему (ласковое обращение *бабулечка Сонечка*) и аргументируют необходимость выполнения просимого (*ради Христа*).

– *А ты меня не учи, молокосос, что осмысленно, а что нет!* (Устинова).

Бранное *молокосос* расставляет акценты в ролевых позициях коммуникантов и обосновывает директив адресанта (= *ты молод и неопытен, чтобы учить меня*). При этом эмоциональное отношение к адресату индексировано как негативное, что находит отражение в семантике слова *молокосос*. Таким образом, эмотивные единицы в структуре побуждения сигнализируют о том, что адресант стремится полнее, экспрессивнее воздействовать на адресата с целью реализовать коммуникативное намерение.

2. С прагматической точки зрения (эффективности воздействия) можно выделить **основное воздействие и вспомогательное**. Основным воздействием в ЭПВ следует считать воздействие, направленное на реализацию побудительной интенции. Роль **вспомогательного воздействия** сводится к организации диалогового взаимодействия, необходимого для достижения перлокутивного эффекта, например создание особой атмосферы общения, субъективная интерпретация, аргументация заявленного побуждения, специфика презентации ролевых позиций и т. д.

– *Хватит выпендриваться, живо говори, что ты знаешь! Если еще раз устроишь истерику, закапризничаешь, как избалованная девчонка, я вызову сюда Дегтярева. Поверь, Александр Михайлович мастер допросов, он вытянет из тебя всё нужное и ненужное* (Донцова).

Как видно из иллюстрации, основное воздействие направлено на реализацию побуждения и выражается в **требовании говори**. Вспомогательное воздействие, представленное как **угроза**, ориентировано на моделирование эмоциональной ситуации с целью вызвать у слушающего определённые эмоции (в данном случае эмоции страха), под действием которых он выполнит побуждение.

– *Дашута, я каюсь! Прости! Мне стыдно! Я хотела вернуть деньги, но как?<...> Я всего один раз оступилась! Мучилась, рыдала, все последующие годы пыталась тебе помочь. Ну, отпусти мне грех!* (Донцова).

Основное воздействие связано с вербализацией **просьбы прости**, вспомогательное (эмоциональное) представлено экспликацией эмоционального состояния говорящего (*каюсь, стыдно*) и субъективного оценивания положения дел (*хотела вернуть..., один раз оступилась..., пыталась помочь...*). Произведя такого рода «эмоциональное заражение», говорящий повторно выражает просьбу (*отпусти мне грех*), успешность реализации которой предопределяется необходимостью ответного эмоционального реагирования слушающего.

3. В аспекте взаимодействия семантического и прагматического подходов речевое воздействие в ситуации побуждения актуально рассмотреть с точки зрения *осуществления прагматического контроля над темой общения*, а само речевое воздействие обозначить как **регулирующее**. Его характеризующим принципом выступает стремление говорящего управлять ситуацией общения для реализации побудительной интенции, а воплощение заключается в выборе наиболее актуальных для сложившейся ситуации коммуникативных ходов, направленных на модификацию типа побуждения (от категорического к нейтральному и смягчённому и наоборот). Такое изменение характера коммуникации осуществляется за счёт варьирования степени категоричности и интенсивности воздействия путём включения в структуру побуждения эмотивных компонентов. Например:

1. – *<...> Дай, пожалуйста, элексир. – Это сказка. 2. – Он есть! – Солнышко, тебе лучше поспать! 3. – Гадина! Для себя бережёшь! – впала в истерику Марта. – Мне Ядвига всё рассказала! Она тебе его дала и спасла! – Яда к старости умом ослабла. 4. – А-а-а! Правда глаза колет! Объявила бабушку психопаткой! Загробастала элексир! Дай, дай, дай!* (Донцова).

Для выражения коммуникативного намерения адресант выбирает смягчённый тип побуждения – просьбу (1), на некатегорический характер которого указывает маркер вежливости *пожалуйста (дай, пожалуйста, элексир)*, однако цель коммуникации не достигнута. Для реализации заявленной интенции говорящий корректирует свои действия: переходит от смягчённого директива к категорическому **требованию** (4), специфика воздействия которого определяется повторением ключевой реплики (*дай, дай, дай*).

Данное ЭПВ можно представить в виде последовательности действий адресанта: 1) анализ сложившейся ситуации общения; 2) выбор характера воздействия (на эмоционально-чувственную сферу); 3) реализация эмоционального воздействия путём выражения эмоционально-оценочного отношения к адресату (*гадина*); 4) выбор новых категорических форм побуждения – требования. Адресант меняет атмосферу общения – повышает свой ролевой статус с тем, чтобы манипулировать адресатом в рамках коммуникативного намерения: при актуализации различий в статусах

коммуникантов побуждение, представленное в форме требования, демонстрирует ситуативное право адресанта заставить адресата выполнить действие. Эмотивное воздействие осуществляется через субъективную интерпретацию действительности, воплощается в обвинении и реализуется через манипуляцию (адресат уличён во лжи, все его доводы неубедительны, поэтому побуждение должно быть воспринято как безапелляционное).

Таким образом, особенности речевого воздействия в ситуации побуждения обусловлены сложной интенциональной схемой, представляющей взаимодействие императивного и эмотивного смыслов. С опорой на данное положение с точки зрения семантики речевого воздействия можно разделить на *императивное и эмотивное* (а также представить модели их взаимодействия); с точки зрения прагматики – на *основное и вспомогательное*; в аспекте семантико-прагматического подхода – рассмотреть речевое воздействие как регулирующую модель интеракции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] : монография. / О.С. Иссерс. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
2. Прокопчик, А.В. Структура и значение побудительных предложений в русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / А.В. Прокопчик. – М., 1955. – 25 с.
3. Трипольская, Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты [Текст] : монография / Т.А. Трипольская. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1999. – 166 с.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ СЛОЖНЫХ СЛИТНЫХ СЛОВ, СОДЕРЖАЩИХ ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ

Е.Н. Карельская

Оренбургский государственный педагогический университет

The article deals with semantics of some complex conjoint words containing an estimated component; feature of expression of estimated value by complex conjoint words comes to light.

Человеку свойственно оценивать окружающую действительность: процессы, предметы, живых существ. Г.В. Колшанский писал: «Оценка содержится повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [Колшанский, 1975, с. 142]. В основе оценки лежат общечеловеческие ценности. Их особенности изучали еще античные философы, но и сейчас проблемы ценности и оценки являются актуальными в различных сферах исследований. Термин «оценка» из области философии перешёл в область частных наук, в том числе и в лингвистику. В своей работе мы будем говорить, прежде всего, об оценке в лингвистике, понимая ее как составляющую общей философской категории оценки. Речь пойдёт об оценочности, которая наряду с эмотивностью, экспрессивностью является одним из компонентов лексического значения слова. Оценочность пронизывает все уровни языка и может заключаться как в лексическом значении слова в целом (*прекрасный, безобразный*), так и в

словообразовательном значении морфемы слова (например, суффиксы *-чик-* и *-ин-* указывают на различную оценку объекта по величине («маленький/огромный») *стульчик, пальчик / домина, томина*). Т.В. Маркелова полагает, что словообразование можно считать важнейшим средством выражения оценочной семантики и основным механизмом формирования функционально-семантического поля оценки в русском языке [Маркелова, 2004].

Среди сложных слов нередко встречаются слова, один из компонентов которых выражает оценку. Сложное слово – это лексема, формально и семантически мотивированная двумя (или более) самостоятельными словами и обладающая единством грамматического оформления [Низаметдинова, 2003]. Под оценочным компонентом сложного слова мы понимаем морфему, благодаря которой сложный дериват приобретает способность выражать отношение говорящего или пишущего к определённым явлениям действительности.

Подробнее мы рассмотрим такую категорию сложных слов, как сложения, а именно, сложные слова, образованные в результате основосложения.

В лица прохожих – озабоченные и бледные, с глазами, как городская муть, – видя и внимая всему этому, сторонний наблюдатель – благонамеренный – прятал голову поглубже в воротник, а неблагонамеренный начинал думать, что хорошо бы ударить со всей силой, разбить вдребезги это застывшее очарование (Толстой А.Н., с. 360).

*Прямую цену уму даёт **благонравие**. Без него умный человек – чудовище* (Фонвизин Д.И., с. 134).

*Это был **благонравный** восьмилетний человечек с прекрасными манерами взрослого джентльмена, исполнительный, вежливый и необыкновенно покорный* (Андреев Л.Н., с. 54).

***Злонамерение** его было открыто* (Новиков-Прибой А.С., с. 132).

*Доброчакаственный материал, обличающий врага, мы должны уметь отличать от того, что нашёптывает **злонамеренный** или просто трусливый человечико* (Шпанов Н.Н., с. 361).

*«Самуил – напивается, за монастырь самовольно по селам бродит и в пьянстве **злонравный*** (Лесков Н.С., с. 42).

*Госпожа бесчеловечная, которой **злонравие** в благоучрежденном государстве терпимо быть не может* (Фонвизин Д.И., с. 145).

Источником деривации данных сложных слов являются синтаксические конструкции, словосочетания: *благое намерение* и *злое намерение*; *благой нрав* и *злой нрав*. Слова «*благонамеренный*», «*злонамеренный*» и «*злонравный*» представляют собой сложносуффиксальные образования, а в слове «*неблагонамеренный*» легко вычленить приставку *не-*, это слово является производным от «*благонамеренный*».

В семантике данных слов содержится оценочность, которую с аксиологической точки зрения, можно разделить на *положительную* и

отрицательную. Большой академический словарь русского языка предлагает следующие словарные дефиниции:

«Благонамеренный – уст. 1. Имеющий хорошие, добрые намерения; порядочный, приличный» [Большой..., 2006, с. 24].

«Благонравный – уст. Благовоспитанный, отличающийся кротостью, мягкостью, доброжелательностью» [Большой..., 2006, с. 24].

«Злонамеренный – 1. Имеющий злые намерения, преследующий дурную цель. 2. Основанный на злом умысле, намерении» [Большой..., 2006, с. 750].

«Злонравный – уст. Безнравственный, имеющий злой, строптивый характер» [Большой..., 2006, с. 750].

То есть в прямом номинативном лексическом значении данных слов можно чётко выделить эксплицитные семы, несущие этическую оценочность: ‘хороший’, ‘добрый’, ‘порядочный’, ‘приличный’, ‘благовоспитанный’, ‘доброжелательность’; ‘злой’, ‘дурной’, ‘безнравственный’. Кроме того, рассмотренные сложные слова имеют в словаре помету «устаревшее», они несут определённую стилистическую окраску.

Хотелось бы отметить и сложные слова, содержащие «скрытый» оценочный элемент, который находится в коннотативном макрокомпоненте семантической структуры языковой единицы. Например: *Прислал-таки орлов своих, вопреки толстосумам* (Возовиков В.С., с. 371). *Не слушай своих длинноухих советчиков – они погубят войско и тебя!* (Возовиков В.С., с. 514)

Собственно лексическое значение этих слов (толстосум – уст. «богач, богатый делец, предприниматель» [Большой..., 2006, с. 574]; длинноухий – «имеющий длинные уши» [Большой..., 2006, с.450]) не содержит эмоциональной этической оценочности, которая проявляется в предложениях, поэтому очень важно рассматривать сложные слова, содержащие оценочный компонент в контексте.

Таким образом, мы должны заметить, что оценочность сложных слитных слов может заключаться в семах прямого номинативного лексического значения, но и может быть «скрыта» в семах переносного значения, быть элементом в коннотативном макрокомпоненте семантической структуры языковой единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой академический словарь русского языка [Текст]. – М. – СПб. : Наука, 2006.
2. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке [Текст] / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1975.
3. Маркелова, Т.В. Системный подход в русистике. Деривационная типология оценочного значения [Электронный ресурс] / Т.В. Маркелова // URL : <http://www.philol.msu.ru>.
4. Низаметдинова, Н.Х. Словообразование сложных слов в русском языке XI-XVII вв. [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. / Н. Х. Низаметдинова М., 2003.

5. Андреев, Л.Н. Он // Собрание сочинений в 6 томах (том 4) [Текст] / Л.Н. Андреев. – М. : Художественная литература, 1994. – 342 с.
6. Возовиков, В.С. Поле Куликово [Текст] / В.С. Возовиков. – М. : Современник, 1982. – 576 с.
7. Лесков, Н.С. Бродяги духовного чина // Собрание сочинений в 12 томах (т. 6) [Текст] / Н. С. Лесков – М. : Правда, 1989. – 253 с.
8. Новиков-Прибой, А.С. Цусима [Текст] (том 1) / А.С. Новиков-Прибой. – М. : Правда, 1985.
9. Толстой, А.Н. Хождение по мукам [Текст] / А.Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1990. – 781 с.
10. Фонвизин, Д.И. Недоросль [Текст] / Д.И. Фонвизин. – М. : Советская Россия, 1987. – 272 с.
11. Шпанов, Н.Н. Ученик чародея [Текст] // Красный камень. Повести и рассказы / Н. Н. Шпанов. – Ташкент : Гос. изд. худож. лит., 1961. – 675 с.

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРЕСУППОЗИЦИЯ КАК ИСТОЧНИК РЕЧЕВЫХ КОНФЛИКТОВ

Р.Д. Карымсакова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Analysis of expressions from a position speech act theory which is defined as a condemnation – reproach speech act is explained in article. Communicative intention is investigated and used language means are examined therefore.

Пожилая женщина обратилась в суд по поводу высказанной в отношении неё фразы «*Чем ходить по судам и писать кляузы, лучше бы занималась своей горбатой дочерью*». В этом речевом действии она увидела унижение своей чести и достоинства, которое заключается, по ее мнению, в негативном смысле, вытекающем из содержания этого высказывания. Суд для получения консультации привлёк специалиста, пояснившего, что данное высказывание является оценочным суждением, которое не может быть проверено на соответствие действительности. Истец обратилась затем с запросом о проведении лингвистического исследования этой фразы в Международный фонд защиты свободы слова «Адил соз» (Казахстан, г. Алматы), где оно и было проведено.

Действительно, в логике и в языке такое высказывание относится к сравнительным оценкам, называемым также предпочтениями. Субъектом данной оценки является жена ответчика, соседка истца; предметами оценки – сопоставляемые действия (ситуации). Сопоставляются действия *ходить по судам и писать кляузы* – *не заниматься своей горбатой дочерью*. Первые действия оцениваются как «хуже», второе – как «лучше». Характер оценки выражен словом «лучше»; основание оценки – убеждение в разумности второго, предлагаемого действия.

Синтаксически это оценочное высказывание выражено сравнительным сложноподчинённым предложением. Как известно, сравнительные предложения, в зависимости от того, как говорящий подаёт сравнение: как реальное (связанное со знаниями, воспоминаниями и т.п.) или как

воображаемое (связанное с представлением, воображением и т.д.) делятся на две подгруппы: с реальной и ирреальной модальностью. Части анализируемого предложения имеют разную модальность. В главной части предложения наблюдается модальная желательность как разновидность ирреальной модальности, придаточная часть имеет реальную, утвердительную модальность: говорящий излагает сравнение как реальное, связанное со знаниями, т.е. с событиями, по утверждению ответчика, имевшими место в действительности. Это несоответствие приводит к появлению оценочности высказывания.

Исследование материалов дела позволило в целом определить круг вопросов, связанных с субъектом и объектом речи, взаимоотношениями между участниками речевой ситуации и обстоятельствами этой ситуации. Спорная фраза была произнесена в ходе дворового конфликта по поводу нецелевого использования подвала многоэтажного дома одним из его жильцов, которое было установлено актами нескольких проверок комиссий КСК и акимата. Истец была главным инициатором этих проверок. Как речевой акт высказывание выражает негативную реакцию говорящего в форме инициальной реплики, информирующей собеседника об отрицательном отношении к его действиям. Оценим этот РА «со стороны», интерпретируя его как РА осуждения-упрёка, который имеет сложное содержание, так сказать, «сплав» интенций осуждения и упрёка, которые объединяет выражение отрицательной оценки поступка, поведения адресата. Негативная оценка выражена формой множественного числа слова «кляуза», т.е. «мелочная жалоба, донос, наговор». Упрекая адресата за кляузничество, адресант основывается на пресуппозиции, что соответствующая ситуация имеет место (*ходит по судам и пишет кляузы*), но не утверждает, что это плохо, указывая на это косвенным образом через сравнение осуждаемого действия с другим, ориентируя тем самым адресата на выбор «правильного» поведения. Негативная оценка при этом базируется на ценностях говорящего: решение всех спорных вопросов путём обращения в суд в русской культуре поведения и шире – в культуре поведения в советском обществе не одобряется, а более того, осуждается. Осуждающий вроде как имеет моральные полномочия для вынесения решения о предосудительности обозначенного поступка [Булыгина, 418].

Информирование собеседницы об отрицательном отношении говорящего к ее действиям путём соположения двух действий с разной модальностью вызывает определённое изменение во внутреннем состоянии собеседницы: она испытывает чувство унижения и оскорбления, которое было спровоцировано не столько самой отрицательной оценкой, сколько присутствия во второй части высказывания *лучше бы занималась своей горбатой дочерью* косвенного утверждения с пресуппозицией 'она не занимается своей горбатой дочерью'. Глагол *заниматься* используется в значении 'направить своё внимание на кого-, что-либо; проявить интерес к кому-, чему-либо, помочь кому-л.'. Информация о том, что мать не уделяет должного внимания своей дочери, у которой имеется такой физический

изъян, как горб, не помогает ей, негативно характеризует ее с точки зрения моральных принципов общества (народная мораль предполагает, что при таком положении дела родитель всегда должен оказывать помощь своим детям). Осуждать и упрекать женщину в том, что она не выполняет свои родительские обязанности – значит приписывать ей поступки и действия, что может быть проверено и оспорено. Содержание представленных материалов показало, что истец добросовестно выполняет обязанности родителей (отец очень рано оставил семью) и, по сути дела, посвящает жизнь дочери: ее здоровью, воспитанию, образованию.

С позиции теории речевых актов речевое действие совершается субъектом по отношению к определённом адресату в определённых конкретных условиях, с определённым смыслом и определёнными намерениями. Цель анализируемого высказывания – осуждение, и это коммуникативное намерение эксплицитно выражено языковыми средствами (*Чем ходить по судам и писать кляузы...*). Являясь одним из психологических компонентов акта коммуникации и выступая его мотивационной стороной, коммуникативное намерение (интенция) прежде всего, определяет, что, зачем и почему хочет сообщить говорящий адресату. Мотивы данного речевого действия кроются в определённых обстоятельствах: истец обратилась с жалобой на его действия в соответствующие органы, инициировала проверки. Однако кроме осуждения этих действий собеседницы, высказывание, как было рассмотрено выше, содержит косвенное утверждение с пресуппозицией 'она не занимается своей горбатой дочерью'. Какова интенция говорящего в данном случае? «Основная» интенция – осудить за неправильные действия. Однако эта интенция напрямую связана с проблемной жизненной ситуацией субъекта, и создана эта проблема «по вине» адресата.

Ответ мы можем найти в рассмотрении соотношения намерения и преднамеренности в речевом поведении говорящего. «О преднамеренности в речи можно говорить, когда налицо выполнение заранее запланированного поступка: **намерение оскорбить**, сделать известным, сделать комплимент, упомянуть ученый термин, объяснить непонятные места, загладить вину, привлечь внимание и т.п. Непреднамеренность же – то, что не укладывается в рамки замысла. Так, оговориться, проговориться, разболтаться, ошибиться – при прямом истолковании соответствующих речевых действий, по «номиналу» – значит совершить непреднамеренные действия. Когда в замысел говорящего входит скрыть истинные цели своей речи, в частности, когда мы как бы нечаянно проговариваемся (а на самом деле используем эту видимость как приём), **как бы ошибаемся (искажая факты, но при этом готовы, если нас уличат, признать свою ошибку)**, – имеем тот случай, когда непреднамеренность коварного говорящего – только маска, и казаться непреднамеренным уже входит в намерения. Таким образом, возможны намерения «первого эшелона» (например, «непреднамеренно ошибиться»), «второго эшелона» (камуфлирование этого замысла) и т.д.» [Демьянков, 42] (*выделено нами.* – Р.К.).

Субъект речевого акта (в нашем случае – это ответчик) производит высказывание, рассчитанное на восприятие его адресатом – слушающим (т.е. истцом). Анализ содержания высказывания показывает, что цель данного речевого акта, оформленного в виде осуждения-упрёка – осудить действия адресата и побудить его совершить обозначенное в высказывании действие. Для того чтобы эта цель была достигнута и речевой акт был признан уместным и успешным, должны быть соблюдены определённые условия. Если мать на самом деле не занимается своей дочерью и если мать в состоянии это делать, то данный речевой акт признается уместным и в этом, коммуникативном смысле – успешным. При несоблюдении хотя бы одного из перечисленных условий (мать своей горбатой дочерью занимается, или мать физически не в состоянии это делать) уместность речевого акта ответчика может быть поставлена под сомнение, и из-за этого он может потерпеть коммуникативную неудачу, что и наблюдается в анализируемой речевой ситуации. Результат речевого акта, который проявился в виде реакции (унижение и оскорблённость) истца на это высказывание, показывает, что он (результат) не соответствует поставленной говорящим цели (побуждению).

Признак «горбатой» по отношению к дочери в контексте ситуации оценивается адресатом (матерью) как обидный, оскорбительный. Слово «горбатый» не имеет в словарях каких-либо стилистических помет, является нейтральным словом. Причиной восприятия нейтрального слова как оскорбительного является нарушение нормативного варианта коммуникативного поведения адресанта, а именно норм этики. Исторически сложилось так, что общество само регулирует нормы общения, которые не отражены в нормативных законодательных документах. Считается неприличным указывать на физические недостатки других людей, говорить об этом в их присутствии, в присутствии их родных и близких, так как они сами испытывают дискомфорт, понимают своё отличие от других людей, оценивают себя ниже других. Произнесение слова «горбатый» явилось обидным для матери человека с физическим недостатком, потому что были задеты материнские чувства. Также восприятие высказывания «Лучше бы занималась своей горбатой дочерью» как унижающего может быть обусловлено дополнительно и общей тональностью – при повышении тона – в ситуации ссоры, когда субъект высказывания говорит громко, кричит.

В целом анализ пресуппозиций высказывания показывает, что подобный подход показывает огромные возможности прагматики в решении прикладных задач лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
2. Демьянков, В.З. Намерение в интерпретации и интерпретация намерений в речи [Текст] / В.З. Демьянков // Текст: Структура и анализ. – М. : Институт языкознания АН СССР, 1989. – С.41-46

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОГО СЛОВА КАК ЭЛЕМЕНТА СПЕЦИАЛЬНОГО ЯЗЫКА¹

Е.Н. Квашнина

Челябинский государственный университет

The article deals with stylistic features of a common word functioning in a language for special purposes as a term, a professional word and a slang word. The author comes to conclusion that it results in stylistic polysemy of the word.

Специальная, или профессиональная, лексика включает в себя не только принятые в той или иной сфере международные термины, в ней много единиц, которые были и остаются фактами общеупотребительного языка. Использование таких единиц в той или иной профессиональной сфере сказывается не только на их семантической, но и стилистической характеристике. Специальная лексика неоднородна, в ней можно выделить несколько страт: термины, профессионализмы (единицы устного профессионального языка), профессиональные жаргонизмы и номенклатура [Голованова, 2008, с. 44]. Задача данной статьи – показать, как меняется стилистическая характеристика общеупотребительных слов, если они «служат» специальной (профессиональной) лексике.

Терминами общеупотребительные слова становятся, в частности, при помощи лексико-семантического способа [Прохорова, 1996]. Наиболее активно термины формировались подобным образом в первый период нового естествознания. «Ведущим способом образования терминов в тот период, – пишет С.В. Гринёв, – была специализация существующей лексики, когда заимствуемые из обыденного языка слова наполняются в науке иным содержанием» [Гринёв, 1993, с. 188-200]. Этот процесс обозначен специалистами как «терминологизация». Во многих специальных языках сохранился большой процент терминов, которые образованы данным способом. Так, например, слово *карман* употребляется в медицинской и газовой сферах; *пята* относится к политехнической терминологии; *тело* используется в медицинской сфере; *фартук* – в машиностроении; *щека* – в газовой промышленности и т.п. [Прохорова, 1996, с. 51-53]. Итак, если общеупотребительное слово функционирует в качестве термина, то в пределах данной терминосистемы оно стилистически нейтрально. За пределами же терминосистемы лексическая единица имеет более высокий, книжный характер. Это происходит в силу того, что закреплённая в стандарте терминологическая единица наделена многими привилегиями: она выступает в качестве эталона; она обязательна при использовании в научной, технической, учебной литературе, а также различных документах; она юридически значима, к ней обращаются как к высшему арбитру [Морозова, 2001, с. 70]. Именно в результате своего особого статуса термин имеет книжный характер, потому и терминология, и общенаучная лексика

---

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 09-04-85410 а/у

традиционно относятся к категории «книжные слова» [Культура русской речи, 2003, с. 244-245].

Общеупотребительное слово может быть использовано в специальном языке и в качестве профессионализма, единицы устной разновидности профессионального языка, в этом случае оно приобретает сниженную стилистическую окраску. Вслед за Э.В. Кузнецовой, под профессионализмами мы понимаем слова и выражения специального языка, которые, в отличие от терминов, являются их вторичными наименованиями, эмоционально и экспрессивно окрашены, сфера их бытования – устная речь. Профессионализмы, как правило, образны, экспрессивны, кратки, носят разговорный характер [Кузнецова, 1989, с. 167]. Данные единицы имеются во многих сферах, в том числе и в профессиональном языке программистов: *бочонок* – ноутбук; *букварь* – руководство; *веник* – винчестер (жесткий диск); *гектар* – гигабайт (единица количества информации или памяти в компьютере); *дельфин* – программист, пишущий программы на Delphi; *дрова* – драйверы (управляющие файлы для устройств); *железо* – комплектующие для компьютера; *живность* – вирус; *камень* – центральный компьютерный процессор; *квакать* – участвовать в игре Quake; *клава* – клавиатура. Напомним, что подобные образования имеют разговорный характер.

Если общеупотребительное слово используется в качестве единицы профессионального жаргона, то стилистически оно характеризуется как «жаргонное». Под жаргонизмами мы понимаем единицы, которые отличаются экспрессией, оценочностью, они, как правило, делают речь грубой, вульгарной. По словам Е.Д. Поливанова, «... в жаргонном слове содержится ... социальный довесок, поэтому у жаргонизмов более богатая семантика...» [Цит. по: Культура русской речи, 2003, с. 186-187]. К чертам профессионального жаргона можно отнести следующие: фамильярно-разговорный, порой грубый характер; окказиональность, нерегулярная воспроизводимость в речи; ограниченность рамками определённого коллектива, малой группы; ограниченность временными рамками; обозначение единичных предметов и явлений; использование специфических словообразовательных моделей, например, коннотативно сниженных суффиксов; создание путём фонетической мимикрии; заимствования из других жаргонов.

В качестве иллюстрации можно привести жаргонизмы, встречающиеся в языке профессиональных спортсменов: *бицуха* – бицепс; *болелка* – болельщик; *болото* – неактивные, скучающие зрители на футбольном матче; *бульдога нянчить* – поднимать гирию; *банка с пивом на три литра* – тренер, злоупотребляющий алкоголем в ущерб делу; *дохляк* – слабый спортсмен; *огород* – в футболе – неровное, плохо подготовленное поле; *прижимальщик* – футбол, устар. – болельщик; *штука* – устар. – выкрик, которым сопровождался гол, забитый в ворота противника; *полянка* – в речи одесситов – «дикие» футбольные матчи, проходящие на пустыре; *зелёнка* – лыжные гонки (по названию парафина зеленого цвета, предназначенного для смазки лыж в оттепель) [Елистратов, 2009, с. 194-206].

Таким образом, смена стилистики некогда нейтрального общеупотребительного слова выглядит следующим образом: изначально общеупотребительное слово носит нейтральный характер; в качестве термина оно входит в ту или иную сферу и имеет двойкую стилистику: нейтральную (в пределах терминосферы) и книжную (за пределами терминосферы); в качестве единицы устного профессионального языка (профессионализма) общеупотребительное слово приобретает разговорную окраску; если же оно функционирует в составе профессионального жаргона, то стилистическая окраска его меняется на жаргонную. Эти изменения можно показать в следующей таблице:

Стилистика общеупотребительного слова		
В общенародном языке	в специальном языке	
<i>нейтральная</i>	как термин	<i>нейтральная</i> (в пределах терминосистемы) <i>книжная</i> (за пределами системы)
	как профессионализм	<i>разговорная</i>
	как профессиональный жаргонизм	<i>жаргонная</i>

Рассмотрим стилистические изменения, которые претерпевает, например, слово *глаз*. В общеупотребительном языке оно нейтрально; в качестве термина лексема *глаз* входит в медицинскую и политехническую сферу и имеет двойкую стилистику: нейтральную (в пределах терминосферы) и книжную (за пределами терминосферы); в качестве профессионализма *глаз* используется в разных значениях в зависимости от сферы («фара» – в языке автоводителей; «видеокамера» – среди установщиков систем видеонаблюдения; «лампа накаливания или прожектор» – в языке электриков и т.п.) и имеет разговорную окраску.

Итак, для общеупотребительного слова характерны не только семантические, но и стилистические трансформации: его изначально нейтральная стилистика меняется, и оно, как мы видим, приобретает книжную, разговорную и даже жаргонную окраску. Таким образом, «хождение слова за три моря», а именно его «работа» в качестве единицы профессионального (специального) языка, отражается на появлении у него не только новых смысловых, но и стилистических значений, в результате чего лексема становится и семантически, и стилистически многозначной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринев, С.В. Введение в терминоведение [Текст] / С.В. Гринев – М. : Моск. Лицей, 1993.

2. Голованова, Е.И. Когнитивное терминоведение [Текст] : учебное пособие / Е.И. Голованова ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск : Энциклопедия, 2008. – 180 с.
3. Елистратов, А.А. О сниженных синонимах спортивных терминов [Текст] / А.А. Елистратов // Инновационные технологии в образовании и науке: Международный сборник научных трудов / науч. ред. А.А. Саламатов. – Челябинск : Изд-во «Симарс», 2009. – С. 194 - 206.
4. Кузнецова, Э.В. Лексикология русского языка [Текст] / Э.В. Кузнецова. – М. : Высшая школа, 1989.
5. Культура русской речи [Текст] : Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 480 с.
6. Морозова, Л.И. Что такое стандартизованный термин? [Текст] / Л.И. Морозова // Научно-техническая терминология: научно-технический реферативный сборник. – Вып. 2. – М., 2001. – С. 69 - 70.
7. Прохорова, В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование) [Текст] / В.Н. Прохорова. – М.: Филологический факультет, 1996. – 125 с.

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ ²

Л.Ф. Килина

Удмуртский государственный университет

The article considers features of semantics and functioning of past participles in Old Russian language (case s.tudy: word «lubimyj»).

В современной лингвистической науке выделилось направление, получившее название «грамматическая семантика». Представители этого направления считают, что область «чистой» грамматики сравнительно невелика и «большинство значений, описываемых в грамматике, лежит в промежуточной зоне, где грамматическое в той или иной мере совмещено с лексическим» [Князев, 2007, с. 43]. В связи со сказанным актуальными становятся комплексные исследования языковых единиц, когда при анализе особенностей употребления слова в тексте учитываются его лексическое значение, морфологические характеристики, синтаксическая структура высказывания, а также контекстное окружение и стилистический фон.

Большой интерес в этом смысле представляют причастия, формальные признаки которых (а также грамматическое значение) отличаются двойственностью, а потому определение причастий как «гибридных» языковых единиц находим в работах многих языковедов, в частности говорится о том, что в причастиях «глагольность выражается как

---

² Работа выполнена в рамках проекта "Лингвотекстологические и корпусные исследования грамматической семантики древнерусского текста (регистрационный номер 2.1.3/2987), аналитическая ведомственная целевая программа "Развитие научного потенциала высшей школы" (2009-2010 гг.) Федерального агентства по образованию РФ".

окачественное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного» [Виноградов, 1972, с. 221].

Такая двойственность причастий обуславливает то, что, по мнению некоторых ученых, выделять их в отдельную часть речи не имеет смысла, с чем мы не можем согласиться (вслед за А.А. Шахматовым, А.А. Потебнёй и др. мы считаем причастие самостоятельной частью речи). На наш взгляд, диахронический подход к исследованию причастных форм поможет ответить на многие вопросы, связанные со спецификой слов данной морфологической категории.

Несмотря на большое количество исследований, посвящённых истории причастий в русском языке, до сих пор актуальны проблемы, касающиеся категориального статуса причастий в древнерусском языке, а также особенностей их функционирования в древнерусских текстах. Кроме того, в научной литературе внимание уделяется прежде всего нечленным действительным причастиям, т.к. именно с их историей связывают возникновение деепричастий, другие формы часто остаются вне поля зрения исследователей.

Противопоставление прилагательного и причастия в современном русском языке мы наблюдаем на синтаксическом, морфологическом, словообразовательном и семантическом уровнях. В то же время близость причастия и прилагательного, как известно, нередко становится причиной затруднений при определении категориальной принадлежности отдельных форм. Сказанное актуально и для древнерусских летописных текстов, в которых мы наблюдаем отражение грамматической специализации причастий и прилагательных. Однако предпосылки процесса становления данных лексико-грамматических классов и особенности протекания этого процесса не выяснены до конца.

Анализ форм и функций причастий в древнерусских летописных текстах является важным для выявления категориальных особенностей этой части речи в тот период развития языка, когда создавались и переписывались летописи. Материалом для данной работы послужили разновременные списки «Повести временных лет», а именно Лаврентьевский и Ипатьевский (далее ЛСЛ и ИСЛ соответственно. – Л.К.).

В.А. Баранов подчеркивает, что сближение прилагательных и причастий, генетически принципиально разных категорий (отыменной и отглагольной), – давний процесс [Баранов, 2003]. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой причастия не образовывались от прилагательных (и наоборот), а происходил процесс дифференциации формы некогда двойного подчинения на форму, соотносимую с глаголом, и форму, в которой актуализировалась качественность (без отношения к действию) [Баранов, 2003]. Связь с глаголом теряется тогда, когда отсутствует значение процессуального признака, если же такое значение присутствует, мы можем говорить о причастии. Итак, прилагательное и причастие отличаются значениями «свойственности» и «приобретенности», значения эти «изначально находятся в зависимости от контекстного окружения слова» [Баранов, 2003, с. 51].

Ниже мы рассматриваем особенности семантики и функционирования в «Повести временных лет» слова *любимыи* (где нет принципиальных для нас различий, мы приводим вариант ЛСЛ. – Л.К.), которое в исторических словарях определяется как страдательное причастие к *любити* [СДРЯ-4, с.464-465]. В исследуемом тексте данная языковая единица употребляется в составе формулы *бѢ (бо) любимъ оцемъ (паче всѣхъ)*: 1) и Борису же възвратившюсѧ съ вои не вбрътшю Печеньгъ вѣсть приде к нему вѣ ти оумерель и плакасѧ по вѣци велми *любимъ бо бѢ вѣцемъ своимъ паче всѣхъ* (ЛСЛ, 45 об.); 2) Вселоду же тогда сущю у вѣцѧ *бѢ бо любимъ вѣцемъ паче всеѣ братьи* с же имѧше присно у собе (ЛСЛ, 54 об.); 3) кнѧзь Всеволодъ бѢ издѣтска болюбивъ любѧ правду набдѧ оубогъѧ въздая чѣть епѣпомъ и презвутеро^м излиха же любѧше черноризци подаяше требованъЕ имъ бѢ же и самъ въздержасѧ вт пѣяства и вт похоти тѣмъ *любимъ бѢ вѣцемъ своимъ* яко глати вѣцю к нему сну мои благо тобѢ яко слѣзшю в тобѢ кротость и радуюсѧ яко тѣз покоиши старость мою аще ти подасть БѢ прияти власть стола моЕго по братьи своѣи с правдою а не с насильемъ то Егда БѢ втведеть тѧ вт житья сего да лѧжеши идеже азъ лѧгу оу гроба моЕго понеже *люблю тѧ паче бра^м и твоѣя* (ЛСЛ, 72).

Сюда же можно отнести пример, в котором в качестве субъекта выступает не отец, а князь Борис: и се нападоша акъэ звѣрьѣ дивии вколо шатра и насунуша и копыи и прободоша Бориса и слугу Его падша на не^м прободоша с нимъ *бѢ бо се любимъ Борисомъ* бѧше втрокъ съ родомъ снѣ Оугърскъ именемъ Геврги *Его же люблѧше повелику Борисъ* бѢ бо възложилъ на нь гривну злату велику (ЛСЛ, 46).

В приведѣнных контекстах *любимъ* – нечленное страдательное причастие от глагола *любити* 'чувствовать любовь, привязанность к кому-либо', причѣм в двух случаях из четырёх в тех же фрагментах находим конструкции с этим глаголом (*люблю тѧ паче братии твоѣя* и *его же люблѧше повелику Борисъ*), которые выражают тот же смысл, что и приведѣнные выше формулы, отличие заключается в компонентах *паче* и *повелику*, которые отсутствуют в формулах с причастием. В словаре не находим значения для причастия в таких контекстах, что не случайно, так как толковать необходимо всю формулу целиком, а не только причастие, что и делает летописец с помощью глагольных конструкций.

Следующий пример отличается от предыдущих тем, что *любимъ* имеет здесь другое управление (*любимъ кому?*): се слѣзшавъ Володимеръ расплакавсѧ и ре^ч поистинѣ вѣци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую а мѣз хоче^м погубити и преклонисѧ на молбу кнѧги^{нн}ну чтѧшетъ ю акъэ мтръ вѣца ради своего *бѢ бо любимъ вѣцю своему повелику* и въ животѣ и по смрти не вслушасѧ Его ни в чем же (ЛСЛ, 89).

Кроме иной сочетаемости в данном случае интересующее нас слово имеет иное значение – 'любящий', и формула *бѢ бо любимъ оцю своему повелику* может быть истолкована как *потому что очень любил своего отца*. Причѣм, согласно данным СДРЯ, приведѣнная формула отмечается не только в ПВЛ, но также и в других частях ИСЛ: и пожалова Рюрикъ шюрина своего

бѢ бо любимъ емоу (ИСЛ, 239). К этой же группе следует отнести и пример Ярославъ же се яко^ж реко^м *любимъ бѢ книгамъ* многоэ написавъ (ЛСЛ, 52 об.).

Следует отметить, что в данных контекстах причастие употребляется в составе сказуемого, причём, по мнению ученых, такие конструкции традиционны: «Большая употребительность связки прошедшего времени бѢ, чем связки прошедшего времени был, в древнерусских памятниках объясняется книжным характером тех контекстов, в которых мы находим употребление причастия настоящего времени страдательного залога в функции сказуемого... Уже в древних русских памятниках употребление причастия настоящего времени страдательного залога в функции сказуемого в значительной степени поддерживалось литературными традициями. В грамотах употребление указанных причастий было весьма мало распространено» [Ломтев, 1954, с. 22-23]. Архаичность таких конструкций, безусловно, способствовала их вытеснению конструкциями глагольными.

Принципиальное отличие от всех приведённых примеров наблюдаем в следующем фрагменте: *аще бо бѣэхъ брате мои видѣль лице твоє анг^слокое оумерль бѣхъ^х с тобою нѣнѢ же что ради встахъ азъ единъ кдѢ суть словеса твоя яже гла къ мнѢ **брате мои любимъзи** нѣнѢ оуже не оуслѣшю тихаго твоего наказанья* (ЛСЛ, 46 об.). В семантико-грамматической структуре слова здесь отсутствует значение процессуального признака, значение «приобретённости», речь идёт скорее о свойстве субъекта.

В СДРЯ данный пример также отмечен, причём указано значение ‘внушающий любовь, расположение, любимый, дорогой’, здесь же находим примеры *друуже любимыи, любимое ми чадо*, в роли существительного *а что сА Ему вста то роздая любимы(м) и нищим* (ЛСЛ, 156), *достойно пояти себѢ было любимую свою* (Пч к. XIV, 12) и др. В роли существительного также *любимое* со значением ‘должный, необходимый’: *аще оубо о ономъ нѣкоемъ вамъ телеснѢмъ и земнѢмъ будутъ подвигъ доволну бо получим до суицхъ многожды глуще еже любимое исполнити* (ФСт XIV, 1в.) (мы считаем, что здесь правильнее говорить не о причастии в роли существительного, а о субстантивате, см. об этом, например [Баранов, 2003]).

В этих случаях (в отличие от предыдущих) употребляется форма членная, выступающая в атрибутивной функции (братъ любимыи), несмотря на то, что связь с глаголом еще ощущается на семантическом уровне, грамматика эту связь уже не поддерживает (ср. также *сноу мои любыи* (Изб. 1076, 112) [СДРЯ]). В этом смысле очень показателен пример, в котором обнаруживаем разночтения *люба – любимая*: Ярославъ ре^ч *в любя моя дружина* юже вчера избихъ (ЛСЛ, 48) – и ре^ч Ярославъ *в любимая дружино* юже избихъ вчера а нынѢ быша надобѢ (ИСЛ 53).

Итак, можно сделать вывод о том, что страдательное причастие *любимъ* (нечленная форма) обозначало процессуальный, временный признак, признак «приобретённый», выступало в предикативной функции. При употреблении членной формы меняется не только грамматическая функция на

определяющую (атрибутивную), но фактически здесь мы можем говорить о другом слове с другим лексическим и грамматическим значением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, В.А. Формирование определительных категорий в истории русского языка [Текст] / В.А. Баранов. – Казань : Изд-во Казанского государственного университета, 2003. – 390 с.
2. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) [Текст] / В.В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
3. Князев, Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе [Текст] / Ю.П. Князев. – М. : Языки славянских культур, 2007. – (Studia philologica). – 704 с.
4. Ломтев, Т.П. Из истории синтаксиса русского языка [Текст] / Т.П. Ломтев. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1954. – 78 с.
5. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) [Текст]: в 10-ти томах / АН СССР. ИНТ Рус. яз.; Гл. ред. Р.И. Аванесов. – М. : Рус.яз., 1988.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАРЕЧИЙ НЕПОЛНОТЫ ДЕЙСТВИЯ/ПРИЗНАКА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В. Н. Колодяжная

Белгородский государственный университет

Value of incompleteness of fulfilment of action or achievement of a sign which is transferred by estimation adverbs, is difficult on structure and many-sided. The value represents a difficult complex - a chain of values.

На современном этапе развития науки значение общеоценочных наречий получило достаточно широкое освещение, тем не менее, значение наречий частного характера является интересным для исследования. Наречия неполноты действия или признака являясь оценочными единицами языка, отражают субъективное отношение говорящего к действию либо признаку, а также предвосхищают субъективное отношение читателя к данному действию либо признаку. Данные наречия являются инструментом эмоциональной, субъективной, психологической, качественной, количественной, а также вероятностной оценки. Таким образом, интерес привлекает значение наречий неполноты действия или признака, а в частности значение оценочных наречий *hardly, barely, almost, only, just, scarcely, merely, solely, nearly* и *rarely*.

Согласно данным, полученным в результате анализа теоретического материала, наиболее ранними из рассматриваемых в нашей работе наречий неполноты действия или признака являются наречия *hardly, barely* и *almost*.

Появление данных наречий датируется в период до XII века, *hardly* и *barely* являются синонимами. Одновременно для наречий неполноты действия или признака *hardly* и *barely* в XIV веке появляется синоним *scarcely*. Также XIV веком датируется наречие *just* и его синоним *only*. В XV веке для наречия *only* появляется синоним *solely*, а для наречия *just* возникает

синоним *merely* [The Merriam-Webster Dictionary]. Необходимо отметить, что *merely*, *only* и *solely* также являются синонимами [Abby Lingvo].

Для наречия неполноты действия или признака *almost* синоним *nearly* появляется в XVI веке. Наречие неполноты действия или признака *nearly* датируется XVI веком, данное наречие не является синонимом для остальных рассматриваемых наречий неполноты действия или признака [The Merriam-Webster Dictionary].

Таким образом, интересным является вопрос, в каких значениях выше перечисленные наречия неполноты действия/признака являются синонимами.

Рассматривая наречия неполноты *nearly* и его синоним *almost*, можно сделать вывод, что наречие неполноты *nearly* (которое обладает несколькими значениями: 1) близко; 2) особенно; 3) близко, недалеко; 4) почти, приблизительно, около [Abby Lingvo]) является синонимом *almost* лишь в значении «почти, приблизительно, около». Значение *nearly* и *almost* может быть охарактеризовано как значение приближенности, малой степени незавершённости, например:

1. *When the front of the ship rises, you lean forward, till the deck almost touches your nose; and when its back end gets up, you lean backwards* [Jarome, 2004, с. 22].

2. *Then Harris tried to open the tin with a pocket-knife, and broke the knife and cut himself badly; and George tried a pair of scissors, and the scissors flew up, and nearly put his eye out* [Jarome, 2004, с. 179].

Данное общее значение *nearly* и *almost* является одним из составляющих значения неполноты действия или признака, которое может быть передано в речи с помощью всех рассматриваемых наречий неполноты действия или признака.

Наречие неполноты действия или признака *rarely* обладает следующими значениями: 1) редко, нечасто; 2) исключительно, замечательно, необычно [Abby Lingvo]. Наречие *rarely* не является синонимом ни для одного из рассматриваемых наречий неполноты действия или признака [Abby Lingvo]. Оно обладает самобытными, индивидуальными значениями, которые не свойственны ни одному из рассматриваемых наречий неполноты действия или признака. Можно предположить, что данное наречие является наречием неполноты действия или признака только в значении «редко, нечасто», например:

1. *These geese rarely stay for very long, except in severe weather* [British National Corpus].

2. *Neither would they wish to assume the responsibility in any event because of the repercussions which may fall on their heads from the council, who also rarely understand us* [British National Corpus].

Этот факт позволяет утверждать, что данное оценочное наречие неполноты является также отдельным звеном в цепи значений неполноты действия или признака.

Наречие неполноты действия или признака *hardly* обладает следующими значениями: 1) а) едва, еле, насилу; б) лишь только как, как только (*hardly*)

...when/as); 2) едва ли, вряд ли, почти не (никто, ничего, никогда); 3) тяжело, с трудом, через силу; 4) резко, грубо, плохо, сурово, жестко [Abby Lingvo].

Значения №3 (тяжело, с трудом, через силу) и №4 (резко, грубо, плохо, сурово, жестко) являются редко употребляемыми, тем не менее, необходимо отметить, что основным значением наречия неполноты действия или признака *hardly* является значение неполноты, незавершённости по причине трудности выполнения. Тяжести процесса, невозможности что-либо предпринять, например:

1. *At length, after much tiresome changing, they reached Venning. She had expected a greater coolness in that northern country; but there was a hot blight over the place, and, as they walked to the inn from the little station, they could hardly drag their limbs along* [Maugham, 2000, с. 196].

2. *He could hardly get the words out. He gave a little gasp, and the tears began to trickle down his round cheeks. I did not know what to say* [Maugham, 1986, с. 98].

Значениями наречия неполноты действия или признака *barely* являются: 1) просто, только, всего лишь; 2) едва, еле-еле, с трудом; 3) открыто, прямо [Abby Lingvo]. Общее значение наречия неполноты действия или признака *barely* может быть описано как значение невозможности совершения действия и минимального его влияния на окружающую действительность.

Наречие неполноты действия или признака *barely* является синонимом наречия неполноты действия или признака *hardly* [The Merriam-Webster Dictionary]. Учитывая данный факт, необходимо заключить, что наречие *barely* является синонимом наречия *hardly* в значении трудности, тяжелого положения, невозможности совершения действия или достижения какого-либо признака, например:

1. *'I wish you wouldn't squeeze so.'* said the Dormouse, who was sitting next to her. *I can hardly breathe* [British National Corpus].

2. *Robyn was trembling so hard that she could barely breathe* [British National Corpus].

Значениями наречия неполноты действия или признака *scarcely* являются: 1) едва; почти не; 2) едва, с трудом; 3) едва ли, вряд ли; 4) только, лишь; 5) едва, как только; только что. Наречие неполноты действия или признака *scarcely* является синонимом наречия *hardly* согласно значениям №2 (едва, с трудом), №3 (едва ли, вряд ли) и №5 (едва, как только; только что) [Abby Lingvo]. Таким образом, необходимо заключить, что наречия неполноты действия или признака *hardly*, *barely* и *scarcely* являются синонимами и объединены общим для них значением трудности, тяжелого положения, невозможности совершения действия или достижения какого-либо признака, которое представляет собой еще одно звено, входящее в цепь значений неполноты действия или признака.

Следует заметить, что наречия неполноты действия /признака *scarcely*, *barely* и *hardly* также по отношению друг к другу являются синонимами в значении «едва, как только, только что» [Abby Lingvo], например: *He had scarcely shaken our hands when the phone rang* [British National Corpus].

Наречие *just* обладает следующими значениями: 1) только, как раз, по истине; 2) а) только что; б) прямо (в данный момент); с) немедленно, непосредственно, безотлагательно; 3) только, едва; 4) а) совершенно, безусловно; б) прямо, в самом деле (в качестве усиления) [Abby Lingvo].

Следует отметить, что данное наречие является оценочным наречием неполноты действия или признака только в значении №3 (только, едва).

Наречие неполноты действия или признака *just* является синонимом для наречий неполноты действия/признака *barely*, *only* и *merely* в значении «только, едва» [Abby Lingvo], например: *She was just about to speak, to tell Anne how she really felt, when Gerry gave a loud cry and the moment passed* [British National Corpus].

Данные факты свидетельствуют о том, что наречия неполноты действия или признака *scarcely*, *barely*, *hardly*, *only*, *merely* и *just* являются синонимами и объединены общим значением незавершённости действия или недостижения признака по причине спешки или наступления какого-либо другого события.

Наречие неполноты действия/признака *only* обладает следующими значениями: 1) только, просто; 2) исключительно, единственно; 3) а) недавно, только что; б) всего лишь. Данное наречие является синонимом для наречий неполноты действия/признака *solely* и *merely* в значении «исключительно, единственно, только, просто» [Abby Lingvo], например:

1. *They began in a light-hearted spirit, evidently intending to show me how to do it. I made no comment; I only waited* [Jarome, 2004, с. 59].

2. *Many people come to make the ascent, some to climb its tremendous cliffs, others merely to look at it* [British National Corpus].

3. *Those who depend solely on their licensed dealers to find them another Polly Peck (probably the most spectacular penny share success ever) are probably doomed to disappointment If they are lucky, they will be the blind led by the blind* [British National Corpus].

Учитывая данные факты, следует отметить, что значения наречий неполноты действия/признака *only*, *solely*, *merely* являются чрезвычайно близкими и практически объединены одним значением единственности, исключительности действия или признака, который они определяют в высказывании. Таким образом, можно заключить, что наречия *only*, *solely* и *merely* составляют отдельное звено, которое входит в цепь значений неполноты действия или признака.

В заключении необходимо отметить, что значение неполноты совершения действия или достижения признака, которое передают рассматриваемые наречия оценки, является сложным по структуре и многогранным. Как показывают исследования, данное значение представляет собой сложный комплекс – цепь значений. Звеньями данной цепи являются следующие значения: 1) значение приближённости, малой степени незавершённости (*almost*, *nearly*); 2) значение редкости, нечастого совершения действия или достижения признака (*rarely*); 3) значение трудности, тяжелого положения, невозможности совершения действия или

достижения какого-либо признака (*hardly, barely и scarcely*); 4) значение незавершённости действия или не достижения признака по причине спешки или наступления какого-либо другого события (*scarcely, barely, hardly, only, merely и just*); 5) значение единственности, исключительности действия или признака (*only, solely, merely*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Jerome, K. Jerome. Three men in a boat [Text] / Jerome, K. Jerome. – М.: Издательство «Менеджер», 2004. – 288 p.
2. Maugham, W.S. The Magician [Text] / W.S. Maugham. – М. : Издательство «Vintage», 2000. – 256 p.
3. Maugham, W.S. The Moon and Sixpence [Text] / W.S. Maugham. – L. : Mandarin Paperbacks, 1986. – 215 p.
4. Abby Lingvo [Электронный ресурс]. – URL : <http://lingvo.yandex.ru>.
5. British National Corpus [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>.
6. The Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.merriam-webster.com/dictionary>

ОСОБЕННОСТИ СЛЕНГА С ФЛОРИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

С.С. Кудинова

Коломенский государственный педагогический институт

Slang is closely connected with the problem of language and society. Taken into consideration the certain meaningfulness of the concept Flora in the English language we try to examine the slangisms with the floristic component.

Исследование развития сленга в системе языка имеет непосредственное отношение к проблеме языка и общества. Язык и общество – это одна из центральных проблем современной лингвистики, связанная с исследованием общественного характера возникновения и развития языка, природы его связей с обществом, его социальной дифференциации, его функционирования в качестве национального языка, средства общения нации. Существуют разные взгляды на природу и характер связей языка и общества. Согласно одной точке зрения, связь языка и общества отсутствует, т.е. язык развивается и функционирует по своим законам, и языковые факты не могут быть объяснены социальными причинами (Е. Курилович). Согласно другой точке зрения, эта связь является односторонней, т.е. развитие и существование языка полностью детерминировано развитием и существованием общества (Н.Я. Марр, Ж. Марузо и Французская социологическая школа) или наоборот – специфика языка обуславливает специфику духовной культуры общества (гипотеза Сепира-Уорфа, Э.Сепир, Б.Уорф).

Отечественное языкознание исходит из различения внутренних стимулов развития языка, связанных с особенностями его системы, и внешних по отношению к языку социальных факторов, которые оказывают влияние и на развитие и на характер функционирования языка. Одну из форм

опосредованного влияния общества на язык представляет собой социальная дифференциация языка, обусловленная социальной неоднородностью общества, которая проявляется в дифференциации национальных языков на территориальные и социальные диалекты, выделение литературного языка как социально и функционально наиболее значимого языкового образования.

Структура социальной дифференциации языка многомерна и включает как стратификационную дифференциацию, обусловленную разнородностью социальной структуры, так и ситуативную дифференциацию, обусловленную многообразием социальных ситуаций. Поэтому другой формой связи языка с обществом является обусловленность использования языковых средств социальными характеристиками носителей языка (возрастом, уровнем образования, профессией и др.), социальными ролями участников коммуникации, ситуацией общения. Использование языка в многообразных и специфичных общественных сферах жизни (наука, производство, средства массовой информации, бытовое общение и т.п.) приводит к формированию своеобразных функциональных стилей, разновидностей языка, используемых в типовых общественных ситуациях. Особое значение имеет также связь и взаимодействие языка и культуры.

Цивилизованное общество характеризуется существованием доминирующей, национальной культуры и наличием некоторых субкультур, которые развиваются в недрах общей культуры. Субкультуры имеют собственные лингвистические средства самовыражения, отличные от других как по форме, так и по содержанию. Эти коллективы противопоставляют себя как доминирующей культуре, так и другим группировкам, что отражается в языковых явлениях, развивающихся внутри этих групп, каковым выступает сленг. Изобретателями сленга могут быть профессиональные группы (например, полиция, медики, специалисты по компьютерной технике) или определённые социальные группы (например, подростки, обитатели гетто, наркоманы, преступники и другие деклассированные элементы).

С помощью специальных языковых образований члены одной профессиональной или социальной группы выражают своё отношение к ценностям доминирующей культуры или ценностям другой группы; в большинстве случаев это отрицательное отношение – пренебрежительное, презрительное, насмешливое.

На основе выявленного лексикографами и зафиксированного в словарях материала мы попробовали проанализировать сленгизмы с компонентом-фитонимом, то есть единицы языка, которые в своём составе имеют флористический компонент. Элемент, входящий в состав таких сленгизмов, обозначает то или иное растение в целом (цветущее растение, ягода, фрукт), его составную часть (листовая пластина, стебель, корень), вид (дерево, кустарник, трава) и т.д. Источниками материала служат различные словари сленга британского и американского английского языков. Значительное количество сленгизмов английского языка с компонентом-фитонимом

появилось в результате влияния растительной символики и соответственно традиционного ее употребления в английской культуре.

Данное семантическое поле включает около 150 единиц современного английского языка, которые были извлечены методом сплошной выборки из различных словарей английского языка. Проанализировав различные сферы человеческой деятельности, мы пришли к выводу, что наиболее часто сленг применяется для обозначения

- 1) ментальных особенностей и неординарности: *banana, bananas, banana truck, fruitcake, nut, nut-case, nut out/up nuts, nuttlness, nutty, pea brain, pea-brain(ed), snowdrop*;
- 2) наркотиков: *grass, hay, herb, leaf, peanut butter* (последнее выражение применяется для обозначения героина, в то время как предыдущие четыре – для легкой формы наркотиков, то есть «травы», чаще всего марихуаны);
- 3) женских и мужских половых органов: *almond, almond rock, apples, cantaloupes, lemons, melons, nuts, pears, zucchini*;
- 4) гомосексуалистов и женоподобных мужчин: *daisy, fruit, fruit-fly, lily, pansy*;
- 5) различного рода получения сексуального удовольствия: *artichoke, strawberry* (для обозначения девушек легкого поведения, предлагающих свои услуги в обмен на наркотики), *daisy chain, fruity, get one's oats, myrtle*;
- 6) денег: *beans, cabbage*.

Естественно, чаще всего сленгизмы появляются в разговорной речи для обозначения понятий, обычно табуированных. То есть, например, сленгизмы для обозначения половых органов и наркотиков являются эвфемизмами (нейтральные по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слова или описательные выражения, обычно используемые в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными, слов и выражений).

Флористический компонент в составе подобных выражений, как мы видим, не является редкостью. Связано это, прежде всего, с внешним сходством, а также с тем, что растения являются неотъемлемой частью повседневной жизни, поэтому невольно выступают в качестве источника определённых ассоциаций.

Что касается структурной классификации сленгизмов с флористическим компонентом, то тут мы находим абсолютно все части речи. Особенно распространёнными являются следующие языковые единицы:

- 1) имена существительные: *Adonis, apple-polisher, grapes, mushroom, plum*;
- 2) имена прилагательные: *grassroots, apples, cool beans, peachy*;
- 3) глаголы: *nutmeg, grass (someone up), nut*;
- 4) глагольные словосочетания: *amount to a hill of beans, drive smb nuts, feel one's oats, grasp at straws*;
- 5) сочетания с существительным: *bean counter, apples and oranges, apples and pears, bed of roses, couch potato*;
- 6) акронимы: *BANANA – Real Estate: Build Absolutely Nothing Anywhere Near Anything, NUTS – Nuclear Utilization Targeting Strategy*;
- 7) междометные восклицания: *Climb a tree!, nuts!*

Большая часть сленга не связана с определённой профессиональной группой, чаще сленг развивается из неизвестных или мало известных источников, из легальных и нелегальных увлечений, из множества региональных, этнических и социоэкономических вокабуляров. Независимо от происхождения, у сленга всегда есть потенциальная возможность войти в общенациональный речевой стандарт благодаря устной распространённости слова или его популяризации посредством СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова, Л.М. Американский английский: хороший английский или вульгарный сленг? [Текст] : монография / Л.М.Борисова. – Коломна, 2001. – 252 с.
2. Матюшенков, В.С. Dictionary of Slang in North America, Great Britain and Australia [Text]. – М. : Флинта-Наука, 354 с.
3. American Slang: словарь новейшего американского сленга [Text] / под ред. П. Шестикрылова. – М. : АСТ Астрель Транзиткнига, 2006. – 288 с.
4. Ayto, J. The Oxford Dictionary of Slang [Text] / John Ayto. – Oxford University Press, 1999. – 474 p.
5. Spears, R.A. NTC's Dictionary of American Slang & Colloquial Expressions [Text] / R.A. Spears. – Illinois, 1989. – 555 p.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭВОКАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В КИНОТЕКСТЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.О. Левенко

Алтайский государственный университет

The article is devoted to the interrelation between fiction text and film text, where their pragmatic and communicative traits are thought to be the means of the organization of the evocation interaction.

Оформившееся некоторое время назад в отечественной лингвистике лингвоэвокационное направление исследования текста и текстовой деятельности (подробнее см.: [Новые возможности ... , 2007]) позволяет по-новому взглянуть на проблему экранизации литературного произведения, выдвинув на первый план момент преобразования первичного текста (художественного) в продукт – вторичные тексты различного типа (киносценарный текст, кинотекст) – в целях раскрыть механизмы совершённых преобразований.

Усматривая возможность использования текста художественного произведения в качестве основы будущего кинофильма, мы в рамках эвокационной программы исследования ставим своей задачей показать, что художественный текст наделен высоким эвокационным потенциалом – способностью воспроизведения в тождественном или преобразованном виде (О.В. Мамеева, Т.Н. Никонова) во вторичных текстах (в киносценарном тексте и кинотексте). Вторичный текст создаётся в определённых коммуникативных условиях, где «автор, субъект текстообразования, создавая текст определённого класса, выступает в прагматически обусловленной роли

или ролях – таких, которых требует этот вид текста» [Человеческий фактор в языке, 1992, с. 81], поэтому в данной статье мы хотели бы остановиться на преобразованиях, обусловленных изменением родо-жанровой принадлежности текста в процессе его эвоцирования, и отметить значимость данного фактора.

В рамках нашего исследования базовой является методика эвокационного сопоставления, предполагающая поэтапное движение исследования от объекта эвокации к продукту эвокации через эвокационные средства на основе принципов и факторов эвокации [Чувакин, 1995]. В качестве объекта эвокации выдвигается художественный текст, продуктом эвокации является кинотекст. Продукт эвокации – «целостность, включающая в себя частичные продукты, которые могут классифицироваться по своей функции (целевому назначению) и по типу конструируемых в них объектов» [Везнер, 2008, с. 7]. В качестве частичного продукта эвокации мы рассматриваем киносценарный текст как преобразованный для аудиовизуального воплощения художественный текст (И.Ю. Качесова, И.А. Мартянова). Единицей исследования является фрагмент речевой партии персонажа художественного текста в ее преобразованиях при «транспозиции» (Л.А. Гзоян), т.е. «переносе» в другие виды текстов. Речевая партия персонажа рассматривается в работе с позиций лингвосемиотики (Ю.М. Лотман, У. Эко и др.), что позволяет сопоставить варианты ее воспроизведения в неоднородных знаковых субстанциях.

Тексты, будучи объединёнными процессом экранизации, вступают в эвокационные отношения, создавая «коммуникативное пространство» (Б.М. Гаспаров), что придаёт им (текстам) при всех различиях «взаимно узнаваемые черты» [Гаспаров, 1996, с. 295]. Методика эвокационного сопоставления позволяет нам установить эвокационные средства и способы конструирования речевой партии персонажа в тексте киносценария и лингвосемиотической структуре кинотекста, обнаружить соответствия в конструктах разного типа, выявить преобразования, которым она подвергается, и определить эстетическую функцию на уровне текста.

Рассмотрим пример (материалом является текст повести В. Кунина «Сволочи» (Т1), текст литературного киносценария В. Кунина и А. Атанесяна «Сволочи» (Т2), текст кинофильма А. Атанесяна «Сволочи» (Т3)):

Т1: – *Хочешь искупить вину? — жёстко спросил толстомордый.*

– *Перед кем? — Костя презрительно цыкнул на пол сквозь зубы.*

– *Перед людьми, — сказал толстомордый.*

– *Перед обществом, — подхватил молодой.*

Т2: *Толстомордый. Свою вину перед Родиной искупить хочешь?*

Кот мотает головой на портрет Сталина, висящий на стене.

Кот. Чё, я перед ним должен вину искупать? Да?

Т3: *Толстомордый: Свою вину перед искупить хочешь?//*

Кот: Чё я перед ним (показывает головой на портрет Сталина, который висит на стене) вину должен искупать? / Да? (описание фрагмента кинотекста выполнено мной – А.Л.).

Во всех трёх текстах конструируется один и тот же эпизод допроса главного героя Кота и анализируется фрагмент его речевой партии (выделено жирным шрифтом).

Соответствие продукта эвокации объекту обеспечивается принципом адекватности [Чувакин, 1995]. При сопоставлении способами идентификации фрагментов являются: а) единство коммуникативной ситуации: допрос Кота б) номинация персонажа (*Кот*), фрагмент речевой партии которого мы рассматриваем; в) форма и функция данного фрагмента – реплика-реакция, заключённая в форму риторического вопроса, в экспрессивной функции (выразить презрение); г) эстетическая функция фрагмента на уровне текста – продемонстрировать позицию персонажа.

Преобразование объекта эвокации в продукт эвокации в процессе реализации его (объекта) эвокационного потенциала обусловлено принципом активности [Чувакин, 1995]. Так, отметим некоторые модификации, которые были зафиксированы в речевой партии персонажа при введении ее в киносценарный текст, а затем в кинотекст.

На первом эвокационном шаге реплика персонажа предваряется авторским высказыванием, которое в рамках киносценарного жанра может быть квалифицировано как авторская ремарка – необходимое, с точки зрения киносценариста, пояснительное замечание, которое указывает в данном случае на жестовое (невербальное) поведение, сопровождающее речь (*Кот мотает головой на портрет Сталина, висящий на стене*). Анализ показал, что введение ремарочного компонента трансформирует языковую форму высказывания персонажа, следующего далее (употребление местоимённого компонента *перед ним* напрямую соотносится с личностью Сталина, на портрет которого указывает Кот), корректирует его смысл и эстетическую функцию: противопоставление персонажа обществу трансформируется в конфликт персонажа и власти, что в целом вписывается в общую концепцию образа героя – авторитетного бандита и бунтаря – и не нарушает ее .

Транспозиция фрагмента речевой партии персонажа в кинотекст представляет собой «межсемиотический перевод» (Р. Якобсон). Кинотекст как сложное лингвесемиотическое образование, включает лингвистическую и нелингвистическую семиотические системы, связанные в неразрывное единство (М.А. Ефремова, Г.Г. Слышкин). Поликодовая структура кинотекста позволяет за счёт соединения неоднородных знаковых систем воспринимать информацию не линейно, а в единовременной «конфигурации» (Г.М. Маклюэн). Так, в нашем примере невербальное (кивок головы на портрет) и вербальное (реплика) действия персонажа воспроизводятся в кинотексте синхронно. В тот момент, когда Кот произносит *перед ним*, он одновременно кивком головы указывает на портрет Сталина, висящий на стене в кабинете. При этом необходимость произнесения фамилия вождя отсутствует, поскольку изображение Сталина узнаваемо, и портрет выступает как вспомогательный знак иконического типа, включаемый в речевую партию персонажа и несущий определённую информативную нагрузку. Сохраняется установка на актуализацию антиправительственной

позиции персонажа. Презрение к представителям власти выражено не только на уровне организации высказывания, но и в манере его произнесения. Таким образом, в речевую партию персонажа при ее воспроизведении в кинотексте активно включается невербальный код: действие, сопровождающее речь (кивок головы), иконический знак (портрет Сталина), просодика речи (манера произнесения).

Выявленные нами коммуникативные трансформации фрагмента речевой партии персонажа художественного текста при ее воспроизведении в кинотексте не только увеличивают экспрессивную нагрузку высказывания, но и несколько модифицируют позицию персонажа, что сказывается на целостном восприятии образа, его эстетической нагрузке и значимости в текстовом целом.

Анализ продемонстрировал «готовность» (Ю.Н. Караулов) художественного текста к воспроизведению в кинотексте как вторичной сфере его бытования, что обеспечивает им возможность вступить в эвокационные отношения и сформировать коммуникативное пространство, в которое «тем или иным образом, с тем или иным эффектом» [Гаспаров, 1996, с. 297] помещается «переживаемое в данный момент смысловое действие» [Там же]. Прагматическая направленность текстов различного типа (художественный текст, киносценарный текст, кинотекст) обуславливает характер конструирования исследуемой единицы (речевой партии персонажа), выбор определённых средств (как вербальных, так и невербальных), а также ее эстетическую функцию на уровне текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Везнер, С.И. Речевой жанр «брачное» объявление: эвокационное моделирование [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. И. Везнер. – Барнаул, 2008. – 16 с.
2. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б.М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
3. Новые возможности лингвоэвокационных исследований [Текст] / Т.Н. Василенко, Ю.В. Ожмегова, Е.А. Савочкина [и др.] // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2007. – № 3 – С. 83-95.
4. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис [Текст]. – М. : Наука, 1992. – 281 с.
5. Чувакин, А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте. Основы эвокационного исследования [Текст] : монография / А.А. Чувакин. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1995.

О ТЕКСТОВЫХ СИТУАЦИЯХ ИНТРОДУКЦИИ АНТРОПОНИМОВ

К.В. Лопатина

Воронежский государственный университет

The article deals with the peculiarities of the introduction of the anthroponyms in the most important novel of a laureate of the Nobel Prize, an outstanding Spanish writer, Camilo Jose Cela. The special attention is giving to the writer's stylistical aims.

Антропонимия художественного текста играет важную роль в понимании историко-философского и социально-культурного содержания как отдельного произведения, так и всего творческого наследия писателя. Выявление особенностей авторского имянаречения, системный анализ антропонимикона художественного произведения способствуют пониманию скрытых смыслов произведения. При этом исключительно важным является рассмотрение личных имен в совокупности с контекстом, поскольку именно в контексте и в связи с контекстом реализуется семантический, фонетический и морфологический потенциал антропонимов. В этом аспекте интересным и важным нам представляется влияние текстовых ситуаций интродукции личного имени – т.е. различных способов введения антропонима в контекст произведения.

Анализ текстовых ситуаций интродукции в выбранном нами романе «Улей» К.Х. Селы показал, что писатель использует следующие способы введения антропонима в контекст:

1) Одновременное введение антропонима и характеристика персонажа.

Это наиболее часто встречающаяся в романе ситуация, что, с одной стороны, подчеркивает стремление автора к коммуникативной ясности, а с другой, отражает характерную особенность идеи романа. Села хотел создать ощущение «человеческого улья» – он вводил множество персонажей, но, полностью представив и охарактеризовав одного из них, он оставлял его и принимался за следующего. Большинство персонажей так и не появились во второй раз.

Внутри этой группы можно выделить две разновидности:

1) Ситуация, когда наряду с антропонимом появляется авторская характеристика внешности, характера, образа жизни персонажа:

«A don Jaime Arce, que tiene un gran aire a pesar de todo, no hacen más que protestarle letras... Don Jaime Arce es, lo más seguro, un hombre honrado y de mala suerte, de mala pata en eso del dinero. Muy trabajador no es, úsa es la verdad...» [Cela 1997, 82].

«На дона Хайме Арце градом сыплются опротестованные векселя, но он, несмотря ни на что, держится гордо. ... Дон Хайме Арце, судя по всему, человек честный, но неудачник, невезучий в денежных делах. Очень трудолюбивым его, правда, не назовешь...» [Села 1970, 120].

«... se llama doña Isabel Montes, viuda de Sanz. Es una secora aъn de cierto buen ver, que lleva una capita algo randa. Tiene aire de ser de buena familia ...» [Cela 1997, 83-84].

«... зовут Исабель, донья Исабель Монтес, вдова Санса. Она еще не дурна собой, ходит в поношенном плаще. По виду – из хорошей семьи ...» [Села 1970, 121].

2) Ситуация, когда введение антропонима происходит одновременно с характеристикой персонажа через его собственные поступки или реплики (без вмешательства автора):

«Un impresor enriquecido que se llama Vega, don Mario de la Vega, se fuma un puro descomunal, un puro que parece de anuncio. El de la mesa de al lado le trata de resultar simpótico.

- ¡Buen puro se está usted fumando, amigo!...

- ¡Quiere usted fumarse uno?... Pues trabaje usted como trabajo yo.

El impresor soltu una carcajada violenta, descomunal» [Cela 1997, 92-93].

«Разбогатевший издатель по фамилии Вега, дон Марио де ла Вега, покуривает огромную, будто для рекламы сделанную сигару. Человек за соседним столиком пробует подольститься.

- Отличная у вас сигара!...

- Вы хотели бы закурить такую же?... Так потрудитесь так, как тружусь я.

Издатель раздражается бурным, оглушительным хохотом» [Села 1970, 127].

2) Антропонимическая антиципация.

В романе несколько раз возникает ситуация, когда в эпизоде вводится антропоним, а характеристика персонажа представлена как бы с опозданием, в последующих эпизодах. Антропонимическая антиципация усиливает напряжённость хода действия и возбуждает читательский интерес.

Так, например, в одном из эпизодов (I,12) донья Роса в разговоре с «пожилой проституткой» сеньоритой Эльвирой упоминает некоего дона Пабло:

«Doca Rosa se le acerca, le habla casi al oído.

- ¡Por qui no se arregla con don Pablo?

- Porque no quiero. Una también tiene su orgullo, doca Rosa» [Cela 1997, 92].

« Донья Роса наклоняется и говорит ей почти на ухо.

- Почему вы не поладите с доном Пабло?

- Потому что не хочу. У меня тоже есть своя гордость, донья Роса» [Села 1970, 126].

В этом эпизоде персонаж не появляется, но из одного упоминания его имени в определённом контексте, перед читателем начинает складываться картина отношений дона Пабло и Эльвириты, их разрыва, и в следующем эпизоде, когда появляется сам персонаж, читатель уже настроен определённым образом на его восприятие.

3) Антропонимическая ретардация.

Ситуация, когда вводится и характеризуется безымянный персонаж, некоторое время сохраняется интрига, а в одном из последующих эпизодов автор называет его по имени. Эта ситуация затянутого ожидания, активизирующая читательский интерес, очень продуктивна в плане создания необходимого автору эффекта.

Например, имя *Eloy Rubio Antofagasta* само по себе является вычурным, нелепым и обращает на себя внимание, но Селе мало этого. В первом эпизоде появления персонажа, он показан объектом унижительной насмешки богатого издателя дона Марио де ла Веги, и назван просто: «*el de la mesa de al lado*» (I,

13), «человек за соседним столиком» [Села 1970, 127]; в следующем эпизоде уточнение: «*el cobista de la mesa de al lado*» (I, 35), «угодливый человечек за соседним столиком» [Села 1970, 147]; затем «*el bachiller*» (II, 35), «бакалавр» [Села 1970, 185]. И только в третьем эпизоде (II, 40) появляется антропоним *Eloy Rubio Antofagasta*, и автор намеренно несколько раз повторяет это имя.

4) Упоминание имени без введения персонажа.

Эта ситуация очень частотна в романе и по всей видимости связана со стремлением автора создать атмосферу и ощущение «человеческого улья»: появляются столики в кафе – бывшие надгробия (*la secorita Esperanza Redondo, Sr.D. Ramiro Lypez Puente*), имена неизвестных лиц в местной газете (*Rosario Quesada, Ramyn Hermida, Марна Лунса del Valle, Guadalupe Gutiürrez, Marina Lypez Ortega*), огромное количество детей, близких и дальних родственников различных персонажей, которые так и не появляются в сюжете (*Paquito, Ramyn, Mariana, Rosita* и многие другие).

Итак, по нашим наблюдениям, в романе преобладает одновременная интродукция антропонима и персонажа, что в целом согласуется с основной тенденцией романа – стремлением писателя создать ощущение «человеческого улья». Тем не менее, основную стилистическую нагрузку несут на себе именно случаи антропонимической антиципации и ретардации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cela C.J. La Colmena. Ediciyn Eduardo Alonso [Text] / C.J. Cela. – Madrid : Espasa Calpe, S.A., 1997. – 447 p.
2. Села К.Х. Семья Паскуаля Дуарте. Улей [Текст]. / Перевод Е. Лысенко. – К.Х. Села. – М. : Прогресс, 1970. – 428 p.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОЖНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

А.Ю. Любавина

Челябинский государственный университет

The speech act theory takes the central place in linguistic pragmatics. The campaign texts, which are to encourage the electorate to vote for or against a candidate, become the most interesting object here. The study found that in the campaign texts used by candidates running the president elections in France in 2007 the complex speech acts appear.

В настоящее время в рамках лингвистики развивается новое направление, изучающее язык политической коммуникации и демонстрирующее конкретные области применения прагмалингвистического анализа текста.

Предметом прагмалингвистических исследований агитационно-политических текстов является речевое воздействие. Мы понимаем речевое воздействие как влияние, оказываемое политиком на сознание и поведение электората, осуществляемое на основе вербальных знаковых систем. После восприятия текста агитационного характера избиратель должен не только усвоить собственно фактуальную информацию, но и принять ту систему оценок данной информации, которую ему сообщает или в ряде случаев

«навязывает» политический деятель. Таким образом, мы можем утверждать, что воздействие на человека посредством агитационных текстов во время предвыборных кампаний в России и Франции представляет собой комплексное влияние на его эмоциональную и рациональную сферу, на сферу знания и поведения. Установление необходимого прагматического отношения реципиента к агитационному сообщению политика в значительной степени зависит от выбора последним иллокутивных типов высказываний. В качестве материалов для русских и французских агитационно-политических текстов выступают такие иллокутивные акты, как репрезентатив, директив, квестив, комиссив и экспрессив.

Иллокутивная, или прагматическая, самостоятельность речевых актов относительна. Эти речевые акты связаны между собой настолько тесно, что их возможно оформить в виде целостной, хотя и сложной синтаксической конструкции. Именно наличие прагматических отношений между отдельными элементарными речевыми актами послужило основанием для введения в лингвистическую прагматику понятия «сложного речевого акта» [Баранов, Крейдлин, 1991]. Поэтому нам и представляется интересным вычленивать простые речевые акты, обладающие общей иллокутивной целью в составе сложного.

Многие лингвисты признают, что убеждающая функция является основной функцией агитационного текста. Как справедливо отмечает П.Б. Паршин, «всякий текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [Паршин, 1986, с. 403]. «Убеждение состоит из элементов как доказательства, так и внушения. Это значит, что оратор предьявляет как рациональные аргументы, так и эмоциональные, обращается к разуму, но влияет и на чувства аудитории, апеллирует как к истине, так и к мнению слушателей, показывает все возможности, выгоды и преимущества своего варианта решения проблемы, добивается, чтобы аудитория поверила сказанному. Доказательство – это совокупность логических приёмов обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных и связанных с ним суждений. Тем самым, задача доказательства – уничтожение сомнений в правильности выдвинутого тезиса. Внушение – это навязывание готового мнения адресату путём воздействия на подсознание. Тем самым, задача внушения – создать у адресата ощущение добровольности восприятия чужого мнения, его актуальности, привлекательности» [Анисимова, 2000, с. 18].

Анализ агитационно-политических текстов показал, что выбор средств речевого воздействия детерминируется в определённой степени логической структурой, которую выбирает адресант. Логическая структура «убеждающих» текстов в основном предопределена тем, что убеждение, в сущности, является особым информационным процессом, состоящим в передаче соответствующих сведений. Стержнем текстов такого

содержания является, главным образом, информация о фактах или их интерпретация, являющаяся, следовательно, информацией о других фактах, прямо или косвенно связанных с данным известием. Поэтому в анализируемых текстах директивные высказывания, смысл которых сводится к фразам: «*Делай так*» или «*Не делай так*», «*Поступай так*» или «*Не поступай так*» следуют за дескриптивным текстом, то есть текстом описательного характера, который представляется репрезентативными высказываниями и аргументами, содержащими языковые оценочные единицы. Эта структура может быть выражена формулой сложного иллокутивного акта:

Репрезентатив+экспрессив+экспрессив = убеждение

Пример: «La fraternité c'est la volonté de vivre ensemble (репрезентатив). Je veux remettre la fraternité au coeur de la politique (экспрессив). Je rêve que ce mot devienne réalité (экспрессив)» (Николя Саркози, речь в Порнике от 10.11.2006) «*Братство – это желание жить вместе (репрезентатив). Я хочу сделать братство центральным понятием политики (экспрессив). Я мечтаю, чтобы это слово стало реальностью (экспрессив)»* Здесь и далее перевод наш – А.Л.).

Такие логические действия, как объяснение, доказательство, подкрепление гипотезы, выведение следствия выражаются в агитационном политическом предвыборном тексте следующими сложными иллокутивными актами:

Репрезентатив+квестив+репрезентатив=тезис+антитезис+вывод

Пример: «Le logement est au coeur de notre politique (репрезентатив). Qui peut dire que ce n'est pas une question essentielle dans la France d'aujourd'hui? (квестив) Le logement, ce n'est pas seulement des murs, voilà pourquoi cela reste une question si sensible (репрезентатив)» (Николя Саркози, речь в Порнике от 10.11.2006) «*Жильё является центральным вопросом нашей политики (репрезентатив). Кто может сказать, что это не основной вопрос в современной Франции? (квестив) Жильё – это не только стены, вот почему это остается таким насущным вопросом (репрезентатив)»*.

Репрезентатив+экспрессив+директив=аргументация

Пример: «Toute personne sans abri doit être hébergé (репрезентатив). Je suis convaincu que nous ne pouvons plus tolérer que quelconque soit contraint de dormir dehors (экспрессив). La France doit mieux faire dus que possible (директив)» (Николя Саркози, речь на съезде партии СНД от 12.01.2007) «*Всякий человек без крова должен найти приют (репрезентатив). Я убежден, что мы больше не можем выносить тот факт, что кто-то вынужден спать на улице (экспрессив). Франция должна улучшить существующие положение дел, насколько это возможно (директив)»*.

Таким образом, агитационно-политический текст-убеждение сопровождается, как правило, просьбой, предложением, советом и другими иллокутивными актами, которые могут быть выражены как эксплицитным,

так и имплицитным способом. Соответственно, в структуре этих текстов, содержащих информацию убеждающего характера, доминируют репрезентативы, за которыми обычно следует эксплицитное или имплицитное директивное высказывание. Оно же может выступать и в качестве иницирующей реплики. Тексты такого плана могут быть осложнены и сатисфактивными высказываниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А.Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога [Текст] / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – № 2. – 1992. – С. 84–99.
2. Анисимова, Т.В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. / Т.В. Анисимова. – Краснодар, 2000. – 46 с .
3. Паршин, П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции [Текст] / П.Б. Паршин // Системные исследования – 1986. – М. : Наука, 1987. – С. 398–425.

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРИЗНАКА, НОМИНИРУЮЩИХ ОБЛИК ЧЕЛОВЕКА

К.А. Маташ

Челябинский государственный педагогический университет

The article deals with the complexity of the semantic sign nomination, determining the image of the subject represented by the phraseological unites of sign in the works of B. Akunin.

В области языковых исследований одним из актуальных направлений является семантическое направление, номинирующее через языковые знаки образ человека, его внешний облик. В роли названных лингвистических компетенций активно выступают в идиостиле **фразеологизмы признака** как **различительные характеризующие** единицы, выражающие семантику неподобия лица.

Фразеологизмы признака индивидуальной авторской картотеки, репрезентирующие номинации облика лица, используемые постмодернистом Б. Акуниным, имеют свою специфическую содержательную структуру и логично распределяются на три объединения по семантической оценке облика субъекта: **отрицательные, положительные и отрицательно-положительные** фразеологические единицы (далее ФЕ). Данные объединения конкретизируются и детализируются анализом подгрупп, микрогрупп, входящих в каждое из них. Собранные ФЕ указанной семантики репрезентируют облик субъекта по различным критериям, например, фразеологизмы признака, номинирующие облик субъекта, являющийся следствием какого-либо **состояния** (эмоционального, физического, эмоционально-физического и физического и эмоционального) – (лица) *мрачнее (-ей) тучи (тучи мрачнее (-ей))* и др. Названные состояния «чистой» семантики, без реализации других характеристик, встречаются редко. В процессе анализа собранного материала были выявлены объединения,

представляющие признаковые «косвенные названия» [Алефиренко, 2002], номирующие облик субъекта и связанные **со свойствами характера** человека: *с багровым (-ыми) носом (-ами) (с носом (-ами) багровым (-ыми) (модель – с (каким-либо) носом); с желчным (-ыми) лицом (-ами) (с лицом (-ами) желчным (-ыми) (модели с каким-либо лицом (-ами); с хитрыми морщинками (с морщинками хитрыми) (модели – с (какими-либо) морщинками, с морщинками (какими-либо)*; объединения, опирающиеся на фразеологизмы признака, характеризующие облик лица **по одежде**: *прилично одетый; в мундире (модели – (в каком-либо) мундире)*; объединения фразеологических знаков, характеризующих облик по какому-либо **внешнему атрибуту, предмету** и др.: *в очках (модели – в (каких-либо) очках); в голубой муаровой ленте (модели – в (какой-либо) ленте)* и др.

Анализ авторской картотеки дал основание обозначить **три** группы номинаций фразеологического признака, в которых представляются фразеологические признаковые единицы, определяющие **характеристику предмета, атрибута одежды** субъекта. Это опосредованное описание репрезентирует **положительный, отрицательный и положительно-отрицательный** облик, связанный и с каким-либо состоянием, и со свойством характера субъекта, а также и другими характеристиками лица. Представление детали одежды субъекта способствует по дискурсу обнаружению имплицированных, то есть скрытых, но выявляемых смыслов, репрезентирующих облик лица, ибо, перефразируя латинское изречение – *Talis hominibus fuit oratio, quails vita* («каков человек, таковы его речи»), приведённое Ю.Н. Карауловым в его исследовании «Русский язык и языковая личность» [Караулов, 2002, с. 27], в данном случае утверждаем: «какова одежда человека, умение ее носить, таков, чаще всего, и его облик». Фразеологизмом признака, представляющим собой оцениваемую номинацию части одежды человека, оказался фразеологизм *с подложенными плечами (с плечами подложенными)*. Семантика анализируемой единицы связана с другими единицами лексико-фразеологического уровня текста, также репрезентирующими одежду человека, и обусловлена всем смысловым наполнением дискурсивного сегмента. Описание деталей одежды, их экспрессивная характеристика, ведёт в анализе к возможности выявления смыслов, представляющих через одежду субъекта его внешний вид, облик. Проиллюстрируем положение анализа текстовым примером: *...дверь кабинета вдруг распахнулась и на пороге возник сутулый человек в мешковатом костюме из давно позабытого синтетического материала (кажется, он назывался «кримплен»), с подложенными плечами и широкими острыми лацканами – просто ходячий привет из семидесятых* (Внеклассное чтение, т.1, с. 17). Интерпретация содержания фразеологизма признака *с подложенными плечами (с плечами подложенными)* связана с лексемами и словосочетаниями – *сутулый, мешковатый, давно позабытый материал – «кримплен»; фразеологизмами – с острыми лацканами; ходячий привет из семидесятых*. Таким образом, квалифицируем семантику названного фразеологизма признака так: «одетый в устаревший по фасону

костюм, немодный, + следовательно, по дискурсу, характеризующийся непрезентабельным обликом, который вызывает усмешку (**облик**) + пренебрегающий своим видом, то есть выступающий символом несовременного человека» и классифицируем представленную единицу признака как номинацию подгруппы «**Отрицательные** номинации детали, атрибута одежды субъекта, указывающей на **отрицательную** характеристику его облика как следствия какой-либо черты характера (врождённой или приобретённой)».

Фразеологизм признака *в голубой муаровой ленте* (модели – *в (какой-либо) ленте*): структура единицы включает факультативный компонент-атрибут церемониального костюма вельможи, в данном случае. Указанная номинация соотносится со словосочетанием *небывалый красавец*, содержание которого «начинает» положительную характеристику лица. Семантика названного фразеологизма признака представляет собой амальгаму следующих смыслов: «ослепительный по цветовой характеристике, а потому характеризующий лицо как человека, которому свойствен яркий, броский облик, привлекающий к себе внимание окружающих, что говорит о таких чертах – дерзкий, любящий поражать своей красотой (свойство характера и эмоциональный тип характера)». Анализируемый фразеологизм признака находится в ряду других лексем и фразеологизмов, также называющих какие-либо атрибуты костюма и привносящие в содержание фразеологизма *в голубой муаровой ленте* элемент смысла социальной характеристики высокого ранга и высокую степень коннотации. Прокомментируем выявленную интерпретацию текстовыми представлениями: *Зато четвертый игрок, небывалый красавец в голубой муаровой ленте, с бриллиантовым кренделем на плече, на туфлях – замечательные пряжки из сверкающих камешков (надо думать, не цветные стеклышки, как у Митридата, а самые настоящие рубины-изумруды) – небрежно шлепнул государынину карту своей* (Внеклассное чтение, т. 1, с. 40). На основании вышесказанного в рабочем порядке выделяем подгруппу «**Положительные** номинации какого-либо предмета, атрибута одежды субъекта, указывающего на **положительную** характеристику его облика как следствия состояния человека или как символа какой-либо черты характера (врождённой или приобретённой) с элементом смысла социального статуса».

Анализ собранного материала позволил выделить среди единиц, называющих облик человека через описания какого-либо предмета, элемента или атрибута его одежды, фразеологизмы, номинирующие **положительно-отрицательную** характеристику облика. Все «косвенно-производные знаки» [Алефиренко, 2002], функционируя в тексте, реализуют своё значение, а также приращение смысла только в контексте. Таким образом, одна и та же фразеологическая единица может иметь разное смысловое наполнение и коннотацию. Б. Акунин – талантливый прозаик XXI века, в языковой личности которого «проявляются как универсально-типологические черты, так и индивидуальные, отражающие авторскую модель мира» [Тютрина, 2008, с. 77]. Безусловно, индивидуально-авторское восприятие мира

опирается на такие фразеологические признаковые знаки, которые включают в свой семантический объём оценки облика субъекта как со стороны автора, так и со стороны персонажей и читателей – их оценочная характеристика во многом, разумеется, зависит от позиции писателя. Сказанное аргументирует количественную представленность объединения фразеологизмов признака, номинирующих **положительно-отрицательную** оценочную семантику облика лица. К таким единицам относится фразеологизм признака *с бриллиантовой (-ами) звездой (-ами)* (модели – *с (какой-либо) звездой (-ами)*). Содержание указанного фразеологизма, учитывая дискурсивный фрагмент текста, валентностную сочетаемость, интерпретируем через следующие слова и обороты-квалификаторы: «обладающий **видом** человека обеспеченного, богатого, состоятельного, независимого в финансовом плане + стремящийся привлечь к себе внимание, и тем самым раздражающий окружающих (**облик**) (**положительно** для лица, но **отрицательно** для окружающих, которые конкурируют с ним, «завоеывая» расположение кого-либо), **отрицательно-положительно** для автора и читателя, что свидетельствует о черте характера субъекта: «намеренно нарушающий общепризнанные нормы, правила (свойство характера)». Конкретное текстовое окружение – фразеологизм признака *важного вида* (модели – *(какого-либо) вида*) в сочетании с усилительной частицей *даже*; конструкция *хоть на миг затмит остальных* – аргументируют процессы «наращения» смыслов: «характеризующийся поведением, несвойственным для человека почтенного возраста (*старик*), занимающего определённое положение в обществе (социальный статус) + темпорально-возрастная характеристика». На основании последней, выявленной в процессе анализа, семантики смысловое наполнение фразеоединицы признака «углубляется», проявляя явную тенденцию к многослойности, амальгаме. Сравните, *Гости между собой почти не разговаривали, обращая преимущественно к хозяйке, и все, даже важного вида старик с бриллиантовой звездой, наперебой добивались одного – привлечь на себя ее внимание и хоть на миг затмит остальных* (Азазель, с. 58).

Анализ фразеологических единиц **признака** в художественном пространстве произведений Б. Акунина показал: активным классным объединением, номинирующим облик субъекта, то есть связанным с современной антропоцентрической парадигмой, оказывается объединение **фразеологизмов**, семантический объём которых представляет смысловой сплав. Фразеологические признаковые единицы определяют **характеристику предмета**, а через это опосредованное описание репрезентируют облик субъекта, связанный и с его каким-либо состоянием, и со свойством характера субъекта, а также и другими характеристиками лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин, Б. Азазель [Текст] / Б. Акунин. – М. : Захаров, 2006. – 302 с.
2. Акунин, Б. Внеклассное чтение: роман в 2 т. Т. 1. [Текст] / Б. Акунин. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 382 с.

3. Акунин, Б. Внеклассное чтение: роман в 2 т. Т. 2. [Текст] / Б. Акунин. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 379 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 394 с.
5. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
6. Помыкалова, Т.Е. Семантика фразеологического признака в русском языке [Текст]: монография. / Т. Е. Помыкалова. – Челябинск : ЧГАКИ, 2003. – 318 с.
7. Тютрина, В.С. Специфические черты языковой личности писателя в поэзии и прозе Семена Липкина [Текст] / В.С. Тютрина // Фразеология и когнитивистика: мат-лы 1-й Междунар. науч. конф. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. – С. 77-80.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

Е.В. Милосердова

Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина

Pragmatic variability of the language forms in the light of the modern cultural context. The article considers the relation between the variation in the society and the variation in the functioning of the language forms. The article shows the influence of the social-cultural context on a person's communication.

С середины XX-го века в лингвистике очевидным стало преобладание когнитивных исследований, авторы которых стремились к изучению соотношений между ментальной деятельностью человека и языковой вербализацией ситуаций и объектов окружающей нас действительности, тех соотношений, которые во многом фактически и определяют эту деятельность. Параллельно с когнитивным в лингвистике развивалось другое направление, воспринимавшееся как продолжение традиционных коммуникативных исследований, в которых главный акцент делался на изучение и анализ функционирования языковых структур в реальном общении.

Сегодня можно с радостью наблюдать сближение указанных выше направлений, чему способствовало признание очевидного факта – неразрывности связи ментального и функционального в деятельности человека. В наиболее яркой форме реализацию этого сближения наблюдаем в работах, выполненных в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, которая, по словам Е.С. Кубряковой, призвана «исследовать языковые структуры в контексте тех задач, которые решаются человеком по мере осуществления им речевых актов, разных по своим установкам и целям, по условиям их осуществления и т.д.» [Кубрякова, 2004, с. 519-520]. Всё большее число лингвистов обращают внимание на то, что «сознание и язык

не отображают внешний мир, а интерпретируют его, исходя из наших текущих потребностей» [Фрумкина, 1995, с. 64].

При всём различии задач, стоящих перед каждым из указанных направлений, общим для исследователей является стремление раскрыть тот основной феномен коммуникации, каким выступает смысл высказывания, изменчивость и диффузность которого во многом определяется экстралингвистическими факторами, тем самым коммуникативным контекстом, который включает время, место, обстановку общения, личности говорящего и собеседника, их интенции, настроение и взаимоотношение и т.п.

Прагматика, нацеленная на изучение специфики использования конкретным говорящим языковых средств для передачи конкретного строго индивидуального смысла, всё чаще признается приоритетным направлением в современных лингвистических исследованиях. Всё чаще мы встречаем высказывания ведущих исследователей языка, которые признают, что прагматический уровень языковой системы онтогенетически является базовым для семантического и синтаксического уровней (см. работы И.П. Сусова, А.В. Кравченко и др.). Для нас приоритет прагматического компонента определяется тем очевидным фактом, что именно на прагматическом уровне мы имеем дело с высказыванием не просто как с актуализированной единицей языковой системы, а как с частью коммуникативного поведения человека в конкретном речевом контексте.

Говоря о наметившейся тенденции к сближению когнитивной семантики и прагматики, О.К. Ирисханова пишет о том, что это «позволяет увидеть факторы, определяющие даже самые тонкие и наименее очевидные модификации когнитивных структур в режиме реального общения ... и, следовательно, сместить акцент с устойчивости и конвенциональности наших знаний на относительную текучесть и изменчивость даже самых стабильных ментальных структур» [Ирисханова, 2009, с. 685].

Вместе с тем можно утверждать, что указанное выше понимание коммуникативного контекста является производным от социокультурного контекста как той фундаментальной основы, которая является результатом длительного исторического развития конкретного общества и которая находит отражение как в особенностях проявления национального характера, менталитета народа, так и в особенностях использования языковых форм общения. Именно социокультурный контекст определяет стратификационные отношения в конкретном обществе и определяет поведение каждого члена социума.

Одной из ярких особенностей современного культурного контекста можно считать всё ужесточающиеся требования в отношении политкорректности. Западное общество, которое на первых порах с пониманием и даже восторженно относилось к феминистскому движению с его борьбой против дискриминации по половому признаку, сегодня с тревогой наблюдает за тем, как ширятся ряды тех, кто считает себя ущемлёнными в правах из-за избыточного веса (weightist), из-за отклонений

от нормального, т.е. среднего, роста (*heightist*), из-за преклонного возраста (*agest*). Возникают группы, считающие, что общество некорректно ведет себя по отношению к лицам с физическими и умственными недостатками (*ableist*) и т.д. По последним данным, некоторые учителя в американских школах уже возражают против того, чтобы дети употребляли слова «мама и папа», заменяя их на форму «родители», так как привычные всем обозначения якобы «оскорбляет» тех, у кого родители однополые.

Лингвистические последствия этого в каждом языке (а это значит – в каждом социуме) проявляются по-разному. Так, в немецком языке феминизм выразился, в первую очередь, в требованиях обязательного указания на пол лица в объявлениях о приёме на работу, в обращениях к аудитории, где присутствуют представители обоих полов, даже в совершенно нелепом требовании использовать, наряду с местоимением *man*, искусственно изобретённое *frau*, ср. *man/frau* ... Агрессивность сторонников феминизма была столь высока, что мало кто осмеливался возражать им, боясь быть обвинённым в откровенном сексизме.

Особенно осмотровыми приходилось быть работникам печатных органов, которые вынуждены были публиковать громоздкие объявления типа *Wir suchen bis zum 14.03.2010 eine/einen wissenschaftliche Mitarbeiterin/wissenschaftlichen Mitarbeiter*; *Die Bundeszentrale für politische Bildung sucht zum 1.September eine/n wissenschaftliche/n Redakteur/in* in Bonn (приводимые в статье примеры взяты из газеты “Die Welt” за апрель-май 2009 года). Как видим, в ряде случаев возникали курьезные сочетания (см. курсивом выделенную форму в последнем примере).

Интересно отметить, что сегодня газеты и журналы пытаются, с одной стороны, уйти от этих громоздких обозначений, занимающих так много места на дорогих (в прямом смысле) газетных полосах, но, с другой стороны, избежать всё же нападков феминисток с их обвинениями в неpolitкорректности. В результате наряду с объявлениями, подобными приведённым выше, всё чаще используются другие формы, ср. *Für die Leitung der Schule suchen wir die führungs- und facherfahrene Lehrkraft als neue Schulleitung (m/w)*; *Zum 1.10.2009 wird eine Persönlichkeit gesucht, die dieses Fach in Forschung und Lehre vertritt*; *Die Hochschule Aalen sucht Akademische Mitarbeiter (m/w)*; *In der Klinik für Anästhesie suchen wir einen Diplom-Psychologen (m/w)*. Иногда, как в последнем примере, при всем старании редакции не удаётся до конца соблюсти требования политкорректности (ср. *einen Diplom-Psychologen*).

Наиболее часто стали употребляться формы типа *An der Pädagogischen Hochschule Heidelberg ist zum nächstmöglichen Zeitpunkt eine W3-Professur zu besetzen*; *In der Fakultät Allgemeinwissenschaften ist zum 1.09.2009 eine Professur zu besetzen*. В результате мы можем констатировать некоторое изменение значения слова *Professur*, которое, согласно словарю Варига, трактуется как *Professur – Lehrstuhl, Lehramt eines Universitätsprofessors* (*Wahrig, 1981, S. 222922*).

Социальные изменения, потрясшие русское общество за последние два десятилетия, являются гораздо более существенными, так как коснулись его глубинных основ. Они не могли пройти бесследно для языка и коснулись, в первую очередь, той сферы, которая оказалась наиболее чувствительной к произошедшим переменам, в частности систему обращений. Сегодня уже редко можно услышать традиционное для советских времен обращение «товарищ», хотя адекватной ему формы, которая была бы признана всеми слоями общества, пока не найдено. Отсюда такой разброс языковых форм в этой области – от раздражающих многих «Женщина! Вы выходите?», «Мужчина! Пройдите вперед!» до часто неуместных (например, в переполненном общественном транспорте) обращений «Господа! Платите за проезд!». Нет сомнений в том, что со временем и в этой сфере мы обретем ту стабильность, которая будет соответствовать потребностям самого социума либо к чёткой дифференциации обозначений, либо к обезличенным языковым формам. Но в любом случае характер этих изменений будет зависеть напрямую от ситуации в самом социуме.

Приведённые отдельные факты свидетельствуют, по нашему мнению, о том огромном влиянии, какое оказывают на прагматическую сферу языка изменения, происходящие в социальной сфере, что еще раз подтверждает мысль о неразрывной связи языка и мышления, с одной стороны, и языка и реальной действительности, с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ирисханова, О.К. Речевые акты уклонения: на стыке когнитологии и прагматики [Текст] / О.К. Ирисханова // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сборник научных статей в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 856 с.
2. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке [Текст]: монография / Е.С.Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. Фрумкина, Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? [Текст] / Р.М.Фрумкина // Язык и наука конца XX-го века: сборник научных статей – М., 1995. – С. 74-117.

ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ РАЗНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ УСТАНОВКИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

С.В. Минина

Филиал Орловской региональной академии государственной службы
The word-order in German sentences from the point of view of the speech act theory is considered in the article. The examples of a deviation from the traditional word-order in some speech acts according to their pragmatic aspect are analyzed.

В немецкой грамматической традиции высказывания по их целеустановке делятся на повествовательные, вопросительные и побудительные. Данные типы высказываний имеют характерные формальные признаки, важным из которых является порядок слов. В немецкоязычной грамматической литературе принято систематизировать

порядок слов в зависимости от места личного глагола. В связи с этим различают три типа порядка слов: в главных предложениях, в высказываниях, утверждениях и в вопросительных предложениях с вопросительным словом личная форма глагола занимает второе место (Kernstellung); в вопросительных предложениях без вопросительного слова и в повелительных предложениях глагол в личной форме стоит на первом месте (Stirnstellung); в придаточных, а также в восклицательных предложениях он может находиться и на последнем месте (Spannstellung: *Wie schön der Blick ist!*). Все остальные невербальные члены предложения размещаются в зависимости от важности того, о чем они сообщают, а также от валентности глагола [Jung, 1996, с. 97-100, 141].

Меньше внимания уделяется случаям непрямого употребления одного коммуникативного типа высказывания в качестве другого, хотя речевая практика показывает, что подобная ситуация отмечается нередко, и в разговорной речи мы довольно часто сталкиваемся с ситуациями, которые выходят за рамки традиционного подхода деления высказываний согласно их целеустановки. В этой связи заслуживает внимания такой современный подход лингвистики, как прагматика, в частности теория речевых актов, которая занимается подробным анализом содержания высказываний и особенно противоречивым соотношением содержания высказывания с его формой.

Главной составляющей деления высказываний в теории речевых актов является иллокутивная сила, т.е. целенаправленность высказывания, без которой речевой акт не может быть осуществлен, т.к. он всегда происходит в определённой ситуации общения и предполагает определённые отношения между его участниками. Согласно Дж. Личу. сила – это не смысл, а значение, определяемое семантически и прагматически, сила включает смысл и выводится прагматически [Leech, 1983, с. 15].

В соответствии с иллокутивной целью принято различать по меньшей мере пять типов речевых актов, которые сформулировал один из основоположников теории речевых актов Дж. Сёрль. В своей классификации он исходил из трёх главных факторов:

1. Различия в цели данного (типа) акта (например, для сообщения – отразить положение дел в мире, для приказа – побудить адресата к действию, для обещания – принять на себя обязательство, для поздравления – выразить определённую эмоцию говорящего).

2. Различия в направлении приспособления между словами и миром (например, в случае сообщения высказывание приводится в соответствие с действительностью, в случае приказа, напротив, действительность должна быть приведена в соответствие с высказыванием).

3. Различия в выраженных психологических состояниях, т.е. внутреннее состояние говорящего (например, при утверждении – наличие у него соответствующего мнения, при обещании – намерения, при просьбе – желания, при благодарении – чувства благодарности).

Итак, всё множество иллокутивных актов было разделено Дж. Сёрлем на следующие классы:

- Репрезентативные речевые акты, целью которых является простое сообщение о факте внешней действительности. Например: *Es schneit; Der Lektor kommt.*

- Директивные речевые акты содержат побуждения, включая также и вопросы как побуждения адресата к совершению информативного речевого акта. Например: *Kommen Sie näher!; Weg!* также: *Wie spät ist es?;* и т. п.

- Комиссивные речевые акты содержат принятие адресантом некоторых обязательств. Например: *Ich verspreche, morgen zu kommen; Ich werde es unbedingt tun.*

- Экспрессивные речевые акты служат выражению эмоций, включая формулы речевого этикета. Например: *Alle Achtung!; Verzeihen Sie mir bitte die Störung!; Ach, wie schade!; Würden Sie nicht so gut sein...?* и т.д.

- Декларативные речевые акты связаны с установлением, провозглашением чего-то, вынесением приговора, назначением на должность и пр. Суть декларативов в назывании некоторого изменения состояния, ими же и вызываемого. Например: *Sie sind entlassen ab 2.; Ich ernenne Sie zum Obersten!; Ich spreche Sie frei; Ich erkläre ihn für schuldig* и т.п.

В дальнейшем классификация Дж. Сёрля уточнялась и детализировалась. Ему самому принадлежит теория так называемых косвенных речевых актов, в которых реализация некоторого небуквального речевого акта обусловлена одновременным осуществлением буквального речевого акта (говорящий действительно хочет сказать непосредственно то, что говорит, и одновременно имея в виду другую иллокуцию с другим пропозициональным содержанием [Сёрль, 1986, с.195]), то есть значение предложения входит в высказывание, но не исчерпывает его.

Рассмотрим некоторые примеры из романа «Бастиан» Барбары Ноак.

1. „*Grüß dich, Susi. Was machst du denn hier?*“

„*Siehst du doch. Ich bekomme ein Baby*“ (S.31).

Встреча Сьюзи с ее знакомым происходит в больнице. Порядок слов в ответе Сьюзи соответствует порядку слов в вопросительном предложении без вопросительного слова (Stirnstellung), хотя ее высказывание является не вопросом, а утверждением: *Ты же видишь*, т.е. это репрезентатив: его интенция – отразить положение дел. Причём она не отвечает на вопрос прямо, т.к. ее состояние – беременность – является однозначным ответом на вопрос собеседника. К тому же здесь звучит еще и упрёк, что подчеркивается частицей *doch* (*Это нельзя не видеть*), значит, высказывание Сьюзи содержит еще экспрессивную иллокутивную силу, выражающую психологическое состояние говорящего.

2. „*Du hast damals nicht angerufen.*“

„*Habe ich nicht? Muss mir wohl was dazwischengekommen sein*“ (S. 32).

В данной ситуации мы снова встречаем в высказывании порядок слов, свойственный вопросительному предложению (Stirnstellung), но по

иллокутивной силе оно является скорее репрезентативом, выражающим предположение, причём высшую его степень, на что указывает модальный глагол *muss*. Интересно отметить, что говорящая пытается еще больше усилить это предположение, используя дополнительно модальное слово *wohl*, которое в этом случае, как и модальный глагол употребляется для выражения высшей степени предположения, т.е. можно говорить о тавтологии: *Вероятно, весьма вероятно мне что-то тогда помешало*. Исходя из принципа кооперации Х.П. Грайса, ее можно заподозрить в неискренности, т.к. по меньшей мере, нарушена максима Количества. Сьюзи пытается оправдать себя за то, что не позвонила Бастиану: свой ответ она начинает с вопроса (*Разве я это не сделала?*), который усиливает намерение Сьюзи оправдаться. Лексическое наполнение высказывания вступает в противоречие с его прагматическим содержанием. Высшая степень предположения, когда говорящий имеет достаточно оснований думать, что то, что он говорит, соответствует действительности, приобретает значение неуверенности, и порядок слов подтверждает это. Отсутствие *es*, как вводящего элемента, который смещает личную форму глагола на типичное для неё второе место, вносит в высказывание экспрессивный компонент.

3. *In diesem Augenblick uffneten sich seine Tьren. Zwei Drzte kamen heraus – eine davon war die Freude.*

Bastian strahlte. „Habr ich ein Schwein!“ (S.33).

Высказывание Бастиана является восклицанием, для которого типичен порядок слов с личной формой глагола на последнем месте (*Spannstellung*), здесь же он стоит на первом месте (*Stirnstellung*). Данный речевой акт относится к экспрессивам: его целью является – выразить психологическое состояние радости говорящего. И все-таки начальная позиция глагола вносит в высказывание дополнительное экспрессивное значение: Бастиан очень взволнован встречей с *той самой* Фройте. Определённый артикль *die* перед именем собственным указывает на то, что он думал ней, а то, что Бастиан *просиял* (*strahlte*) при ее появлении, свидетельствует о симпатии молодого человека по отношению к доктору. Бастиан не верит, что *ему улыбнулось счастье*. Интересно, что данное психологическое состояние совпадает с происхождением фразеологизма. Согласно Д.Г. Мальцевой фразеологизм *jmd. hat Schwein* восходит к временам рыцарских турниров, состязаний стрелков, на которых в качестве утешительного приза для самого плохого стрелка был поросенок [Мальцева, 2002, с. 44].

4. *Großmutter richtete sich erschüttert auf. „Der Bastian? Der Bastian ist Vater geworden? Das gibts doch nicht!“*

Высказывание имеет порядок слов утвердительного предложения (*Kernstellung*), но в конце предложения стоит вопросительный знак. Иллокутивная сила данного высказывания в выражении психологического состояния бабушки, которая потрясена сообщением, что ее Бастиан (*der Bastian*) стал отцом: она произносит слова с вопросительной интонацией скорее для себя самой, пытаясь осмыслить их содержание, т.е. соотнести референт *der Bastian* со значением *Vater werden*.

Порядок слов в немецком предложении, в котором место личного глагола грамматически закреплено, может отклоняться от установленных правил, внося в высказывание дополнительное прагматическое значение или изменяя его интенцию, в этом случае оно является косвенным речевым актом. Часто такие высказывания приобретают дополнительное значение экспрессивного иллокутивного акта. Анализ порядка слов и его связь с другими компонентами высказывания раскрывает такие аспекты прагматического значения, как подчинение правилам разговора; референцию говорящего, т.е. соотнесение языковых выражений с объектами действительности; оценку говорящим общего фонда знаний, информированности, интересов, взглядов, психологического состояния, способности понимания адресата (прагматические пресуппозиции); оценку содержания высказывания (его истинность или ложность, ирония, многозначность, несерьезность и пр.); воздействие высказывания на адресата и типы его речевого реагирования (прямые и косвенные высказывания).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцева, Д.Н. Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием. Die deutschen Redensarten und Sprichwörter im Spiegel der Geschichte und Kultur: Около 1300 фразеологических единиц [Текст] / Д.Н. Мальцева. – М. : «Азбуковник», «Русские словари», 2002. – 350 с.
2. Ноак, Б. Бастиан [Текст]: роман / Барбара Ноак. – М. : Ин. язык, 2001. – 352 с. – На нем. яз.
3. Сёрль, Дж.Р. Косвенные речевые акты [Текст] / Джон Р. Сёрль; перевод с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.17: Теория речевых актов. Сборник; сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Кобозевой; общ. ред. Б.Ю. Городецкого.– М. : Прогресс, 1986. – С. 195-222.
4. Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache [Text] / Walter Jung. – СПб. : Лань, 1996. – 544 с.
5. Leech, G. Principles of Pragmatics [Text] / Geoffrey Leech. – London and New York : Longman, 1983. – 250 p.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

И.Ю. Моисеева

Оренбургский государственный педагогический университет

*The article is dedicated to the study of the establishment of semantic relations that correspond to logical types of **equivalence (interpretation), inclusion and intersection (concretization and opposition).***

Раскрытие контекстуальных значений в процессе понимания часто подчинено определённым логико-семантическим закономерностям. Логическая основа процесса ясна уже из того, что тождественность значения слов или высказывания зависит от тождественности передаваемого ими понятия.

Как известно, в логике всё многообразие отношений между понятиями

сводится к пяти основным типам: равнозначности, внеположенности (исключения), контрадикторности, подчинения (включения), пересечения.

Данным типам логических отношений соответствуют определённые смысловые отношения в языке. Между языковыми знаками как в плане выражения, так и в плане содержания возможны следующие четыре отношения: совпадение, вложение, пересечение или наличие общей части и отсутствие общей части.

Приёмы логического мышления, с помощью которых раскрывается значение слова в контексте, не совпадающее с данными словаря, принято называть лексическими трансформациями. В семантическом отношении сущность трансформаций заключается в замене одной лексической единицы словом или словосочетанием иной внутренней формы, актуализирующим ту слагаемую слова (сему), которая подлежит реализации в данном контексте.

Как показал в своей работе на материале французского языка В.Г. Гак, все лексические трансформации основываются на формально-логических отношениях между понятиями [Гак, 1998, с. 78]. Автор выделяет логико-семантическую основу трансформаций «...поскольку обозначаемый предмет остается прежним, изменение наименования объясняется взаимосвязью понятий, которые в сознании говорящего могут соотноситься с одним и тем же отрезком действительности».

Таким образом, в основе семантических трансформаций, так же как и (в семасиологическом плане) в основе изменений значения, таких как, например, расширение, сужение, лежат формально-логические закономерности мышления, отношения между понятиями».

Цель статьи – установить типы семантических отношений, соответствующие логическим типам равнозначности (интерпретация), включения и пересечения (конкретизации и противопоставления).

Материалом исследования послужили художественные произведения французских писателей 20 века.

Существующие семантические отношения представлены в нашем исследовании в виде следующей таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Частота встречаемости типов семантических повторов в контекстах

Типы отношений	Частотность контекстов (%)
Противопоставление	10 %
Интерпретация	30 %
Конкретизация	60 %

Как видно из таблицы, меньше всего представлено отношение противопоставления, а чаще всего в анализируемых контекстах представлено отношение конкретизации. Это позволяет предположить, что наиболее эффективным средством экспликации авторских интенций является отношение конкретизации.

Рассмотрим отношение **противопоставления**.

Функция противопоставления – это регулярное употребление лексических единиц в антонимических контекстах с целью взаимного отрицания всех возможных значений синтагматически смежных антонимов. В семантической редупликации с противопоставлением есть общий семантический инвариант, за которым ассоциативно закреплены определённые противоположные (но не противоречащие друг другу) значения единиц.

Как отмечает Н.А. Шехтман, противопоставленность организована так, что компоненты повтора, взаимно отрицая друг друга, повторяют инвариантный смысл [Шехтман, 1977, с. 20].

Семантический инвариант, объединяющий антонимы, есть не что иное как внутренний компонент значения слова – его семантический множитель.

В структурном плане противопоставление в смысловых повторах выступают в виде **семантической эквивалентности**:

«*Que serais-je, par exemple, si je résignais au règle ou souhaitaient volontiers me tenir beaucoup de catholiques préoccupés surtout de conservation sociale, c'est-à-dire en somme, de leur propre conservation*» [Bernanos, 1981, с. 58].

В данном примере прилагательные *propre* и *social* находятся в отношении противопоставления.

propre – qui appartient exclusivement a qqn;

social(e) – qui concerne la société.

Автор употребляет словосочетание *conservation sociale* совместно со своим антонимом *propre conservation*, выражая два противоположных признака одного понятия: *conservation – sociale / propre*

«*Je lui raconte tout, comme si je me parlais a moi-même. Tout, c'est-à-dire rien. Car il ne se passe rien dans ma vie, quand il n'est pas la*» [Troyat, 1963, с. 131].

tout – entièrement [Petit Larousse, 1966, с. 1054].

rien – aucun [Petit Larousse, 1966, с. 918].

Противопоставляя наречия *tout/rien* в одном контексте, автор обращает внимание читателя на два противоположных признака одного понятия, в данном примере – *raconter tout/rien*, что очень важно для правильного понимания авторской интенции.

Рассмотрим отношение **интерпретации**. Интерпретация – это толкование значения лексической единицы ее семантическим эквивалентом, употреблённом в том же контексте. Этим интерпретация отличается от тавтологии (предикативного удвоения имен).

Цель интерпретации – разъяснить понятие при помощи сигнификативно тождественного выражения, достигнуть адекватного, хотя всегда лишь относительно полного понимания того смыслового ядра, которое составляет первооснову художественного текста.

Интерпретация представлена в нашем материале следующими структурными типами:

1. Синтагматической эквивалентностью.

«... *Il répondait aux plus pressantes, qui venaient généralement d'inconnus, et gardait pour un meilleur temps celles qui demandaient **une réponse** a loisir, c'est-à-dire **les lettres** d'amis*» [Camus, 1968, с. 123].

Данный пример представляет собой пример синтагматической эквивалентности, так как синтаксические объёмы сравниваемых единиц одинаковы: первое выражение *une réponse* синтаксически равно второму выражению – *une lettre*.

Словарь «Petit Robert 1» приводит 4 значения существительного *réponse* (f), и 14 значений существительного *lettre* (f) [Petit Robert 1, 1990, с. 1086, 1674]. Оба существительных имеют общее значение, в котором они и пересекаются: *lettre* (f) – écrit, que l'on adresse a qqn pour lui communiquer qqch; *réponse* (f) – ce qu'on écrit pour répondre.

Следовательно, для толкования первого выражения автор использует существительное более употребительного порядка.

«...*aimer pour soi, c'est-à-dire de **s'attacher** aux autres pour ce qu'ils nous apportent.*» [Maurois, 1964, с. 194].

Глагольные формы – *aimer pour soi* и *s'attacher a qn*. представляют собой равные синтаксические объёмы. Словарь «Petit Robert 1» приводит 7 значений глагола *aimer pour soi* и 13 значений глагола *attacher* [Petit Robert 1, 1990, с. 42, 124]. Оба глагола пересекаются в значении *s'intéresser a qn*. Таким образом, для экспликации своей интенции автор употребляет глагол более употребительного порядка.

2. Синтагматическое развертывание.

«...*Comme disait Stendahl, nous «**crystallisons**» sur elle, c'est-à-dire que nous la **parons** de nos rêveris, comme les cristaux de sel, dans les mines de Salzburg...*» [Maurois, 1964, с. 19].

Данный пример иллюстрирует второй структурный тип – синтагматическое развертывание, так как единице большего синтаксического объёма предшествует единица меньшего синтаксического объёма: *crystalliser* – se préciser, en parlant de sentiments, d'idées [Petit Robert 1, 1990, с. 445].

Взаимосвязь структурных типов отношения интерпретации можно представить в виде схемы (см. рисунок 1).

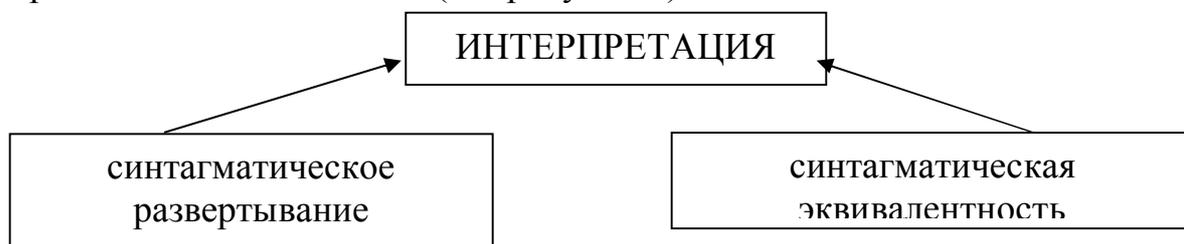

Рис. 1. Взаимосвязь структурных типов отношения интерпретации

Как показывает анализ фактического материала, способ толкования лексических единиц представляет собой подбор слов и словосочетаний более употребительного порядка. Чем больше у анализируемого слова значений, тем оно употребительнее, и наоборот. Использование автором более употребительных лексических единиц в качестве интерпретаторов опирается на тезаурус читателя.

Исследование концептуальной интерпретации показал, что полного вербального совпадения с их словарными определениями не наблюдается, хотя общность в семантическом плане несомненно имеется.

Таким образом, интерпретация толкует при помощи других лексических единиц значение другой лексической единицы, т.е. наблюдается их семантическая идентификация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
2. Шехтман, Н.А. Системность лексики и семантика слова [Текст] / Н.А. Шехтман: Учебное пособие к спецкурсу / Науч.ред. М.А. Кулинич. – Куйбышев: Изд-во Куйбышевск. гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева, 1988. – 84 с.
3. Bernanos, G. Journal d'un curé de campagne. Nouvelle histoire de Mouchette [Text] / G. Bernanos. – Paris: Presse de la cite, 1981. – 352 p.
4. Camus, A. L'exil et le royaume [Text] / A. Camus. – Paris : Gallimard, 1968. – 215 p.
5. Maurois, A. Lettres a l'inconnue [Text] / A. Maurois. – Paris : Librairie Payard, 1964. – 206 p.
6. Petit Larousse [Text] / Larousse. – Paris, Librairie Larousse, 1966. – 1795 p.
7. Petit Robert 1. Dictionnaire de la langue française alphabétique et analogique [Text] / Paul Robert. – Paris: Larousse, 1990. – 2171 p.
8. Troyat, H. Une extrême amitié [Text] / H. Troyat. – Paris: La table ronde, 1963. – 250 p.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ТЕМАТИКУ

А.Р. Мубориева

Астраханский государственный университет

The article is devoted to the analysis of phraseological units used in scientific and popularization texts. This phenomenon study lets the author find out the main characteristics of phraseologisms in popularization discourse.

Идиоматика занимает в языке одну из преобладающих позиций в силу своего семантического богатства, образности, колорита, яркости и лаконичности. Кроме того, она придаёт речи плавность, оригинальность, и изящество.

Традиционно в лингвистике под фразеологическими единицами понимаются **раздельнооформленные единицы языка с полностью или частично переосмысленными (переносными) значениями** [Кунин, 1998, с. 7]. Вследствие этого они являются гораздо более сложными образованиями, чем простые слова и свободные словосочетания. Как всякий знак, фразеологическая единица характеризуется со стороны трех аспектов: формы, содержания и функционирования (употребления). В аспекте формы (структурном плане) фразеологическая единица характеризуется многокомпонентностью, в аспекте содержания – переосмыслением

компонентов (идиоматичностью), в функциональном аспекте – устойчивостью и общеупотребительностью.

Проведённый сравнительный анализ научно-популярных и научных текстов показал, что в этих двух жанрах фразеологизмы широко представлены (47 % в научно-популярных текстах и, соответственно, 53 % в научных текстах) и играют немаловажную роль. Тем не менее, как показал анализ, характерной особенностью текстов научно-популярного жанра является использование фразеологизмов, несущих эмоционально-образную нагрузку, отличающихся высокой степенью экспрессивности и свойственных устной разговорной речи. Фразеологизмы-идиомы, используемые в научно-популярном тексте, сохраняют коннотативное значение, то есть значение, связанное с эмоционально-экспрессивным и оценочным отражением предметов и явлений внешнего мира. Таким образом, коннотативное значение имеет неразрывную связь с образной основой фразеологизмов, что, в свою очередь, отражается на смысловой стороне фразеологизмов, делая ее более богатой и насыщенной по содержанию. Употребление фразеологизмов, имеющих яркое экспрессивное значение, безусловно, связано с прагматикой текстов научно-популярного жанра (направленность на широкую массовую аудиторию) и способствует успешной популяризации научной информации.

В процессе анализа практического материала были выявлены следующие наиболее употребительные в научно-популярном тексте фразеологические единицы: ***aller bon train*** (*Depuis plusieurs semaines, les spéculations vont bon train dans les milieux de la Défense*) [Le Figaro économie, mars 2007], ***avoir beau jeu*** (*De plus, l'OMC a beau jeu d'instaurer des règles sur les tarifs douaniers*) [Alternatives Economiques, n° 246], ***avoir l'effet d'une douche froide*** (*La faillite de la chaîne de distribution Sogo a eu l'effet d'une douche froide sur beaucoup de chefs d'entreprise à la santé chancelante*) [Le Monde, janvier 2007], ***battre son plein*** (*Son amendement au projet de loi de financement de la Sécurité sociale – contre l'avis du gouvernement – est passé comme une lettre à la poste, en toute discrétion, alors que la grève des transports battait son plein*) [Le Nouvel Economiste, novembre 2008], ***bouger d'un iota*** (*Tant que les autres pays n'auront pas révélé leurs intentions dans les autres secteurs, comme les crédits à l'exportation et les soutiens internes, l'Europe n'entend pas bouger d'un iota*) [Le Figaro économie, mai 2005], ***conserver sang-froid*** (*L'Etat actionnaire a décidé de conserver plus que jamais son sang-froid malgré les turbulences*) [Le Figaro économie, mai 2007], ***donner des sueurs froides*** (*Le dernière opération de Jean-Marie Messier a donné des sueurs froides aux marches*) [Le Figaro économie, septembre 2006], ***entrer dans la danse*** (*Euronext, qui regroupe les Bourses de Paris, d'Amsterdam et de Bruxelles, pourrait entrer dans la danse*) [Le Monde, avril 2007], ***faire bon ménage*** (*Par définition, la protection et la puissance ne font pas bon ménage avec le marché*) [Alternatives Economiques, n° 258], ***faire la pluie et le beau temps*** (*Ce sont les statistiques macro-économiques qui font la pluie et le beau temps, sur fond de perte de confiance de part et d'autre de l'Atlantique et de crise monétaire en Amérique latine*) [Le Figaro économie, mai 2005], ***garder les deux fers au feu*** (*A*

ce jour, les stratèges de l'Élysée gardent les deux fers au feu [Le Monde, mai 2006]), *manquer de panache* (*Le dernier pari de PeopleSoft, le numéro trois mondial des logiciels d'entreprises, ne manque pas de panache*) [Le Monde, janvier 2007], *mettre le feu aux poudres* (*C'est le textile qui a mis le feu aux poudres*) [Alternatives Economiques, n° 237], *répondre du tac au tac* (*Demandez à Christine Lagarde, ministre de l'économie, si les réunions à Bercy avec Jacques Attali sur le suivi de son rapport sont "statutaires", elle vous répondra du tac au tac: "non, c'est salutaire"*) [Le Nouvel Economiste, novembre 2008], *tirer épingle du jeu* (*Seul le Var, "avec 3% d'augmentation", et le Vaucluse "en légère hausse", ont tiré leur épingle du jeu*) [Le Nouvel Economiste, novembre 2008].

Что касается особенностей лексического состава фразеологических единиц, то, как показал анализ, в научно-популярных текстах на экономическую тематику нередко используются фразеологизмы, в состав которых входят прилагательные, передающие цветовые обозначения:

donner le feu vert – 1. дать, открыть «зелёную улицу», дать разрешение, открыть путь; 2. предоставить, дать свободу действий.

enfoncer (s') dans le rouge; être dans le rouge, plonger dans le rouge, tomber dans le rouge – быть в затруднительном или опасном положении, попасть в затруднительное положение.

Также продуктивным в экономических текстах научно-популярного жанра является способ образования фразеологизмов, стержнем которых являются наименования различных частей тела:

- *bras: baisser les bras* (1. признать себя побеждённым, сдаться; 2. опустить руки), *être le bras droit* (быть правой рукой), *prendre à bras le corps* (схватить в объятия, обхватить руками);

- *dent: grincer les dents* (1. скрежетать зубами; 2. стучать зубами (от страха));

- *jambe: être sur deux jambes* (твёрдо стоять на ногах);

- *main: mettre la main sur* (1. найти; 2. завладеть, взять, присвоить себе; 3. поймать, схватить; 4. подчинить), *prendre destin en main* (взять судьбу в руки);

- *oreille: faire la sourde oreille* (прикидываться глухим, и ухом не вести);

- *piéd: prendre pied* (1. высадиться на берег; 2. обосноваться, укрепиться; 3. приобрести прочное положение), *remettre sur pied* (поставить на ноги, вылечить), *sur le pied de guerre* (на военном положении, в боевой готовности).

Кроме того, в текстах научно-популярного жанра чрезвычайно употребительны такие фразеологические сочетания, как *ballon d'essai* (пробный шар), *ballon d'oxygène* (помощь; стимулирующее, тонизирующее средство), *bras de fer* (1. твёрдый, непреклонный человек; 2. состязание, борьба), *cheval de bataille* (1. боевой, ратный конь; 2. главный козырь; 3. любимая тема, конёк), *coup de pouce* (1. подмога, помощь; 2. обман, искажение, подтасовка), *éléphant blanc* (заморское чудо, невидаль), *lanterne rouge* (последний на конкурсе, соревновании), *nerf de la guerre* («нерв войны», деньги), *paradis fiscal* («налоговый рай»; страна, местность,

предоставляющие налоговые льготы иностранцам; налоговое убежище), *peau de chagrin* (шагреновая кожа, нечто постоянно уменьшающееся, имеющее тенденцию к исчезновению), *point mort* (1. мёртвая точка; 2. точка нулевой прибыли; застой, штиль), *question de vie ou de mort* (вопрос жизни и смерти), *ras-le-bol* (1. отвращение; 2. крайняя усталость, измотанность), *rideau de fer* (железный занавес), *trésor de guerre* (деньги, собранные для запланированной операции).

Особый колорит научно-популярному тексту на экономическую тематику придают фразеологические выражения, представленные пословицами и поговорками: *gouttes d'eau dans l'océan* (капля в море), *jeter d'huile sur le feu* (подливать масла в огонь), *jeu en vaut la chandelle* (игра стоит свеч), *prendre le taureau par les cornes* (взять быка за рога), *sortir de terre comme des champignons* (появляться как грибы из-под земли).

Структурный анализ фразеологизмов в научном тексте выявил, что в большинстве случаев все они строятся по определённым немногочисленным моделям. Так, наиболее частотными в научном тексте являются фразеологические единицы, построенные по моделям:

Глагол **mettre**+**en**+**существительное** (*mettre en avant, mettre en comparaison, mettre en débat, mettre en doute, mettre en evidence, mettre en exergue, mettre en garde, mettre en lumière, mettre en oeuvre, mettre en place, mettre qn en relation, mettre en relief, mettre en valeur*).

Также нами были выделены следующие фразеологизмы, включающие в состав глагол **mettre** и производный от него глагол **remettre** (*mettre au jour, mettre au point, mettre l'accent sur, mettre au point, remettre en cause, remettre en question*).

Кроме данной словообразовательной модели, в научном экономическом тексте употребительными являются модели, включающие глаголы **faire** и **prendre** (*faire barrage, faire date, faire irruption, faire l'objet de, faire le point sur, faire référence à, prendre acte de, prendre conscience de, prendre en consideration, prendre la decision, prendre le contre-pied de, prendre place*).

Таким образом, проанализировав особенности использования фразеологизмов в научно-популярном тексте на экономическую тематику, можно сделать вывод, что именно когнитивный аспект является определяющим в процессе образования новых значений. Популяризатор научной информации, имеющий целью эффективно популяризировать экономические знания способом применения различных приёмов изменения значений (в частности, фразеология), задействует основной спектр когнитивных механизмов (в частности, мышление) человека в процессе усвоения и дальнейшей переработки знания. С целью облегчения и повышения степени эффективности усвоения информации в процессе популяризации используются фразеологизмы, несущие эмоционально-образную нагрузку, отличающиеся высокой степенью экспрессивности и свойственные устной разговорной речи. Проведённый анализ показал, что в научно-популярном тексте фразеологизмы-идиомы сохраняют коннотативное значение, имеющее неразрывную связь с их образной

основой, тогда как авторы научных статей используют фразеологические единицы, не апеллирующие к чувствам и эмоциям читателя, а обладающие в большинстве случаев денотативным значением, лишённые экспрессивности и строящиеся, как правило, по определённым немногочисленным структурным моделям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь [Текст] / А. В. Кунин. – М. : Живой язык, 1998. – 944 с.

СЕМАНТИКА ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ОСЛОЖНЁННЫХ УСТУПИТЕЛЬНЫМ ОБОРОТОМ С ПРЕДЛОГОМ «ВОПРЕКИ»

Г.А. Мусатова

Рязанский военный автомобильный институт

The article deals with one of the basic ways of expressing the semantics of concession – a simple sentence complicated with a "contrary to-phrase". Special attention is given to the description of the concessive situations in the considered constructions.

Одним из основных способов выражения уступительной семантики является простое предложение, осложнённое распространителем, представляющим собой сочетание имени существительного с предлогом «вопреки». Например: *...казак мой, **вопреки** приказанию, спал крепким сном, держа ружьё обеими руками (М.Ю. Лермонтов, Герой нашего времени).*

Производный предлог «**вопреки**» принадлежит к книжному стилю речи и относится к числу тех предлогов, о которых В.В. Виноградов писал, что они «сохраняют всю яркость своего лексического значения и даже нередко образуют в сочетании с существительными обособленную синтагму, которая обнаруживает известную самостоятельность и только примыкает к другим членам предложения» [Виноградов, 1986, с. 532].

Предлог «**вопреки**» относится к группе предлогов со значением уступки и сочетается с существительными, местоимениями в дательном падеже: *Стоянка наша в бухте Камранг, **вопреки** ожиданиям многих, затянулась (А.С. Новиков-Прибой); **Вопреки** зиме, над морем простирался неправдоподобно яркий, лазурный штиль (Ю.К. Олеша).*

В русском литературном языке XIX века наряду с конструкцией «вопреки+ Д.п.» употребляется оборот «вопреки кого, чего»: *...он, **вопреки опасений** княжны Марьи, не велел насильно увезти ее ... (Л.Н. Толстой, Война и мир); ...что если возьмёт он себе в голову сделать счастье ваше **вопреки** вас самих? (А.С. Пушкин, Дубровский).*

Для современного русского языка такое употребление является устаревшим, нелитературным.

Предложения, включающие оборот с предлогом «**вопреки**», в большинстве случаев имеют, как правило, два субъекта. Опорным словом уступительного оборота является существительное пропозитивного значения, выполняющее предикатную функцию. Например: ***Вопреки** мнению Чижа, Бакланов начинал нравиться Мечуку (А.А. Фадеев, Разгром); Увидав меня,*

она вскочила, мигом скинула с меня оснеженную шапку, лисью поддѣвку, – всё как в исступлении, **вопреки** всем моим прежним мыслям о ее гордой неприступности, – бросилась ко мне, обняла (И.А. Бунин, Дубки).

Обороты с предлогом **«вопреки»**, субъект которых не назван и становится известен из основной части предложения, значительно меньше: *Не смея употреблять ни картечи, ни ядер, они решились, **вопреки** своему обыкновению, действовать холодным оружием* (А.С. Пушкин).

Предложения, осложнённые оборотом с предлогом **«вопреки»**, могут отражать уступительную ситуацию «совмещения, сосуществования двух явлений, которые обычно не соответствуют друг другу» [Германович, 1986, с. 118]. Например: *Но, **вопреки** этому виду бабочки, только что уцепившейся за травку и готовой вот-вот, вспорхнув, развернуть радужные крылья, страшное отчаяние щемило ей сердце* (Л.Н. Толстой, Анна Каренина).

Большинство предложений, оформляемых предлогом **«вопреки»** и выражающих уступительную ситуацию данного типа, характеризуется тем, что отношения уступительного оборота и основной части формируются при помощи семы «отличие от обычного». В основной части конструкции говорится о нарушении чего-то общепринятого, привычного. Уступительный оборот в данном случае формируется следующим образом:

А) **вопреки**+слова типа **«план, график, инструкция, закон, правило, расписание»**: *Давыдов решил проверить, действительно ли бригада, **вопреки** его указаниям, боронует вдоль борозды* (М.А. Шолохов, Поднятая целина); *Это потрясающее диво – человек, летящий над городом **вопреки** всем законам природы* (А. Грин); ***Вопреки** обычаю двора, одежда его [Морозова] была смиренная* (А.К. Толстой, Князь Серебряный).

В уступительном обороте обозначено нечто раз и навсегда установленное, зафиксированное.

Б) **вопреки**+слова типа **«характер, сущность, природа»**: *Я наслаждался им **вопреки** судьбе и природе* (А.С. Пушкин, Арап Петра Великого).

Уступительный оборот содержит некий признак, присущий субъекту и неотделимый от него, нечто природное, истинное.

Часть предложений, оформляемых предлогом **«вопреки»**, отражает уступительную ситуацию «столкновения субъекта-лица с какими-либо обстоятельствами». В таких предложениях речь может идти о сопротивлении, преодолении субъектом этих самых обстоятельств: *В Петербурге, **вопреки** его собственным ожиданиям, ему [Лаврецькому] повезло* (И.С. Тургенев, Дворянское гнездо); *Он вскочил на первого коня, попавшегося под руку, а теперь, **вопреки** приличию, влетел во двор, под самые красные окна* (А.К. Толстой, Князь Серебряный).

В отношениях между оборотом и основной частью данных предложений присутствует значение сопротивления и преодоления.

Таким образом, предлог **«вопреки»**, принадлежащий книжному стилю речи, в составе уступительного оборота сочетается с существительными в дательном падеже.

Предложения, осложнённые оборотом с данным предлогом, могут отражать:

1) уступительную ситуацию «совмещения, сосуществования двух явлений, которые обычно не соответствуют друг другу»;

2) уступительную ситуацию «столкновения субъекта-лица и определённых обстоятельств, преодоления их».

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1986. – 640 с.

2. Германович, И.Е. Простое предложение, осложнённое уступительным оборотом, как фрагмент функционально-семантического поля уступительности [Текст]: дисс. ...канд. филол. наук / И. Е. Германович. – М., 1986. – 212 с.

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ «МУТАЦИИ» ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Е.А. Наугольных

Пермская государственная фармацевтическая академия

The article deals with occasional lexis of T. Tolstaya in the Slynx. Based on suggested classification of author's occasional words, the main models of their formation are analyzed.

Язык, как известно, отражает наши представления о мире, а изменения, происходящие в нём, влекут за собой трансформации в языке. В речи (письменной и устной) постоянно возникают новые слова, которые, удовлетворив разовую потребность в них, исчезают или же, отвечая нуждам широкого общения, закрепляются в языке, утрачивая свойство новизны и необычности.

Окказионализмы в настоящее время встречаются в научной литературе и в детской речи, однако эксперименты с языком характерны, прежде всего, для деятельности писателей и поэтов особенно XX – XXI веков, на протяжении которых главенствуют модернизм и постмодернизм с их направленностью на деформацию семантических и словообразовательных норм. Некоторые авторы, в частности всемирно известный ирландский писатель Дж. Джойс, строили целые произведения на звуках и ритмах, превращая своё творение в одиссею формы, наполняя его целым рядом ярких лексических новообразований.

Как верно подметила О.Г. Ревзина, «у окказионализмов есть какая-то особая функция, особое назначение, пока что не раскрытое лингвистикой». Она видит преимущество окказиональных слов перед узуальной лексикой в том, что они помогают человеку преодолеть несвободу языка, воплотив в себе «индивидуальную авторскую семантику», «становятся носителями центральных художественных смыслов». Уникальная смысловая нагруженность окказионализмов заключается в экспрессии смысла [Ревзина, 1996, с. 307].

Порождение окказиональных слов автором текста связано с той картиной мира, реального или воображаемого, которую он пытается описать. Именно поэтому необходимость в окказиональных единицах становится особенно острой при написании произведений научно-фантастического жанра, а также при создании утопий/антиутопий.

Антиутопия предполагает критическое описание общества утопического типа. Для неё характерно использование словарного запаса утопии, который в свою очередь описывает пространство идеальное, нигде не существующее, а следовательно, писатель сталкивается с именованим квазиреалий, имитирующих фантастические реалии выдуманного мира, в процессе номинаций которых трудно обойтись без окказионализмов. Среди зарубежных писателей хотелось бы особо отметить авторские неологизмы в творчестве К. Воннегута (*tralfamadorians, harmoniums, chrono-synclastic infundibula (the Sirens of Titan), Bokononism (Cat's Cradle)*). Что касается отечественных писателей, то это, прежде всего, В. Войнович с произведением «Москва 2042» (*безбумлит, инсоночел, упопот*), а также Т. Толстая с романом «Кысь».

Всемирно известный роман Т. Толстой «Кысь» – это повествование о мутирующей после ядерного взрыва России. Однако мир романа населён не столько людьми, сколько, по мнению самой писательницы, «мутировавшими словами, поскольку главное последствие описанной в романе катастрофы – это мутация языка» [Толстая, 2008, с. 330]. Таким образом, авторские неологизмы Т. Толстой – это особый приём, позволяющий писательнице показать эволюцию общества и слова, происходящую в обратном направлении.

Анализ выявил, что окказиональные новообразования Т. Толстой в романе «Кысь» относительно прозрачны, поскольку в большинстве своём составлены из общеупотребительных слов. Как правило, их смысл легко декодируется, особенно в широком контексте. Но «мутация» языка писательницы специфична своей яркостью и неизбежно привлекает внимание исследователей.

В целом, окказионализмы Т. Толстой в данном произведении можно поделить на следующие тематические группы:

1) флора: *грибыши, клель, желтунчики, огнецы, папорот, дергун-трава, кусай-трава, хватай-дерево, сусень, дубельт, свеклец, окаян-дерево;*

2) фауна: *кысь, паулин, древяница, слеповран, соловьятки, воробьятки;*

3) профессии: *зелейники, грибышатнии, обаянники, облагопрогонники, секлетарь, хвоцевники, девка-качалка;*

4) предметы быта и культура: *могозин, пинзин, боботюкалки, кукумаколки, рубляшки, схоронилица, схоронилица, воротильнички, удушилочки;*

5) блюда: *каклеты, канпот, канареек-гриль, стюдень;*

6) оружие: *аружие, пырь, тыка, писдолет;*

7) именованя людей: *лямпампушечка, не вратеник, художвищице;*

8) имена собственные: *Федор-Кузьмичск, Кохинорцы, Иван Говядич.*

Как известно, окказиональные слова могут образовываться с помощью узуальных словообразовательных средств и способов при нарушении законов их действия (аффиксация, словосложение) или специфическими способами (контаминация, междусловное наложение слов и т. д.) [Земская, 1992, с. 186]. При попытке формальной классификации окказионализмов Т. Толстой в романе «Кысь» обнаруживаются следующие способы словообразования: контаминация, образование по конкретному образцу, вставки внутри слова, звукоподражание, окказиональное словосложение, замена букв, аффиксация, окказиональные имена собственные, смешанные формы словообразования и т. д. Наибольшей частотностью при этом пользуются ниже перечисленные способы.

1). Контаминация – словообразовательная операция, состоящая в соединении одной (в производном слове – левой) основы, взятой целиком или представленной только своей начальной частью, с конечной частью второй (в производном слове – правой) основы: *слеповран* (слепой + ворон); *курдалясина* (курдюк + балясина); *лямпампушечки* (лямка + пампушечки); *клель* (клён + ель); *хлебед* (хлеб + лебеда); *мусороворот* (мусор + водоворот); *рубляшки* (рубли + бляшки); *пуденциал* (пуд + потенциал).

2). Словосложение. В романе «Кысь» преобладают сложные слова подтипа «примыкание», не столь распространённые в русском языке из-за двухморфемной структуры слова [Аракин, 2005, с. 209]. Большинство из них, очевидно, созданы по аналогии и добавляют новому «мутировавшему» миру антиутопии Т. Толстой иллюзию сказки: *дергун-трава*, *кусай-трава*, *канареек-гриль*, *хватай-дерево*, *птица-блядуница*, *окаян-дерево*. Однако встречается и традиционное для русского языка словосложение с присоединительной морфемой: *крутоверхий*, *луннобелых*.

3). Префиксация. Присутствуют лексемы однопрефиксального подтипа (р + R): *накудлатит*, *наблякать*. Кроме того, Т. Толстая нередко прибегает к усилению семантического значения путём добавления дополнительной приставки (р + р + R): *взамуж*, *споверху*, *спонизу*, *понадрючен*.

4) Суффиксация по модели R + s (*огнец*, *червырь*) и по модели R + s + s (*воробьятки*, *соловьятки*, *обаянник*, *древяница*, *желтунчик*). Для стиля Т. Толстой характерна смена рода у лексических единиц. Например, при помощи суффикса «-ец», образующего имена существительные мужского пола, она трансформирует привычный нам овощ свеклу в мутированный овощ «*свеклец*». Кроме того, Т. Толстая нередко создаёт новые слова по конкретному образцу. Отчетливо осознавая связь узуального слова с окказиональным и эксплицируя ее, писательница превращает «катавасию» в «*мордовасию*», а лексема «клекочет» трансформируется в «*блекочет*».

5) Префиксально-суффиксальный тип представлен единичными примерами (*измозолишься*, *схоронилище*, *нафордыбачились*).

6) Субституция или вытеснение морфемы, сегмента слова и их замена на какую-либо другую часть. Например: *паморок* (*обморок*), *подскрипtum* (*постскрипtum*).

7) Редеривация или обратный способ словообразования. Т. Толстая чаще использует десегментацию (или апокопу) – отпадение финальной части слова: *беспокой* (беспокойство), *папорот* (папоротник), *набычил* (набычился) *кроманьон* (кроманьонец) и т. д.

8) Протеза или добавление звука/слога к первоначальному слову: *стуло*.

9) Создание нарицательных новообразований от имен собственных: *салтан* (= правитель), *шопенгауэр* (= рассказ), *пушкин* (= столб).

10) Орфографические и фонетические изменения слова. В романе присутствуют слова, которые можно рассматривать как графические окказионализмы: *фелософия*, *могозин*, *аружые*, *осфальт*. Графическая гибридизация часто выражается за счёт использования дефиса: *да-вила*, *осе-дает*, *сере-дину*, *не-раз-бери-чего*. Но еще большую долю составляют лексемы с фонетическими девиациями. Фонетическим изменениям подверглись, в частности, следующие единицы: *канпот*, *паулин*, *каклеты*, *секлетарь*, *пинзин*, *стюдень*, *проздравить*.

11) Смешанные (комбинированные) формы словообразования (*облакопрогонники*, *душепользительное*, *худозвонище*, *боботюколки*, *кукумаколки*).

Как видно из вышеприведённых примеров, в романе Т. Толстой можно говорить о доминирующем количестве окказиональных имен существительных, что вполне естественно для языка антиутопии. Проведённый анализ позволяет очертить границы целой, пускай и маленькой по масштабу, если сравнить со «звездным языком» В. Хлебникова, но лингвистически «прозрачной» системы окказионализмов Т. Толстой. По семантической шкале основная часть окказиональных единиц была отнесена нами к разряду лексем, образованных по типовым словообразовательным моделям. Характерно отсутствие словообразовательных кустов, незначительно присутствие ономотопеи. Окказиональные слова Т. Толстой позволяют писательнице наиболее полно воплотить авторский замысел и становятся ярким примером проявления «мутации» языка в художественном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков [Текст] / В.Д. Аракин. – М. : Физматлит, 2005. – 232 с.
2. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е.А. Земская. – М. : Наука, 1992. – 221 с.
4. Ревзина, О.Г. Поэтика окказионального слова [Текст] / О.Г. Ревзина // Язык как творчество: сборник научных трудов к 70-летию В.П. Григорьева. – М. : ИРЯ РАН, 1996. – С. 303-308.
5. Толстая, Т.Н. Кысь [Текст] : роман / Т.Н. Толстая. – М.: Эксмо, 2008. – 367 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГРЕХЕ ПРЕЛЮБОДЕЯНИЯ
(В ПАМЯТНИКАХ ЧЕШСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XV-XVI ВВ.)

С.А. Никифорова

*At the initial stages of formation of the Czech Christian terminology there is a choice and adaptation of terms for the important fragments of a Christian picture of the world. In article the use in ancient Czech texts of the term *cizoložství* is analysed.*

Развитие религиозной терминологии представляется чрезвычайно длительным процессом, так как в этой сфере определяющими оказываются не только и не столько собственно теологические, научные, представления о мире, сколько эффективное влияние на умы и души верующих, которое в свою очередь достигается на уровне слова, его прагматической нагрузки в церковном тексте, его ясности как термина (именно здесь критерий профессиональной замкнутости группы, владеющей терминологией, не релевантен), максимально точного его соответствия обозначаемому явлению.

Христианская терминология славянского мира формировалась во многом под влиянием старославянского языка, большинство единиц которого и сохранила терминосистема ареала *Slavia Orthodoxa*. Зародившись на территории Великоморавского государства, эта терминология была на несколько веков выведена из употребления в ареале *Slavia Latina* после активного вмешательства римско-католической церкви, диктовавшей богослужение на латинском языке. И только в конце XIV – начале XV века Реформация возрождает богослужение на славянских языках, в частности на чешском, в этом славянском ареале. При переводе с латыни и греческого и при написании собственно чешских текстов реформаторы создают новую терминологию, лишь изредка обращаясь к традициям далекого прошлого. Факторы времени и иной культуры, разделившие славянский мир, определили и показательные различия в некогда бывшей единой христианской терминологии двух ареалов.

Так, одним из смертных грехов христианская церковь называет любодеяние – внебрачные и другие осуждаемые христианской церковью половые отношения: рус. *любодеяние* ('блуд, похоть') / чеш. *smilstvo* / лат. *luxuria* ('сладострастие, блуд, распутство'). Восходит современный термин ареала *Slavia Orthodoxa* к старославянскому термину *любодѣяниЕ* – «прелюбодеяние, *smilstvo*: отъ всѣхъ оубо храни сА. Отъ нихъже въходить грѣховънаа сѣмръть. *любодѣяниЕ*. имъже с(вА)тыни тѣлесънаа с'кврънить сА Евх 89а 9; мы отъ *любодѣяниБ* нѣсмъ рождени. мы единого о(ть)ца імамъ б(ог)а И 8, 41б Зогр, Мар, Ас, Рим, Клоц» [Старославянский..., 1994]. Интересно, что перевод на русский язык в словаре отражает лишь одно из проявлений греха любодеяния – прелюбодеяние (супружеская измена, адюльтер, лат. *adulter*, ср., например, «прелюбодейство – незаконный союз мужа съ чужею женою, или жены съ чужимъ мужемъ, грѣхъ противъ седьмой заповѣди: не прелюбы сотвориши, подѣ чѣмъ разумеются не только срамныя дѣйства, но и скверныя помыслы (Матф. 5,28)» [Дьяченко, 2001]), а вот перевод на чешский язык репрезентирует обобщённое представление об этом грехе – *smilstvo* («*mimomanhelské pohlavní styk se ženou postranní, tj. nevmstvou, iasto vřak i jiné pohlavní nezšzenosti*» [Novotná, 1992]).

Вариативный (факт вариативности старославянской терминологии широко известен) старославянский термин *любодѣство* переведен на русский и чешский языки одинаково и в соответствии с греческим эквивалентом – прелюбодеяние, *cizoloĥstvŋ*. В свою очередь современный термин русского языка *прелюбодеяние* восходит к старославянскому *прѣлюбодѣниѣ / прѣлюбодѣство*, в чешском же языке ему соответствует термин *cizoloĥstvŋ* – «tohoto zločinu dopoučtŋ se vdanĥ ģena s muĥem, kterĥ nenn jģnm manĥem, nebo ģenatĥ muĥ se ģenou, jģh nenn jģho manĥelkou» [Novotnĥ, 1992].

Итак, если оба термина православия находят точные соответствия в старославянской языковой традиции, то чешские христианские термины возникли самостоятельно на базе иных славянских единиц. Термин для обозначения смертного греха *smilstvo* стоит в славянской системе особняком: этимологические словари чешского языка отсылают нас лишь к лит. *smilĥs* ‘*zvmдавĥ, mlsnĥ, chtivĥ*’, *smilibuti* ‘*mlsat*’, указывая на отсутствие праславянских соответствий [Rejzek, 2001], а также к лит. *smilti* ‘*nalĥzati v iem zĥlibu a tmŋ vnse dostĥvat chuĥ na to*’ [Machek, 1997]. Однако аналогичное образование находим в древнерусских текстах: *смильный*, *смильное заставание* – заставание на месте прелюбодеяния (А се црквнии суди: *ропустъ, смилное заставанье, пошибанье, умычка* (Уст.Влад.) Новг.Корм.XIV в.), а также в значении сущ. *смильное* – прелюбодеяние (Суды церковныя во всѣхъ крестьянскихъ людехъ:... *ропустъ, смилное, умыкание, пошибание, заставанье* (Посл.влад.еп.) РИБ XIV в.) [Словарь..., 2000], что и позволяет нам усомниться в верности предположения чешских исследователей о богемской природе лексемы в церковнославянском языке (совр.ц.сл. *смильное* ‘прелюбодеяние’). Чешский термин, называющий супружескую измену, композит *cizoloĥstvŋ* не фиксируется этимологическими источниками в силу прозрачности структуры: чеш. *ciĥn* ‘чужой’ и *loĥe* (книж.) ‘постель’ – букв. ‘пребывание в чужой постели’. Оба термина появляются в ранних текстах чешской письменной традиции – с XV века. Следует отметить, что именно ясность структуры сложного образования *cizoloĥstvŋ*, легкость считывания «сценария» номинируемого явления во многом определила и достаточную чёткость отношений терминов *smilstvo* а *cizoloĥstvŋ* уже в древнечешском языке. Так, если термин *cizoloĥstvŋ* (*cizoloĥstvo, cizoloĥstvie*) и родственные образования (*cizoloĥnĥk, cizoloĥnĥ, cizoloĥit*) чаще всего отражают ситуацию супружеской измены, то термин *smilstvo* (*smilstvŋ, smilstvie, smilnie, smilnĥnie, smilnost*) и другие (*smilnĥk, smilnĥ, sesmilnit*) используются гораздо шире – для репрезентации понятия о похоти.

Ян Гус, чешский реформатор и один из первых проповедников и создателей христианских текстов на чешском языке, смотрит на грех прелюбодеяния наиболее широко и ставит его в один ряд с грехами против заповедей, – убийством, любодѣнием, кражей, клеветой, называя их грехами смертными: *z vyle srdeinŋ rochĥzmĥn muĥlenie zĥb, vraĥdy, cizoloĥstva, smilstva, krĥdeĥi, kĥivĥ svmdectvie, ģĥhanie a tak i jĥn ĥĥieĥi. Protoĥ rokĥĥie li ilovmka pĥbel kterĥm kolivmk ĥĥiechem, tehdy nikdy nenie ĥĥiech smrtedlnĥ,*

když k němu išlo první (Dcerka nebo O rozdílné cestě pravý k spasení; 1414, 216 v), ukazывая, что покаяние – единственный путь к спасению, который, например, очистил Давида: Taký pokání *cizoloňnici* v hšielь ropadenъ vysvobodilo jest. Taký pokání zjevňho hšielьnka, jenъ sm modlil, nad zьkonňka ruľňho spravedliva uinilo jest. Taký pokání Davida *cizoloňnka* a vrahedlnka oistilo a velikэм prorokem uinilo (Там же, 221 r). При этом в последнем контексте термин *cizoloňnk* понимается в узком смысле: ‘вступивший в связь с замужней женщиной’ (известно, что Давид испытывал страсть к красавице Вирсавии, жене Урии Хеттеянина, которого обрёл на смерть, отправив в жестокое сражение).

Более конкретное представление о прелюбодеянии находим у Бенеша из Горжовиц в переводе Твингеровой хроники, который рассказывает 1) о насилии над женой Едлатина Лукрецией: spal a mml svъ vuoli s jeho ěnъ proti jeho vuoli, и действия его были оценены как постыдные: aby jeho hanebňho skutku a hanby romstili, которые стоят отпущения – это единственный путь очищения от греха прелюбодеяния, свершившегося против воли Лукреции: Kterěhto ranъ po tom *cizoloňstvň/cizoloňstvie* z toho zľňho skutku chtieci se zistiti tak, aby lidъ shledali, ěe tiem vinna nenie a ěe se jň proti jejie vuoli stalo (Венель z Ношовиц; Ршеклад kroniky Twingerovy; ok.1445, 87r); 2) о сознательном разрушении брака и грехе прелюбодеяния: kralovna... spravi a oběalovala svěch tšňň bratšňň ěeny a škъs, ěe jsъ ony se tšňmi rytiešň svě maněelstvo zľľily a *cizoloňstvo* vedly (там же, 149v). Но и здесь находим отражение широкого представления о *cizoloňstvň* как о любодеянии, поставленном в один ряд с колдовством и другими дурными поступками: Konstantinus Konstantinus... Ten byl svě vľecky dni neľlechetně a zlě a vedl kъzla a *cizoloňstvie* a uvedl mnohъ knměň s sebъ ve zľň bňhy, v smilstvo a v jinъ zľň skutky a v neistъ tak, ěe je svedl s jich dobrъ viery (Там же, 125 r).

В широком ряде текстов грех прелюбодеяния – нарушения брачных обетов, действительно, репрезентирован достаточно точно. Так, например, Гинек из Подебрад передаёт речь обманутой жены: У ty zlě a k niemъmuě muěi... Nevňľ li, ale vmz, ěe jsi ršň tě, kterěh jsi ty tak iasto svěm faleľňm milovbňm oklamбval, kterěh jsi se zevnitš tak laskavm okazoval a v tom jsi v svě faleľň ľbsce proti mňm k jiněm ranm s svě ľbskъ okazoval. Protoě, ty zlě muěi, rozummj mi velmi došňe, ěe jб Katelina, tvб maněelka... Ты боěň zrdce a *cizoloňnue*, mňm nevmgě muěi (Neuberskě sbornňk, kon.15.st., 183 r). Ян Бехинька в сборнике трактатов говорит о святости брака и прелюбодеянии как причине его разрушения: aby nбs ěbdě nerozľouuil, lei smrt neb ršňina *cizoloňstva*... Ršňina takъ *cizoloňstva* ľouin maněely, jestliěe sobm nechtn toho odpustiti sami (Sbornňk traktбtц Jana Vechytky; ok.1500, 192r), противопоставляя грех прелюбодеяния верности и любви как милости божией: tak maněelъ, aby *cizoloňstvň* hšňchem, psaněm v knňkбch zapuzenn od milosti boěň, aneb zlěm, kyselěm domňňvanm nedovmgěm a першзňň, jeně jest *cizoloňně* rodňmt, mňsto vmgnosti a ľbsky nebyli promňľen (там же, 77v). И наконец, дети, рождённые в грехе прелюбодеяния, отмечены Богом: например, 1) в переводе т. наз. Мандевиллы Вавржинец из Бржезова пишет,

что муж, не доверяющий своей жене, может определить такого ребенка с помощью змей: *Taký sь tu hadovй, jimiъ zкъљеjn, jsъli dmti pravйho loъe, iili nic. Protoъ kterъъ muъ svй ѣnem neduvъmъn, ten vezma dietm jejie... i posadn dietm mezi ty hady, jestli pak dietm loъe pravйho, hadovй jemu nic neulъkodie. Pakli jest v cizoloъstvъn роиатй, tehda je ihned do smrti ulъtnъn (Cestopis tzv. Mandevilla; pol.15.st., 129 v), противопоставляя детей «правого ложа» детям, зачатым при измене; 2) или на теле появляется особый знак: *A jestliъe by prostъed ѣhelnnka mmla takovъ zpuosobu y nebo takovъ Y, z cizoloъstvie роиала jest (Lйкашtvъn neznbmйho frantйlъkbna; pol.15.st., 20 v). И наконец, латинско-чешский словарь указывает соответствие латинскому *Adulteror – Cizoloъnm* (букв. прелюбодействую) (*Latinsko-ieskэ slovnъnik; 1.pol.15.st.; 221va*).**

Однако в ряде контекстов чешского средневековья чёткая понятийная граница между прелюбодеянием как супружеской изменой и любодеянием как блудом, проявлением похоти, важная для теологии, не проводится: грех прелюбодеяния (*cizoloъstvъn*) по принципу включения сопрягается с представлениями о блуде, похоти (*smilstvo*) в целом. Так, например, Оломоуцкие рассказы описывают несправедную жизнь одного богатого человека, который *velmi neiistэ, takъe velъken svuj statek v smilstvъn a v cizoloъstvъn utratil, a vъludy jezdieъe hledaje, kterъ by mohl pannu роиulъiti... A sь nemohli niъbdnй nalъzti, jeъto by s nn svъ vuoli mml, jn zaplatm (Olomouckй роvndky; 2.pol.15.st., 259v): при использовании двух терминов *smilstvъn* и *cizoloъstvъn* само повествование говорит о грехе любодеяния, о стремлении лишиться девственности и заплатить за это. В других случаях грех прелюбодеяния ставится в один ряд с другими грехами (например, *protoъ jdmte, nemilostivъn, do ohnm vminйho, jenъ jest ршиpraven nemilosrdnйmu пбblu a andmlъm jeho... Vъеско to oni budou trpmti, соъs шеkla, jako cizoloъnnси a zlodmjji (Sbornъk traktotъ Jana Bechytky (neuberskэ); ok.1500; 212v) или kрbsti, zabiti, cizoloъhiti, ршisahati kшivm, obmtovati Balimovm modle a jnti ро boziech ро ciznch (Ieskэ ршеklad biblickэch knih роrоkъ Izaiбъe, Jeremiбъe a Daniela; 15.st.; 56v), а прелюбодей получает общую характеристику *neiistэ (Sbornъk traktotъ Jana Bechytky, 69r)*.**

Таким образом, новая терминология ареала *Slavia Latina*, здесь – чешская, в XV-XVI вв. проходит стадию становления: новые термины, рождающиеся под пером чешских реформаторов, с одной стороны, обладают безусловно прозрачной внутренней формой (например, *cizn + loъe*), с другой – близость некоторых понятий религиозной сферы (например, *любодеяние – прелюбодеяние/ smilstvo – cizoloъstvъn*) обуславливает их смешение в контекстах общего плана, когда ситуация недостаточно конкретизирована, когда характеристика явления или лица не нуждается в точном, теологически определённом термине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rejzek, J. Ieskэ etymologickэ slovnъk [Text] / J.Rejzek. – Praha : Leda, 2001. – 752 s.
2. Machek, V. Etymologickэ slovnъk jazyka ieskйho [Text] / V. Machek. – Praha : Nakladatelstvъn Lidovй noviny, 1997. – 866 s.

3. Novotná, A. *Biblické slovník* [Text] / A. Novotná. – Praha: Kalich – ieskó biblické společnost, 1992. – 1401 s.
4. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь. Репринтное воспроизведение издания 1900 г. [Текст] / Протоиерей Г. Дьяченко. – М. : Издательство «Отчий дом», 2001. – 1120 с.
5. Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст]. – Вып. 25. – М. : Наука, 2000.
6. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) [Текст] / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. // Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М. : Рус. яз., 1994. – 842 с.
7. *Vokabulár webov* [Электронный ресурс] // URL : <http://vokabular.ujc.cas.cz/default.aspx>. (для всех цитат из текстов на чешском языке).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СМЫСЛА В СЕМАНТИЧЕСКИ ОСЛОЖНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С АППОЗИТИВНЫМИ ВТОРИЧНО- ПРЕДИКАТИВНЫМИ СТРУКТУРАМИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Т.Г. Николаева

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

The present article dwells upon the additional semantic components in polipropositive sentences with attributive complicators in modern English: operators, quantors, copula and different modal meanings.

Прежде чем анализировать основные дополнительные элементы смысла в семантически осложнённых предложениях с аппозитивными вторично-предикативными структурами (далее ВПС), следует сказать несколько слов о таком специфическом виде атрибутов как аппозиция.

Аппозиция (или, как ее еще называют, обособленное приложение), представляет собой достаточно распространённый тип атрибутивных ВПС. Свободным приложением называют определение, выраженное именем существительным или именной группой и дающее обозначаемому им лицу или предмету другое название. Эта конструкция уточняет и характеризует определяемый ей денотат с разных сторон, что приводит к установлению между определяемым и приложением подчинительной связи на основе атрибутивных отношений.

Некоторые лингвисты рассматривают приложение как особую конструкцию, отличную от определения. Они считают, что между двумя кореферентными существительными в сочетаниях с обособленным приложением имеется сочинительная связь. При этом они всё же признают наличие атрибутивных отношений между существительными в этой группе и, как следствие этого – атрибутивной связи, подразумевающей предикативность, а не равнозначность компонентов, входящих в ее состав. Приложение в этом случае может быть заменено придаточным определительным.

В аппозитивных конструкциях интонационный раздел либо отсутствует, либо является факультативным (при его наличии на письме он обозначается

запятой, реже – тире). Поскольку интонационный раздел для аппозитивных словосочетаний является в целом факультативным, определить причины его употребления там, где он встречается, не всегда легко.

В процессе анализа семантически осложнённых предложений с приложением в художественных произведениях мы выявили только один случай репрезентации денотата подлежащим на синтаксическом уровне, и, в то же время, актантом-партитивом в пропозициональной структуре матричного предложения:

[*Her hair* (актант-партитив) *swung back*, [*a soundless bell of gold* P2] P1] [Huxley, 2001, p. 105].

В данном примере пропозиция матричного предложения P1 отражает главную ситуацию, а пропозиция включённого предложения P2 – ситуацию, сопутствующую главной:

1. *Her hair swung back.*
2. *Her hair was a soundless bell of gold.*

При этом пропозиция включённого предложения находится в сфере действия оператора отрицания, выраженного отрицательным суффиксом – *less*, обозначающим отсутствие определённого признака у обозначаемого денотата (в данном случае – отсутствие издаваемых звуков). В отличие от предыдущего примера, в рассматриваемом семантически осложнённом предложении между его частями можно наблюдать атрибутивные отношения: *Her hair, which was a soundless bell of gold, swung back.*

Рассмотрим еще один пример: [*It was an unlit stair well*, [*a swallowing blackness* P2] P1] [Bradbury, 2000, p. 187].

Особенностью данной конструкции является то, что в пропозициональной структуре матричного предложения актант-элементатив представлен на синтаксическом уровне формальным подлежащим *it*. Значение предикатива *stair well* уточняется двумя атрибутами (*unlit* и *swallowing blackness*), один из которых находится в препозиции к обозначаемому денотату, а другой – в постпозиции и представляет собой аппозитивную атрибутивную ВПС, которая может быть преобразована в придаточное определительное: *It was an unlit stair well, which was a swallowing blackness.*

Следует отметить, что матричное предложение в рассматриваемом примере находится в сфере действия оператора отрицания, выраженного отрицательным префиксом *un-* у атрибута в препозиции к денотату. Оператор отрицания означает в данном случае невыраженность у денотата определённого признака (степени освещения), которая еще более подчёркивается в пропозиции включённого предложения. Анализ эмпирического материала показал, что случаи включения оператора отрицания в семантическую структуру осложнённого предложения с атрибутом-приложением в художественных произведениях являются достаточно редкими.

Помимо оператора отрицания, в семантически осложнённых предложениях с аппозитивными ВПС было выявлено включение в

пропозициональную структуру матричного предложения объективного модального оттенка в виде модального глагола *could*: [*The happy possessor of first editions* P2], *Mr. Wimbush could afford to smile indulgently* P1] [Rule, 1996, p. 124].

Модальный функтор *could*, входящий в состав эксплицитно выраженного предиката пропозиции матричного предложения, выражает объективную возможность актанта-агента (*Mr. Wimbush*) совершить определённое действие (*smile indulgently*) в силу наличия у этого актанта признака (характеристики), описываемого пропозицией включённого предложения P2. Поэтому здесь можно говорить о причинно-следственных отношениях между пропозицией матричного предложения P1 и пропозицией включённого предложения P2: *As he was the happy possessor of first editions, Mr. Wimbush could afford to smile indulgently*.

Следует отметить, что в ходе работы с эмпирическим материалом мы обнаружили интересный пример обозначения аппозицией максимальной степени признака, присущего обозначаемому денотату. Это достигается при помощи прилагательного в превосходной степени, входящего в состав атрибута, а также при помощи квантора общности *all*, характеризующего распространение признака, выражаемого прилагательным в составе аппозитивной ВПС, на неограниченное число денотатов: [*Even proper names* (актант-элементатив), [*the most concrete of all words* P2], *have a variety of aspects* P1] [Quirck, 1994, p. 28].

Говоря о дополнительных элементах смысла в составе пропозициональной структуры семантически осложнённых предложений с атрибутом-приложением в научном стиле, отметим, что они здесь довольно редки. Помимо единичного случая включения в семантику этих предложений квантора общности *all*, рассмотренного выше, мы выявили здесь достаточно редкие случаи вхождения в пропозициональную структуру матричного и включённого предложений субъективных модальных оттенков смысла и оператора отрицания. При этом основными средствами выражения субъективного отношения автора к высказываемой им информации, по нашим наблюдениям, являются прилагательное *necessary*, выражающее субъективное осознание необходимости совершения определённого действия, и наречие *definitely*, отражающее субъективную уверенность автора в своей позиции по поводу высказываемой им информации:

[*It is necessary to mention the language variety of the Puritans, [a large group within society* P2] P1] [The History of the English Language, 1998, p. 41].

[*We are definitely on the safe ground in the case of the Hard Word Dictionaries, [the prevalent type of dictionaries in the 17th century* P2] P1] [Leech, 1980, p. 44].

Основным способом выражения оператора отрицания в составе пропозициональной структуры семантически осложнённых предложений с атрибутом-приложением в научном стиле являются отрицательные аффиксы:

[*Charles Fillmore*, [*the leading American scholar P2*], *pointed out certain inconsistencies in this classification system P1*] [*Modern English Lexicology*, 1998, p. 250].

В данном примере отрицательный префикс *in-* выражает недостаток определённого научного явления (*classification system*), а именно – его непоследовательность и нелогичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bradbury, R. *The April Witch and other stories* [Text] / R. Bradbury. – London : Warner Books, 2000. – 274 p.
2. Huxley, A. *Crome Yellow* [Text] / A. Huxley. – London : Mandarin, 2001. – 278 p.
3. Leech, G. *A Communicative Grammar of English* [Text] / G. Leech. – Longman Group LTD, 1980. – 340 p.
4. *Modern English Lexicology* [Text] / Oxford : Oxford University Press, 1998. – 704 p.
5. Quirk, R. *A University Grammar of English* [Text] / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – Longman Group Ltd, 1994. – 392 p.
6. Rule, A. *A Fever In the Heart* [Text] / A. Rule. – London : Warner Books, 1996. – 464 p.
7. *The History of the English Language* [Text] / Oxford : Oxford University Press, 1998. – 256 p.

ГИПЕРБОЛИЗАЦИЯ КАК ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА СТРАТЕГИИ САТИРИЧЕСКОГО ЗАОСТРЕНИЯ

Ю.И. Никонова, Э.К. Григорьева

Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Сатира связывается учеными с тяготением к «однозначной негативности», с особым типом беспощадного «сатирического смеха» и предстает в результате как набор художественных приёмов сатирического изображения, передающих все способы художественного «искажения». Для выделения отрицательных качеств объекта насмешки фельетонист прибегает к сатирическому заострению, т.е. «заострению отрицательных сторон изображаемого объекта», «подаче крупным планом», «обнажению комической и вредной сущности явления» [Пропп, 2002]. К основным приёмам подобной деформации относятся резкое преувеличение (гипербола) и резкое преуменьшение (литота). Гипербола и литота имеют общую основу – отклонение от объективной количественной оценки предмета, явления, качества – поэтому могут в речи совмещаться. Однако чаще гипербола и литота принимают форму различных тропов, причём им часто сопутствует ирония, так как и автор и читатель понимают, что эти образные средства неточно отражают действительность. С прагматической точки зрения и литота, и гипербола являются неконвенциональными импликатурами, построенными на нарушении постулата качества. Это сходство подчеркивал Л. Кройчик: «И гипербола, и литота преследуют одну цель – подчёркнутое, сознательное выделение объекта, изучаемого художником. Подчёркивание –

вот первая точка соприкосновения, сближающая оба приёма. Второе: выделяя предмет для сатирического изучения, художник идёт на сознательное смещение пропорций, на изменение соотношений между истинными параметрами объекта и его конечной величиной. В результате, идя по кругу подчеркнутого выделения комического и, соответственно, смещения пропорций, мы едва ли обнаружим чёткую границу между гиперболой и литотой (как средствами типизации, а не как поэтическими тропами)» [Кройчик, 1975, с. 123].

Под гиперболой понимается фигура, основанная на преувеличении. «Гипербола – это преувеличение каких-либо реальных размеров предмета, реального их числа, силы, интенсивности и т.п., но такое преувеличение, когда изображение остается в пределах того жизненного ряда, той плоскости действительности, к какой принадлежит изображаемый предмет... Это отстранение от правдоподобия количественного в рамках правдоподобия качественного» [Николаев, 1977, с. 24]. То есть, высказывания с гиперболой основаны на «количественной», но не «качественной» лжи. Гипербола, рождённая реальным фактом, не отрывается от него, она лишь сатирически заостряет его отрицательные противоречия, помогает увидеть внутреннее комическое противоречие данного факта, его внутреннюю несостоятельность [Кройчик, 1975, с. 107], например: *Erst Jesus, dann Herodes – zurzeit wird **fast wöchentlich** das Grab eines Prominenten aus der Bibel gefunden* (Н. Grimm. Wissenschaftler finden Grab Gottes // Die Welt. – 08.05.2007). Преувеличение частотности действия – археологической находки погребения библейских персонажей – передаёт высокую степень недоверия автора к данному явлению. «Количественная» ложь помогает авторам сделать отрицательные черты своих персонажей более выпуклыми. Их предвзятый, пристальный взгляд на недостатки вскрывает их комическую сущность, которая, однако, призвана сформировать у читателя резко отрицательное отношение к героям.

Литоту часто называют «обратной гиперболой». Но в сатире и гипербола в определённом смысле становится «обратной литотой», так как преувеличение служит целям преуменьшения, например: *Ätzend nur, dass **null komma null** Infos über Ost-Berlin drinstehen, wie man die Chose mit dem Zwangsumtausch regeln soll oder welchen Perso man braucht* (Esther Kogelboom. Ohne Scheiß // Tagesspiegel. – 15.01.2005). Недовольство автора отсутствием в рекламной брошюре о Берлине информации о восточной части города настолько сильно, что простого указания на количество (ноль) недостаточно. Этот случай можно в принципе рассматривать как литоту, где преуменьшается такое свойство как «небольшое количество/отсутствие». Именно эта двойственность позволяет говорить о том, что гипербола может указывать как на приуменьшение, так и на преуменьшение. Данный пример также иллюстрирует использование гиперболы в качестве эффективного средства эмоционального воздействия на читателя, способа передачи сильных отрицательных эмоций, например, возмущения.

Традиционно под литотой имеется в виду преуменьшение, занижение, смягчение значения – это либо фигура, связанная с отрицанием или

отрицанием отрицания, либо фигура, противоположная гиперболе, основанная на количественном занижении оценки [Гаспаров, 2003]. В том и другом случае литота нацелена на преуменьшение положительных качеств объекта насмешки. В следующем примере литота служит средством умаления через комизм. Насмешливое отношение автора к канцлеру Г. Шрёдеру проявляется в умалении его профессиональных умений и роли в истории: *Quidquid agis, prudenter agas et respice finem! So spricht der Lateiner. Gerhard Schröder ist Rechtsanwalt und müsste deshalb auch ein paar lateinische Wendungen kennen* (Wolfgang Hübner. Schröder und sein Dschungelcamp // Neues Deutschland. – 04.06.2005). Автор преуменьшает профессиональные умения Г. Шрёдера, а именно его знания латинского языка, которым должны владеть все юристы.

Гораздо чаще литота принимает в фельетоне форму отрицания. С прагматической точки зрения отрицание есть «утверждение от том, что некоторая подразумеваемая пропозиция неверна или предшествующее утверждение к данному случаю не подходит» [Ван Дейк, 1989, с. 291]. Так как отрицаемая пропозиция содержит положительную оценку, то утверждение о ее несоответствии описываемому объекту является скрытой отрицательной оценкой.

Keine Frage: Space-Shuttles gehören nicht gerade zu den sicheren Verkehrsmitteln (Harald Mohr. Runter kommen sie alle // Oberpfälzer Wochenzeitung. – 10.08.2005). В данном примере литота умаляет технические достоинства американских космических кораблей. Дополнительную категоричность утверждению придаёт предшествующее модальное выражение "keine Frage" – «zweifellos, ganz gewiss» [Duden]. Таким образом, автор не просто умаляет достоинства высмеиваемого объекта, но решительно отвергает присутствие в нем любых положительных черт.

Другие авторы стараются избежать такой категоричности и вуалируют резкую отрицательную оценку в грамматические конструкции с отрицательным значением: *Er bildet kurze, zackige Merksätze, er verschwendet weder Zeit noch Gedanken auf umständliche grammatische Fügungen. Merkhilfe in Form eines Satzes* (Wolfgang Hübner. Der Eilige und der Heilige Franz // Neues Deutschland. – 18.02.2006); или модальностью предположения: *Es ist nicht so einfach, diese Republik in Aufruhr zu versetzen. Und vor allem ist es nicht erlaubt. Eigentlich hat niemand das Recht dazu, außer dem Bundespräsidenten. Einfach deshalb, weil er der Einzige ist, von dem man bisher sicher war, dass er es nicht nutzt. Ja, dass er es wahrscheinlich nicht einmal kennt* (Uwe Kalbe. Die Hobbys des Bundespräsidenten // Neues Deutschland. – 16.12.2006).

Литота может быть выражена числительным, например: *Wie weit ist die SPD schon von den Wünschen und Ängsten der Menschen entfernt!? Dass sie riskiert, auch noch die letzten 200 Getreuen zu verlieren* (Uwe Kalbe. Die Farbe des Mohnkuchens // Neues Deutschland. – 09.10.2004). В этом случае числительное превращает голословное утверждение в факт и усиливает воздействие литоты.

Приём гиперболизации «борется» с отрицательным явлением с двух сторон. Во-первых, преувеличение делает отрицательную черту более заметной для читателя. Во-вторых, преувеличение увеличивает несоответствие между положительным идеалом и действительностью, что порождает комизм. Важно отметить, что «гипербола смешна только тогда, когда подчёркивает отрицательные качества», как писал В.Я. Пропп [Пропп, 2002, с. 67].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров, М.Л. Литота [Текст] // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М. : Интелвак, 2003. – С. 311-312.
2. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
3. Кройчик, Л.Е. Современный газетный фельетон [Текст] / Л.Е. Кройчик. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. – 229 с.
4. Николаев, Д.П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск [Текст] : научное издание / Д.П. Николаев. – М. : Худож. лит., 1977. – 358 с.
5. Пропп, В.Я. Проблемы комизма и смеха [Текст] / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2002. – 192 с.
6. DUDEN – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. PC-Bibliothek 2.01 mit Plus-Paket, Revision 10 [Электронный ресурс]. – Mannheim [etc.] : Dudenverlag, 2000.

ПРАГМАТИКА В СФЕРЕ НЕУЗУАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

О.С. Новикова

Российский университет дружбы народов

The article deals with pragmatic potential of occasional words in Russian language. Pragmatics plays essential role in formation of occasional words. It could distinguish several types of occasional words in respect to pragmatics.

Прагматическая характеристика языковой единицы является неотъемлемой составной частью ее содержания наряду со структурной и семантической характеристикой. Прагматика – один из планов изучения языка, выделяющий и исследующий единицы языка в их отношении к тому лицу или лицам, которые пользуются языком [Ахманова, 1966, с. 344].

Исследование прагматических свойств окказиональных слов кажется нам небезынтесным. Прагматическая сторона окказионализмов позволит наиболее полно представить богатство содержания и разнообразие коммуникативных возможностей неузальной лексики. Поскольку стимулом для окказионального словообразования служат индивидуальные, личностные причины (стремление к более точному выражению своего психологического состояния, желание произвести на адресата определённое впечатление), то выбор языковых средств во многом характеризует и самого говорящего.

Прагматика – существенный элемент образования смысла окказиональных слов. Однако степень прагматической выраженности того

или иного речевого новообразования может варьироваться. В связи с этим И.Р. Красникова в своём исследовании предлагает следующую классификацию окказиональных прагмем [Красникова, 2004, с. 15-20]:

1) прагмалексемы – окказиональные образования, не требующие контекста для своей актуализации в силу смысловой прагматической информативности корневой и служебной морфем;

2) контекстуальные прагмемы – окказиональные слова, семантическая и прагматическая значимость которых выводится из контекста;

3) культурно обусловленные прагмемы, или культуремы – окказиональные единицы, интерпретация которых производится на базе внеязыкового, «фонового» знания.

Следуя данной классификации, попытаемся охарактеризовать с прагматической точки зрения некоторые окказионализмы.

К прагмалексемам можно отнести такие окказионализмы, как *желтопрессник* и *лжурналист*. И в том, и в другом случае речь идёт о лживых, продажных газетчиках. Составные части данных окказионализмов включают в себя полную информацию о семантическом содержании слов. Эти новообразования были использованы автором с прагматической целью выразить негативное отношение к подобным лицам и вызвать такую же оценку у читателей.

Однако доля окказиональных прагмалексем не столь велика. Это объясняется одним из основных специфических признаков окказионализмов, а именно – тесной связью окказионального слова с контекстом.

Вследствие этого многочисленны контекстуальные прагмемы. Они допускают множество толкований, и потому декорирование их семантической структуры невозможно без привлечения контекстуального материала. Журналисты часто используют именно такие окказионализмы, вынося их в заглавие рубрик и статей, так как такие новообразования позволяют выделить существенную информацию в тексте, подчеркнуть собственное мнение, выразить отношение к излагаемой теме. Яркий пример – название статьи газеты «Аргументы и факты» (№27, 2004) – «*НЕВРО-2004*». Этот окказионализм – смысловая компрессия содержания всей статьи, в которой рассказывается об одном из главных спортивных событий 2004-го года – европейском чемпионате по футболу (ЕВРО-2004). В данном окказионализме, помимо денотативного значения, наслаиваются прагматические смысловые обертоны: искажённое название чемпионата передаёт небывалый накал страстей во время его проведения.

Третью группу окказиональных прагмем составляют культурно обусловленные прагмемы, или окказиональные культуремы, интерпретация которых зависит от общих и ситуативных знаний, т.е. от специального внетекстового материала.

К окказиональным культуремам можно отнести окказионализм *куропись* в значении «плохой почерк», понимание которого обусловлено знанием русского фразеологизма «писать как курица лапой». Данный окказионализм является конденсацией смысла целого оборота.

Примечательно, что границы между перечисленными группами весьма условны и размыты. Нередко довольно сложно однозначно отнести тот или иной окказионализм к какой-либо из приведённых групп. Например, окказионализм *кепконосец*, взятый вне контекста, можно интерпретировать по-разному. Его можно отнести к прагмалексемам, поскольку отражен простой факт: человек любит носить кепку. Окказионализм прозрачен и понятен по своей структуре и не требует для семантизации дополнительной информации в виде контекста. Однако этот же окказионализм можно отнести и к числу культурем. *Кепконосцем* в СМИ часто называют мэра Москвы Ю. Лужкова за то, что он предпочитает именно этот головной убор.

Таким образом, окказионализмы представляют собой репрезентаторы восприятия человеком окружающего мира. Расшифровка прагматического замысла авторов новых окказионализмов чрезвычайно важна для исчерпывающего осмысления их значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С.Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 576 с.
2. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность [Текст] /Е.А. Земская. – М. : Наука, 1992. – 221 с.
3. Красникова, И.Р. Прагматика окказиональных антрополексем в современном русском языке [Текст] : дисс...канд.филол.наук / И.Р. Красникова. – Ростов-на-Дону, 2004.

ЮМОР КАК НЕТОЛЕРАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Панченко Н.Н.

Иркутский государственный лингвистический университет

В настоящее время многие исследователи признают чрезвычайную актуальность изучения культурной компетенции как составляющей коммуникативной компетенции. Коммуникация может считаться успешной только в том случае, если существует так называемая совместимость между участниками коммуникации. В межкультурной коммуникации создание такой совместимости в убеждениях, ценностях и языке становится ещё более важной проблемой, так как оно осуществляется в условиях несовпадающих национально-культурных стереотипов мышления и поведения.

Целью данной статьи является доказательство того, что юмор, являясь неотъемлемым компонентом человеческого общения, в межкультурной коммуникации приводит к несоблюдению правил и традиций общения, принятых в той или иной лингвокультурной общности.

Юмор как важная часть культурной идентичности, то есть осознания человеком его схожести с каким-то «мы», его вхождение в некую человеческую общность, является одномоментным, ситуативно и культурно обусловленным. Он осознанно конструируется личностью в расчёте на определённого адресата, в «обязанность» которого входит понимание юмористического смысла и реагирование на него в виде перлокутивной смеховой реакции (Панченко 2005). По мнению одного из ведущих

исследователей в этой области В. Руха, комическое или комические феномены (the comic or comic phenomena) – это юмор, обозначающий благоприятное отношение к жизни и её несовершенству, добродушную насмешку, а также такие менее «добродушные» формы, как сарказм, сатира, ирония (less benevolent forms of the comic like sarcasm, satire, irony) (Ruch 1998a: 11).

В лингвистических исследованиях комический смысл определяется чаще всего на основе формулирования общих тем комических высказываний (content themes) и сведения их в классы (content classes). В соответствии с этим критерием выделяются, в частности, «комические эпизоды» агрессивного, сексуального, этнического и абсурдного характера (aggressive, sexual, ethnic and nonsense comic episodes) (Martin 1998: 25; Ruch 1998b: 114). Общим семантическим принципом, лежащим в основе любого комического смысла, признаётся акцентуация и «разрешение» какого-либо несоответствия в описываемом объекте (incongruity resolution) (Ruch 1998b: 114).

В процессе межкультурного общения человек, производящий комический дискурс и демонстрирующий своё остроумие, склонен к властной бессознательной агрессии, так как остроумие является способом косвенного выражения скрытых враждебных побуждений (Martin 1998: 19). К этому следует добавить замечание Ю.Б. Борева о том, что если адресат не разделяет комическую интенцию «творца комического», то созданный смысл воспринимается не как смешное, а как пошлость, цинизм, сальность, скабрёзность (Борев 1970: 56).

О преднамеренном характере создания юмористического смысла и юмористической интенции высказывания (текста, дискурса) пишет С. Аттардо, отрицая наличие объективно смешного текста. Текст становится смешным только тогда, когда у интерпретатора есть соответствующая перлокутивная цель. По мнению С. Аттардо, главную роль при передаче юмористического смысла имеет интенция адресанта (вкладывает ли он в текст смешной смысл?). Не менее важна интенция адресата (выбирает ли он интерпретацию текста в юмористическом ключе, и если да, то что он думает об интенциях адресанта?). Если адресаты думают, что текст намеренно создавался как смешной, они смеются *вместе* с адресантом, если же они считают, что текст не был задуман как смешной, то они могут начать смеяться *над* ним. Таким образом, смех возникает только в ситуации совпадения соответствующих интенций со стороны отправителя и получателя речи. Не существует юмора в себе и для себя: юмор всегда в намерениях адресанта (Аттардо 2003: 12-13).

Наиболее популярным источником стереотипных представлений о национальных характерах являются так называемые этнические анекдоты или шутки, построенные на шаблонном сюжете: представители разных национальностей, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на неё по-разному, в соответствии с теми чертами их национального характера, которые приписывают им на родине анекдота.

Следующий анекдот являет собой пример проявлений этнических стереотипов, где с точки зрения адресанта-англичанина интерпретируется поведение представителей других этнических общностей (шотландца и ирландца):

An Englishman, a Scotsman, and an Irishman walk into a pub. They decide to buy a pint of Guinness. Just as they were about to enjoy their creamy beverage three flies landed in each of their pints, and were stuck in the thick head.

The Englishman pushed his beer away from him in disgust. The Scotsman fished the offending fly out of his beer and continued drinking it as if nothing had happened. The Irishman too, picked the fly out of his drink, held it out over the beer and then started yelling, "Spit it out, spit it out you, bastard!" (Punch, Sept. 2002).

Как видно из примера, этнический стереотип аксиологически и эмоционально окрашен. В условиях межкультурной коммуникации неприятие «чужого» образа рассматривается как предвзятое мнение о представителях той или иной национальности, которая возводится на уровень обобщённого представления о культуре в целом. Так, коммуникативное поведение англичан направлено на дистанцирование от «чужой» аудитории (шотландцы – экономны и не брезгают пивом, в котором побывала муха; ирландцы – жадные, пьяницы и скандалисты).

Д.С. Лихачёв ввёл в область изучения комического новый объект – смеховой мир. Чтобы мир стал миром смеховым, он должен стать антимиром, то есть обладать известной долей нереальности, быть миром ложным, фальшивым, с элементами чепухи, маскарадности (Лихачёв 1999: 372-373). Однако демонстрация этого «низового» мира, «обнаруживающего за ширмой действительности её бедность, наготу, глупость, «механичность», отсутствие смысла и значения, разрушающего всю «знаковую систему», созданную традицией», приводит к нетолерантному поведению по отношению к участникам коммуникации.

В этнических анекдотах осмеянию подвергаются запретные темы (forbidden topics). По мнению К. Дэвиэс, к таким темам в американской и канадской культуре относятся анекдоты о глупости и нечистоплотности поляков, итальянцев и жителей острова Ньюфаундленд несмотря на отсутствие открытых конфликтов с представителями данных этносов:

How does a Newfoudlander wipe his mouth after eating?

He rubs his mouth along his shirt-sleeve then takes his serviette and wipes off the sleeve (цит. по: Davies 1998: 301).

Подобные шутки существуют в Германии, в стране, принимающей большое количество иммигрантов из Турции:

Why are the garbage cans in Köln made of glass?

So that the Turks can go window shopping (цит. по: Davies 1998: 303).

Итак, анализ проанализированного материала показал, что обращение к этническим стереотипам ведёт к односторонней клишированной интерпретации. Стереотип «чужого» всегда имеет резко негативную оценку и создаётся в так называемом этническом юморе – анекдотах и шутках о

представителях других культур. Эти анекдоты характеризуются резким неприятием другого этноса и называются дискурсом этнической предубеждённости. Рассказывание этнических анекдотов не безобидно, так как оно способствует формированию образов «хороших» и «плохих» народов, ориентируя представителей «своего» этноса на фиксацию отталкивающего образа врага и провозглашению собственного превосходства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аттардо, С. Миф о непреднамеренном юморе [Текст] / С. Аттардо // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 4-14.
2. Боров, Ю.Б. Комическое [Текст] / Ю.Б. Боров. – М. : Искусство, 1970. – 269 с.
3. Лихачёв, Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и др. работы [Текст] / Д.С. Лихачёв. – СПб. : «Алетейя», 1999. – 508, [71] с.
4. Панченко, Н.Н. Лингвистическая реализация комического в английском новостном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Н.Н. Панченко / ИГЛУ. – Иркутск, 2005. – 206 с.
5. Davies, Ch. The dog that didn't bark in the night: A new sociological approach to the cross-cultural study of humor [Text] / Ch. Davies // The Sense of Humor: Exploration of a Personality Characteristic / ed. by W. Ruch. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 1998. – P. 293-306.
6. Martin, R. Approaches to the sense of humor: a historical review [Text] / R. Martin // The Sense of Humor: Explorations of a Personality Characteristic / Ed. by W. Ruch. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 1998. – P. 15-62.
7. Ruch, W. Foreword and overview sense of humor: a new look at an old concept [Text] / W. Ruch // The Sense of Humor: Explorations of a Personality Characteristic / Ed. by W. Ruch. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 1998a. – P. 3-14.
8. Ruch, W. A two-mode model of humor appreciation: its relation to aesthetic appreciation and simplicity-complexity of personality [Text] / W. Ruch, F.-J. Hehl // The Sense of Humor: Explorations of a Personality Characteristic / Ed. by W. Ruch. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 1998b. – P. 109-142.

МОДЕЛИ НОМИНАЦИИ В РЕЧИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ю.С. Питеркина

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
The article covers the patterns of nomination in children's speech. It is noticed that validity of nominative processes in children's speech often contradicts to language factual knowledge, but it is actual for a child. Children always look for an explainable connection between the word and its meaning.

Проблема номинации всегда была одной из центральных тем теоретической лингвистики. Она обозначает как процесс создания, закрепления и распределения наименования за разными фрагментами действительности, так и значимую языковую единицу, образованную в процессе называния. Круг познания ребёнка и способы познания находят прямое отражение в том, какие фрагменты языковой картины мира репрезентируются в его лексиконе. В речи ребёнка функционирует несколько наименований одного и того же класса предметов, каждое из которых связано с определённой ситуацией.

Модели в детской речи представляют собой особенности номинаций, характерных для детей разных возрастных групп. Модели номинации – это ярко выраженные семантические признаки в речи детей, выделенные в процессе анализа языкового материала, характерные для определённого возраста. Материалом исследования послужили высказывания детей младшего дошкольного возраста (от 2 до 4 лет). В результате обработки языкового материала, выявились следующие модели номинаций:

• ***Внешние признаки одного предмета переносятся на зрительно-воспринимаемые признаки другого предмета***

В дошкольном возрасте происходит постепенное отделение речи ребёнка от непосредственно практического опыта. Ориентиром восприятия мира для ребёнка данного возраста являются, прежде всего, внешние характеристики объектов и явлений:

Аслан, 3 года. Расчёсывает маме волосы и, видя перхоть, говорит: «Мама! У тебя на голове зима!»

Девочка, 4 г. 11 м. О перхоти. Причёсывает брата: – Саша, у тебя здесь соли много! [Харченко, 2005, с. 507].

Главным признаком в этих высказываниях является цвет – белый, который и послужил для образования данных номинаций. Любое преобразование уже понятных ребёнку слов обнаруживают несовпадение его когнитивного и речевого опыта.

• ***Использование несемантизированной единицы (ребёнок использует слово, не зная его значение)***

Ввиду отсутствия в речи ребёнка подходящей лексической единицы, он прибегает к использованию несемантизированной единицы, которая является наиболее подходящей для заполнения языковой лакуны:

Мальчик, 3 г. 1 мес. – Сашенька, а что такое мир? – Это когда нет войны. – А что такое война? – Это когда фашисты убивают людей. – Каких людей? – Наших советских людей убивают. Горбачёва убивают. – А кто такой Горбачёв? – *Дядя такой хороший* [Харченко, 2005, с. 105].

• ***Перенос названия одной группы животных по отношению к другой***

Расширение референции слова, при котором не учитывается наличие дифференциальных сем, характерно для речи детей дошкольного возраста.

Данил, 3 года. Данила увидел несколько электричек на станции: – Ой, какое большое стадо поездов!

Во взрослом языке всегда есть ограничения в сочетаемости понятий, дети же такие ограничения усваивают не сразу, поэтому так часто в их речи можно услышать данные высказывания.

• **Особенности формы одного предмета переносятся на другой**

Мальчик, 2 г. 4 мес. Увидел навес в виде грибка, под которым вывешены газеты для чтения: «Абажур!» [Харченко, 2005, с. 15].

Мальчик, 2 г. 4 мес. В ванной комнате показывает на лампочку: «А этот абажур называется лампочка» [Харченко, 2005, с. 15].

Основу лексического значения слова составляет опыт самого ребёнка. В процессе номинации актуализируется один из семантических компонентов, внешне напоминающий какой-либо предмет.

• **Перенос качеств человека на предметы**

Особенность отражения парадигматики слов в речи ребенка определяется степенью обобщённости парадигматических связей, а именно тем, какая степень точности необходима для предметно-практической деятельности ребёнка.

Ася П., 2 г. 6 мес. Рассуждает: «У меня старые книжки, есть и молодые» [«От двух до трёх»].

Ася П., 2 г. 6 мес. Сравнивает свои старые санки и новые: «Эти санки старые, а эти молодые» [«От двух до трёх»].

Для детей не актуальна дифференциация сем «молодой» и «новый», поэтому значение одного слова переносится на другое. В процессе развития ребёнка качественно изменяется значение слова, т.е. строение того обобщения, носителем которого является слово, тем самым изменяется и форма связи слова и действительности.

• **Перенос признаков с предмета на человека**

Образность в детской речи наблюдается чаще всего в существительных и глаголах, т.к. эти части речи первыми усваиваются ребёнком.

Саша, 3 г. 5 м. Смотрит мультфильм. Один из героев начинает бежать задом наперед. Саша увидел и говорит: – Мама, смотри, он багажником вперед бежит!

Девочка, 4 года. Берёт руку воспитателя, прикладывает ко лбу: «Попробуйте, у меня батарея не горячая?» [Харченко, 2005, с. 27].

Перенос признаков с предмета на человека происходит потому, что ребёнок не учитывает еще налагаемых ограничений на связи слов в высказываниях. Речь ребёнка ситуативна, экспрессивна, поэтому перенос качеств с предмета на человека для ребёнка происходит естественным образом.

• **Пояснение смысла (семантики) слова для собеседника, идущее от понимания значения ребёнком**

В возрасте от 3 до 5 лет ребёнок овладевает системой родного языка. Интерпретируя собственные знания, ребёнок приспособливает слова в соответствии с ситуацией, расширяя тем самым сферу референции слова:

Миша, 3 года. Миша поймал муху: – Теперь я настоящий *рыболов мух!*

Основу речевого развития, как было сказано ранее, составляют познавательные процессы, информация об окружающей действительности, которую получает ребёнок, и способы получения этой информации.

Нередко ребёнок даёт собственное толкование слова, ссылаясь на свой когнитивный опыт:

Никита, 2 г. 9 мес. Никита неразборчиво просит поварёшку. Мама переспрашивает, что ему нужно. Никита отвечает: – Нужна *поварёшка* (опять неразборчиво), ну *лопата такая, суп копать*.

В данном случае ребёнок использует не то слово, которое соотносится с явлением в системе языка, а другую единицу в силу их синтагматической близости. Структура слова уточняется с целью приспособить его содержание к более понятным для ребёнка языковым формам:

• ***Объект и инструмент действия исключён ребёнком из смысловой структуры глагола***

Ребёнок не учитывает ограничений, налагаемых на сочетаемость слов с другими словами. Это свидетельствует о расширении сферы референции глаголов. В результате невладения правилами системы языка, ребёнок синтагматически сблизил значения данных слов. Формирование сигнификативной части лексического значения слова тесно связано с усвоением ребёнком слов разной степени обобщения:

Ася П., 2 года. Ася просит посыпать творог сахаром: «*Посоли сахаром*» [«От двух до трёх»].

Аня, 3 года. Аня просит включить свет: – Мама, *открой свет!*

Номинативные переносы возникают в речи детей в определённых ситуациях. Недифференциация в значениях глаголов связана с отсутствием лексического значения в сознании ребёнка.

• ***Не разграничение ребёнком названий, связанных с анатомическим строением человека и животного.***

В процессе познания окружающей действительности, ребёнок начинает познавать самого себя, усваивать лексику, называющую части тела не только свои, но и животных. Часто в речи детей мы можем заметить не разграничение названий частей тела человека и животного.

Яночка, 3 года. Показывает на плечи. – У меня *на руках коленки заболели*.

Мальчик, 2 г. 8 мес. – Ты почему не спишь? – Нога болит. – Какая? – *Задняя* [Харченко, 2005, с. 162].

• ***Перенос на основании тактильных ощущений***

Мальчик, 3 г. 5 м. О волосе. – Да вот у него (папы) *короткие ниточки торчат и колются* [Харченко, 2005, с. 321].

Эдик 2 г. 10 мес. Внимательно ощупывает колючий папин подбородок. – Папа! Ты что, *ёжика съел?*

Данный номинативный перенос произошёл на основании укалывания рук мелкими иголочками.

Таким образом, проанализировав данную возрастную группу, в результате статистических данных, выявленных в исследовании, мы пришли к выводу о том, что для детей в возрасте от 2 до 4 лет характерны следующие модели номинации: 1) внешние признаки одного предмета переносятся на зрительно-воспринимаемые признаки другого предмета; 2) пояснение смысла (семантики) слова для собеседника, идущее от понимания значения ребёнком.

Данный результат связан с тем, что недостаток словарного запаса и невладение семантикой слова в полном объёме приводят к употреблению детей одного слова вместо другого. Это происходит потому, что языковой и речевой опыт ребёнка еще недостаточно развит. Зрительное восприятие наиболее значимо для ребёнка, потому что познание окружающей действительности идёт через визуальный контакт. Номинативные переносы, возникающие в детской речи, связаны с развитием познавательных процессов. С этим непосредственно объединено и пояснение семантики слова, идущее от понимания значения ребёнком. Часто пояснение семантики происходит через внутреннюю форму слова. Так как когнитивный опыт у детей данного возраста опережает языковой, то ребёнок пытается выразить свои мысли через собственное эмоциональное восприятие.

ЛИТЕРАТУРА

1. От двух до трёх. Дневниковые записи [Текст]. / Сост. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева / Ред. М.Б. Елисеева. – СПб., 1998. – 159 с.
2. Харченко, В.К. Словарь современного детского языка: ок. 10 000 слов: свыше 15 000 высказываний [Текст] : словарь / В.К. Харченко. – М. : Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 637 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

А.В. Поселенова

Волжский политехнический институт

Phraseologic units characterizing speech behavior are of great importance in the complete characteristic of communicative personality. They have very distinctive semantic structure and perform different functions.

Среди языковых средств, характеризующих речевое поведение личности, особую роль играют фразеологические единицы (далее ФЕ), в семантическую структуру которых включены семы «Человек» и «Речь». В совокупности с наименованиями человека, характеризующими его речевое поведение, перформативными глаголами, вариативными конструкциями речевого поведения и многими другими средствами языка такие ФЕ могут быть использованы для описания того или иного речеповеденческого типа коммуникативной личности.

Особая роль ФЕ в идентификации речеповеденческого типа коммуникативной личности обусловлена их иллокутивным потенциалом, который заключается в способности ФЕ сохранять в своём постоянном

значении информацию о тех типах речевых актов, в которых может быть использована данная ФЕ. Такое свойство ФЕ отмечали многие исследователи. Так, В.Н. Телия пишет, что ФЕ представляют собой «свертки» речевых актов [Телия, 1996, с. 152].

Чем обусловлено такое свойство ФЕ?

1. ФЕ образуются не в качестве вторичных наименований для предметов, признаков, действий, уже имеющих названия, а в качестве средств для их оценочной квалификации, описания, основанного на выделении каких-либо существенных признаков, свойств [Телия, 1996, с. 150]. В межличностной коммуникации оценка почти всегда связана с эмоциональным отношением.

2. Человеческие эмоции и оценки имеют свойство проявляться в ряде стандартных ситуаций и обычно выражаются при помощи в известной степени универсальных языковых средств [Носенко, Старогубцева, 1989, с. 55].

3. В результате постоянного употребления в одних и тех же ситуациях ФЕ рано или поздно начинают ассоциироваться с этими ситуациями в сознании носителей языка.

4. В то время как ФЕ прочно входит в состав языка в качестве устойчивой единицы, любой носитель языка подсознательно или осознанно связывает с ней некоторую совокупность иллокутивных сил, которые может приобретать высказывание при ее употреблении. Иллокутивную силу ФЕ можно считать одним из компонентов ее прагматического значения (компонентом, уже не зависящим от контекста, а, наоборот, самостоятельно устанавливающим некоторые контекстуальные ограничения).

Носитель языка, употребляющий в речи ФЕ, как бы «включает» некий механизм стандартного построения речи, закономерно обуславливающий определённое прагматическое воздействие на адресата высказывания.

Фразеологические единицы, характеризующие речевое поведение личности, значительно различаются по семантической структуре и выполняют разные функции.

ФЕ, характеризующих речевое поведение личности эксплицитно, совсем немного: *рассказывать сказки (басни), говорить на разных языках, говорить русским языком, заговаривать зубы, читать мораль (проповедь)* и т.д. Большая часть ФЕ характеризует речевое поведение коммуникативной личности имплицитно. Сема «Речь» в семантической структуре таких ФЕ не является доминирующей, но почти всегда включена в постоянный состав фразеологического значения. Так, ФЕ *волк в овечьей шкуре* не только характеризует коммуникативную личность как человека, прикрывающего свои дурные намерения, действия маской добродетели, но и предполагает определённый стиль речевого поведения, основанного на лжи и лицемерии.

По особенностям структуры семантики и выполняемым функциям ФЕ, имплицитно характеризующие речевое поведение личности, можно условно разделить на следующие группы:

1. ФЕ-наименования человека, дающие комплексную характеристику

коммуникативной личности: *ангел во плоти, ангел без крылышек, базарная баба, бесструнная балалайка, ветряная мельница, волк в овечьей шкуре, человек в футляре, казанская сирота, шут гороховый* и другие. В совокупности такие фразеологизированные наименования представляют собой своеобразную народную «классификацию» русской коммуникативной личности. Эта классификация не является исчерпывающей: ФЕ-наименования человека по его речевому поведению характеризуют коммуникативную личность не во всех ее свойствах, а лишь в тех, которые не просто одобряются / не одобряются, но являются ключевыми для оценки речевого поведения личности в культурной традиции языкового сообщества. Например, для положительной оценки коммуникативной личности ключевыми являются кротость, послушание, терпение, заботливость (*ангел во плоти, ангел-хранитель*), простота, открытость, дружелюбие (*рубаха-парень*), для отрицательной оценки – грубость, скандальность (*базарная баба*), легкомыслие (*ветряная мельница, шут гороховый, ветреная голова*), чрезмерная болтливость, пустословие (*бесструнная балалайка, ботало коровье*), хвастливость, чванливость, задиристость (*ворона в павлиньих перьях, аника-воин*), неискренность, лицемерие, хитрость (*волк в овечьей шкуре, казанская сирота*).

2. ФЕ, характеризующие коммуникативную личность по наличию / отсутствию у неё относительно постоянных свойств, существенно влияющих на успешность / неуспешность акта коммуникации: *без сердца, боек на язык, большого сердца, ветер в голове* и т.д.

3. ФЕ, характеризующие коммуникативную личность по наличию / отсутствию у неё некоторых непостоянных свойств, неожиданно изменяющих коммуникативное поведение субъекта: *белены объелся, бес вселился, будто муха укусила*. Такие ФЕ часто функционируют в качестве образных сравнений: *Он как будто белены объелся; В него словно бес вселился*.

4. ФЕ, образно определяющие стратегии и тактики речевого поведения субъекта: *вбивать в голову, втирать очки, бросить камешек в огород, волком завывать, воткнуть шпильку, вправлять мозги, выводить на чистую воду, вывернуть душу наизнанку* и т.д. Такие ФЕ обычно соотносятся с определёнными глаголами речевого поведения: *втирать очки – обманывать, вправлять мозги – поучать, выводить на чистую воду – разоблачать* и т.п. Однако структура семантики некоторых из них настолько сложна, что может быть более или менее точно охарактеризована только с помощью развёрнутого высказывания. Например, *вывернуть душу наизнанку* – значит, быть предельно откровенным с кем-либо, рассказывая о себе все без утайки.

5. ФЕ с обстоятельственным значением, характеризующие конкретные речевые действия субъекта речи: *без запинки, без лишних слов, без обиняков, в глаза (говорить), в голос (кричать), в двух словах (изложить)*.

6. ФЕ, используемые для экспрессивной оценки содержания и качества речи в целом: *бабушкины сказки, бред сивой кобылы, бред собачий, сказка про белого бычка*. С помощью таких ФЕ оценке подвергаются

достоверность и разумность высказывания собеседника или третьего лица.

Многие из отмеченных ФЕ не только служат средством выражения иллюкутивного намерения говорящего и его эмоционального отношения к предмету речи и адресату, но и многое могут рассказать о самом говорящем и речевой ситуации: о социально-ролевом статусе говорящего и адресата речи, о некоторых личностных качествах и о стиле речевого поведения говорящего.

Так, глагольная ФЕ *вбивать (вдалбливать, вколачивать) в голову (в бабку)* «часто повторяя одно и то же, заставляя запомнить, усвоить» может использоваться по отношению к собеседнику только в значении нисходящего соотношения социальных статусов. Эта информация выводится при анализе пресуппозиционной семантики, носителями которой являются многие глагольные ФЕ. При этом тот, кто кому-либо что-либо *вбивает (вдалбливает, вколачивает) в голову (в бабку)* не только старше собеседника или имеет более высокий социальный статус, но и обладает такими личностными качествами, как грубость, властность, бескомпромиссность, демонстрирует неуважительное, подчас пренебрежительное, отношение к собеседнику, использует авторитарный стиль коммуникативного взаимодействия.

Функции ФЕ, характеризующие речевое поведение личности так же разнообразны, как их семантическая структура. Одни ФЕ определяют социально-ролевой статус участников коммуникации, указывают на некоторые личностные качества говорящего и на определённую манеру его речевого поведения одновременно, другие только указывают на социально-ролевой статус, третьи служат для личностной характеристики и манеры речевого поведения говорящего независимо от распределения социальных ролей в речевой ситуации.

Таким образом, ФЕ наряду с другими средствами языка могут использоваться в качестве индикаторов конкретных речеповеденческих типов коммуникативной личности. Однако при их использовании необходимо учитывать, что определение характера личностных качеств, информацию о которых содержит фатический компонент прагматического значения ФЕ, всегда имеет не абсолютный, а предпочтительный характер, т.к. невозможно выделить абсолютные критерии грубости, сдержанности, скромности, застенчивости и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
2. Носенко Э.Л. Эмотивность как интегральное качество текста [Текст] / Э.Л. Носенко, Т.В. Старогубцева // Прагматика и типология коммуникативных единиц языка. – Днепропетровск, 1989. – С. 53-58.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЭМОЦИИ»

Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики (Псковский филиал)

The article focuses on phraseological metaphors as means of culture perception. The investigation is aimed at finding similarities and differences of Russian and English language world picture.

Проблема взаимодействия языка и культуры – одно из перспективных направлений лингвистических исследований нашего времени. «Лингвистика 21 века активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания» [Маслова, 2007, с. 3]. Желание исследователя овладеть неким скрытым знанием заставляет его осмыслять язык как путь к познанию ментальности народа, как возможность прикоснуться к взглядам и убеждениям предков. С этой точки зрения безусловный интерес представляет фразеология как языковая кладовая нации, которая хранит и транслирует социально значимую информацию. В данной работе совершена попытка рассмотрения метафоры как способа познания языковой картины мира русских и англичан на материале соматических фразеологизмов семантического поля «Эмоции».

Одним из механизмов образования фразеологических единиц (далее ФЕ) является метафора. ФЕ часто выступают как вторичное средство выражения понятия. Наиболее продуктивным способом создания экспрессивной окраски слов и выражений является ассоциативно-образное переосмысление значений. В метафоре прослеживается «само зарождение мысли и ее осуществление в языке» [Телия, 1986, с. 81].

Метафора – код культуры, т.е. носитель культурной информации. Осмысление метафор, лежащих в основе ФЕ английского и русского языков, позволяет выявить универсалии сознания двух народов и специфически национальное в восприятии мира.

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своём труде «Метафоры, которыми мы живем» пишут: «...метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 5]. Авторы выделяют ряд метафорических понятий (концептов), поясняя, что «понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 9]. Понятийные метафоры иначе называют базисными или концептуальными. Под базисной метафорой понимается, «когда сущности одного вида понимаются и переживаются в терминах сущности другого вида. Такие метафоры редко осознаются носителями языка. Но они дают возможность использовать одно высокоструктурированное понятие для структурирования другого» [Середина, 1999, с. 115].

Исследование материалов нашей выборки позволяет выделить ряд метафор семантического поля «Эмоции». Метафора «любовь – сумасшествие» является основополагающей в образовании русских и английских ФЕ: *lose one's heart* – влюбиться; *lose one's head* – потерять голову (влюбиться); *be head and (over) ears (be over head and ears) (in love)* – быть по уши влюблённым; *head over heels (over head and heels) in love* – по уши влюбить; *терять голову*; *свести с ума*. Данная метафора выделена Лакоффом и Джонсоном, и наше исследование подтверждает обозначенную авторами мысль. Чувство «любовь» в обоих языках в ряде случаев описывается в терминах войны: *win smb's heart* – добиться чьей-л. любви; *gain smb's heart* – добиться чьей-л. любви; *завоевать сердце*; *покорять сердце*.

Общность образного мышления прослеживается и при отражении эмоции «страсть». Так, в двух языках мы обнаруживаем метафору «страсть – жар»: *hot blood* – горячность, вспыльчивость; *blood is up* – страсти разгорелись; *have a soft (warm) spot in one's heart for smb* – испытывать влечение; *зубы разгорелись* – сильно желать чего-л.; *глаза разгорелись (горят)* – кому-л. захотелось чего-л. очень страстно; *кровь играет (кипит, играет, горит)* – кто-л. охвачен страстью, порывом чувств. Интересным представляется тот факт, что в основе возникновения ФЕ, обозначающих определённые эмоции, может лежать идея как повышающейся, так и понижающейся температуры. Эмоция «гнев, злость» связана с мыслью о повышении температуры: *под горячую руку* – сделать что-л., сказать что-л. в состоянии возбуждения, раздражения, гнева; *make smb's blood boil* – (кровь закипела), приводить кого-л. в бешенство, в ярость; *in hot blood* – сгоряча, в сердцах, всплыв. Идея понижающейся температуры является базовой для английских и русских ФЕ, обозначающих «страх»: *кровь стынет (леденеет, холодеет) в жилах* – кто-л. испытывает чувство сильного страха, ужаса; *мороз по спине дерет* – ощущается озноб, вызываемый чувством сильного страха, волнения, возбуждения; *make one's blood run cold* – похолодеть от ужаса; *freeze one's blood* – похолодеть от ужаса.

Тем не менее, в большинстве случаев разные языки прибегают к разным метафорам для обозначения эмоций. Так, рассматривая ФЕ с темой «спокойствие», только в английском языке мы можем легко выделить такую базовую метафору как «спокойствие – холод»: *have one's brain on ice* – сохранять ледяное спокойствие, не терять головы, быть сдержанным; *cold blood* – хладнокровие; *in cold blood* – хладнокровно. В русском языке «спокойствие» связано с ощущением облегчения, легкостью, освобождением от чего-л.: *легко на сердце* – без тревоги, без опасений; *камень с сердца свалился* – почувствовал душевное облегчение после избавления от тяжелого щемящего чувства; *как (будто, точно, словно) гора с плеч* – почувствовать полное облегчение.

Чувство «печаль, досада» в русском языке реализуется посредством метафоры «печалиться, досадовать – причинять себе боль»: *кусать себе локти* – досадовать, сожалеть о непоправимом; *кусать губы* – выразить

досаду, сожаление; *рвать на себе волосы* – сильно досадовать, приходиться в отчаяние; *хоть пулю в лоб* – выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-л. предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжелого или безвыходного положения. В английском языке чувство «горе, страдание» передается через метафору «страдать – разбивать что-л., иметь что-л. разбитым»: *break one's heart* – убиваться, расстраиваться; *a broken heart* – разбитое сердце; *one's heart is broken* – сердце разбито, убитый горем; *break smb's heart* – огорчить, расстроить кого-л.; *break smb's heartstrings* – разбить чье-л. сердце, причинить большое горе.

Особенно интересен тот факт, что одна и та же метафора в разных языках может лежать в основе ФЕ, обозначающих совершенно разные эмоции. Так, в русском языке ассоциативно-образный компонент «боль» присутствует в коннотации ФЕ, обозначающей эмоцию «беспокойство»: *голова болит* – кто-л. волнуется, беспокоится; в английском языке этот же компонент является определяющим в обозначении эмоции «печаль»: *be sick at heart* – тосковать, томиться.

Необходимо также отметить, что в качестве образного стержня части соматической ФЕ используется и описание повадок животных, их поведения в различных ситуациях; соответствующие фразеологизмы обозначают такие же или сходные ситуации в сфере человеческих отношений. Отдельные действия, передаваемые содержанием исходных словосочетаний указанных ФЕ, присущи только животным. Подчеркнутая экспрессивность создается за счёт большого диссонанса их актуального и этимологического значения: *скалить зубы* – злиться, негодовать; *кошки скребут на сердце* – тревожно, беспокойно; *cast sheep's eyes at smb* – бросать влюблённые взгляды; *be on one's hind legs* – встать на дыбы, заупрямиться, прийти в ярость.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что метафоры, обладая культурной коннотацией, являются источником знаний, постижение которых позволяет понять культуру народа. Многие фразеологические единицы, удерживающиеся в языке веками, приобрели символическое, образно-метафорическое значение. Рассмотрение метафор, лежащих в основе ФЕ английского и русского языков, позволяет увидеть сходство и различия восприятия мира русских и англичан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 3-е изд., испр. / В.А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2007. – 208 с.
2. Метафоры, которыми мы живем (Metaphors We Live By) [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Середина, О.Е. Базисная метафора в русских и английских фразеологизмах с семантическим полем «человеческие отношения» [Текст] / О.Е. Середина // Текст как объект изучения и обучения. – Псков, 1999.
4. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В.Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 136 с.

МОДЕЛИ ЗНАЧЕНИЙ МЕРОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Ю.Н. Русина

Полесский государственный университет

The aim of the article is to reveal semantic properties of English and Russian meronyms (nouns denoting parts of wholes) from the point of view of the information conveyed by their meanings.

Для семантических исследований последних десятилетий характерно пристальное внимание к проблеме изучения содержательной стороны языковых явлений. В рамках когнитивной парадигмы лингвистических исследований центральным является понимание категории значения как некоторой структуры *знания* [Кубрякова, 2004; Никитин, 2004]. Когнитивный подход к анализу семантики языковых единиц, т.е. анализ знания о реальных сущностях окружающей действительности, зафиксированного в значениях языковых знаков, приобретает всё большую популярность [Рахилина, 2000; Пустейовский, 1991; Вежбицкая, 1985]. Разработка моделей значений единиц различных классов позволит выявить закономерности отражения в языковых единицах преломлённой в сознании человека объективной действительности.

Объектом исследования в данной работе выступают *меронимы* английского и русского языков – субстантивные имена-обозначения частей целого, т.е. те лексические единицы, которые характеризуются наличием семы партитивности ('part'/'часть') в их семантике, например: *west* 2. 'the western part of a country or area' [Longman Dictionary].

Целью статьи является рассмотрение моделей значений меронимов только одного из выделенных нами ранее классов – класса наименований отчуждаемых частей, – единицы которого связаны идентифицирующим значением партитивности «Часть, отделённая или оставшаяся в результате отделения от определённого целого и получившая свою номинацию вследствие отделения». Единицы этого класса интересны прежде всего тем, что всем им присущ семантический признак 'отделённость', указывающий на то, что подобные меронимы именуют часть, отделённую от какого-то целого, т.е. отчуждаемую часть.

Как указывалось в наших ранних работах, в современном английском языке меронимы данного класса включают в свои значения, помимо признака 'партитивность', и ряд других семантических признаков, отражающих результаты процесса познания людьми окружающей действительности. Этих признаков 13: 'отделённость', 'размер', 'материал', 'темпоральность', 'форма', 'функция', 'тактильность', 'общая характеристика', 'локативность', 'лицо', 'оценка', 'происхождение', 'цвет'. В значениях русскоязычных меронимов зафиксировано 11 признаков (не отмечены признаки 'лицо' и 'цвет'), причём все они характеризуются гораздо меньшей степенью представленности, по сравнению с английскими меронимами.

Проведённый анализ показал, что в английском языке в семантике меронимов, обозначающих отчуждаемые части, наиболее часто фиксируемой оказалась информация об *отделённости* части (100%), *размере* части

(60,14%), *материале*, или субстанциональной принадлежности (52,9%), *временных условиях* появления той или иной части (23,91%), *форме* той или иной части целого (23,91%) и о *целях использования* данной части целого человеком (21,74%). Все остальные зафиксированные семантические признаки встречаются в значениях меронимов гораздо реже.

Семантика меронимов русского языка характеризуется меньшим разнообразием признаков. Компонентный анализ значений меронимических единиц рассматриваемого класса выявил следующее распределение семантических признаков: информация об *отделённости* части – 100% единиц, информация о *материале* – 51,64% меронимов, информация о *размере* части – 35,16% меронимов. Что касается признаков '*форма*' и '*темпоральность*', то они зафиксированы в значениях менее 20% меронимов, все остальные признаки встречаются лишь в единичных случаях.

Семантический признак '**отделённость**' в значениях меронимических единиц включает следующие разновидности: '**отдельность**' (на наличие этого признака указывают такие семы, как 'separate, separated from the whole'; 'отдельный, отделяемый'), '**способ отделения**', несущий информацию о том, каким образом часть отделена от целого (об этом признаке сигнализируют компоненты 'cut, torn, broken, taken away'; 'отбитый, оторвавшийся, отколовшийся, отрезанный'), и '**остаток**', указывающий на то, что часть осталась в результате прекращения целым своего существования, т.к. оно было разрушено, уничтожено и т.д. (о наличии этого признака свидетельствуют семы 'left, remained'; 'оставшийся'): *shred* 'a small thin piece that is torn or cut roughly from something', *stump* 'the bottom part of a tree that is left in the ground after the rest of it has been cut down', *обломок* 'отбитый или отломившийся кусок чего-нибудь'.

В своей работе мы посчитали целесообразным не рассматривать каждую из разновидностей признака 'отделённость' как отдельный признак по той причине, что наиболее важным представляется не тот факт, что отмечаются эти разновидности, а именно то, что меронимическим единицам вообще присущ признак 'отделённость' как таковой, который свидетельствует о существовании особого класса меронимов – единиц, обозначающих части, способные существовать отдельно от целого.

Признак '**размер**' отражает в семантике меронимов информацию о величине объектов в реальной действительности. К непосредственным компонентам, указывающим на наличие в семантике меронимов признака 'размер', относятся прилагательные 'big, large, thick'; 'большой, толстый' (маркеры признака 'большой размер') и 'small, little, thin'; 'маленький, небольшой' (маркеры признака 'малый размер'), например: *scrap* 1. 'a small piece of paper, cloth, etc.', *капля* 1. 'маленькая округлая частица жидкости'.

Признак '**материал**' указывает, главным образом, на вещественную субстанцию, от которой отделяется часть: *shard* 'a sharp piece of broken glass, metal, etc.', *локут* 1. 'оторванный или отрезанный кусок ткани, кожи'.

Признак '**форма**' несёт информацию о геометрической или неопределённой форме отделённых частей: *block* 1. 'a piece of hard material

such as wood or stone with straight sides’; *chunk* 1. ‘a large thick piece of something that does not have an even shape’; *ком* ‘уплотнённый округлый кусок чего-н. мягкого, рыхлого’, *клин* ‘кусок ткани, материала в виде треугольника’.

Признак ‘**темпоральность**’, т.е. информация об определённых временных условиях, содержится, главным образом, в семантике единиц, обозначающих ‘оставшиеся’ части, так как ‘оставшаяся часть’ – это та часть, которая продолжает существовать *после того, как (когда)* целое было уничтожено, например: *remains* 1. ‘the parts of something that are left after the rest has been destroyed or has disappeared’, *корешок* ‘часть листа, остающаяся в квитанционной книжке после отрыва квитанции’.

В ходе анализа были определены комбинации выделенных признаков для каждой единицы в отдельности как для меронимов английского, так и русского языка. Поскольку объём статьи не позволяет подробно описать распределение указанных признаков в значениях рассматриваемых единиц, ограничимся лишь краткими выводами.

Количественный состав признаков в значениях отдельных единиц английского языка варьируется от двух до семи. Анализ показал, что наиболее распространёнными структурами значений меронимов-наименований отчуждаемых частей являются *четырёхкомпонентные*, *пятикомпонентные* и *трёхкомпонентные* структуры. Относительно часто представлены и *шестикомпонентные* структуры, что говорит о значимости большого количества признаков при концептуализации объектов, обозначающих отчуждаемые части целого.

Выявлены следующие модели: ‘*партиитивность*’ + ‘*отделённость*’: *last* 4. ‘the remaining parts of something’; *section* 3. ‘a separate part of a book, newspaper, document, report, etc.’; ‘*партиитивность*’ + ‘*отделённость*’ + ‘*размер*’: *bit* 1. ‘a small piece of something’, где *piece* 1. ‘a part of anything solid which is separated, broken or marked off from a larger part or a whole body’; *fleck* 2. ‘a small piece of something’; ‘*партиитивность*’ + ‘*отделённость*’ + ‘*темпоральность*’: *remains* 1. ‘the parts of something that are left after the rest has been destroyed or has disappeared’; ‘*партиитивность*’ + ‘*отделённость*’ + ‘*размер*’ + ‘*материал*’: *slack* 6. ‘very small pieces of coal’; *hunk* 1. ‘a thick piece of something, especially food, that has been taken from a bigger piece’; ‘*партиитивность*’ + ‘*отделённость*’ + ‘*размер*’ + ‘*темпоральность*’: *remnant* 1. ‘a small part of something that remains after the rest of it has been used, destroyed, or eaten’; ‘*партиитивность*’ + ‘*отделённость*’ + ‘*размер*’ + ‘*форма*’ + ‘*материал*’: *slab* 1. ‘a large flat piece of cake, etc.’; *slice* 1. ‘a thin flat piece of food cut from a larger piece’; ‘*партиитивность*’ + ‘*отделённость*’ + ‘*размер*’ + ‘*функция*’ + ‘*материал*’: *pattern* 5. ‘a small piece of cloth, paper, etc. that shows what a larger piece will look like’.

В русском языке наблюдается иная картина. Количественный состав признаков в значениях отдельных единиц варьируется от двух до пяти. Анализ показал, что наиболее распространёнными структурами значений меронимов-наименований отчуждаемых частей являются *трёхкомпонентные*

и *четырёхкомпонентные* структуры. Приведём примеры некоторых выявленных моделей: ‘*партиitivность*’ + ‘*отделённость*’: *клок* 2. ‘*обрывок, лоскут, оторвавшийся кусок* чего-н.’; ‘*партиitivность*’ + ‘*отделённость*’ + ‘*материал*’: *камень* 1. ‘*кусок, обломок твёрдой горной породы*’, где *обломок* ‘*отбитый или отломившийся кусок*’; ‘*партиitivность*’ + ‘*отделённость*’ + ‘*размер*’ + ‘*материал*’: *льдинка* ‘*маленький кусочек льда*’, где *кусочек* ‘*отдельная (отломанная, отрезанная) часть* чего-нибудь’; ‘*партиitivность*’ + ‘*отделённость*’ + ‘*материал*’ + ‘*форма*’: *клин* 1. ‘*сужающийся к своему заострённому концу кусок дерева, металла*’, где *кусок* ‘*отдельная (отломанная, отрезанная) часть* чего-нибудь’.

В результате проведённого анализа значений существительных-меронимов, обозначающих отчуждаемые части целого, можно сделать следующие выводы. Значения этих единиц отражают самую разнообразную информацию о свойствах обозначенных ими объектов, которая была воспринята, обработана и организована носителями языка в определённые структуры. Несмотря на то, что комбинации семантических признаков в структурах значений меронимов-наименований отчуждаемых частей различны, тем не менее выявляются наиболее распространённые модели значений, фиксирующие информацию о тех признаках и свойствах объектов реальной действительности, которые представляются человеческому сознанию существенными и важными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
2. Никитин, М.В. Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53-64.
3. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е.В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000. – 416 с.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – М., 2003. – 944 с.
5. Pustejovsky, J. The Generative Lexicon [Text] / J. Pustejovsky // Computational Linguistics. – 1991. – Vol. 17, Issue 4. – P. 409-441.
6. Wierzbicka, A. Lexicography and Conceptual Analysis [Text] / A. Wierzbicka. – USA : Karoma Publishers, Inc. Ann Arbor, 1985. – 368 p.
7. Longman Dictionary of Contemporary English. – 4-th edition with Writing Assistant. – UK : Pearson Education Limited, 2005. – 1950 p.

ЗАВИСИМОСТЬ АКТУАЛИЗАЦИИ КОМПОНЕНТОВ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ИМПЕРАТИВНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ ОТ СПОСОБА ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

М.В. Савельева
Курганский государственный университет

The realization of the semes that the imperative processual units (IPU) contain in their meaning depends on the way the syntactical subject is expressed. Inanimate syntactical subjects alter the semantic structure of IPU making it more abstract.

В современной лингвистике семантика высказывания исследуется на стыке лексики и грамматики. Границы между этими сферами не всегда являются абсолютными, порой они накладываются друг на друга, создавая промежуточные пласты языковых единиц. *Приказывать, дать / отдавать приказ / приказание, просить, заставлять, приглашать* и еще около 150 глаголов и фразеологизмов образуют особую группу единиц. В силу своего лексического значения они служат для номинации ситуации побуждения или выражения побуждения как такового, и тем самым играют схожие роли с грамматической категорией повелительного наклонения. Наше исследование нацелено на решение одного из спорных вопросов, а именно, вопроса о разграничении грамматического и лексического в данных единицах в процессе планомерного описания их языковых свойств. В данной статье будут рассмотрены аспекты семантической структуры данных единиц и особенности реализации ее компонентов в конструкциях с синтаксическим субъектом, выраженным неодушевленным существительным.

Вслед за Челябинской фразеологической школой, под семантической структурой языковых единиц понимаем «совокупность иерархически организованных сем разного уровня абстракции» [Ратушная, 1997, с. 79; Лебединская, Усачева, 1999, с. 6]. Рассматриваемые нами единицы на категориальном уровне обладают семами наибольшей степени абстракции, создающими общее для всех единиц класса значение – «процессуальность». Среди всех процессуальных единиц исследуемые единицы объединяет наличие семы «побуждение к действию», поэтому мы их можем определить, как процессуальные единицы с императивной семантикой (или императивные процессуальные единицы – далее ИПЕ).

В семантическую структуру ИПЕ включены групповые семы, которые позволяют объединить ИПЕ в группы (приказ, просьба, совет, приглашение, разрешение/запрет, принуждение) и индивидуальные семы, помогающие различать ИПЕ внутри групп (просьба: просить, умолять, уговаривать, убеждать и т.п.). На субкатегориальном уровне присутствуют семы, имеющие схожие черты с семами субкатегорий «деятельность» и «отношение», в частности сема «субъект», которая свойственна всем процессуальным единицам. В ходе изучения языковых свойств ИПЕ возникает необходимость исследовать способы репрезентации синтаксического субъекта и проследить их влияние на семантическую структуру единиц.

Акт побуждения понимается нами, как сознательно (сема «осознанность») направленное воздействие одного субъекта – назовем его «субъект побуждения», на другого – «адресата побуждения», посредством волеизъявления. ИПЕ реализуют сему «волеизъявление» в ситуации побуждения. ИПЕ репрезентируют ситуацию побуждения как акт

волеизъявления, который один субъект направляет на другого субъекта, побуждая его к выполнению / невыполнению какого-либо действия или приобретению иного / сохранению прежнего состояния. Выполнение или невыполнение определённого действия, изменение или сохранение определённого состояния, в свою очередь, являются целью побуждения, объектом, на который направлен процесс волеизъявления.

Анализ корпуса употреблений ИПЕ в устной речи и письменных источниках показал, что из 2500 употреблений более 80% (2017) составляют случаи, где в роли субъекта побуждения выступает лицо или группа лиц. Это объясняется тем, что содержание семантики всех процессуальных единиц имеет «антропоцентрическую направленность» [Лебединская, Усачёва, 1999, с. 5-6], то есть в структуре их значения представлены семы, отражающие волю, эмоции, желания, потребности и оценки человека.

Самым продуктивным средством выражения синтаксического субъекта, обозначающего лицо или группу лиц, являются разнообразные личные имена существительные, собственные и нарицательные, и местоимения. Среди личных имен существительных ведущие позиции по продуктивности за собой сохраняют местоимённые существительные в силу того, что в предложении они могут выступать вместо любого имени существительного: собственные, нарицательные, одушевлённые, неодушевлённые, вещественные, абстрактные, собирательные. Это позволяет избегать многократного повторения наименования ранее упомянутого субъекта побуждения.

*Достаточно сказать, что **они** (Швондер и другие) предложили мне отказаться от моей смотровой, другими словами, поставили меня в необходимость оперировать вас там, где я до сих пор резал кроликов (Булгаков «Собачье сердце»). Заходившееся **сердце**... Оно так и норовило пропасть. Болея бесконечной болью, как часто **оно** заставляло меня вспоминать, на каком же свете я нахожусь: на белом, на черном, на том, на этом? (Сурикова «ДТП»). **Я** запрещаю вам отлучаться из Москвы до особого распоряжения (Акунин «Статский советник»).*

Собственные имена существительные указывают на ФИО или кличку субъекта побуждения, нарицательные указывают на возраст, пол, род деятельности, социальное, семейное положение и т.п., чем способствуют полной реализации сем «субъект-лицо», «осознанность» и «волеизъявление»:

*С досады **государь** лично повелел засыпать подземный ход (Белянин «Тайный сыск царя Гороха»). Его **родители** подучили людей смуцать? (Фрай «Энциклопедия мифов»). **Мужчины** и **женщины**, **старики** и **дети**, в аккуратно отглаженных костюмчиках, без тени страха и без слова упрёка, позволили конным гвардейцам взять себя в кольцо и лишь доверчиво смотрели на царя, что-то тихо шепча по-немецки (Белянин «Заговор Черной Мессы»). **Мой патрон, Лаврентий Аркадьевич Мизинов** <...> дал мне поручение разобраться, что это в Москве за «Азазель» такой объявился (Акунин «Азазель»).*

В роли синтаксического субъекта при ИПЕ могут выступать географические названия и собирательные существительные. Собирательные имена существительные являются грамматически неодушевлёнными, но имеют в своей семантической структуре сему «одушевлённость», поэтому мыслятся как одушевлённые и обозначают группу лиц:

Многочисленная родня в ультимативной форме потребовала окрестить малышку Марией, <...> (Фрай «Энциклопедия мифов»). Бояре, духовенство, да и весь простой народ активно угovarивали государя жениться (Белянин «Тайный сыск царя Гороха»). Общее собрание просит вас добровольно, в порядке трудовой дисциплины, отказаться от столовой (Булгаков «Собачье сердце»).

По сути, географические названия относятся к неличным неодушевлённым существительным, но по причине того, что они выступают в конструкциях с ИПЕ в роли синтаксического субъекта, они приобретают в своей семантической структуре сему «одушевлённость», и в силу процессов метафоризации, начинают обозначать группу лиц – всех жителей или руководство страны:

<...> Москва приказала обучить всех туркменских детей грамоте <...> (Паустовский «Кара-Бугаз»). <...> Англия посылает весь свой воздушный флот драться с немцами (Эфрон «Дневники»).

В сочетании с синтаксическим субъектом, выраженным одушевлённым существительным, собственным или нарицательным, указывающим на лицо, или грамматически неодушевлённым собирательным, указывающим на группу лиц, ИПЕ всех групп полностью реализуют свою императивную семантическую структуру, актуализируя следующие семы: субъект-лицо, осознанность, волеизъявление, целенаправленность.

Анализ корпуса употреблений ИПЕ в устной и письменной речи показал, что в 20% случаев синтаксический субъект выражен неодушевлённым (абстрактным или конкретным, реже вещественным) именем существительным. Основной особенностью здесь является то, что неодушевлённые существительные представляют собой целостную ситуацию, событие, и в подавляющем большинстве случаев, сочетаются с ИПЕ семантических групп «принуждение» и «разрешение/запрет», в силу того, что в семантической структуре ИПЕ этих групп сема «речь, речевой воздействие» не является центральной:

Эраст Петрович разделся и залез в ледяную ванну, которая на миг заставила его отрешиться от посторонних мыслей <...> (Акунин «Смерть Ахиллеса»). Тот оказался моим коллегой-фотографом; то ли внутрицеховая симпатия, то ли общительный нрав побудили его сообщить мне, что одна из мансард сдаётся в аренду (Фрай «Энциклопедия мифов»). Странный озноб не давал мне согреться, и я набросила шаль (Акунин «Левиафан»).

В приведённых примерах ИПЕ реализуют сему «субъект». Семантическим субъектом всё также является лицо – человек, который подвергает сложившуюся ситуацию оценке, анализирует обстоятельства и принимает решение об осуществлении или неосуществлении определённых

действий. Синтаксический субъект представляет в конструкции предложения те самые причины, которые побуждают семантического субъекта к деятельности. Неодушевлённый синтаксический субъект пассивен и лишён сем «осознанность» и «волеизъявление», в силу чего, меняется семантика ИПЕ, становясь более абстрактной.

В конструкции с ИПЕ, в семантической структуре которых есть сема «речь, речевое воздействие», неодушевлённые существительные приобретают сему «одушевлённость» и реализуют ее таким образом, что становятся «квази-одушевлёнными» (не одушевлённые, но обладающие признаками и качествами одушевлённых):

Автомат убедительно просил людей не пользоваться канадскими монетами (Аксенов «Круглые сутки нон-стоп»). Присмирившие ноги не то чтобы настаивают, но очень просят сделать им одолжение, дать передохнуть (Фрай «Энциклопедия мифов»).

Синтаксический субъект, выраженный соматизмом, начинает обозначать лицо – человека, которому он принадлежит, в частности самого семантического субъекта:

Пока я говорил, она то подымала голову, и личико ее вспыхивало и гасло, а глаза умоляли не делать скандала, то оборачивалась к своему капитану, нежно прикасаясь пальцами к его груди, успокаивая его этой небольшой лаской и одновременно слегка отстраняя от наших воспоминаний (Искандер «Письмо»).

Синтаксический субъект, выраженный неодушевлённым существительным, вносит в семантическую структуру ИПЕ семы «непроизвольность» и «неосознанность». Неодушевлённый предмет пассивен. В конструкции с ИПЕ он представляет собой ситуацию, полноценное событие, которое является непроизвольной причиной, побудившей активного субъекта к осуществлению определённого действия или приобретению определённого состояния. Употребление ИПЕ при синтаксическом субъекте, выраженном неодушевлённым существительным, приводит к тому, что семантика ИПЕ становится более абстрактной. ИПЕ становятся каузативными, а не императивными единицами.

Таким образом, исследование показало, что ИПЕ могут сочетаться с синтаксическим субъектом, выраженным одушевлёнными и неодушевлёнными именами существительными, которые вносят свои особенности в процесс актуализации компонентов их семантической структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебединская, В.А. Семантика процессуальных фразеологизмов [Текст] : учебное пособие / В.А. Лебединская, Н.Б. Усачёва. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999. – 186 с.
2. Ратушная, Е.Р. Семантическая структура качественно-обстоятельственных фразеологизмов с компонентом-зоонимом в современном русском языке и механизм ее формирования [Текст] / Е.Р. Ратушная // Вестник Челябинского

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНДЕРНОЙ НОМИНАЦИИ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

М.А. Санко

Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан)

In the article consider problems of sexual persons' nomination by profession in Russian language. Author marks out groups of profession with sexual base, also analyses linguistic expression of persons' nomination by profession.

Развитие лингвистики нового времени, исследующей языковые явления в русле антропоцентрической парадигмы предопределило возникновение современных гуманитарных наук, среди которых гендерная лингвистика, естественно, заняла особое место. Научные исследования, ориентированные на человека и язык, как средство познания и коммуникации, выявили много фактов, интересных с точки зрения языкознания.

Понятие «гендер» было введено в науку в конце 60-х – начале 70-х годов XX века и использовалось сначала в истории, историографии, социологии и психологии, а позднее вошло и в лингвистику. Под гендером необходимо понимать «социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определённых качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [Кирилина, Томская, 2005, с.1].

А. Кирилина и М. Томская в своей статье «Лингвистические гендерные исследования» обозначают две группы проблем, которые касаются исследования гендера в языкознании в самом общем плане: «1. Язык и отражение в нём пола. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как манифестируется в языке наличие людей разного пола (исследуются в первую очередь номинативная система, лексикон, синтаксис, категория рода и т.п.), какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее заметно/отчётливо выражены. 2. Речевое и в целом коммуникативное поведение мужчин и женщин, где выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно специфический набор единиц лексики, способы достижения успеха в коммуникации, предпочтения в выборе лексики, синтаксических конструкций и т.д. – т.е. специфика мужского и женского говорения» [Кирилина, Томская, 2005, с. 1].

Описание лексических единиц языка невозможно без обращения к теории номинации, которая уже достаточно хорошо сложилась в языкознании.

Теория номинации исследует, как соотносятся между собой понятийные формы мышления и каким образом создаются, закрепляются и распределяются наименования.

Прагматические исследования языковых явлений по отношению к половому признаку человека показали, что исторически женщины занимались домашним хозяйством, а мужчины добывали хлеб своей семье. С

развитием общественных отношений появляются и новые профессии, которые изначально были связаны с мужской деятельностью. Женщинам просто не разрешалось заниматься «мужской работой». Постепенно социальный статус женщин становится более демократичным, и со временем разница между мужскими и женскими занятиями стирается. Появляются профессии, характерные как для обоих полов, так и для каждого в особенности. Исследование процессов гендерных номинаций вообще и наименований лиц по профессии в частности представляется нам актуальным. Данная работа интересна еще и в силу того, что целостного, значительного научного исследования, посвященного проблеме номинации лиц по профессии с гендерной точки зрения в современном языкознании нет.

Если говорить о гендерных основах номинации лиц по профессии в русском языке, то необходимо учитывать особенности профессий по отношению к полу человека. В связи с этим можно выделить 3 группы: 1) профессии, которыми занимаются только мужчины – «мужские»; 2) профессии, которыми занимаются только женщины – «женские»; 3) профессии, которыми в равной степени занимаются и мужчины, и женщины – «общие». Необходимо оговорить, что профессии первой и второй группы не исключают того, что ими могут заниматься оба пола. Здесь скорее учитываются физиологические различия мужчин и женщин, престижность профессии у того или иного пола, а также традиция, закреплённая в русском обществе.

В предложенных нами группах, первая и вторая не являются проблемными, так как номинация профессий семантически отождествляется с определённым полом. Например, для первой группы характерны «мужские» профессии (в некоторых случаях связано с физической силой): сантехник, кузнец, плотник; для второй группы традиционными являются «женские» профессии, связанные со спецификой профессиональной деятельности: маникюрша, кружевница, швея.

Третья группа, называемая «общие» профессии, характерные и для мужчин, и для женщин в равной степени, вызывает наибольший интерес для исследования, так как затрагивает социальнозначимый вопрос о том, как же всё-таки называть человека по профессии, если в основу положить его половой признак.

Анализируя слова, обозначающие в русском языке профессии, которыми в равной степени занимаются и мужчины, и женщины, мы пришли к выводу, что все их можно разделить на 2 группы: 1) полноценная номинация и 2) неполноценная номинация. Полноценная номинация представляет собой группу слов, называющих лица по профессии, в которой обозначения как мужского, так и женского пола равноправны, закреплены в словаре и стилистически нейтральны. К таким профессиям относятся: учитель – учительница, стюардесса – стюард, артист – артистка, актер – актриса, автоматчик – автоматчица, крановщик – крановщица. При назывании лица по профессии у носителя русского языка не вызывает затруднения выбрать вариант в соответствии с полом человека, в связи с тем, что в языке

наличествуют определённые языковые маркеры – показатели рода: суффиксы -к-, -чиц-, -щиц-, -ниц-, -иц- (со значением «женскости») с соответствующими флексиями.

Неполноценная номинация представляет собой группу слов, именующих лица по профессии, в которой либо отсутствует противоположный пол, либо противоположный пол стилистически маркирован. Например, парикмахер – парикмахерша (разг.), аптекарь – аптекарша (простореч.).

Таким образом, в языке образуется асимметрия, предполагающая отсутствие в группе неполноценной номинации гендерных пар по наименованию профессий. По большей части эта асимметрия выражается в андроцентризме – «глубинной культурной традиции, сводящей общечеловеческую субъективность к единой мужской норме, репрезентируемой как универсальная объективность, в то время как иные субъективности, и прежде всего женская, репрезентируются как собственно субъективности, как отклонение от нормы, как маргиналия» [Словарь гендерных ..., 2002].

Выравнивание данной асимметрии происходит следующими путями:

1) синтаксическое выражение пола: постановка сказуемого в форме женского рода. *Доктор пришла вовремя;*

2) для обозначения мужского пола некоторых профессий используют описательный способ: *балерина – артист балета;*

3) образование женского пола с помощью суффиксов -ш- и -их- : *парикмахерша, лифтерша, врачиха.* Но в русском языке вышеуказанные суффиксы несут в себе оценочный, пренебрежительный характер, в результате чего в словарях данные пары могут закрепляться, но относиться к разговорному стилю.

Кроме того, не все образованные таким способом пары обозначают именно профессию. Так, *губернаторша* не воспринимается носителями русского языка как женщина-губернатор, а суффикс -ш- в данной деривации имеет значение «жена губернатора».

4) Иногда образование названия профессии с учётом полового признака происходит за счёт суффикса -к-, но такие слова не являются парой: *техник – техничка*, так как семантически данные лексемы расходятся, значения общей профессии не сохраняется, к тому же слова указанной пары имеют разные словообразовательные гнезда.

Таким образом, проведённый сравнительный анализ гендерных номинаций показал, что в русском языке исследование человека с гендерной позиции получило новое развитие. В частности, исследование тенденций номинации лиц по профессии с точки зрения учёта полового признака представляется актуальным для современной лингвистики. На наш взгляд, исторический, социологический, прагматический и собственно лингвистический комментарий позволяют расширить исследование языковых процессов гендерной номинации, выявить особенности лексико-семантических групп наименования лиц по профессии в русском языке и,

возможно, расширить представление о теории номинации как способе познания явлений действительности в современном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирилина А. Лингвистические гендерные исследования. [Электронный ресурс] / А. Кирилина, М. Томская // URL : http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html
2. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс]. / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М. : Информация XXI век, 2002. – 256 с. // URL: <http://www.owl.ru/gender/003.htm>

О СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВОПРОСОВ

Г.Г. Семкина

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

The article describes semantic and pragmatic peculiarities of some specific types of interrogative alternative sentences.

Представление грамматических явлений с позиций целей и условий высказывания даёт возможность получить их более полное и объёмное описание, уточнить их место среди однородных языковых конструкций и в общей системе языка, выяснить степень их приспособленности к передаче тех или иных коммуникативных намерений. Не являются исключением в этом смысле и альтернативные вопросительные высказывания. Их семантика обычно не описывается, поскольку предполагается, что она преимущественно состоит в запросе говорящего о выборе слушающим из двух предложенных возможностей. Однако внимательное изучение альтернативных компонентов в вопросительных высказываниях показывает, что это не всегда так.

Как известно, структура альтернативных вопросов в большинстве случаев представляет собой одну вопросительную конструкцию (в виде общего или специального вопросительного компонента) с двумя или более альтернативными элементами, выраженными словами или словосочетаниями, например:

“Is it a boy or a girl?” she asked.

“It’s a girl – aren’t you a girl, eh? he shouted at the infant, shaking his head [Lawrence, 1997, с. 313].

Здесь на два однородных альтернативных члена имеется один общий вопросительный комплекс. При этом семантика и прагматика чётко соответствует структуре: это действительно запрос необходимой информации с получением соответствующего ответа.

Однако имеются случаи, когда альтернативный вопрос представлен двумя полными вопросительными конструкциями в рамках особого вида сложного предложения. Важно, что обычно такие примеры имеют место в особых семантико-прагматических ситуациях, причём коммуникативная цель

запроса информации при этом либо вообще отсутствует, либо сочетается с другими намерениями.

В частности, полноструктурные альтернативные конструкции могут применяться:

- для передачи иронии и сарказма, например:

HESTOR: Is this England, or is it a madhouse?

LADY UTTERWARD: Do you expect to save the country, Mr Mangan?
[Shaw, 2001, с. 206];

- для передачи сомнения и неуверенности в риторическом вопросе во внутреннем монологе, например:

When I thought of the heavy rains and looked at the gaping roof I understood how strong and immutable must be the purpose which had kept him in that inhospitable abode. Was he our malignant enemy, or was he by chance our guardian angel? I swore that I would not leave the hut until I knew [Doyle, 1985, с. 107];

- для придания оттенка особой важности вопроса и ожидаемого ответа на него, например:

You never liked me.

I did; and respected you, too.

Do you now?

Yes.

Which?

Do you like me, or do you respect me?

I don't know – at least, I cannot tell you. It is difficult for a woman to define her feelings in language which is chiefly made by men to express theirs [Hardy, 1994, с. 327];

- для придания оттенка подчеркнутой вежливости в формальной ситуации общения, например:

They sat round the table. Roger addressed Miss Brent.

“Will you begin, Madam, or will you wait?”

Vera said: “General Macarthur is sitting right down by the sea. I don't expect he would hear the gong there anyway.” [Christie, 2002, с. 140].

Таким образом, полноструктурность альтернативного вопроса, несомненно, прагматически обусловлена и дискурсивно маркирована, в отличие от типичного эллиптически построенного альтернативного вопроса, который обычно представляет собой нейтральный, немаркированный способ запроса информации.

Не менее значимым для общей семантики высказывания оказывается соответствие или несоответствие объёма значения альтернативных компонентов. Так, для нейтрального запроса информации характерным является совпадение семантического объёма альтернативных компонентов, например:

What are the lights like here, strong or dim?

"I'll show you, sir. " Quickly the valet drew the curtains and switched on a couple of lamps. They gave a soft mellow light, hardly strong enough to read by [Christie, 2000, с. 74].

Здесь слова *strong* и *dim* относятся к одной семантической группе прилагательных, характеризующих интенсивность освещения, и в данном контексте их можно считать одинаковыми по объёму значения.

Другой вариант семантической конфигурации альтернативных элементов представлен случаями, когда один из них гораздо шире по объёму семантики, вплоть до общего указания на неё. В частности, в некоторых высказываниях второй альтернативный элемент может быть выражен местоимениями *something, anything, what*. В этих случаях коммуникативная цель запроса информации либо не имеет места, либо сочетается с прочими намерениями. Такие высказывания могут передавать иронию, а также оттенки раздражения, нетерпения, например:

The officer grinned cheerfully at Ralph.

"We saw your smoke. What have you been doing, having a war or something?"

Ralph nodded [Golding, 1997, с. 75].

"Yes, but what are they?" pressed Jill. "There are so many queer creatures in this country. I mean, are they animals, or birds, or dwarfs, or what?" [Mitra, 2002, с. 28].

Отметим, что высказывания такого плана зачастую функционируют в повышенно эмоциональных контекстах.

Подводя итоги, подчеркнём, что вопреки сложившемуся представлению, альтернативные вопросительные предложения далеко не всегда являются вопросительными по содержанию и намерению высказываниями. Семантика запроса информации в них может отсутствовать или сопровождаться другими, зачастую более сильными, семантико-прагматическими характеристиками. Причём, выражая иронию, сомнение и неуверенность, подчеркивая вежливость или особую значимость для говорящего, а также его раздражение и нетерпение, будучи употреблёнными в специфических ситуациях общения, эти предложения, как правило, структурно и лексически маркированы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Christie, A. Short Stories [Text] / A. Christie. – Moscow : Raduga, 2000. – 245 p.
2. Christie, A. Ten Little Negroes [Text] / A. Christie. – М. : Менеджер, 2002. – 103 p.
3. Doyle, A. The Hound of the Baskervilles [Text] / A. Doyle. – М. : Иностранная литература, 1985. – 221 p.
4. Golding, W. Lord of the Flies [Text] / W. Golding. – М. : Менеджер, 1997. – 349 p.
5. Hardy, T. Far from the Madding Crowd [Text] / T. Hardy. – London : Penguin Books, 1994. – 267 p.

6. Lawrence, D. The Rainbow [Text] / D. Lawrence/ – London : Penguin Books, 2000. – 125 p.
7. Mitra, R.A Very Insipid Passion [Text] / R.A. Mitra. – М. : Менеджер, 2002. – 189 p.
8. Shaw, B. Pygmalion. Heartbreak House [Text] / B. Shaw. – Rostove-on-Don : Phoenix, 2001. – 251 p.

НЕТОЛЕРАНТНОСТЬ К САМОЙ СЕБЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ ЖЕНСКОГО ДИСКУРСА

Е.В.Солодкова

Иркутский государственный лингвистический университет

Проблема гендерной идентичности вызывает интерес психологов, социологов и лингвистов на протяжении ряда лет. В этой области остается еще много неизученного, многие вопросы еще ждут своей постановки и решения.

Новым понятием, заслуживающим рассмотрения, является, на наш взгляд, понятие когнитивного стиля женского дискурса. Одним из таких стилей можно считать нетолерантность как отношение женщины к самой себе.

Когнитивный стиль определяется как стиль подачи и представления информации, а также как особенности ее расположения и структуризации в дискурсе, как специфический отбор когнитивных сценариев и их предпочтительное использование в построении дискурса. В более общем плане когнитивный стиль имеет отношение к способности человека осуществлять когнитивные процессы, определяющие структуру его дискурсивной деятельности. Когнитивный стиль проявляется в комплексе вербально реализуемых когнитивных процедур обработки знаний автором анализируемого дискурса [Leech, Short 1981: 35]. Когнитивный стиль определяется также «как предпочитаемый подход к решению проблемы, характеризующий поведение человека относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей, в зависимости от интеллектуального уровня индивида, его компетенции. Он ассоциируется с особенностями характера и в этом смысле понимается как относительно стабильное сочетание «личностных инвариантов» у конкретного индивида» [КСКТ: 27].

Нетолерантность – это понятие антиномичное толерантности, определяемое в словарях как готовность благосклонно признавать, принимать поведение, убеждения и взгляды других людей, которые отличаются от собственных, даже когда эти убеждения и взгляды человеком не разделяются и не одобряются. Соответственно, нетолерантность – это неготовность спокойно принимать и признавать убеждения и взгляды других, отличные от собственных.

Обычно проявление нетолерантности описывается по отношению к Другому в процессе коммуникации. Коммуникация, по самой своей сути, это

«координированное поведение, которое взаимно запускают друг у друга члены социального единства» [Матурана, Варела 2001: 171].

Однако наш материал показывает, что нетолерантность может проявляться и по отношению к самому себе, когда человек начинает воспринимать самого себя как Другого. В частности, это происходит в женском дискурсе, который можно определить как автореферентный дискурс, поскольку в нем акты самореференции говорящей разворачиваются в их собственной внутренней динамике.

В качестве примера женского автореферентного дискурса можно использовать интервью женщин, в которых они рассказывают о себе и своей жизни. Так, в одном из интервью девушка высказывает нетолерантное отношение к собственной внешности:

I was eight years old when I realized I didn't like my nose. Every time I looked in the mirror, I felt it was too wide for my face. Then, when I turned 12 and started my periods, my nose developed a prominent bump. I used to stare unhappily at the mirror for hours. I was 13 when I decided to do something about it, so I talked to my mom and dad. I knew surgery could sort it out [Marie Claire, March 2006].

Эталон красоты, сформированный в коллективном сознании, заставляет данную конкретную девушку ненавидеть свою внешность. Эта некая неписаная норма красоты является причиной ее отрицания себя. В когнитивном плане это выражается посредством актуализации концепта «Unhappiness», средства выражения которого формируют общий стиль нетолерантности.

Далее девушка описывает свои чувства после пластической операции:

I felt so pleased to be finally sorting out my nose, I wasn't nervous. I could see the difference immediately. It was straight and slimmer, and my eyes looked bigger.

В терминах С.Н. Плотниковой [Плотникова 2008] мы наблюдаем здесь само моделирование современной женщины как женщины красивой – физическое и дискурсивное само моделирование. Концепты «Beauty» и «Happiness» в сознании женщины связаны друг с другом, поскольку внешняя привлекательность является условием ее удовлетворенности собой и окружающим миром и составляет счастье в ее понимании:

I can't imagine that I'll have any more done, because I'm happy about everything else.

Нетолерантное отношение девушки к себе трансформируется в толерантное, соответственно, и когнитивный стиль ее дискурса меняется. Если до операции она нетерпимо относилась к себе, что выражалось в употреблении языковых средств с негативно оценочной семантикой, то после операции ее толерантное отношение к себе реализуется с помощью средств с мелиоративной семантикой.

Нетолерантное отношение женщины к самой себе во многих случаях возникает на основе соответствующего отношения к ней окружающих, что видно из следующего автореферентного дискурса:

At 15, I was so disillusioned with my boobs – I even took natural herbal pills to increase them. Of course, they had no effect. My friends at school made a lot of fun about it. They teased me, saying, “Is it your back or your front?” and called me “itty-bitty titty committee” [Marie Claire, March 2006].

Негативная оценка данной девушкой самой себя вызвана негативной оценкой ее внешности друзьями. Ее дискурс возникает как описание особого дискурсивного референта – самой себя. Она сама, как говорящая, употребляет определенные знаки по отношению к себе как референту, за которым она наблюдает. Передаваемый смысл «мое тело некрасивое» не является сугубо личностным (не она одна приписывает референту «тело» данный смысл), он имеет и некую всеобщность («все мои друзья так считают»). В структурном отношении вся описываемая референтная ситуация состоит из нее самой: она «разбирает» саму себя, свое тело на референты и оценивает каждый из них. В когнитивном отношении ее дискурс направлен на выражение объективных (всеобщих) смыслов относительно себя как совокупности референтов.

Итак, нетолерантность как когнитивный стиль женского автореферентного дискурса выявляется на основе концепта нормы. Это объясняется тем, что только через сравнение, в результате которого оценивается отношение к стандарту, к норме, возможно судить о ценности субъекта и квалифицировать его как хороший или плохой [Арутюнова 1988: 52]. Кроме отклонения от нормы нетолерантность имеет и моральные основания – чувство вины женщины перед окружающими. Как известно, моральные проблемы актуализируются именно тогда, когда в результате неудовлетворенных нормативных ожиданий возникает болезненная эмоциональная реакция, не укладывающаяся в объективный взгляд на вещи. Сфера морального обозначает себя через вовлеченность, моральная рефлексия не может быть отделена от активной позиции участника, а обоснование нуждается в перформативной (причастной, деятельностной) установке [Касавин 2008: 355]. Именно поэтому женщина «действует» – устанавливает некую норму, переход за которую ведет ее к нетолерантности по отношению к самой себе, что проявляется в особом когнитивном стиле ее автореферентного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Касавин, И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка [Текст] / И. Т. Касавин. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 544 с.
3. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Т. Лузина. – М., 1996. – 245 с.
4. Матурана, У. Древо познания [Текст] / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – 224 с.

5. Плотникова, С. Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство [Текст] / С. Н. Плотникова // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – Иркутск, 2008. – №4. – С. 131-136.
6. Leech, G.N. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose [Text] / G.N. Leech, M.H. Short. – L., N.Y.: Longman, 1981. – 402 p.

МОДЕЛИ АТРИБУТИВНОЙ СВЯЗИ СЛОЖНЫХ СЛОВ НА ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

А.А. Сулейманова

Казанский Институт управления, экономики и права

В китайском языке в связи с бурным экономическим развитием появилось большое количество новых терминов экономического содержания. Основная часть новых терминов являются сложными словами и были образованы в соответствии с общими правилами образования сложных слов в китайском языке. Одним из самых продуктивных способов образования сложных слов является способ атрибутивной связи. Способ атрибутивной связи характеризуется сложением знаменательных морфем или слов по атрибутивной модели. В этом типе связи компонентов сложного слова первая часть определяет вторую, вторая часть сложного слова является основной.

«Сложные слова атрибутивного типа могут быть свободными или полусвободными, соединяющимися по образцу:

- 1) свободная морфема + свободная морфема
- 2) полусвободная морфема + свободная морфема
- 3) свободная морфема + полусвободная морфема
- 4) полусвободная морфема + полусвободная морфема» [Хе Хуа, 2003, с. 33].

В сложных словах китайского языка имеются морфолого-семантические разновидности, каждая из которых обладает своими семантическими особенностями, выражающимися в том, что первый компонент может с разных сторон определять следующий за ним компонент, уточняя цвет или форму предмета, называя характер, происхождение, материал, движение и т.д.

«Путём атрибутивной связи образуется большинство сложных слов, состоящих, как правило, из двух, а иногда и из трех-четырех знаменательных морфем. Между определяющими и определяемыми наблюдаются неодинаковые отношения. В двухкомпонентных сложных словах первый компонент является определяющим и ограничивающим значение второго, являющегося основой» [Семенас, 1992, с. 146].

Например, термин «*he tong zhai wu* – договорной долг» состоит из двух компонентов «*he tong* – договор» и «*zhai wu* – долг», где первый компонент является определяющим и ограничивающим значение второго, являющегося основой данного сложного слова.

«В трёхкомпонентных словах определительная связь выражается:

- 1) тип А → ВС. А определяет ВС (буквы АВС – представляют количество компонентов)» [Семенас, 1992, с. 34]. Например, термин «*gan bu*

реі хун феі – расходы на подготовку кадров» состоит из трёх компонентов: «gan bu – кадры», «реі хун – подготовка» и «fei – расходы», где первый компонент «gan bu – кадры» определяет и ограничивает значение последующих двух «реі хун феі – расходы на подготовку».

2) «тип АВ → С. АВ определяет С» [Семенас, 1992, с. 34]. Например, термин «he tong qian ding di – место заключения контракта» состоит из трёх компонентов: «he tong – контракт», «qian ding – заключать, подписывать» и «di – место». Первые два компонента «he tong qian ding – заключение контракта» определяет и ограничивает значение третьего компонента «di – место».

3) «тип (А→В) АВ→С. А определяет В, сочетание А и В определяет С» [Семенас, 1992, с. 34]. Например, термин «feng xian yue shu ji zhi – механизм снижения риска» состоит из трёх компонентов: «feng xian – риск», «yue shu – снижать» и «ji zhi – механизм». В данном примере первый компонент определяет значение второго «feng xian yue shu – снижать риски» и в совокупности они определяют и ограничивают значение третьего компонента «ji zhi – механизм».

«В сложных словах из четырех морфем атрибутивная связь выражается:

1) тип ABC → D. Три компонента ABC, соединяясь в одно целое, определяют D» [Семенас, 1992, с. 35]. Например, термин «gu ding zi chan jiao fu shi yong lu – коэффициент ввода в действие основных фондов» состоит из четырёх компонентов: «gu ding – постоянный, основной», «zi chan – имущество, капитал», «jiao fu – давать, вводить» и «shi yong lu – частота использования, коэффициент использования». Первые три компонента, объединяясь в целое образуют термин «gu ding zi chan jiao fu – введение основного капитала», который в свою очередь определяет четвёртый компонент в термине «gu ding zi chan jiao fu shi yong lu – коэффициент ввода в действие основных фондов».

2) «тип А→BCD. BCD, образуя целое, определяет А» [Семенас, 1992, с. 35].

В китайском языке два компонента, соединяясь друг с другом атрибутивной связью, дают одно производное сложное слово, причём семантика этого сложного слова представлена либо в конкретизированном виде, либо, наоборот, в расширенном, ибо она совпадает.

По характеру морфем сложных слов атрибутивного типа можно видеть, что основой в них могут быть существительные, прилагательные, глаголы, а иногда и наречия, все они относятся практически ко всем частям речи. В современном китайском языке атрибутивный и подчинительный типы являются наиболее продуктивными способами в словообразовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенас, А.Л. Лексикология современного китайского языка [Текст] / А.Л. Семенас. – М. : Наука, 1992. – 429 с.
2. Хе, Хуа. Словообразование сложных слов в китайском языке [Текст] / Хе Хуа. – Казань : КГПУ, 2003. – 136 с.

РАЗРЯДЫ КОММУНИКЕМ ПО СТЕПЕНИ НЕЧЛЕНИМОСТИ: ИХ ЯЗЫКОВЫЕ И РЕЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

А.В. Чугуй

Российский государственный торгово-экономический университет

It is presented the description and classification of communicems, the characteristic of each subgroup, the analysis of their expressiveness and peculiarities of their usage in spoken language.

Одной из наиболее специфических единиц разговорно-диалогической формы речи являются так называемые коммуникемы (по другой терминологии – нечленимые предложения, слова-предложения и т.д.), которые отмечены особыми правилами организации и функционирования. Арсенал данных языковых средств велик, он составляет важную часть коммуникативного фонда говорящего и самобытность любого языка, отражает специфику языкового мышления, стратегии общения между людьми, а также уровень эмоциональности носителей того или иного языка.

«Коммуникема – это коммуникативная непредикативная единица синтаксиса, представляющая собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимая, характеризующаяся наличием модусной пропозиции, нерасчленённо выражающая определённое непонятное смысловое содержание (т.е. не равное суждению), не воспроизводящая структурных схем предложения и не являющаяся их регулярной реализацией, лексически непроницаемая и нераспространяемая, по особым правилам сочетающаяся с другими высказываниями в тексте и выполняющая в тексте реактивную, волюнтаривную, эмоционально-оценочную, эстетическую и информативную функции» [Меликян, 2004, с. 76].

Анализ коммуникем с точки зрения степени нечленимости показал, что данный класс нечленимых предложений в соответствии с их широким пониманием можно разделить на четыре разряда: коммуникемы-сращения (20%), коммуникемы-единства (10%), коммуникемы-сочетания (40%) и коммуникемы-выражения (30%).

Коммуникемы всех разрядов обладают такими категориальными признаками, как воспроизводимость, устойчивость, структурно-семантическая целостность, идиоматичность и экспрессивность. Данные признаки проявляются у них в различной степени, что и служит основанием для их деления на разряды. Исключение составляют коммуникемы-выражения, которые свойства идиоматичности не имеют. У них отмечены лишь отдельные элементы аграмматизма, которые свидетельствуют о присутствии у некоторых из них слабо выраженных признаков идиоматичности.

Остановимся лишь на тех свойствах коммуникем каждого разряда, которые составляют их специфику.

Специфичность **коммуникем-сращений** заключается в немотивированности, что обуславливает отсутствие у них образности и внутренней формы. Отсюда, они максимально идиоматичны. Например: – *У тебя есть бабушка, которая угадывает три карты сряду, а ты до сих пор*

не перенял у ней ее кабалистики? – **Да, чёрта с два!** – отвечал Томский (А. Пушкин, Пиковая дама); – Ну что, мужик, **в кровину твою мать**, попался? (М. Шолохов, Тихий Дон); *Дверь распахнулась. Вошёл Егор с ношей в руках. – Михеич! – **Аиньки?** – Зажги огонь.* (В. Шукшин, Любавины).

Особенностью **коммуникем-единств** является следующее. Во-первых, значение их внутренней формы оказывается несинонимичным актуальному значению коммуникемы. В результате производящая и производная единицы не являются взаимозаменяемыми в сходных контекстуальных условиях. Например: [Дон Гуан:] *Я, командор, прошу тебя прийти К твоей вдове, где завтра буду я, И стать на стороже в дверях. Что? будешь? (статуя кивает) **Боже правый!*** (А. Пушкин, Каменный гость). Как видим, коммуникема *Боже правый!*, выражающая значение «удивления, недоумения, неодобрения, негативной оценки, возмущения, испуга и т.п.», не является синонимичной соответствующему обращению *Боже правый*, которое не может быть использовано (хотя бы даже приблизительно) вместо самой коммуникемы.

Во-вторых, благодаря внутренней форме набор идиоматичных признаков у коммуникем-единств шире, чем у коммуникем-сращений (хотя степень идиоматичности ниже). У них, кроме категориального, эмоционально-экспрессивного и стилистического значений, невыводимым оказывается и значение функциональное (вопросительные по форме предложения выражают повествовательное (восклицательное) значение и оформляются невопросительной интонацией). Например: – *Ага, – неопределённо произнёс Пастухов. – Вас, что же, Владимир Александрович лично знал? – **А как же?** Когда он по эксплуатации служил, я в его ведении находился – контролёром скорых поездов.* (К. Федин, Первые радости); Ср.: – ***Как же не бояться?** Любовь мне ничего не принесёт, кроме страданий.* (“конечно, боюсь...”) (А. Островский, Волки и овцы). В данном примере коммуникема *А как же?* оформлена как вопросительное предложение, однако выражает значение «утверждения в сочетании с высокой степенью уверенности, удивлением и т.д.».

Коммуникемы-сочетания реализуются в обобщённом значении, однако их конкретное (первичное) значение является синонимичным первому. Таким образом, производящая и производная единицы могут взаимозамещаться в аналогичной синтаксической позиции. Это обусловлено меньшими структурно-смысловыми трансформациями, которые сопровождают построение коммуникем-сочетаний. Отсюда степень идиоматичности у них также ниже: их категориальное значение оказывается выводимым из значения производящей языковой единицы, что отличает их от коммуникем-единств. Остальные элементы значения (коннотативное, функциональное и стилистическое) также являются идиоматичными. Таким образом, максимальная актуальность внутренней формы обуславливает меньшую степень нечленности коммуникем-сочетаний. Например: – *Сдаётся, тебе можно верить, Валера. Я уж и поверила. Принеси ты мне*

эту газетку... – Ну! **Какой вопрос!** – Спасибо, внучек. – На крепкое здоровье, бабушка. («утверждение, высокая степень уверенности, положительное отношение к предмету речи...») (А. Ткаченко, Цветок Гёте); Ср.: – Ты мне **поможешь?** – **Какой разговор может быть между бабушкой и внуком о таких вещах?!** («между родственниками не может быть и разговора о таких вещах + утверждение, высокая степень уверенности, положительное отношение к предмету речи...»).

Специфичность **коммуникем-выражений** проявляется в первую очередь в семантическом аспекте: они являются производными (первообразными), поэтому реализуются в прямом значении. Коммуникемы-выражения приобретают лишь оттенок обобщённости значения, связанный с расширением их референтной отнесённости. Основанием для отнесения подобных выражений к нечленимым предложениям является то, что они обладают некоторыми признаками единиц данного типа, которые проявляются у них в минимальной степени по сравнению с другими разрядами коммуникем. Поэтому можно сказать, что коммуникемы-выражения находятся на периферии поля нечленимых предложений, которое образуют коммуникемы, и характеризуются наличием переходного статуса между нечленимыми и членимыми языковыми единицами. Например: *И вот он вошёл и с порога приветствовал Патрисио вскинутой вверх рукой, жестом римлян: – **Благослови тебя бог, храбрец! Велика честь – умереть за отечество!*** (Г. Маркес, Осень патриарха); [Михрюткин:] *Ну что же ты – не знаешь порядков, что ли? Извинения проси.* [Ефрем:] *Простите меня, Аркадий Артемьич.* [Михрюткин:] ***Бог тебя простит.*** (И. Тургенев, Разговор на большой дороге).

Дифференциальные признаки отдельных разрядов коммуникем обнаружены и в этимологическом аспекте. Так, установлено, что на основе фразеосхем и экспрессивно-иронических синтаксических конструкций могут формироваться только коммуникемы-единства и коммуникемы-сочетания. Это обусловлено тем, что данные виды производящей основы коммуникем уже сами по себе обладают определённой степенью нечленности, что способствует формированию на их основе коммуникем, обладающих более высокой степенью нечленности. Кроме того, коммуникемы-единства, образованные на базе вопросительных предложений фразеологизированного типа, интонацию вопросительности, как правило, теряют, что подтверждает наличие у них более высокой степени нечленности. Коммуникемы-сочетания вопросительную интонацию сохраняют. Например: 1) коммуникема-единство: [Фетинья:] *Добро пожаловать... А моего старика видел?* [Мельник:] ***Где там, кормилица, и в глаза не попадался.*** (А. Аблесимов, Мельник-колдун, обманщик, сват); Ср.: – **Где тебе тягаться со мною, Со мною, с самим Балдою?** (А. Пушкин, Сказка о попе и о работнике его Балде); 2) коммуникема-сочетание: – *Но ежели у вас кишка тонка, чтобы смотреть правде в глаза, то вот вам ваше золото и давайте расстанемся! **Что за фигня?** Лично я готов расстрелять даже*

собственную мать, если это потребуется! (Г. Маркес, Осень патриарха);
Ср.: – *Что за народ! Словно вьюны какие! Думаешь вот поймал их за хвост, а они тебе промеж пальцев!* (А. Толстой, Князь Серебряный).

Степень нечленности как категориальный признак единиц, относимых к данной подсистеме языка, в силу своей градуальности обуславливает не только деление коммуникем на четыре разряда, но и их варьирование в пределах каждого разряда.

Коммуникемы всех разрядов обладают достаточно высоким потенциалом экспрессивности. Его источником выступает их внутренняя форма и другие средства языка. Среди них выявлены лексические (собственно лексические, собственно семантические, лексико-семантические), грамматические (морфологические, словообразовательные, синтаксические), фонетические, стилистические средства и их комбинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меликян, В.Ю. Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь [Текст] : монография / В.Ю. Меликян. – Ростов н/Д, 1999.
2. Меликян, В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленного предложения [Текст] / В.Ю. Меликян. – Ростов н/Д, 2004.
3. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика [Текст] / Под ред. О.Б. Сиротининой. – М., 2003.
4. Сиротинина, О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности [Текст] / О.Б. Сиротинина. – М., 1974.
5. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию. – М., 1977.

ПОНЯТИЕ КОННОТАЦИИ В ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ, ЛИНГВИСТИКЕ ТЕКСТА И ПРАГМАТИКЕ

Т.Р. Ходжаян

Ереванский государственный лингвистический университет
им. В.Я. Брюсова (Армения)

The notion of the connotation is studied in the article in turns of literature theory, linguistic text and pragmatics. Being inclined to solve particulare tasks each of these disciplines suggests its own ways to the connotational phenomenons comprehension.

Коннотация изучалась в разные эпохи и в рамках разных гуманитарных наук: философии, логики, семиотики, психологии, психолингвистики, прагматики, теории литературы, лингвистики. Наряду с концепциями, распространёнными в лингвистике, согласно которым коннотация входит в значение лексических единиц существует сверхсловная концепция коннотации. Взгляды Когена и Барта совпадают в попытке показать, что литературные тексты коннотативны и противостоят денотативному языку речи. И хотя каждый из них имеет различное понимание того, что такое литературный текст и как его надо анализировать, эти различия во мнениях не существенны для рассмотрения их взглядов в отношении коннотации. Ж.

Коген говорит о «функциональной поливалентности» языка. Она отсылает скорее к интеллектуальной и аффективной сторонам, этим двум сферам психической жизни. По его мнению, некоторые вещи (объекты) могут вызывать две различные реакции: интеллектуальный и эмотивный (аффективный) отклик. Отсюда следует, что язык имеет когнитивную и эмотивную или аффективную функцию. Первая создаёт денотацию, а вторая – коннотацию. В своей теории поэзии Коген исходит из допущения, что «понятийное и эмоциональное значения не могут существовать вместе внутри одного и того же сознания» [Cohen, 1988, с. 213]. Эта точка зрения многократно подвергалась критике.

Р.Барт также исследовал эти проблемы, и его исследования оказали гораздо большее влияние на теорию литературы и разработку проблемы коннотации. В своей семиологической теории Барт использовал понятие коннотации как главный фактор. Он интерпретировал коннотацию как Ельмслев, но, как представляется, в более упрощённом виде. Если сравнить понимание коннотации Ельмслевым и Бартом, то становится ясно, что Барт понимает под ней не только «второстепенное значение», а включает в неё всё, что не является денотативным значением. Коннотация, по Барту, является идеальным инструментом анализа литературных текстов, которые по природе своей многозначны [Приводится по: Barthes, 1970, с. 16]. Под коннотацией Барт понимает также содержание образов, намёков, сравнений, из которых можно вывести политический и культурный смысл, который указывает на принадлежность адресанта к определённой идеологии.

В статье «Коннотации, поэзия и культура» А. Мартине использует термин «коннотация» в широком смысле. Он использует этот термин в отношении языковой способности, стиля, поэзии и культуры вообще. Несмотря на эту исходную широкую перспективу Мартине применяет дихотомию денотация-коннотация только в отношении изолированных элементов. Денотация, по его мнению, не есть содержание или референция элемента, а является общим значением внутри данной лингвистической общности. По Мартине, стиль, и особенно литературный стиль, является основным предметом в поле действия коннотации [Приводится по: Martinet, 1967]. Прямых ассоциаций между стилем и коннотацией в его статье нет, однако его анализ коннотации слова показывает, что, если слова вызывают или заключают в себе личные или индивидуальные ситуации (т.е. коннотируют ситуации), то именно поэт, создающий эти тексты, может выразить их.

К исследованиям коннотации в лингвистике текста относится статья М.-Н. Гарри-Прёр «Понятие коннотации», в которой она попыталась классифицировать, или по крайней мере, сгруппировать феномены, подпадающие под термин «коннотация», и которые, по ее мнению, противопоставлены денотации: дополнительные значения vs. референциальные значения, производные vs. именные, индивидуальное значение vs. главное (основное) значение, значения в речи vs. значения в языке и т.д. Она полагает, что коннотация, как инструмент анализа,

охватывает области изучения в языке, стиле и текстах. ее главная задача состоит в том, чтобы раскрыть, как одно значение коннотации – сигнификативные сети, построенные текстом – используются при анализе текста и в теории текста. По ее мнению, денотативный и коннотативный язык Ельмслева, включающий их возможные соотношения, привел к оппозиции между языком и текстом как творческим принципом [Приводится по: Gary-Prieur, 1971, с. 96-99].

Ч. Филлмор предложил модель для семантической интерпретации текста, которая учитывала и лексические моменты и семантические компоненты синтаксических структур. Эта модель может также неограниченно применяться в отношении других типов информации и, как объясняет Филлмор, идёт непосредственно от морфосинтаксической структуры к интерпретации текста [Приводится по: Fillmore, 1984, с. 137].

Г. Рёсслер описывает коннотацию с прагматической точки зрения, переходя далее на проблематику коннотации сигнификата и сигнификанта. Рёсслер различает 6 видов коннотации, которые позволяют сделать ей заключение о смеси вариативнолингвистического момента (вид 1) и чисто аффективно-эмоциональных видов коннотации (виды 4 и 5). Она выделяет следующие виды коннотации:

1. Индикаторная (указательная) коннотация. В качестве примеров для этого вида коннотации Рёсслер называет среди прочего ситуативно связанное введение супraseгментарных элементов, сдвиги с определённых языковых уровней, регистров и форм. Под сигматическими коннотациями она понимает обусловленные чувствами элементы или оценочные элементы.

2. Интерпретативная коннотация – это интерпретативные или текстуальные, большей частью фигуративные коннотации, которые возникают при «вторичном прочтении»; это более углублённое декодирование, раскрывающее глубину значения, которое следует за первоначальным чтением, направленным на понимание содержания. Этот вид в классификации является однако отступлением от строго лингвистического рассмотрения коннотации.

3. Микросемантическая коннотация. Это актуализации или проекции экспликативов (объяснений) определённой денотации на другие референциальные плоскости [Приводится по: Rössler, 1979, с. 81]. Например, денотат *Rose* имеет варьированную коннотацию «красный», «любовь» или «красота».

4. Фигуративная коннотация. Она также связана с интерпретативной способностью говорящего.

5. Воображаемая коннотация. Это специфические для личности познание и эмоции, связанные с его внутренними переживаниями и опытом.

6. Ассоциативная коннотация. Под ней Рёсслер понимает «индивидуально-психически доминирующие экспликативы, которым не нужно быть вербализованными, и которые рецептивно имеются большей частью лишь в интерпретируемом сознании» [Rössler, 1979, с. 62-94].

Рёсслер не даёт здесь однозначной дефиниции коннотации. Для описания коннотации она интегрирует различные элементы: концепт, ассоциации, лингвистические составные части; она пытается также дать экстралингвистическое объяснение коннотации.

Таким образом, рассмотрение понятия коннотации в теории литературы, лингвистике текста и прагматике показало, что в теории литературы распространена сверхсловная концепция коннотации, на основе образов, намеков, сравнений выводится политический и культурный смысл, указывающий на принадлежность адресанта к определённой идеологии. В лингвистике текста предложена модель, идущая от морфосинтаксической структуры к интерпретации текста. При прагматическом подходе в понятие коннотации интегрируются различные элементы: концепт, ассоциации, лингвистические и экстралингвистические составные части.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barthes, R. S/Z [Text] / R. Barthes. – Paris : Éditions du Seuil, 1970.
2. Cohen, J. Structure du langage poétique [Text] / J. Cohen. – Paris : Flammarion, 1988.
3. Fillmore, Ch.J. Lexical Semantics and Text Semantics [Text] / Ch. J. Fillmore // New Directions in Linguistics and Semiotics; J.E. Copeland (ed.). – Houston, Texas : Rice University, 1984. – P. 123-147.
4. Gary-Prieur. Marie-Noell. La notion de connotation(s) [Text] / Gary-Prieur, Marie-Noëlle. – Littérature 4. – Paris, 1971. – P. 96-107.
5. Martinet, A. Connotations, poésie et culture [Text] / A. Martinet // To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday. – Vol. II, 1288-1294. – The Hague&Paris : Mouton, 1967.
6. Rössler, G. Konnotationen. Untersuchungen zum Problem der Mit- und Nebenbedeutung [Text] / G. Rössler. – Wiesbaden : Steiner Verlag, 1979.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЛЕНДОВ

О.А. Хрущева

Оренбургский государственный университет

The article provides the analysis of the semantic features of blends and describes various types of blends singled out in accordance with the semantic relations between their source words such as endocentric, exocentric, restrictive, additive, etc.

Образование блендов является двуплановым процессом, объединяющим формирование структуры новой производной единицы и ее смыслового наполнения. Формирование плана содержания бленда представляет собой сложный процесс взаимодействия значений исходных форм и их последующего объединения в единое смысловое целое, зачастую сопровождаемое различными комплексными явлениями.

В ряду явлений, сопряжённых с процессом блендообразования и во многом осложняющих данный процесс, следует отметить получившую большое распространение лексикализацию осколков морфем, участвующих в порождении блендов. Исходные формы после прохождения этапа усечения

не теряют своего лексического значения; более того, подобные структурно редуцированные осколки выражают значение коррелята в концентрированном виде во всей полноте денотативных и коннотативных оттенков, становясь абсолютными заменителями исходной словоформы в производной единице. Однако со временем осколочный элемент может использоваться для образования рядов блендов, где он выступает в роли регулярно повторяющегося общего для всех единиц компонента. Наличие подобных структурных рядов ведет к отрыву осколочного элемента от исходного слова и приобретению им семантической самостоятельности. В таких случаях, как справедливо отмечает О.М. Лашкевич, осколочный элемент перестаёт соотноситься только с исходной лексической единицей и воспринимается как структурный элемент с определённой функцией и семантикой, т.е. фактически уподобляется морфеме [Лашкевич, 2005, с. 101].

В содержательном аспекте бленды отражают комплексный характер семантических взаимосвязей между исходными компонентами, один из которых может выступать в роли главного слова. В таком случае принято говорить о наличии эндоцентрической связи между двумя коррелятами, где выделяется семантический центр и атрибутивный элемент, причём главное слово занимает финальную позицию в структуре бленда: бывшевики < бывшие большевики; смешарики < смешные шарики; contrail < condensation trail, «конденсационный (инверсионный) след»; docudrama < documentary drama, «документальная драма»; Medicaid < medical aid, «государственная программа бесплатной или льготной медицинской помощи». При равноправном статусе исходных компонентов бленда между ними наблюдается экзоцентрическая связь: Евросима < Европа + Хиросима; львигр < лев + тигр; проэзия < проза + поэзия; blotch < blot + botch, «прыщ, пятно»; fantabulous < fantastic + fabulous, «потрясающий, превосходный»; plodge < plod + trudge, «долго утомительно идти, тащиться». Однако в некоторых случаях сложно объективно определить характер связи между компонентами, так как внутренняя форма бленда характеризуется неоднозначностью. Примером может служить бленд brunch, имеющий следующие интерпретации значения: «lunch with some characteristics of breakfast», что является образцом эндоцентрической связи между коррелятами с главным словом lunch, а также «a mixture of breakfast and lunch», что представляет собой экзоцентрический тип связи.

В некоторых блендах, образованных по экзоцентрическому принципу, существенную роль при формировании значения играет взаиморасположение исходных компонентов. Так, формы liger и tigon, используемые для обозначения гибрида льва и тигра, проявляют различия при анализе словарных определений, где liger < lion + tiger означает «the hybrid offspring of a female tiger and a male lion», в то время как tigon < tiger + lion имеет значение «the hybrid offspring of a male tiger and a female lion», хотя в русском языке существует единственная форма – львигр.

Однако некоторые исследователи выступают с аргументами против выделения эндо- и экзоцентрических связей между коррелятами,

подчёркивая, что бленды являются монемами, неразделимыми на определяющие и зависимые компоненты [Štekauer, 1991, с. 26]. Данная точка зрения не может быть признана верной, так как бленды легко могут быть подвергнуты и структурному и семантическому анализу при помощи компонентного метода либо метода непосредственных составляющих.

И.В. Арнольд строит собственную классификацию блендов на структурно-семантической основе и выделяет среди телескопических слов два типа единиц: аддитивные и рестриктивные. Первый, аддитивный тип сокращений в полном виде представляет собой фразу из равнозначных полных основ, соединённых союзом «и»: smog < smoke + fog, «смог». Элементы полного наименования могут являться синонимами, относиться к одному семантическому полю или одному лексико-грамматическому классу слов. Рестриктивный тип образован из атрибутивного сочетания, где первый элемент определяет второй: positron < positive electron, «позитрон» [Арнольд, 1959, с. 141–142]. Выделяемые И.В. Арнольд типы блендов в семантическом аспекте идентичны вышеназванным экзо- и эндоцентрическим единицам: эндоцентрические и рестриктивные бленды характеризуются наличием главного и зависимого коррелятов в составе, а экзоцентрические и аддитивные включают равноправные исходные формы.

Типология семантических отношений между частями бленда рассматривается в исследовании группы авторов, посвящённом описанию английских неологизмов. По мнению исследователей в соответствии с типом семантических отношений между компонентами, а также между значением компонентов и общим значением всего образования можно выделить три основные группы блендов:

1) бленды, общее значение которых равно сумме значений компонентов: vodkatini < vodka + martini, «мартини, разбавленный водкой»;

2) бленды, общее значение которых не равно сумме значений компонентов, хотя и складывается на их основе: travelcade < travel + cavalcade, «колонна туристских автомобилей»;

3) бленды, в которых один компонент определяет другой: psyop < psychological operation, «операции в психологической войне» [Английские неологизмы, 1983, с. 110-111].

Рассмотренная классификация представляет собой объективное отражение взаимоотношений между коррелятами бленда, однако эта типология является в существенной степени упрощённой, так как характер взаимоотношений между исходными компонентами гораздо сложнее и вариативнее, чем показано в данной классификации.

Семантическое наполнение бленда представляет собой полное или частичное отражение значений исходных компонентов, каждый из которых представляет собой структуру сем, в состав которой входят архисема, дифференциальные и интегральные семы, а также потенциальные семы для формирования переносного значения. При образовании бленда происходит взаимопроникновение семных структур коррелятов, в числе которых выделяются доминирующая и дополняющая структуры. Доминирующая

структура, представленная архисемой или архисемой с рядом дифференциальных сем, несет максимальную смысловую нагрузку и формирует ядро семной структуры бленда, а дополняющая структура, в свою очередь, конкретизирует и уточняет доминирующую. К примеру, в бленде *пустамент* < *пустой* + *монумент* архисема и ядерные дифференциальные семы исходного компонента *монумент* – «памятник значительных размеров, предполагающий масштабное, ансамблевое художественное решение» [СЭС, 1980, с. 839] переходят в ядро семной структуры указанного бленда и в сочетании с дополняющей структурой *пустой* формируют его лексическое значение.

Проведённый анализ семантических особенностей блендов позволяет сделать вывод о том, что единицы данного словообразовательного типа отличаются комплексной содержательной структурой и характеризуются наличием разнородных семантических связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Английские неологизмы [Текст] / Ю.А. Жлуктенко, В.П. Березинский, И.И. Борисенко // под ред. Ю.А. Жлуктенко. – Киев : Наукова думка, 1983. – 172 с.
2. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка [Текст] / И.В. Арнольд. – М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – 305 с.
3. Лашкевич, О.М. Семантика слов-слитков в современном английском языке [Текст] / О.М. Лашкевич // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки, 2005. – № 5 (2). – С. 99-103.
4. Советский энциклопедический словарь [Текст]. – М.: «Советская энциклопедия», 1980. – 1600 с.
5. Štekauer, P. On some issues of blending in English word-formation [Text] / P. Štekauer // *Linguistica Pragensia* 1, 1991. – P. 26-35.

ПОВСЕДНЕВНОЕ ОБЩЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА

И.Н. Щекотихина

Орловский государственный университет

The article views the subject of everyday communication in the context of creativity and aims at examining the creative potential of this discourse type.

Тема повседневного (обиходного) общения в контексте творчества поднимается нами в рамках рассмотрения вопросов о творческом характере речевой деятельности и о возможности творчества в повседневной жизни человека в целом. Позиции учёных и по одному, и по другому вопросу расходятся. С одной стороны, под творчеством понимается абсолютно уникальная деятельность, принципиально отличная от различных проявлений оригинальности и находчивости [Серавин, 2005]. С другой стороны, считается, что каждому человеку на каждом шагу приходится принимать решения в условиях недостатка информации, т.е. заниматься творчеством [Чернавский, Чернавская, 2004]. Соответственно, речевая деятельность трактуется либо как постоянный творческий процесс, создающий

уникальные комбинации единиц, либо как аналог игры «Lego», ограничивающей творчество выбором из изначально имеющегося «набора деталей» и их компоновкой в том или ином порядке (см. обзор в [Красных, 2001]).

Для формулирования своей позиции по данным вопросам рассмотрим понятие творчества. Данное понятие, как правило, связывается с понятием новизны, и в широком смысле под творчеством понимают созидание нового в любом его проявлении, в том числе и репродуктивном. Мы, однако, придерживаемся точки зрения, согласно которой не всякая новизна является творческой, т.е. принципиальной, выходящей за рамки системы, за пределы заданного. Вместе с тем, мы считаем возможным говорить о разных уровнях манифестации новизны как атрибута творчества, т.е. о разной степени взаимодействия старого и нового (воспроизводимого и творимого, стереотипного и творческого) в продуктах той или иной деятельности. Таким образом, отношение между стереотипностью и творчеством можно трактовать не столько как бинарную оппозицию, а сколько как шкалу, градуируемую по степени принципиальности изменений, как некий континуум различных проявлений того и другого.

Речевая деятельность, рассматриваемая в параметрах стереотипности и творчества, представляется нам таким континуумом, отражающим диалектику взаимоотношений творческого и стереотипного. И в этом речевом континууме мы встречаем и рутинное воспроизведение, и шаблонное производство, и подражание, и цитирование, и творческую переработку, и настоящие шедевры. Соотношение стереотипного и творческого в каждом случае различно и обусловлено рядом внутренних и внешних факторов: особенностями речевой организации и прочими психофизиологическими параметрами личности, жанровой спецификой, коммуникативными задачами и установками, речевым этикетом, языковой нормой и т.д.

Повседневное (обиходное) общение, как разновидность речевой деятельности, характеризуется рутинностью, направленностью на решение привычных задач и имеет свои черты. В.И. Карасик, например, выделяет ряд дифференциальных признаков такого общения, позволяющих «измерить уровень рутинности общения» [Карасик, 2008]. К ним относятся тематическая ограниченность обиходом, использование сокращённого кода, высокая предсказуемость содержания высказываний, большое количество заместительных слов и выражений, плавность речи, герметичность общения. Мы полагаем, что такое общение тяготеет к полюсу стереотипности. Заметим, что термин «стереотипность» в данном контексте мы употребляем без каких-либо негативных коннотаций. Стереотипы во многих случаях облегчают нашу жизнь, позволяя осуществлять рутинные формы деятельности в автоматическом или полуавтоматическом режиме, освобождая тем самым пространство для творчества в других ее формах (см. подробнее [Бехтерева, 2007]). Воспроизводимость речевых стереотипов

облегчает вербализацию смысла, упрощает сложные интеллектуальные процедуры [Овчинникова, 2001].

Рутинные формы деятельности, как и обеспечивающие их формы мозговой активности, представляют собой в значительной степени «повторение пройденного». Такое повторение, по словам Р.И. Кругликова, «не является точным воспроизведением ранее осуществлявшихся форм активности, так как мозговая деятельность в прошлом и настоящем реализуется в разных временных точках и уже по этой причине – в разных внешних и внутренних ситуациях» [Кругликов, 1987, с. 23]. Это позволяет делать вывод о наличии элементов творчества даже в наиболее упорядоченных, «задолбленных» формах. Однако «удельный вес этих элементов достаточно скромен, что и позволяет говорить об относительно рутинных формах мозговой активности» [Кругликов, 1987, с. 24]. Добавим, что новизна, создаваемая в рутинном (штатном) режиме мышления, не выходит за пределы привычных операций, ассоциаций, зон поиска и т.п. Она не характеризуется принципиальностью изменений. Подлинно творческая новизна проявляется не в выборе из известных вариантов, а в расширении и реорганизации привычного поля мышления, в создании нестандартных ментальных образований и соответствующих им форм выражения.

Таким образом, если уровень «высокого» творчества относить к уровню принципиальной новизны, то вряд ли следует утверждать, что речевая деятельность всегда и во всём представляет собой творческий процесс. В принципе, характер единиц речевого опыта (активность, пластичность, расплывчатость, неоднозначность, способность к диссоциации, установлению новых связей и рекомбинации) создаёт основу для творчества. Однако так называемая «свобода» речи, проявляющаяся в выборе и комбинировании ментальных и языковых единиц, в операциях их модификации и реорганизации, во многих случаях ограничена рамками ситуационно-коммуникативных, жанровых, тематических, коллакационных, стилистических, структурно-семантических и прочих стандартов. Эти стандарты запечатлеваются в нашей памяти и в виде символических единиц постоянного и постоянно-переменного состава, и в виде процедур (приёмов, операций, стратегий, программ) речемыслительной деятельности.

Рутинность задач, типичность ситуаций, тривиальность тематики повседневного общения предопределяют характер речи и способствуют формированию стереотипов. В повседневных ситуациях «человек ориентируется на прецеденты, собственный неформализованный опыт (интуицию). При этом он учитывает сложившиеся в обществе правила поведения, которые, однако, не жестки и допускают различные варианты решений» [Чернавский, Чернавская, 2004].

Например, в ситуациях ответа на вопрос, заданный на улице по поводу того, как пройти по какому-либо адресу, человек стоит перед вполне стандартной задачей, несмотря на то, что конкретные условия задачи (обстановка, действующие лица, адрес и т.п.) меняются. Модель коммуникативного поведения в подобных ситуациях у говорящего имеется

(на основе собственного опыта или усвоенных прецедентов чужого опыта). Новизна заключается в моменте соотнесения данной модели с конкретными условиями. Однако такая новизна не выражается в принципиальной модификации этой модели.

Вопрос о том, что говорить в такой ситуации, как правило, не ставит отвечающего в тупик. Он либо сообщает о своём незнании данного адреса, либо описывает маршрут движения. И в том, и в другом случае происходит соотнесение ситуации со своим когнитивным опытом и поиск соответствующей когнитивной структуры. Такой когнитивной структурой, вероятно, является образ маршрута (в результате личного сенсорного опыта) или схема маршрута (в результате предшествующего осмысления, обобщения и вербализации чужого или собственного опыта). Активизированная в новых обстоятельствах структура, конечно же, не является идентичной своим предыдущим воплощениям. Происходит ее обработка, модификация в соответствии с целью активизации. Однако произошедшие изменения не меняют функционала этой структуры (отражение ориентиров и направления движения по конкретному маршруту). Задействованные в данном процессе мыслительные операции являются преимущественно операциями поиска и/или вывода необходимых знаний (структур) и представляют собой в подобных ситуациях довольно рутинные формы мыслительной активности. В этой ситуации наблюдается преобладание параметров репродуктивной деятельности (оперирование известными данными по известным правилам с незначительными модификациями, т.е. использование знаний в конкретных условиях).

То же самое можно сказать о языковом обеспечении данного типа общения. Активизированная когнитивная структура вступает во взаимодействие с лексиконом (вербальной сетью). Происходящее в ситуациях подобного рода «сканирование» сети в большинстве случаев осуществляется по «старым следам». У «социализированного» человека, как правило, имеется опыт вербализации либо всей необходимой когнитивной структуры, либо ее частей и компонентов по отдельности, что ведёт к формированию динамических, в данном случае речемыслительных, стереотипов. И, несмотря на модификации в структуре лексикона, образующиеся словесные сочетания и последовательности не нарушают языкового и коммуникативного стандарта, не выходят за рамки привычных вариантов сочетаемости и композиции. Конечно, известная степень свободы в комбинировании слов в сочетании и предложении не даёт оснований называть данные акты вербализации точным воспроизведением. Но и считать их принципиально новыми как в коллективном, так и в индивидуальном речевом опыте также было бы неправомерно. Несмотря на отсутствие семантической спаянности, свободные словосочетания имеют референтную обусловленность, поскольку они служат средством номинации типовых объектов, явлений, ситуаций нашей повседневной жизни. Многократность употребления их в речи ведет к формированию вполне регулярных и предсказуемых форм.

Описанная ситуация, в принципе, не задаёт стимулирующих творчество предпосылок, и «творческий подход» может привести к коммуникативным сбоям. Однако подобные ситуации, как и повседневное общение в целом, не исключают возможности нестандартного поведения и проявления креативности. Как отмечает В.И. Карасик, «именно на основе повседневности возникает самая распространённая форма креативности – игра» [Карасик, 2008, с. 491]. Возникновение творческого момента в подобных ситуациях может быть вызвано особенностями личности, ориентированной на креативный стиль общения, или внешними факторами, «провоцирующими» выход за пределы типичной коммуникативной модели, ее целевых установок, форм поведения и средств выражения.

Таким образом, мы придерживаемся позиции, согласно которой творчество в повседневных видах деятельности и общения возможно, но не предопределёно их непосредственными практическими целями и задачами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерева, Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни [Текст] / Н.П. Бехтерева. – М. : АСТ, Сова, 2007. – 383 с.
2. Карасик, В.И. Рутинное и креативное общение: функции, типы, способы [Текст] / В.И. Карасик // Язык. Культура. Общение: Сборник научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой. – М. : Гнозис, 2008. – С. 482-492.
3. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации [Текст]: Курс лекций / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2001. – 284 с.
4. Кругликов, Р.И. Творчество и память [Текст] / Р.И. Кругликов // Интуиция. Логика. Творчество. – М. : Наука, 1987. – С. 23-35.
5. Овчинникова, И.Г. Сознательное и бессознательное: психолингвистическая интерпретация ассоциативного механизма [Электронный ресурс] / И.Г. Овчинникова // <http://language.psu.ru>
6. Серавин, А.И. Исследование творчества [Электронный ресурс] / А.И. Серавин // <http://azps.ru/polpsy/lib/seravintvort/3.html>
7. Чернавский, Д.С., Чернавская, Н.М. Проблема творчества с точки зрения синергетики [Электронный ресурс] / Д.С. Чернавский, Н.М. Чернавская // URL : <http://www.fund-intent.ru/science/sinr004.shtml>

LA IMPORTANCIA DEL ESPAÑOL PARA NEGOCIOS ANTE LA INCIDENCIA DE OTRAS LENGUAS AUTONÓMICAS EN ESPAÑA

Rafael Cabañas Alamán

Saint Louis University, Madrid Campus Spanish is one of the most spoken languages in the world, but other dialects and languages in Spain are being favored in more and more educational institutions in their respective autonomous communities, which is damaging these Spaniards commercial strength, both at a national and international level, who live under these political divisions and, to a certain extent, are very often limited and prevented from learning business Spanish as might be expected.

El español es el segundo idioma más hablado en el mundo de los negocios. Los 400 millones de hablantes que lo tienen como lengua materna representan el 7% de la población mundial, que genera el 10% de la producción total del planeta. Además, el núcleo hispano en los Estados Unidos es de 33 millones, lo que hace que el español esté a punto de convertirse en el segundo idioma oficial del país. Hace algunos años, los países latinoamericanos, por sus diferentes regímenes políticos, estaban situados en un mundo hermético donde no se podía acceder fácilmente a los negocios. Sin embargo, con la globalización, este mundo se ha abierto y dinamizado.

La difusión del español de los negocios en el mundo

El Instituto Cervantes fue creado en España en 1991 y está extendiendo el español a pasos agigantados en cuatro continentes³. Casi nadie quiere aprender dialectos y lenguas habladas en España para fines comerciales. Es más, es importante que un estudiante catalán, gallego, o euskera, también adquiera conocimientos sociodemográficos, etnográficos y antropológicos de la cultura española, no solo de la lengua española. Por tanto, conocer el español, fuera del contexto cultural, no es suficiente para competir en el marco globalizador empresarial del siglo XXI. Aun así, el español es el “oro” de España ya que genera grandes ventajas a quienes lo adquieren.

En casi todos los países se está aprendiendo español para hacer tratos con empresarios hispano-hablantes. Para poder entablar una buena comunicación comercial con países iberoamericanos, un hombre de negocios, financiero, debe hablar español y ha de conocer los términos y tecnicismos profesionales correspondientes a esta lengua. El mantener un dominio lingüístico en tan solo una lengua autonómica de España, como podría ser el catalán, gallego, euskera, valenciano, fuera e incluso dentro de las mismas correspondientes comunidades autonómicas, situaría al hablante (sea nacido en España o no) ante una desventaja insalvable para poder competir en el mundo de los negocios a nivel nacional e internacional. Una política lingüística, basada tan solo en razones culturales, está alejada de la realidad y puede afectar negativamente la formación de los niños, limitándoles el futuro en su campo de actuación laboral.

El español no es solamente uno de los idiomas más hablados en el mundo, sino que también es una de las lenguas oficiales de la Unión Europea; como consecuencia de su gran importancia en el campo de los negocios y de la política, cada día más emprendedores, políticos y gente del mundo de los negocios empiezan a aprenderlo. Preguntémosle a un norteamericano, ruso, chino o sueco, si le interesa hablar y dominar el español o la lengua de la región española en la que quieren establecer vínculos comerciales. En la mayoría de los casos la respuesta será el español. Esta misma pregunta se la llevo haciendo a mis estudiantes de la clase de “Español profesional para negocios” en Saint Louis University, Madrid, la única universidad norteamericana de España, en la cual tenemos estudiantes de español como segunda lengua de más de 30 países (también catalanes, gallegos y

---

³ Véase el artículo del *Centro virtual Cervantes*: “El español en las enseñanzas primaria y secundaria de Estados Unidos” (http://cvc.cervantes.es/obref/anuario/anuario_00/dacal/p02.htm)

vascos). En los diez años que llevo impartiendo esta asignatura, ninguno de ellos me ha comentado que le interese aprender otra lengua o dialecto de España, que no sea el español, pues para ellos, tal como lo perciben, sería una pérdida de tiempo, teniendo en cuenta que muchos se dedicarán a los negocios, dentro o fuera de España.

Todo el mundo se ha dado cuenta de la importancia del castellano, excepto algunos grupos pertenecientes a determinadas comunidades autónomas en España. Hoy en día en Galicia, el País Vasco y en Cataluña, tratan ponerlo en un segundo plano en la enseñanza en escuelas y universidades, lo que está trayendo malas consecuencias⁴. Algunos de los motivos que dan son para mantener la cultura e identidad. Sin embargo, para un estudiante universitario que quiera participar en los negocios nacionales o internacionales en España, es fundamental conocer el castellano en su pleno y extenso conocimiento empresarial. Es así por muchas y diferentes razones, como las que siguen: La mayoría de los periódicos de negocios y economía están publicados en español y las decisiones del gobierno también están en esta lengua en el Boletín Oficial del Registro Mercantil. La informática se está desarrollando en inglés, chino y español. Si algunos estudiantes de España, nacidos en comunidades donde se hablan las correspondientes lenguas autonómicas diferentes al español no entienden perfectamente el castellano técnico y de los negocios y no pueden operar con él a nivel profesional, tendrán que esperar hasta que alguien les explique términos y conceptos en dicha lengua o dialecto y de esta manera, perderán tiempo, clientes y dinero. Otro ejemplo claro es que en la bolsa española todo está en castellano. Si no puedes manejar el lenguaje del IBEX 35 (donde cotizan las 35 empresas más importantes en España) no puedes operar en la bolsa, y eso puede ser fatal para negociar en el mercado bursátil.

Hay que incidir en que no hablar o dominar el castellano, a todos los niveles, impide que te puedas comunicar con los países iberoamericanos debidamente en los términos empresariales correspondientes, lo que pone al hablante que esté sujeto a dicha incompetencia lingüística en una situación de desventaja, al no poder aprovechar numerosas oportunidades para negociar con estos países. Es una pena que un niño catalán, de aquí a veinte años, no pueda negociar en español técnico de no haberlo estudiado con la misma competencia que un mejicano, castellano, o

---

⁴ Véase el artículo de Francisco A. Marcos-Marín “Política lingüística y lenguas iberoeuropeas”, en el que da numerosos ejemplos del malestar que sienten algunas personas y estudiantes en ciertas comunidades autonómicas, ante como les afecta la marginalización del castellano: “los hablantes de castellano en las comunidades bilingües, salvo en Galicia, sienten que el castellano está siendo amenazado por la otra lengua. Las cartas y firmas de protesta se refieren especialmente a Cataluña, pero el descontento también se da en Valencia, donde la violencia ha sido mayor y ha pasado a veces de discusiones más o menos fuertes a atentados contra personas o instalaciones universitarias relacionadas con el castellano y su enseñanza o, en otro nivel, ataques personales contra niños (y niñas) castellano-hablantes en escuelas catalanas. La situación también ha sido patentemente incómoda para alumnos de los programas europeos de intercambio Erasmus que han acudido a universidades catalanas para estudiar en castellano y se han visto marginados por sus compañeros por esa natural exigencia, dentro de un programa internacional previamente definido. Incluso algunas familias se han sentido forzadas a dejar Cataluña después de toda la vida allí, frustradas por lo que consideran una política partidista de la Generalidad”.

estadounidense que sí lo ha aprendido en un departamento de español en una universidad. El conocer “de oído” no es suficiente para hablar y escribir en condiciones óptimas.

Para no perder posición y liderazgo en el mundo de los negocios (recordemos que España es ahora la octava potencia mundial) todos los españoles en este contexto y de todas las comunidades deberían tomar las clases de asignaturas específicas, técnicas y empresariales en castellano. Sin embargo, esto no significa que no puedan estudiar también en otros idiomas como en catalán, gallego, euskera o valenciano. Si quieren mantener su cultura, lo pueden y deben hacer, pero es una lástima, y sobre todo, un error, dar de lado al castellano en dichos cursos con fines específicos, como está ocurriendo a menudo bajo las pautas de normalización y educativas marcadas por la Generalitat valenciana, de Cataluña⁵, la Xunta de Galicia o los departamentos de enseñanza en Euskadi⁶.

Competencias culturales

A partir de los años 80, apoyándonos ahora en teoría lingüística, una serie de autores, Canale y Swain (1980) hablan de ciertos componentes en la comunicación. Entre ellos aparece la competencia sociolingüística, que se desarrolla en diferentes estudios, como el de Van Ek (1984). Con la transformación en nuestra sociedad, teniendo en cuenta los amplios fenómenos de migración, las situaciones en las que se producen encuentros interculturales se han multiplicado y han acarreado la aparición de una determinada problemática que ha hecho evolucionar el concepto de competencia sociocultural al de intercultural. Por tanto, resulta interesante destacar que los primeros estudios sobre este tema proceden del mundo de la empresa. Según Oliveras (2000), las distintas aproximaciones a la competencia intercultural cumplen las siguientes características, siguiendo el modelo de Soderberg (1995): -Es efectiva, -Es apropiada, -Tiene un componente afectivo y -

---

⁵ En la comunidad valenciana existen dos lenguas oficiales. El castellano y el valenciano. Por todos es bien sabido también la polémica que envuelve al valenciano, que si es un dialecto del catalán, o no. El catalán se habla también en algunas zonas de Aragón y Murcia y, fuera de España, en la región del Rosellón francés, el Principado de Andorra y en la ciudad italiana de Cerdeña. Es la lengua materna de unos 5 o 6 millones de personas. Más aún, muchos hablantes de castellano o español que viven en las áreas antes mencionadas, lo hablan y lo entienden. Según la ley 1/1998, de 7 de enero, de “Política Lingüística” de Cataluña, leemos en el capítulo III, concretamente en el Artículo 20: La lengua de la enseñanza: 1. El catalán, como lengua propia de Cataluña, lo es también de la enseñanza, en todos los niveles y modalidades educativos. 2. Los centros de enseñanza de cualquier nivel deben hacer del catalán el vehículo de expresión normal en sus actividades docentes y administrativas, tanto internas como externas (http://noticias.juridicas.com/base_datos/CCAA/ca-11-1998.html#a3)

⁶ En estatuto vasco, en el artículo 19 del Decreto 86/1997 del 15 de abril, se regula el proceso de normalización del uso del euskera en las administraciones públicas de la Comunidad Autónoma de Euskadi (BOPV 17-4-1997). Las administraciones públicas vascas aprobarán en el primer año de cada periodo de planificación sus correspondientes planes de normalización del uso del euskera o las oportunas modificaciones de los mismos. Véase el artículo de Maitena Extebarría Aróstegui “Normalización del Euskera y educación bilingüe”, que trata de los aspectos sociopolíticos necesarios para entender la situación de la lengua vasca.

Tiene un componente cognitivo. Esto incluye una comprensión general de las diferencias culturales y un conocimiento específico de algunas culturas, la reflexión sobre la diferencia, los estereotipos y los prejuicios. El español cumple esta tendencia a la universalización, y es inevitable que las lenguas autonómicas, en un contexto empresarial, se quedarán ciertamente obsoletas, pues más que tender a la interculturalidad, sucede todo lo contrario.

Ante la proliferación de referencias socioculturales en los manuales de español como primera o segunda lengua, no estamos ante un fenómeno que podríamos denominar “de moda”. Más bien, el tema de la comunicación sociocultural tiene un peso suficiente para que merezca un tratamiento sistemático en las clases de lengua, concretamente en las de español para uso empresarial, en las diferentes comunidades autónomas españolas. Es más, no sólo es importante aprender el español como tal en los centros educativos de dichas comunidades, si no que también hay que enfatizar y resaltar la importancia de impartir la cultura socioeconómica española como común denominador, la cual ha de ser conocida desde el punto de vista teórico y práctico por hombres y mujeres de negocios, españoles o extranjeros, dentro y fuera de España. Esta importancia difiere, aunque sea sutilmente en muchos casos, de las manifestaciones culturales específicas implicadas en cada comunidad autónoma, en sus proyecciones dialectales y en las costumbres adquiridas.

Un estudio completo sobre negociación en España es el del proyecto INES⁷. Se entrevistó a varios empresarios españoles y extranjeros que negociaban con españoles, y su objetivo consistía en intentar determinar si existen unas características que definan un estilo de negociación a lo español y, si es así, qué rasgos pueden explicarse a través de los valores culturales españoles. Parece ser que según los entrevistados la personalización es una característica importante que define a un español a la hora de negociar. Para un hombre de negocios español es difícil aislarse, abstraerse de lo que está hablando. El español se implica mucho en todo lo que hace, y por tanto, también sucede así en el proceso negociador. Según Trompenaars, los países donde domina la personalización mantienen sociedades con un tipo de cultura difusa, es decir, sus componentes se involucran en todo lo que hacen, sin poder diferenciar entre qué se ha hecho y quién lo ha hecho. En estas sociedades la conocida expresión “no te lo tomes personalmente” carece de sentido; es fundamental el trato personal y la importancia que se da a las relaciones personales al negociar.

Este parece ser el caso del español y si el profesor de esta lengua, para uso profesional, lo sabe y lo comprende, puede hacer entender a sus alumnos que todos los comentarios pueden ser tomados como crítica o elogio personal, lo que puede dar lugar a que si se llega a producir un sentimiento de agravio, la negociación se

---

⁷ El proyecto INES (*International Indicators of Education Systems*) del Centro para la Investigación e Innovación Educativas (CERI) dependiente de la Organización para la Cooperación y el Desarrollo Económico (OCDE) tiene como objetivo producir indicadores educativos sobre los sistemas de sus países miembros que incluyen indicadores comparativos internacionales del rendimiento escolar de los alumnos” (<http://www.ince.mec.es/pub/pisa.htm>).

vea gravemente dificultada o llegue al fracaso. El proyecto INES señala que uno de los aspectos en que todos los entrevistados estuvieron de acuerdo fue en el de la importancia de la confianza y la amistad en las negociaciones en España.

En el caso de los españoles, debemos examinar los componentes que nos unen, no los que nos separan. Y es el español la lengua en que se debe operar en toda España, o al menos, no se le ha de privar a nadie de poder expresarse en ella. Educar a un español en una comunidad autónoma para que aprenda tan solo su lengua correspondiente, y no prepararle en español para tener éxito empresarial teniendo a España como común denominador, cultural y lingüístico, limita considerablemente su capacidad de éxito profesional en el presente y futuro inmediato o lejano.

La implicación personal total en una transacción comercial puede explicarse ante el hecho de que una de las dimensiones de la cultura española es que es difusa y no específica, según la terminología de Trompenaars y Hampden-Turner. ¿No estaremos, por tanto, perjudicando a los futuros hombres y mujeres de negocios nacidos en las comunidades autónomas españolas si en vez de educarles a expandir sus conocimientos lingüísticos y culturales en español empresarial, lo hacen a un nivel lingüístico concreto, reducido y aislado?

Breves apuntes del gallego, el catalán y el euskera

En cuanto al caso del gallego, en concreto, su norma unitaria va implantándose poco a poco en el territorio geográfico que abarca, como es el caso del catalán y del euskera en los suyos propios. Se contemplaron dos vías en un principio: seguir la portuguesa o partir de una propia. A raíz de que las diferencias fonológicas, y en menor medida morfosintácticas, con el portugués son determinantes, se optó por la implantación de una norma propiamente gallega. Pero hay una clara situación de diglosia respecto al español en el entorno urbano. La presencia del gallego en los ámbitos socioculturales es amplia. Sin embargo, y aunque todavía no se ha equilibrado del todo en el sistema educativo ni en los medios de comunicación (al margen de la televisión autonómica, o *El correo galego*, el primer periódico íntegramente en gallego, que no nace hasta 1994), el crecimiento e implantación del gallego, al igual que el catalán y el euskera, está desmotivando a profesionales. Muchos hombres de negocios y profesores universitarios, hablantes de español, desconocen dichas lenguas autonómicas y estando trabajando en una comunidad autónoma (hayan nacido en ella o no) son incitados a abandonar dicha comunidad ⁸.

---

⁸ Como fue mi caso, que decidí abandonar Cataluña cuando finalicé mis estudios de Filología Anglogermánica, especialidad inglés, en la Universidad de Barcelona. Núñez Feijóo comentó en una entrevista: “Aquí no hay conflicto de lenguas, como en Cataluña. Yo apuesto por un bilingüismo armónico y cordial, el que ya se da en la calle. Y, dentro de la Constitución, definiendo la máxima prioridad de paridad para gallego y castellano. La preferencia del gallego en la educación, la obligación de estudiar todas las asignaturas en gallego, salvo la lengua castellana, eso empobrece el país y yo no voy a llevar a Galicia al siglo XIX”. Pero lo cierto es que el gallego y el “galleguismo” se va imponiendo y desanima a los emprendedores y empresarios castellano-parlantes, monolingües, que desean hacer negocios en Galicia.

Se podría defender que, en España, impartir clases empresariales únicamente en otras lenguas autonómicas diferentes al español, tan solo sirve para promoverlas en sí, para darlas a conocer. Es cierto que el gallego, catalán, euskera y valenciano son lenguas oficiales. Sin embargo, a muchos españoles y a hablantes de otras nacionalidades, se les está privando de aprender el español y de utilizarlo, sobre todo a nivel profesional. En una situación que se debe prestar a conseguir un bilingüismo equilibrado y natural, formarse únicamente en una lengua supone y señala necesariamente un empobrecimiento a todos los niveles, del que no se excluye el ámbito empresarial.

Conclusión

El español es una lengua cultural de primer orden, para hispanohablantes y para estudiantes de español como segunda lengua. Es un idioma relativamente uniforme que ofrece un riesgo reducido de fragmentación. Es geográficamente compacto, está en expansión. Es una lengua internacional que va a más, en proporción a cualquier otra lengua o dialecto de España. Acabemos con lo siguiente: La Constitución española nos dice en el Artículo 3.1 “El castellano es la lengua española oficial del Estado. Todos los españoles tienen el deber de conocerla y el derecho a usarla. 2 Las demás lengua españolas serán también oficiales en las respectivas comunidades Autónomas de acuerdo con sus Estatutos”. Antonio Pérez Henares pregunta en su artículo “derecho al castellano”: “¿Tenemos de verdad ese “derecho” a usar nuestra lengua común? No. A los españoles ese derecho democrático nos ha sido en muchos lugares ya arrebatado”⁹. Yo no sería tan pesimista. Hay que luchar para seguir, si bien no imponiéndolo, sí, no privando a los españoles de su lengua unificadora, para beneficio de España y de todos nosotros, los españoles de ahora y los del futuro.

REFERENCES

1. CANALE, M., SWAIN, M. (1980): “Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing”, *Applied Linguistics*, Vol. 1,1: 1-47.
2. EXTEBARRÍA ARÓSTEGUI, M (2001): “Normalización del Euskera y educación bilingüe”, *Estudios de lingüística*, nº 15: 115-148

---

⁹ Léanse las siguientes palabras de Antonio Pérez Henares: “La agresión a la lengua común de los españoles y de cuatrocientos millones de personas en el mundo es una de las atrocidades más paletas, estúpidas y destructivas que nuestra existencia ha contemplado. Un empobrecimiento cultural de enorme magnitud, un sembrado de división y odio, una perversa manipulación de la lengua como instrumento de batalla. El nacionalismo catalán, amparado ahora por el no menos nacionalista PSC, aunque sus dirigentes se llamen Montilla, Corbacho y Chacón y sean de Córdoba o Badajoz, inicia la peligrosa y agresiva senda. Ahora, el pacto del socialismo con el nacionalismo gallego la emprende con entusiasmo en Galicia, donde ya los fraguistas habían deslizado más de una insensatez al respecto, y como remate, en Baleares un pacto similar riza el rizo y se lanza a una campaña que conculca ya no la Constitución Española, a este respecto verdadero papel mojado, sino el propio estatuto de autonomía recientemente aceptado. En Euskadi donde se había actuado hasta el momento con sentido común, este desaparece y la pretensión es seguir los otros pasos. Las famosas inmersiones que no son sino prohibir, acorrallar y extirpar a la fuerza el empleo de la lengua que todos los ciudadanos del Estado hablan” Pérez Henares da un verdadero sablazo a los que intentan, sutil o directamente, ir eliminando poco a poco el español en la enseñanza y diversas instituciones en España”.

3. MARCOS-MARÍN, Francisco A. (2004): “Política lingüística y lenguas iberoeuropeas”, *Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación* 18, mayo (<http://www.ucm.es/info/circulo/no18/marcos.htm>)
4. NÚÑEZ FEIJÓO, A. Entrevista: (14/01/2007) “Si se define a Galicia como una nación, eso dividirá a la sociedad” (El País).
5. http://www.elpais.com/articulo/Galicia/define/Galicia/nacion/dividira/sociedad/elpepiautgal/20070114elpgal_3/Tes
6. OLIVERAS, A. (2000): *Hacia la competencia intercultural en el aprendizaje de una lengua extranjera*. Edinumen. Madrid.
7. PEREZ HENARES, ANTONIO (2008): “El derecho al castellano”. *Siglo XXI*. 13 mayo. <http://www.diariosigloxxi.com/firmas/antonioperez>
8. SODERBERG, A. M. (1995): *Teaching (Inter)Cultural Awareness*. En A. Aarup Jensen et al. (eds) *Intercultural Competence*. Vol II: 285-304.
9. TROMPENAARS, F., HAMPDEN-TURNER, C. (1997): *Riding the waves of culture*. Nicholas Brealey publishing. London.
10. VAN. EK, J. (1984): *Across the threshold readings from the modern languages projects of the Council of Europe*. Oxford. Pergamon Press.
11. Instituto Cervantes. http://cvc.cervantes.es/obref/anuario/anuario_00/dacal/p02.htm
12. El español en las enseñanzas primaria y secundaria de Estados Unidos
13. Proyecto INES: (<http://www.ince.mec.es/pub/pisa.htm>)
14. Noticias jurídicas http://noticias.juridicas.com/base_datos/CCAA/ca-11-1998.html#a3

EXCLAMATION ET CHANGEMENT LINGUISTIQUE DANS LES ENONCES SITUATIONNELS *JE TE DIS PAS ! ET TU PEUX PAS SAVOIR !*

C. Marque-Pucheu

Université Paris-Sorbonne (Paris IV)

Some exclamatory statements are derived from complex sentences where the indirect subordinate is introduced by an exclamatory marker. While expressing exclamation, the exclamatory statements also have unique syntactic properties.

Introduction

Malgré un certain nombre de marques et de patrons types [Gérard, 1980], l'exclamation ne s'appuie pas toujours sur des critères formels. Parmi les énoncés situationnels exclamatifs [Fonagy, 2006], les uns peuvent être issus de phrases assertives (*Si on les écoutait !*), les autres de phrases interrogatives (*Voyez-vous ça!*). Dans les exclamations issues de phrases assertives, certaines se caractérisent par la suppression de la principale (*Si on les écoutait!*), d'autres dérivent d'une phrase complexe (*Moi, je vous dis ça...*), la subordonnée n'étant plus exprimée. La recherche de la source syntaxique ne s'avère pas toujours triviale [Fónagy, 2006, p. 357].

Il en va différemment avec les énoncés *Tu peux pas savoir !* et *Je te dis pas !* où nous pouvons caractériser la subordonnée qui n'est pas exprimée et où la recherche de la construction élidée renseigne du même coup sur leur interprétation (intensive) (§1). L'ellipse de la subordonnée s'accompagne également d'un

changement fonctionnel de ces énoncés, qui passent de principale à indépendante et acquièrent un statut de modifieur soumis à des contraintes de position. Notre hypothèse est qu'à la faveur de cette ellipse ils deviennent exclamatifs (§2).

1. Source : une exclamative indirecte

1.1. Ellipse, redondance, parallélisme

Les verbes en jeu dans les deux énoncés étudiés peuvent régir des subordinées indirectes, dites « percontatives » [Le Goffic, 1993, p. 44], c'est-à-dire dont le terme introducteur est dépourvu de fonction anaphorique. La source de ces énoncés, une exclamative indirecte, contient en effet toujours une marque exclamative. Ainsi, dans

(1) Luc a tremblé, (je te dis pas! + tu peux pas savoir!)

la source peut comporter les adverbiaux *comme, combien, à quel point* :

Luc a tremblé, (je te dis pas + tu peux pas savoir) (comme + combien + à quel point) Luc a tremblé

D'autres introducteurs sont également possibles, comme *ce que* (2) ou *quel* (3)

:

(2) Luc a tremblé, (je te dis pas + tu peux pas savoir) ce que Luc a tremblé

(3) Luc a de la peine, (je te dis pas + tu peux pas savoir) quelle peine Luc a !

Ces subordinées, qui sont toujours équivalentes à un GN, voient alors la marque exclamative disparaître

Je te dis pas la peine (de = qu'a) Luc

Tu peux pas savoir la peine (de = qu'a) Luc

On parle habituellement dans ce cas de « question cachée » [Grimshaw, 1968 ; Giry-Schneider, 1981]: le GN complément est justement analysable par substitution d'une subordinée indirecte au complément direct.

Les dérivations (1-3) indiquent que la subordinée est redondante. En effet, on observe un parallélisme entre le membre de phrase précédant *Je te dis pas* ou *Tu peux pas savoir*, et le contenu de la subordinée, soit respectivement *P je te dis pas comme P* et *P tu peux pas savoir comme P*. Or on sait que les structures qui se caractérisent par un parallélisme autorisent l'ellipse. Parallèlement à la réduction de la subordinée percontative qui comporte un adverbe introduisant une exclamative (*comme, combien*), le membre de phrase formellement dépourvu de marque exclamative (*Je te dis pas + Tu peux pas savoir*), acquiert une valeur exclamative¹⁰.

Quelle que soit la source, l'interprétation introduit « une note d'affectivité au sens de 'de quelle manière remarquable, excellente, révoltante, blâmable' etc. » [Milner, 1978, p. 260-262] [cit.: d'après Fónagy, 2000, p. 330]. Ces énoncés sont proches des adverbiaux de manière quantifieurs [Molinier, Lévrier, 2000].

---

¹⁰ [Culioli 1974, p. 8] a proposé d'analyser les exclamatives par « repérage circulaire », où *Comme Paul est patient* équivaut à *Paul est patient comme Paul est patient*. Dans ce cas, la principale est réduite. Les exemples que nous étudions diffèrent, la réduction affectant la subordinée.

1.2. (*Je te dis pas* + *Tu peux pas savoir*) *combien* vs *que*

Les termes introducteurs de la subordonnée permettent de distinguer les emplois exclamatifs de *Je te dis pas !* et *Tu peux pas savoir !* observables en §1.1 et dans (A) ci-dessous, d'emplois homographes (B et B') non exclamatifs, qui peuvent aussi apparaître sans complément :

- (A) - Il a perdu son sang-froid, (je te dis pas ! + tu peux pas savoir !)
- Ah bon ?
- (B) - Il a perdu son sang-froid.
- Je te dis pas, mais il avait des excuses
- (B') - Je ne comprends pas.
- Tu peux pas savoir.

Dans l'interprétation en jeu en (B) et (B'), *dire* et *savoir* interdisent *comme* :

*Je te dis pas comme il a perdu son sang-froid, mais il avait des excuses

*Tu peux pas savoir comme Luc a accepté

et régissent une complétive introduite par *que* :

Je te dis pas qu'il n'a pas perdu son sang-froid, mais il avait des excuses¹¹

Tu (ne) peux pas savoir que Luc a accepté

alors que les emplois (A) bloquent la complétive en *que* :

Luc a perdu son sang-froid, (je te dis pas! + tu peux pas savoir!)
(combien + comment + *que) Luc a perdu son sang-froid

Les emplois (A) et (B) ont donc une distribution complémentaire¹². De plus, dans (A), les énoncés peuvent être proférés par le premier interlocuteur et peuvent être conclusifs, alors que dans (B) et (B'), ils sont nécessairement proférés par le deuxième interlocuteur et peuvent fonctionner comme amorce. Les emplois exclamatifs (A) sont donc devenus autonomes. Enfin, les prédicats classifiants [Milner, 1978] sont autorisés dans la subordonnée introduite par *que* (B), mais pas dans celle introduite par *comme* (A). La modalité exclamative est réputée ne pas pouvoir s'appliquer aux prédicats classifiants (*Il est beau, je te dis pas !* vs **Il est français, je te dis pas !*). À ces propriétés syntaxiques, lexicales et distributionnelles différentes correspondent des interprétations différentes.

Parallèlement à ces différents changements des verbes *dire* et *savoir*, on note que le modal *pouvoir*, plutôt facultatif dans *Je peux pas te dire !*, plutôt obligatoire avec *Tu peux pas savoir !*, renchérit sur l'interprétation intensive de (A), alors que dans (B) cet effet ne se produit pas. En effet, les énoncés assertifs perçus comme exclamatifs voient fréquemment les mots et expressions qui les constituent acquérir une autre interprétation [Gérard, 1980, p. 133 citée par Fónagy, 2000, p. 333].

Compte tenu de ces changements affectant les emplois (A), quel est leur statut fonctionnel après ellipse de la subordonnée ?

---

¹¹ La complétive est négative, l'interprétation étant *Je te dis pas le contraire*.

¹² Une modification morphosyntaxique fait basculer dans l'emploi (B) : *Il a perdu son sang-froid (je t'ai pas dit + tu pouvais pas savoir)*.

2. Changement de statut

2.1. Fonction actancielle ?

Dans l'exemple suivant, les énoncés semblent intégrés au noyau :

- Il se comporte (je te dis pas ! + tu peux pas savoir !)

Ils commutent bien avec un adverbe de manière obligatoire :

- Il se comporte (mal + je te dis pas ! + tu peux pas savoir ! + *E)

Cependant, cette commutation masque des différences de comportement entre, d'une part *mal*, et d'autre part *je te dis pas* et *tu peux pas savoir*. En premier lieu, si un adverbe n'est pas compatible avec un autre adverbe (**Il se comporte mal bizarrement*), il l'est avec les énoncés étudiés (*Il se comporte mal (je te dis pas ! + tu peux pas savoir !)*). De plus, lorsque *Je te dis pas !* ou *Tu peux pas savoir !* coexiste avec un adverbe, ce dernier doit suivre immédiatement le verbe :

?*Il se comporte je te dis pas mal

Quel est donc alors le statut de *Je te dis pas* et de *Tu peux pas savoir* dans *Il se comporte (je te dis pas ! + tu peux pas savoir !)* s'il ne s'agit pas d'un complément adverbial obligatoire de *se comporter* ? Nous avons rappelé (§1.1) que le parallélisme autorisait l'ellipse. Les expressions porteraient alors sur un *comment* élidé : la construction complète serait *Il se comporte (je te dis pas + tu peux pas savoir) comment il se comporte*.

2.2. Fonction d'ajout modifieur et place de l'ajout

Plus généralement, les expressions ont la fonction d'ajout modifieur : de Adj/SA (*C'est un homme désagréable, je te dis pas !*), de V/SV : *Il a plu, je te dis pas !*, de Adv/Sadv (*Il se trouvait loin, je te dis pas !*), de N/SN (*Il y avait un bazar, je te dis pas!*).

On rapprochera ce dernier exemple, où le SN est modifié, du fonctionnement de *pas possible* [Fónagy 2006, p. 434], en notant toutefois que *pas possible* s'observe non seulement comme épithète (modifieur de N/SN), mais accepte aussi la fonction attribut, contrairement aux expressions étudiées :

*Cette créature est (je te dis pas + tu peux pas savoir !)

De plus, nous observons la différence suivante :

Un bazar (pas possible +*je te dis pas) empêchait d'entrer

Ayant une forme éloignée de celle d'un adjectif, contrairement à *pas possible* qui est apparenté à *impossible*, *je te dis pas* et *tu peux pas savoir* peuvent difficilement modifier un N ou un SN en position sujet : en effet, la longueur des expressions et la légère pause qui les précède habituellement gênent l'insertion entre sujet et verbe. D'une manière générale, la position en périphérie gauche est plus difficile, nécessitant une pause prolongée :

? (Je te dis pas ! + Tu peux pas savoir !), il l'a laissé tomber

Ce désagrément n'existe pas avec la forme complète (*Je te dis pas comme il l'a laissé tomber !* et *Comme il l'a laissé tomber, je te dis pas !*). Le « modifieur » intensif suit donc de préférence le terme ou la suite sous sa portée, comme si l'énonciateur émettait un commentaire.

Conclusion

La source des énoncés exclamatifs *Je te dis pas !* et *Tu peux pas savoir !* est elle-même une exclamative comportant des marques formelles (*comme, ce que,*

etc.). Ces marques ont disparu en même temps que l'ensemble de la subordonnée. À la faveur de cette ellipse, le caractère exclamatif a été transféré à ces énoncés qui comportent, pour toute trace d'exclamation, une ponctuation ou une intonation particulière. Qualifiant une propriété, un événement ou un état, ils suivent de préférence l'entité modifiée, marquant à la fois l'intensité et une attitude énonciative.

RÉFÉRENCES

1. Bacha, J. *L'exclamation. Approche syntaxique et sémantique d'une modalité énonciative*. – Paris : L'Harmattan, 2000. – 320 p.
2. Fónagy, M. *Dynamique et changement*. – Louvain-Paris : Peeters, 2006. – 544 p.
3. Gérard, J. *L'exclamation en français. La syntaxe des expressions et des phrases exclamatives*. – Tübingen : Niemeyer, 1980. – 138 p.
4. Giry-Schneider, J. «Les compléments nominaux du verbe *dire*». – *Langages* 63. – Paris : Larousse, 1981. – P. 75-97.
5. Grimshaw, J. *Indirect questions in English*. Doctoral dissertation, University of Illinois. – Urbana : Illinois, 1968.
6. Gross, M. *Grammaire transformationnelle du français. 3 - Syntaxe de l'adverbe*. – Paris : ASSTRIL, 1986. – 670 p.
7. Le Goffic, P. *Grammaire de la phrase française*. – Paris : Hachette, 1993. – 589 p.
8. Marque-Pucheu, C. «Les énoncés liés à une situation : mode de fonctionnement et mode d'accès en langue 2». – *Hieronymus I (Revue électronique)*, 2007. – P. 25-48. www.unizd.hr.
9. Milner, J.-C., *De la syntaxe à l'interprétation*. – Paris : Seuil, 1978 – 408 p.
10. Molinier et Lévrier, *Grammaire des adverbes. Description des formes en -ment*. – Genève : Droz, 2000. – 527 p.

LA LINGUA E LA TRADUZIONE PER ANNIBAL CARO

D. Poli

Annibal Caro (1507-1566) is the author of the first Italian version of Virgil's "Aeneid". This work is here analyzed in relation to the rhetorical strategies enacted by Caro, in order to reach his target to work out an example of 'belle infidèle' that could match to the aesthetic patterns of Humanism as well as the translative rules Italy was elaborating and spreading over Europe. Caro's links to the principles of Humanism were in function of the interpretation of the cultural advancement of the society as his involvement in the political and academic struggles of his time clearly shows.

Annibal Caro merita di essere celebrato ancora a cinquecento anni dalla nascita come - per riprendere le espressioni del De Sanctis - un Italiano dall'ingegno vivace, che si avvicina alla spigliatezza e alla grazia dei Toscani. Per la critica più attuale, l'occasionalità rappresenta il movente e il limite della sua produzione. In effetti la scritturalità di Caro è delineata da questi estremi, gli stessi che hanno delimitato l'orizzonte della grande avventura della sua vita, allineandolo al percorso politico dei Farnese e al contempo attrezzandolo per scelte coraggiose

nella creazione letteraria. E pertanto, nella sua produzione il canzoniere presagisce o supera il Barocco, la commedia riproduce o nega il reale, l'epistolario resta a cavaliere fra la stravaganza o la biografia, la traduzione aggira la logica della dicotomia fra l'originale e la sua versione per proporre la continuità del discorso che l'antico imbastisce sul moderno.

Lasciatosi coinvolgere e beneficiare dal sistema politico, fino ad avanzare al rango di Cavaliere di Malta, Caro, come mostra anche l'episodio dello scontro con Lodovico Castelvetro, si trova a dover prendere posizione sullo spazio aperto alla tolleranza, sulla posizione sociale del cortigiano e sul suo ruolo a fronte dell'emergere dei grandi Stati nazionali, oltre che sulle responsabilità dell'intellettuale all'interno del consesso civile.

Nel prosieguo di questa linea, Caro porta la riflessione sui problemi posti dal percorso futuro della letteratura e dalla questione attorno alla lingua, giacché, pur essendo stato precettore, segretario, diplomatico in relazione con le Case d'Asburgo e di Francia, amministratore di giustizia, antiquario, numismatico e architetto, Caro viene a realizzarsi attraverso la regia con cui dirige la sua personalità di letterato. Anche sotto tale veste egli punta alla qualificazione, alla legittimazione professionale, al credito, al consenso d'opinione e da essa trae l'abilità nel tessere e nel dipanare la fragile tela della dinamica politica del suo secolo.

La sua versione della *Retorica* di Aristotele rientra, a ben guardare, nel novero dell'impegno sulla trattatistica caratterizzante la visione pratica dei funzionari, così come la *Apologia* appartiene alla categoria dell'utile. Ma Caro finisce per delegare alla penna e al paradosso della scrittura la confessione delle passioni e la descrizione dei cedimenti alle debolezze della natura, affidandole la riscrittura delle contraddizioni del Classico, appropriandosene nel librarsi nell'anelito verso la grande tradizione, appagandosene nel ricondurla alla dimensione della sua contemporaneità.

La partita è giocata sul riuso concesso dalla pratica della imitazione, in rapporto alla stessa latitudine interpretativa rivelatasi nel Cinquecento; il Caro stupisce per la maestria con cui ci conduce attraverso la specializzazione dei registri linguistici e per la capacità di trasposizione delle atmosfere, fino a creare immagini e spettacolo. La conversione dei mondi appare istantanea e semplice per quanto deve essere stata meditata e analizzata, soprattutto mediante il lavoro dell'imitazione dei contenuti, dell'analisi del lessico, della grammatica delle forme.

Sono proprio i rapporti fra potere e cultura, la connessione nell'agire fra *otium* e *negotium*, la relazione con il passato prospettato verso il futuro e la centralità attribuita alla intelligenza dell'uomo che inseriscono Annibal Caro nell'ideale, italiano prima, transnazionale poi, della comunità del sapere, ovvero di quella che Marc Fumaroli ebbe a definire con la bella espressione de *la République européenne des lettres*.

Annibal Caro crea di getto la sua *Eneide*, come progetto ideato nell'intersezione fra «una pruova d'un poema che mi cadde ne l'animo di fare dopo che mi allargai da la servitù» che è svolta nella prospettiva di «una tradozione de' libri di Virgilio» (lettera al Varchi, 14 settembre 1565). Per il buon risultato ha

preferito all'«ottava rima [...i...] versi sciolti», ma la fiducia per affrontare la fatica deve derivargli dalla consapevolezza della idoneità della sua preparazione. Per riprendere Benedetto Varchi, egli è dotato di uno stile «largo, chiaro, fiorito e liberale» (così nell'*Hercolano* IX, 402), basato sulle armonie foniche, sulle capacità metamorfiche della parola, sulle variazioni sintattiche.

Quando si assiste al prorompente apparire, in corrispondenza della fase ultima della sua vita, del progetto (già sotterraneo?) dell'*Eneide*, Caro sembra aver distratto l'attenzione da una precedente e alternativa pianificazione. Nel 1564 risultano tradotti i primi quattro libri (cfr. la notizia nella lettera dell'aprile a Giovanni Andrea de l'Anguillara); nel dicembre dell'anno successivo egli è arrivato al decimo (lettera al Varchi del 14 settembre 1565); nel marzo del 1566, quindi poco prima della morte, dichiara di essere a buon punto nel dodicesimo e pertanto assai prossimo a terminare (lettera a Bernardino Bianchi, Prevosto della Scala, 30 marzo).

La traduzione d'arte dell'*Eneide*, questa “fantasia” in cui vi è «entrato a caso» e vi ha «perseverato non volendo», traducendo Virgilio «per trattenimento de lo scioperio piuttosto che per impresa» (*ivi*), sarebbe iniziata per “ischerzo”, immaginata come esercizio, “pruova”, funzionale alla composizione di un poema adatto all'epica dei tempi moderni, ottenuto «traducendo d'una lingua in un'altra», da mettere in gara con l'originale latino per «la ricchezza e la capacità di questa lingua [italiana], contro l'opinion di quelli che asseriscono che non può aver poema eroico, né arte, né voci da esplicar concetti poetici» (lettera al Varchi, 14 settembre 1565).

Si tratta per Caro di mettere in campo una scrittura aperta a innovazioni figurative e creative, come combinazione di fermenti danteschi, petrarcheschi e di eroico ariostesco. La procedura traslativa porta al rimaneggiamento del contenuto in molti luoghi e produce l'incremento espositivo che finisce per essere arricchito di un terzo rispetto al testo virgiliano. Questo non è una novità per Caro, il quale negli *Amori pastorali di Dafni e Cloe* - ai quali attenderà per molti anni a partire da prima del 1538 - si era comportato nello stesso modo. Né è un procedimento ignoto alla cultura dell'epoca: un cinquantennio prima della traduzione di Caro, nel 1513, l'*Eneados* dello scozzese Gavin Douglas mostra una pari amplificazione ottenuta per il tramite della ridondanza lessicale.

Comunque sia, nel concepire la sua traduzione, Caro asserisce che: *a*) la realtà della cultura e della lingua d'Italia rispetto a quella dell'antica Roma; *b*) la relazione fra l'adeguatezza della lingua e la qualità dei suoi scrittori; *c*) l'impossibilità di creare le condizioni d'impiego delle lingue classiche. E, per quanto attiene al metodo traduttivo, afferma che: *a*) le parole sono in funzione degli argomenti, che possono essere espressi mediante diverse formulazioni giacché tale procedura aiuterebbe a riprodurre più esattamente il pensiero dell'originale; *b*) la costruzione della frase è dipendente dalla decostruzione della struttura dell'originale i cui pezzi smontati vengono assemblati nella lingua di arrivo.

Con tali premesse, Caro si colloca sulla stessa linea dei teorici del pensiero linguistico rinascimentale come viene in particolare a sostanzarsi nel *Dialogo delle lingue* di Sperone Speroni.

Caro avverte che il peso dell'operazione che lo attende non sarà commisurato ai riconoscimenti - «so che fo cosa di poca lode» - e, soprattutto, è consapevole che, essendo «tanto oltre con gli anni», non sarà «più a tempo a condur poemi». Il mezzo finisce per porsi come il fine nell'operazione basata sulla metodica intellettuale umanistica della riscrittura come 'marchingegno' di creazione di nuovi testi, destinata a dare all'Italia un esempio paradigmatico di 'bella infedele', categoria in cui la scioltezza è raggiunta a scapito dell'aderenza, che aprirà alle traduzioni fatte su parafrasi e interpolazioni.

Negli ambiti della *elocutio* e attraverso la pratica della *amplificatio* e della *abbreviatio*, Caro si trova a operare con i due distinti programmi di volgarizzamento e di traduzione. Rientra nella dimensione di quest'ultima nel momento in cui, nonostante l'ammirazione verso il classico, ritiene che la manipolazione condotta sulla lingua moderna la faccia innalzare al livello gerarchico della lingua latina; ma mette in atto le strategie divulgative della prima nel persistere nell'ampliamento e nella trasformazione dei temi dell'originale. Questo gli è permesso dall'obiettivo del testo che, da Caro considerato superiore alla trasposizione di enunciati, egli realizza nella polivalenza del messaggio e nella ricerca del ritmo soggettivo, creando un'opera dotata della storicità dell'originale, che riesce a resistere anche alla obsolescenza.

Su un terreno di sperimentazione dai molteplici risvolti culturali e sociali, i letterati vanno alla ricerca di soluzioni inventive non disgiungendo la metodologia dalla prassi e guardano all'orizzonte, dove le istanze politiche dei sovrani delle nazioni emergenti spingono perché sia assolutizzato il loro strumento linguistico.

Fausto da Longiano (*Dialogo del modo de lo tradurre*, 1556) non esita a equiparare i "convertitori" ai "sovertitori" nel momento in cui questi vengano meno alla delicatezza del loro incarico. Né si lesinano gli insulti per gli inetti, come nelle *Pistole vulgari* (1539) di Nicolò Franco: «Ser Traditori miei, se non sapete far altro che tradire i libri, voi ve ne anderete bel bello a cacare senza candela» (così ne *La risposta della lucerna*). L'accanimento verbale è la patina superficiale dell'attenzione dimostrata verso questo delicato aspetto della comunicazione dalla profonda portata innovativa, su cui gli intellettuali, sia laici sia religiosi, si confrontano e si sfidano per assicurarsene la gestione e per provvedere alla necessaria manipolazione.

Il modo di sentire che evolve nella accademia italiana si riverbera subito nella Francia con cui costanti e strette sono le relazioni. La *Défense et illustration de la langue française* di Joachim Du Bellay (1549) adatta la 'questione della lingua', e in particolare la sofisticata posizione dello Speroni, alla teoria dell'imitazione dei Classici, al fine di adeguare il francese alle necessità comunicative, divenute impellenti dopo l'ordinanza di Villers-Cotterêts emanata da Francesco I nel 1539. Dopo aver accettato le forti sollecitazioni alla condivisione culturale, i Francesi reagiscono in spirito di autonomia e puntano a modellare la

teoria della lingua sulla ipotesi di strutturazione del pensiero analitico, in modo da rendere le idee visibili e tangibili.

Emerge una dimensione inedita di crescita, in cui la polimatia pluriculturale di cui partecipa l'Europa diviene un unico sistema di selva erudita di lettura plurilingue, con continui transiti fra le diverse Autorità, sia del passato sia coeve. In essa trova spazio il riuso come riscrittura, in condizione di elaborazione o di combinazione, amplificata o distillata, in un fragile equilibrio fra *imitatio* del modello, variazione e duplicazione, finché comincia a metabolizzarsi - quando si è giunti alla seconda metà del secolo - nel realismo della mimesi o nell'allegoria della rappresentazione.

Correva l'anno 1563 quando Caro, oltre a rivedere le rime e le lettere, si applica alla 'sua' *Eneide*. Si è consumata la rottura con Alessandro Farnese e Caro si sta preparando a liberarsi dai pressanti incarichi per dedicarsi all'*otium* di una vita privata da trascorrere sia a Roma sia nella dimora di Frascati ("Caravilla"). Ma nel frattempo, dopo l'impegno del 1562 per il Palazzo Farnese di Caprarola - dove guida gli affreschi di Taddeo Zuccari ai soggetti mitologici e alle tonalità cromatiche nella Stanza dell'Aurora e nella Stanza delle Stagioni - e dopo essere forse stato coinvolto nel piano iconografico del Giardino di Bomarzo della Famiglia Orsini, il suo interesse per gli impianti architettonici e decorativi si dimostra nella fatica del suo ultimo *negotium*, nel 1563-64, nell'intervento alla realizzazione del giardino di Villa Catena dei Conti di Poli.

C'è una stretta correlazione in Caro, come nel suo secolo, fra il campo dell'immagine e il sistema comunicativo della lingua, inseriti nella ritualità semiotica della società di corte, gerarchizzata nello spettacolo allegorico dei tratti dell'etichetta, del prestigio, del virtuosismo, del narcisismo, dell'artificio, dove l'ornato retorico della letteratura è connotativo delle forme in cui si manifesta l'arte.

Il dettato parte dalla omologazione di Orazio - *ut pictura poesis* -, ma risale al parallelismo di ordine mimetico che la *Poetica* di Aristotele istituisce in più luoghi fra le creazioni della poesia e della iconografia. Viene a essere riconosciuto l'obiettivo nella seduzione, che è da cogliere facendo leva su tutta la gamma comunicativa.

Ne restano a memoria le parole con cui il Caro indica allo Zuccari il progetto della Stanza dell'Aurora: che esso sia «fuor dell'ordinario, così quanto all'invenzione, come quanto all'artificio» (lettera del 2 novembre 1562). Lo Zuccari deve 'riscrivere' sul piano dell'immagine pittorica il continuo narrativo che Caro enuclea in citazioni mitopoietiche: egli è per Zuccari ciò che le traduzioni di Ovidio rappresentano per Tiziano.

Caro riesce ad attrezzarsi di strumenti idonei attraverso i dibattiti sulla traduzione che animano il secolo e si ispirano agli insegnamenti di Cicerone sul metodo della conversione di equivalenze interlinguistiche. C'è da parte sua la frequentazione, diretta e attraverso gli scritti, di una serie di intellettuali che fanno scuola, come il Varchi e il Tolomei, autori di acute anticipazioni su fenomeni linguistici, nonché la conoscenza di fini filologi, come Pietro Vettori. E' soprattutto avvertita la consapevolezza della traduzione come 'problema' che

traspone il livello tecnico al piano culturale, per mostrare le evidenti valenze politiche nel contesto di una epocale *translatio studii et imperii* dal mondo romano in quello contemporaneo. Nel clima di intercodificabilità, l'esperienza acquisita sulle traduzioni dal greco in latino è messa a frutto per le versioni in volgare.

In precedenza, le riflessioni tecniche di Leonardo Bruni, espresse nel *De interpretatione recta* (nel 1420-1426 in margine alla sua versione latina dell'*Ethica nicomachaea*, del 1416-1418), sulla traduzione fra lingue classiche e la loro ripresa nell'*Apologeticus* (del 1456-1459) di Gianozzo Manetti avevano diffuso la teoria della intercodificabilità garantita dal rispetto di una serie di requisiti sui quali fondare l'adattamento e la manipolazione dei materiali tematici.

La perfetta comprensione del testo di partenza e la competenza del registro della lingua di arrivo debbono riuscire a esprimere un prodotto omologo, che, andando oltre le parole, riproduca le strutture ritmiche e l'armonia frastica (*cola et commata et periodos [...] observare*) e che, conservando le particolarità e gli ornati del linguaggio, imiterà lo stile dell'originale.

La traduzione è infatti un'opera di abilità (*ars quae peritiam flagitat [...] magna res ac difficilis*) e il traduttore è al tempo stesso un tecnico e un letterato, che unisce la competenza alla precisione (*disciplina et litteris [...] doctum et elegantem*).

E' noto che ne *La manière de bien traduire d'une langue en aultre* (1540) Estienne Dolet espone in cinque postulati - che figuravano già come obiettivi in Bruni - l'elaborazione teorico-pratica di una procedura che è interpretata come una poetica traduttologica, resa operativa dal rispetto dell'originale e dalla consapevolezza delle proprietà della lingua di destinazione.

Sul piano teorico si elabora la concezione dell'autonomia della poetica del testo tradotto (*posterior*) rispetto all'originale (*prior*) con il quale esso interagisce all'interno del medesimo statuto. A motivo di questa defocalizzazione del centro, viene meno una serie di consequenzialità, come il preconetto della inferiorità della traduzione nei confronti dell'originale e la ricerca della fedeltà e della trasparenza in rapporto al testo di partenza.

LA PAROLA DI FRANCESCA E IL TESTO DI DANTE

A. Sorella

The Fifth "canto" of Inferno is the most famous all over the world, but it is still the most problematic. The author of the essay proposes a new interpretation, reading the word "amar" with the meaning of "bitter", not of "to love", as usual. According with the author, there are many linguistic and philological reasons to accept this new interpretation

Rileggendo il V canto dell'*Inferno*, si rimane colpiti ogni volta dal numero impressionante di ripetizioni, echi fonici, assonanze e insistenze su andamenti metrico-formali, ritornanti a mo' di ritornelli. Il lettore di oggi non può fare a meno di trovare una certa somiglianza – *si parva licet* – tra lo stile di Dante in questo canto e la moderna canzone italiana (e non solo italiana). Le parole, ripetute (anche in derivazione e poliptoto) più che a denotare oggetti e concetti servono a creare

atmosfera, stati d'animo. Certo, in generale nella *Commedia* Dante non si mostra molto ossequiente al precetto classico, e poi scolastico, di evitare la ripetizione, che ancora oggi rende la nostra lingua così diversa dalle altre lingue europee e che ha fatto sì che generazioni di studenti si presentassero in classe per il compito d'italiano, magari senza vocabolario, ma munite del fido dizionario dei sinonimi e dei contrari. Tuttavia, nel V canto l'insistenza di Dante su certe parole è così evidente, da non potere essere considerata casuale. Eppure, una prima considerazione va fatta qui preliminarmente, e cioè che né i lettori antichi più lontani dalle scelte stilistiche di Dante – come Petrarca, per esempio –, né quelli che si sono succeduti fino ad oggi, tutti comunque ancora fedeli alla logica dell'*horror iterationis*, sono mai riusciti a sottrarsi dalla fascinazione di questo canto, ritenuto a ragione il più celebre episodio della letteratura italiana e forse europea.

Limitandoci alle ripetizioni più importanti, nell'equilibrio generale del canto, possiamo annoverare quelle che ne creano la scenografia semantica, identificabili pertanto come parole-chiave. Non si può non cominciare con: *amore* (vv. 66, 119, *amor*: vv. 69, 78, 100, 103, 106, 125, 128) e i derivati *amorosa* (v. 61), *amato* (v. 103), *amar* (v. 103?), *amante* (v. 134); anche *amico* (v. 91) è connesso etimologicamente con il verbo. Nel canto in cui il tema è quello della lussuria punita, troviamo una sola volta la parola *lussuria* (v. 55), con un'altra sola occorrenza dell'aggettivo *lussuriosa* (v. 63); al concetto Dante rimanda anche quando contrappone *talento* a *ragion* (v. 39), nonché con l'espressione *libito félicito* (v. 56), riferita a Semiramis. Per l'amore, Dante non sente qui la necessità di sinonimi ed usa la parola e i suoi derivati senza risparmio (*affettuoso*, al v. 87, e *affetto*, al v. 125, hanno un significato diverso, esprimendo il coinvolgimento appassionato di Dante alla vicenda dei due amanti). Perciò il canto V dell'*Inferno* è stato letto quasi sempre come il canto dell'amore, più che della lussuria. Ma ritorneremo in seguito su questa osservazione, che assume un'importanza fondamentale nell'economia complessiva del canto. Assieme col concetto di amore, è sottolineato quello di *dolor* (v. 3, *dolore*: v. 121), *doloroso* (vv. 16, 114), *dolenti* (v. 25); vanno citati qui anche *pena* (v. 45), *affannate* (v. 80) e *martiri* (v. 116). Dunque, si parla di amore, ma anche di dolore. Collegata con le precedenti è la parola-chiave *pietà* (vv. 72, 93, v. 2 del canto VI, *pietade*: v. 140), con l'espressione equivalente *tristo e pio* (v. 117); dunque, si tratta di un amore doloroso che suscita la pietà di Dante e dei suoi lettori. Ma la *pace* (vv. 92, 99) agognata dai peccatori resta pur sempre, e deve restare, inattuabile. Il poeta insiste sull'atmosfera cupa all'interno della quale si svolge la scena ripetendo *aere* / *aura* con una serie di variazioni non puramente esornative: *aere* (vv. 47, 84, *aere maligno*: v. 86, *aere perso*: v. 89), *aura nera* (v. 51); prima ancora, aveva definito introduttivamente l'ambiente con un'ardita sinestesia: *loco d'ogne luce muto* (v. 28). L'iterazione del verbo *mena* (vv. 32, 43, 78) giova a Dante ad indicare l'impotenza delle anime trascinate dal *talento*, una volta venuti meno il controllo e il freno della ragione. Sottolineate altresì con ripetizioni sono le parole che rimandano alla letteratura amorosa: *disio* (v. 82), *disiri* (v. 120), *disiato* (v. 133); *dolce nido* (v. 83), *dolci pensier* (v. 113), *dolci sospiri* (v. 118); *viso* (vv. 110,

131); *basciato* (v. 134), *basciò* (v. 136). A quella, Dante si riferisce anche esplicitamente: *leggiavamo* (v. 127, *leggemmo*: vv. 133, 138), *lettura* (v. 131); *libro* (v. 137), *scrisse* (v. 137). Lo stesso ultimo verso, con la celebre derivazione: *caddi [...] cade* (v. 142), sta quasi ad indicare al lettore il fatto che tutte le ripetizioni precedenti siano state volute ed anzi cercate (essendo disponibili sinonimi di uguale struttura metrica). Anche nella sintassi è possibile rintracciare elementi ritornanti. Oltre che alla triplice anafora *Amor*, mi riferisco per esempio al parallelismo di strutture, con ridondanze pronominali marcate: *li spiriti mali [...] li mena* (vv. 42-43), *ombre [...] ch'amor [...] dipartille* (vv. 68-69); la cosiddetta dislocazione a sinistra dell'oggetto, con ripresa pronominale, è tradizionalmente una caratteristica del parlato, piuttosto che della lingua letteraria, sicché c'è da credere che Dante abbia voluto sottolineare anche sintatticamente la drammaticità delle conseguenze dell'affidarsi al *talento* e all'*amore* per gli spiriti o le anime di questo cerchio (*li / le*).

In altri casi, notiamo in Dante uno sforzo di variazione, destinato ad un ristretto numero di parole e concetti. Innanzi tutto: *venti* (v. 30, *vento*: vv. 75, 79, 96), *bufera* (v. 31), *rapina* (v. 32), *fiato* (v. 42), *briga* (v. 49); se consideriamo quanto studio sia stato messo per la variazione sopra illustrata degli epiteti di *aere / aura*, potremmo concludere che l'autore avesse voluto suggerire l'impressione di mutabilità e di irregolarità della bufera infernale. Altra variazione notevole è quella relativa al pianto, che è motivo conduttore del canto: *guaio* (v. 3, *guai*: v. 48), *pianto* (v. 27), *le strida, il compianto, il lamento* (v. 35), *lai* (v. 46), *lagrimar* (v. 117), *piange* (v. 127), *piangea* (v. 140); insomma, piangono tutti, i dannati, Francesca, Paolo, probabilmente molti lettori e lettrici, e neppure Dante può esimersi dal farlo. Forse Dante avrà pensato che indulgere troppo su *pianto* e *piangere* avrebbe indotto i lettori ad un'immotivata indulgenza nei confronti dell'amore di Francesca, come quella che appunto si diffuse nel Romanticismo. Che la variazione sia per l'autore significativa, non meno della ripetizione, emerge dal rapido passaggio dalla metonimia *disiato riso* (v. 133), tutta intrisa di letterarietà e perciò chiaramente alludente alla letteratura che fu causa della morte di Francesca e Paolo, al terreno e carnale *bocca* (v. 136), che ne è quasi la metamorfosi peccaminosa, come negli affreschi delle chiese medievali le belle forme di donne discinte si trasformano in demoni orribili e spaventosi, proprio per mettere in guardia i fedeli dal peccato della lussuria.

Probabilmente Dante, nel cesellare linguisticamente e retoricamente questo canto, avrà voluto intenzionalmente puntellarne il contenuto attraverso ripetizioni, o variazioni studiatissime, mentre ha lasciato sfumati, o addirittura ambigui alcuni passaggi, che in effetti possono essere diversamente interpretati. In buona sostanza, il V canto dell'*Inferno* rimane ancora oggi uno dei più discussi dalla critica, e uno dei più oscuri. Il passaggio più ostico è il v. 103: *Amor, ch'a nullo amato amar perdona*. Esso è stato letto per secoli come il nucleo teorico dell'autogiustificazione di Francesca, condannata per questo dalla quasi totalità dei commentatori antichi e invece esaltata dai romantici e da molti lettori moderni. Sulla scia di Gianfranco Contini, che aveva indicato le ascendenze letterarie dell'autogiustificazione di Francesca (in particolare il v. 100, *Amor ch'al cor gentil*

ratto s'apprende, sembra una citazione della canzone di Guido Guinizelli, *Al cor gentil rempaira sempre amore*, v. 11: *Foco d'amore in gentil cor s'apprende*; e lo stesso Dante aveva scritto, sempre traendo ispirazione dal bolognese: *Amore e 'l cor gentil sono una cosa*), è iniziata una revisione della figura di Francesca, vista da alcuni come una Madame Bovary dell'epoca, nutrita di letteratura, di cui si servirebbe capziosamente per far apparire meno gravi le sue colpe (d'altronde, l'assassinio di Paolo e Francesca dovrebbe essere avvenuto tra il 1283 e il 1286, proprio nel periodo in cui si affermava lo Stilnovismo, grazie a Dante e a Guido Cavalcanti, sicché Francesca avrebbe potuto, a rigore, nutrirsi di quella poesia, oltre che della letteratura francese). In particolare, d'Arco Silvio Avalle ed altri hanno fatto rilevare come Dante avesse utilizzato le teorie cavalcantiane sulla fatalità dell'amore, portandole alle estreme conseguenze e sostanzialmente snaturandole, per garantire a Francesca un'apologia tutta retorica, ma, appunto per questo, falsa e ingannevole.¹³ Recentemente, Lorenzo Renzi ha rifiutato queste posizioni, ma è giunto alla conclusione che il v. 103 rimane inspiegabile: «L'idea che il v. 103 vada oltre l'interpretazione fatalistica cavalcantiana è senz'altro apprezzabile, ma presenta un altro svantaggio. Rende impossibile spiegare come Francesca abbia potuto ottenere la simpatia del personaggio Dante (e anche quella di Dante-autore, sempre in sintonia, si sa, con il suo *alter ego* personaggio). In altre parole questa interpretazione distrugge tutta la risonanza che ha la figura di Francesca su quella del poeta pellegrino (che avrebbe potuto già dire: «Francesca, c'est moi!») e che ha provocato a lungo, e provoca ancora, la simpatia del lettore. Dobbiamo rinunciare anche a questa spiegazione. Tuttavia un'altra non ce n'è, ed è giocoforza ammettere che l'interpretazione tradizionale del v. 103 finisce in un vicolo cieco, in un'aporia. E se fosse possibile interpretare in altro modo il v. 103? Confesso che questa possibilità mi ha tentato a lungo. Respingo infatti l'idea di principio, che mi pare aleggii oggi, che i commentatori antichi abbiano sempre ragione. Ma bisogna che sia possibile, di fatto, un'altra interpretazione e mi sembra che non ce ne sia nessuna disponibile».¹⁴ In verità, il fatto che Dante, per

---

¹³ Tra gli studi più recenti e significativi, si vedano d'Arco Silvio Avalle, *Ai luoghi di delizia pieni*, Napoli, Ricciardi, 1977, Marco Santagata, *Cognati e amanti. Francesca e Paolo nel V dell'Inferno*, in «Romanisches Jahrbuch», XLVIII 1977, pp. 120-55, Paolo Valesio, *Inferno V: The Fierce Dove*, in «Lectura Dantis», XIV-XV 1994, pp. 3-25, Guglielmo Gorni, *Francesca e Paolo. La voce di lui*, in «Intersezioni», XVI 1996, pp. 383-89, Teodolinda Barolini, *Dante and Cavalcanti (On Making distinctions in Matters of Love): Inferno V in its Lyrics context*, in «Dante Studies», CXVI 1998, pp. 31-63 ed Ead., *Dante and Francesca da Rimini: Realpolitik, Romance, Gender*, in «Speculum», LXXV 2000, pp. 1-28, Francesco Benozzo, «Amar perdona» (*Inferno, V, 103*): nota di semantica dantesca, in «Quaderni di Semantica», XX 1999, pp. 363-65, Lorenzo Renzi, *Le conseguenze di un bacio. L'episodio di Francesca nella «Commedia» di Dante*, Bologna, Il Mulino, 2007. Per il presente studio, mi sono servito dei principali strumenti lessicografici e repertori testuali elettronici, come il *GDLI* curato da Salvatore Battaglia, il Tommaseo-Bellini (anche in CD-Rom), l'ОВI (ovvero il *Tesoro della Lingua Italiana delle Origini*), diretto da Pietro Beltrami (in rete), la *Letteratura Italiana Zanichelli*, a cura di Pasquale Stoppelli (in CD-Rom), i *Commenti danteschi*, a cura di Paolo Procaccioli (in CD-Rom).

¹⁴ D'Arco Silvio Avalle, *Le conseguenze di un bacio*, cit., pp. 67-68.

giustificare Francesca, affermi che ‘Amore non concede a nessuno che sia amato di non riamare’ – nell’interpretazione antica di *perdonare* ‘risparmiare, esimere, concedere che non’ – sembra un’esagerazione, che conduce, come appunto sostiene d’Arco Silvio Avalle, ad un’aporia. Per questo, recentemente, Francesco Benozzo ha riproposto l’interpretazione di *perdonare* ‘assolvere, scusare, perdonare’, che era anche ai tempi di Dante la più comune.¹⁵ Dunque, il verso significherebbe: ‘Per colui che, amato, ama a sua volta non c’è scampo’, cioè l’amore non concederebbe che l’amato riami. Anche questa ipotesi, tuttavia, non convince. Da un punto di vista strettamente linguistico, se consultiamo i principali dizionari e le banche dati di cui disponiamo attualmente, cioè il Tommaseo-Bellini, il *GDLI* di Salvatore Battaglia, l’*OVI* diretto da Pietro Beltrami (cioè il *TLIO*, il *Tesoro della Lingua Italiana delle Origini*), verificiamo facilmente che *perdonare*, nel senso di ‘assolvere, scusare, perdonare’, non regge mai l’infinito, mentre nel senso di ‘esimere, concedere che non’ si trova due volte costruito con una reggenza all’infinito, ma sempre preceduto dalla preposizione *di*. Il primo caso è: «Perch’egli sia così angosciato, no gli perdonano però di dirgli villania e di bestemmiarlo»; il secondo è: «però che ciascuno perdona pertanto di non correggere e riprendere li peccatori»; entrambi si trovano in volgarizzamenti quattrocenteschi.¹⁶ In Dante, però, *perdona* reggerebbe direttamente l’infinito *amar*, senza la preposizione *di*, e questo sarebbe l’unico caso del genere in tutti i testi italiani antichi, compresi i diari e i libri contabili dei mercanti.

A mio parere, si potrebbe intendere meglio il verso, se leggessimo *amar* come ‘amaro’ e non come un verbo. Nessuno ha mai pensato a questa soluzione, né tra gli antichi né tra i moderni esegeti e commentatori. Eppure, tale interpretazione è possibile. Dunque, il verso significherebbe: ‘Amore, che a nessun amato risparmia amaro’.

Innanzitutto, osserviamo che nella lirica del Due e Trecento il binomio ossimorico *amore /amaro* è una specie di *topos* ricorrente nei principali autori. Per citare solo le occorrenze più significative, leggiamo in Guittone:

ned amar grand’è amaro, e picciol dolze (*Rime*, Canz. 29, v. 6);

Ahi, lasso, co mal vidi, amaro amore (*Rime*, Canz. 14, v.15);

Amore, Amor, più che veneno amaro (*Rime*, Canz. 14, v. 77);

in Onesto da Bologna:

però no 'l chiamo Amor, ma amaro e reo. (*Rime*, 1, v. 14);

in Chiaro Davanzati:

Amore amaro dico (*Rime*, Canz. 19, v. 15);

Amaro amor, tormento (*Rime*, Canz. 19, v. 29);

in Guido Guinizzelli:

come di voi m'ha prisò amore amaro (*Rime*, 2, v. 26);

in Rustico di Filippo:

che mi fa soferir l’amore amaro (*Sonetti*, 42, v. 10);

---

¹⁵ Cfr. Francesco Benozzo, «*Amar perdona*», cit., pp. 363-65.

¹⁶ Cfr. Lorenzo Renzi, *Le conseguenze di un bacio*, cit., p. 81, n. 25.

nello stesso Dante:
Amor sente a Pietà donne chiamare,
mostrando amaro duol per li occhi fore (*Vita nuova*, Cap. 8,
Piangete, amanti, poi che piange Amore, vv. 3-4).

In effetti, il verso dell'*Inferno* appare come una specie di palinodia dei versi seguenti del *Detto d'Amore*, attribuito a Dante:

E, quand'ì' eb[b]i intesa
Ragion, ch'è stata intesa
A trarmi de la regola
D'Amor, che 'l mondo regola,
I' le dissi: "Ragione,
I' ò salda ragione
Con Amor, e d'acordo
Siàn ben del nostro acordo,
Ed è scritto a mi' conto
Ch'ì' non sia più tu' conto.
Ô la ragion dannata;
Perch'ì' t'ò per dannata,
Ed eb[b]i, per convento,
Po' ch'ì' fu' del convento
D'Amor, cu' Dio man tenga,
E sempr'e' me mantenga.
Tu mi vuo' trar d'amare
E di' c[h]' Amor amar'è:
I' 'l truovà' dolce e fine,
E su' comincio e fine
Mi pia[c]que e piacerà,
Ché 'n sé gran piacer'à. (*Detto d'Amore*, vv. 125-46).

Alla Ragione che gli diceva che l'*amore* è *amaro*, l'autore del *Detto* replicava con lo stesso lessico del canto di Francesca, accostando ad esso i concetti opposti di *dolce*, *piacere*; certo non il termine *gentile*, perché egli non era (ancora) stilnovista, ma con *fine* tutto sommato esprimeva un concetto semanticamente collegabile, seppur nell'innegabile distanza rispetto all'originalità teoretica dello Stil Nuovo.¹⁷ Nell'*Inferno*, coloro che la *ragione* hanno sottomesso al *talento* durante la vita avvertono quanto l'*Amore* sia *amaro*. Il punto fondamentale è che Dante nel v. 103 parla di un amore amaro per chi è amato e non, come in genere nella tradizione lirica, per chi ama. Boccaccio, che si sforzò più di tutti gli altri commentatori di

---

¹⁷ Sembrerebbe che Dante avesse voluto citare anche un'altra operetta a lui attribuita, il *Fiore*, a proposito del v. 136 del V canto dell'*Inferno*: «la bocca mi basciò tutto tremante», perché appunto nel *Fiore* (XX, v. 13) Amante baciava il fiore in modo analogo: «e sì 'l basciai con molto gran tremore».

comprendere il canto V dell'*Inferno*, senza tacerne le aporie, intese *amar* come gli altri, cioè come un infinito verbale, pur avendo anch'egli in precedenza utilizzato l'accostamento *amore / amaro*:

potessi fare ai colpi che forando
mi gian d'amor il cuor con duolo amaro (*Caccia di Diana*,
Canto 1, vv. 5-6).
fuggito è il tempo d'ogni parte amaro;
ma pure Amor li teneva ristretti (*Teseida*, Libro 6, vv. 6-7).

Ma leggiamo ora il commento di Boccaccio:

«*Amor, ch'a null'amato amar perdona*. Questo, salva sempre la reverenzia dell'autore, non avviene di questa spezie di amore, ma avvien bene dello amore onesto, come l'autore medesimo mostra nel seguente libro nel canto XXII, dicendo:

..... amore,
acceso da virtù, sempre altro accese,
sol che la fiamma sua paresse fore.

Ma puossi qui dire questo talvolta avvenire, con ciò sia cosa che rade volte soglia l'uomo molto strettamente legarsi dell'amore di cosa ch'è a lui, in tutto o in più cose, di natura conforme; il che quando avviene, può quel seguire che l'autore dice, con ciò sia cosa che naturalmente ogni simile appetisca suo simile: e però, come la cosa amata sentirà i costumi e le maniere dello amante conformi alle sue, incontanente si dichinerà a doverlo così amare, come ella è amata da lui; così non perdonerà Amore allo amato, cioè ch'egli non faccia che questo amato ami chi ama lui. *Mi prese del costui piacer*, cioè del piacere di costui o del piacere a costui, in che generalmente si sforza ciascun che ama di piacere alla cosa amata; sì forte, cioè con tanta forza, *Che, come vedi, ancor non m'abandona*. Vuol dire: "vedendomi, come tu fai, andar continuo con lui, puoi comprendere che io l'amo, come l'amai mentre vivavamo". Ma in questo l'autor seguita l'opinione di Virgilio, il qual mostra nel VI dell'*Eneida* Siccheo perseverare nell'amor di Didone, dove dice:

Tandem corripuit sese atque inimica refugit
in nemus umbriferum, coniunx ubi pristinus illi
respondet curis equatque Sicheus amorem etc.

Secondo la catolica verità questo non si dee credere, per ciò che la divina giustizia non permette che in alcuna guisa alcun dannato abbia o possa avere cosa che al suo disiderio si conformi o gli porga consolazione o piacere alcuno: alla quale assai

manifestamente sarebbe contro, se questa donna, come vuol mostrare nelle sue parole, a se medesima compiacesse dello stare in compagnia del suo amante».¹⁸

Boccaccio si rende perfettamente conto del fatto che l'interpretazione corrente ai suoi tempi (rimasta praticamente invariata fino ad oggi ed accettata quasi da tutti), secondo cui chi è amato deve riamare, è contraria al senso comune, sicché puntualizza, con tutto il rispetto per l'autore, che una simile legge vale invece solo per l'amore onesto e cita versi del *Purgatorio* a riscontro (*Purgatorio*, XXII, vv. 10-12; con l'unica differenza che oggi leggiamo *pur che*, invece che *sol che* del testo di Boccaccio). Se la nostra interpretazione è corretta, Dante, che quando componeva il *Purgatorio* aveva già fatto da tempo circolare i canti dell'*Inferno*, avrà scritto quei versi anche per mettere in guardia i lettori da un'interpretazione errata del V canto dell'*Inferno*, che evidentemente si stava già diffondendo. In aggiunta, ancora nella seconda cantica, Dante ebbe a sottolineare che spetta al libero arbitrio individuale accogliere o no l'amore (sicché Francesca avrebbe potuto e dovuto salvarsi):

Onde, poniam che di necessitate
surga ogne amor che dentro a voi s'accende,
di ritenerlo è in voi la potestate. (*Purgatorio*, XVIII, vv. 70-72).

Boccaccio cerca comunque di salvare Dante anche se con un'argomentazione forzata, adducendo la possibilità che quando il simile trova un altro simile può succedere quello che dice Francesca.¹⁹ Ma lo stesso Boccaccio sa perfettamente che l'amore di Paolo è indirizzato al corpo di Francesca, come appunto Dante non manca di esplicitare (*la bella persona / che mi fu tolta; e 'l modo ancor m'offende*; qui bisognerà interpretare come fa Emilio Pasquini,²⁰ cioè 'e la dismisura, l'intensità di quell'amore mi offese prima, da viva, moralmente e fisicamente, e mi offende ora da morta, con la dannazione'; la maggior parte degli altri commentatori invece intende: 'e il modo in cui fui privata della vita ancora mi strazia'). Il certaldese propone anche una spiegazione semplice per il genitivo francese, con ellissi della preposizione: «*Mi prese del costui piacer*, cioè del piacere di costui o del piacere a costui, in che generalmente si sforza ciascun che ama di piacere alla cosa amata»; insomma, *piacer* inteso come 'il fatto di piacergli', che è a mio parere l'accezione corretta, anche se qui travisata, perché non è certo Francesca a sforzarsi di piacere a Paolo, ma piuttosto cede alla sua accesa passione. Infine, Boccaccio mette in rilievo un'altra aporia di questi versi: «*Che, come vedi, ancor non m'abandona*. Vuol dire: "vedendomi, come tu fai, andar continuo con lui, puoi

---

¹⁸ G. Boccaccio, *Esposizioni sopra la Comedia, Inferno, V, Esposizione litterale*, 125-129.

¹⁹ Nonostante ne cogliesse le incongruenze (ovviamente, dal punto di vista della sua interpretazione), Boccaccio apprezzò molto i versi dedicati a Francesca nell'*Inferno*, tanto che soprattutto nelle sue rime ritroviamo parecchie tessere linguistiche echeggianti versi danteschi, come per esempio *dubbiosi disiri* (*Inferno*, V, v. 120, Boccaccio, *Rime*, II, XXXIV, v. 60).

²⁰ Cfr. Emilio Pasquini e Antonio Quaglio (a cura di), *La divina commedia*, Milano, Garzanti, 1988, *Inferno*, V, note al v. 102 (di Emilio Pasquini).

comprendere che io l'amo, come l'amai mentre vivavamo"»); qui Dante esagera davvero – sembra dire Boccaccio –, perché «la divina giustizia non permette che in alcuna guisa alcun dannato abbia o possa avere cosa che al suo desiderio si conformi o gli porga consolazione o piacere alcuno». Effettivamente, non si può dare torto a Boccaccio, se interpretiamo tali versi nel modo in cui si è fatto finora. In realtà, Francesca dice: 'Amore, che a nessun amato risparmia l'amaro / mi prese del fatto di piacere a costui, e di piacergli così tanto, / che, come vedi, ancor non m'abbandona'. Francesca, insomma, attribuisce al cuor gentile di Paolo e alla sua passione travolgente l'origine del suo proprio peccato, che ora espia, secondo il criterio del contrappasso, non potendosi mai separare dal suo amante (si veda il v. 135: *questi, che mai da me non fia diviso*), così come in vita non riuscì a tenersi lontano da lui, come avrebbe dovuto fare. Tutto il discorso di Francesca, che è parso ad alcuni una retorica e falsa autogiustificazione, è in realtà un atto d'accusa contro gli scrittori galeotti che insidiano le donne con la loro poesia o forniscono armi micidiali a chi, come Paolo, sappia usarle a proprio vantaggio. Si comprende a questo punto che l'idea vulgata negli ultimi tempi, secondo cui Dante avrebbe pensato: "Francesca c'est moi!", immedesimandosi in una letterata di provincia alla Madame Bovary, dovrebbe essere capovolta, perché in effetti Dante si immedesima semmai in Paolo. Questi scompare addirittura, non pronuncia alcuna parola.²¹ Non a caso il nome di Paolo Malatesta non compare mai nel V canto: Paolo è Dante, è l'amante, colui che usa la letteratura come strumento di seduzione, mentre Francesca è l'amata, cioè l'*amato* (l'uso del maschile al posto del femminile è quanto di più politicamente corretto si sarebbe potuto immaginare nel Trecento) del v. 103, dalla cui prospettiva si guarda alle conseguenze dell'amore *gentile* in questo canto. La lirica due-trecentesca si era interessata all'*amaro amore* del poeta, dell'amante, sempre pronto a chiamare crudele e feroce la propria amata, solo perché non pienamente corrisposto, mentre Francesca richiama l'attenzione sull'*amato*, cioè sull'amato che cede, ubriacato dalla letteratura e dal *cuor gentil* dell'amante. Francesca non è felice di avere alle costole Paolo per l'eternità, perché appunto quella è la sua condanna. Se la prende, a buon diritto, con gli scrittori galeotti ed è per questo che Dante si sente chiamato in causa in prima persona e alla fine sviene, per la pietà e il rimorso (e anche prima era stato indotto a *lagrimar [...] tristo e pio dai martiri* di Francesca e non di entrambi gli amanti). Francesca non è Dante, è semmai l'accusatrice di Dante, pur non negando mai il proprio peccato. Non vuole scagionarsi – e a che cosa le servirebbe? –, ma condividere la propria colpa con chi l'ha causata, cioè con Paolo, con Amore e con la letteratura, perché il dannato, nell'ottica dantesca – che deriva da quella dei padri della chiesa –, non si pente del proprio peccato, ma accusa ed

---

²¹ Per questo non condivido l'ipotesi di Guglielmo Gorni, *Francesca e Paolo. La voce di lui*, cit., pp. 383-89, secondo cui il v. 107 (*Caina attende chi a vita ci spense*) sarebbe pronunciato da Paolo, per giustificare il v. 108 (*Queste parole da lor ci fuor porte*). Paolo avrà anche parlato, ma Dante ascolta solo quello che dice Francesca, di fronte alle cui argomentazioni né Paolo né Dante stesso possono contrapporre alcunché.

odia chi lo ha indotto in qualche modo a commetterlo, come Ugolino e molte altre figure di spicco dell'*Inferno*.

Anche altre presunte sviste o incongruenze del canto sono tali solo fino a un certo punto, a mio parere. In particolare, Dante è accusato di citare male il *Lancelot*, innanzi tutto poiché in quel romanzo cavalleresco Ginevra baciava Lancillotto e non viceversa. In realtà, come è stato messo in luce da tempo, alcuni antichi codici riportano, dopo l'episodio del bacio che Ginevra dette a Lancillotto, prendendolo per il mento, che la signora di Malehaut si accorse «que il la basoit», non, come è nella tradizione corretta, «que ele lo basoit» (cioè che Lancillotto la baciava e non il contrario);²² dunque Dante avrà letto il testo con questa variante e avrà deciso di considerare la scena dal punto di vista dell'amata, cioè di Ginevra, perché nel V canto dell'*Inferno* era questo aspetto che lo interessava. Dante, inoltre, avrebbe sbagliato anche nel citare il *Lancelot*, nei versi seguenti:

onde Beatrice, ch'era un poco scevra,
ridendo, parve quella che tossio
al primo fallo scritto di Ginevra (*Paradiso*, XVI, vv. 13-16).

Il poeta avrebbe ricordato male il passo del romanzo francese, perché in esso la signora di Malehaut aveva tossito, non al momento del bacio, ma quando Ginevra si era messa a chiedere a Lancillotto, che le aveva rivelato il suo amore, da quando era cominciato il suo sentimento e da dove esso avesse avuto origine. In realtà, Dante ricordava benissimo questo episodio, poiché lo aveva imitato nello stesso V canto dell'*Inferno*, nel momento in cui aveva fatto interrogare Francesca dal suo Dante-personaggio (*a che e come concedette amore / che conosceste i dubbiosi disiri*), per individuare *la prima radice* del suo amore. La situazione poetica creata da Dante è ribaltata, poiché in essa è Dante (alter ego di Paolo) a porre domande a Francesca. Si tratta come al solito della logica del contrappasso: così come in vita Francesca si era lasciata andare seguendo suggestioni letterarie, leggendo la storia di Ginevra e le sue domande – oggi diremmo morbose – a Lancillotto sull'origine del suo amore, fino al bacio e poi all'adulterio, allo stesso modo ora è lei a rispondere a domande analoghe e a dover ritornare con la memoria all'origine del suo amore, che era stata nel contempo l'origine della sua *miseria*, cioè della sua dannazione. Al contrario, Dante, abituato da poeta a scandagliare le radici remote del suo amore per una donna, ora è tenuto a chiedere a Francesca le origini dell'amore suo e di Paolo, per ravvisarne fino in fondo le conseguenze terribili. Infine, come Lancillotto nel romanzo francese, in seguito alle domande incalzanti e imbarazzanti di Ginevra sulla natura del suo amore, ha un principio di svenimento (e verrebbe meno davvero se Ginevra non lo sollevasse dal colletto), così Dante si accascia a terra svenuto, dopo aver fatto, non subito come Lancillotto, quella specie di interrogatorio sull'origine dell'amore.

---

²² Si veda, per un riesame sintetico della questione, L. Renzi, *Le conseguenze di un bacio*, cit., pp. 38 e sgg.

Possibile che a nessuno venisse in mente un'interpretazione del V canto dell'*Inferno* come quella che si è sopra proposta? A dire il vero, forse almeno Petrarca lesse il canto di Francesca nel modo che riteniamo corretto. Nei *Triumphus cupidinis*, infatti, Petrarca affrontò lo stesso tema del V canto dell'*Inferno* e c'è da credere che, anche se avesse voluto, non avrebbe potuto non partire dal confronto con i versi di Dante, che erano anche ai suoi tempi tra quelli più famosi e conosciuti in Europa. Ritroviamo qui alcuni personaggi danteschi, come Semiramis (non Didone, che è difesa anche contro Dante²³), ma soprattutto le letture di Francesca:

“[...] Ecco quei che le carte empion di sogni,
Lancillotto, Tristano e gli altri erranti,
ove conven che 'l vulgo errante agogni.
Vedi Ginevra, Isolda, e l'altre amanti,
e la coppia d'Arimino, che 'nseme
vanno facendo dolorosi pianti.”
Così parlava, ed io, come chi teme
futuro male, e trema anzi la tromba,
sentendo già dov'altri ancho nol preme,
avea color d'uom tratto d'una tomba (*Triumphus cupidinis*, III,
vv. 79-88).

Gli errori dei protagonisti di queste storie d'amore per Petrarca fanno sognare e poi errare il volgo dei lettori. La coppia di Rimini è anche qui inseparabile e in lacrime, mentre il poeta, se non cade come morto, assume però un colore cadaverico. Petrarca aveva probabilmente alluso a Paolo e Francesca anche in versi precedenti, dove aveva citato anche Cleopatra (e, subito dopo, ai vv. 140-41, Paride ed Elena, per completare la rassegna dantesca):

Ma per empier la tua giovenil voglia
dirò di noi, e 'n prima del maggiore,
che così vita e libertà ne spoglia.
Questi è colui che 'l mondo chiama Amore:
amaro, come vedi, e vedrai meglio
quando fia tuo, com'è nostro signore.
Giovenel mansueto, e fiero veglio:
ben sa chi 'l prova, e fiate cosa piana
anzi mill'anni; infin ad or ti sveglio.
Ei nacque d'otio e di lascivia humana,
nudrito di penser dolci soavi,
fatto signore e dio da gente vana.

---

²³ Cfr. *Triumphus pudicitie*, vv. 157-59: «taccia il vulgo ignorante! io dico Dido, / cui studio d'onestate a morte spinse, / non vano amor, come è il pubblico grido» (anche *ibidem*, vv. 10-11: «veggio ad un lacciuol Giunone e Dido, / ch'amor pio del suo sposo a morte spinse»).

Qual è morto da lui, qual con più gravi
leggi mena sua vita aspra ed acerba
sotto mille catene e mille chiavi.
Quel che 'n sì signorile e sì superba
vista vien primo, è Cesar, che 'n Egitto
Cleopatra legò tra' fiori e l'erba.
Or di lui si triumpha. Ed è ben dritto,
s'e' vinse 'l mondo, ed altri à vinto lui,
che del suo vincitor sia gloria il vitto. (*Triumphus cupidinis*, I,
vv. 73-93).

Amore è, per l'appunto, *amaro*, per coloro i quali cedono alle sue lusinghe. Nasce dall'ozio e dalla lascivia (*topos* classico e patristico) e si nutre di «penser dolci soavi» (i «dolci pensier» di Paolo e Francesca, v. 113).

Un secolo dopo l'umanista Cristoforo Landino (1481) commentò il canto di Dante, mostrando di aver colto perfettamente l'allusione contenuta nei versi petrarcheschi: «*Noi leggevamo un giorno per diletto*: legger per diletto significa essere in otio. Imperoché chi è occupato non cerca trastullo, ma cerca expedire le sue faccende. Adunque erano in otio, et l'otio insieme con lascivo trastullo genera l'amor carnale. Onde el Petrarca: "et nato d'otio et di lascivia humana"; et Ovidio: "ocia si tollas, periere Cupidinis arcus"; et el terentiano Menedemo al figliuolo dimostra che l'otio è quello che fa gl'huomini cadere in lascivia, come per l'oposito la fatica et l'occupationi conservano la castità».²⁴ Va detto, peraltro, che Landino interpretava il v. 103 come tutti gli altri, cioè dando ad *amar* il valore verbale. Petrarca invece, aveva forse colto il possibile valore aggettivale di *amar*, oppure aveva pensato ad una voluta ambiguità di Dante. Nel *Canzoniere*, infatti, leggiamo questi versi:

e 'l caro nodo
ond' Amor di sua man m'avinse in modo
che l'amar mi fe' dolce, e 'l pianger gioco (*Canzoniere*,
CLXXV, vv. 2-4).²⁵

Qui, appunto, *amar* vale ambigualmente 'amaro', ma anche 'amare'. Forse Petrarca non se la sentiva, da solo, di escludere del tutto l'interpretazione vulgata del celebre verso dantesco, che ormai i lettori avevano deciso di leggere come un'esaltazione dell'amore, a cui nessun amato può sottrarsi. Un esempio clamoroso di quello che Umberto Eco chiamerebbe *Lector in fabula*, cioè del trionfo del punto di vista del lettore rispetto a quello dell'autore stesso. Chissà che anche

---

²⁴ Cristoforo Landino, *Comento sopra la Comedia*, a cura di Paolo Procaccioli, Roma, Salerno Editrice, 2001, I, p. 465.

²⁵ La compresenza di *amore* e *amaro* è anche altrove nel *Canzoniere*, CXXIX, vv. 20-23: «et a pena vorrei/ cangiar questo mio viver dolce amaro,/ ch'i' dico: Forse anchor ti serva Amore/ ad un tempo migliore».

Petrarca non si fosse inchinato a questa logica, ammettendo la doppia possibilità di lettura di *amar*, come sostantivo e come verbo. In fondo, da secoli tutti i lettori, volenti o nolenti, hanno amato questo canto perché sembrava parlare di una favola (mai scritta da Dante, beninteso), di un amore così forte che non è possibile che non sia ricambiato.

SYNONYMS IN TÜRKISH, GERMAN AND MALAY LANGUAGES

Abdulkerim UZAĞAN

Yüzüncü Yıl Üniversitesi

Fen-Edebiyat Fakültesi Alman Dili ve Edb. Bl.

Two words are synonymous if they mean same thing. When we assert that two terms are synonymous, we usually base that judgment on linguistic meaning only. For example even though movie, film, flick and motion picture have the same linguistic meaning they differ in social and effective meaning. Thus we can consider the terms to be synonymous if we specify that we are taking only linguistic meaning into account. At the social and affective levels however, they are not synonymous.

According to Edward Finegan 'In fact there are few true synonyms in the dictionary or lexicon'.²⁶

First, one has to ask: How many words does the German language have? Grimms' German Dictionary lists about 500,000 lemmas which represent 350,000 keywords, Meyer's encyclopaedia has about 250,000 keywords and the Duden about 200,000 for which 300,000 different meaning variants are listed. The frequently used, general vocabulary comprises an estimated 70,000 words. Compare these figures with the number of words which are specifically east or west German: Hellmann estimated that there were about 2,000 words, meanings, and phrases specific to East Germany and he assumes that there was an equivalent number of West German specifics. For example: *exponat*: exhibit, *Eingabe*: complaint, 'Kampfreserve der Partei', *Politbüro*.²⁷

My article is the variety in the synonymy of standard German, Turkish and Malay. The synonymy is a relationship between words that have the same meaning or at least similar meaning. Are synonyms for example Vater/Papa-Papi, Lust-Spaß, Blutarmut/Anämie.

In carrying out my article, I tried to locate this report semantics in different varieties standard German. The German standard varieties and non-standard varieties: these are part of the Umgangssprache (colloquial variety close to standard), the slang (varieties used by specific groups of people who are significantly removed from the language or dialect spoken normally in that area, the intent of these groups is often to not be understood by those who do not belong to the group, therefore a characteristic of slang is that of secrecy, but the feature

---

²⁶ Edward Finegan: Language its structure and use. Boston. 2004.

²⁷ Mathias Schulze :Changing German – *Exponate, E-Mails, Eingaben*

On The German Language And 15 Years of German Unification

that slang can lose in a hurry or they may fall into disuse, in fact born a few words in a slang can survive and then go to the standard: an example is the word *Bulle* entered the common language and indicate *Polizist*), dialects (used in informal contexts and family for most of the rural population, and are far removed from the standard, and the use of dialect is declining in most northern Germany, where the gap between standard and dialect is higher than that in southern Germany and Austria, where the differences between dialect and standard are minors) and the varieties simplified (called pidgin, languages are simple in structure and vocabulary and is spoken mainly by foreign people, who still does not speak well the standard). The varieties of standard German are: the variety spoken in Germany (German standard), the variety of Austria (Austrian German) and the variety Swiss (Swiss German). The German standard is used by persons in high socio-cultural in formal situations, and is described in grammars, in dictionaries and manuals. The Swiss German, also called *Schwyzerdütsch*, is the language spoken in Swiss German, is often quite different from standard German spoken in Germany, and in turn are divided into a myriad of local dialects. In the German-Swiss, German standard is basically a single written language, that children should learn at school, and is also the language of newspapers, magazines, books and media. The German Austria is characterized by some differences in grammar, vocabulary and phonetic than the standard German. The difference between standard German and Austrian German can be found in different strains dialect. For example, the group of Bavarian dialect has a very broad geographic scope.²⁸

Linguists attach different interpretations to the word “meaning”. Because the goal of linguistics is to explain how languages are structured and used.

“you are too young to drink”

“you are not old enough to drink”

“the unmarried women is married to a bachelor” the unmarried can not be married and certainly not to a bachelor.

“my toothbrush is pregnant”

Linguistic, social and affective meaning:

Linguistic meaning encompasses both sense and reference. Social meaning is what we rely on when we identify certain social characteristics of speakers and situations from the character of the language used. Affective meaning is the emotional connotation that is attached to words and utterances. Sometimes we use in our daily speech exaggerated word which means to make something seem better, more important etc. Than it really is.

Synonymy

In his *Rhetoric* Aristotle made an interesting remark on the difference between synonymy and ambiguity. Synonyms, according to him, are useful to the poet, whereas `words of ambiguous are useful to enable the sophist to mislead his hearers.²⁹

---

²⁸Simona Gattaceca, Università degli Studi di Roma La Sapienza, 2007-08
[http://www.tesionline.com/intl/thesis.\(19.12.2009\)](http://www.tesionline.com/intl/thesis.(19.12.2009))

²⁹ Stephen Ullmann: *Semantics. An Introduction to the science of meaning.* Oxford. 1962

Ambiguity (Mehrdeutigkeit) is the property of being ambiguous, where a word, term, notation, sign, symbol, phrase, sentence, or any other form used for communication, is called ambiguous if it can be interpreted in more than one way. For example “ice cream” and “I scream.”³⁰

In Cyprus Turkish “bu adam çok yavaş” means this man is very good. But in Turkey Turkish means “this man is very slow”.

1. *Jeder Mann liebt eine Frau.*

1. Jeder Mann liebt mindestens eine Frau. (Übliches Verständnis des obigen Satzes durch Mathematiker)
2. Jeder Mann liebt genau eine Frau. (Sonderfall des vorigen Falles)
3. Alle Männer lieben dieselbe Frau. (Sonderfall des vorigen Falles)
4. Es gibt genau eine Frau, und alle Männer lieben sie. (Sonderfall des vorigen Falles)

2. *Ein Junggeselle ist ein Mann, dem zum Glück noch die Frau fehlt.*

1. Er wäre glücklich, wenn er eine Frau hätte.
2. Er kann sich freuen, dass er noch keine Frau hat.

In Malay language for example the child climbing the tree and the mother said “panjat lah lagi, pergi lah panjat lagi” means the child can continue to climb or should get down.

I would like to give example from Turkish about the synonymy words of death “ölmek”:

Vefat etmek, hakkın rahmetine kavuşmak, hayata gözlerini yummak, öbür dünyaya gitmek, öte dünyayı boylamak, gebermek, zıbarmak, cızlamı çekmek, nalları dikmek, dörtkolluya binmek, imamın kayığına binmek, mevlasına kavuşmak, eşek cennetini boylamak, bu dünyadan göçmek, tahtalı köyü boylamak, şehit olmak, eksi olmak, eks olmak, hayata veda etmek, mortu çekmek, ebediyete intikal etmek, yaşamı sona ermek, can vermek, hayatını kaybetmek, kalıbı dinlendirmek, helvası yapılmak, telef olmak, kakırdamak, kuyruğu titretmek, fertiği çekmek.

All these words are synonyms but we use in different context. In German is also similar: die: entschlafen, krepieren, ableben, den Tod finden, verenden, ausklingen, abebben, absterben, sich legen, vergehen, nachlassen, vergimmen, ausschwingen, ersterben, zu Tode kommen, stanzen, fallen, leiser werden, verhungern, verdursten, verglühen etc..

In Malay language we find many synonyms about “die” “mati”: mampus is rude for die, mangkat using for the royal family, mangkat, mati, maut, maut, meninggal nice word for passing a way, meninggal dunia means left the this world, meninggallah, berpulang ke kerahmatullah reach to the blessing of God and used only in writing Malay, berpulang ke rahmatullah berpulang, putus nyawa is break down, putuslah nyawa, pulang ke rahmatullah, pulang kerahmatullah, mampus, layu, melayukan, dilayukan, layu for the tree death, wafat using for the prophets and high

---

³⁰ <http://en.wikipedia.org/wiki/Ambiguity> (12.12.2009)

ranked religious people, mati biasa, lepur punah, punah ranah, mangkatlah etc.

According to Ayhan Sezer and Hüseyin İcen (1995) to find exactly synonymy words is almost impossible. If there is one of them will fall from the language.³¹ Actually there are such words and not fallen. We can say mostly one of them is foreign origin. Sometimes depends on the situation and context where we will use it. To say “synonymy words got a same meaning” from the aspect of language use is very dangerous. Only some words we can replace with each other, but some not.

Moran (1992) said that the aim of using synonymy is to provide different style of expression. To do that must have knowledge and also imagination power.³²

“Gemuk” in Malay means fat and synonymy is very less: gempal, gendut, gemuk gedempul. But in German we have plenty : dick, beleibt, korpulent, mollig, vollschlank, rundlich, üppig, pummelig, drall, wohlgenährt, fett, feist, stämmig, füllig, gemästet, pausbäckig, dickwanstig, massig, fleischig, aufgetrieben, aufgedunsen, verdickt, aufgebläht, entzündet.

In Turkish means “şişman” and got few synonymy words: şişko, mülahham, semiz, yağlı.

We see here that similiar words like mülahham is Arabic and we don't use it anymore.

If we use the word drunk we'll realize that the Malay language doesn't have many words with same or similiar meaning. Mabuk: kaki arak, kaki minum, kaki botol.

Kaki means in Malay foot but metaphoric used for the addict people for something. So kaki minum means somebody who always addicted to drink alcohol. Another example for kaki is kaki mancing fishing addicted person.

Most probably because the Malay people don't use to drink to much alcohol, so in their vocabulary doesn't exit so much words about drunk. But in German we can find more:

Drunk: Betrunken is the literal term. Intoxicated through indulgence in alcohol: besoffen, blau, berauscht, breit.

Trunken is mostly figurative and means intoxicated in mind, spirit and is used only exalted language. Only in elevated style can it be used in the literal sense.

Er kam betrunken nach Hause.

Man sieht ihn kaum, ohne daß er betrunken ist.

Wo bist du? Trunken dämmert die Seele mir

Von aller deiner Wonne....' (Hölderlin, Dem Sonnengott.)

---

³¹ Ayhan Sezer, Hüseyin İcen: A Dictionary of English Synonyms. Ankara. 1995

³² Yıldız Moran: Eşanlamlı Sözcükler ve Karşıt Anlamları. İstanbul. 1992.

Trunkenbold: drunkard. Berauscht is used literally and figuratively. In the literal sense it does not necessarily assign the cause of drunkenness to alcohol. Drugs and the like may be the cause. Besoffen, a somewhat vulgar term, suggests the consumption of vast quantities of alcohol. Saufen normally applied to animals, suggests immoderate drinking when used of human beings.³³

Er säuft wie ein Loch.

The fact that there are few true synonyms can be seen in this example also. If two terms have the same referent, the meaning of one is usually modified to express differences in linguistic, social, or affective meaning. Although true synonym is rare, the notion is useful because it helps describe similarities between the meanings of different terms in the lexicon.³⁴

REFERENCES

1. Mathias Schulze :Changing German – *Exponate, E-Mails, Eingaben* On The German Language And 15 Years of German Unification
2. Edward Finegan: *Language its structure and use*. Boston. 2004.
3. Stephen Ullmann: *Semantics. An Introduction to the science of meaning*. Oxford. 1962
4. <http://en.wikipedia.org/wiki/Ambiguity> (12.12.2009)
5. Ayhan Sezer, Hüseyin İçen: *A Dictionary of English Synonyms*. Ankara. 1995
6. Yıldız Moran: *Eşanlımlı Sözcükler ve Karşıt Anlamları*. İstanbul. 1992.
7. Simona Gattaceca, Università degli Studi di Roma La Sapienza, 2007-08 [http://www.tesionline.com/intl/thesis.\(19.12.2009\)](http://www.tesionline.com/intl/thesis.(19.12.2009))
8. R.B. Farrell: *Dictionary of German Synonyms*. Cambridge. Great Britain. 1971
9. Eva-Maria Lohausen, Ursula Heller: *Compact Wörterbuch.Synonyme*. München.1999.
- 10.A.E. Coope: *Malay-English Dictionary*. Macmillan. Kuala Lumpur, Penang. 1991.
- 11.Susanne Balhar, Frank Mönkemöller: *Pons Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. Klett. Stuttgart. 2004.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТАННЫХ ЯЗЫКОВ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Ю.В. Баканова

Челябинский государственный университет

---

³³ R.B. Farrell: *Dictionary of German Synonyms*. Cambridge. Great Britain. 1971

³⁴ Edward Finegan: *Language: It's Structure and Use*. Boston. Thomson .2004

In this article the author tells about the socio-cultural component in teaching English language. This component is very important in the formation of communicative strategies of business communication.

По мере расширения международных контактов во всех сферах человеческой деятельности все более тесными становятся связи между странами в области бизнеса. Отсюда значительно выросший за последние годы интерес к английскому языку для делового общения как средству приобретения необходимых знаний и навыков, как в языке, так и в бизнесе.

В обучении иностранному языку традиционно принято выделять следующие компоненты в парадигме целей обучения: практическую, общеобразовательную, воспитательную, развивающую. В педагогической литературе последних лет речь идет еще об одной цели обучения – стратегической (глобальной), которая является отражением социального заказа общества по отношению к обучающимся.

Сущность стратегической цели заключается в формировании в процессе обучения языку вторичной языковой личности, т.е. такого уровня владения языком, который присущ носителю языка (языковой личности) с точки зрения возможностей в процессе общения отражать средствами языка окружающую действительность (картину мира) и достигать определенных целей в этом мире. Стратегическая цель обучения направлена на формирование у студентов черт вторичной языковой личности, сформированность которых позволяет участвовать в межкультурном общении и повышать уровень такого общения как в процессе занятий с преподавателем, так и в процессе самоподготовки.

В современном обществе, в эпоху общеевропейского развития меняется и растет статус иностранного языка (далее ИЯ) как учебного предмета. Учитывая изменившуюся роль иностранного языка как средства общения и взаимопонимания в мировом сообществе, современная наука направлена в сторону достижения осязаемых результатов. В данный момент ведется поиск реального выхода на иную культуру и ее носителей, что особенно актуально в наши дни.

Современное преподавание ИЯ невозможно без привития студентам иноязычной культуры. В свете современных требований к целям обучения ИЯ меняется статус и роль страноведческой информации, представленной таким образом, чтобы соответствовать опыту, потребностям и интересам учащихся и быть сопоставленной с аналогичным опытом их сверстников в стране изучаемого языка.

В обучении иностранному языку стоит обратить внимание в первую очередь на социокультурный компонент его содержания. То есть обучать необходимо не только собственно языку, а иноязычной культуре в широком смысле. Это значит, что при обучении будет важно не только достижение качественных результатов в овладении иноязычным общением, но и поиск реального выхода на иную культуру и ее носителей. Формирование коммуникативной компетенции неразрывно связано с социокультурными и страноведческими знаниями, то есть иноязычной культурой.

Опора на социокультурный компонент играет также решающую роль в формировании коммуникативных стратегий делового общения, коммуникативной ситуации, правил поведения в ней. Различные фоновые знания, ценности и установки – базовая составляющая контекстуальных стратегий в порождении и интерпретации дискурса.

Совершенно очевидно, что языковой материал не исчерпывает содержания обучения, т.к. его усвоение – это лишь база для развития умений и навыков устной речи и чтения. Элементами, составляющими содержание «иноязычной культуры», являются следующие:

1. Совокупность знаний об изучаемом языке, о функциях ИЯ в обществе, о культуре страны изучаемого языка, о способах наиболее эффективного овладения языком как средством общения, о возможностях влияния процесса обучения на личность учащихся. И все это называют условным элементом – знание.

2. Опыт осуществления речевой и учебной деятельности – учебные и речевые навыки.

3. Умение осуществлять все речевые функции необходимые для удовлетворения своих потребностей и потребностей общества.

4. Опыт эмоционального отношения к процессу овладения иноязычной культурой к преподавателю и студентам как речевым партнерам, к ИЯ как учебному предмету, к роли ИЯ в жизни общества – опыт, обращенный на систему ценностей личности или по-другому – мотивация.

Как видим, для формирования иноязычной культуры только лишь языкового материала недостаточно. При обучении ИЯ также необходимо использовать лингвострановедческий материал. При этом необходимо тщательно его отбирать, т. к. перед системой образования встает задача подготовки выпускника вуза к культурному, профессиональному и личному общению с представителями стран с иными социальными традициями, общественным устройством и языковой культурой.

Положение о необходимости изучения ИЯ в неразрывной связи с культурой народа-носителя данного языка уже давно воспринимается как аксиома.

Социокультурный компонент обучения ИЯ, на базе которого формируются знания о реалиях, нравах, обычаях, традициях страны изучаемого языка; знания и навыки коммуникативного поведения в актах речевой коммуникации; навыки и умения вербального и невербального поведения, входит в содержание национальной культуры. Преподавание культуры в связи с обучением ИЯ имеет своей целью передачу обучающему минимуму фоновых знаний, которыми обладает носитель языка.

Процесс языковой, особенно иноязычной, коммуникации представляет собой настолько сложное и многоаспектное явление, что его адекватное рассмотрение вряд ли возможно в пределах понимания логической и грамматической структуры высказывания, его лексического наполнения.

Участие в процессе общения требует нечто большего, чем знания фоновой и безэквивалентной лексики. Оно требует также коммуникативной компетенции и знаний коммуникативного поведения.

В современной лингвистике под коммуникативной компетенцией понимается владение лингвистической компетенцией, то есть определенной суммой сведений языкового материала, умение соотносить языковые средства с задачами и условиями общения, а также способность организовать речевое общение с учетом социальных норм поведения и коммуникативной целесообразности высказывания. И как раз лингвострановедческие знания играют в этом немаловажную роль.

Знания норм и традиций общения народа позволит участникам речевого акта, принадлежащим к разным национальным культурам, адекватно воспринимать и понимать друг друга, то есть способствовать межкультурной коммуникации.

Языковые различия между народами очевидны не только в том, что нации говорят на разных языках, но и в особых языковых привычках.

Говоря о национальной культуре, о коммуникативном поведении носителей языка различают вербальное и невербальное поведение.

Любое общение сопровождается различными паралингвистическими элементами, то есть мимикой, позами, жестами.

Совокупность норм и традиций общения, отражающих рекомендуемые правила общения, сложившиеся в обществе в силу исторических традиций, ритуалов, социальных ситуаций, включающих мимику, жесты, позы общающихся, называется невербальным коммуникативным поведением.

Незнание основных типов невербального поведения носителей языка может нарушить акт коммуникации, привести к непониманию. Например, жест постукивания студентами костяшками пальцев по столу после лекции обозначает у немцев благодарность. Русский человек, незнакомый с этим жестом, вероятно, воспримет его неадекватно. Поэтому важно на занятиях по ИЯ знакомить студентов с особенностями невербального поведения носителей иностранного языка.

Речевой этикет также является одним из составляющих компонентов национальной культуры. Сюда относятся сами принципы этикетного общения: сдержанность, вежливость, использование стандартных речевых формул в стандартных ситуациях общения. Но при этом есть своя специфика, свое конкретное речевое и поведенческое выражение в каждой лингвокультурной общности, свои табу и императивы.

Важной частью речевого этикета народа являются действующие в национальном общении коммуникативные табу – запреты на употребление определенных выражений или затрагивание определенных тем в тех или иных коммуникативных ситуациях. Во всех европейских странах существуют табу на вопросы, касающиеся доходов, зарплаты, источников существования собеседника.

Таким образом, знание ритуалов, речевого этикета той страны, где находится носитель другой культуры – это настоятельная необходимость,

важное условие эффективной деятельности и залог успеха в общении и деловом взаимодействии с местными жителями.

Незнание или невыполнение правил местного речевого этикета, неправильное понимание речевых действий носителей той страны, язык которой мы изучаем, может привести к серьезным недоразумениям и даже конфликтам.

Следовательно, выбор адекватной стратегии речевого поведения социокультурно детерминирован знанием культурно-психологических особенностей носителя языка – адресата и умением использовать эти знания для моделирования аутентичного речевого поведения. В рамках формирования социокультурной компетенции как основы межкультурного общения целесообразно выделить социокультурные стратегии, как тип речевого поведения коммуниканта, выбранный с учетом знаний о культурно-психологическом образе партнера по коммуникации и способах их отражения в речевом/неречевом поведении и используемый для эффективной реализации коммуникативной задачи, принимая во внимание социокультурные параметры ситуации общения.

К коммуникативному поведению относится такое явление, которое может быть обозначено как социальный символизм – символика предметов одежды, цветовых оттенков, цветов, цифр и чисел, выбора и преподнесения подарков, символика украшений, покупок, предметов повседневного быта, символика примет и суеверий, символика внешности и другие.

Социальный символизм может быть не понят представителями другого народа, неправильно истолкован, может иметь другой символический смысл в родной культуре коммуниканта. Он описывается в рамках коммуникативного поведения как компонент национальной культуры.

В заключение хотелось бы отметить, что необходимость знания ритуалов и речевого этикета – настоящая необходимость, важное условие эффективной деятельности, залог успеха в общении и деловом взаимодействии с другими народами. Социокультурный компонент играет важную роль в формировании определённых коммуникативных стратегий, а также коммуникативной компетенции в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вартанов, А. В. От обучения иностранным языкам к преподаванию иностранных языков и культур [Текст] / А. В. Вартанов // Иностр. яз. в шк. – 2003. – № 2. – С. 21-25.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура : лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Текст] : метод. руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Рус. яз., 1992. – 272 с.
3. Дейк, Т. ван, Кинч, В. Стратегии понимания связного текста [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII / Под ред. В. Г. Гака. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153-207.
4. Дейк, Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] : Сб. работ / Т. ван. Дейк; сост. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЛИНГВОСАМООБРАЗОВАНИЯ

И.А. Бобыкина

Челябинский государственный университет

In the article are analyzed conceptual bases of modeling the process of the development of students' self-educational culture on basis of system-structural approach.

Последние преобразования в системе высшего иноязычного образования, такие как переход на двухступенчатую образовательную систему в рамках Болонского соглашения, утверждение личностно-ориентированной направленности обучения и компетентного подхода к определению целей и содержания ориентируют профессиональную подготовку на создание условий для продуктивной реализации индивидуальной образовательной траектории, что способствует актуализации внутренних ресурсов личности обучающегося для личностно-профессионального развития. В этих условиях формирование культуры лингвосамообразования студентов следует рассматривать как одну из приоритетных задач профессиональной подготовки. С целью логического перехода от видения теоретической сущности формирования культуры лингвосамообразования к праксиологическим аспектам реализации данного процесса в образовательной практике разработана концептуальная модель формирования культуры лингвосамообразования, представляющая собой целостное единство функционально и структурно взаимосвязанных компонентов. Как упрощенная форма представления и описания реальности исследуемого процесса моделируемая система позволяет осуществить прогнозирование, то есть научно обоснованное предвидение желаемого состояния системы формирования культуры лингвосамообразования.

Моделирование, «как мысленное имитирование реально существующей системы путем специального конструирования аналогов, в которых воспроизводятся принципы организации и функционирования этой системы» [Фролов, 1961, с. 20], широко используется в педагогических исследованиях. Идея о целесообразности использования моделирования как научного метода познания, присущая многим теоретическим исследованиям, основывается на следующих принципиальных позициях, раскрывающих перспективы данного исследовательского метода. Поскольку моделирование выступает средством целостного представления и системного описания исследуемого объекта, оно помогает упростить реальный объект путем выделения его сущности. Способность модели вследствие упрощенного представления выявлять и детализировать новые свойства и возможности реально существующей системы, которые могут быть не обнаружены другими способами анализа в силу ее сложности, позволяет совершенствовать преобразуемую систему. [Загвязинский, 1982, с. 137]. Обладая такими качествами, как наглядность, комплексность, системность, формируемая исключительно посредством взаимного влияния составляющих элементов, модель системы отображает свойства оригинала, предоставляя новую информацию об исследуемом

объекте в целом, об его внутренней организации, иерархичности и взаимодействии элементов, механизмах функционирования и закономерностях развития системы. Получаемая информация, в свою очередь, позволяет более точно прогнозировать тенденции развития реальной системы и определять способы адекватного управления системой с целью достижения желаемого результата. Реализация прогностической функции моделирования сопряжена со способностью модели замещать объект исследования аналогом с целью анализа причинно-следственных связей между управлением системой и ее поведением, а также возможного получения данных до внедрения системы в педагогический процесс. Посредством моделирования представляется возможным конструировать в теоретическом исследовании новое, не существующее в практике, предоставляя тем самым значительное расширение возможностей совершенствования существующей системы.

Комплексность моделирования, обеспечивающая наиболее полное описание исследуемого объекта, означает наличие комплекса моделей, отображающих разные стороны объекта [Дахин, 2003, с. 21-26].

Из сказанного очевиден вывод, что, главным образом, применение моделирования как научного метода познания связано, с одной стороны, с возможностью целостного описания исследуемого процесса как сложной системы с присущим ей структурно-содержательным наполнением, синтезирующим оптимальные технологические схемы и механизмы управления образовательной средой и деятельностью субъектов образовательного процесса. С другой стороны, с возможностью прогнозирования последствий реализации внешне заданных воздействий на моделируемую систему.

Формирование культуры лингвосамообразования представляет собой целенаправленную, динамическую модель фрагмента педагогической действительности, содержащую информацию теоретико-методологического и методико-технологического характера, определяющую логику развертывания исследуемого процесса в контексте профессиональной подготовки.

В соответствии с основными положениями педагогического моделирования, сформулированными А.Н. Дахиным, первым этапом проектирования модели формирования культуры лингвосамообразования стало определение на основе анализа сложившейся ситуации в реальном образовательном процессе иноязычной профессиональной подготовки функций анализируемого объекта, его места и роли в системе иноязычного образования. На основе полученных данных теоретического и эмпирического изучения объекта формулируется проблема, определяющая конкретные задачи моделирования, обозначаются компоненты структуры исследуемого объекта, обладающие максимальной функциональной полнотой, и устанавливаются взаимосвязи между компонентами системы различного характера (логические, функциональные, технологические и др.). Следующий этап моделирования динамики формирования культуры

лингвосамообразования включает определение закономерностей функционирования системы, включая необходимые оптимальные параметры, описывающие ее поведение и параметры управления; устанавливаются причинно-следственные связи между поведением системы и характером управляющего воздействия. С учетом того, что формирование культуры лингвосамообразования представляет собой развивающуюся систему, предполагаются закономерности динамики ее изменения, самоорганизации в условиях функционирования, а также анализируются условия неопределенности функционирования моделируемого объекта. [Дахин, Моделирование ..., URL].

Идентифицируя процесс формирования культуры лингвосамообразования как системный объект, мы руководствовались общедидактическими требованиями к обоснованию структурных компонентов исследуемого педагогического процесса, отражающих развитие взаимодействия субъектов образовательной деятельности от постановки цели до анализа его результатов. С позиций базовых общесистемных свойств моделируемая система формирования культуры лингвосамообразования в функциональном аспекте характеризуется целенаправленностью и синергичностью, по структурной характеристике целостностью строения и структурностью. По способу взаимодействия с внешней средой разработанная система является открытой и динамической по признаку динамики ее изменений.

Моделируемая система, как и любая другая организационная система, целенаправлена, что определяет ее основное предназначение. В контексте нашего исследования стратегическая цель разработанной системы заключается в формировании культуры лингвосамообразования, как интегрального личностного качества, проявляющегося в способе осуществления лингвосамообразовательной деятельности, обеспечивающей эффективность личностно-профессионального развития. Культуру лингвосамообразования характеризует не только наличие высокого уровня способности и готовности субъекта к лингвосамообразовательной деятельности, но и высокая степень их реализации в практике иноязычной подготовки. Психологическая интерпретация цели как осознанного образа будущего результата деятельности дает основание рассматривать цель формирования культуры лингвосамообразования как осознанно планируемый результат. Выступая главными системообразующими компонентами, цель и результат не являются, однако, единственными составляющими исследуемого процесса. Полную функциональность педагогической системы обеспечивает совокупность всех ее компонентов в их органическом единстве. Как в любой целостной системе, в процессе формирования культуры лингвосамообразования выделяют состав и структуру, при этом состав характеризуется как множество компонентов, подсистем, элементов, образующих целое. Структура представляет устойчивые связи между компонентами, которые являются наиболее существенными в плане целостности и устойчивости системы и обеспечения

упорядоченности взаимодействия ее компонентов и возможности полной реализации ее функций. При этом, каждый структурный компонент концептуальной модели имеет функциональное значение, обеспечивая ее полноту и целостность. Вследствие взаимозависимости компонентов в рамках данной системы изменение одного из них является производным от изменения другого компонента. В соответствии с признаком синергичности системы целенаправленность взаимодействия ее компонентов усиливает эффективность функционирования системы в образовательной среде. В результате взаимодействия всех компонентов система приобретает новые интегративные свойства, не тождественные свойствам отдельных образующих ее компонентов или сумме их свойств. Аналогично этому, система формирования культуры лингвосамообразования представлена в исследовании как целостный интегративный конструкт, включающий в себя четыре взаимосвязанных и взаимозависимых компонента: целевой, содержательный, технологический и результативный, обеспечивающие в совокупной реализации достижение заданной цели.

Функционирование системы формирования культуры лингвосамообразования детерминируется не только эндогенными, но и экзогенными факторами, поскольку открытость системы, как ее конституирующий параметр, предполагает постоянное ее взаимодействие с окружающей средой. Данное свойство системы обеспечивает широкое использование различных внешних ресурсов в процессе формирования культуры лингвосамообразования. В образовательной среде моделируемая система является подсистемой непрерывного иноязычного образования, детерминирующим основную функцию и вектор формирования и развития культуры лингвосамообразования. Процесс адаптации системы к периодически изменяющимся условиям иноязычного образования ведет к ее перманентным преобразованиям, которые, в свою очередь, активно воздействуют на внешнюю среду.

Внешние и внутренние факторы преобразующего характера вызывают закономерные изменения системы, способствуя ее становлению более сложной образовательной моделью. В динамичности системы заложены возможности интегративного формирования культуры лингвосамообразования, возникающего, с одной стороны, в результате взаимодействия всех компонентов системы, с другой стороны, вследствие органического единства уровней формирования культуры лингвосамообразования.

Таким образом, конкретизация перечисленных общесистемных свойств применительно к системе формирования культуры лингвосамообразования позволяет достаточно полно и всесторонне раскрыть сущность, содержание и особенности реализации исследуемого процесса в процессе профессиональной иноязычной подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова [Текст] : монография / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2006. – 228 с.
2. Дахин, А.Н. Моделирование в педагогике: попытка осмысления [Электронный ресурс] / А.Н. Дахин // <http://www.nspu.ru/index.php?id=644>
3. Дахин, А.Н. Педагогическое моделирование: сущность, эффективность и неопределенность [Текст] / А.Н. Дахин // Педагогика. – 2003. – № 4. – С.21-26.
4. Загвязинский, В.И. Методология и методика дидактического исследования [Текст] / В.И. Загвязинский. – М. : Педагогика, 1982. – 160 с.
5. Фролов, И.Т. Гносеологические проблемы моделирования [Текст] / И. Т. Фролов. – М. : Наука, 1961. – 210 с.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ СТИЛИСТИЧЕСКИ И ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ

А.В. Вандышева

Академия маркетинга и социально-информационных технологий
ИМСИТ

The present paper examines gender metaphor as translation problem. The author categorizes various types of gender metaphor and offers different ways of their translation.

Известно, что межъязыковая передача стилистически окрашенной лексики представляет определенные трудности. При художественном и образном переосмыслении, при метафоризации гендерно маркированных единиц задача переводчика значительно усложняется. Гендерные стереотипы, их мифологическое и социокультурное происхождение иногда значительно отличаются в разных этнокультурных ГЯКМ (гендерную языковую картину мира).

Гендерная метафоризация понимается нами как перенос гендерных качеств на неживые объекты. В процессе гендерной метафоризации происходит производство новых значений, формирующих ГЯКМ (гендерную картину мира). Это означает перенос на них всей суммы смыслов, которые закреплены за мужским и женским в определенной культуре. С гендерных позиций следует различать три вида метафоры: 1) гендерную метафору (перенос совокупности физических и духовных качеств и свойств, объединенных словами *женственность* и *мужественность*, на предметы, не связанные с полом); 2) биологическую метафору пола (это результат перенесения биологических и духовных качеств одного пола на описание противоположного пола); 3) мифопоэтическую метафору пола (отождествление свойств мужского и женского начал с различными явлениями природы, с образами внешнего мира, посредством бинарных оппозиций) [Хорошильцева, 2003, с. 161].

Процесс репрезентации нации/этнуса и ее различных сторон женскими или мужскими образами отражает принципиальные закономерности функционирования как гендерной системы, так и этнокультурных сообществ. Без

базовых понятий ГKM, на наш взгляд, национальная мифология утрачивает свою значительность.

В своей когнитивной функции язык минимально зависит от грамматической системы языка, потому что определение нашего опыта находится в комплементарном отношении к металингвистическим операциям; когнитивный уровень языка требует перекодирующей интерпретации, то есть перевода.

Но в шутках, фантазиях, сказках, то есть в том, что мы называем «вербальной мифологией», и, конечно, прежде всего, в поэзии, грамматические категории имеют важное семантическое значение. В таких случаях проблема межъязыковой передачи становится гораздо более запутанной и противоречивой.

Например, название книги стихов Бориса Пастернака "Моя сестра жизнь" вполне естественно на русском языке, где слово "жизнь" – женского рода; но это название привело в отчаяние чешского поэта Йозефа Хора, когда он пытался перевести эти стихи, ибо на чешском языке это слово – мужского рода (život); в немецком языке – среднего рода *das Leben*, в испанском – женского *La vida*).

(М.Цветаева «Солнце – одно, а шагает по всем городам»)	
<i>Солнце – одно,</i>	<i>The sun is only one,</i>
<i>а шагает по всем городам.</i>	<i>but he is walking by all cities,</i>
<i>Солнце – мое.</i>	<i>The sun is mine.</i>
<i>Я его никому не отдам...</i>	<i>I won't give him to anybody...</i>
<i>В руки возьму!</i>	<i>I'll take him into my hands, so</i>
<i>Чтоб не смело вертеться в that</i>	
<i>кругу!...</i>	<i>He dares not go around...</i>
	(Пер. А. Кнеллера).

Ср.: "I saw the sun in a blaze of fire as incomparable light, the **moon as sister of night and mistress of all purity and whiteness, the Pleiades as golden glory**". (S. Chaplin "The Thin Seam"). - Ср.: «В лодке зеленой **сестрица Луна**» (М.Кузьмин).

Ср.: *It was a bewildering rout for anyone who was not accustomed to face Nature in her wildest moods* (A.C.Doyle "A Flight for Life").

Одними из самых ярких примеров гендерной персонификации можно назвать персонификацию автомобилей. Она присутствует в большинстве рекламных текстов. Как известно, мужчины отождествляют их с женщинами.

Каждой модели, в зависимости от технических характеристик и позиционирования на рынке, приписывается определенная метафорическая доминанта. В немецком языке, например, все марки автомобилей мужского рода (*der Mercedes*), поэтому в качестве гендерного рода при персонификации в основу лег грамматический род слова «класс» (*die Klasse*).

Ср.: *Die CLK-Klasse 3 Sekunden. So lange dauert der erste Blickkontakt, der darüber entscheidet, ob man sich zu einer neuen Begegnung hingezogen fühlt. 1.Sekunde: der Blick schweift über die elegante Heckschürze. 2. Sekunde. Man erkennt den Kontrast zwischen den ruhigen Seitenflächen und dem spannungsvoll*

gewölbten Dach. 3. Sekunde: Jetzt ist alles klar. ... 4. Sekunde: es ist um Sie geschehen, Sie steigen ein [Personenwagen, 2004, S. 56].

Кроме того, весьма популярными стали придорожные щиты с рекламой автомобилей, на которых крупным планом изображены красивые девушки-фотомодели, и лишь на заднем плане – сами рекламируемые модели машин со следующими текстами:

Изящные японки? Обращайтесь к нам.

Надежные немки? и.т.д.

Под *немки, японки* имеются в виду немецкие и японские автомашины.

Разновидностью метафоры также является олицетворение: “*Amicus Plato, sed magis amica veritas*”, букв.: «Друг Платон, но более подруга – истина».

Ср.: *They may have most of traffic and crowd control, working within the community, to enforce and uphold the law, but the **British Mother** is still a law itself.*

Особое место в гендерной проблематике перевода занимают зоонимы.

В журнале «Avon» в рекламе детской игрушки в виде медвежонка женского пола, в английском варианте *Lady Bear* дается перевод *медвежонок* «*Машенька*». В данном переводе, на наш взгляд, согласование отсутствует полностью, и его нельзя считать эквивалентным. Здесь целесообразно применить прием конкретизации. Удачным переводом могло бы быть «*Машутка*».

При межъязыковой передаче «вербальной мифологии» - мифов, сказок, поэзии часто происходит категориальный конфликт. Это случается вследствие отличий этнокультурных гендерных языковых картин мира ИЯ и ПЯ.

Например, у Льюиса Кэрролла в повести *Through the Looking-glass* действует “*Old Frog*”, привратник королевского замка. Н. М. Демурова назвала этого персонаж «Старый Лягушонок», спровоцировав тем самым семантический конфликт. А. Щербаков, в свою очередь, прибегнул к неологизму: «Старый Лягух», что сопровождается безусловным стилистическим конфликтом. И тот, и другой варианты не отвечают условиям исходной информационной насыщенности текста, создавая в переводе своего рода «смысловую скважину» [Казакова, 2006, с. 50]. В данном случае, на наш взгляд, возможны два варианта: либо прибегнуть к приему транслитерации, либо подобрать название другого земноводного, употребляемое в ПЯ в мужском роде, скажем, *тритон*.

Другую сторону проблемы «животной» метафоры представляет собой различие эмоционально-оценочных ассоциаций, связанных с тем или иным образом животного, традиционно употребляемым как основа метафоры или метафорического сравнения.

Интересно обыграли известное идиоматическое выражение «*темная лошадка*» сценаристы русской версии фильма «Граф Монте Кристо».

Приведем пример из диалога, в котором обсуждается появление незнакомого, весьма состоятельного и влиятельного графа.

-Ты слышал что-нибудь о нем?

-Нет, прямо «темная лошадка» какая-то.

-Да нет, не лошадка, а конь, причем породистый.

Английский вариант данной идиомы – *black horse*. Однако передать специфический смысл данного диалога на английский язык достаточно сложно. На наш взгляд, оптимальным было бы использование приема опущения, т.к. использование дополнительного гендерного маркера (*he-horse* или *male horse*) не даст нужного семантического и образного эффекта.

В поэме Дженни Луис «Когда я стала Амазонкой» есть строка:

... *stay still as a stoat* ...

В переводе Н.Дубровиной она звучит так:

1-ый вариант перевода: *подобно горностаю* летом

2-ой, 3-ий, 4-ый варианты перевода: *таясь подобно рыси*

Анализируя переводческие черновики, исследователи В.С. Гурьянова и М.Н.Литвинова в своей статье «Переводческие черновики как этапы верификации концепта» объясняют замену слова *горностаю* на *рысь* следующим образом: «Очевидно, решающей при переводе стала социокультурная константа. **Рысь** в концептосфере русского языка ассоциируется с хищным, проворным и бесшумным животным, которое неожиданно нападает сверху. Будь это лексема **горностаю** или даже **хорек**, образ потерял бы свою динамичность. К тому же, существительное **рыси** придает строке краткость, и первоначальный вариант **горностаю** заменяется во всех последующих переводах». Однако, на наш взгляд, мотивом к изменению слова для переводчицы в большей степени послужил гендерный фактор. В данной ситуации необходимо учитывать, прежде всего, то, что *горностаю* является словом мужского рода. Важно, что *рысь* в русской концептосфере ассоциируется с женщиной и обладает женскими чертами (мягкость, гибкость, хитрость и т.д.). Именно поэтому переводчица сочла необходимым изменить первоначальный вариант перевода, удачно применив прием гендерной антонимии.

При переводе лексемы «love-bird»/«попугайчик» С. Горячева и С. Сакин, учитывая гендерную специфику русского языка, применили прием генерализации: «*Вот это та маленькая птичка, которая меня интересует*». Но, к сожалению, в данном случае были утрачены ассоциации, вносимые в оригинал корнем «love»/ «любовь».

Ср.: *I thought (O thought divine! Да и певунья (верил я)*

My bird was really mine. Навек, навек моя.

Следует отметить, что русский перевод является более образным.

Нельзя оставить без внимания гендерный аспект межъязыковой передачи топонимов.

Под статуей, олицетворяющей Рим, мы подразумеваем центуриона или сенатора, а итальянцы изображают Рим в виде женщины (*Roma* – женского рода). В английском языке слово *Rome* также имеет женский род.

Ср.: электронный словарь АБВУУ Lingvo 10 в словарной статье слова *mistress* предлагает следующий пример: «Б) перен. Повелительница, владычица (при персонификации).

Ср.: *when Rome was mistress of the world* – когда Рим был владыкой мира.

В данном переводе успешно применен прием слайда, поскольку *владычица* здесь, с одной стороны, не согласуется со словом *Рим* (которое является словом мужского рода в русском языке), и, с другой стороны, в русской гендерной языковой картине мира *Рим* прочно ассоциируется с сильным мужчиной-воином).

Приведенный в той же словарной статье пример – *Mistress of the Adriatic* (о Венеции) воспринимается адекватно, т.к. слово Венеция в русском языке женского рода, и, соответственно, ассоциации связаны с образом женщины, т.е. в данном случае уместно говорить о совпадении образа в русско- и англоязычной ГЯКМ.

Анализ примеров стилистически и гендерно маркированных метафорических единиц позволил нам выявить ряд серьезных различий в этнокультурных ГЯКМ. Для решения проблем, связанных с межъязыковой асимметрией, необходимо использовать весь арсенал переводческих приемов и практик. Кроме того, исследование показало, что переводчик не просто должен иметь минимум фоновых знаний, но должен обладать глубокими познаниями в вопросах культуры как языка оригинала, так и принимающего языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакова, Т.А. Художественный перевод. Теория и практика [Текст] : учебник / Т.А. Казакова. – СПб.: ООО «ИнЪязиздат», 2006. – 544 с.
2. Хорошильцева, Н.А. Гендерная метафора в современной культуре [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Хорошильцева. – Ставрополь, 2003. – 161 с.
3. Dickinson, S. Image of Moscow in 1812: echo of the contemporaries' recollections of the war with Napoleon [Text] / S.Dickinson // Moscow and Petersburg : the city in Russian culture / Ed. by Ian K. Lilly. – Auckland : Astra Press, 2002. – 120 p.

ДИСКУРСИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА В ОБУЧЕНИИ УСТНОМУ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ

Т.А. Волкова

Челябинский государственный университет

The paper discusses the issues of teaching interpreting using the discourse and communication translation model that allows the students to work out a general interpreting strategy based on the text, discourse and communication analysis.

В ситуации последовательного перевода устному переводчику приходится работать с текстами различных жанров, представленными в различных форматах. Методика самостоятельной и аудиторной подготовки к последовательному переводу, способы отработки практических навыков будущего переводчика, пути решения основных проблем, с которыми

сталкивается устный переводчик, являются необходимыми компонентами обучения последовательному переводу.

В работе устного переводчика и в учебной ситуации подготовка к устному переводу включает, на наш взгляд, информационную подготовку (освоение тематики, работа со справочными материалами, словарными ресурсами, изучение прецедентных и параллельных текстов, изучение и составление глоссариев) и предпереводческий анализ, выполняемый переводчиком на основе полученных и/или самостоятельно подготовленных материалов с учетом предполагаемой тематики перевода, формата предстоящего мероприятия. В этой связи студентам обычно предлагается тематика предстоящего последовательного перевода, жанр исходного текста, материалы для подготовки (новостные материалы, статьи, стенограммы выступлений, аудиозаписи, видеозаписи).

Представляется целесообразным рассмотреть проводимый студентами предпереводческий анализ с позиций авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода. Основу применения переводческих стратегий, на наш взгляд, можно представить в виде комбинации ряда взаимосвязанных компонентов: уровень текста, уровень дискурса, уровень коммуникации. Лингвистические (стилистические, лексико-семантические, синтаксические, прагматические) особенности исходного текста, его дискурсивные характеристики (авторство, адресность текста, нарратив), узловые точки дискурса, его конститутивные признаки (цели, ценности, хронотоп, языковое воплощение, тематика, участники дискурса, интердискурсивность), функции, типовые свойства и стратегии коммуникации определяют переводческие решения, формируют микростратегии перевода на уровне текста и макростратегии перевода на уровне дискурса и коммуникации (схема 1).

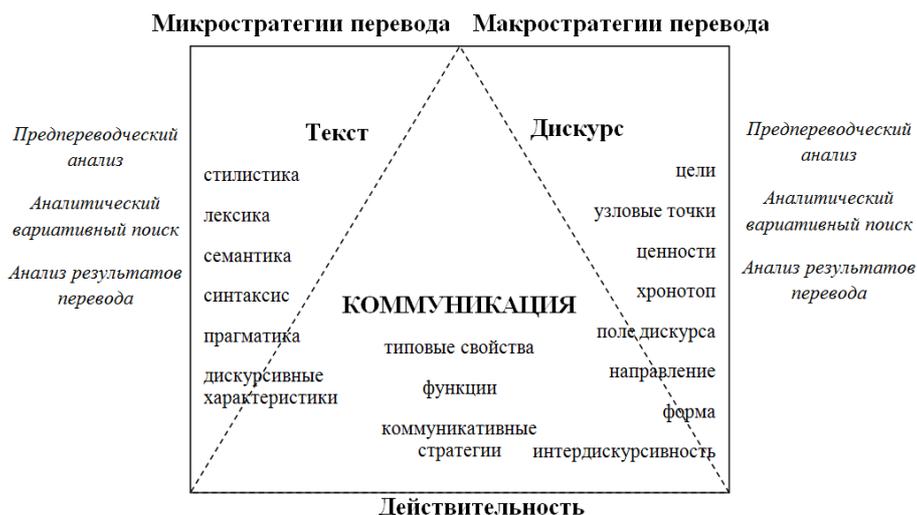

Схема 1. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода

Представляется возможным провести параллели между элементами дискурсивно-коммуникативной модели перевода и отдельными компонентами предпереводческого анализа, обозначенными И.С. Алексеевой: сбор внешних сведений о тексте (автор, реципиент, время создания и публикации,

отношения интертекстуальности, представление об источнике), состав информации и ее плотность (компрессивность), коммуникативное задание, доминанты перевода, жанр текста [Алексеева, 2001]. Отметим также компоненты предпереводческого анализа, обозначенные О.В. Петровой: тематическая отнесенность текста, цель создания оригинала (коммуникативное назначение исходного текста), цель создания перевода, адресат, композиция текста, жанрово-стилистические характеристики текста [Петрова, 2007].

Переводческие решения могут приниматься переводчиком на любом этапе в процессе перевода (предпереводческий анализ, аналитический вариативный поиск, анализ результатов перевода). Элементы дискурсивно-коммуникативной модели могут использоваться, на наш взгляд, при работе со специальными текстами, в подготовке к устному переводу, в обучении переводу; разделение переводческих решений на микростратегии и макростратегии представляет собой исследовательский прием, позволяющий переводчику провести комплексный анализ исходного текстового материала, выделить в нем лингвистическую, фоновую, социокультурную и иную информацию, создающую определенные переводческие трудности, и определить пути их преодоления.

В рамках предлагаемой методики обучения самостоятельная информационная подготовка студентов к устному переводу начинается с освоения тематики перевода, для чего необходимо выяснить, с деятельностью какой организации (организаций, структур) связан предстоящий устный перевод. Студенты анализируют материалы официального Интернет-сайта организации или компании по определенной схеме; как правило, необходимо изучить структуру сайта, выяснить, на каком языке представлена основная информация, на какие языки переведен сайт, насколько полными являются иноязычные версии. Затем студенты знакомятся с разделами сайта на исходном языке (ИЯ) и языке перевода (ПЯ); если версия сайта на ПЯ представляется недостаточно полной, работают с аналогичными по тематике сайтами на ПЯ. Студентам предлагается определить разделы, содержащие необходимую информацию по тематике перевода, подобрать из материалов основного сайта и иных источников тексты по тематике перевода на ИЯ и ПЯ, составить двуязычный глоссарий по тематике перевода, определить корпус основных понятий и используемых специальных терминов.

По собранным материалам фиксируется и верифицируется фактическая и прецизионная информация на ИЯ и ПЯ (полные имена и должности официальных лиц, названия структурных подразделений, официальных документов, основные даты и этапы в истории развития и основные направления деятельности организаций/компаний, иная фактическая и прецизионная информация на усмотрение переводчика). Полученную информацию студентам необходимо дополнить текстами по тематике перевода из других источников (справочные материалы, ссылки, приводимые на основном сайте, новостные сайты, поисковые машины), составить

собственную подборку Интернет-ресурсов и иных источников по заявленной тематике, обращая особое внимание на степень их достоверности (официальные сайты, рецензируемые энциклопедии и специализированные ресурсы).

Собрав некоторый объем информации, прецедентных и параллельных текстов, студенты могут приступить, на наш взгляд, к анализу имеющихся материалов средствами дискурсивно-коммуникативной модели перевода. Необходимо определить лингвистические особенности исходного текста (стилистические, лексико-семантические, синтаксические, прагматические) и его дискурсивные характеристики (авторство, адресность текста, нарратив), выявить узловые точки дискурса и его конститутивные признаки. На этом этапе происходит освоение жанра исходного текста, информацию о котором студенты обычно получают вместе с информацией о тематике предстоящего последовательного перевода. Подобрать ряд текстов аналогичного жанра на ИЯ и ПЯ, проанализировав общую структуру текста заявленного жанра, студенты определяют жанровые лексико-семантические, синтаксические, стилистические и прагматические особенности текста на ИЯ и ПЯ и составляют краткую характеристику жанра для дальнейшей работы с аналогичными текстами.

В рамках предлагаемой методики обучения устному последовательному переводу самостоятельная подготовка студентов наряду с освоением тематики перевода и жанра исходного текста предполагает самостоятельную тренировку навыков. Студенты осуществляют самостоятельный поиск, отбор и перевод аудиофрагментов, мультимедийных презентаций, видеофрагментов в рамках заявленной тематики и предполагаемого жанра исходного текста. Подобного рода самостоятельная тренировка позволяет добиться понимания исходного текста в том или ином формате с первого предъявления в объеме, необходимом для адекватного перевода, отработать навыки работы с аудиозаписью, мультимедийной презентацией или видеозаписью (умение использовать видеоряд либо информацию на слайдах в процессе перевода, умение фиксировать необходимый объем информации). Важным этапом самостоятельной тренировки навыков представляется последовательный перевод исходного текста в том или ином формате с первого предъявления. В ходе самостоятельной тренировки навыков студенты обращают внимание на используемую активную лексику, процедурную и специфическую терминологию, клише, различные акценты и иные особенности речи говорящих.

Аудиторная подготовка к устному последовательному переводу включает перевод и верификацию имен собственных, перевод и верификацию терминологии на основе составленных студентами глоссариев. Студенты выполняют абзацно-фразовый перевод и перевод с листа домашнего или аудиторного текста, фрагментов стенограммы выступления или текста интервью с первого предъявления. Составив представление о лингвистических особенностях и дискурсивных характеристиках исходных текстов, узловых точках дискурса и его конститутивных признаках, студенты

могут определить функции коммуникации, отражаемые комплексом исходных текстов, ее типовые свойства, коммуникативные стратегии. Процесс самостоятельной и аудиторной подготовки к последовательному переводу по предложенной схеме и анализ исходного текстового материала средствами дискурсивно-коммуникативной модели перевода позволяют студентам определить возможные переводческие трудности и пути их решения и сформировать общую стратегию перевода.

Аудиторный последовательный перевод с иностранного языка на русский и с русского языка на иностранный предполагает перевод аутентичной аудиозаписи или видеозаписи, доклада с мультимедийной презентацией (с голоса преподавателя). Возможен последовательный перевод подготовленных студентами по заявленной тематике (тематикам) докладов с презентациями; данная работа может выполняться на отдельном занятии и требует дополнительной подготовки «докладчиков» и «переводчиков». Одной из форм работы может быть последовательный перевод комбинированного текста интервью, созданного на материале исходных либо аналогичных текстов, с голоса преподавателя по схеме «вопрос-ответ».

Важной составляющей предлагаемой методики обучения представляется анализ результатов перевода. В процессе перевода преподаватель и студенты в аудитории фиксируют удачные/неудачные переводческие решения, неточности, ошибки, оценивают языковое оформление перевода, внешнюю презентацию. Для последующего самоанализа и тренировки навыков студенты отмечают индивидуальные недостатки в переводах, вносят необходимые исправления в глоссарии, анализируют недочеты в своем переводческом поведении и определяют пробелы в собственных знаниях, требующие восполнения.

Применение описанной методики обучения устному последовательному переводу с учетом основных положений авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода представляется эффективным для освоения новых переводческих тематик и накопления профессионального опыта, позволяет студентам выработать комплексную систему работы с текстами различных тематик и жанров, сформировать соответствующие стратегии перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, И.С. Профессиональное обучение переводчика [Текст]: учеб. пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И.С. Алексеева. – СПб.: Издательство «Союз», 2001. – 288 с. (Серия «Библиотека переводчика»).

2. Петрова, О.В. Модель предпереводного анализа текста [Текст] / О.В. Петрова // Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт: монография; под общ. ред. В.В. Сдобникова. – Н.Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2007. – С. 38-42.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

(на материале китайского и русского языков)

И.В. Гвоздева

Челябинский государственный университет

Translation is an activity based on cross-cultural communication, because every word has its connotative meaning. This paper analyses the influence of cultural differences on Chinese and Russian business correspondence.

При переводе стоит уделять значительное внимание межкультурной коммуникации, и это связано с тем, что за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире. Дело в том, что слово помимо своего основного семантического значения, имеет коннотативное значение, то есть несет в себе определенную фоновую информацию, отражающую его восприятие как исконным носителем языка, так и вторичной языковой личностью. Поэтому даже если люди, принадлежащие к разным культурам, владеют одним языком, они не всегда могут понять друг друга именно из-за расхождения культур, поскольку фраза, имеющая определенный смысл для носителя одной культуры, может приобрести другое значение или оказаться абсолютно бессмысленной для носителя другой культуры.

Проблема взаимоотношения языка и культуры, традиционно являющаяся одним из предметов языкознания, в последнее время оказалась в центре внимания лингвистов. Согласно В.Н. Комиссарову, «язык как орудие вербальной коммуникации является важнейшей частью культуры и все особенности его структуры и функционирования могут считаться проявлением культуры соответствующего языкового коллектива» [Комиссаров, 2002, с.69].

С.Г. Тер-Минасова, говоря о соотношении языка и культуры, подчеркивает их тесную взаимосвязь. «Язык – это зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира. Язык хранит культурные ценности в лексике, грамматике и идиоматике. Он формирует личность человека через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т.п., т.е. через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения» [Тер-Минасова, 2000, с.14].

Владение языком проявляется у носителя языка в двух аспектах: 1) в способности понимать смысл воспринятого высказывания и представлять стоящую за этим смыслом некоторую типичную ситуацию действительности и 2) в способности конкретно описывать посредством языка воспринятую и осмысленную ситуацию действительности, т.е. приписывать этой ситуации подходящее высказывание [Арутюнова, 1989, с.119]. У иностранца вступающего в общение с носителем данного языка оба этих процесса

затруднены вследствие не столько языкового барьера, сколько различия культур. И особенно это проявляется в рамках деловой переписки.

Деловая переписка – это своеобразный процесс общения, инструментом которого чаще всего является письменная деловая речь. В ней наиболее ярко проявляется культурно-национальная специфика, так как в такой речи высока доля употребления устойчивых словосочетаний, языковых формул, клише и штампов, которые сложились в ходе многолетней практики и соответствуют особенностям менталитета, правилам ведения бизнеса и нормам этикета данной страны.

Деловое письмо подразделяется на несколько видов, каждый из которых соответствует определенной ситуации. Стандартизация делового письма обуславливает использование специальных языковых формул, клише и штампов, позволяющих быстро и правильно составить текст документа. Для каждого вида делового письма характерен определенный набор языковых формул. Например, текст письма-извещения обычно начинается с фразы: *Извещаем, что...; Доводим до Вашего сведения, что...* 通知如下: . В китайском языке данное клише нередко более эмоционально окрашено. Например, *高兴地通知如下...* Текст письма, содержащего просьбу, составляется из клише, типа: *убедительно просим...; учитывая вышеизложенное, мы просим Вас....* В китайском письме для выражения просьбы используется клише *请贵方....*

Таким образом, использование в официально-деловом тексте той или иной языковой формулы мотивируется самой ситуацией, отраженной в данном деловом письме и неразрывно связано с особенностями менталитета и мировоззрением народа-носителя языка.

В деловом письме в отличие от других документов культурно-национальная специфика официально-делового языка проявляется особенно ярко, поскольку здесь присутствуют нормы этикета, национальные традиции делового общения.

Так, основное отличие русского делового письма от китайского состоит в том, что русское деловое письмо более безличностно, чем китайское. Даже в том случае, когда отправитель и адресат хорошо знакомы, в русском деловом письме отсутствуют личностные моменты, такие, как сообщение о здоровье, воспоминания о встречах, уверение в уважении и расположении к адресату и тому подобное. После обращения сразу же переходят к делу. Китайское же письмо изобилует различными формулами вежливости. С точки зрения китайского языка очень невежливо выглядят письма, составленные по правилам российского делового этикета.

Большую роль в деловом письме играют как синтаксис (для делового письма на китайском языке характерно употребление сложных предложений, отягощенных различными синтаксическими конструкциями), так и лексика (большое внимание должно уделяться использованию различных форм вежливости, а также служебных слов, характерных для письменного языка 文言). Например, для писем-приглашений характерно использование

следующих выражений: 特邀 (особенно, очень приглашаем) используется в письменном деловом стиле речи, подчеркивает уважение к адресату. Например, 特邀贵部派代表前来参加。 - *Особенно приглашаем делегацию уважаемого учреждения принять участие.* 敬请 (с уважением просим) . С помощью данного выражения подчеркивается уважение к адресату. Например, 敬请贵公司派代表前来日本访问。 - *С уважением просим делегацию от Вашей компании посетить Японию.*

前来 – официальная письменная форма глагола 来. Например, 特邀届时派代表前来参加。 *Приглашаем делегацию прибыть в установленное время.*

Заключительная формулой вежливости для письма-приглашения является «恭候届时光临» либо “恭候莅临”, что означает «*Почтительно ожидаем (Вашего) присутствия в установленное время*».

В дискурсе делового письма на китайском языке высокую степень уважения к адресату демонстрирует употребление третьего лица вместо второго 特邀先生届时前来参加。 - *Приглашаем Господина прибыть в установленное время для участия.* Вместо притяжательного местоимения второго лица 你们的、您的 (ваш/Ваши) характерно использование прилагательного 贵 дорогой. Например, 贵公司是我们老客户。 - *Ваша (дорогая) фирма является нашим давним клиентом.*

В русском деловом письме очень часто отсутствует форма обращения. Это связано с тем, что в качестве адресата обычно выступает лицо юридическое, поэтому личностный момент в оценке фактов, констатируемых в тексте письма, ослаблен, а общий тон письма нейтрален. В китайском деловом письме вступительная форма обращения обязательна. В случае, когда имя конкретного адресата неизвестно, а письмо адресуется организации в целом, в обращении ставится полное название организации.

Культурно-национальная специфика проявляется также в написании имени и фамилии. В китайском языке, в отличие от русского, порядок слов жесткий и фиксированный: в китайском языке всегда сначала идет фамилия, затем имя. Рассмотренные выше культурно-значимые явления можно объяснить тем, что в процессе концептуализации русский реципиент, прежде всего, вычленяет из текста письма конкретную информацию, которая побуждает его к конкретным действиям. Для китайца же необходимо пройти определенные стадии ритуала или церемонии, что в современном обществе трансформировалось в понятие «этикет» ‘礼仪’. Для китайца важна не просто информация, содержащаяся в тексте письма, а конкретная личность, с которой происходит коммуникация посредством деловой переписки. В процессе интерпретации текста делового письма, благодаря обработке лексических и синтаксических форм, использованных в тексте, в мозгу китайца в первую очередь происходит категоризация личности оппонента (уровень культуры, образования, степень квалификации, принадлежность к определенной социальной группе и т.д.). Таким образом, дискурс делового

письма на китайском языке содержит больше имплицитной информации, которая передается с помощью языковых средств.

Таким образом, при переводе и составлении деловых писем на иностранном языке необходимо учитывать их культурно-национальную специфику. Перевод по нормам родного языка не в состоянии адекватно отразить описанную в письме ситуацию. Более того, незнание культурно-национальных традиций данного народа, приводит к появлению культурных ошибок, которые воспринимаются гораздо острее, чем языковые ошибки. Поскольку основной чертой письменного дискурса является его визуальное восприятие, внимание к культурно-значимым явлениям при переводе текстов деловых писем представляется очень значимым для переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Логический анализ языка: языки этики [Текст] : Н.Д. Арутюнова. – М., 1989.
2. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение [Текст] : В.Н. Комиссаров. – М., 2002.
3. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] : С.Г. Тер-Минасова. – М., 2000.

ОБУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЕ ОБЩЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

И.В. Глухова

Челябинский государственный университет

Teaching a foreign language communication culture is considered to be an important part of a general process of humanitarian approach to education. Communication culture is effectively learned in pattern situations.

Наметившаяся в обществе тенденция недооценки важности соблюдения культурно-этических норм общения и дефицит культуры общения ставят проблему поиска путей воспитательного воздействия на молодое поколение. Ведущим принципом воспитания становится принцип культуросообразности, который предполагает, что воспитание основывается на общечеловеческих ценностях, строится в соответствии с ценностями и нормами национальной культуры и региональными традициями, которые не противоречат общечеловеческим ценностям. В связи с этим требование соизучения языка и культуры сегодня актуально.

Привлечение материалов культуры не только придает учебному процессу занимательность, но и резко повышает мотивацию учения, содействует пробуждению познавательных интересов, то есть происходит усвоение, как программного материала, так и существенных фактов, норм и ценностей иной культуры. Привлечение культуроведческих компонентов при обучении иностранному языку необходимо также для достижения основной практической цели – формирования способности к общению на данном языке.

Известно, что язык и культура взаимосвязаны в коммуникативных процессах. Эта связь проявляется не только в семантике и дифференциации языка по разным параметрам, но и в том, что именно культура обуславливает

национальную специфику коммуникативного поведения человека [Попова, 2009]. Поэтому в процессе изучения иностранного языка могут и должны усваиваться культурно-этические нормы поведения, свойственные культурным носителям языка (умение внимательно слушать собеседника, быть доброжелательным, сдержанным, тактичным), правила и нормы речевого поведения.

Культура общения – это умение осуществлять коммуникативную деятельность в соответствии с нормами, исторически сложившимися в данном языковом коллективе, с учетом психологических механизмов воздействия на адресата с использованием лингвистических средств и способов реализации такого общения с целью достижения запланированного результата [Верещагин, 1983].

По мнению отечественных методистов И.Л. Бим, И.Н. Верещагиной, Е.И. Вишневого, К.Б. Есипович, Г.В. Роговой, обучение культуре общения на иностранном языке формирует не только навыки межличностного бытового и социально-значимого общения и умение планировать свое речевое поведение, сотрудничать в различных видах деятельности, но и развивает потребность в общении, приучает к участию в свободном владении речью при определенных социальных установках. Таким образом, можно говорить о целесообразности обучения общению в конкретных ситуациях, где обучаемый одновременно мог бы проявить себя не только как подчиняющийся речевому этикету член общества, но и раскрыть себя как личность.

Например, специфика речевого поведения американцев и англичан такова, что важное место среди типичных оборотов занимают выражения благодарности, которые усваиваются и употребляются носителями языка автоматически. Это приносит в межличностное общение ощущение взаимного уважения, теплоты, доброжелательности и, следовательно, личностно развивающий эффект. Напротив, неумение своевременно адекватно выразить благодарность может нарушить общение, отрицательно повлиять на взаимоотношения собеседников.

У большинства говорящих на английском языке выражение благодарности ассоциируется со словами *thank you*. Однако носители языка, произнося слова благодарности, руководствуются системой правил, которая позволяет им в конкретной ситуации избрать адекватную речевую форму. Например, уходя со званого обеда, гость говорит: «*Thank you for inviting me. I had a great time*». Получив подарок, человек восклицает: «*Oh, how beautiful! How did you know? It's just what I wanted!*»

М.Айзенштайн и Дж. Бодман отмечают закономерность выражения благодарности тем многословней, чем сильнее переживаемое человеком чувство. Например, выражая благодарность за полученный подарок, большинство носителей языка подчеркивают, что проявленная дарителем щедрость является излишней: «*Oh, you shouldn't have*» или «*You didn't have to*».

Получая в долг деньги, американец или англичанин подчеркнет невозможность выразить словами всю глубину чувства благодарности: «I don't know how to thank you», «I can't tell you how much I appreciate this», «I can't thank you enough», «I can't tell you what this means to me». В таких и аналогичных ситуациях в ответ на свою доброжелательность и отзывчивость человек, естественно, ожидает искреннего и адекватного по форме выражения благодарности и будет разочарован, услышав неуместно лаконичное «Thank you».

Еще одним примером специфики речевого поведения американцев и англичан являются формы извинения, представленные главным образом двумя вариантами: Excuse me и I'm sorry. Фраза «I'm sorry», хотя и является формой выражения извинения, далеко не всегда используется носителями языка именно с этой целью. Прежде всего, она используется для выражения сожаления, огорчения. Поэтому, данная речевая форма уместна даже в тех случаях, когда извиняющемуся не в чем себя упрекнуть. Американец или англичанин говорит: «I'm sorry», отказываясь принять какое-либо приглашение, или когда узнает о неудаче или несчастье, постигшем другого человека, так как искренне ему сочувствует.

Форма «Excuse me», напротив, употребляется исключительно в тех случаях, когда правила этикета были нарушены: собеседник перебил говорящего (намеренно, чтобы ответить на телефонный звонок, или ненамеренно). Говоря «Excuse me», американец или англичанин подразумевает: «Я нарушил (или собираюсь нарушить) некое социальное правило». Говоря «I'm sorry», имеет в виду иное: «Я причинил Вам неудобства (опасаюсь, что причиню)». Даже в тех случаях, когда формы «Excuse me» и «I'm sorry» взаимозаменяемы, каждая из них несет свой оттенок значения. «Excuse me» выражает, прежде всего, отношение говорящего к тем или иным социальным правилам, принятым в данном обществе, а «I'm sorry» – отношение к другому лицу. Причем, чем более официальной является ситуация речевого общения, тем тщательнее продумана и более многословна форма извинения. Появляются даже такие единицы речевого этикета, как «Please, accept my apologies for ...». А в общественных местах в разговоре незнакомых или малознакомых людей наиболее употребительны формы «Excuse me» и «I'm sorry». Когда же собеседники являются близкими людьми (например, муж и жена, старые друзья и т.п.), то в ситуациях неофициального общения они вообще отказываются от вышеназванных форм, заменяя их фразами: «No good», «Oops», «I'm an idiot».

Важное воспитательное значение имеют те единицы речевого этикета, которые позволяют завязывать и поддерживать дружеские контакты с другими людьми и проявить себя в качестве приятного собеседника. Для того чтобы стать таким собеседником, надо уметь заметить хорошее во всем, что касается другого человека:

- его характера и манеры поведения

A: You are great!

B: Thanks a lot. You are very kind.

- *принадлежащих ему вещей, особенно недавно приобретенных*

A: Great looking car! You just got it?

B: Yeah, thanks. I got a really good deal on it too.

- *любимого домашнего животного*

A: Nice dog, Jane.

B: Oh, thanks a lot.

- *места, где человек родился или живет*

A: Your house is lovely. I especially like the way you've done the garden.

B: Do you really think so? That's nice of you to say.

- *характерных (непрерменно положительных) особенностей людей, населяющих его родной город, страну*

A: People in your country are so friendly.

B: Yeah, I guess the Germans aren't so shy.

Учет особенностей культуры страны, на языке которой осуществляется общение, позволит выбрать аутентичную, а не только грамматически правильную, форму выражения мысли. Например, делая комплимент по поводу удачно приобретенной вещи, важно учесть, что в Великобритании и США не принято интересоваться ценой принадлежащей человеку вещи, если он не является близким другом или родственником.

Таким образом, попадая в другую национально-культурную и языковую среду, человек попадает в другой мир ценностей и правил, а также норм общения, которые необходимо знать и учитывать для полноценного общения с представителями других лингвокультур. Для преодоления культурных барьеров участников коммуникации необходима подготовка обучаемых к реальному общению на иностранном языке с носителями данного языка. Оптимальной формой такой подготовки является организация ролевого общения, ролевые игры. Проигрываемая роль может задать обучающемуся стереотип речевого и неречевого поведения. Ролевое построение ситуации дает возможность развивать ее по определенным социальным правилам общества носителей языка и формировать навыки планирования речевого и неречевого взаимодействия.

В то же время нельзя идентифицировать культуру с языком, поскольку культуру создает не язык, а народ. Язык же только отражает ее и передает от поколения к поколению. Причем английский язык, например, может аккумулировать и передавать не только культуру англичан, но и англоязычного населения Канады или Индии [Миньяр-Белоручев, 1993, 11]. Кроме того, можно хорошо владеть иностранным языком и оставаться на примитивном уровне в области не только культуры другого, но и своего собственного народа. Различия в обычаях, традициях, морали, идеологии, религии, литературе, искусстве невозможно передать в процессе обучения языку, поскольку это происходит при изучении философии, страноведения, истории зарубежных стран, фольклористики и т.п. Тем не менее, содержание обучения иностранному языку должно включать знания национальной

культуры: национальные реалии и фоновую лексику, которая несет информацию национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин, Е.М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1983. – 269 с.
2. Миньяр-Белоручев, Р.К. Лингвострановедение или «иноязычная культура?» [Текст] / Р.К. Миньяр-Белоручев, О.Г. Оберенко // Иностр. яз. в шк. – 1993. – № 6. – С. 9-12.
3. Попова Т.Г. Культурные и когнитивно-семантические закономерности перевода [Текст] / Т.Г. Попова. – Хорватия, 2009. – 96 с.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ «ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» И КОЛЛЕКТИВНЫЙ РЕЧЕВОЙ УЗУС

Р.А. Говорухо

Московский государственный университет

The paper on "A Hero of Our Time" by Lermontov and its translations studies the usage in sentences with time and purpose clauses in Russian and Italian that differ in their explicitness and the choice between syntactic coordination and subordination.

Под коллективным речевым узусом мы понимаем естественное употребление языкового средства, связанное с выбором наиболее адекватной единицы из множества возможных синонимичных языковых средств. Впервые разделить уровень речи предложил В.Г. Гак, выделявший «индивидуальную речь», не поддающуюся строгому описанию, и «норму речи» или «коллективный узус», закономерности которого могут быть выявлены путем измерения относительной употребительности языковых единиц [Гак, 1998, с. 554 и след.].

Важным источником контрастного изучения коллективного речевого узуса является двусторонний перевод, который можно рассматривать как «особый случай межъязыкового перифразирования» [Иорданская, Мельчук, 1998, с. 129]. Очевидно, что перевод – индивидуальный творческий процесс, лишь в незначительной мере поддающийся типологизации, и переводчик часто находится под влиянием подлинника при передаче определенной ситуации средствами родного языка. Вместе с тем, выбор переводчика не является произвольным, но, как правило, отвечает одной из двух возможных стратегий: 1) максимально приблизиться к «букве» оригинала, передавая особенности его формы, не боясь создать у читателя ощущение «странности» текста 2) приспособить оригинал к нормам языка перевода, стремясь максимально адекватно передать смысл оригинала [Добровольский, 2007, с. 328].

В основе данной работы лежит сопоставительный анализ текста романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова и следующих семи его переводов на итальянский язык:

(1) *La principessa Ligovskaja*. Firenze-Roma, Edizioni Casini, 1965, p. 19-163 (перевод G. Donnini).

(2) *Un eroe del nostro tempo e altre prose*. Milano, Garzanti, 1992, p. 1 - 167 (перевод L.V. Nadai).

(3) *Un eroe del nostro tempo*. Torino, Einaudi, 1998 (перевод L. Avirovic).

(4) *Un eroe del nostro tempo*. Roma, La biblioteca di Repubblica, 2004 (перевод S. Garzonio e F. Gori).

(5) *Un eroe dei nostri tempi*. Milano, Feltrinelli, 2004 (перевод P. Nori).

(6) *Un eroe del nostro tempo*. Milano, BUR, 1996 (перевод С. Terzi Pizzorno).

(7) *Un eroe del nostro tempo*. Milano, Mondadori, 1996 (перевод P. Pera).

Не касаясь вопроса художественных достоинств и недостатков указанных переводов, отметим, что все переводчики, каждый – в рамках собственной стратегии, достаточно бережно отнеслись к тексту романа, стараясь точно следовать оригиналу, как в лексическом, так и в синтаксическом отношении. Тем больший интерес представляют встречающиеся частотные расхождения между оригиналом и переводами, прежде всего, в тех случаях, когда норма языка перевода, казалось бы, вполне допускает точное воспроизведение оригинала.

Укажем лишь на одну из «проблемных зон», в которых наблюдаются значимые для построения текста различия. На уровне семантического представления речь идет об описании двух процессов, связанных различными логико-семантическими отношениями: сопоставительными, соединительными, противительными, временными, причинными, целевыми, условными, уступительными.

Специфика передачи логических связей в романе М.Ю. Лермонтова заключается в том, что часто они не выражаются формально, но опираются на устраненные повествователем, лишь подразумеваемые смысловые звенья, благодаря которым становится возможным соединение разных фрагментов текста. Отметим, однако, что эти особенности не являются исключительно чертой индивидуального стиля Лермонтова, но в целом характерны для речевых норм русского языка, отличных от норм, принятых в итальянском [Govoruhko, 2001, с. 53-67]. Остановимся на некоторых из них подробнее.

1. Итальянский текст характеризуется большей слитностью предикативных центров, то есть при переводе с русского языка на итальянский наблюдается переход на более высокий уровень синтаксической связности. Так, бессоюзное сочинение в русском тексте часто заменяется в переводе на союзное. Ср.:

Вчера я выехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города ...

Ieri sono arrivato a Pjatigòrsk, ed ho preso alloggio in una casa nell'immediate vicinanze della città... (1)

Ieri sono arrivato a Pjatigòrsk, ho affittato un appartamento all'estremità della città / al limite della città... (2) (5)

Ieri sono arrivato a Pjatigòrsk (,) e ho preso in affitto (ho affittato) un appartamento in periferia... (3) (4)

Sono arrivato ieri a Pjatigorsk. Ho affittato un appartamento al limite estremo della città... (6)

Ieri sono arrivato a Pjatigorsk, ho preso in affitto un alloggio al margine della città... (7)

Лишь три перевода из семи повторяют оригинал. В переводе (6) отсутствие союза связано с трансформацией сложного предложения в два простых. В трех случаях (1), (3), (4) в итальянском тексте появляется сочинительный союз – *e*- (*u*).

2. Определенные различия наблюдаются при выражении временных отношений, когда речь идет о следующих друг за другом событиях, представляющих собой последовательные «этапы» в развитии действия, часто взаимоисключающие, в том смысле, что наступление следующего этапа предполагает прекращение предыдущего. В русском тексте отношения такого рода, как правило, оформляются не бессоюзно, но с помощью сочинительного союза – *и*. В итальянском тексте меньшая, по сравнению с русским *и*, семантическая «нагруженность» его аналога союза *e*, делает его присутствие недостаточным, диктует необходимость в более «сильном» показателе временной последовательности. Ср.:

Я ответил, что меня беспокоят мухи, – и мы оба замолчали.

Io risposi (gli ho risposto) che le mosche mi davano un gran fastidio, e poi restammo zitti tutti e due / abbiamo entrambi taciuto. (1) (7)

Gli ho risposto che ero infastidito alle mosche, dopo di che entrambi abbiamo taciuto. (2)

Ho risposto che le mosche mi davano fastidio, poi siamo rimasti in silenzio. (3)

Risposi che mi davano fastidio le mosche, e restammo tutti e due in silenzio. (4)

Io ho risposto che mi davano fastidio le mosche, ed entrambi abbiamo taciuto. (5)

Risposi che a me davano noia le mosche. Entrambi tacemmo. (6)

3. Внутри союзных форм также наблюдается изменение уровня связности: сочинительная связь русского текста имеет тенденцию к преобразованию в подчинительную в итальянском и наоборот. Так, итальянскому сложному предложению с определительно-изъяснительным придаточным, где содержанием анафорической связи является референциальное тождество, могут в русском тексте соответствовать два отдельно утверждаемые предложения. При этом бессоюзная или сочинительная конструкция в русском тексте позволяют рассматривать С2 как самостоятельную ситуацию, связанную с С1 отношениями следствия, тогда как в итальянском тексте при поверхностном подчинении с помощью относительного местоимения *che* или его падежных вариантов следствие кодируется как свойство объекта.:

Эта мысль поразила доктора, и он развеселился.

Questa mia idea colpì il dottore, che subito si rasserenò (1) / si rallegrò (4).

Questo pensiero / riflessione colpì il dottore che si rasserenò (2), (3).

Questo pensiero colpì il dottore, che si fece più allegro (5).

Quell'idea lo colpì; si rasserenò tutto (6).

Questo pensiero ha colpito il dottore, che è tornato di buon umore (7).

Во всех семи переводах меняется оригинальная структура русской фразы при формальной допустимости ее точного воспроизведения. В варианте (6) придаточное определительное невозможно из-за отсутствия в С1 полнозначного имени, но сочинительный союз отсутствует и в данном примере, уступая место бессоюziu.

4. При наличии двух не совпадающих во времени ситуаций С1 и С2, контролируемых Агенсом, ситуация С2 может быть представлена как реальный, или как потенциальный результат ситуации С1. Когда два события разведены во времени, т.е. отношение между ними можно охарактеризовать как следование, в итальянском тексте наблюдается модель кодирования отношений как целевых, а в русском тексте – как отношений следования. В плане прошедшего времени в русском тексте при отсутствии целевого коннектора говорящий просто фиксирует некоторое положение вещей. Частотной итальянской модели кодирования целевых отношений 'С1 per С2' соответствуют две модели в русском тексте: 'С1, С2', а также 'С1 и С2'. Ср. в этой связи семь переводов русской конструкции с сочинением частей, лишь один из которых повторяет оригинал:

Мало-помалу и все ее покинули и присоединились к моему кружку.

A poco a poco tutti la lasciarono per essere del nostro crocchio/ per unirsi al mio capannello. (1) (4)

Poco a poco tutti l'hanno abbandonata per far cerchio attorno a me/ per unirsi al mio piccolo crocchio/ per unirsi al mio gruppetto. (2) (3) (7)

A poco a poco tutti l'hanno abbandonata e si sono uniti alla mia cerchia. (5)

A poco alla volta tutti la lasciarono, per unirsi al mio gruppo. (6)

Целевая обусловленность в итальянском тексте предполагает гипотетичность ситуации, намеченной к осуществлению, предикативный центр придаточной части представлен инфинитивом, информация о том, достигнут ли желаемый результат, извлекается из контекста. В русском тексте при выборе отношений следования обе пропозиции имеют ассертивный статус, при этом устраняется (или выражается лексически) интенциональная составляющая, как признак субъекта пропозиции. Выбор той или иной модели в русском тексте определяется общими когнитивными стратегиями выбора союзной/ бессоюзной связи. Ср.:

Офицеры собирались друг у друга поочередно, но вечерам играли в карты.

Gli ufficiali usavano radunarsi a turno (la sera), gli uni presso gli altri (ora dall'uno, ora dall'altro), per giocare a carte la sera. (1) (4)

Gli ufficiali la sera si radunavano (si trovavano) ora dall'uno ora dall'altro a turno per giocare a carte. (2) (3)

Gli ufficiali si trovavano dall'uno o dall'altro a turno, la sera si giocava alle carte. (5)

Gli ufficiali si radunavano a turno in casa l'uno dell'altro (a volte da uno a volte dall'altro), e passavano le serate giocando a carte / e la sera giocavano a carte. (6) (7)

Итак, при наличии субъекта целесообразной деятельности итальянский текст чаще эксплицирует логическую (в данном случае – целевую) составляющую, в то время как в русском тексте она лишь подразумевается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 763 с.
2. Добровольский, Д.О. Еще раз о непереводаемом в переводе (на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот») [Текст] / Д.О. Добровольский // Язык и действительность: сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – с. 324-334.
3. Иорданская, Л.Н., Мельчук, И.А. Смысл и сочетаемость в словаре [Текст] / Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 665 с.
4. Govorukho, R. Sintassi e pragmatica nella coesione testuale in italiano e in russo [Текст] / R. Govorukho // Studi di grammatica italiana. – Firenze: Accademia della Crusca, 2001. - p.53-67.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

А.В.Гребенщикова

Челябинский государственный университет

The article reveals the problems of distance learning in teaching English at university level.

В настоящее время общепризнанно, что современная система образования вступила с появлением Интернета и, в целом, благодаря интенсивному освоению возможностей новых информационных технологий, в новую фазу своего развития. Наиболее актуальной задачей сегодня является совершенствование дидактической теории применительно к новым образовательным условиям. Основные усилия, как теоретиков, так и практиков образования сосредоточены в области дистанционного образования, дистанционного обучения и связанных с этим всех видов организации дистанционной деятельности. Различение этих понятий является семантически значимым, что неоднократно подчеркивается рядом исследователей, как теоретиков обучения, так и практиков. Оно определяет сам круг тех методических материалов, педагогических методик и форм организации дистанционной совместной деятельности, которые необходимо использовать для достижения искомой цели - обучить и научить.

Над общей концепцией дистанционного образования в настоящий момент работает целый ряд институтов и учреждений, в первую очередь, Академии образования. Тем не менее, все еще не исчезла необходимость четкого разграничения понятий: дистанционное образование, дистанционное обучение, дистанционная деятельность. Евгения Полат подчеркивает, что это

далеко не тождественные понятия. Она считает, что понятие образования значительно шире и включает в себя как процесс обучения, так и широчайшие возможности самообразования. Набирает силу дистанционная педагогическая деятельность (организация дистанционных семинаров, конференций, работа с аспирантами, олимпиады, викторины, пр.). Говоря о дистанционной форме образования, Е. Полат отмечает, что следует говорить о создании единого информационно-образовательного пространства, куда включает всевозможные электронные источники информации: виртуальные библиотеки, базы данных, консультационные службы, электронные учебные пособия, специально оборудованные классы и виртуальные классы в том числе (киберклассы) [Полат, 2003, 67]. Когда же речь идет о дистанционном обучении следует понимать наличие в системе учителя, учебника и ученика. Это взаимодействие учителя и учащихся. Отсюда главное условие при организации дистанционной формы обучения - создание электронных курсов, разработка дидактических основ дистанционного обучения, подготовка педагогов-координаторов. Дистанционная форма - это и не синоним заочной формы обучения, так как здесь предусматривается постоянный контакт с преподавателем, с другими учащимися киберкласса, имитация всех видов очного обучения, но специфичными формами. Следовательно, заключают специалисты, требуются теоретические проработки, экспериментальные проверки, серьезные научно-исследовательские работы

Наиболее общее определение дистанционного обучения звучит следующим образом:

Дистанционное обучение - это обучение, которое протекает в ситуации, когда учитель и ученик или ученики друг с другом разделены пространственно.

К формам дистанционного обучения, которые получили распространение сегодня, а также активно развиваются и совершенствуются, относятся:

- видеоконференции: учитель и ученики видят друг друга и общаются друг с другом в реальном масштабе времени с помощью определенных технических средств;
- индивидуальная видеоконференция: учитель - ученик;
- свободный доступ учеников (и учителя) к учебным материалам (не имеет значения, где они расположены физически);
- доступ ученика (и учителя) к виртуальным или реальным лабораторным установкам и прочим устройствам на расстоянии и управление ими.

Все это совмещается с возможностью получить все вышеперечисленное, не покидая дома.

Любая форма представления учебного материала в настоящий момент достаточно легко реализуема. Некоторые сложности представляет работа с видеоматериалами в реальном режиме времени, однако, и они успешно преодолеваются при условии достаточной скорости телекоммуникационных каналов, которая за последнее время очень возросла.

Так, в настоящее время в России основную информационную нагрузку в процессе обучения несут учебные материалы (со всеми возможностями их обсуждения и комментирования), а также система компьютерных симуляций экспериментов и видеоконференции, которые, по сути, являются ничем иным как симуляцией реального контакта учителя и обучающегося (обучающихся). Как раз именно эти элементы являются базовыми для формирования обучающей среды, и тем самым такая компьютерная обучающая среда составит, на наш взгляд, основу дистанционного обучения в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полат, Е.С. Теория и практика дистанционного образования [Текст] / Е.С. Полат // Новые информационно-педагогические технологии. Сборник научных трудов 2-ой Междунар. конференции ИОЛ-2003. – Санкт-Петербург, 2003, – С. 67-68.

2. Duffy, T. M. & Cunningham, D. J. Constructivism: Implications for the Design and Delivery of Instruction. - In Jonassen, D. H. (ed.) Handbook of Research for Educational Communications and Technology: A Project of the Association for Educational Communications and Technology. New York: Simon & Schuster Macmillan, 171.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОДЫ К ГЕНДЕРНОМУ АСПЕКТУ ПЕРЕВОДА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Я.А. Евстафова

Челябинский государственный университет

The article considers the problem of perceiving and rendering gender in translation as a cognitive and culturological phenomenon. Category of gender and connotation are relevant in variants of translation.

Переводческая мысль является неотъемлемой частью культурного развития человечества. Благодаря переводу одна культура как бы проникает в другую, делая ее богаче и универсальнее.

Понятие гендера уже стало неотъемлемой частью нашей культуры. С одной стороны, гендер представляет собой инструмент, с помощью которого как индивидуальное, так и коллективное сознание воспринимает и оценивает мир и все многообразие человеческих отношений, главным образом мужчины и женщины. С другой стороны, в ходе исторического и социально-культурного развития гендер подвергается процессу моделирования, который меняет старые стереотипы и формирует новые установки.

Гендерная категоризация представлена в языке, прежде всего, в виде категории рода. Традиционно категория рода связана с признаками пола или их отсутствием – мужской, женский и средний род.

Существует теория, что лингвистическая категория рода восходит к концептуальным структурам пола. Исследователи допускают, что в системе праязыка существовали некие исходные аргументы, логичные в анимистической картине мира, которые забыты, и на сегодняшний день неочевидны. Корреляция рода существительного и когнитии происходит на основе представлений о поле и роде в языках и культурах [Foundalis, URL].

Носители разных языков могут иметь разные представления о родовой принадлежности существительного. Если же их представления отчасти совпадают, для этого должны быть когнитивные основания (общая апперцепционная база). Эти основания могут носить только культурно сконструированный характер и могут быть общими только вследствие родства культур носителей языков. Так, например, у русских женщина сравнивается с березкой, цветком, рябиной; у белорусов – с калиной; однако литовцы не могут сравнивать женщину с березой, так как у литовцев береза – мужского рода.

В разных языках род соответствующих слов может быть различным, поэтому при переводе нередко разрушается и видоизменяется образный строй (и, возможно, содержание). В художественном тексте род существительного может подвергаться перекатегоризации.

В английском языке, несмотря на отсутствие репрезентативной системы гендерных маркеров, категоризация в этой области довольно актуальна. Кроме одушевленных существительных, которые автоматически категоризируются по признаку биологического пола референта, в языке имеется огромное количество неодушевленных и абстрактных существительных, которые имеют категоризацию в связи с приписыванием референту признаков, трактуемых как маскулинные или феминные [Серова, 2006, с. 65-74].

Так, в символических сказках Оскара Уайльда переводчики довольно часто сталкиваются с проблемой несовпадения грамматического рода неодушевленных существительных, олицетворяемых автором, и наделенными гендерными признаками:

*... and once they thought that they had lost their way, and a great terror seized on them, for they knew that **the Snow** is cruel to those who sleep in **her** arms* [Wilde URL].

В этих ситуациях требуется немало усилий со стороны переводчика, так как возникает необходимость перекатегоризации, точнее «перегендеризации» (gender switch) [Nissen, URL], что не всегда удается или выполнимо:

(1) *... как-то им показалось, что они заблудились, и ужас напал на них; они знали, что **Снег** беспощаден к тому, кто задремлет в **его** объятиях* [Уайльд, 1912, с.113].

(2) *Однажды им показалось, что они потеряли дорогу, и их охватил ледяной страх. Дровосеки знали, как жесток **Снег** к тем, кто засыпает в **его** объятиях* [Уайльд, URL].

(3) *... а еще как-то им почудилось, что они заблудились, и на них напал великий страх, ибо им было известно, что **Снежная Дева** беспощадна к тем, кто засыпает в **ее** объятиях* [Уайльд, URL].

Только в одном из трех вариантов переводчику удастся не просто подобрать эквивалент, но и передать женское начало, проявленное в языке оригинала.

Ассоциирование неодушевленных предметов и явлений с мужским и женским началом связано с **метафорической природой** гендерной

категоризации. Основываясь на многочисленных экспериментах (Roental 1990, Cameron 1992, Romaine, 1999) [Гриценко, 2005, с. 193], исследователи делают вывод, что в английском языке, лишённого формально-грамматических признаков рода, к мужскому роду относятся неодушевленные предметы, которые в метафорической оппозиции ассоциируются с тем, что больше, активнее, сильнее, быстрее, и т.д.; с женским родом – все, что меньше, мягче, спокойнее, пассивнее и т.д.

Анализ категории рода дает возможность утверждать, что она глубоко встроена в семантику слова и во многом определяет представления носителей языка о предметах и абстрактных понятиях [Серова, 2005, с. 159-169].

Кроме того, языковые формы когнитивно запечатлевают окружающий мир, объективируют действительность путем концептуализации человеческого опыта в форме знаков. Гендерные смыслы могут присутствовать не только в денотате (например: *мужчина, женщина, сударыня, мужик*), но и коннотироваться языковой формой, вызывать ассоциации с мужским и женским началом (например, слово *молоток* ассоциируется с мужским началом, *помада* – с женским) [Гриценко, 2005, с. 133].

Культура проникает в эти знаки через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов со стереотипами, эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями и другими знаками национальной культуры. Таким образом, соотнесение с тем или иным культурным кодом составляет содержание культурно-национальной коннотации.

Ассоциативный и оценочный компоненты коннотации актуальны для гендерных исследований, так как способствуют выявлению дополнительных культурных импликаций, отражающих гендерные стереотипы. Ассоциативно-образные основания могут совпадать: *she's as fresh as a flower* – она свежа как цветок; могут частично совпадать: *she's a bonny Scotch trout* – дословно худая как Шотландская форель (ср. худая как вобла); но могут и сильно отличаться. При описании восточной красавицы на тюркском языке глаза ее, вероятнее всего будут сравниваться со сливами, а рот – с полураскрытой фисташкой, в Индии походку девушки сравнивают с грацией слона, в ирландских сказках руки девушки сравниваются с цветами липы, а в английском фольклоре - волосы с цветом бука.

Переводчик должен стремиться подобрать не просто смысловые эквиваленты, а вызвать у читателя сходную реакцию с той, которую получают читатели оригинала.

Эквивалентность коннотативного значения у соотнесенных слов в оригинале и переводе предполагает воспроизведение в переводе ассоциативно-образного компонента этого значения [Комиссаров, 1990, с. 38-45]. При отсутствии устойчивого сочетания с необходимым общим значением в переводе отмечается меньшая степень эквивалентности,

создаваемая путем передачи этого значения при помощи свободного сочетания слов, лексико-грамматическими трансформациями:

*There was a dive, and the little Countess was **swimming like a rat**, to join him* [Lawrence, URL].

Послышался плеск, и маленькая графиня, словно крыса, уже плыла к нему. [Лоуренс, URL].

*Раздался плеск воды, и вот уже маленькая графиня **рыбкой заскользила к нем*** [Лоуренс, 2007, с. 111].

Ассоциации могут закрепляться за событиями или литературными произведениями хорошо известными в одном языковом сообществе, но малоизвестными в другом. Для переводчика важно чувствовать ассоциативные связи слова в оригинале и в языке перевода [Лоуренс, URL].

Таким образом, реализация гендерно-культурологического аспекта в переводе текста многосложно.

Современная гендерная лингвистика признает множественность, контекстуальность, идеологичность и историчность процессов конструирования гендеров, затрагивая разнообразные темы и используя различные приемы.

Категория рода, как и культурная коннотация, представляют собой сложное переплетение репрезентаций лингвистического и нелингвистического характера, глубоко укоренившихся в национальном и индивидуальном сознании и являются релевантными факторами для раскрытия специфики концептов «мужественность» и «женственность» и выбора наиболее эквивалентного варианта перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриценко, Е. С. Язык как средство конструирования гендера [Текст]: Дис. ... д-ра филол. наук. : 10.02.19 / Е.С. Гриценко. – Н. Новгород, 2005. – 405 с.
2. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253с.
3. Лоуренс, Д.Г. Влюбленные женщины. Перевод В. Бернадской [Текст] / Д.Г. Лоуренс // *Собрание сочинений в 7 т.* – М.: Вагриус, 2007. – 560 с.
4. Лоуренс, Д.Г. Женщины в любви. Перевод Е. Колтуковой [Электронный ресурс] / Д.Г. Лоуренс // URL: <http://www.aldebaran.ru/>
5. Серова, И.Г. Лингвистические и нелингвистические знания в репрезентации языковой категории рода [Текст] / И.Г. Серова // VIII Международная конференция «Когнитивное моделирование в лингвистике» – Москва-Варна: Учеба, 2005. – С.159-169.
6. Серова, И.Г. Гендер как фактор когниции и коммуникации [Текст] / И.Г. Серова // *Вопросы когнитивной лингвистики.* - №2. 2006. – С.65-74
7. Уайльд, О. Звездный Мальчик. Перевод с английского С.Г. Займовского [Текст] / Оскар Уайльд // *Полное собрание сочинений Оскара Уайльда. Том первый.* – СПб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1912.

8. Уайльд, О. Звездный Мальчик. Перевод П.В.Сергеева, Г. Нуждина [Электронный ресурс] / О. Уайльд // URL bookz.ru/authors/uaid-oskar/starboy.html

9. Уайльд, О. Мальчик-звезда. Перевод с английского Т. Озерской [Электронный ресурс] / О. Уайльд // URL <http://www.aldebaran.ru/>

10. Foundalis, H.E. Evolution of Gender in Indo-European Languages. Proceedings of the 24th Annual Conference of the Cognitive Science Society. Fairfax, Virginia [Online] / H.I. Foundalis // URL: www3.isrl.uiuc.edu/~jungwang4/langev/alt/foundalis02evolutionOF/Foundalis.

11. Lawrence, D.H. Women in Love [Online] / D.H. Lawrence // URL <http://www.homeenglish.ru/Books1.htm>

12. Nissen, U.K. Aspects of Translating Gender [Online] / U.K. Nissen // URL http://www.linguistik-online.de/11_02/nissen.html

13. Wilde, O. The Star-child [Online] / O. Wilde // URL <http://www.artpassions.net/wilde/star-child.html>

ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.И. Елизова

Шадринский государственный педагогический институт

The article deals with the problem of training professionals in translation at university.

Всеобъемлющие процессы глобализации, информатизации, интенсивно проходящие в последние десятилетия, повысили прагматическую значимость владения иностранными языками, активизировали диалог культур в современном мире.

Для решения актуальной проблемы совершенствования и модернизации лингвокоммуникативной подготовки будущих переводчиков представляется необходимым обратиться к характеристике состояния лингвокоммуникативной подготовки специалистов в области иностранного языка на современном этапе.

В отечественной педагогике и психологии проблема профессиональной подготовки не теряет своей актуальности. Значительный вклад в разработку различных аспектов данной проблемы внесли исследования структуры профессиональной деятельности (М.И. Дьяченко, В.И. Загвязинский, Л.А. Кандыбович, Е.А. Климов, Н.В. Кузьмина, В.А. Слостенин, В.Д. Шадриков и др.), по интенсификации и оптимизации учебного процесса в высшей школе (С.И. Архангельский, А.М. Баскаков, А.А. Вербицкий, В.И. Вергасов, Э.Ф. Зеер, С.А. Репин, В.Л. Савиных, А.В. Усова, Е.В. Яковлев и др.), по моделированию познавательной деятельности студентов (В.П. Беспалько, Ю.Н. Колюткин, В.Я. Ляудис, Н.В. Талызина и др.).

Содержание лингвокоммуникативной подготовки будущих переводчиков раскрывается через взаимосвязь понятий «профессиональное высшее образование», «лингвистическая подготовка», «коммуникация»,

«межличностная коммуникация», «лингвистическая компетенция», «коммуникативная компетенция», «коммуникативная компетентность».

Высшее профессиональное образование рассматривается как этап конструирования, проектирования, испытания, производства, технологии, этап овладения логической структурой науки и учебной дисциплины, этап перехода в сферу профессиональной деятельности, либо в область фундаментальной науки, либо в сферу административного управления.

В настоящее время многими психологами, педагогами, философами признается, что высшее образование – это то, что приобретается человеком не только сознательно, на «последнем этапе учения» (в вузе), но и в процессе всей его жизненной деятельности. В современном обществе все более заметно заявляет о себе тенденция к переходу от образования на «всю жизнь» к непрерывному образованию «через всю жизнь». Поэтому сегодня, как никогда, на первый план выступают проблемы качественной профессиональной подготовки будущих специалистов.

Лингвистическая подготовка будущих переводчиков предполагает овладение языковым кодом носителей того или иного иностранного языка, формирование лингвистической компетенции высокого уровня. Сущность языка такова, что он вбирает в себя как лингвистическую, так и социальную, психологическую составляющую. Последнее обстоятельство отражает познавательную (когнитивную) и коммуникативную функции языка и определяет подходы к его изучению с учетом языковой способности человека, его памяти, внимания, коммуникабельности и других аспектов опыта. Следовательно, изучение иностранного языка – это не только изучение его фонетических, лексических и грамматических средств, но и осознание отраженных в языке особенностей коммуникации нации.

Обращение к проблеме коммуникации многочисленных научных дисциплин — философии, социологии, психологии, политологии, культурологии, лингвистики, экономики и многих других дисциплин социогуманитарного, естественно-научного и научно-технического циклов — объясняется тем, что коммуникация представляет собой в высшей степени сложное и многогранное явление, пронизывающее не только общество в любой, даже самой элементарной клеточке общественного организма, но и которое мы без труда обнаруживаем за пределами социума как такового, т.е. в природе. Каждая из перечисленных наук изучает коммуникацию под своим углом зрения.

Так, *философия* видит в коммуникации одно из атрибутивных свойств материи, обусловленных материальным единством мира и, следовательно, взаимосвязью, взаимозависимостью явлений и процессов действительности. Коммуникация по-разному проявляется на разных уровнях организации материи: от универсальной способности отражения как свойства явлений живой и неживой природы до сложнейшего и многогранного мира человеческого общения.

Одним из важнейших коммуникативных аспектов психологической науки является изучение способности человека отражать мир и регулировать

свое взаимодействие с ним. При этом психология уделяет большое внимание таким проблемам, как психологическая природа речи и языка, т.е. способам вербальной коммуникации, а также различным видам невербальной коммуникации и особенностям их восприятия.

Социология рассматривает проблемы коммуникации, поскольку в фокусе ее внимания оказываются проблемы связей и отношений различных социальных субъектов.

Изучением политических процессов с точки зрения информационного обмена между субъектами занимается одно из направлений *политологии*, возникшее под влиянием успехов в кибернетике.

В *культурологии* коммуникативная проблематика проявилась, главным образом, при изучении проблем трансляции культурных ценностей либо непосредственно в общении людей, либо через механизмы опредмечивания и распредмечивания — от человека к человеку, от поколения к поколению и между представителями различных культур.

В рамках *биологии* с конца XIX в. очень активно развивается направление, изучающее поведение и коммуникацию животных, обусловленных биологическими факторами.

Лингвистика занимается проблемами вербальной коммуникации - возникновением и развитием языка и речи (устной и письменной, диалогической и монологической) как важнейших средств человеческого общения. На стыке лингвистики, логики, философии и других наук находится семиотика, изучающая коммуникацию как передачу знаков или обмен знаками.

Интерес к проблемам коммуникации вызван появлением в лингвистике значительного количества работ, посвященных изучению структурных и семантических особенностей диалогической речи. Антропоцентрический подход к языку позволяет расширить сферу исследования коммуникации, поскольку в центре внимания здесь находится личность каждого из коммуникантов, в то время как диалог представляет собой основную форму межличностного общения.

Мысль о диалогической природе человеческого общения утвердилась в современной лингвистической науке не без влияния идей М.М. Бахтина. По его меткому выражению, жизнь по своей природе диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. [Бахтин, 2000, с. 31].

Нельзя не согласиться с утверждением В.А. Василика, что коммуникация – это сложное многогранное явление, представляющее собой необходимое условие и фундаментальную основу существования человеческого общества и природных сообществ [Василик, 2003, с. 61].

В ходе профессиональной подготовки будущие переводчики овладевают искусством межличностной коммуникации, которая означает процесс обмена сообщениями и их интерпретацию двумя или несколькими индивидами, вступившими в контакт друг с другом.

Бесспорно, что коммуникативный процесс наряду с такими компонентами, как индивидуальность и социальная роль, входит в содержание понятия личности. Личность – индивидуальность в коммуникации. Большинство исследователей видят в этом определении наиболее четкое проявление взаимосвязи и взаимозависимости личностного и социального самоопределения.

В этой связи особое значение приобретает формирование и развитие коммуникативной компетенции специалистов в области иностранных языков.

Коммуникативная компетенция как обязательный признак коммуникативной компетентности в процессе лингвокоммуникативной подготовки будущих переводчиков включает знание необходимых языков, способов взаимодействия с окружающими людьми и событиями, навыки работы в группе, владение различными социальными ролями в коллективе.

Вслед за В.В. Воробьевым мы можем утверждать, что иноязычное мышление, без которого не может проявляться спонтанная речь, а значит, и формироваться коммуникативная компетенция, развивается по законам языка и именно они – законы языка в системной взаимосвязи и должны в таком случае составлять содержательную часть обучения [Воробьев, 1997]. Подтверждением этому может быть вывод Ф. де Соссюра [Соссюр, 2004], что передаваемое содержание (мысль) в речи на любом языке расчленяется в соответствии с языковой схемой, т.е. оформляется посредством структуры языка.

По мнению многих исследователей (М.А. Василик, М.С. Вершинин, В.А. Павлов, Н.Р. Барабанова, А.К. Бондарев и др.) коммуникативная компетентность определяется как развивающийся и в значительной мере осознаваемый опыт общения между людьми (межличностный опыт), который формируется и актуализируется в условиях непосредственного человеческого взаимодействия. При этом коммуникативная компетентность человека сводится не только к определенному состоянию сознания людей, стремящихся понять друг друга, но включает в себя и поведенческий аспект [Василик, 2003, с. 59].

Основными источниками приобретения коммуникативной компетентности являются: соционормативный опыт народной культуры; знание языков общения, используемых народной культурой; опыт межличностного общения в деловой, повседневной и праздничной обстановке; опыт восприятия искусства; знания, общая эрудиция и научные методы обучения общению. Из этих источников формируется весь сложный комплекс лингвокоммуникативных знаний и навыков, составляющих лингвокоммуникативную компетентность личности.

Обобщая выше сказанное, можно прийти к выводу, что происходящие в языковом образовании изменения в связи с вхождением нашей страны в единое европейское пространство и согласованием образовательных стандартов России с общеевропейскими предусматривают такие подходы к

языковому образованию, которые способствовали бы расширению лингвокоммуникативного пространства обучающихся.

Современный переводчик – это высококвалифицированный профессионал, сочетающий эрудицию со знанием конкретного языка, умеющий достичь взаимопонимания и взаимодействия с носителями языка и окружающими людьми, т.е. обладающий высокой культурой коммуникативной деятельности. В этой связи выявление социокультурных и психолого-педагогических предпосылок лингвокоммуникативной подготовки будущих переводчиков направлено на переориентацию языкового образования на лингвокоммуникативные приоритеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Марксизм и философия языка [Текст] / М.М. Бахтин // Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка: сборник научных статей. – М., 2000. – С.31-39.
2. Василик, М.А. Основы теории коммуникации [Текст] / М.А. Василик. – М. : Гардарики, 2003. – 615 с.
3. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы) [Текст] : монография / В.В. Воробьев. – Москва : Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
4. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: УРСС, 2004. – 256 с.

РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

А.А. Журавлева

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова

In this article the analytical review of the development creativity is given.

Вхождение России в общеевропейское образовательное пространство открывает перед специалистами новые возможности и требует от них, помимо знания языка, соблюдения правил и норм международного общения. В данных условиях обостряется проблема иноязычной подготовки кадров, способных работать в новых условиях, решать проблемы межкультурного характера.

В основе иноязычной подготовки кадров нового типа лежит интегративное изучение языка и культуры. Данный подход позволяет эффективнее развивать коммуникативные навыки обучающихся, что обеспечивает функциональное использование языка в условиях межкультурной коммуникации. Однако необходимо отметить невозможность передачи будущим специалистам всех существующих знаний о культурных различиях, снабжения их руководством к действию в любой ситуации межкультурного взаимодействия.

Адекватное восприятие и общение с иноязычным партнером обеспечиваются пониманием поликультурности коммуникативного пространства и умениями ведения дискуссий на иностранном языке. Одним из основных факторов, обеспечивающих достижение поставленных целей

межкультурного взаимодействия и успех коммуникации на межкультурном уровне, является наличие и проявление креативности у индивида. Под данным качеством, согласно исследованиям Н.Ю. Хрящевой, С.И. Макшанова, Л.Б. Ермолаевой-Томиной, Е.Л. Яковлевой, В.Н. Козленко, понимается способность личности к порождению новых и изменению непродуктивных идей в какой-либо области путем преодоления ограничений, стереотипов, принципов, привычек. Наличие данной характеристики у специалиста делает его способным быстро и эффективно адаптироваться в изменяющихся макро-, мезо- и микросоциальных ситуациях, что способствует достижению поставленных целей.

С позиций данного подхода, под креативной межкультурной коммуникацией понимается способность к трансформации и применению полученных знаний о мире и культуре иноязычного партнера для создания ситуаций эффективного взаимодействия, в которых осуществляется адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам.

Креативность, согласно мнению исследователей данной проблематики (Е. П. Торранс, Дж. П. Гилфорд, П. Смит, К. Роджерс, В.Н. Дружинин, Д.Б. Богоявленская, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин и др.), не является врожденной характеристикой, она формируется прижизненно в результате тренингов.

К.Роджерс утверждал, что рождение творческих идей зависит от психологической безопасности и происходит посредством безусловного принятия ценности каждого человека.

По мнению В. Н. Дружинина и Н.В. Хазратовой, креативность является свойством, которое актуализируется лишь тогда, когда это позволяет окружающая среда. Для ее формирования необходимы следующие условия: отсутствие образца регламентированного поведения; наличие позитивного образца творческого поведения; создание условий для подражания творческому поведению; социальное подкрепление творческого поведения.

И.Я. Лернер и М.Н. Скаткин обратили внимание на то, что для развития креативности исключительно важна возможность многовариантности решения задач, а не один заданный стереотип ответа или устоявшийся алгоритм решения.

Развитие творческих способностей тесно связано с содержанием процесса обучения. Согласно исследователям теории развивающего обучения (В.В. Давыдов, Г.П. Коваленко, С.В. Понасенкова, Ю.Б. Гатанов), существует несколько факторов, влияющих на создание атмосферы творчества и развития на занятиях: преподаватель выступает не как носитель некоторой готовой информации, а как человек, которой знает, как возникают знания; новая информация не предъявляется в готовом виде, а выводится путем коллективных рассуждений с опорой на имеющийся у обучающихся опыт; целью урока является не количество учебных задач, а создание ситуаций, в которых непрерывно работает интуиция и догадка; основная задача педагога состоит в организации совместного поиска решений поставленной цели, требующая от преподавателя умения выслушать

желающих, поставить себя на позицию отвечающего, понять логику его рассуждений, проанализировать варианты ответов учащихся и незаметно вести их к ответу.

Развитие креативности на уроках иностранного языка возможно при условии его организации в соответствии с вышеизложенными критериями:

1) создание ситуаций реального общения, в которых учащимся предоставляется возможность переноса полученных вариантов решения, приемов общения в условия новой коммуникативной ситуации;

2) совместный поиск решения коммуникативных задач, отсутствие образца регламентированного поведения, шаблонов и стереотипов;

3) демократический тип общения преподавателя со студентами.

Таким образом, развитие творческих способностей, согласно мнению исследователей, во многом зависит от организации процесса обучения, от выбора приемов и методов подачи учебного материала, от его содержания и от эмоционального климата в группе.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ КОГНИТИВНО-МАТРИЧНОГО АНАЛИЗА К ПЕРЕВОДУ

А.Н. Злобин

Мордовский госуниверситет им. Н.П. Огарева

The article gives reasons for the application of cognitive-matrix analysis to translation, identifying the conceptual areas underlying the formation of translation as a multidimensional knowledge and contributing to its cognitive formatting.

Как известно, одним из отличительных качеств перевода является его многоаспектность. Перевод, подчеркивает С.В. Тюленев, это такой вид коммуникации, который осуществляется с помощью двух языков или более, но этим он далеко не исчерпывается. Для его эффективного осуществления следует учитывать особенности общения, связанные с культурой взаимодействующих людей или народов. Кроме того, в процесс перевода вовлечены переводящий и переводимый, адресат перевода, разные люди, играющие разные роли и по-разному себя в них ведущие. Это выводит нас на различные проблемы психофизиологического, социологического и этического порядка. А раз такова специфика межъязыкового общения при посредстве перевода, то наука, изучающая его, должна все это учитывать. Иначе она упростила бы и сам объект, и предмет своего исследования. Вот почему переводоведение является научным направлением, находящимся в тесной связи с целым рядом смежных с ним научных дисциплин [Тюленев, 2004, с. 80].

Говоря о состоянии науки о переводе сегодня, первое, что отмечают исследователи перевода – это изменившийся статус перевода в современном мире и концептуальное изменение в понимании самого феномена перевода. Увидены новые горизонты в изучении этого многогранного, притягательного своей сложностью и загадочностью феномена. Началось новое осмысление и переосмысление перевода уже в современном его понимании. Вместе с тем

огромное множество и «пестрота» вопросов и концепций не может не тревожить тех переводоведов, которые ищут возможности создания некоей обобщающей теории перевода для сведения воедино различных представлений о переводе и создания основы для формирования по-настоящему новой продуктивной парадигмы [Баринова, Нестерова, 2009, с. 5-6].

Нам представляется, что многоаспектность знания о переводе позволяет говорить о его особом формате, который невозможно описать простым набором обязательных и факультативных элементов или характеристик, поскольку это знание матричного формата [Болдырев, Алпатов, 2008, с. 5]. При этом сам формат знания понимается нами вслед за Н.Н. Болдыревым как «определенная форма или способ представления знания на мыслительном или языковом уровнях» [Болдырев, 2008, с. 50-51]. Изучение перевода с когнитивных позиций, т.е. как взаимодействия в процессе межъязыковой коммуникации разнообразных видов знаний, накопленных человеком, а именно как многоаспектного знания, требует особого формата, которым, на наш взгляд, может служить когнитивная матрица. С помощью матрицы как системы взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей (аспектов) концептуализации объекта (в нашем случае перевода) представляется возможным «свести воедино знания о разных аспектах одного явления» [Куликов, 2008, с. 75] и тем самым представить перевод как знание матричного формата и определить характеристики, репрезентирующие его как «многоаспектное знание, объединяющее в себе множество различных контекстов возможного их осмысления» [Болдырев, 2008, с. 52].

Как видно из следующего определения Р.К. Миньяр-Белоручева, рассматривающего перевод как многосторонний и многоаспектный вид человеческой деятельности и считающего, что деятельность переводчика – это и действие, и операция, и понимание, и стандартные ситуации, и волевое поведение, и функционирование умственных механизмов, и национально-специфический вариант реализации проявления единой универсальной семантической системы, и закономерности передачи информации, и т.д. [Миньяр-Белоручев, 1996], проблема состоит в том, что знания подобного формата нельзя отнести к числу стереотипных знаний, ассоциированных с определенной языковой формой. Поэтому они и не могут быть выявлены и описаны с помощью традиционных методов (как, например, тех же многочисленных моделей или теорий перевода, описывающих как правило, лишь ту или иную грань изучаемого объекта [Галеева, 1997, с. 18]), т.к. когнитивные контексты, в рамках которых происходит осмысление перевода, весьма разноплановы и индивидуальны. Их можно представить только в виде компонентов единой матрицы, открывающих потенциальный доступ к тем или иным областям осмысления – концептуальным областям, а эти компоненты, в свою очередь, могут представлять собой многокомпонентные матрицы, причем содержание компонентов, входящих в состав матрицы, может значительно варьироваться в пределах от обыденного до экспертного знания [Болдырев, 2008, с. 6].

Для изучения перевода как знания матричного формата предлагается использовать специальный метод исследования – когнитивно-матричный анализ (КМА), направленный на выявление и описание концептуальных областей, лежащих в основе формирования перевода. КМА, подчеркивает Н.Н. Болдырев, входит в ряд исследовательских операций, ход которых определяется природой исследуемого явления и может рассматриваться как частный случай концептуального анализа [Болдырев, 2008, с. 6].

Прежде чем перейти к проведению КМА перевода, необходимо рассмотреть саму когнитивную матрицу, структура которой зависит от способа ее репрезентации. Различают два типа когнитивной матрицы – **общую** и **частную**. Когнитивная матрица общего характера, по словам Н.Н. Болдырева, представлена словами типа «культура», передающими, как уже указывалось, многоаспектное знание, которое наряду с аспектами природа, общество, человек, мышление и т.д. содержит и такой аспект как «деятельность человека», т.е. «специфическую человеческую форму отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование в интересах людей; условие существования общества. Деятельность включает в себя цель, средства, результат и сам процесс» [СЭС, 1980, с. 386].

Концептуальные структуры, включающие в свой состав когнитивные матрицы общего типа, наследуют матричный формат и становятся, таким образом, частными когнитивными матрицами, лежащими в основе единиц, когнитивным фоном которых является многоаспектное знание, предполагающее возможность их многоаспектного осмысления. Следует, однако, подчеркнуть, что частная когнитивная матрица имеет в отличие от общей, иной принцип построения – по типу «ядро – периферия». В нашем случае ядром матрицы, как единого формата знания, является культурный феномен – **деятельность человека**, а ее периферию образуют когнитивные контексты, как различные аспекты соответствующего знания, обращение к которым необходимо для понимания данного феномена. В соответствии с современным уровнем развития науки выделяют общественную, культурную, физическую, материальную и другие формы деятельности, которые могут быть представлены в структуре когнитивной матрицы в виде набора ее компонентов.

Рис. 1. Частная когнитивная матрица.

Заметим, что при этом речь идет лишь об основных формах деятельности, каждая из которых, в свою очередь, состоит из множества качественно различных видов деятельности. Количество компонентов частной когнитивной матрицы зависит от уровня обобщенности, взятого в качестве основы для представления данной области объективной действительности – деятельности, например, компоненты социально-преобразующей, экономической, религиозной, финансовой, учебной, научной, переводческой деятельности и т.д.

Описание компонентов данной когнитивной матрицы для нас целесообразно начать с перевода, относящегося, как известно, к культурной сфере деятельности человека (переводчика).

Таким образом, от ядра частной когнитивной матрицы (ЧКМ) концепта «деятельность» мы выходим на ее периферию, а именно на компонент культурная, в нашем случае **«переводческая деятельность»**, который, как уже говорилось выше, также может представлять собой многокомпонентную (частную) матрицу. Дальнейшее поэтапное проведение когнитивно-матричного анализа будет, на наш взгляд, способствовать выявлению концептуальных характеристик ядра и компонентов матрицы «переводческая деятельность / перевод» как областей осмысления этих характеристик и анализу их взаимосвязей, и, тем самым, когнитивному форматированию перевода как многоаспектного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барина, И.А., Нестерова Н.М. Перевод: «старые» и «новые» вопросы [Текст] / И.А. Барина, Н.М. Нестерова // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Мат-лы 2-й межд. науч. конф. «Проблемы теории, практики и дидактики перевода». 13-15 апр. 2009 г. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. – С.5-6.

2. Болдырев, Н.Н. Многоаспектность как особый формат знания и лингвистические методы его исследования [Текст] / Н.Н. Болдырев // Межд. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов; отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 52, 50-55.
3. Болдырев, Н.Н., Алпатов, В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов [Текст] / Н.Н. Болдырев, В.В. Алпатов // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2008. - № 4. – С. 5-14.
4. Галева, Н.Л. Основы деятельностной теории перевода [Текст] / Н.Л. Галева. – Тверь: ТГУ, 1997.
5. Куликов, В.Г. Когнитивно-матричный анализ диалектных единиц [Текст] / В.Г. Куликов // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. ; отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С.73-86.
6. Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода [Текст] / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Моск. лицей, 1996.
7. СЭС – Советский энциклопедический словарь [Текст] / – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1980.
8. Тюленев, С.В. Теория перевода [Текст] / С.В. Тюленев. – М.: Гардарики, 2004.

КРИТЕРИИ ОТБОРА ТЕКСТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ

С.А. Королькова

Волгоградский государственный университет

The article is devoted to corpus selection criteria in the framework of text typology model of translation training.

Переводческая деятельность – это билингвальная текстовая деятельность, следовательно формирование умений и навыков письменного перевода должно осуществляться на связанных текстах, а не в «малом контексте» (фрагментах текстов) как указывается в ряде работ, затрагивающих методические аспекты перевода (Л.С. Бархударов, Л.К. Латышев, В.Н. Комиссаров, Т.А. Казакова и др.). Основным объектом, на котором осуществляется выработка переводческой компетенции, должен быть текст как элемент реального общения, что позволит, моделируя определенные коммуникативные ситуации, обучать студентов стратегиям интерпретации и порождения текстов. Поэтому ведущей задачей является выработка критериев отбора текстов для обучения письменному переводу.

Ни у кого уже не вызывает сомнения тот факт, что обучение переводу должно строиться на аутентичных текстах (продуктах текстовой деятельности инофонного лингвосоциума). Только перевод аутентичных текстов выявляет лингвокультурную специфику сообщества и позволяет лучше понимать социально значимые действия, менталитет и национальный характер представителей инофонной культуры. Обучение письменному переводу как специальности должно строиться на аутентичных текстах, которые запечатлевают национально специфичное мышление

представителей лингвосоциума изучаемого языка. При этом мы должны помнить, что речь идет лишь об условном преодолении культурологической дистанции между коммуникантами. Какие бы типичные с точки зрения своей употребительности в коммуникативных ситуациях тексты мы не отбирали, они не могут в абсолютной мере компенсировать отсутствие социума и культуры, в которых происходит формирование тезауруса инокультурного коммуниканта.

Ведущим критерием отбора текстов для обучения письменному переводу является *текстотипологическая релевантность текстов*, т.е. отбор текстов, с одной стороны, репрезентирующих конвенционально принятое знание мира инофонного лингвокультурного сообщества, а с другой стороны, позволяющих формировать у обучающегося необходимые профессиональные умения, т.е. переводческую компетенцию в полном объеме этого понятия.

Отличительной чертой перевода (текстовой деятельности) является его вторичный характер, т.е. переводчик порождает текст на ПЯ после интерпретации текста, созданного на ИЯ. Поэтому фаза интерпретации текста на ИЯ, т.е. отнесение его к определенному типу текста, расшифровка его коммуникативно-функциональных доминант и их вербальной экспликации, является основополагающей для создания коммуникативно адекватного текста перевода на ПЯ. С другой стороны, текст на ПЯ, созданный переводчиком, должен соответствовать нормам (конвенциям) принимающего языка и культуры, быть адекватным коммуникативной ситуации, т.е. быть типологически адекватным ИТ. Таким образом, текстотипологическая компетенция переводчика является одним из ключевых компонентов переводческой компетенции и должна систематически развиваться благодаря усвоению теоретических знаний и совершенствованию практических навыков и умений.

Правильный отбор репрезентативных текстов позволит научить студентов действовать в различных релевантных для их специальности ситуациях коммуникации, поскольку тексты (факт текстовой деятельности) есть производное от социальных сфер общения (Н.М. Кожина, И.И. Халеева). Сферы общения как социокоммуникативные образования являются исходным фактором, определяющим формирование сфер использования языка, т.е. сфера общения – это ориентирующая категория, для нашей модели важно определить смыслораскрывающую категорию. Такой категорией мы считаем *«коммуникативную ситуацию»*, которая позволяет адресату отнести тот или иной текст к определенному типу и жанру на основании сложившихся представлений о «нормах и правилах общения, об условиях уместности, о типах коммуникативного поведения» [Карасик, 2002, с. 290].

Языковая личность реализуется через речевые действия, имеющие мотивы, цели, стратегии и способы их реализации, в некотором количестве коммуникативных ситуаций. Исходя из понятия «коммуникативная ситуация» как основного классифицирующего принципа, типологизирующего неограниченное число текстов – динамических

коммуникативных единиц, являющихся носителями знаний о мире, представляется возможным с лингводидактической точки зрения определить корпус текстов, с помощью которых будут формироваться переводческая компетенция, а именно текстотипологический, операциональный, социокультурный компоненты.

Если иметь в виду, что национально-культурная значимость текста проявляется на уровне совокупности системы средств именованного языка, то правильно сформированный корпус текстов позволит отобрать *языковой материал*, который будет способствовать формированию полноценной переводческой компетенции. Под языковым материалом, вслед за Б.А.Лапидусом, мы понимаем не только «материальные единицы ...», но и закономерности соединения материальных единиц в высказываниях; закономерности построения высказываний, так называемые интегрирующие единицы» [Лапидус, 1986, с. 126].

Поскольку система языка включает в себя ограниченное число элементов, то и мир вещей, процессов, явлений, состояний оказывается по своему сегментированным в каждом языке. Поэтому отбор языкового материала должен базироваться на *теории лакун* (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина), согласно которой вербальное и невербальное поведение одной лингвокультурной общности по отношению к другой всегда носит лакунарный характер. Актуализированная в текстах картина мира иной лингвокультурной общности проявляется в насыщенности текста лакунами разной степени осмысленности со стороны обучаемых.

Следующим параметром формирования корпуса текстов является *частотность* встречаемости данного типа и жанра текста в профессиональной деятельности будущего переводчика. Исходя из собственного опыта переводческой деятельности и обобщенного опыта, отраженного в переводоведческих трудах (В.Г. Гак, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, И.С. Алексеева и др.), были определены сферы текстовой деятельности, наиболее релевантные для формирования текстотипологической компетенции будущего переводчика. Это текстовая деятельность в рамках институционального дискурса, поскольку профессиональная сфера письменного перевода связана со статусно-ориентированным общением. Таким образом, корпус текстов должен включать типы и жанры, являющиеся релевантными для будущей профессиональной деятельности, что позволит сформировать переводческую компетенцию будущих переводчиков как на уровне реципиента, так и продуцента инокультурной текстовой деятельности.

Последним параметром является объективная возможность передачи имеющихся в тексте функционально-коммуникативных компонентов, иными словами, *степень его переводимости/ непереводимости*. Если мы рассматриваем перевод как «перекодирование» того, что было уже выражено на каком-либо языке, то значит непереводаемых оригиналов нет, так как то, что можно выразить на одном языке, можно перевыразить на другом. Вопрос не в том – можем ли мы перевести исходный текст, а в том – что из текста мы

можем сохранить в переводном тексте. С точки зрения лингводидактики мы можем классифицировать тексты, подлежащие переводу, по степени переводимости, т.е. объективной возможности передать в них функционально-коммуникативных компоненты:

1) тексты, где отсутствуют компоненты «непереводимости» и нет конфликта формы и содержания – первая степень переводимости;

2) тексты, где компоненты «непереводимости» присутствуют, но существует объективная возможность их передачи в ПТ при увеличении объема текста или содержащейся в тексте когнитивной информации – вторая степень переводимости;

3) тексты, где потери при передаче функционально-коммуникативных компонентов неизбежны из-за наличия компонентов «непереводимости»: пресуппозиций семантического, прагматического и социокультурного характера или конфликта формы и содержания – третья степень переводимости.

При отборе корпуса текстов принцип тематичности текстов, с нашей точки зрения, должен учитываться в последнюю очередь, поскольку тема текстов влияет на стратегию перевода в минимальной степени. Однако тематика учебного материала должна быть ориентирована на развитие лингвистической компетенций переводчика, его предметного кругозора и отражать наиболее значимые темы современности, поэтому с этой точки зрения корпус текстов должен включать в себя тематически разнообразные тексты.

Таким образом, корпус текстов должен включать типы и жанры, являющиеся релевантными для будущей профессиональной деятельности, что позволит сформировать переводческую компетенцию будущих переводчиков как на уровне реципиента, так и продуцента инокультурной текстовой деятельности.

Именно эти критерии отбора текстов лежат в основе текстотипологической модели обучения письменному переводу, являющийся методологической основой пособий по письменному переводу в трех языковых версиях авторского коллектива кафедры теории и практики перевода Волгоградского государственного университета [Королькова, Булкина, 2007]. Теоретическую основу триады пособий составляет занимающая промежуточное положение между парадигмами лингвистического и коммуникативно-прагматического подходов текстотипологическая концепция перевода. Создание пособий состоялось, во-первых, в связи со стремлением авторов обобщить собственный опыт переводческой деятельности и преподавания перевода, во-вторых, на основе признания высокой эвристичности текстотипологической концепции в методической системе И.С.Алексеевой и, в-третьих, из-за неудовлетворенности эффективностью существующих моделей обучения. Высокая профессиональная оценка пособий – гриф УМО по лингвистике Министерства образования РФ, поддержка и доброжелательные отзывы И. С.

Алексеевой, широкое использование в обучении переводу во многих вузах страны – подтвердили правильность выбранного направления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, И.С. Введение в Переводоведение: Филологический факультет [Текст] / И.С. Алексеева. – М.: Издательский центр «Академия» СПбГУ, 2004.
2. Гак, В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода: Французский язык [Текст] / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев. – М.: «Интердиалект+», 2003.
3. Казакова, Т.А. Практические основы перевода: Учебное пособие [Текст] / Т.А. Казакова. – СПб.: Издательство «Союз», 2002.
4. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002.
5. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка [Текст] / М.Н. Кожина – М.: Русский язык, 1983.
6. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. Учеб. пособие [Текст] / В.Н. Комиссаров – М.: ЭТС, 2004.
7. Лapidус, Б.А. Проблемы содержания обучения языку в языковом вузе [Текст] / Б.А. Лapidус. – М.: Высшая школа, 1986.
8. Латышев, Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учеб. пособие [Текст] / Л.К. Латышев. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.
9. Сорокин, Ю.А., Марковина, И.Ю. Текст и его национально-культурная специфика [Текст] / Ю.А.Сорокин, И.Ю. Марковина // Текст и перевод. – М.: Наука, 1988.
10. Халеева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) [Текст] / И.И. Халеева – М.: Высш. шк., 1989.
11. Королькова, С.А., Булкина, Е.В. Traduction: письменный перевод (французский язык): учеб пособие. 3-е изд., испр. и доп. [Текст] / С.А., Королькова Е.В., Булкина. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. Ун-та, 2007.
12. Усачева, А.Н., Хайрова, С.Р., Серопегина, Т.В. Translation: письменный перевод (английский язык): учеб пособие. 3-е изд., испр. и доп. [Текст] / А.Н. Усачева, С.Р. Хайрова, Т.В. Серопегина. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. Ун-та, 2007.
13. Ковалевский, Р.Л., Новикова, Э.Ю., Махортова, Т.Ю. Translation: письменный перевод (немецкий язык): учеб пособие. 3-е изд., испр. и доп. [Текст] / Р.Л. Ковалевский, Э.Ю. Новикова, Т.Ю. Махортова. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2007.

О ВЫБОРЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ВАРИАНТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Н.В. Кривоносова
Академия ФСИН России

The article is devoted to studying stratification of terminological variants of different structural types and modes of formation in the organization of texts in the principal genres of Spanish juridical literature.

Выбор терминологического варианта при переводе юридической литературы и, в частности, текстов по уголовному праву непосредственно связан с нормативностью реализации синонимических средств языка в правовой сфере его употребления. Рассмотрение этих норм предполагает анализ специфики внутрисистемных вариантных отношений, в которые вступают юридические термины в текстах различных жанров уголовно-правовой литературы.

Наблюдение над правовой лексикой в текстах законов, подзаконных актов (декреты, инструкции и т.д.) и специальной юридической литературы (монографии, учебники и т.п.) испаноязычных стран позволило установить следующие, наиболее распространенные пути образования терминологической синонимии в субъязыке правовой сферы общения:

1. Терминологическая вариантность, представляющая собой естественное продолжение латинской терминологической синонимии, например: *culpa, imprudentia – culpa, imprudencia*.

2. Вариантность лексических наименований, являющаяся отражением синонимии общелитературного языка: *prófugo – fugitivo, evasión – fuga*.

3. Синонимия как результат использования в терминообразовании вариантных словообразовательных морфолого-синтаксических средств (*medida educativa – medida de educación, delictivo – delictuoso*) или синонимичных терминоэлементов сочетания: *juicio oral – juicio verbal*.

4. К одному из источников образования синонимии следует отнести сосуществование в юридическом субъязыке полного и неполного (усеченного) варианта терминологической единицы (*causa atenuante de la responsabilidad penal – causa atenuante de la responsabilidad – causa atenuante – la atenuante*).

5. Развитию вариантных отношений способствует одновременное наличие полного описательного термина и его аббревиатурного эквивалента: *Código de Defensa Social – CDS, Ministerio del Interior – MinInt*.

6. Одним из основных источников терминологической синонимии часто считается заимствование, при этом подчеркивается роль классических языков в образовании вариантных терминов. Принимая во внимание принадлежность испанского языка к семье романских языков, о латинских заимствованиях возможно говорить только в связи с культизмами. Однако, хотя значительный слой юридической лексики составляют латинские культизмы, в анализируемой лексике они обычно не имеют параллельных однокоренных или разнокоренных терминов, представленных народными словами. Но утверждать, что такого рода синонимы вообще не существуют, было бы неправомерно: *sumisión – sometimiento, agresión – acometimiento*. Примеры, подобные *actuación – diligencia, apatrida – apólide*, в которых оба члена коррелятивной пары – культизмы латинского или греческого происхождения, немногочисленны.

Рассмотрение проблемы участия заимствований из западноевропейских языков во внутрисистемных синонимических отношениях в сфере юридической лексики требует дифференцированного подхода, что непосредственно обусловлено различием качественных характеристик словарного состава названных жанров правовой литературы. Так, в вариантные отношения в субъязыке законодательной литературы вступает лишь незначительное количество заимствованных терминов: *complot* (фр.) – *concierto* (исп.), *bandidaje* (фр.) – *banditismo* (исп.).

Реализация синонимических отношений за счет заимствованных терминов характерна лишь для субъязыка специальной юридической литературы, где они с целью сохранения «духа и облика» терминологии других юридических систем употребляются для номинации понятий зарубежных правовых школ, систем, направлений, концепций, доктрин и теорий. Именно эта группа лексических единиц образует основную массу заимствований, имеющих свои параллели в испанской юридической лексике: *delito calificado por el resultado* (немецкая школа) – *delito preterintencional* (испанская школа).

Особая разновидность лексической вариантности, типичная для многих юридических систем, – это наличие собственного термина и его латинского прототипа, например: *analogia legis* – *analogía legal*; *dolus eventualis* – *dolo eventual*. Такие латинские заимствования, представляя собой в системе испанского языка неассимилированную лексику, функционируют только в текстах специальной юридической литературы, где они вступают во внутрисистемные синонимические отношения с собственно испанскими терминами. В то же время в текстах уголовных кодексов испаноязычных стран отмечается реализация лишь двух вариантных пар: *modus operandi* – *modo de obrar, in flagranti* – *en flagrante*.

7. Определенная группа терминов-синонимов может быть квалифицирована как результат территориальной разобщенности испаноязычных коллективов, например: *medidas de compulsión* (Пенитенциарный кодекс Перу) – *medidas de coerción* (большинство правовых систем испаноязычных стран).

8. В исследуемых текстах есть и термины-архаизмы, как например, *diviedo* (*prohibición*); юридическая лексика подвержена воздействию и других терминологических и нетерминологических систем, что, в частности, подтверждается включением технического термина *orden* или слова *tipo* в качестве терминоэлементов в уже существующие терминосочитания, где они логически избыточны: *delito común* – *delito del orden común*, *delito económico* – *delito tipo económico*. Но и термины-нововведения, отдающие дань моде, и архаизмы функционируют только в субъязыке специальной юридической литературы, не затрагивая внутрисистемных отношений в лексике законодательного субъязыка, членами терминологической системы которого они не являются.

Таковы в общих чертах основные пути образования терминологической вариантности в системе лексики юриспруденции, отражающие специфику

сфер возможной реализации синонимического потенциала, присущего определенной части единиц юридической терминологии.

Поскольку лексические единицы, вовлекаемые в синонимические отношения, весьма разнообразны по своей структуре, в анализируемых текстах можно выделить следующие типы вариантных отношений:

1. Однокомпонентный термин – однокомпонентный термин: *sanción – pena, voluntad – intención – malicia*.

2. Однокомпонентный термин – описательный термин, например: *conato – tentativa inacabada, Constitución – Ley Fundamental*.

3. Описательный термин (в форме составного термина или бинарного словосочетания) – описательный термин: *ley procesal – ley adjetiva, delito de simple omisión – propio delito de omisión*.

4. Описательный полный термин или неполный вариант описательного термина – его эллиптический вариант, усеченный до однословного термина (*autor directo del delito – autor del delito – autor*).

5. Описательный термин – его аббревиатурный эквивалент в форме сложносокращенного слова или акронима (*Ministerio de Justicia – MinJus, Decreto Presidencial – DP*).

Исследование коррелятов вариантных рядов и бинарных оппозиций последних двух типов в текстах законов, подзаконных актов и специальной юридической литературы выявило существенные различия в стратификации терминологических вариантов и их неоднозначность в организации текстов данных жанров правовой литературы. Так, полифункциональность, причем активно реализуемая во всех видах текстов, была зарегистрирована только у описательных терминов. Они являются количественно и функционально доминирующим типом терминоединиц в текстах законов. Их однословные субституты и аббревиатурные корреляты немногочисленны. Превалирующее положение нормативной реализации варианта описательной лексической единицы предопределяется официально-деловой сферой употребления субъязыка законов и необходимостью адекватной интерпретации законов всеми гражданами государства.

Тексты подзаконных актов, являющиеся внутриведомственными документами, выдвигают менее строгие требования к отбору терминологического варианта, что подтверждается увеличением числа и частоты реализации усеченных (неполных или однословных) терминов, производных от описательных. Однако и в этих текстах однокомпонентные терминоединицы количественно уступают исходным полным или неполным описательным терминам. Указанное соотношение находит свое объяснение в непосредственном влиянии законов (документы этой категории создаются на основе закона и во исполнение его) и в принадлежности субъязыка подзаконных актов к официально-деловой сфере коммуникации.

Монопольное употребление описательного термина в заголовках исследуемых текстов различных жанров юридической литературы является следствием необходимости четкого, исключаящего двоякое толкование понимания термина.

Параллельное использование всех вариантов одной терминологической единицы широко реализуется в текстах специальной юридической литературы. Именно здесь нормы субъязыка, не ограничиваемые необходимостью придерживаться буквы закона, оставляют за автором, ориентирующимся на профессионального читателя, право выбора любого из вариантов, которыми располагает данная терминосистема. Однако в вопросах, касающихся закона, предпочтение отдается законодательному варианту.

Принимая во внимание общность тематики анализируемых субъязыков, считаем возможным предположить, что нормативная реализация терминологических вариантов в конкретных подсистемах непосредственно связана с набором языковых средств терминологической системы, будучи одновременно обусловленной такими экстралингвистическими характеристиками, как специфика данной сферы общения, регулирующая нормативный выбор терминологического варианта или допускающая параллельное использование вариантных терминов в субъязыке ее репрезентации.

Таким образом, выбор терминологического варианта при переводе юридического текста обусловлен, прежде всего, сферой его реализации – жанром переводимого текста, определяющим его цели, задачи, содержание и круг лиц, для которых он предназначен.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ КУРСЫ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОЦЕССА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

И.Ю. Макурина

Челябинский юридический институт МВД России

In the article “Professionally-Oriented Courses as a Motivating Factor in the Foreign Language Learning” the basic principles and the certain ways of developing translation skills on the basis of professionally-oriented texts are discussed. The author focuses on determining the needs, language requirements, and content areas of a particular occupation for modeling a course.

Развитие образования на современном этапе, пути повышения его гуманитарной направленности, использование новейших технологий невозможны без учета всех реалий современности. Изменения, произошедшие за последние годы в обществе, в сфере международного общения, развитие информационных технологий подчеркивают необходимость изучения иностранных языков и совершенствования в этой связи процесса иноязычного образования. Владение иностранным языком, как средством общения, в различных сферах повседневной жизни и, особенно, в профессиональной деятельности становится для выпускников неязыковых вузов в целом и высшей юридической школы в частности исключительно значимым.

Иноязычное образование в неязыковых вузах, в том числе и высшей юридической школе, носит специфический характер, способствуя личному и

профессиональному становлению будущих специалистов. Поэтому процесс иноязычного образования будущих юристов должен строиться таким образом, чтобы дать студентам не только умения и навыки практического владения иностранным языком, но также способствовать специальной подготовке, целенаправленно формировать отдельные умения и навыки профессиональной деятельности и культуры делового и повседневного общения, личностные качества. При этом перевод текстов профессиональной направленности может стать средством становления будущего специалиста, если студенты научатся понимать литературу по специальности, правильно использовать справочную и страноведческую литературу, а также рационально применять разнообразные методы и приемы полноценного перевода.

Известно, что большинство студентов понимают текст только с помощью его перевода на родной язык. Поскольку перевод является не только результатом, но и одним из средств овладения иностранным языком, то развитие навыков и умений перевода текстов по специальности у будущих специалистов должно занимать значительное место. При этом текст следует рассматривать в следующих обучающих функциях: как иллюстрацию функционирования языковых единиц; как образец речи определенной структуры, формы и жанра; как образец реализации речевых намерений автора; как модель порождения речевого высказывания, сообщения или речевого общения (текст-диалог); как структуру управления смысловым восприятием; как структуру управления учебными действиями обучающихся в обучении аспектам языка (фонетике, лексике, грамматике, интонации) и видам речевой деятельности (всем видам чтения, говорению, аудированию, письму).

Текст, как система речевого продукта носителей изучаемого иностранного языка, представляет собой особую ценность в качестве систематизированного образца функционирования языка в рамках темы, контекста, ситуации, сферы и жанра общения, ориентации на определенного адресата, с отражением определенного социального деятельностного фона, выражением социальной, профессиональной, личностной позиции. Таким образом, текст является тем центром, вокруг которого строится вся система обучения.

Для правильности перевода текста студенты должны ознакомиться с характерными особенностями научного изложения, с техникой перевода, с основными видами текстов (общенаучный юридический текст, специальный научный текст), которые функционируют в образовательном процессе обучения иностранному языку в высшей юридической школе, а также встречаются в научной и профессиональной деятельности юриста.

Особое внимание следует обращать на адекватность оформления мысли в соответствии с нормами родного языка. В данном случае возрастает роль иностранного языка как учебного предмета в обучении будущих специалистов стилю научного изложения: они овладевают терминологией, определенными штампами не только на иностранном, но и на родном языке.

Более того, в процессе перевода переплетаются творческое умение находить нестандартные решения и «автоматическое» использование готовых переводческих соответствий. Одновременно будущие специалисты учатся грамотному и логичному изложению своих мыслей, что позволяет им отвлечься от конкретного непосредственного данного и перейти на более высокий уровень мыслительной деятельности. Данные качества, на наш взгляд, необходимы будущему юристу в его профессиональной деятельности.

Однако в неязыковом вузе при ограниченном количестве часов, отведенных программой на дисциплину «Иностранный язык», не представляется возможным подробно знакомить студентов с теоретическими вопросами техники перевода. Этим, на наш взгляд, обуславливается актуальность и своевременность предлагаемого курса «Обучение основам перевода текстов по специальности студентов неязыковых вузов», основными целями которого являются: ознакомление с основными понятиями в теории и практике общего перевода, развитие навыков письменного перевода по специальности, расширение словарного запаса по общеупотребительной и юридической тематике. Основной акцент в данном курсе сделан на работу с юридическим текстом – одним из основных источников профессиональной информации будущих специалистов в области права.

Программа спецкурса рассчитана на 24 часа: лекции - 6 часов, практические занятия – 16 часов, зачётное занятие – 2 часа. Спецкурс следует вести после прохождения базового курса иностранного языка и изучения основных предметов юридического цикла. Содержание предлагаемого спецкурса строится на изучении таких тем, как: общие принципы перевода, особенности юридического текста, перевод юридических терминов, переводческие трансформации, полисемия, интернациональные слова, сокращения, перевод собственных имен и др.

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ ПАТЕНТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Е.Д. Малёнова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Methodology of Technical Translation training aimed at non-technical students is widely discussed nowadays. The main object of the present study is patent documentation translation teaching at linguistic faculties.

В настоящее время требования, предъявляемые к переводчику, растут с каждым днем. Современного работодателя не устраивают специалисты, обладающие исключительно языковыми компетенциями, так как развитие международных связей и поток новой информации, поступающей на иностранных языках, обуславливает наличие у студентов определенных практических умений и навыков перевода. К ним можно отнести и навыки перевода патентной документации.

Перевод патентной документации может осуществляться в двух случаях – это перевод патентной заявки и сопроводительной документации, целью которого является получения патента на изобретение, и перевод уже выданного патента, в данном случае патент является документом «носителем научно-технической информации, предназначенной для передачи во времени и пространстве и совпадает по функции с такими жанрами как статья, доклад и т.п.» [Баянкина Е.Г., URL]. Не возникает никаких сомнений в том, что в первом случае перевод должен осуществляться специалистом-переводчиком, обладающим исчерпывающими знаниями в той области техники, к которой относится патентуемое изобретение. На этапе обучения переводу патентной документации студентов-переводчиков, обучающихся на лингвистических факультетах, основное внимание должно обращаться на функцию патента как источника технической информации.

Проблема, с которой сталкиваются выпускники факультетов иностранных языков, обучавшиеся по специальности «Лингвист-переводчик», и пытающиеся заниматься техническим переводом, состоит не только в отсутствии специальных знаний, которые можно получить лишь в техническом ВУЗе. Начинаящие переводчики порой не знают, с какой стороны «подступить» к незнакомому документу, не чувствуют стилистики инженерно-технической документации, не владеют навыками перевода определенных клише, из которых состоит каркас технического текста, в нашем случае патента. Цель обучения техническому переводу студентов нетехнических специальностей видится в формировании четкого представления об архитектонике подробного описания изобретения, овладение студентами модусом формулирования такого типа текстов, умения выдержать стиль документа и правильно использовать лексические средства.

Обучение переводу патентной документации на факультете иностранных языков Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского осуществляется в рамках аспекта «Научно-технический перевод» и проводится в несколько этапов:

1. Знакомство с предметом изучения – вводные лекции, на которых студенты знакомятся с историей патентования, правилами подачи заявки и процедурой выдачи патента, получают общее представление о структуре патентного законодательства России и страны изучаемого языка, узнают об организациях, занимающихся вопросами охраны интеллектуальной собственности.

2. Непосредственно лингвистический аспект обучения – подробно разбирается структура описания изобретения, затем рассматриваются различные разделы патентного документа: библиографическое описание, предпосылки к созданию изобретения, область техники, резюме изобретения и т.д. В процессе обучения студенты занимаются сопоставительным анализом параллельных текстов, выполняют перевод отрывков из соответствующих разделов описаний изобретений, что способствует развитию навыков перевода клише и специфических выражений (вводных фраз, расширительных абзацев и т.п.).

3. Перевод патентного документа – выполнение полного письменного перевода описания изобретения. Рекомендуется подбирать описание изобретения, относящегося к широкой области техники, чтобы основное внимание студентов было направлено не на трудности, возникающие в связи с незнанием специальной терминологии, а на модус формулирования текста описания изобретения. Перевод разделов можно осуществлять как в порядке их следования, так и в произвольном порядке – начиная с наиболее общих и простых для понимания, например, «Описание (обзор) известного уровня техники», «Критика прототипа»; затем постепенно переходя к более узким разделам, помогающим понять суть конкретного изобретения, например, «Краткое описание чертежа(ей)», «Подробное описание изобретения»; и только потом переходить к разделам, имеющим юридическую силу – «Библиографическое описание», «Резюме» и «Формула изобретения».

На всех этапах работа с патентной документацией проводится в тесном контакте с преподавателем. Каждый из студентов зачитывает свой вариант перевода, который затем обсуждается в группе, вырабатывается единая терминология, которая впоследствии может использоваться для самостоятельного перевода одного из разделов, например «Формула изобретения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Баянкина, Е.Г. Патент как особый вид документа и задачи перевода [Электронный ресурс] / Е.Г. Баянкина // URL: <http://syntagma.h1.ru/nau/article4.htm>

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ИМЕН НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК (на материале романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита»)

Ян Минбо

Сибирский федеральный университет

While common family and individual names are translated using the phonetic method of translation, in a translated Chinese text nicknames and pseudonyms are mainly conveyed by the semantic method.

«Нет ни одного гадкого слова, которое не было бы дано человеку в качестве фамилии. Счастлив человек, получивший по наследству фамилию Баранов. Не обременены никакими тяготами и граждане с фамилиями Баранович и Барановский. Намного хуже чувствует себя Баранский. Уже в этой фамилии слышится какая-то насмешка. В школе Баранскому живется труднее, чем высокому и сильному Баранову, футболисту Барановскому и чистенькому коллекционеру марок Барановичу. И совсем скверно живется на свете гр. Барану, Баранчику и Барашеку.»– это слова из фантастической повести И. Ильфа и Е. Петрова «Светлая личность» [Ильф, Петров, 1961, с. 338]. О важности имени для человека писал известный немецкий поэт и философ В. Гёте: «Имя человека не плащ, болтающийся у него на плечах, который можно прилаживать и одергивать, но плотно, точно кожа,

облегающее платье; его нельзя скоблить и резать, не поранив самого человека. » [Гёте, 1976, с. 220].

В современном контексте глобализации экономики и политики международная и межкультурная коммуникация является крайне актуальной. В рамках межкультурной коммуникации важное место принадлежит способам называния человека, правильной передаче имен собственных средствами других языков. Перевод фамилий и личных имен является одной из самых важных проблем в процессе межкультурной коммуникации. Данная работа посвящена трудностям перевода русских имен на китайский язык. Материалом исследования стали китайские переводы фамилий и личных имен персонажей романа «Мастер и Маргарита», выполненные различными переводчиками.

Фамилии как наследственное имя семьи у русских существуют несколько веков. Число русских современных фамилий насчитывает более 8300 [Ганжина, 2001, с. 670]. Русских личных имен на данный момент существуют около 3000, как старых, так и новейших [Петровский, 2005, с. 475]. Для перевода русских фамилий, имен и отчеств на китайский язык самым распространенным является фонетический способ. Данный способ употребляется как при переводе имен, так и названий мест. Например:

1. Михаил-米哈伊尔 (mi ha yi er)
2. «Анна Каренина»-«安娜·卡列尼娜 na·ka lie ni na)
3. Александр Твардовский-亚历山大特瓦尔多夫斯基 li shan da·te wa er duo fu si ji)
4. Александр Александрович Фадеев-亚历山大亚历山大洛维奇法捷耶夫
(ya li shan da·li shan da luo wei qi·fa jie ye fu)
5. Иван Иванович Иванов-伊万·伊万诺维奇伊万诺夫 (y wan·yi wan nuo wei qi·yi wan nuo fu)
6. Нина Ивановна Иванова-尼娜·伊万诺夫娜伊万诺娃 (ni na·yi wan nuo fu na·yi wan nuo wa)
7. Владимир Владимирович Путин-弗拉基米尔·弗拉基米洛维奇·普京 (fu la ji mi er·fu la ji mi luo wei qi·pu jing)

В примерах №1 и №2 звучание каждого слова полностью отражено в переводе. Однако в примерах №3 и №4 произношение слова «Александр» уже в какой-то мере передано неточно.

Как один из самых богатейших языков мира, китайский язык способен отражать мельчайшие нюансы семантики и обладает возможностями отражать в иероглифах не только фонетику фамилий и имён, но и сообщать через орфографические показатели (ключи иероглифов) дополнительную информацию о человеке: пол, характер и т.п. Например, в составе иероглифа 女 (na) – ключ женщина 女 nǚ играет очень важную роль, потому

что он символизирует женское имя и подчеркивает женский пол человека по имени Анна.

В передаче фамилии *Иванов* на китайский язык мы можем использовать слово 诺夫 (nuo fu), иероглиф означает «обещание», а обозначает «муж, мужчина». Достаточно часто переводчики вместо слова 诺夫 используют иероглифы 诺夫, и в переводе может оказаться лексическая единица со значением «соплек». Суффиксальные морфемы русских фамилий, имен и отчеств в переводе на китайский язык выглядят следующим образом: -кая 卡娅, -нова 诺娃, -нович 诺维, -ров 罗夫 и т.п.

В китайских переводах романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Булгаков, 1989, с. 557] представлены различные варианты перевода фамилий и имен. Наш материал представлен двумя переводами данного романа на китайский язык. Первый перевод был сделан переводчиком Цянь Чэн в 1987 году [钱诚, 1987]. Второй перевод (переводчик Гао Хуэйцзюнь) является самым новым и был опубликован в 2007 году [高惠群, 2007]. Сравним имена собственные в русском оригинале и в китайских переводах.

Сопоставительный анализ переводов фамилий и имен из романа «Мастер и Маргарита» на китайский язык

Оригинал романа	Перевод А (Цянь Чэн)	Перевод Б (Гао Хуэйцзюнь)	Фонетическое соответствие переводов	Смысловое соответствие не переводов	Наиболее удачный перевод
Михаил Александрович Берлиоз	柏辽兹·米哈伊尔·亚历山大罗维奇	米哈伊尔·亚历山德罗维奇·别尔利奥兹	Б лучше А	—	Б
Маргарита	玛格丽特	玛加丽塔	Б лучше А	—	А
Иисус	耶稣	耶稣	А равен Б	—	А и Б

Понтий Пилат	本丢·彼拉多	本丢·彼拉多	А и Б	–	А и Б
Волад	沃兰德	沃兰德	А и Б	–	А и Б
Степа Лиходеев	斯乔帕·利霍 捷耶夫	斯乔帕·利霍 杰耶夫	А и Б	–	А и Б
Мастер	大师	大师	–	А и Б	А и Б
Бегемот	河马	黑猫	–	А и Б	А
Бездомный	无家汉	流浪汉	–	Б	Б

Пустая ячейка таблицы показывает, что звучание или значение не было передано. Анализ показал, что хотя варианты были сделаны в разное время (разница во времени составляет 20 лет), фонетика только некоторых имен собственных полностью сохранена при переводе. К таким случаям можно отнести имена Иисус и Понтий Пилат. Причиной полной передачи фонетического звучания имен может быть то, что оба имени по происхождению являются церковными. И данные библейские имена уже давно были переведены на многие языки мира. Многовековое использование библейских имен значительно облегчает перевод такого рода единиц в структуре художественного произведения. При переводе обычных русских фамилий и личных имен на китайский язык мы обычно соблюдаем принцип фонетического способа, но сходная фонетическая структура имен у различных переводчиков передается различными иероглифами. Переводчики по-разному имитируют звучание оригинального русского имени. При послоговой передаче фамилии или имени лучшим способом оказывается перевод каждого слога в отдельности (Михаил Александрович Берлиоз, Маргарита, Степа Лиходеев, Волад). Некоторые имена собственные романа переведены не фонетическим способом, а смысловым: *Бездомный* - 无家汉

(буквально: человек без дома), 流浪汉 (буквально: бродяга, Мастер - 大师 (буквально: мастер).

Анализ двух китайских вариантов перевода имен собственных, используемых в романе «Мастер и Маргарита» позволяет сделать выводы, что обычные фамилии и личные имена могут быть переданы при переводе фонетическим способом, а прозвища и псевдонимы, относящиеся к «говорящим» именам преимущественно передаются в переводном китайском тексте смысловым способом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита [Текст] / М.А. Булгаков. – М.: Высшая школа, 1989. – 557с.
2. Ганжина, И.М. Словарь современных русских фамилий [Текст] /

И.М. Ганжина. – М.: Астрель, 2001. – 670с.

3. Гёте, И.В. Поэзия и правда: автобиография [Текст] / И.В. Гёте. – М.: Просвещение, 1976. – 220с.

4. Ильф, И.А., Петров, Е.П. Светлая личность: собр. соч. [Текст] / И.А. Ильф, Е.П. Петров. – М.: Просвещение, 1961. – 338с.

5. Петровский, Н.А. Словарь русских личных имен [Текст] / Н.А. Петровский. – М.: Астрель. Русские словари, 2005. – 475с.

6. 高惠群, 上海译文出版社,《大师和玛加丽塔》, 2007。 – 388页.

7. 钱诚, 外国文学出版社, 译林出版社,《大师和玛格丽特》, 1987。 – 408页.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДИМОСТИ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Д.А. Миронова

Челябинский государственный университет

The article is focused on the problem of cultural translatability of transformed precedent statements. The degree of translatability depends on the proximity of the cognitive bases of a source and a target language.

Прецедентность определяется Ю.Н. Карауловым как известность, хрестоматийность, востребованность текста как отдельной языковой личностью, так и языковыми группами [Караулов, 1987, с. 216]. Прецедентные высказывания (ПВ) представляют собой «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченную и самодостаточную единицу, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева, 1997, с. 83].

В отличие от вариативности ПВ, имеющей узуальный характер, их трансформации являются окказиональным образованием, создаваемым с конкретной целью. Авторская интенция заключается в стремлении добиться комического эффекта, что приводит к созданию языковой игры, перевод которой, как отмечает В.С. Виноградов, «относится к области узкоспециальных переводческих вопросов», а ее изучение «представляет принципиальный интерес» [Виноградов, 2001, с. 199]. Структурное, семантическое и стилистическое своеобразие этого явления ставит вопрос о переводимости трансформированных прецедентных высказываний (ТПВ).

Вопрос о возможности осуществления полноценного перевода с одного языка на другой всегда волновал ученых-лингвистов и остается актуальным и по сей день. В ходе поисков его решения было сформировано три основные концепции: две полярные точки зрения, абсолютизирующие возможность либо невозможность перевода, а также позиция, утверждающая его относительный характер.

Для установления того, что лежит в основе нигилизма в отношении осуществимости перевода, считаем рациональным разграничить понятия «языковая непереводимость» (понимаемая как невозможность осуществления перевода, вызванная внутрилингвистическими факторами,

как, например, различие на уровне языковой системы) и «культурологическая непереводаемость» [Латышев, Семенов, 2008] (обусловленная экстралингвистическими факторами, в данном случае - расхождением культур).

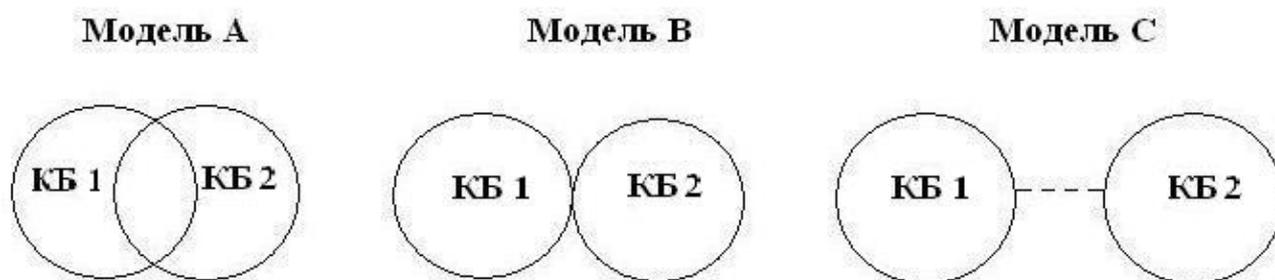
Апелляция к первому явлению свидетельствует о понимании перевода исключительно как процесса перекодировки знаков, что в корне неверно. Ж. Мунэн подчеркивал, что «перевод не является простой подстановкой слов, он связан с преобразованием» [Цит. по: Комиссаров, 1990, с. 22], которое, добавим, является зачастую не просто вынужденным, но и принципиально необходимым.

В основе концепции «культурологической непереводаемости» лежит убеждение в существовании «лингвоэтнического барьера» [Латышев, Семенов, 2008] и непреодолимых национально-культурных расхождений. Безусловно, нельзя отрицать неравенство внеязыкового опыта представителей различных языковых коллективов. Тем не менее, в данном отношении мы считаем правомерным говорить не о принципиальной невозможности перевода, а о различной *степени переводимости*. В основе определения степени переводимости лежат критерии полноты эквивалентности, успешности сокращения лингвокультурологической дистанции между исходным языком (ИЯ) и языком перевода (ПЯ) и количества потерь при переводе.

Ключевым в отношении перевода трансформированных прецедентных высказываний является вопрос о соотношении глубины знаний рассматриваемых явлений реципиентами исходного текста (ИТ) и текста перевода (ПТ). Исходя из того, известны ли прецедентные феномены любому среднему представителю в рамках определенного социума, национально-культурного сообщества или универсального когнитивного пространства, В.В. Красных классифицирует их на: социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные [Красных, 2003, с. 173]. Однако, на наш взгляд, в аспекте перевода ТПВ проблема требует рассмотрения под несколько другим углом.

Ниже представлена разработанная нами схема, иллюстрирующая зависимость степени переводимости ТПВ от меры проникновения ПВ в когнитивную базу принимающего языкового коллектива. Когнитивная база (КБ) рассматривается как «совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке» [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева, 1997, с. 82].

Схема 1. Зависимость степени переводимости ТПВ от близости когнитивных баз ИЯ (КБ1) и когнитивных баз ПЯ (КБ2).

Модель А представляет собой ситуацию, в результате которой знания ПВ, входят одновременно в когнитивную базу носителей и ИЯ, и ПЯ. Пространство, образованное на пересечении, включает совокупность ПВ универсального характера: библеизмы, универсальные ФЕ, названия и цитаты из классических литературных произведений и другие ПВ, имеющие эквиваленты в ПЯ. Необходимо отметить, что донором подобных общеизвестных ПВ могут служить:

- прецедентный текст лингвокультурологического фонда ИЯ (ИТ: *TNK-BP: something rotten in the state of Russia* / ПВ – цитата из трагедии У. Шекспира «Гамлет»: *Something's rotten in the state of Denmark* / ПТ: *'ТНК-ВР': не все в порядке в королевстве русском* [www.inosmi.ru]);

- прецедентный текст лингвокультурологического фонда другого языка (ИТ - *Thou shalt not text, nor listen to thy iPod: Bishops set new rules for Lent* / ПВ – цитат из библейского текста: *Thou shalt not covet thy neighbour's house, thou shalt not covet thy neighbour's wife, nor his manservant, ...* / ПТ: *Католические епископы установили новые правила для поста: да не пиши ты sms ближнему своему и не возжелай слушать свой iPod* [www.inopressa.ru]);

- прецедентный текст лингвокультурологического фонда ПЯ (ИТ: *War and peace caucasus style* / ПВ – название русского романа Л.Толстого: «Война и мир» / ПТ: *«Война и мир» по-кавказски* [www.inosmi.ru]).

Следует указать, что в большинстве случаев факт принадлежности ПВ к другому лингвокультурному пространству отходит на второй план ввиду того, что переводное прецедентное высказывание (ППВ) прочно входит в лингвокультурный фонд языка-реципиента и осознается как его неотъемлемая часть, что и обеспечивает общность знания. Однако абсолютная тождественность характера восприятия универсальных ПВ все же зачастую невозможна, что объясняется различиями национально-культурных менталитетов и возникающих в связи с этим ассоциаций и представлений

Степень переводимости ТПВ, образованных от универсальных ПВ, наиболее высока в силу существования ППВ в принимающем культурно-языковом пространстве, что дает возможность в ходе перевода применять трансформации на основе известного реципиентам ПЯ материала.

Модель В иллюстрирует ситуацию, когда донором ПВ является лингвокультурологический фонд ИЯ, при этом ПВ не являются

общеуниверсальными, а обладают национальной окрашенностью. Общность знаний достигается в результате наличия в ППВ в ПЯ. В данном случае можно говорить о «соприкосновении» когнитивных баз. В точке соприкосновения – высказывания из национально-прецедентных источников, имеющие перевод на ПЯ, например, цитаты (ИТ: *9/11 conspiracy theories: The truth is out there...just not on the internet!* / ПВ – цитата из американского сериала *X-files: The truth is out there* / ПТ: *11 сентября глазами конспирологов: истина где-то рядом, но в интернет не выложена* [www.inopressa.ru]), названия фильмов / книг (ИТ: *The spy who loves media* / ПВ – название одного из фильмов про Джеймса Бонда *The spy who loved me!* / ПТ: *Шпион, обожжающий прессу* [www.inopressa.ru]) и т.д.

Степень переводимости ТПВ в данном случае, с одной стороны, облегчается наличием материала в ПЯ, на основе которого возможно применение трансформаций, аналогичных тем, что были использованы в ПВ на ИЯ. Однако, с другой стороны, полнота понимания самого факта включения прецедентного феномена, а также дешифровка его исходной формы в значительной степени зависит от ряда экстралингвистических факторов, например: популярность произведения, являющимся источником ПВ, в принимающем культурно-языковом пространстве, возраст реципиента переводного текста и т.д.

Наконец, **Модель С** отображает ситуацию, когда ТПВ образованы от ПВ, которые не имеют эквивалентов на ПЯ, в результате этого непосредственная связь между рассматриваемыми когнитивными базами отсутствует, что обуславливает их отдаленность друг от друга. Описанные условия составляют определенную трудность при переводе и возникают, когда в рамках ИЯ используются трансформации на основе специфично-национальных ПВ, которые либо еще не имеют устоявшихся эквивалентов, либо те, которые, как правило, не переводятся на ПЯ. Они включают: названия песен (ИТ: *Who let the bears out?!* / ПВ – *Who let the dogs out?!* / ПТ: *Кто выпустил медведей на свободу?* [www.inopressa.ru]), названия телевизионных передач / шоу программ (ИТ: *Gorbachev's got talent. Honest* / ПВ: *Britain's got talent* / ПТ: *Минута славы Горбачева* [www.inopressa.ru]), некоторые ФЕ (ИТ: *Dieting? Put Your Money Where Your Fat Is* / ПВ: *put your money where your mouth is* / ПТ: *Сидите на диете? Начинайте худеть - иначе похудеет ваш кошелек!* [www.inopressa.ru]) и т.д.

Степень переводимости ПВ в рамках Модели С наиболее низкая. Вопрос передачи подобных ТПВ на ПЯ решается в свете извечной переводческой дилеммы: верность форме или содержанию. При выборе первой альтернативы переводчик прибегает к калькированию структуры ТПВ на ИЯ, придерживаясь ориентации на лингвокультурную среду источника. Во втором случае используется аналоговое ПВ как материал для создания языковой игры, руководствуясь приоритетом сохранения коммуникативного эффекта.

Необходимо принимать во внимание, что границы обозначенных моделей не являются непреодолимыми, а существование определенных ПВ в

рамках одной из них – строго перманентным. Со временем может происходить сближение когнитивных баз, в особенности, при условии активного развития культурных контактов, как в случае с англоязычной и русскоязычной культурной средой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Текст] / В.С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
3. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
5. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей ; ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1997. – Вып. 1. – С. 82-103
6. Латышев, Л.К., Семенов, А.Л. Перевод: Теория, практика и методика преподавания [Текст] / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – М.: ACADEMIA, 2008. –192 с.
7. www.inopressa.ru
8. www.inosmi.ru

ПЕРЕВОДЧИК КАК ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ УСТНОГО ДИСКУРСА

Е.Ю. Мощанская

Пермский государственный технический университет

The paper is devoted to oral discourse as the subject of consecutive interpretation and to the process of oral discourse transformation by the interpreter.

Слово дискурс имеет латинское происхождение и первоначально ограничивалось семами действия: бега или специальной двунаправленной атаки, имеющей целью изолировать части войска противника друг от друга (pincer movement) [Traupman, 1978]. Позднее это слово утратило первоначальное значение и стало использоваться для обозначения речевого действия, затем речевого высказывания. В настоящее время этот термин не имеет однозначной трактовки, используется как для обозначения письменных, так и устных речевых произведений, рассматриваемых, как правило, в совокупности с узким или широким контекстом их функционирования.

В нашей работе мы хотели бы привести два определения дискурса, релевантных, на наш взгляд, для ситуации устного последовательного перевода. В определении В.З. Демьянкова отмечается контекстный и

процессуальный характер дискурса. Автор, опираясь на исследования зарубежных ученых, трактует дискурс как «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения». По мнению автора, дискурс «концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса». В.З. Демьянков, отмечает, что «исходная структура дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события», т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Демьянков, 1982, с. 7]. Важные выводы для переводоведения – дискурс не подвластен полному пониманию адресанта, он может быть только интерпретирован, важным условием успешной интерпретации является знание контекста, умение при извлечении смысла из воспринимаемого дискурса учитывать все его составляющие.

Другое определение, отражающее существенные характеристики устной речи, предлагает В.П. Конецкая. Дискурс – это фактически «творимый» в речи связный текст, но рассматриваемый в событийном плане, это текст, в котором актуализируются не только собственно языковые факторы – правила сочетаемости слов и последовательности высказываний, их интонационное оформление, формы переспроса, перебивания партнера, виды реакции на вопрос и т.п., но и неязыковые (экстралингвистические) факторы – познавательные, этнографические, социокультурологические, психологические и др. В дискурсе актуализируются невербальные средства, правила речевого этикета [Конецкая, 1997, с. 106]. В определении В.П. Конецкой отражена сложная структура устно-порождаемого дискурса, описаны экстралингвистические, невербальные и ритуализованные факторы, которые должны быть приняты во внимание переводчиком в ситуации интерпретации дискурса.

Переводчик в ходе своей деятельности является преобразователем устного дискурса по многим причинам. Во-первых, сама деятельность перевода с одного языка на другой предполагает трансформацию исходного текста. Произведение трансформаций при переводе обусловлено несопадением систем сопоставляемых языков, различием культур и ментальных процессов. Вследствие трансформаций на ментальном уровне изменяется форма подачи информации, трансформации на культурном уровне зачастую влекут за собой феномен добавления, упущения или изменения формы подачи информации. В случае добавления информации мы имеем дело с лингвострановедческими комментариями. Трансформации на языковом уровне – лексические, грамматические, синтаксические – ведут к

перераспределению информации в высказывании, изменению ее модальности, появлению элементов описания и т.д.

Во-вторых, преобразование дискурса говорящего переводчиком обусловлено самой природой устно-порождаемой речи. Это преобразование начинается в момент восприятия речи, ибо воспринятые акустические и визуальные сигналы превращаются в смысловую информацию. На этом этапе вследствие субъективных (плохая дикция, высокий темп речи, монотонность говорения, диалектная окраска) и объективных (наличие помех, дефицит времени) причин у переводчика зачастую создается лишь фрагментарный образ дискурса говорящего, что в свою очередь приводит к изменениям в дискурсе перевода.

Существуют и другие аспекты ситуации устного перевода, оказывающие влияние на дискурс перевода. К ним относятся однократность и линейность предъявления материала, невозможность обращения к словарям и другим источникам, большой объем предъявляемой информации (весь текст или большой его отрывок), условия воссоздания воспринятого на слух дискурса, в том числе и при опоре на переводческую запись. Продукт устного перевода, таким образом, как и продукт письменного перевода, является вторичным текстом и демонстрирует в зависимости от сферы общения и типа дискурса, а также других субъективных причин ту или иную степень близости к дискурсу – оригиналу.

В-третьих, внешнее оформление мысли в ситуации устного перевода не тождественно письменной форме ее фиксации. Она может быть представлена в свернутом виде, не обладать достаточной стройностью и логичностью построения, иметь разную степень обобщенности и связности. Степень развернутости мысли обусловлена среди прочего и принадлежностью транслируемой культуры к высококонтекстному или низкоконтекстному типу. Вследствие этих причин переводчик не всегда может транслировать воспринятую мысль в предъявленном виде. На этот момент обращают внимание ученые, работающие в сфере психологии перевода. Так, И.А.Зимняя и В.И. Ермолович, сопоставляя деятельности говорения и перевода, отмечают, что в деятельности перевода осуществляется не только формирование и формулирование мысли, но и ее переформулирование [Зимняя, 1981, с. 18]. На возможность видоизменения внешней формы речи, произносимой на основе письменного источника, указывает К. Кноблах. Автор полагает, что переводчик, особенно в ситуации синхронного перевода, обязан производить необходимые трансформации на синтаксическом и лексическом уровнях с целью упрощения переводимых структур, придания им необходимой обращенности для того, чтобы сказанное было более понятно слушателям [Knobloch, 2002, S. 199]. В качестве средства разрешения названной проблемы переводчики могут использовать различные приемы: прием компрессии [Ширяев, 1979, с. 172], прием обоснованного переспроса [Чужакин, 2005, с. 14], приемы генерализации и/или конкретизации и др.

Вместе с тем, предоставленная переводчику возможность переформулирования мысли, не снимает его основную задачу – максимальное сохранение при переводе идентичности авторской мысли [Латышев, Семенов, 2008, с. 50].

В-четвертых, в реализации внешней формы устно выражаемой мысли участвуют просодические, невербальные и экстралингвистические факторы. Переходя на другой язык, переводчик видоизменяет просодическую сторону высказывания, используя фонетические средства языка перевода. В связи с этим по сравнению с дискурсом говорящего изменяется интонация, мелодика, темп, окраска и даже эмоциональная напряженность речи.

При выборе стратегии обращения с невербальными средствами формирования и формулирования мысли переводчик в зависимости от ситуации общения волен выбирать разные варианты поведения. К ним относятся избирательное дублирование невербальных средств общения говорящего, опущение этих средств и усиление выразительности просодической составляющей, использование вербального комментария.

Говоря о риторической составляющей техники переводчика, Клаус Кноблах, особое внимание уделяет голосовой экспрессии и жестам-иллюстраторам. Главное требование к артикуляционной составляющей культуры переводчика – обеспечивать звуковую и фонетическую понятность (отчетливость) высказывания [Knobloch, 2002, S. 205]. В случае, когда субъект общения обладает плохой артикуляцией и дикцией, а также говорит тихо, переводчик, способствуя улучшению качества воспринимаемого дискурса, также фактически видоизменяет последний.

К. Кноблах не отрицает, в отличие от отечественных ученых, возможность использования переводчиком жестов-иллюстраторов. Автор высказывает мнение, что переводчик может умеренно использовать жесты для выделения значимых мест в высказывании и призывает переводчиков ни в коем случае не подавлять индивидуальную моторику, т.е. фактически допускает возможность собственного выразительного поведения переводчика [Knobloch, 2002, с. 207]. Предметом исследования в дипломных работах студентов, написанных под нашим руководством, являлись такие дискурсивные события как ситуация экскурсии, мастер-класса, а также отдельные речевые акты, относящиеся к риторическому дискурсу, - анекдот, тост. В результате проведенных исследований удалось доказать, что жесты-иллюстраторы в этих ситуациях являются облигаторным элементом поведения как оратора, так и переводчика [см. Мощанская 2006, 2007].

Устно-порождаемый дискурс включает не только информативную, но и интерактивную составляющую. Интерактивная составляющая состоит из действий, ритуалов, речевых и поведенческих стратегий и тактик, реализующихся в дискурсе и обладающих национально-культурным колоритом. Включаясь в процесс взаимодействия представителей разных культур, переводчик демонстрирует при общении с каждой стороной релевантные для ее традиций ритуализированные речевые и неречевые действия. Тем самым, видоизменяя дискурс исходного языка.

В-пятых, преобразование дискурса в ситуации перевода обусловлено личностью самого переводчика. В.И.Ершов, предлагая критерии типологии переводческих ситуаций, относит наличие знаний, функциональной компетенции, опыта переводчика, а также актуальное состояние к группе оперативных критериев. При этом автор оценивает названные критерии по шкале: профессиональный переводчик средней/высокой квалификации; актуальное состояние в пределах нормы/отклоняющееся от нормы [Ершов, 2006, с. 124]. Очевидно, что чем выше уровень профессионализма переводчика, тем дискурс перевода более адекватен дискурсу говорящего, чем лучше актуальное состояние переводчика, тем более удачные варианты перевода он предлагает. И, наоборот, начинающий переводчик способен нивелировать дискурс профессионального общения до уровня общения неспециалистов.

Таким образом, устно-порождаемый дискурс, выступая в качестве объекта восприятия и трансляции в ситуации устного последовательного перевода, неизбежно подвергается видоизменению вследствие объективных и субъективных причин. Основополагающую роль при этом выполняет переводчик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков, В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста [Текст] / В.З.Демьянков // Методы анализа текста. – Вып. 2. Тетради новых терминов, 39. – М.: ВЦП, 1982. – 90 с.
2. Ершов, В.И. Переводческий аспект коммуникативных ситуаций. Дис. канд. филол. наук [Текст] / В.И. Ершов. – М., 2006. – 203 с.
3. Конецкая, В.П. Социология коммуникации: учебник [Текст] / В.П. Конецкая. – М.: Международный ун-т бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
4. Латышев, Л.К. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учебник для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений [Текст] / Л.К. Латышев. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 192 с.
5. Мощанская, Е.Ю. Умения невербального общения переводчика в ситуации обучающего семинара [Текст] / Е.Ю. Мощанская // Социальные варианты языка: Мат. V межд. науч. конф. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007.
6. Мощанская, Е.Ю. Устный последовательный перевод в ситуации экскурсии [Текст] / Е.Ю. Мощанская // Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация : Мат. VIII межд. науч.-практ. конф. Институт международных связей. – Екатеринбург, 2006. – 5 с.
7. Психология перевода. Учебное пособие (для высших курсов переводчиков) [Текст] / Составители: И.А. Зимняя, В.И. Ермолович. – М., 1981. – 52 с.
8. Чужакин А.П., Последовательный перевод: практика + теория. Синхрон. Для курса переводческих факультетов. Учебная серия «Мир перевода» [Текст] / А.П. Чужакин. – М.: Р. Валент, 2005. – 272 с.

9. Ширяев, А.Ф. Синхронный перевод: деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода [Текст] / А.Ф. Ширяев. – М.: Воениздат, 1979. – 183 с.
10. Knobloch, K. Sprecherziehung und rhetorische Kommunikation – wichtige Bausteine im Dolmetschstudium [Text] / K. Knobloch // Übersetzen und Dolmetschen: eine Orientierungshilfe/hrsg. Von Joanna Best und Silvia Kalina – Tübingen; Basel: France, 2002. – S.196-209.
11. Traupman, J.C. The New College Latin and English Dictionary [Text] / J.C. Traupman. – Bantam Books, 1978 – 502 p.

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЛАКУНАХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

М. А. Никулина

Российский университет дружбы народов

The article studies terminology gaps in specialized and literary texts translation and approaches to filling these gaps: finding a constant equivalent for a specialized text term and describing or eliminating a specific term or a text segment in a literary text.

На сегодняшний день в переводоведении отсутствует единая трактовка понятия «переводческая лакуна». Наиболее распространенный подход к интерпретации данного термина подразумевает отсутствие в одном из сопоставляемых языков устойчивого наименования для понятия, имеющего лексическое обозначение в другом языке. При более же широком подходе под лакунами подразумеваются любые несоответствия, возникающие при сопоставлении понятийных, языковых и эмотивных категорий двух локальных культур, а иногда даже, по мнению Ю. А. Сорокина и И. Ю. Марковиной, «всё, что в инокультурном тексте реципиент не понимает, что является для него странным, требует интерпретации» [Цит. по: Ермолович, 2009, с. 40].

Отсутствие стройной и четкой теории, основанной на разграничении между лексическими единицами, имеющими уникальную смысловую структуру, и реалиями весьма красноречиво проявляется, в частности, в «Учебном пособии по переводу с английского языка на русский», автор которого, известный переводовед Я. И. Рецкер, описывая языковое явление безэквивалентной лексики, уделяет основное внимание именно р е а л и я м, утверждая при этом, что «в большинстве случаев отсутствие словарных эквивалентов или вариантных соответствий наблюдается при переводе слов, обозначающих понятия и явления, чуждые... нашей действительности» [Рецкер, 1978, с. 24]. Это утверждение нам представляется весьма спорным, поскольку такое, к примеру, явление, как «*cliff-hanger*», обозначающее: 1) увлекательный сериал или рассказ, частями передающийся по телевидению, радио; 2) захватывающий приключенческий фильм; 3) событие (состязание и т. п.), исход которого волнующе неизвестен до последнего момента, типично, в том числе, и для российской действительности, однако

материальная форма для отражения хотя бы одного из значений данного понятия в русском языке в настоящее время отсутствует.

В своих рассуждениях о переводческих лакунах мы считаем целесообразным руководствоваться дефиницией данного понятия, введенной в теорию перевода Л. С. Бархударовым, определившим лакуну как «единицу словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка» [Бархударов, 1975, с. 95]. Среди наиболее наглядных примеров лакун Л. С. Бархударов приводит русское слово «*сутки*», которое, по его мнению, приходится передавать на английском языке описательным способом: «*twenty-four hours*» или «*day and night*». Попутно отметим, однако, что в некоторых контекстах русское существительное «*сутки*» переводится на английский язык словом *night* («ночь»). Например, в сфере гостиничного бизнеса: «*заказать номер на двое суток*» - «*to reserve a room for two nights*». Этот пример наводит на мысль, что в языках для специальных целей использования (ЯСЦ) наличествуют (и являются весьма частотными) случаи соответствий для единиц специальной номинации, омонимичных тем лексическим единицам общелитературного языка, которые таковых эквивалентных соответствий не имеют.

В текстах ЯСЦ, характеризующихся высокой частотностью лексики терминологического характера, проблема заполнения лакун связана, в основном, с освоением новых терминологических систем. При переводе с английского языка на русский текстов, относящихся к сфере информационных технологий, рекламы и т. п., переводчики сталкиваются с большим количеством безэквивалентных терминов, требующих либо поиска описательного способа их передачи в ПТ, либо транслитерации (со временем транслитерированные термины нередко становятся «достоянием» системы принимающего языка). В тех случаях, когда переводчики текстов ЯСЦ берут на себя труд подбора постоянного эквивалента, им, по всей видимости, следует учитывать такое важное свойство термина, как с и с т е м н о с т ь.

Так, в сфере LSP компьютерных технологий вариант термина русифицированной версии «*paste*» («*вставить*»), обозначающий «*действие по внедрению в файл фрагмента из буфера обмена данных*», вряд ли можно признать удачным, поскольку он совпадает с передачей другого термина – «*insert*», имеющего значение «*вставить, включить в текст нечто новое*».

В то же время мы полагаем, что, в отличие от перевода текстов ЯСЦ, при переводе художественных текстов, включающих в себя термины, отсутствием их с и с т е м н о с т и вполне можно пренебречь, и в этом случае наличие лакун не представляет собой актуальную проблему для переводчика: «Отсутствие в словарном составе языка специального обозначения для какого-либо понятия в виде слова или устойчивого словосочетания не означает невозможности выразить это понятие средствами данного языка» [Бархударов, 1975, с. 97]. Перевод художественной прозы, чаще всего, не требует от переводчика поиска контекстозависимых соответствий, так как его важнейшая задача заключается в комплексной передаче с м ы с л а

сообщений, составляющих текст оригинала. В частности, при переводе «несистемных» терминов переводчику художественной прозы не возбраняется прибегать не только к разнообразным лексико-стилистическим трансформациям (нейтрализации, генерализации и др.), но и к «крайнему» переводческому приёму – элиминации.

Весьма показателен в этой связи отрывок из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» в сравнении с его английской версией «Diamonds To Sit On»:

«...Полесов собирался было уже возвратиться в мастерскую, где ждал его непочиненный велосипедный насос, но тут спокойная жизнь города обычно вновь нарушалась каким-нибудь недоразумением. То на улице сцеплялись осями телеги, и Виктор Михайлович указывал, как лучше всего и быстрее их расцепить, то меняли телеграфный столб, и Полесов проверял его перпендикулярность к земле собственным, специально вынесенным из мастерской отвесом...»

«...He would waste half an hour on the horse and cart and then go back to his workshop to finish repairing an old bicycle pump. But it was not very long before he was out in the street again looking to see what was going on and being a general nuisance. If a fresh telegraph pole was being erected, he would interfere and tell the workmen that the pole was not perpendicular...»

Мы видим, что в английской версии романа такие термины, как «*отвес*» и «*оси (телеги)*» подвергнуты элиминации как не несущие сколько-нибудь весомой информации, способной повлиять на раскрытие авторского замысла.

В целом, *подход к проблеме заполнения терминологических лагун при переводе специальных текстов должен принципиально отличаться от аналогичного подхода, относительно текстов художественной прозы: если в первом случае следует стремиться к подбору постоянного эквивалента единицы специальной номинации, то во втором случае переводчик гораздо более свободен в выборе передачи общего смысла сообщения, имея в своём арсенале возможность прибегнуть как к описательному переводу, так и к элиминации отдельных единиц терминологической лексики, а иногда и целых фрагментов переводимого текста.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бреус, Е.В. Курс перевода с английского языка на русский [Текст] / Е.В. Бреус. – М., 2007.
2. Сорокин, Ю.А. Лакуны: еще один ракурс рассмотрения [Текст] / Ю.А. Сорокин // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2003.
3. Рецкер, Я.И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. [Текст] / Я.И. Рецкер. – М., 1978.
4. Ермолович, Д.И. Наш перевод, вперёд лети! В лакуне остановка [Текст] / Д.И. Ермолович. – Мосты № 1 (21). – М., 2009.
5. Ильф, И., Петров, Е. Двенадцать стульев [Текст] / И. Ильф, Е. Петров. – М., 2003.
6. Ilf, I., Petrov, E. Diamonds to Sit On [Текст] / I. Ilf, E. Petrov. – Lond., 1928.

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДОВ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ

С. В. Панченко

Уральская государственная юридическая академия

Article «Introduction of intensive training methods in Latin in high school» deals with methods of teaching of law students, concerning B. Bloom's taxonomy of educational purposes in different aspects.

Многолетний опыт работы в вузах г. Екатеринбурга со студентами, обучающимися по специальностям гуманитарного цикла, позволяет сделать вывод, что современное лингвистическое образование целесообразно осуществлять на основе двух подходов: 1) системного подхода, при котором цели, содержание и методы отдельных блоков обучения связаны между собой; 2) инновационного подхода, при котором новые принципы отбора содержания курсов и новые методы обучения будут не «самодостаточны», а подчинены общей цели: развитию личности, обладающей критическим мышлением и лингвистической компетенцией. Инновационные технологии в преподавании латинского языка будут рассмотрены на примере работы в 2009-2010 учебном году со студентами 2 курса очной формы обучения института прокуратуры Уральской государственной юридической академии. Особенностью курса является его факультативный статус, что привлекает к обучению высокомотивированных студентов, и больший в 2 раза объем часов по сравнению с прошлыми годами: 56 часов – 1 семестр, 54 часа – 2 семестр.

Опыт работы показывает, что созданный учебно-методический комплекс облегчает и упрощает процесс знакомства учащихся с дисциплиной: экономится время передачи новой информации, в любой момент можно видеть точку курса и его перспективу. Данный комплекс уже в начале семестра позволяет преподавателю в нужный момент сравнивать на занятиях учебные блоки по разным параметрам, делать необходимые отсылки и сравнения грамматического и культурологического плана, показывать связи между материалом на уровне терминологии, концепций, речевых использований. Отметим, что традиционная формулировка целей «для преподавателя», например, как «научить (сформировать, ознакомить) студента...» [Кирилук, 2006, с. 16], не предполагающая активности студента, нами была заменена на целевые установки для изучающего курс. В качестве задач дисциплины поставлены следующие:

1) в когнитивной области, включающей в себя логический подход в освоении дисциплины: знание конкретного материала, терминологии, понятий, составляющих совокупность сведений о латинском литературном языке; применение теоретических знаний в практической деятельности в процессе перевода; развитие поисково-аналитических умений работы со справочной литературой по латинскому языку; создание индивидуальных литературных переводов выражений и текстов; развитие критического мышления (анализ, синтез и оценивание);

2) в аффективной области, включающей в себя психологический подход в освоении дисциплины: осознание студентами связи разных современных языков с древним языком; расширение кругозора в области языка и культуры древней цивилизации; ценностная ориентация на чтение в оригинале латинских выражений в русских источниках; получение удовольствия от чтения латинских выражений и текстов.

Преподавание с использованием методов активного обучения предполагает выбор содержания и методов курса в соответствии с четко определенными целями обучения: зачем изучаем? – что изучаем? – как изучаем? – сколько времени изучаем? – с каким отношением изучаем? – результат соответствует цели?

Цель изучения латинского языка юристами направлена на рассмотрение латинских слов, крылатых выражений, текстов в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. При таком подходе программа-минимум для преподавателя – познакомить студентов с грамматикой и лексикой латинского языка для возможного перевода – расширяется до программы-максимума – развивать когнитивные способности студентов на основе изучения конкретного древнего языка.

Лингвистическое образование предполагает познавательную активность студента. Поэтому целесообразно на первых занятиях знакомить студентов с таксономией образовательных целей Б. Блума [Кирилук, 2006, с. 26–27], чтобы они четко понимали, какие мыслительные процессы происходят в голове на каждом из 6 уровней: знание, понимание, применение, анализ, синтез, оценивание. В нашей работе таксономия раздается при первой встрече в виде ксерокопий таблицы с двумя разделами, «Уровень мышления» и «Характерные умения». В конце каждого занятия группе предлагается рефлексия. Соотнесение деятельности с уровнями мышления позволяет студентам видеть, как многообразие когнитивных процессов, так и их личных умения; а преподавателю имеет возможность изначально строить курс с учетом иерархии целей и последовательно переводить учащихся из базового минимума (знание, понимание, применение языковых фактов) в область критического мышления (анализ, синтез, оценивание).

При понимании совокупности целей курса и ожидаемых результатов из многообразия средств разумен выбор методов активного обучения. Активные методы – это «способы организации учебного процесса, при котором обеспечивается вынужденная, оцениваемая и управляемая активность обучаемых, сравнимая с активностью преподавателя» [Глоссарий, 2006, с. 308]. В первом семестре оправданно начинать работу с более легких (по количеству участников, по времени, по сути задания) методов работы и далее переходить к более сложным, а именно в область критического мышления и комплексных лингвистических навыков. Приведем примеры инноваций в преподавании латинского языка в соответствии с предполагаемыми уровнями когнитивных процессов в ходе обучения.

Активность в применении полученных знаний поддерживается следующей договоренностью: после знакомства с правилами чтения и

постановки ударения все новые слова и предложения студенты читают без первичного чтения преподавателя. При указании на ошибку в чтении правильный вариант ищут самостоятельно без проговаривания преподавателем.

При изучении лексики делается акцент на поиск латинизмов в русском и английском языках. Сравнение позволяет видеть фонетические закономерности при заимствовании и знать выбор орфограммы в языке-рецепторе. Например, *absorbio* – *поглощение*, ср. рус. *абсорбция*; *invitare, promitto (promisi)* – *приглашать, обещать (обещал)*, ср. англ. *invite, promise*.

В доступных студентам учебниках [Нисенбаум, 1996], [Розенталь, 2000], [Чеканова, 2007] морфология традиционно начинается с имени существительного. Согласно нашей методике, для знания и дальнейшего перевода простых предложений, т.е. понимания-применения, сразу анализируется глагол в настоящем времени с системой спряжения, включая глагол *быть*. После изучения существительных и прилагательных 1, 2 склонения по этой теме и аналогичным другим заданием «Найдите и исправьте ошибку в согласовании существительных и прилагательных» позволяет применить полученные знания по морфологии и анализировать с последующим доказательством правильное согласование форм. Применение и анализ системно отрабатываются с помощью упражнений и тестовых заданий на выбор или соответствие. Например, для глагола *amo*, 1 спр., необходимо выбрать форму инфинитива – *amere, amire, amare*; соотнести часть речи и грамматические характеристики – сущ. во мн. ч., прил. ж. рода, местоим. ср. рода, гл. в повелит. накл. – *bella, notate, teum, antiqua (войны, отметьте, мое, древняя)*. Метод провокаций реализуется, например, в домашнем задании на 1, 2 скл. сущ. и прил., в котором встречаются формы 3 скл. Цель метода – получение новых знаний путем сравнения с уже изученным материалом. Студенты при реакции «я не нашел в словаре / нашел, но сомневаюсь, то ли слово выбрал / нашел, но не понял» получают задание сравнить и прокомментировать разницу в окончаниях словарных форм существительных и прилагательных в формах имен. и род. падежа ед. числа.

При когнитивном подходе перевод выражений и текстов будет являться не первостепенной задачей, а итоговой деятельностью. На развитие аналитического мышления направлено задание при любом грамматическом разборе: не зная лексических значений слов по грамматическим признакам найти сказуемое и подлежащее в предложении, обосновать свой выбор. При объяснении студенты демонстрируют знание и понимание форм слов, сопоставляют одинаковые и разные морфемы-окончания, методом исключения предполагают грамматическую основу. Далее планируют последовательность разбора с учетом частей речи, предполагаемых по формам (количество слогов в слове, наличие окончания, место расположения в предложении). Пониманию и запоминанию характеристик частей речи способствует метод проговаривания морфологических признаков слова вслух по-латыни. При анализе неверного ответа важным методическим приемом

будет предложено определить и исправить ошибку самостоятельно, обменяться мнениями с сокурсниками. На занятиях часто используется метод вопросно-ответного мышления, при котором наводящие вопросы стимулируют студента к поиску правильных ответов и приводят к пониманию материала.

Упражнения, направленные на синтез знаний и их применение предполагают составление фраз по латыни. Например, после изучения 1, 2 склонения существительных и прилагательных на 5 занятии предлагается составить словосочетание из данных в начальной словарной форме этих частей речи, согласовав их в нужных грамматических характеристиках, и просклонять его: *terra, incognitus* → *terra incognita*. Более сложный вариант задания – подготовить карточку с 6 падежами и 2 числами, выше которых дать словарные формы в именительном падеже существительных и прилагательных. Работа в паре после обмена карточками включает такие задания, как: создать словосочетание; вписать все его словоформы в графы карточки; проверить выполненное задание у сокурсника; задать вопросы на сравнение форм, различие в окончаниях и т.п. После проведения контрольной работы по переводу с латыни на 8-9 занятии предложить создать предложение с использованием 2-3 значимых слов и нескольких служебных: *lupus* – 2 раза во фразе, *non, mordere* → *Lupus non mordet lupum* – *Волк не ест (букв. кусает) волка*. В конце 1 семестра студенты уже могут составить фразу из 5-6 разных частей речи, в конце 2 семестра возможны переводы на латынь многословных фраз и даже создание рифмованных строк.

Сравнение с грамматикой русского языка происходит при объяснении любого нового материала в ответ на наводящие сопоставительные вопросы. Например: Какие характеристики глагола отсутствуют, подобны или добавлены в латыни по сравнению с признаками русского глагола? Что общего в русском и латинском согласовании существительных и прилагательных? Оценивание нового иноязычного через сравнение с русским аналогом осуществляется и при поиске студентами пословиц в русском языке, близких по семантике с латинскими. Например, *In vino veritas* (*Истина в вине*) – ср. *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке*.

Оценивание как акт выбора по критериям и по качеству появляется при сравнении переводов текстов, сделанных студентами. В конце курса возможно сравнение латинских выражений в подлиннике и в переводе в юридической литературе, выявление случаев расхождения в семантике.

Использование методов активного обучения направлено на поддержания устойчивого интереса к изучению иностранных языков. Этого можно достичь и через предоставление свободы выбора при запоминании языкового материала. Студент сам выбирает 50 выражений для заучивания в каждом семестре или самостоятельно составляет личный учебный словарь, включающий словарные формы разных частей речи в указанном преподавателем количестве, их перевод и латинизмы. Описанные методы могут быть успешно применены при изучении западноевропейских языков и

в разных лингвистических дисциплинах. Перечисленные инновационные подходы к обучению латинскому языку в совокупности дают непрерывность и системность образования, абсолютной ценностью которого становится не содержание одного курса и объем выученного студентами материала, а развитие самостоятельной языковой личности, понимающей и использующей свою лингвистическую компетентность, обладающей критическим мышлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инновационное образование (методы активного обучения) [Текст] : методическое пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2006. – С. 307–313.
2. Кириллюк, Л. Г. Программа курса или использование методов активного обучения для достижения цели курса [Текст] / Л. Г. Кириллюк // Инновационное образование (методы активного обучения) : методическое пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2006. – С. 13–31.
3. Ниссенбаум, М. Е. «Via Latina ad ius» («Латинская дорога к праву») [Текст] / М. Е. Ниссенбаум. – М. : Юристъ, 1996. – 560 с.
4. Розенталь, И. С. Учебник латинского языка для юридических и иных гуманитарных вузов [Текст] / И. С. Розенталь, В. С. Соколов. – М. : Издательство НОРМА, 2000. – 319 с.
5. Чеканова, Н. В. Краткий курс грамматики латинского языка [Текст] : учеб. Пособие / Н. В. Чеканова. – М. : Флинта: МПСИ, 2007. – 112 с.

ИЗОМОРФИЗМ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В.А. Разумовская

Сибирский федеральный университет

The paper deals with isomorphism as translation category and studies its content and typology. Application of isomorphism to translation is analyzed, and the typology of poetic isomorphism is described.

Являясь сравнительно молодой областью научных знаний, теория перевода постоянно расширяет набор свойственных ей понятий и категорий, а также развивает специализированный участок терминологической системы. Категориальный аппарат теории перевода формируется преимущественно за счет привлечения категорий других научных областей.

Набор универсальных переводческих категорий в последнее время пополнился категорией изоморфизма, пришедшей в теорию перевода из родственной области знаний – лингвистики. Однако изоморфизм не является исконной лингвистической категорией. Понятие изоморфизма, восходящее к математической логике и алгебре, ранее получило широкое распространение в различных областях человеческих знаний (химии, биологии, физике, геологии, психологии, медицине и т.д.) и выражает одинаковость строения систем, обозначая самую предельную степень сходства. В логике изоморфизм рассматривается как отношение между объектами тождественной структуры и имеет структурную и функциональную

разновидности [Кондаков, 1975, с. 191]. Разновидностью изоморфизма (одно-однозначное соответствие) выступает гомоморфизм (много-многозначное соответствие), при котором наблюдается не сходство, а лишь уподобление систем.

Известно, что одними из разновидностей систем являются системы лингвистические. Ю. Лотман рассматривает язык как моделирующую систему, а литературу и искусство характеризует как вторичные моделирующие системы [Лотман, 1970, с. 384], что позволяет применять и распространить теорию изоморфизма как на собственно лингвистический материал, так и на материал языка художественной литературы. В собственно лингвистическом контексте понятие изоморфизма впервые целенаправленно использовано Е. Куриловичем, который постулировал необходимость выделения структурных особенностей, общих для звукового и семантического планов языка (выражения и содержания) [Курилович, 1962, с. 21-36]. Идея изоморфного подхода к изучению языка и речи высказывалась в лингвистике и ранее. Так, И.А. Бодуэн де Куртенэ рассматривал язык как сложную, многоступенчатую систему и отмечал семасиологизацию элементов разных структурных уровней языка [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 108-117]. Основатель глоссематики Л.Ельмслев, обращаясь к одной из кардинальных лингвистических проблем – проблеме соотношения двух основных планов языка – плана выражения и плана содержания, считал, что план выражения структурно тождественен плану содержания [Ельмслев, 2006, с. 248]. М.И. Стеблин-Каменский определил идею Л. Ельмслева о том, что в языке и план выражения и план содержания имеют форму и субстанцию, причем форма содержания формирует свой материал в субстанцию содержания совершенно так же, как форма выражения формирует свой материал в субстанцию выражения как идею изоморфизма или теорию изоморфизма [Стеблин-Каменский, 1974, с. 74-80].

В дальнейшем идеи изоморфизма нашли плодотворное развитие в работах по лингвистической типологии [Моисеев, 1983; Cosmas, 1983; Gamkleridze, 1989], семантике [Haiman, 1980; Murray, 1971], поэтике [Freidin, 1995; Uspensky, 1972]. Категория изоморфизма является одной из ключевых категорий новой интегративной лингвистической дисциплины – фоносемантики, основные положения которой были разработаны С.В. Ворониным [Воронин, 2006, с. 248].

В настоящее время наметилась регулярная тенденция рассматривать с позиций изоморфизма проблемы перевода [Казакова, 2002; Найда, 1977].

Несомненный интерес в данном случае представляет теория и практика поэтического перевода, поскольку изоморфизм выступает обязательным параметром поэтической ткани, лежит в основе ее сверхсемантизации / асемантизации и обеспечивает обязательную реализацию эстетической функции. Однако очевидной данностью настоящего этапа развития лингвистики и переводоведения является явная недостаточность механического перенесения идеи изоморфизма из математической логики и других научных областей в область лингвистического переводоведения.

Практический опыт поэтического перевода подтвердил факт наличия изоморфных отношений между текстом-оригиналом и текстом-переводом. В противном случае поэтический перевод был бы практически невозможен, но многовековая история существования переводной поэзии убедительно доказывает возможность поэтического перевода и снимает вопрос о принципиальной непереводаемости поэтического текста.

Признание категориального статуса изоморфизма в переводоведении может быть рассмотрено как отправная точка в определении его типологических характеристик. Целью данного исследования является не только дальнейшее развитие идей лингвистического изоморфизма на материале переводов поэтических текстов, но и разработка идей переводческого изоморфизма, основанного на изоморфизме лингвистическом, но позволяющем адресно применить концепцию изоморфизма к проблемам как общего перевода, так и перевода поэтического. Очевидно, что явление изоморфизма в поэтическом переводе может быть комплексно исследовано с привлечением других научных категорий. Так, в последнее время наметилась тенденция к рассмотрению универсальных категорий, которые могут описать процессы и явления, происходящие в столь различных областях духовной и интеллектуальной деятельности человека как наука и искусство. Поиск объединяющих факторов продолжается и уже дал интересные результаты. На основе принципа комплементарности Н. Бора, категория изоморфизма может быть дополнена такими научными категориями как неоднозначное и симметрия. Положительный опыт привлечения данных категорий к описанию явлений науки и искусства представлен в работе Дж. Кальоти, где наглядно демонстрируются процессы стирания граней между гуманитарными и точными науками и перехода от фрагментарности и узкой специализации в восприятии окружающего нас мира к комплексности и всеобъемлемости в постижении мира и составляющих его процессов и явлений [Кальоти, 1998, с. 221].

Результаты данного исследования позволяют сделать вывод о том, что поэтический изоморфизм представляет собой многоуровневое и полифункциональное явление, представленное при комплексном рассмотрении поэтического перевода следующими группами типов: (1) исходный, переводной, результативный; (2) первичный, вторичный; (3) структурный, элементный, системный; (4) внутритекстовой, межтекстовой; (5) одноуровневый, разноуровневый; (6) межъязыковой, межкультурный; (7) симметричный, асимметричный. Данная типология может быть рассмотрена как предварительная и может быть дополнена в дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртанэ, И.А. Подробная программа лекций в 1876-1877 учебном году [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртанэ // Избранные работы по общему языкознанию: В 2-х томах. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 1. – С. 108-117.

2. Воронин, С.В. Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 248 с.
3. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев. – М.: УРСС, 2006. – 248 с.
4. Казакова, Т.А. Изоморфизм как условие перевода [Текст] / Т.А. Казакова // Университетское переводоведение. Материалы III международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 26-28 октября 2001 года. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – С. 274-284.
5. Кальоти, Дж. От восприятия к мысли. О динамике неоднозначного и нарушениях симметрии в науке и искусстве [Текст] / Дж. Кальоти. – М.: Мир, 1998. – 221 с.
6. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник [Текст] / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
7. Курилович, Е. Понятие изоморфизма [Текст] / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – С. 21-36.
8. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста [Текст] / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
9. Моисеев, А.И. Письмо и язык: к типологическому изоморфизму лингвистических явлений / А.И. Моисеев // Вопросы языкознания, № 6, 1983. – С. 68-72.
10. Найда, Ю. Изоморфные связи и эквивалентность в переводе [Текст] / Ю. Найда // Перевод и коммуникация. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – С. 35-42.
11. Стеблин-Каменский, М.И. Изоморфизм и «фонологическая метафора» [Текст] / М.И. Стеблин-Каменский // Спорное в языкознании. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – С. 74-80.
12. Cosmas, N. Enriching the typology of languages: The algebraic analytical approach [Text] / N. Cosmas // Revue Roumaine de Linguistique, 28 20(2), 1983. – P. 129-132.
13. Freidin, I. L. O nekotorykh izomorfnykh konstruktsiiakh v poeticheskikh tekstakh [Text] / I.L. Freidin // Russian, Croatian and Serbian, Czech and Slovak, Polish Literature, 37(4), 1995. – P. 461-478.
14. Gamkrelidze, T.V. The 'unconscious' and the problem of isomorphism between the genetic code and semiotic systems [Text] / T.V. Gamkrelidze // Folia Linguistica: Acta Societatis Linguisticae Europaeae, 23, № 1-2, 1989. – P. 1-5.
15. Haiman, J. The iconicity of grammar: Isomorphism and motivation. Language [Text] / J. Haiman // Journal of the Linguistic Society of America, 56, 1980. – P. 515-540.
16. Murray, E. Application of isomorphism in general semantics [Text] / E. Murray // ETC.: A Review of General Semantics, 28, 1971. – P. 169-175.

17. Uspensky, B.A. Structural isomorphism of verbal and visual art [Text] / B.A. Uspensky // Poetics: International Review for the Theory of Literature, 5, 1972. – P. 5-39.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ОПОР В ОБУЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОМУ РЕЧЕВОМУ ПОВЕДЕНИЮ СТУДЕНТОВ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Е.С. Рогожникова

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

The article describes the specific character of using of the nonverbal support in the process learning of foreign languages.

Как показывают многие исследования, у студентов неязыковых специальностей наблюдается низкая мотивация к изучению иностранного языка, потому что иностранный язык – трудный предмет, требующий много сил, времени и упорства. Убежденность в невозможности преодолеть эти препятствия, неверие в свои силы, а порой и нежелание преодолевать определенные трудности, ведет к снижению интереса к иностранному языку. Поэтому главная задача, которая стоит перед преподавателем, это раскрыть творческий потенциал студентов, найти такие дидактические средства, которые пробуждали бы мыслительную активность студентов и интерес к иностранному языку.

В обучении иностранным языкам существуют различные подходы, различные стратегии. Для того чтобы обучить эффективно речевому поведению, важно создать на занятии такие условия, при которых у студентов появится заинтересованность и желание к изучению иностранного языка. Так, педагог может использовать вспомогательные средства, а именно, невербальные опоры. Используемые при обучении иностранному языку невербальные опоры делятся на:

а) содержательные (кинофильмы, диафильмы, фотографии, слайды, картины);

б) смысловые (диаграммы, таблицы, схемы, цифры, даты, символика, плакат).

Психологи убедительно показали сложность ситуации, в которой оказывается изучающий иностранный язык. Внимание распределяется одновременно на несколько объектов:

1) определение содержания высказывания;

2) отбор и фиксация языковых средств;

3) установление и удержание в памяти логической последовательности высказывания;

4) его реализация во внешнем плане.

Важно помочь студентам упорядочить мысли, внести ясность в решение поставленной задачи, дисциплинировать поиск средств для ее решения. Большую роль в разрешении данной проблемы играет наглядность, т. е. смысловая опора. Таким образом, перед преподавателем возникает задача

составления и использования визуальных опор с функцией управления обучения иноязычному высказыванию. В качестве такой опоры разработана логико-коммуникативная программа, в которой наиболее полно представлена логическая последовательность мысли, а смысловое содержание задано частично.

Логико-коммуникативная программа (далее ЛПК) состоит, как правило, из трех частей:

- 1) начало высказывания;
- 2) аргументированная часть;
- 3) завершение суждения.

В программе представлен материал на различных уровнях организации, вербальные средства (предложение, его часть, отдельно выделенное слово), а также комплекс невербальных средств, соотнесенных с ситуацией (рисунки, цифры, значки). Опора всегда содержит больше того, что в ней выражено. Она задает движение мысли, способствуя ее разворачиванию.

Специальные исследования показывают, что применение ЛКП методически оправдано. Компактные, часто необычные сигналы, вызывая интерес у студентов, побуждают их к творческому труду, заостряют внимание, способствуют запоминанию и переводу в долговременную память языковой и речевой форм. ЛКП позволяет охватить единым взором совокупность всех звеньев информации, увидеть и установить связи между ними, содействует развитию логических умений.

Как показывает практика, использование ЛКП оказывает положительное воздействие на студентов, стимулирует интерес к предмету и улучшает его усвоение, повышает работоспособность и, следовательно, успеваемость.

На основе всего изложенного выше можно сделать вывод, что невербальные опоры играют немаловажную роль в обучении эффективному речевому поведению в сфере межкультурной коммуникации. Одним они облегчают процесс учения, у других вскрывают потенциальные возможности, вселяют уверенность, создают психологический комфорт, а также обеспечивают развитие языковой компетенции.

РОЛЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ АБИТУРИЕНТОВ-ИНВАЛИДОВ.

Л.Г. Родионова

Челябинский государственный университет

Self-dependent work is very important for students. Regional Center of Education of Disabled people of Chelyabinsk state university teaches disabled pupils to use self-dependent work in their future studies in university.

В Челябинском государственном университете создана и с 1997 года действует система довузовской подготовки абитуриентов-инвалидов. Для этой группы слушателей создана особенная, адресованная именно ей, специальная программа, в которой не последняя роль отводится изучению основ методики самостоятельной работы. Это необходимо и потому, что по

состоянию здоровья инвалид может временно прекращать учебный процесс. В связи с этим, нужно быть готовым компенсировать перерывы за счет самостоятельной работы.

Самостоятельная работа понимается как такой способ учебной работы, при котором обучаемым предлагаются учебные задания и инструкции для их выполнения. Самостоятельная работа проводится без непосредственного участия преподавателя, но под его руководством, а выполнение работы требует от обучающегося умственного напряжения [Абульханова-Славская, 1991].

Умения самостоятельной работы включают планирование, работу с книгой, самоконтроль, целесообразность восприятия, рациональное усвоение, эффективное мышление, специальные умения, умение извлекать из текста главную мысль, делить текст на смысловые части, сравнивать явления, составлять план, кратко излагать текст.

В целом обучаемые должны усвоить, что для выполнения самостоятельной работы нужно определить ее цель, пути реализации, спланировать процесс работы по времени, уметь проконтролировать результаты. Информирования о самостоятельной работе, однако, недостаточно, нужна тренировка их применения для формирования необходимых навыков [Приводится по: Мартынова, 2002].

Слушатели РЦОИ готовятся к самостоятельной работе с книгой в вузе в рамках адаптационной программы по всем учебным дисциплинам в той или иной степени, но главным образом, на занятиях по «Основам методики самостоятельной работы в вузе».

В конце лекции, предшествующей теме «Основы библиографии», преподаватель выделяет время и предлагает слушателям следующую ситуативную задачу: «Вам дается совершенно незнакомая книга. Что Вы можете сказать о ней через несколько минут? Напишите подробно». В ходе лекции преподаватель апеллирует как к положительным моментам, так и к пробелам в представлениях слушателей. Чтобы слушатели получили представление об имеющихся у них знаниях о поиске необходимой литературы, им предлагается письменно решить ситуативную задачу. «Вам нужно написать реферат. С чего Вы начнете?» Преподаватель анализирует эти ответы и апеллирует к ним на занятии по основам библиографии и книжного поиска, где излагаются правила эвристики.

Следующая ситуативная задача звучит так: «Вам необходимо оформить список использованной в реферате литературы, правильно оформить ссылки на нее. Как Вы это сделаете?» Позитивную информацию по этим вопросам с учетом анализа работ слушателей на занятии дают специалисты-библиографы во время лекции. На практическом занятии слушатели пробуют себя в книжном поиске под руководством специалистов. И лекция, и практическое занятие проходят в информационно-справочном отделе библиотеки, где слушатели знакомятся с различными видами каталогов. При возникновении вопросов у слушателей преподаватель проводит индивидуальные консультации или индивидуальные занятия.

Следующая ситуативная задача, которая нередко встречается в студенческие годы, звучит так: «Вы формируете личную библиотеку специальной литературы, приобретаете для этого необходимые книги. Вы пришли в книжный магазин. Как в короткое время оценить предлагаемую литературу и выбрать ту книгу, которая Вам необходима?» Письменные работы преподаватель проверяет и анализирует, итоги обсуждаются на занятии, преподаватель дает информацию инструктивного характера. Закрепление полученных знаний происходит во время контрольного учебного занятия в читальном зале университета, где каждый слушатель получает абсолютно незнакомую книгу любого характера, описывает ее по каталогу читального зала и дает ее подробный письменный анализ, опираясь на полученные знания. Дальнейшая работа со слушателями идет индивидуально.

Важным представляется не только умение найти нужную книгу и описать ее, но и умение разобраться в содержании. Слушатели получают систематизированную, значительную по объему информацию в лекционной форме. Но не менее важна роль практических (аудиторных и внеаудиторных) занятий, которые необходимы для того, чтобы слушатели попробовали себя на деле.

Основная форма самостоятельной работы с книгой - обучение конспектированию. Если оно выполнено не формально, то позволяет досконально разобраться в любой публикации. Подлинное конспектирование представляет чрезвычайно сложную работу для слушателей. Это не случайно, так как работа с текстом связана с такими интеллектуальными операциями, как анализ, наблюдение, отбор материала, обобщение и т.п. Кроме этого, следует связно, последовательно, сжато по форме и полно по содержанию, письменно изложить результаты работы над текстом [Приводится по: Мартынова, 2002].

Вся работа по обучению конспектированию делится на части (операции), по которым слушатели на лекциях получают рекомендации, а затем пробуют себя на практических занятиях под руководством преподавателя. Здесь работа начинается, а завершается дома самостоятельно с последующей проверкой и анализом преподавателя. Коллективная работа дополняется индивидуальной [Лында, А. С. 1971].

По такой методике слушатели последовательно учатся составлять простой и развернутый планы, тезисы, делать выписки и ссылки, цитировать, формулировать выводы. Эта работа дополняется рукописными словарями к конспектируемой публикации, куда слушатели выписывают термины, незнакомые, иностранные слова и т.п., которые они разъясняют по словарям и справочникам из фондов читальных залов университета. Все виды работ проверяются преподавателем, который дает консультации индивидуально. В результате такой работы оформляется конспект, который является зачетной работой слушателя. Тесное взаимодействие преподавателя и слушателей (в группе или индивидуально) позволяет на деле осуществлять педагогику сотрудничества.

Кроме навыков поиска книг, анализа их содержания, в РЦОИ даются знания по написанию рефератов. Этот вид работы выполняется как зачетный по дисциплинам «Основы психологических знаний», а также «Основы методики самостоятельной работы». При этом слушатели уже попробовали себя в практическом поиске и описании книг, анализе их содержания, что определенным образом позволяет подготовиться к работе по написанию рефератов. Инструктивный материал по реферированию дается слушателям фронтально, а практические попытки преподаватель курирует индивидуально, установив для каждого график индивидуальных консультаций.

В ходе занятий по информатике каждый слушатель не только получает определенную сумму знаний, но учится их приобретать самостоятельно, работать с информацией, овладевать способами познавательной деятельности, которые в дальнейшем помогут ему повышать квалификацию, менять профессиональную ориентацию и т.д.

С приобретением этих навыков у студентов-инвалидов формируется чувство положительной самооценки, свободы в выборе действий, поступков, ответственность за результаты своего труда, развиваются творческие способности. Освоение компьютерных технологий в ходе изучения информатики развивает индивидуальные качества личности за счет вовлечения слушателей в те виды самостоятельной деятельности, которые носят индивидуальный характер. Это поиск информации в сети Интернет, индивидуальная работа с мультимедийными обучающими программами, подбор информации для написания рефератов, индивидуальная научно-исследовательская работа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова - Славская, К. А. Стратегия жизни [Текст] / К. А. Абульханова - Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
2. Лында, А. С. Самостоятельная работа и самоконтроль старших школьников [Текст] / А. С. Лында. – М. : Изд-во МОПИ, 1971. – 240 с.
3. Мартынова, Е. А. Социальные и педагогические основы построения и функционирования системы доступности высшего образования для лиц с ограниченными физическими возможностями [Текст] / Е. А. Мартынова. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2002. – 159 с.

ПОНЯТИЙНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРМИНА ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА

Л.Г. Романова

Оренбургский государственный университет

This article is devoted to the problem of equivalence of translation and its most important criteria. Systematic and integral approach is considered to be necessary and effective in this problematic field.

В современном переводоведении центральное место занимает проблема достижения *эквивалентности перевода*. Необходимо отметить, что к изучению понятия *переводческой эквивалентности* необходим системный и

интегрированный подход. Интегральная модель, дающая возможность системного подхода к изучению существующих в современной теории перевода дефиниций термина «эквивалентность перевода», может быть создана с помощью метода графосемантического моделирования, разработанного К.И. Белоусовым и Н.Л. Зелянской [Белоусов, Зелянская, 2005, с. 50-56]; [Белоусов, 2005]. Данный метод «позволяет представить набор данных (выборку, целостность) в виде системы, в которой каждый из компонентов имеет четкую иерархическую и топологическую определенность по отношению к другим компонентам и всей системе в целом» [Белоусов, 2008, с. 44]. Моделирование понятийного потенциала термина *эквивалентность перевода* включает в себя следующие этапы:

I. Компонентный анализ определений.

1) Из работ филологов методом сплошной выборки было выделено 50 определений термина «эквивалентность» [Латышев, Семенов, 2005, с. 56]; [Сдобников, 2006, с. 209] и мн. др.

2) В каждом определении были выделены *понятийные компоненты-единицы* (далее ПК), которые являются принципиально важными «для выявления сущностных черт термина» [Белоусов, 2008, с. 44].

II. Полевой анализ определений.

1) Из выделенных ПК формировались 24 понятийных поля (далее ПП).

2) Определилось количество связей между ПП в рамках понятийного пространства каждого определения термина *эквивалентность*.

3) Обнаруженные связи между ПП проходили фазу графической репрезентации (построение семантического графа) (см. рис.1).

Используя данные статистических методов, мы выделили наиболее значимые ПП (см. рис.1).

Вышеперечисленные ПК, представленные в графосемантической модели на рис.1, можно отнести к различным параметрам (см. табл. 1).

Параметры	понятийные компоненты	Степень встречаемости (в % от общего числа определений выборки)
Текстовые	текст и контекст, перевод, подлинник, текстовая тождественность	72 %
прагматические	коммуникативность, целенаправленность, трансляция, обусловленность, коммуникативная тождественность	60 %
Смысловые	семантика, смысловая тождественность	38 %

лингвистические	язык и речь, тождественность языковых средств	34 %
структурные	уровень, компонентность, структурная тождественность	26 %

Таблица 1. Параметры оценки уровня *эквивалентности* перевода и частотность их употребления в определениях рассматриваемой выборки.

ПК *перевод* и *подлинник* относятся к текстовым параметрам *эквивалентности* перевода, т.к. подлинник и перевод трактуются как исходный и конечный тексты.

К прагматическим параметрам были отнесены такие ПК, как *коммуникативность*, *целенаправленность*, *трансляция*, *обусловленность*, т.к. они характеризуют перевод как процесс, направленный на достижение определенных целей.

ПК *семантика* является смысловым параметром переводческой *эквивалентности*, поскольку передача смыслового содержания подлинника является одной из важнейших задач перевода.

К лингвистическим параметрам *эквивалентности* необходимо отнести ПК *язык и речь*, т.к. выбор языковых средств влияет на создаваемый перевод.

ПК *уровень* и *компонентность* имеют структурный характер. Несмотря на то, что минимальная единица перевода – текст, перевод нужно рассматривать как поэтапный процесс. Результат же этого процесса – текст – обладает определенной структурой, точность передачи которой важна для достижения *эквивалентности*.

Примечательно то, что ПК *тождественность* относится ко всем параметрам, так как *эквивалентность* трактуется как *тождественность* на уровне *текстов* (или *частей текстов*), смысловая *тождественность*, *соответствие* языковых средств оригинала и подлинника и *тождественность коммуникативной ценности* перевода и подлинника.

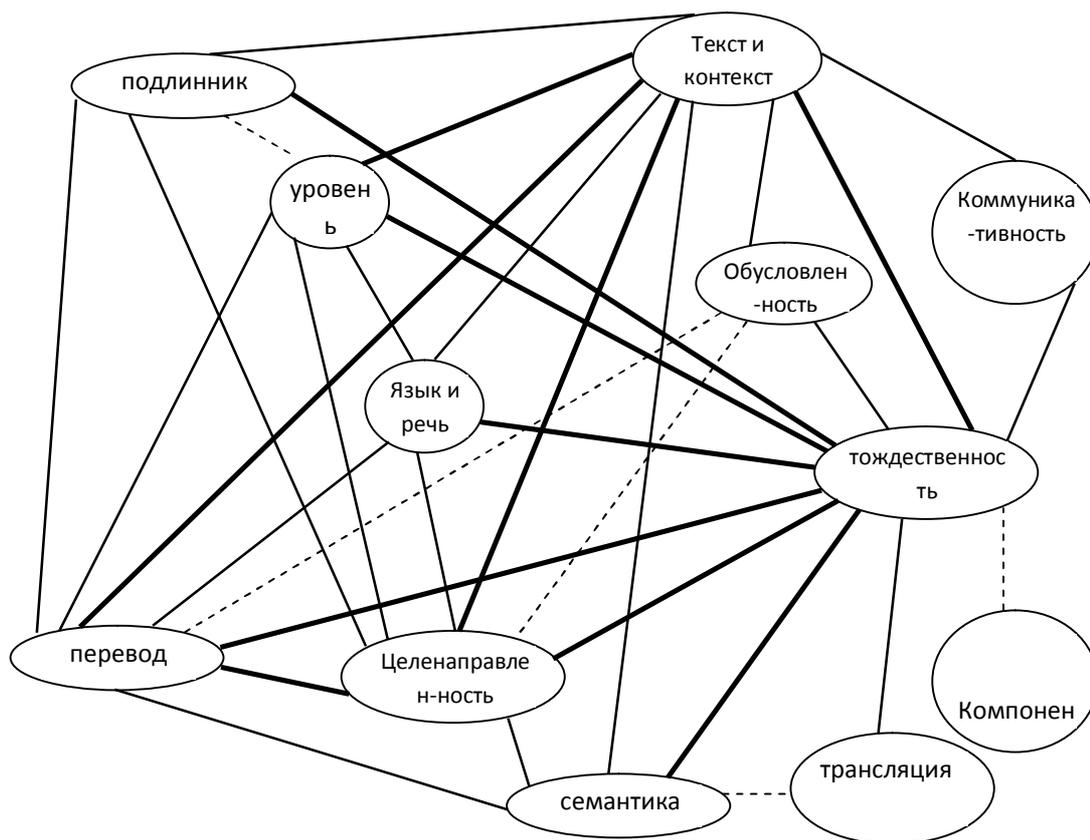

Рис.1. Графосемантическая модель термина «эквивалентность».

Примечание. Чем толще линия, тем больше связей обнаруживает один компонент с другим, тем более вероятна зависимость появления одного компонента в связи с наличием другого. Так, пунктирные линии демонстрируют слабые связи (значения больше среднеквадратичного). Обычными линиями обозначены средние связи (значения больше среднего). Жирными линиями обозначены сильные связи (значения больше значения суммы среднего и среднеквадратичного).

В графосемантической модели (см. рис.1) четко просматриваются понятийные триады. «Триада – единство, образуемое тремя отдельными членами и частями» [Ожегов, Шведова, 1997, с. 811]. Элементы, составляющие понятийные триады, имеют взаимные сильные связи, что обусловлено значительным количеством дефиниций эквивалентности перевода с использованием данных понятий.

Рассмотрим важнейшие из представленных понятийных триад.

1) *тождественность ↔ целенаправленность ↔ перевод*

Тождественность

Данная взаимосвязь указывают на существенность такого критерия оценки переводческой эквивалентности, как функциональное соответствие перевода и подлинника.

2) *тождественность ↔ текст и контекст ↔ целенаправленность*

Тождественность

Понятийное поле *текст и контекст* выступает в роли ядерного компонента. Данное поле входит в состав четырех из пяти представленных выше понятийных триад. Многие исследователи отмечают важность достижения эквивалентности не на уровне отдельных лексических единиц, а на уровне текстов.

Хотя понятийные поля *автор* и *адресат* не преодолели порога статистической значимости и не вошли в число значимых полей, отраженных в графосемантической модели, необходимо отметить, что в понятийной триаде *тождественность ↔ целенаправленность ↔ перевод* предусмотрена ориентированность на читателя, что отражает антропоцентрическую природу переводческой эквивалентности.

Выводы:

- к изучению понятия *переводческой эквивалентности* необходим системный и интегрированный подход;
- выборку дефиниций эквивалентности перевода необходимо представить в виде системы, в которой каждый из компонентов имеет четкую иерархическую и топологическую определенность по отношению к другим компонентам и всей системе в целом;
- метод графосемантического моделирования, разработанный К.И. Белоусовым и Н.Л. Зелянской, позволяет создать интегральную модель понимания термина *эквивалентность* перевода;
- наиболее востребованные понятийные компоненты графосемантической модели можно отнести к различным параметрам, а именно: *текстовые, прагматические, смысловые, лингвистические, структурные*; - доминирующими параметрами *оценки эквивалентности* перевода являются *текстовые* (встречаются в 72 % определений рассматриваемой выборки) и *прагматические* (встречаются в 60 % определений выборки);
- второстепенными критериями *оценки эквивалентности* перевода, занимающими подчиненное место в иерархии параметров, являются *смысловые, лингвистические* и *структурные*;
- подчиненное место *смысловых, лингвистических* и *структурных* критериев в иерархии параметров *оценки эквивалентности* перевода

обусловлено низкой частотностью употребления данных групп в дефинициях переводческой эквивалентности;

- переводческая эквивалентность имеет антропоцентрический характер;
- важнейшими критериями оценки *эквивалентности* перевода являются:

функциональное соответствие перевода и подлинника; достижения *эквивалентности* не на уровне отдельных лексических единиц, а на уровне текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов, К.И. Графосемантическое моделирование концептуальной организации текста [Текст] / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // *Художественный текст : варианты интерпретации.* – Бийск: РИО БПГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 50-56.

2. Белоусов, К.И. Деятельностно-онтологическая концепция формообразования текста: дис. ... докт. филол. наук [Текст] / К.И. Белоусов. – Оренбург, 2005. – 374 с.

3. Белоусов, К. И. Заглавие текста как категория филологической рефлексии / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф., 25-26 апр. 2008 г., Челябинск.* Т. 3 отв. ред. д.филол.н., проф. Л. А. Нефёдова и др. – Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008. – с. 43-47.

4. Латышев, Л.К., Семенов, А.Л. Перевод: Теория, практика и методика преподавания: Учебник для студентов переводческих факультетов высш. уч. заведений – 2-е изд. стер. / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 192 с.

5. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

6. Сдобников, В.В. Теория перевода (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков) / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 448с.

РАЗВИВАЮЩИЙ И ВОСПИТЫВАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПРЕДМЕТА «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»

Т.В. Романова

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия

The article is dedicated to the development of the autonomous position of a student in accordance with the axiological approach. Some pedagogical conditions of the development of students autonomous position and the data of the research held among high school students are presented in the article.

Язык и лингвистическое образование выступают в качестве важного инструмента успешной жизнедеятельности человека в поликультурном и мультилингвальном социуме, его способности быть социально мобильным, свободно «входить» в открытое информационное пространство. Значимость

языкового образования должна подкрепляться его личностно ориентированной ценностью, поскольку последняя связана с индивидуально мотивированным и стимулированным отношением отдельной личности к собственному образованию вообще и языковому в частности, что является показателем высокого уровня сформированности самостоятельности личности.

Иностранный язык исторически является предметом общеобразовательного цикла. Однако его развивающие и воспитывающие резервы до сих пор недостаточно изучены, и значение иностранного языка как предмета образовательной программы, способствующего развитию и воспитанию учащихся, недооценивается.

Концепция модернизации российского образования ориентирована на формирование обучающегося сообщества посредством обеспечения большей привлекательности обучения. Современное образование нацелено не только на усвоение обучающимися определенной суммы знаний, но и на развитие его личности, его познавательных и созидательных способностей. Актуальным становится развитие учащихся в процессе обучения, а именно создание на занятиях условий для формирования базовой культуры личности: коммуникативной, нравственной, правовой, эстетической и др.

Иностранный язык как академический предмет может быть действенным фактором развития личности учащихся. Изучение иностранного языка, закладывая основы иноязычной речевой деятельности, является дополнительным средством расширения кругозора учащихся, средством формирования их ценностной позиции.

В иерархии ценностных ориентаций среди молодежи приоритетными являются направленность на активную самореализацию, независимость, самостоятельность в определении собственной позиции, социальное признание и самовыражение, высокая зарплата, хорошая работа, но при этом (по нашим данным) частью испытуемых образованию отводится двенадцатое место из двадцати трех.

Низкая позиция ценности «образования» в иерархии ценностных ориентаций юношества обуславливает актуальность формирования у учащихся юношеского возраста ценностного отношения к образованию, познавательной активности, мотивации на достижение успеха в учении.

В рамках нашего исследования мы обращаемся к самостоятельности как к ценностной ориентации учащихся юношеского возраста на успешную образовательную деятельность. Категория «самостоятельность» нами рассматривается в контексте образовательной деятельности с позиции аксиологического подхода. Наше понимание самостоятельности как ценностной ориентации личности основывается на восприятии ее как внутриличностного регулятора действий молодого человека, помогающего ему осознать важность и значимость образовательной деятельности и сформировать к ней положительное эмоциональное отношение. При этом, основное внимание нами уделялось переводу «самостоятельности» в ранг ценности как ценности духовной, понимание ее не столько как получение

свободы от опеки взрослых, сколько ориентации на самостоятельное добывание знаний, образовательную деятельность.

В ходе исследования была разработана модель процесса развития самостоятельности учащихся юношеского возраста с позиции ценностного подхода. Структурными компонентами модели явились: принципы организации учебной деятельности, представленные принципами сознательности и творческой активности учащихся, ориентации на ценности и ценностные отношения, гуманизации, связи воспитания и обучения в педагогическом процессе; педагогические условия развития самостоятельности, представленные включением учащихся в активную образовательную деятельность посредством специально разработанных заданий и упражнений, ориентирующих их на ценностное отношение к творческим видам деятельности, привлечением учащихся юношеского возраста к выполнению научно-исследовательской работы, организацией профориентационной деятельности с учащимися юношеского возраста, интеграцией учебной и внеучебной деятельности через организацию мероприятий и конкурсов по профилирующему предмету; критерии сформированности самостоятельности как ценностной ориентации учащихся, которые включают адекватную самооценку учащихся, направленность личности учащихся на деятельность, высокий уровень мотивации достижения успеха учащихся, внутреннюю мотивацию учебной деятельности на усвоение знаний и ценности будущей профессиональной деятельности; этапы развития самостоятельности как ценностной ориентации учащихся юношеского возраста на образовательную деятельность, представленные мотивационным, деятельностным и рефлексивно-оценочным этапами с соответствующим содержательным наполнением.

Опытнo-экспериментальная работа по развитию самостоятельности учащихся юношеского возраста проводилась в соответствии с аксиологической моделью в рамках созданной на ее основе программы развития самостоятельности как ценностной ориентации учащихся юношеского возраста на образовательную деятельность на базе факультета профессионального иностранного языка Удмуртского государственного университета г. Ижевска и средних общеобразовательных школ г. Ижевска. В экспериментальную выборку вошли учащиеся 10-11-х классов школ и будущие лингвисты – переводчики I курса первого семестра факультета профессионального иностранного языка Удмуртского государственного университета.

В рамках первого блока экспериментальной программы по развитию самостоятельности учащихся – мотивационного – с целью формирования высокого уровня потребности в достижении успеха учащиеся писали сочинения с последующим рефлексивным анализом; учащимся предлагалось выполнить ряд заданий и упражнений, основной целью которых была мотивация на образовательную деятельность, формирование интереса к учебе, к познанию, к преодолению трудностей, среди которых были задания, побуждающие учащихся к осуществлению учебно-творческой деятельности;

задания, стимулирующие интерес учащихся к ценностям профессиональной деятельности; игровые задания.

В рамках второго блока экспериментальной программы – деятельностного – с целью формирования типа направленности личности учащихся на «дело», формирования позитивной мотивации учебной деятельности с учащимися проводились ролевые игры; учащимся предлагались задания с элементами исследования; задания проблемного и дискуссионного характера; задания, ориентирующие их на решение творческих задач и побуждающие к осуществлению учебно-творческой деятельности. Учащиеся привлекались к организации и участию в мероприятиях и конкурсах по предмету, групповым дискуссиям по текущим академическим темам, к участию в научно-практических конференциях. Учащиеся писали рефераты и выступали с докладами. В содержание экспериментальной работы были включены поэтические Шекспировские вечера на английском языке.

Для учащихся юношеского возраста характерна недостаточная сформированность мотивов саморазвития личности и готовности к выбору будущей профессии. Одной из главных задач общеобразовательного учреждения является подготовка учащегося к выбору и реализации дальнейшего варианта продолжения образования и к последующему профессиональному самоопределению. С этой целью на уроках иностранного языка представляется возможным информировать и ориентировать учащихся на такие профессии, как учитель, переводчик, ряд других профессий, посредством целенаправленного подбора дидактического материала, специально разработанных заданий и упражнений, организации встреч с успешными представителями определенных профессий, личного примера учителя. Квазипрофессиональная деятельность учащихся на занятиях ориентирована на то, чтобы учащиеся могли самоопределиться в выборе своей будущей профессии или утвердиться в выбранной. Квазипрофессиональная деятельность - это деятельность учащихся, учебная по форме и профессиональная по содержанию, представляющая собой трансформацию содержания и форм учебной деятельности в адекватные им, предельно обобщенные, содержание и формы профессиональной деятельности. Так, микропреподавание учащихся на занятиях в рамках определенной академической темы, помимо усвоения материала по предмету, имеет целью также ознакомление учащихся с профессией учителя. На занятиях по иностранному языку учащиеся чаще всего обращаются к квазипрофессиональной деятельности переводчика, которая может быть представлена устными и письменными переводами прозы и поэзии классических и современных авторов, требующей от учащихся творческого вдохновения, ориентирующей их на ценности переводческой деятельности, стимулирующей интерес учащихся к профессиональной деятельности.

В рамках третьего блока экспериментальной программы – рефлексивно-оценочного - с целью формирования адекватной самооценки учащимся предлагались задания на формирование у них навыков самоанализа; задания

на создание позитивной, доверительной атмосферы в группе; задания дискуссионного характера, ориентирующие учащихся на ценности продуктивного общения и эффективного взаимодействия. Учащиеся читали и участвовали в обсуждении литературы, направленной на формирование критического отношения к себе и выполняемой деятельности, придающей уверенность в себе, открывающей мир неограниченных возможностей человека, ориентирующей на позитивный настрой.

В процессе опытно-экспериментальной работы по развитию самостоятельности как ценностной ориентации учащихся юношеского возраста на образовательную деятельность происходила переоценка ценностей учащихся. Учащиеся проявляли интерес к приемам творческой деятельности, стремились анализировать, синтезировать, обобщать, учились рефлексированию своей учебной деятельности, у них вырабатывалась самокритичность, которая помогала видеть личные недостатки, учащиеся задумывались о необходимости работать над собой, что стимулировало поиск путей осуществления самовоспитания, самообразования, что, в конечном итоге, способствовало формированию ценностной ориентации учащихся юношеского возраста на образовательную деятельность.

Анализ результатов опытно-экспериментальной работы показал, что по каждому диагностическому признаку самостоятельности как ценностной ориентации учащихся юношеского возраста установлена позитивная динамика показателей в экспериментальной выборке на достоверно значимом уровне.

Исследование показало, что аксиологическая модель и разработанная на ее основе программа позволяет расширить возможности учебной деятельности через реализацию выявленных педагогических условий и способствует развитию самостоятельности как ценностной ориентации учащихся юношеского возраста на образовательную деятельность.

Таким образом, преподаватель средствами своего предмета может формировать у учащихся их ценностную позицию, развивать логическое мышление, активизировать творческий потенциал личности, мотивировать их к самовоспитанию и самообразованию.

МЕТОД РАЗЫГРЫВАНИЯ РОЛЕЙ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О.А. Сорокина

Челябинский государственный университет

The main idea of this article is the method of playing roles. Playing roles is considered to be one of the main factors in training specialists in intercultural communication. It enables students to imitate situation of every day life.

Необходимо отметить, что в методике обучения иностранным языкам подготовка специалистов в области межкультурной коммуникации традиционно рассматривается с позиций диалоговой концепции культур, разработанной М.М. Бахтиным и В.С. Библером. Это обусловлено тем, что в самом понятии «межкультурная коммуникация» заложено равноправное

взаимодействие представителей разных общностей с учетом их самобытности и своеобразия.

Под межкультурной коммуникацией понимается «специфический процесс взаимодействия разных вариантов культуры через вербальное и невербальное общение своих и чужих носителей культуры и языка» [Тер-Минасова, 2000, с. 181].

В межкультурной коммуникации прослеживается взаимодействие: языка, отражающего культуру народа и выступающего как определенная форма культурного поведения; культуры, передающей своеобразие общественно-исторических условий и специфику культурной жизни; субъекта, носителя языка и культуры.

Поэтому процесс подготовки специалистов в области межкультурной коммуникации должен осуществляться в учебной деятельности, моделирующей типичные ситуации межкультурного общения. Наиболее эффективными методами игрового моделирования будущей профессиональной деятельности в условиях вузовского обучения являются методы анализа конкретных ситуаций (case-study), метод разыгрывания ролей, метод деловой игры [Вербицкий, 1986].

Метод разыгрывания ролей, или ролевая игра, трактуется учеными-методистами как прием, при котором обучающийся должен свободно импровизировать в рамках заданной ситуации, выступая в роли одного из ее участников [Котлярова 1986; Вербицкий, 1986; Мильруд, 2004].

Использование ролей предполагает следование определенным нормам и правилам, поэтому в процессе ролевой игры происходит осознание норм и правил своего поведения и поведения других, повышается уровень общей культуры поведения, студенты овладевают деловым этикетом. Так как конкретная роль допускает многообразие способов ее использования, это дает возможность студентам проявить свою индивидуальность и творческие способности. Однако, как отмечает большинство исследователей, в отличие от детей студенты часто не выражают особого желания принять участие в ролевой игре, поскольку боятся показаться смешными товарищам по группе. Поэтому при подготовке и проведении ролевой игры необходимо соблюдать следующие правила:

- обучающемуся должны предлагаться ситуации, которые действительно могут возникнуть в реальной жизни;

- в моменты умственного напряжения у обучающихся создаются ситуации озарения, бифуркации, когда незначительные усилия фасилитатора, разрешая противоречия, скачкообразно переводят систему на другой, более высокий уровень развития; главный источник вдохновения и знаний – это группа обучающихся. Именно в процессе коллективной мыследеятельности возникают «креативные вспышки», «ситуации озарения», подвигающие к «воспроизводству знания»;

- обучающемуся необходимо помочь адаптироваться к определенной роли в ситуации межкультурной коммуникации. Причем в одних случаях он может играть самого себя, в других ему придется взять на себя

воображаемую роль, что предпочтительнее. Преподаватель-фасилитатор осуществляет такое управление, формируя временные органы самоуправления, группы оппонентов, экспертов, журналистов, дежурных и т.п., через создание атмосферы творчества, которая постигается не умозрительно, а через восприятие (действия, отношения, эмоциональное переживание), включая механизмы рефлексии, создавая ситуации озарения как центральный элемент творчества, нахождения оригинального решения проблемы. Нельзя развить креативность, не ставя обучающегося в позицию творца чего-то для него нового. Психологический эквивалент творческой деятельности – игра; участников ролевой игры необходимо подготовить к тому, что они должны вести себя так, как если бы все происходило в реальной жизни, то есть их поведение должно соответствовать исполняемой ими роли;

- в процессе игры нужно концентрировать внимание участников на коммуникативном использовании единиц языка, а не на обычной практике закрепления их в речи.

В зависимости от цели занятия и уровня подготовленности студентов мы проводили ролевые игры в парах, в малых группах по 3-5 человек и группах по 12-15 человек. Ролевые игры в парах являются более распространенными, так как занимают немного времени, позволяют отработать различные образцы высказываний, которые выражают мысли, оценку, совет. Примером такой игры является ролевая игра, где S1 - организатор праздника “Scottish evening”, S2 – слышал об этом празднике, он им заинтересован. S1 – получает карточку со следующей информацией: Highland fling, come and taste, haggis, bannocks, Glenlivet dance, bag pipes, the Victoria Rooms, Tuesday, 29th June, tickets free. S2 – получает карточку со следующей информацией: when and when it is, what is going to happen, what you will be able eat, drink, do.

Ролевая игра в подгруппах является подготовкой к игре на более высоком уровне, она подразумевает взаимодействие нескольких участников, поэтому в данной игре могут возникнуть стихийные дискуссии. Основная информация сосредоточена на карточке, одна сторона которой одинакова для всех участников, она содержит информацию о проблеме, которую надо решить, другая сторона карточки для всех участников разная, так как дает конкретную информацию каждому участнику.

Примером такой ролевой игры является “International food festival”. Целью данной ролевой игры является закрепление лексики по теме “National dishes”. Каждый из студентов (3-5 человек) выбирает национальное блюдо той страны, которую он представляет и заполняет следующую карточку:

Participant's name	Name of dish
Type of dish	Country

Затем студенты выбирают любую из этих карточек и спрашивают того студента, кому принадлежит эта карточка, как приготовить это блюдо.

На первых, вторых курсах мы также практиковали ролевые игры на более высоком уровне, так как они обеспечивали оптимальную активизацию коммуникативной деятельности студентов, предполагали

самостоятельную работу дома, способствующую развитию логики, критического мышления, умения аргументировано высказываться, убеждать партнеров по общению, учитывая их точку зрения. Этот вид ролевой игры помогал сформировать умения быстрого поиска решения поставленной задачи, умения переходить от одной темы разговора к другой, умения имитации погружения в языковую среду, расширения лингвистических и страноведческих знаний.

Такая ролевая игра включала пять этапов:

1. Подготовительный этап в аудитории. На этом этапе студентам дается домашнее задание, чтобы подготовиться к игре.
2. Подготовительный этап дома.
3. Собственно ролевая игра.
4. Заключительный этап в аудитории направлен на оценку преподавателем и студентом коммуникативной деятельности каждого студента.
5. Заключительный этап дома предусматривает выполнение аргументированного задания (например, задание на поиск информации в Интернете, библиотеках и пр.).

Примером такой ролевой игры является ролевая игра “Celebration Time”. Условия игры: Вы открываете в вашем городе кафе, где можно пробовать национальную кухню некоторых стран (Англии, Чехии, Америки) и где можно отмечать национальные праздники представителей различных культур.

Данная ролевая игра подразумевает создание особой атмосферы, придумывание фирменных блюд с фантастическими названиями, рецепты, национальные костюмы официантов, эмблемы, вывески, реклама с собственными слоганами и собственным логотипом. Группа, представляющая ту или иную страну, отвечает на вопросы присутствующих зрителей или преподавателя.

Таким образом, использование ролевых игр в процессе профессиональной подготовки специалистов межкультурной коммуникации позволяет им приобрести опыт межъязыковой, межкультурной и межличностной коммуникации, формирует ценностное отношение к родной и иной культуре, стремление изучать их, обеспечивает условия для проявления у студентов профессиональной мотивации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербицкий, А. А. Формирование познавательной и профессиональной мотивации студентов [Текст] / А. А. Вербицкий, Т. А. Платонова. – М. : Изд-во НИИВШ, 1986. – 40 с.
2. Зимняя, И. А. Педагогическая психология [Текст] : учеб. для вузов / И. А. Зимняя. – М. : Логос, 1999. – 384 с.
3. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 624 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРАГМА-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

О.В.Сулова

Челябинский государственный университет

This article deals with some aspects of teaching English as a foreign language and discusses one of the main principles of syllabus design.

Особое внимание при проектировании процесса развития иноязычной коммуникативной компетенции у студентов, изучающих английский язык, должно уделяться вопросу построения содержания обучения.

Общие принципы отбора содержания образования неоднократно являлись предметом обсуждения в педагогике и дидактике (Ю.К. Бабанский, В.В. Краевский, И.Я. Лернер, Б.Т. Лихачев, В.С. Леднев, М.И. Скаткин и др.).

В.В. Краевский объединил весь перечень принципов отбора содержания образования в три основные группы:

- принципы соответствия содержания образования уровню современной науки, производства и основным требованиям развивающегося демократического общества;

- принципы единства содержательной и процессуальной сторон обучения, что предполагает представленность всех видов человеческой деятельности в их взаимосвязи;

- принципы структурного единства содержания образования на разных уровнях его формирования с учетом личностного развития обучаемого, предполагающий взаимную уравновешенность, пропорциональность и гармоничность компонентов образования [Краевский, 1989].

В.И. Загвязинский дополняет вышеперечисленные принципы принципом отражения в содержании образования всех ведущих элементов мировой и отечественной культуры, содержащих потенциал личностного развития обучаемых [Загвязинский, 1978, с.69].

Таким образом, критериями отбора содержания могут быть:

- целостное отражение в нем основных компонентов социального опыта, перспектив его развития, задач всестороннего развития личности;

- выделение главного и существенного в содержании образования, отбор наиболее универсальных, фундаментальных элементов;

- соответствие объема материала выделенному на изучение времени;

- учет отечественного и международного опыта формирования содержания учебных программ;

- соответствие содержания учебно-материальному и методическому оснащению учебного процесса.

Принципы и критерии носят обобщенный характер, поэтому они нуждаются в конкретизации в соответствии с уровнем социокультурного развития студента.

Анализ научной литературы (Р.П. Мильруд, И.Л. Плужник, И.И. Халеева и др.), обобщение эффективного педагогического опыта,

собственная деятельность в качестве преподавателя английского языка высшей школы позволили сформулировать принципы развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов вузов, к которым, в том числе, мы относим принцип прагма-функциональной релевантности.

Принцип прагма-функциональной релевантности [Bachman, 1990; Hymes, 1972] позволяет проектировать содержание обучения согласно основным положениям коммуникативной дидактики, где главной целью при изучении иностранных языков является развитие основных коммуникативных умений: понимания устной и письменной иноязычной речи, говорения и письма. Также выделяется способность пользоваться языком в процессе коммуникации как системой внутренне присущих говорящему правил функционирования языка, к коим относятся языковые, дискурсивные, разговорные, прагматические, социально-лингвистические и мыслительные правила.

Данный принцип предполагает соотнесение реестров изучаемых лексических и грамматических единиц с речевыми актами, замену традиционной грамматической прогрессии коммуникативно-прагматической. Коммуникативно-прагматическая прогрессия основана на критерии прагматической релевантности. Поэтому под прагма-функциональной релевантностью нами понимается уместность речевого действия и его необходимость в обеспечении жизнедеятельности субъекта. Прагматический критерий предполагает определение (для конкретной категории обучающихся) релевантности таких коммуникативных феноменов, как: сфера общения, стандартные ситуации общения в рамках выбранной сферы, ситуативные роли, речевые действия, с помощью которых реализуются намеченные роли.

Важным моментом признается выделение сфер общения, где могут быть выделены четыре макросферы общения (И.И. Халеева): сфера производственной (материально-практической) деятельности как производное от совокупности связей человека с окружающим (природным и духовно-социальным) миром; сфера быта, бытовых отношений, выделяемая на основе взаимодействия человека с миром вещей, где первичной предпосылкой является «существование тела» человека, удовлетворения его фундаментальных потребностей; сфера культурологического общения как область коммуникации, материализуемая бытием духовным, лежащим в основании культуры (в глобальном смысле этого понятия), в основании которой лежат процессы художественного и научного творчества; сфера общественно-политической (социальной) деятельности, экстралингвистическим системообразующим фактором которой является бытие отдельного человека в обществе и в процессе истории, равно как и бытие общества [Халеева, 1989, с 90].

Следующим шагом является определение ситуативных ролей, которые представлены в отобранных стандартных ситуациях и аккумулируют социальный и коммуникативный опыт. В социальном взаимодействии и общении каждая роль активна, поскольку должна быть сыграна по

существующим правилам, а ее носитель должен проанализировать ситуацию, осуществить личностную оценку ее параметров и выбрать оптимальную линию своего (активного или пассивного) поведения.

Следующий уровень прагматической прогрессии — это уровень типичных речевых действий, с помощью которых можно реализовать намеченные роли: а) реализация ряда дискурсивных стратегий: начать разговор, структурировать разговор, ввести высказывание, внести коррективы, прервать собеседника, актуализировать общее знание, сформулировать претензии, привести примеры, подчеркнуть важные моменты; б) преобразование интенций в речевую форму: представиться, благодарить, извиниться, отреагировать на извинение, выразить сожаление/удовлетворение/неудовлетворение/неодобрение/отрицание, возразить, сообщить о чем-либо, обосновать, побудить к действию, предложить, принять/отклонить предложение, обещать, реагировать на обещание; в) введение ряда элементов управления дискурсом: ссылки, формулы вежливости, импульс/реакция, подтверждение/отклонение, сигналы о необходимости подтверждения правильности понимания, сигналы слушателя: внимание, согласие, скепсис, неверие; модальные частицы, частицы степени, риторические средства; г) актуализация ряда грамматических явлений: количественные отношения, модальные глаголы, придаточные предложения, грамматические времена, сослагательное наклонение [Астафурова, 1998, с. 30-39].

Представляется необходимым включать ряд сценариев, стратегий управления дискурсом и кооперативных стратегий в обязательный реестр учебных целей.

Отбор языковых и паралингвистических феноменов, необходимых для эффективной рецептивной и продуктивной речевой деятельности, также подчинен принципу прагматической релевантности. Основной и исходной языковой единицей при таком подходе является текст как центральный элемент речевой коммуникации, в том числе и диалогический текст, который отражает коммуникативно-прагматическую специфику ситуации общения и служит средством создания единого информационного (когнитивного) поля между коммуникантами.

Таким образом, названный принцип отражает содержательную характеристику процесса развития иноязычной коммуникативной компетенции и является основополагающим при создании модели развития иноязычной коммуникативной компетенции у студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафурова, Т. Н. Цели и содержание обучения межкультурной деловой коммуникации в неязыковом вузе [Текст] / Т. Н. Астафурова // Вестник ВолГУ. Сер. 6, Университет. образование. – 1998. – Вып. 1. – С. 30-39.

2. Загвязинский, В. И. О современной трактовке дидактических принципов [Текст] / В. И. Загвязинский // Совет. педагогика. – 1978. – С. 66-72.

3. Краевский, В. В. Теоретико-методологические основы содержания образования в современной школе [Текст] / В. В. Краевский. – М. : Педагогика, 1989. – с.398.

4. Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) [Текст] / И. И. Халеева. – М. : Высш. шк., 1989. – 238 с.

5. Bachman, L. Fundamental Considerations in Language Testing [Text] / L. Bachman. – Oxford : Oxford University Press, 1990. – 408 p.

6. Hymes, D. On Communicative Competence [Text] / D. Hymes // Sociolinguistics : Selected Readings / J. В. Pride ; J. Holmes (eds.). – Harmondsworth, U. K. : Penguin, 1972. – P. 269-293.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ И МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ ВРЕМЕННО-УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ И ТРУДНОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Е.В. Терехова

Институт Языкознания РАН

The paper discusses temporary collocations (TC) emerging in present-day English newspapers' discourse; types and models of their formation as well as criteria of their isolating from non-collocations are also presented.

Целью данной статьи является рассмотрение структурно-семантической модели функционирования устойчивых словосочетаний, которые составляют периферию фразеологии и которые еще не вполне определились, не успев принять свою окончательно завершённую форму словоупотребления, что и определило название этих сочетаний слов – временно-устойчивые словосочетания (ВУС). Материалом исследования послужили устойчивые словосочетания, отобранные из авторских статей, редакционных аналитических колонок и кратких информационных сообщений аутентичных текстов английских газет «USA Today», «The International Herald Tribune» и «The Washington Post».

Процесс появления ВУС динамичен – подходы и способы описания и образования этих сочетаний меняются, обновляются, усложняются и упрощаются. Одной из причин такой нестабильности является усиление информативности языка, что, в свою очередь, приводит к повышению ономазиологических потребностей английского газетного дискурса. Словосочетания различных типов являлись и являются объектом постоянного внимания лингвистов. В настоящее время русскими языковедами накоплен достаточный опыт анализа устойчивых словосочетаний (См. работы Баранова А.Н. и Добровольского Д.О., Виноградова В.В., Жукова В.П., Кубряковой Е.С., Кунина А.В., Мокиенко В.М., Телия В.Н. и другие). В зарубежной лингвистике вопрос о чётком ограничении устойчивых словосочетаний от сочетаний свободных слов был поставлен швейцарским лингвистом Шарлем Балли и немецким учёным Розмари Глэзер.

Немецкий учёный Р. Глэзер (Gläser R.) считает, что устойчивые сочетания слов выполняют номинативную функцию и должны отвечать ряду критериев, часть из которых важна и обязательна для выполнения, другая же нет. К первым критериям относятся следующие: (1) номинативность, (2) общеупотребительность, (3) сложность структуры и значения, (4) многокомпонентность, а также (5) семантическая и синтаксическая устойчивость. Однако с Р. Глэзер трудно согласиться в том, что такие критерии как (6) экспрессивность и (7) идиоматичность играют второстепенную роль в ранжире ее критериев [Цит. по: Алехина, XXXXXX Деп. ИНИОН, №47456].

В рамках данной статьи рассматриваются ВУС, модели построения которых предусматривают связанное значение одного из компонентов словосочетания. Анализ корпуса текстов английских газет помог зафиксировать следующие структурные типы модели «атрибут + существительное»:

1. «Существительное + существительное», например, *convenience flag country* – *ходить под удобным флагом чужой страны*; *eyewitness accounts* – *рассказы / свидетельства очевидца*; *the Wall Street bailout* – *срочная помощь, оказываемая государством финансовым учреждениям Уолл Стрита*. Модель – N + N.

2. «Прилагательное + существительное», например: *right / wrong market* – *(выбрать) правильную / неправильную или свою / не свою нишу на рынке*; *black tie* – *смокинг как форма одежды*; *desultory American policy* – *бессистемная политика США*; *a tall order* – *слишком большая жертва, слишком много требовать что-либо от кого-то*. Модель – A + N.

Анализ примеров, приведённых в рамках этих двух структурно-семантических моделей образования временно – устойчивых словосочетаний, «N + N» и «A + N», показывает, что все они еще не закрепились в словарях. На этапе возникновения и становления этих словосочетаний можно заметить, что некоторые ВУС являются имплицитно устойчивыми (*the second fiddle role, put-upon victim*), в то время как другие – эксплицитно устойчивыми (*convenience flag, right / wrong market*). При этом под устойчивостью понимается «мера, степень семантической слитности, неразложимости компонентов словосочетания» [Жуков, 1978, с. 9]. Вслед за Е.Ю. Гуай, под имплицитно устойчивыми ВУС мы понимаем такие словосочетания, отдельные компоненты которых содержат в своей словарной дефиниции оценочную лексику, но не содержат ее в своём цельном лексическом значении. Под эксплицитно устойчивыми ВУС понимаются компоненты словосочетаний, содержащие и в своём лексическом составе, и в словарной дефиниции оценочно маркированные компоненты [Гуай, 2009, с. 19]. У первых может наблюдаться отсутствие мотивированности, в то время как у эксплицитно устойчивых словосочетаний, особенно если одним из компонентов выступает числительное или существительное / прилагательное, значения которых имеют явно выраженный оценочный

характер (*right / wrong, the second / the first fiddle*), мотивированность присутствует.

Как и слова, ВУС характеризуются определённым характером отражения предметов, явлений и свойств окружающей действительности. Нас интересуют такие временно-устойчивые словосочетания, которым присущи номинативное и оценочное значения. Причём, у этих ВУС в одном контексте может превалировать номинативное, в другом – оценочное значение. Покажем на примерах, как работает первая модель номинативной композитной структуры, $N + N$, содействуя образованию новых временно-устойчивых словосочетаний. Рассмотрим английское обще – компонентное слово «line», которое в процессе регулярного употребления приобрело размытость, нечёткость. Под нечёткими, размытыми компонентами ВУС понимаются такие, которые «не имеют ясно выраженного вещественного значения, не соотнесены с определённым предметом, представляют данное содержание в наиболее общем виде» [Ахманова, 2009, с. 262]. Словарные значения «line» – «линия, строка, ряд, курс, направление, граница, родословная, отрасль, род деятельности, трубопровод и т.д.». Так как регулярное употребление этого слова в речи сделало его семантически неопределённым, потребовался дополнительный компонент для актуализации нового словосочетания в тексте, причём, в словосочетании этот компонент приобретает характер базового, несущего семантический смысл. Перевод вновь образованных по номинативной модели $N + N$ словосочетаний может быть иногда однословным, чаще распространённым, в некоторых случаях – описательным, например: *business line* – *бизнес, производство*; *work line* – *определяющий фактор*; *bottom line* – *итога, в итоге, в конечном счёте*; *duty line* – *служебные обязанности, служба*; *offensive/defensive line* – *наступательная / оборонительная позиция*; *gas / oil line* – *газопровод / нефтепровод*; *power lines* – *линии электропередач или силовые структуры, силовики*; *hard line (hard liners)* – *жёсткая политика, ястребы, политики, занимающие жёсткую позицию*.

Проанализируем несколько примеров временно-устойчивых словосочетаний, образованных на базе моделирования второго типа, « $A + N$ », сделав акцент на связанном значении первого компонента «soft», которое является обще-компонентным прилагательным в данной атрибутивной модели. Первый компонент, прилагательное «soft», вступая в сочетания с различными именами существительными или выступая в функции предиката, образует устойчивые сочетания слов, например: *soft job* – *тёплое местечко*; *soft target* – *незащищённая, открытая цель*; *soft speech* – *тихая спокойная речь*; *a soft-spoken (person)*; *speak softly* как производные от выражения «*soft speech*» – *человек со спокойным тихим голосом; человек, который не кричит, не драматизирует события, говорит спокойно*; *soft heart* – *доброта, добряк, добросердечный человек*; *soft corner in one's heart* – *сентиментальность, скрываемый от всех, уязвимый уголок в сердце*; *a soft spot* – *размазня, лопух*; *soft money* – *бумажные деньги*; *soft assets* – *неустойчивые, не пользующиеся спросом активы*; *soft line* – *примирительная позиция*.

Анализ указанного структурно-семантического типа (модели) образования временно-устойчивых сочетаний слов демонстрирует различия в потенциале или активности первого компонента, атрибута, создавать оценочно маркированные ВУС в зависимости от базового компонента. Основными словарными значениями прилагательного «*soft*» выступают такие как: «мягкий, гладкий, ласковый, слабый, дряблый, добрый, кроткий и т.д.». Актуализация прилагательного «*soft*» в качестве первого компонента свободных словосочетаний, например, в таких как «*soft bed*» («мягкая постель») или «*soft cheese*» («мягкий сыр»), отличается от актуализированных значений этого же слова в приведённых выше примерах ВУС. Если есть «мягкие» постель или сыр, значит, существуют и твёрдые, «*hard*», сорта сыров, и жёсткие, твёрдые постели. Следовательно, эти два последних словосочетания являются свободными, они не могут считаться устойчивыми, так как в них смысл сочетания в целом складывается из суммы смыслов двух компонент слова. Путём наложения таких словосочетаний, несвязанных, свободных и связанных, устойчивых, в нашем случае – временно-устойчивых, можно показать и наличие оценочного фактора, и степень этой оценочности, а в некоторых случаях – переосмысление и появление внутренней формы / образа, например, в ВУС «*soft porno*» и «*hard porno*».

Актуализация значений всех анализируемых выше примеров словосочетаний, с одной стороны, не допускает замены первого компонента, ср. «бумажные деньги» или «открытая / незащищённая мишень / цель» на какие-либо другие атрибуты, с другой – усложняет его значение в словосочетании, делая непрозрачным, идиоматичным. Например, «*speak softly sin*» – это устойчивое словосочетание, библеизм, более точное толкование которого – «не кричи о грехах ближних своих с высоты крыши», причем оно приобрело своё второе и третье значение, но уже как заимствование.

Интенсификация семантической деривации в процессе развёртывания английского газетного дискурса зависит как от структуры, так и от узуса. В теоретических исследованиях аспектов фразеологии авторы подчёркивают тот факт, что в устойчивости как лингвистической категории выделяются структурный и узуальный (социальный) аспекты. Если первый из аспектов «характеризует словосочетание с точки зрения его внутреннего устройства (ограничения на трансформируемость, дефектность парадигмы и пр.)», то второй аспект, узуальный, «относится к восприятию выражения языковым социумом – к ощущению частой повторяемости выражения в речи разных носителей языка» [Баранов, Добровольский, 2008, с. 50]. Модели образования приведенных выше примеров ВУС, если затронуть принцип сочетания двух участвующих в них слов, являются вполне продуктивными, т. е. базовыми моделями здесь выступают «*A + N*» или «*N + N*», атрибутивная и номинативная, соответственно. Таким образом, предполагается, что в процессе развёртывания дискурса его автор вполне свободно и произвольно сочетает базовые прилагательные или существительные с обще-

компонентными существительными типа «*line*» и «*camp*», как это было показано выше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алехина, Е.В. О критериях выделения идиом в зарубежной лингвистике [Текст] / Е.В. Алехина // Вестник СПбГУ. – Деп. ИНИОН, №47456.
2. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] : монография / О.С. Ахманова. – М.: «ЛИБРОКОМ», 2009. – 296 с.
3. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Аспекты теории фразеологии [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
4. Гуай, Е.Ю. Аксиологический аспект английской фразеологии [Текст] : Автореф. дис.... канд. филол. наук. / Е.Ю. Гуай. – М.: ИЯз РАН, 2009. – 24 с.
5. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов [Текст] : монография / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ УРОВНЯ СЛОЖНОСТИ ТЕКСТА НА ПЕРЕВОД

Л. Г. Федюченко

Тюменский государственный университет

Text difficulty is an important but much neglected topic in Applied Linguistics. The author proposes to use cognitive approach to define the text difficulty level in translation as it easily interacts between translation equivalence and text categories.

В большинстве работ по теории перевода говорится о том, что качество перевода напрямую зависит от того, насколько полно и точно переводчик понял текст оригинала. Понимание текста – процесс многоэтапный, требующий проведения различных процедур лингвистического и экстралингвистического характера. Однако само по себе понимание текста может быть полным или частичным. Степень полноты понимания текста предназначенного на перевод, на наш взгляд, напрямую зависит от уровня сложности данного текста. Отсюда возникает необходимость выделения и определения такой новой переводческой категории, как категория уровня сложности текста.

Ранее мы уже говорили о том, что сложность как отдельная категория текста определяется через комплексное исследование его структурных, синтаксических, семантических характеристик, которые детерминируют затруднение восприятия, понимания и воспроизведения текста [Федюченко, 2009, с. 183]

В качестве компонентов сложности текста можно выделить четыре группы параметров: информативность текста, сложность предложений, ясность структуры текста и абстрактность изложения. Таким образом, мы можем предложить следующее определение категории «сложность текста» - это системообразующий фактор, который описывает компоненты системы

текста, от взаимодействия которых зависит качество ее восприятия и интерпретации, а также характер функционирования.

Несомненно, существуют как объективные, так и субъективные критерии оценки сложности текста. При этом мы предлагаем разделить все критерии на лингвистические и экстралингвистические.

Так, к объективным лингвистическим критериям можно отнести следующие:

- сложный громоздкий синтаксис;
- большое количество абстрактных существительных и широкозначных глаголов, требующих конкретизации;
- перегруженность текста специальными терминами, которые незафиксированы в словарях;
- развернутые стилевые приёмы (метафоры, метонимии), не имеющие аналогичных образов и ассоциаций в языке перевода;
- типичные конструкции иностранного языка, требующие целостного преобразования в тексте перевода.

К объективным экстралингвистическим критериям оценки сложности текста для перевода можно отнести следующие:

- повышенная трудоемкость и большие затраты времени на данный вид перевода;
- представление оригинала только в бумажном или отсканированном виде;
- плохое качество бумажного или отсканированного оригинала (мелкий или неразборчивый шрифт, нарушенное форматирование);
- сложное форматирование многостраничного документа;
- множество рисунков, чертежей, схем и таблиц;
- особые требования заказчика к оформлению перевода;
- слишком жесткие сроки для перевода такого объема и сложности;
- коммуникативное задание текста;
- социокультурная информация текста.

К субъективным лингвистическим критериям оценки сложности текста для перевода мы предлагаем отнести следующие:

- недостаточное знание терминологии текста;
- непонимание говорящего на иностранном языке (в случае устного перевода);
- недостаточные лингвистические знания, как в языке перевода, так и в иностранном языке.

К субъективным экстралингвистическим критериям оценки сложности текста для перевода можно отнести следующие:

- сложная тема;
- незнакомая для данного переводчика тема;
- отсутствие у переводчика нужных узкоспециальных словарей;

- отсутствие у переводчика опыта перевода на неродной язык (там, где это требуется);

- загруженность переводчика другой работой, которую ему придется совмещать с выполнением данного перевода.

Мы видим, что описание категории «сложность переводимого текста» не имеет на данном этапе конкретного воплощения. Текст в рамках предпереводческого и «постпереводческого» анализа нуждается в детальном семантическом и структурном анализе, на основе которого возможно определить его уровень сложности.

Обращение к когнитивной науке при описании обозначенной выше категории объясняется несколькими причинами. Во-первых, выявление когнитивной основы перевода является необходимой предпосылкой для познания его природы, которая до сих пор носит весьма неоднородный характер.

Во-вторых, использование когнитивного подхода в описании заявленной категории позволяет учесть роль различных факторов интеллектуально-психической деятельности переводчика (в том числе и субъективных) в порождении, восприятии и интерпретации (т.е. переводе) текста, и тем самым справиться с поставленной задачей.

В-третьих, поскольку перевод включает в себя три основных этапа: восприятие, декодирование, порождение нового текста, то можно говорить о его познавательной, т. е. когнитивной сущности. Учитывая эти факторы, считаем вполне возможным обратиться к постулатам когнитивной семантики в описании новой переводческой категории.

В рамках данной статьи мы ограничимся описанием одного компонента сложности текста – ясность семантической структуры текста.

Несмотря на возможное разнообразие, содержание любого текста, а значит, и уровень его сложности могут быть раскрыты через построение концептуальных когнитивных моделей. И здесь уместно сослаться на фреймовую модель представления знаний, основанную на теории фреймов М.Минского. Данная модель представляет психологическую (когнитивную) модель памяти человека. В ее основе лежит положение о восприятии действительности через сопоставление имеющихся в памяти фреймов, каждый из которых связан с конкретным концептуальным объектом памяти, и информацией, получаемой из мира действительности [Минский, 1979, с. 107].

Использование фреймов при выстраивании структуры переводимого текста позволит переводчику достаточно быстро и правильно извлекать необходимые понятия (вместе с их уже имеющимися, закрепившимися переводами) для перевода определенной ситуации. Имея в голове упорядоченную иерархию фреймов, отображающих уже накопленные и усвоенные фоновые знания, переводчик может определить переводные соответствия/несоответствия, необходимые в каждой отдельной ситуации. То есть, переводчик может выбирать необходимые лексические средства

перевода, основываясь на их ограничении сочетаемости в тех или иных фреймах.

Условия использования того или иного лексического средства включают следующие параметры:

- совместимость понятия и фрейма в индивидуальной фоновой системе переводчика;
- фреймовая предопределенность сочетаемости лексических средств;
- типизация построения когнитивной модели (здесь мы подразумеваем тип текста).

Данные параметры касаются признаков фрейма и семантических условий заполнения его узлов, регламентирующих семантическую сочетаемость. Приписывание слову определенного эквивалента – варианта перевода позволит рассмотреть условия заполнения узлов фрейма при переводе.

Одновременно с этим представление текста как иерархии фреймов позволяет переводчику увидеть распределение информации в переводимом тексте и на этом основании определить приоритетность информации, т.е. определить главную и второстепенную информацию. Данный аспект играет важную роль при проведении предпереводческого анализа текста, т.к. здесь идет уже речь о прагматической адаптации исходного текста, точнее, о степени необходимости сохранения той или иной информации в оригинальном варианте.

В связи с этим текст представляется как совокупность смысловых ядер. При этом мы различаем микротему, как неделимое смысловое ядро, и макротему, состоящую из нескольких микротем. Наличие когнитивной базы позволяет расшифровать данное смысловое ядро, более того, когнитивная база задает определенную систему координат, в которую вписываются все новые порождаемые тексты.

Указанные выше ядра могут изменяться и модифицироваться, включать различные уточнения и дополнения с помощью определенного количества периферий. Информация, которая содержится в перифериях, как правило, диктует выбор семантических средств выражения и переводческую стратегию. Для перевода информации, содержащейся в периферии, переводчик прибегает к более сложным стратегиям перевода, можно сказать, к комплексу переводческих стратегий (например, одновременное использование приема компенсации и описательного перевода).

Периферийная информация, содержащаяся в исходном тексте, должна быть соотнесена переводчиком с постоянной (ядерной) информацией текста перевода. Знание семантики периферийной информации связано с ее соотнесенностью с референтами, заданными в исходном тексте.

Используя фреймы в предпереводческом анализе текста, переводчик может прогнозировать а) лексическую сочетаемость отдельных компонентов текста, б) грамматическую форму лексических компонентов, в) ролевую (т.е. смысловую) соотнесенность различных компонентов текста, г) точно

определить переводческие доминанты (термин И.С. Алексеевой) [Алексеева, 2008 с. 332].

В связи с этим можно предположить, что доминирование определенных переводческих трансформаций (лексических, грамматических, комплексных) в каждом отдельном фрейме будет диктовать выбор определенной модели перевода, по характеру которой можно судить об уровне сложности переводимого текста. Доминирование сложных грамматических форм и форм лексической сочетаемости также будет указывать на степень сложности переводимого текста.

Когнитивное моделирование перевода, а также и его результата позволяет выявлять наиболее общие для переводимого объекта качества и характеристики, прогнозировать изменения, происходящие в силу определенных обстоятельств, а именно: влияния стиля самого переводчика, стилистических и эстетических требований эпохи и т. д.

При моделировании определяются как имплицитные, так и эксплицитные компоненты смысловой структуры текста, которые выражены не только собственно языковыми средствами, но и при помощи подтекста, контекста и фонового окружения самого текста с целью постижения авторских намерений. Сам же текст рассматривается как замкнутая семантико-смысловая структура.

Основным методологическим принципом когнитивного подхода к рассмотрению текста является помещение его в более широкий – коммуникативно-деятельностный – контекст, установление места текстовой деятельности в системе других видов человеческой деятельности. При такой теоретической установке содержание текста воспринимается как функционально нагруженное, что обеспечивает необходимость точного отбора и организации языковых средств реализации интенций говорящего (пишущего). Опираясь на данный подход, переводчик будет способен комплексно оценить текст на перевод и четко определить стратегию перевода, необходимую в каждом конкретном случае.

В заключении хочется отметить, что значительная часть важных вопросов осталась вне обсуждения. В частности, главнейшим из них является вопрос связи глубинных структур языка с поверхностными и вытекающая отсюда проблема искажений информации, что в свою очередь будет влиять на уровень сложности переводимого текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение: учебное пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений [Текст] / И.С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 368 с.
2. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 152с.
3. Федюченко, Л.Г. Сложность текста – переводческая категория текста [Текст] / Л.Г. Федюченко // *Lingua mobilis: Научный журнал*, № 2 (16). ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет», 2009. – С. 182-186.

ОБЗОР ВЗГЛЯДОВ НА ПЕРЕВОДИМОСТЬ

А.В. Флоря

Орский гуманитарно-технологический институт

The article is devoted to the problem of translatability in the aspect of language and speech. Full translatability is impossible, but optimal translatability is real, because it is provided by the system of each natural language.

Переводимость текста (ее принципиальная достижимость или недостижимость) – традиционно считается главной проблемой науки о переводе. Однако известны попытки сформулировать этот аспект иначе. В частности, П. Рикер заявляет: «Я предлагаю отбросить теоретическую альтернативу *переводимость / непереводимость* текста и заменить ее другой, вытекающей из самой практики перевода, то есть альтернативой *верность / неверность* перевода своему источнику, что, впрочем, не исключает того, что перевод – это рискованная операция, постоянно нуждающаяся в теоретическом обосновании (...) Действительно, хотя теоретически перевод представляется делом невыполнимым, он все же осуществим практически; однако за это приходится платить нашими сомнениями относительно его *верности / неверности* своему источнику» [Рикер, 2002], т.е. П. Рикер отрицает переводоведение как науку. Но мы не видим здесь принципиального различия между терминами. Верность / неверность перевода своему первоисточнику – это лишь парафраз переводимости / непереводимости.

Верность перевода первоисточнику достижима – и, следовательно, переводимость тоже. А.А. Потебня считал, что нужно передавать силу, порождающую мысль: «Перевод с одного языка на другой есть не передача той же мысли, а возбуждение другой, отличной» [Потебня, 1913, с. 199].

Б. Кроче, распространяя представление о духе творчества уже на весь язык в целом, писал, что «язык есть неустанное творчество», которое никогда не повторяется, и поэтому перевод невозможен, его «нужно рассматривать как простой комментарий к оригиналу» [Кроче, 1920, с. 168]. Впоследствии У. Куайн назвал перевод «аналитическим предположением», т.е. тем же комментарием [Quine, 1966, p. 165]. Э. Сепир поддерживает Б. Кроче, но добавляет, что далеко не все поэты одинаково зависят от родного языка: Шекспир, напр., может быть переведен почти без ущерба (? – А.Ф.), а лирика Суинберна, вся пронизанная духом английского языка, непереводима вообще. Э. Сепир, таким образом, полагает, что *переводимость обратно пропорциональна зависимости произведения от языка*. Перевод сравнивается с музыкой, с ее зависимостью от фактуры инструмента – Шопен неотделим от фортепиано, а вот органные пьесы Баха на другом инструменте исполнить можно [Сепир, 1934, с. 174-175].

В. Матезиус, заменяя «душу языка» на его структуру и характерное для него (языка) отражение мира, утверждает: «(...) абсолютно точный перевод с одного языка на другой по существу невозможен» [Матезиус, 1967, с. 445]. Ю.М. Лотман соглашается с ним, полагая, что по отдельности ни семантика,

ни оформление текста не могут быть препятствием для художественного перевода. Подлинную трудность представляют для Переводчика сложные отношения, возникающие между элементами формы и содержания. Вот эти связи, отношения, видимо, по-настоящему не переводимы [Лотман, 1964, с. 183-185].

И еще Ю.М. Лотман обращает внимание на то, что в искусстве особую роль играет информация о коде, которая у говорящего (пишущего) и слушающего (читающего) неодинакова [Лотман, 1964, с. 186]. Адресатами код должен быть установлен в процессе «общения» с адресантами – при разговоре, при чтении текста и т.д.

Теоретики машинного перевода, используя учение Н. Хомского о языковых трансформациях, мотивируют переводимость существованием языка-посредника, к которому можно свести в виде ядерных структур любые высказывания. К ядерному принципу обращался и Ю. Найда [Найда, 1962].

Итак, по мнению многих филологов, языковая система противится переводимости. Но в еще большей степени переводимости препятствует *речь*. М.М. Бахтину принадлежит такое рассуждение: «Всякая система знаков принципиально всегда может быть расшифрована, то есть переведена на другие знаковые системы; следовательно, есть общая логика знаковых систем, потенциальный единый язык языков (...) Но текст (в отличие от языка как системы средств) никогда не может быть переведен до конца, ибо не существует потенциально единого текста текстов» [Бахтин, 1986, с. 476-477]. Таким образом, *если текст переводим, то не до конца, не во всех своих аспектах и смысловом богатстве*.

Кроме того, *единство текста – явление двустороннее*. Художественное произведение не просто целостно само по себе; его целостность обеспечивается еще и воспринимающим сознанием. Последнее же всегда изменчиво (будь то сознание одного и того же читателя или разных), поэтому и художественный текст един и целостен *по-разному* – в зависимости от того, кто его читает. Это утверждает В.Я. Брюсов в известной статье «Фиалки в тигеле» (1905). С ним солидарен П.А. Флоренский: если переводчик откажется от одних элементов ради других, то произведение перестанет быть «органическим» (целостным). Поэтому переводчик должен не переводить что-то за счет чего-то, а «заново создать на другом языке некоторое новое произведение – ответ духа данного народа на идеальную тему, воплощенную другим народом» [Приводится по: Иванов, 1988, с. 74-75].

Многие из перечисленных авторов (прежде всего А.А. Потебня, Б. Кроче) – в той или иной степени идейные наследники В. Гумбольдта, его учения об «энергейе». Но сам В. Гумбольдт считал переводимость достижимой: «дух» заключает в себе не только национальное, но и *общечеловеческое* – близкое и понятное всем. В. Скаличка утверждал, что главная черта любого языка *полнота*: он обладает всеми средствами, необходимыми для выражения любой мысли. Поэтому перевод с одного обычного языка на другой принципиально возможен. Однако, считает В. Скаличка, это не относится к языку художественной литературы, где

отношения между формой и содержанием очень сложны и не поддаются механистическому воспроизведению [Скаличка, 1963, с. 32-33].

Так или иначе, но мы вынуждены задаваться вопросом: если что-то в переводе неизбежно исчезает, то насколько большой ущерб эти утраты наносят тексту? Ф. Ницше точно сказал, что непереводимое – ни лучшее, ни худшее в произведении [Ницше, 1990], т.е. оно не является главным. В самом деле, что чаще всего бывает «непереводимым»? Звукопись, игра слов, те или иные реалии – т.е. частности, тогда как смысл, содержание произведения передать всегда можно. А главное в произведении – все-таки содержание, идеология. Великая литература – это, прежде всего, литература великих мыслей, а не изящных форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи [Текст] : монография / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
2. Иванов, В.В. О языковых причинах трудностей перевода художественного текста [Текст] / В.В. Иванов // Поэтика перевода: сборник научных статей, сост. С.Ф. Гончаренко. – М.: Радуга, 1988. – С. 69-87.
3. Кроче, Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика [Текст] : монография. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1920. – 171 с.
4. Лотман, Ю.М. Лекции по структуральной поэтике [Текст] / Ю.М. Лотман // Уч. зап. Тарт. ун-та: сборник научных трудов. – Вып. 60. – Тарту, 1964. – 195 с.
5. Матезиус, В. Язык и стиль [Текст] / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок : сборник научных статей, сост. Н.А. Кондрашов. – М.: Прогресс, 1967. – С. 444-524.
6. Найда, Ю. Анализ значения и составление словарей [Текст] / Ю. Найда // Новое в лингвистике: сборник научных статей. – Вып. 2. – М.: Иностранная литература, 1962.
7. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое [Текст] // Ф. Ницше. Соч.: в 2-х тт. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 231-490.
8. Потебня, А.А. Мысль и язык [Текст] : монография / А.А. Потебня. – Харьков: Тип. «Мирный Труд», 1913. – 225 с.
9. Рикер, П. Парадигма перевода [Электронный ресурс] / П. Рикер // URL: <http://www3.sympatico.ca>.
10. Сепир, Э. Язык [Текст] : монография / Э. Сепир. – М.; Л.: ОГИЗ, 1934. – 223 с.
11. Скаличка, В. Типология и тождество языков [Текст] / В. Скаличка // Исследования по структурной типологии: сборник научных статей, под ред. Т.Н. Молошной. – М.: Наука, 1963. – С. 32-34.
12. Quine, W.V. Meaning and Translation [Text] / W.V. Quine // On translation. – N.Y.: Oxford University Press, 1966. – P. 148-172.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ КИНОФИЛЬМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

The author studies the pragmatic component of the communication content of the message and the ways it is translated as a part of French movies titles.

Большинство теоретиков перевода считают, что наряду с различными аспектами собственно лингвистического характера прагматический аспект является одним из наиболее важных факторов, определяющих не только способ реализации процесса перевода, но и сам объем передаваемой в переводе информации.

Название кинофильма – особый текст, характеризующийся семантической сложностью и многообразием функций. Сообщение, заложенное в названии фильма, должно являться не только источником сведений о каких-то фактах и событиях, но и будить воображение и вызывать интерес к тому неизвестному, что будет в фильме, лишь намекая потенциальному зрителю на то, о чем там может идти речь.

В связи с этим переводчик, приступая к переводу названия фильма, должен не только внимательно изучить содержание фильма, но и владеть достаточными фоновыми знаниями и высокой профессиональной компетенцией. К тому же он обязан учитывать тот факт, что его целевая аудитория принадлежит к иному языковому коллективу, имеет иные специфические особенности социокультурной среды, обладает иными знаниями и жизненным опытом. В тех случаях, когда подобные расхождения могут воспрепятствовать полноценному пониманию исходного сообщения, переводчик вправе устранить эти препятствия, внося в текст перевода необходимые изменения. Однако частотны случаи, когда адекватный перевод, а порой и просто дословный, названия кинофильма вполне возможен, но переводчик прибегает к трансформациям. Такое отступление от требований эквивалентности может быть обусловлено, прежде всего, прагматической мотивацией.

Обратимся к конкретным примерам переводов на русский язык названий французских кинофильмов.

В названии французской комедии «*Boudu*» (2005) фигурирует имя одного из его главных героев. Будю – несчастный бездомный. Однажды ночью хозяин картинной галереи Кристиан спасает ему жизнь, когда тот пытается утопиться на его глазах. Дурно пахнущий, хамоватый, бесконечно ноющий и во всех смыслах отвратительный бомж не первой молодости, селится в доме у Кристиана и переворачивает с ног на голову всю его жизнь. В российском прокате фильм выходит под названием «*Везет как утопленнику*». Это разговорное, шутовское выражение сразу дает понять потенциальному зрителю, что речь пойдет о комической истории, о невезении. Таким образом, нейтральное французское название в русском переводе меняет свою экспрессивную окраску, усиливая при этом коммуникативную функцию заглавия: в то время как оригинальное заглавие сообщает лишь имя главного героя, русское название намекает на содержание фильма.

Отметим, что похожий прием трансформации используется при переводе многих современных фильмов. Приведем лишь несколько примеров. Фильм «*San-Antonio*» (2004) назван по имени главного персонажа храброго комиссара Сан-Антонио, который вместе со своим напарником должен обеспечить безопасность французского посла в Великобритании. Русский вариант названия – «*Профессионалы*» – несет в себе большой объем информации: зритель изначально ожидает, во-первых, появления двух главных действующих лиц, а во-вторых, название уже изначально наводит на размышления о роде деятельности киногероев.

Кинокомедия «*A+Pollux*» (2002) называется в переводе «*Я иду тебя искать*»: переводчик решил облегчить получателю переводного текста понимание смысла оригинального произведения, где упоминаются имена главных персонажей. В результате эквивалентным переводом могло бы стать название «*Я+Поллюкс*», но русскому зрителю подобное сочетание слов ни о чем не говорит. Фильм повествует о приключениях упрямого ухажера, а Поллюкс – девушка его мечты. В моменты, когда она внезапно исчезает, он опустошен. Чтобы увидеть ее снова, он готов искать ее везде и пойти на все. В связи с этим применение адаптации продиктовано не тем, что получатель переводного текста не в состоянии понять какое-то явление чужой действительности, а неоднозначностью ассоциативных связей устанавливаемых между именами и понятиями реального мира.

Между тем нередки случаи, когда переводчик вносит в текст перевода дополнения и разъяснения, но подобные контекстуальные замены не ведут к достижению требуемого коммуникативного эффекта. Примером такого типа преобразований может быть фильм «*Les Ripoux*», вышедший на экраны Советского Союза в 1984 г. Это история двух полицейских: ветеран правоохранительных органов, а заодно и рэкетир в законе получает в напарники зеленого выпускника полицейской академии, которого учили совсем по-другому вести дела. Однако, бывалый пройдоха берется исправить «ошибки» педагогов. Результат превосходит все ожидания: быстро освоившийся новичок очень скоро понимает, что продажный полицейский обязан иметь свою цену, и, желательно, не ниже миллиона долларов. Слово *ripoux*, фигурирующее в названии фильма, было искусственно создано сценаристом фильма по принципу *верлан* – формы арго, где слова образованы с помощью перестановки слогов в слове. Таким образом, из *pourri* (*гнилой, прогнивший*) путем перестановки получилось *ripou* (*продажный полицейский*). Однако советский прокат дал этому фильму другое название – «*Откройте, полиция!*». Мы сталкиваемся с использованием преобразования, в результате которого происходит не только изменение в описании той или иной предметной ситуации, но и заменяется сама предметная ситуация [Вине, Дарбельне, 1978, с. 160]. В данном случае русское название фильма носит вполне нейтральный характер и содержит лишь референциальное значение отнесенности к деятельности полиции, не предоставляя зрителю информации, которая содержится в названии французского кинофильма. Вероятно, перевод названия как

«Продажные полицейские» в 80-е годы было неприемлемо с моральной и идеологической точек зрения.

Подобная же история произошла и с переводом названия двух других фильмов. Фильм «*Les Poupées Russes*» (2005) повествует о судьбе молодого человека по имени Ксавье, который в поисках своего женского идеала проходит через бесчисленные любовные приключения. Главный герой, размышляя о своей жизни, приходит к выводу, что все те девушки, которых он знал и даже те, которых он просто желал, похожи на матрешек. Чтобы узнать, какая из них станет последней, самой маленькой, спрятанной внутри, их нужно открывать одну за другой, спрашивая себя каждый раз: «Эта ли последняя?» Французское название «*Матрешки*» отражает ключевую идею фильма – преодоление беспорядка жизни, в переводе было изменено на поверхностное, но скорее всего более привлекательное для зрительской аудитории, название «*Красотки*».

Название фильма «*Antidote*» (2005) переводится дословно как «противоядие», «средство от чего-либо». Один из главных героев фильма – предприниматель Жак-Ален Марти – собирается купить крупное предприятие и весомо войти в индустрию коммуникаций. Однако он заболевает неведомой болезнью: у него все чаще случаются приступы паники, которые провоцируют заикание в самый неподходящий момент. Испуганный Жак-Ален посещает психиатра, который считает, что приступы связаны с детской травмой, а лекарством может стать любой предмет, животное, запах «родом из детства». И вот на пути предпринимателя встречается Морен – скромный и наивный бухгалтер, работающий на практически разорившейся игрушечной фабрике. Этот пухловатый человечек с немножко наивным взглядом, чем-то действительно напоминающий плюшевого медвежонка из детства становится для Марти истинным противоядием от скуки, разочарований в жизни и неудач на работе. Сюжет делает предельно понятным французское заглавие фильма, чего не скажешь о его российском прокатном варианте. «*Плюшевый синдром*» – название скорее запоминающееся, чем понятное, продиктованное коммерческим и прагматическим интересом.

Итак, анализируя переводы названий кинофильмов, мы столкнулись со случаями преобразований, когда внешняя непохожесть исходного и переводного высказываний такова, что в конечном результате трудно сразу же распознать перевод. С одной стороны, переводчик, используя приемы прагматической адаптации, стремится сделать название соответствующим культурной традиции страны-реципиента и передать основную коммуникативную функцию оригинала. С другой стороны, он выбирает более броские, интригующие названия, иногда не очень удачные с точки зрения языка, но способные вызвать необходимую реакцию со стороны зрительской аудитории и продвинуть фильм на российском рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. (Вопросы общей и частной теории перевода) [Текст] / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975.
2. Гарбовский, Н.К. Теория перевода [Текст] / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 2004.
3. Комиссаров, В.Н. Теория перевода [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990.
4. Швейцер, А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988.
5. Вине, Ж.-П., Дарбельне, Ж. Технические способы перевода [Текст] / Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978.

ВАЖНОСТЬ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В УНИВЕРСИТЕТЕ

С.В.Харитонова

Магнитогорский государственный университет

The culturological development of competence in learning of foreign language contains a rich reserve for the humanistic formation of the student's personality. The culturological function of language is clearly expressed in terms of any foreign language. The subject "foreign language" creates an opportunity to present in the reduced form knowledge about the culture of native and foreign countries, European and universal culture.

В решении общечеловеческих проблем иностранный язык открывает новый мир, новую культуру. При изучении иностранного языка происходит постижение, осознание нового, появляется картина многообразия культур и их взаимодействия.

Объединение Европы влечет за собой не только политические и экономические перемены, но и культурные, социологические, образовательные изменения. Учащимся и студентам сегодня необходимо ознакомиться с культурным многообразием европейских стран, их вкладом в мировую культуру, с социокультурными особенностями стран Европы, иметь представление об их ценностях и мировоззрении [Арнольдov, 1998, с. 85].

Изучение иностранного языка в университете позволяет не только глубже осознать свои национальные особенности и ознакомиться с культурой другого народа, но и при достаточно высоком уровне культурологической компетенции дает возможность участвовать в диалоге культур.

Взаимосвязь языка и культуры общепризнанна. Очевиден тот факт, что каждый компонент в этой связи зависит друг от друга. Коммуникативная компетенция не может быть достигнута без овладения определенным объемом культурной информации. Степень информированности по отношению к содержанию общения является одним из важных условий эффективного общения. Именно язык есть важное средство социализации человека, его приобщения к культуре народов мира, только в

процессе обмена опытом между индивидами и нациями сохраняется культурное наследие, углубляется познание, расширяются взгляды на мир, а это развивает социальную сущность человека.

Таким образом, предмет "иностраный язык" становится "местом постоянных встреч" обучающегося с новой, доселе неведомой ему культурой. Этот новый мир коренным образом отличается от привычного для обучающегося взгляда на жизнь, от системы норм и ценностей, устоявшихся в родном языке.

Встреча людей - это встреча культур, которые представлены своими носителями, а в силу этого возможны недоразумения. Уже с самого начала изучения иностранного языка человек сталкивается с различиями в грамматической, фонетической системе родного и иностранного языков (фонемы, формы падежей, порядок слов в предложении и т.д.). Гораздо труднее для обучающегося постичь различия межкультурного характера, этнопсихологические различия, которые мешают процессу коммуникации. Межкультурное обучение охватывает все духовные и материальные ценности человека: поэзию, музыку, философию; законы, правила, которые определяют человеческое сосуществование, особенно отношение человека ко всему новому, "чужому" [Ариян, 1991, с. 11].

Тот, кто желает изучить иностранный язык, должен иметь представление о людях, которые говорят на этом языке. Изучающий иностранный язык сможет понять представителей другой культуры, если он ознакомится с традициями, нормами поведения в стране изучаемого языка. Согласно известному изречению: "Немца надо понять, чтобы его полюбить; француза надо полюбить, чтобы его понять" немцев с их культурой, их нормами жизни, традициями нужно сначала понять, а затем полюбить. В процессе обучения возникают неограниченные воспитательные возможности, если иностранный язык используется как средство приобщения студентов к духовной культуре других народов и познания действительности путем иноязычного общения, как способ самопознания и самовыражения личности в процессе общения [Сафонова, 1996, с. 47].

На первый план выдвигается сложная система межличностных отношений, которая возникает между самими участниками этого процесса, обучающимися, и в которую втягивается преподаватель, как один из равноправных участников диалогического общения. В этом случае, как показывает практика, действие социально-психологических факторов не ограничивается организационной стороной диалогического общения. Групповая деятельность оказывает положительное влияние на личность обучающегося, в частности, в нем происходит сдвиг в сторону большей толерантности, стремление к взаимопониманию, общению, сотрудничеству.

Преподаватель в этом случае должен занимать такую позицию в процессе педагогической деятельности, при которой он будет воспитывать у студентов уважение к культуре другого народа, давать объективную оценку явлениям культуры другого народа, пробуждать у студентов желание узнать как можно больше о стране изучаемого языка, учитывая при этом

возможности взаимного обогащения культур. Только в этом случае можно будет говорить о диалоге культур в широком смысле этого слова, предполагающем взаимопонимание и взаимообогащение [Сафонова, 1996, с. 76].

Такая организация учебного процесса, как показывает наш исследовательский и преподавательский опыт, способствует формированию и развитию личности учащегося. Необходимость решения нестандартных задач процессе учебы и в будущей профессиональной деятельности требует развития эвристического мышления, креативности, оперативности, целеустремленности, инициативности в решении проблем. При рассмотрении культурных различий нужно исходить из принципа равноценности всех человеческих культур. При этом следует подавить в себе этноцентризм - чувство превосходства собственного языка и собственной культуры. Задача педагога - привить обучающимся объективное, свободное от предрассудков и терпимое отношение к "чужой" культуре. Преподаватель должен пробудить в студентах любопытство познания иной культуры и учитывать возможности взаимодействия, взаимопроникновения и взаимодополнения культур [Ариян, 1991, с. 10].

Из этого следует, что межкультурное общение органически сочетает в себе культурологическую и коммуникативную компетенцию. Очевидно, что культурологическая компетенция – это правильное восприятие, понимание, оценка других культур. Но ознакомление с другой действительностью следует сочетать с углубленным познанием родной действительности, уважение и оценку чужой культуры надо соединить с уважением родной культуры и ее роли в наследии человечества. В этом смысле культурологическая компетенция включает усвоение историко-сравнительного подхода к рассмотрению явлений социальной действительности в родной и чужой стране [Харитоновна, 2004, с. 161].

Нам представляется, что развитие культурологической компетенции при обучении иностранному языку содержит богатые резервы для гуманистического становления личности студента. Культуроносная функция языка как средства сохранения и передачи материальных и духовных ценностей человечества четко выражена в условиях любого незнакомого языка. Именно учебный предмет «Иностранный язык» создает благоприятные возможности представить в редуцированном виде знания о культуре родной и чужой страны, общеевропейской и общечеловеческой культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ариян, М.А. Использование воспитательного потенциала речевого этикета на иностранном языке [Текст] / М.А. Ариян // Иностр. яз. в шк. – 1991. – № 2. – С. 9-12.
2. Арнольдов, А.И. Наука постижения культуры [Текст] / А.И. Арнольдов // Народное образование. – 1998. – № 5. – С. 184-190.

3. Сафонова, В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций [Текст] / В.В. Сафонова. – Воронеж : Истоки, 1996. – 237 с.

4. Харитоновна, С.В. Изучение немецкого языка в контексте диалога культур [Текст] / С.В. Харитоновна // Проблемы федерально-региональной политики в науке и образовании: материалы 2-й всероссийской научно-практической конференции. – Тамбов: Першина, 2004. – С. 160-162.

МЕТАМЕТОДИКА КАК ОСНОВА ЧАСТНЫХ МЕТОДИК

Л.А.Хохленкова

Поволжский государственный университет сервиса

This article informs about one of important part of teaching English – metamethod. The author gives four definitions of concept “metamethodology”.

Важной чертой современного вузовского образования является его направленность на формирование поликультурной личности на основе компетентностного и культуроведческого подходов. В настоящее время обучение иностранным языкам ориентировано как на процесс, так и на результат учебной деятельности, а именно на то, как сможет воспользоваться полученными знаниями будущий специалист в различных ситуациях общения.

В нашей стране за последнее время произошло много значительных изменений, конечно же, они затронули и сферу образования. Деятели науки стараются разработать метаметодику, интегрирующую общие положения (концепции) философии, педагогики (дидактики), психологии (общей и возрастной), культурологии и других наук, которые могут быть сформулированы как общенаучные методологические принципы, лежащие в основе частных методик. Однако проблемы целеполагания, отбора содержания обучения, поиска технологий обучения предполагается решать дифференцированно в рамках предметных методик с опорой на данные базисных для них наук. Так, для предмета «Иностранный язык» базисными науками являются дидактика, психолингвистика, этнолингвистика, культурология и др.

В научной литературе выделяют четыре варианта определения понятия «метаметодики» [Колкова, 2007, с. 7-10]:

1) метаметодика рассматривается как наука, не зависящая от частных методик, а объединяющая их. Она существует параллельно с дидактикой, хотя некоторые исследователи считают метаметодику частью дидактики, потому что в процессе реализации метаметодики используются общие законы педагогики и дидактики;

2) следующее объяснение понятия «метаметодика» связано с описанием метаметодического подхода к обучению различным дисциплинам. Суть его сводится к тому, что метаметодический подход представляет собой реализацию идей интеграции в обучении. Многие исследователи не разделяют данную точку зрения, так как, по их мнению, с точки зрения педагогики можно говорить о компетентностном подходе к обучению

различным дисциплинам, но объединить сразу все концептуальные положения в метаметодическом подходе, невозможно [Кузнецова, 2004, с. 28];

3) третий вариант рассмотрения понятия метаметодики связан с выделением так называемого «метаметодического направления» развития частных методик. В данном случае необходимо рассматривать проблемы обучения, формирования различных компетентностей и компетенций учащихся с общих философских, общих философских, общенаучных, психолого-педагогических и методических позиций;

4) понятие «метаметодика» рассматривается как интегрированная технология обучения. В качестве примера можно назвать технологию, обеспечивающую усвоение определенного содержания обучения с помощью особых средств (УМК, ТСО), учитывающую общие закономерности процесса обучения (возраст, обученность и обучаемость, мотивированность учебной деятельности и т.д.), способствующую формированию различных компетенций и компетентностей за счет использования общих приемов, способов и форм работы, которые выделены в дидактике и модифицированы в современных предметных методиках. К ним можно отнести: сравнение/сопоставление различных явлений; наблюдение и систематизацию; дискуссию; игры различных видов, включая деловые; «брейнсторминг»; различные способы контроля, самоконтроля и самокоррекции, включая тестирование; способы восприятия, понимания и изложения материала, письменные и устные формы обучения, вербальные и невербальные формы представления материала и т. д.

Мы считаем, что четвертая точка зрения на сущность понятия «метаметодика» наиболее приемлема в рамках нашего исследования.

Таким образом, можно предположить, что «метаметодика» — это единая методология предметных методик, которая представляет возможность для интеграции на разных уровнях: целевом, содержательном, технологическом.

Все вышесказанное позволяет назвать несколько общих проблем, характерных для предметных методик, представленных в исследовании М.К. Колковой [Колкова, 2007, с. 7-10]:

- общие проблемы целеполагания, формирования знаний, навыков, умений, способностей;
- проблемы отбора содержания обучения;
- проблемы использования различных приемов, способов, форм обучения, проблемы осуществления контроля и пр.;
- общие закономерности процесса обучения (правила введения, закрепления, тренировки, активизации учебного материала; сочетание интуитивного и осознанного усвоения материала);
- общие понятия («знания», «навыки», «умения», «содержание обучения», «прием обучения», «субъект» и «объект обучения» и пр.);
- общий результат (компетентность разного уровня в осуществлении различных видов деятельности). Однако, как отмечает автор, все эти

проблемы не выходят за рамки предмета исследования в дидактике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Н.Е. Интегративный подход как методология построения метаметодики [Текст] : сб. научных трудов по непрерывному образованию / Н. Е. Кузнецова. - Вып. 4. СПб., 2004.

2. Колкова М.К. Традиции и инновации в методике обучения иностранным языкам [Текст] / М. К. Колкова. – СПб.: КАРО, 2007. – 288с.

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКУЮ КОМПЕТЕНЦИЮ

З.З. Чанышева

Башкирский государственный университет

The article discusses various aspects of translation competence viewed as a complex structure. The attempt is made to elaborate the understanding of this basic category as being dependent on linguistic, cognitive, cultural, and psychological factors.

Понимание переводческой компетенции (далее – ПК) как центральной многоаспектной категории переводоведения, представляющей интерес как в теоретическом, так и в прикладном аспекте, претерпевает существенные изменения при смене лингвистических парадигм. В самом общем виде можно говорить о подходах к ней, выработанных в трудах классиков лингвистической теории перевода (далее – ЛТП), и толкованиях, появившихся под влиянием новых моделей и теорий перевода в последние десятилетия [Нелюбин, 2003, с. 320]. Признавая расхождения во взглядах представителей ЛТП, нельзя не заметить и наличие общих тенденций в понимании ПК (повышенное внимание к рецептивной способности в сфере исходного текста и репродуктивной способности в сфере языка перевода, идиоматическому владению языком перевода, обеспечению коммуникативной равноценности между оригиналом и его переводом). Не менее важным является признание многими теоретиками культурного компонента в ПК, о чем свидетельствует использованная уже в 50-е годы XX в. создателями ЛТП терминология (*динамическая эквивалентность* (Ю. Найда), *языковая/культурная непереводимость* (Дж. Кэтфорд). Однако в системном завершенном виде новые взгляды на природу перевода, приведшие к коренному пересмотру основных категорий этой науки, включая ПК, сформировались в недрах новейших парадигм в отечественном (Т.Е. Ларина, Н.М.Нестерова, Т.А. Фесенко, В.И. Хайруллин, М.Я. Цвиллинг и др.) и зарубежном переводоведении (U. Eco, H. Vermeer, P. Torop).

Теоретики переводоведения признают справедливость требования от переводчика профессионализма в работе, что означает обладание «полным набором профессиональных качеств переводчика» [Климзо, 2006, с. 508]. Однако этот набор, определяющий переводческую компетенцию, не является постоянным, поскольку он зависит от многих факторов, включая виды и типы перевода, предметную область, жанры переводимого текста и другие параметры, определяющие различия между профилями переводческой

компетенции. Поэтому предлагаются разные варианты структурирования переводческой компетенции в зависимости от выбираемого угла зрения. В современной отечественной лингводидактике популярна модель переводческой компетенции, в которой выделяют базовую, специфическую и специальную составляющие, формирующиеся на базе известной триады ЗУН (знания, умения, навыки) [Латышев, Провоторов, 2001, с. 136].

Предлагаемый нами комплексный подход к ПК как базовой многоуровневой категории основывается на условном выделении следующих аспектов: (1) компоненты ПК, (2) способности, которыми должен обладать переводчик, (3) умения и навыки, которые в совокупности обеспечивают профессиональный уровень переводчика.

Компоненты ПК всегда были в поле зрения исследователей, хотя их репертуар и удельный вес в составе целого получали разную оценку. Очевидно, базу ПК образует системно-языковая компетенция, которая означает идиоматическое владение исходным и переводящим языком. Причем важно подчеркнуть не столько достаточное владение двумя языковыми системами в отдельности, сколько их знание через соотнесенность (*value relationships*). Неслучайно достаточный уровень ПК предполагает как необходимую предпосылку адекватное представление о результатах контрастивного исследования двух языковых систем (В.Г. Гак, Г.У. Кёрквуд, Э. Косэриу). Поэтому вполне понятно, почему в переводческой компетенции выделен в концепции А. Нойберта релевантный только для переводчика компаративный (в авторском понимании *переносный*) аспект наряду с языковой и предметной компетенцией других коммуникаторов [Neubert, 2004, с. 411-420].

Следующий компонент ПК представлен коммуникативно-функциональной компетенцией, которая определяется достаточным уровнем осведомленности об узусе, речевых нормах, особенностях выбора языковых единиц в речевых актах в конкретных ситуациях общения. По отношению к данной компетенции ПК целесообразно говорить о естественности, приемлемости и встречаемости используемых в языке-цели средств выражения.

Наконец, в ПК должен быть выделен культурно-прагматический компонент, учитывающий важнейшие параметры создаваемого текста. Это сложнейшее требование, поскольку переведенный текст должен быть «транспонирован в культуру получателя», но при этом сохранив собственный инокультурный колорит [Латышев, Семёнов, 2003, с. 192]. Данный компонент ПК оценивается такими критериями как должная степень культурной грамотности, акцептируемость форм выражения с точки зрения принимающей культурной этносреды, соответствующие ожиданиям рецептора ПЯ. Кроме того, он предполагает способность переводчика оценить переводимый текст в широком этнокультурном контексте, что означает его включенность в культурный фон (*cultural embedding*), деятельность переводчика как процесс «вчувствования» в культуру (*culture-sensitive process*), выделение уровня предметного и мета-сообщения,

связанного с целью коммуникации (*scopos*), подлежащего восприятию на основе культуро-специфичных условностей вербализации информации [K. Reiss, H. Vermeer].

Второй аспект ПК ориентирован на способность переводчика принимать адекватные переводческие решения. Если рассматривать системно-языковой компонент ПК как необходимое условие для выполнения перевода, это означает способность на основе лингвистического описания и сопоставления языковых систем прогнозировать переводческие трудности, могущие возникнуть при передаче частично совпадающих и лакунарных явлений. В отношении второго, т.е. коммуникативно-функционального, компонента ПК следует отметить способность переводчика выбирать из существующего ряда правильных форм такие лексические, грамматические, стилистические средства, которые должным образом отражают нормы их речевого использования в языке-цели. Культурно-прагматический компонент ПК также предполагает способность производить выбор речевых форм, отражающих как нормы естественного речевого поведения в соответствующих ситуациях и актах общения, так и переводческие нормы, квалифицирующие их адекватность. Указанные способности переводчика развиваются и совершенствуются целенаправленно, но сложность состоит в том, что до сих пор не существует учебников, отражающих все богатство интегрированных культур. Поэтому считают, что успех в воспитании необходимых профессиональных качеств зависит от возможности подготовки переводчика в среде нескольких языковых культур [Семёнов, 2008, с. 160].

В отношении третьего аспекта ПК речь идет о конкретных умениях и навыках, которые необходимо развивать у студента в процессе переводческой подготовки. Их также целесообразно рассматривать с точки зрения вышеупомянутых компонентов ПК. В отношении разных видов перевода следует разделить умения и навыки, возникающие в рецептивной сфере и в продуктивной сфере. Учитывая принципиальное различие между двумя сферами, справедливо говорить о рецептивной и продуктивной субкомпетенциях ПК, предполагающих развитие соответствующих умений и навыков. Переводческие решения, принимаемые переводчиком в продуктивной сфере, в значительной степени зависят от его выбора стратегии перевода, поскольку именно она определяет принципиальную установку на последующие шаги, выбор процедур, технологий и оправданных трансформаций перевода. В новейшей истории переводоведения, основывающейся на понимании любого события перевода как двуязычного и транс-культурного интерпретативного акта общения принято противопоставлять две основные переводческие стратегии, определяемые соотношением двух осей: оси экзотизации / историзации и оси натурализации/модернизации [Holmes, 2003, с. 172-176]. Так, например, в зависимости от выбора оси такая культурная категория как *время* может архаизироваться (абстрактное прошлое), историзироваться (конкретное прошлое), модернизироваться, нейтрализоваться [Тороп, 1995, с. 220].

Следует подчеркнуть значимость культурной составляющей при оценке переводческой компетенции, которая отдельно рассматривается в русле культурной семиотики. С этой точки зрения можно говорить о целом ряде компетентностей: историко-культурной, литературно-художественной, коммуникационной (прагматической) в зависимости от исходного текста и типа / вида / жанра перевода.

В контексте соприкосновения двух языков и двух культур в переводческом акте переводчик практически всегда вынужден решать проблему выбора стратегии в пользу *своего* или в пользу *чужого*. В данном случае проблема выбора стратегии перевода решается, начиная с И.В. Гёте, сформулировавшего в 1813 г. два принципа перевода, либо в плоскости освоения (*domesticating*), либо в плоскости отчуждения (*alienating*), либо разумной комбинации того и другого. В первом случае переводчик принимает решения, обусловленные его установкой адаптировать текст к правилам, нормам и узусу языка цели (ПЯ). Его позиция определяется стремлением обеспечить культурно-языковую нейтрализацию. Во втором случае выбор переводческих решений продиктован установкой сохранить в тексте-источнике его неповторимую специфику, избежав тем самым нивелирующего равенства и сохранив национально-культурный идентитет.

Опыт работы со студентами показывает, что нередко вместо сознательного выбора оправданной стратегии перевода имеет место стремление сохранить не только дух, но и букву оригинала, в результате чего происходит его калькирование на разных уровнях. Очевидно, что первопричина такого перекоса при переводе кроется не столько в культурно-языковых, сколько в психологических факторах. По мнению В.В. Гусева, здесь проявляется своего рода «стереотипизация языка перевода» [Гусев, 2003, с. 26-41]. Суть данного явления сводится к предпочтительному использованию так называемых интерферентов, т.е. единиц, заимствованных из иностранного языка. Преодолеть такие ошибки можно, лишь воспитывая у студента осознание необходимости правильной организации деятельности в процессе перевода и развивая соответствующие умения и навыки. А это возможно, если помимо перечисленных выше факторов, влияющих на переводческую компетенцию, учитывать также ее деятельностную составляющую, включающую все фазы деятельности.

В заключение хотелось бы подчеркнуть важность воспитания у студентов культуры общения, толерантного отношения к вариативным культурным ценностям и нормам, что безусловно составляет базис для формирования и совершенствования переводческой компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев, В.В. Эмпатическая модель в формировании стратегии перевода [Текст] / В.В. Гусев // Вестник МГЛУ. – Вып.480. – М.: Моск. гос. лингв. унив-т, 2003. – С. 26-41.
2. Климзо, Б.Н. Ремесло технического переводчика [Текст] / Б.Н. Климзо. – М.: «Р.Валент», 2006. – 508 с.

3. Латышев, Л.К., Провоторов В.И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе [Текст] / Л.К. Латышев, В.И. Провоторов. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 136 с.
4. Латышев, Л.К., Семенов А.Л. Перевод: Теория, практика и методика преподавания [Текст] / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – М.: Издат центр «Академия», 2003. – 192 с.
5. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь [Текст] / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
6. Семенов, А.Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности [Текст] / А.Л. Семенов. – М.: Издат. центр «Академия», 2008. – 160 с.
7. Тороп, П. Тотальный перевод [Текст] / П. Тороп. – Tartu Univ. Press, 1995. – 220 с.
8. Holmes, J.S. The name and nature of translation studies [Text] / J.S. Holmes // The translation studies reader; ed.by L. Venuti. – London and New York, 2003. – P. 172-176.
9. Neubert, A. Competence in translation: a complex skill, how to study and how to teach it [Text] / A. Neubert // Translation studies – An Interdiscipline; ed by M.Snell-Hornby.: Amsterdam, 1994. – P. 411-420.

**ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА РОМАНА И.ИЛЬФА И Е.ПЕТРОВА
«ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» И ПРОБЛЕМА ее ПЕРЕВОДА НА
КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК**

Цзан Годун

Сибирский федеральный университет

The paper deals with translating humor as exemplified by “The Twelve Chairs” by Ilf and Petrov and its translation into Chinese. In some cases the equivalent translation of the original meaning should be preferred to the word-for-word translation.

Творческое содружество И.Ильфа и Е.Петрова началось в 1927 году с совместной работы над романом «Двенадцать стульев». Сюжетная основа романа была подсказана В.Катаевым, которому авторы посвятили это произведение. В воспоминаниях об И. Ильфе Е. Петров впоследствии писал: "Мы быстро сошлись на том, что сюжет со стульями не должен быть основой романа, а только причиной, поводом к тому, чтобы показать жизнь" [Ильф, 1925-1937, с. 22]. Это в полной мере удалось соавторам: их произведения стали ярчайшей "энциклопедией советской жизни" конца 1920-х – начала 1930-х годов.

Роман «Двенадцать стульев» быстро стал широко известен, его перевели на более десяти языков мира. На протяжении полувека, этот роман переведен на китайский язык 4 раза. Самый ранний перевод романа «Двенадцать стульев» на китайский язык был сделан Фэй Минцзюнем в 1954 году с японского перевода, изданного в 1934 году издательством «Наука» Японии, который перевели с русского оригинала издания 1933 года. Самый последний перевод на китайский язык был сделан Чжан Пэйфэнэем с русского оригинала

издания 1961 года и вышел в свет в 2004 году. Именно этот перевод имеет наибольшую популярность.

Изучение разновременных переводов художественного текста разработано как особый вид лингвистического исследования В.М.Марковым в Казанском университете. Значение этого типа исследования состоит в том, что переводы одного и того же текста, сделанные в разное время, несут в себе определенные отличия, связанные не только с объективными факторами (развитие языка во времени, использование разных синонимических средств языка и др.), но и с факторами субъективными (мастерство и индивидуальные особенности переводчика, уровень его образованности и т.д.) [Николаев, 2003, с. 102-109]. Для сопоставительного анализа русского текста романа и двух переводов его на китайский язык 1954 и 2004 годов мы берем речь Элочки Щукиной, представляющую большой интерес для исследователей художественного своеобразия романа И. Ильфа и Е. Петрова.

Элочка Щукина (Элочка-людоедка) – незабываемый персонаж, созданный И.Ильфom и Е.Петровым в романе «Двенадцать стульев». В общении с людьми она легко и свободно обходилась тридцатью словами и могла выразить практически любую мысль, в отличие (как утверждают авторы романа) от Вильяма Шекспира, чей словарный запас по подсчету исследователей составлял 12 000, и в отличие от словаря негров из людоедского племени «Мумбо-Юмбо» (Ц.Г. – Выражение “Mumbo-Jumbo” (фран. «Мумбо-Юмбо», англ. «Мамбо-Джамбо») появилось в 18 веке в книгах европейских путешественников по Африке; оно означало «идола» (духа), которым мужчины пугали женщины), словарный запас которого составлял 300 слов. Сегодня люди используют это имя в переносном смысле, описывая человека с ограниченным словарным запасом.

Речь Элочки состоит в основном из междометий и выражений-штампов. Среди ее тридцати слов и выражений находятся синонимические средства: междометие *Ого!* полностью синонимично слову *Хо-хо!* И авторам романа приходится «переводить» читателям речь Элочки Щукиной на общепонятный современный язык:

- Хо-хо! - воскликнула она, сведя к этому людоедскому крику поразительно сложные чувства, захватившие ее.

Упрощенно чувства эти можно было бы выразить в следующей фразе: «Увидев меня такой, мужчины взволнуются. Они задрожат. Они пойдут за мной на край света, заикаясь от любви. Но я буду холодна. Разве они стоят меня? Я – самая красивая. Такой элегантной кофточки нет ни у кого на земном шаре».

Но слов было всего тридцать, и Элочка выбрала из них наиболее выразительное – «хо-хо» [Ильф, Петров, 2005, с. 217].

Перевод 1954 г., Фэй Минцзюнь:

“嚯、嚯！”她在奔騰似的愉快的感覺下，忍不住喊了出來。

如果翻譯一下她這時候的“嚯、嚯”這句話……意義是這樣的----

“男人看到我這種樣子，該會失魂落魄的了。他們會痴心妄想地跟住我的屁

股，到處奔走的罷。然而，我要用很冷靜的態度。因為那些男人沒有和我交際的資格。還有再比我美麗的女性不成？這樣華麗的衣服，就是全世界去找，也找不出一件的。高叫起來。她把那些攪住她的複雜得驚人的各種感情都融進吸血鬼的這一叫喊聲中。” [伊利夫，彼得罗夫，1954, 页 256]

Перевод 2004 г., Чжан Пэйвэнь:

“嚙嚙，”她喊道，在她的这一吃人生番似的喊声中汇集了控制着她整个身心的异常复杂的感情。

这些感情简而言之可以用这样一段话来表达：“男人们看见我的这副模样定会神魂颠倒。他们会浑身发抖，会爱得结结巴巴地说不出话来，他们会甘愿随我奔赴天涯海角。但是我会冷若冰霜。他们难道能配得上我？我是最美的，世界上谁也没有我这么高雅的衣服。”

但是艾洛奇卡总共只有三十个词汇，所以她只从中选用了—一个最富表现力的
“嚙嚙” [с.204].

Нетрудно заметить, что перевод данного текста 1954 года значительно отличается от русского оригинала. Во-первых, некоторые фрагменты не были переведены вообще: *Они задрожат; заикаясь от любви; Но слов было всего тридцать, и Эллочка выбрала из них наиболее выразительное – «хо-хо».* Во-вторых, неточность перевода, например: *Они пойдут за мной на край света.* перевели как 他們會痴心妄想地跟住我的屁股，到處奔走的罷。(С несбыточной надеждой они пойдут за моей попой); *Но я буду холодна. Разве они стоят меня? Я – самая красивая.* перевели на 然而，我要用很冷靜的態度。因為那些男人沒有和我交際的資格。還有再比我美麗的女性不成 (Но, я буду держаться очень трезво, потому что они не компетентны со мной общаться. Неужели есть девушка красивее меня?)

Перевод 2004 года более близок оригиналу: 但是我会冷若冰霜。他们难道能配得上我？我是最美的 (Но, я буду холодна. Разве они мне подходят? Я самая красивая.) С лексической стороны, в китайском языке междометие 嚙 (хо), в определенных обстоятельствах тоже выражает восхищение и удивление, но не употребляется как редупликативное выражение 嚙嚙 (хохо). Например: 嚙，好高的楼 (Хо, какое высокое здание!).

Первым в словаре Элочки стоит слово *Хамите* – 2-е лицо глагола «хамить». Юмористический эффект возникает при использовании вежливой грамматической формы глагола с невежливой (отрицательной) семантикой. Однако в китайском языке нет такого словосочетания, которое могло эквивалентно передать данный смысл. Фэй Минцзюнь перевел его как 多麼庸俗 (Как пошло!), Чжан Пэйвэнь перевел 您好无礼 (Вы очень не вежливы). К сожалению оба перевода не могли передать данный тонкий словесный юмор, хотя в переводе Чжан Пэйвэня, в какой-то степени отражается несочетаемость «Вы» и «невежливо». И в общении Элочки

Щукиной с мужем, и с Остапом, Чжан Пэйвэнь соответственно менял обращение с «ты» на «вы», когда Эллочка говорила мужу «Хамишь» и Остапу «Хамите».

Слово *Подумаешь*, в диалоге Элочки с мужем было употреблено два раза, и везде с восклицательным знаком, указывающим на определенную экспрессивную интонацию. При переводе интонацию, как атрибут устной речи сохранить невозможно, поэтому следует избегать дословного перевода.

- Ну, как же так можно делать?! Ведь нам же есть нечего будет!

- Подумаешь! [Ильф, Петров, 2005, с. 219]

Перевод 1954г., Фэй Минцзюнь:

-為什麼要那樣做呢！不是連伙食費都沒有了嗎！

-您那樣想？[伊利夫，彼得羅夫，1954，頁 260]

Перевод 2004г., Чжан Пэйвэнь:

- 咳呀，怎么能这样做呢？！咱们回没饭吃的！

- 得了吧！ [с. 207]

Когда Эрнест Павлович узнал, что Эллочка Щукина на хозяйственные деньги купила стул, он очень расстроился, потому что им дальше будет нечего есть. А Эллочка одним словом «Подумаешь!» ответила ему. Здесь она имела в виду «Ну и что, что есть нечего будет, стул же очень красивый!». В переводе Фэн Минцзюня, Эллочка ответила мужу интонацией вопроса 您那樣想？ (Вы так думаете...?). А в переводе Чжан Пэйвэня, используется восклицательный знак 得了吧！ (Ладно ты...!)

Следующее любимое выражение Элочки Щукиной – *Кр-р-расота!* Фактически это тоже междометие, возникшее семантическим путем (путем десемантизации) на базе существительного. Оно, естественно, сохраняет центральную сему своего производящего слова, но, как любое производное, имеет «приращенную семантику». Авторы романа не поясняют эту семантику, поэтому, чтобы определить ее, нужно обратиться к тем контекстам, в которых это слово употребляется. Эллочка применяет его трижды в разговоре с мужем.

- Откуда стулья.

- Хо-хо!

- Нет, в самом деле?

- Кр-расота! [Ильф, Петров, 2005, с.219]

Перевод 1954г., Фэй Минцзюнь:

- 打什麼地方拿椅子來的？

- 嚙、嚙！

- 究竟怎麼一回事呢？

- 哎，很好看！ [伊利夫，彼得羅夫，1954，頁 260]

Перевод 2004г., Чжан Пэйвэнь:

- 哪儿来的椅子？

- 嚙嚙！

- 到底是怎么回事？

- 美-美-美极啦! [с. 207]

Судя по ситуации, ответ Элочки обозначал: «какая разница, где я их взяла!? Стулья же очень красивые!» В переводе Фэй Минцзюня данный смысл сохранен 哎, 很好看! (Ах, очень красивые!). Однако, наличие в этом слове долгого *p-p-p* вызывает у читателя представление о резкой, рычащей речи героини. Поэтому очень важно при переводе сохранить в этом слове эффект рычания. Чжан Пэйвэнь в своем переводе пытался передать данный эффект оригинала китайским звукоподражанием и поэтому потянул первый слог: Мэй-мэй-мэй цзи ла! (очень красивые). На фонологическом уровне это дает почти такой же эффект что в русском оригинале.

В следующем случае, в обоих переводах звукоподражания нет:

- Он уехал на дачу и оставил мне на лето всю свою квартиру. Ключ у меня... Только мебели нет.

- **Кр-расота!** [Ильф, Петров, 2005, с.220]

Перевод 1954г., Фэй Минцзюнь:

-

他因為要住到別墅去，就把他自己的房間，在這個夏天里托給了我。鑰匙也在我這兒。只是沒有家具。

- 噢，那太好了! [Илиф, Петров, 1954, стр. 262]

Перевод 2004г., Чжан Пэйвэнь:

-

他到別墅去了，把住房整个夏季都留给了我。钥匙在我这儿.....只是没有家具。

- 真漂亮! [с.208]

Когда Эрнест Павлович уходил, он ждал, что жена хоть в этом моменте воздержится от обычных металлических словечек. Но, Элочка почувствовала всю важность минуты, напряглась и стала искать подходящие для разлуки слова:

- **Поедешь в таксо? Кр-расота!** [Ильф, Петров, 2005, с.221]

Перевод 1954г., Фэй Минцзюнь:

- 坐汽車去嗎? 太好了! [Илиф, Петров, 1954, стр. 263]

Перевод 2004г., Чжан Пэйвэнь:

- 你去坐出租车? 真漂亮。 [с.209]

В данном случае, Фэй Минцзюнь перевел *Кр-расота* как «Здорово, очень хорошо» с положительной эмоциональностью. А Чжан Пэйвэнь перевел как «Красиво». *Поедешь в таксо?* В России автомобиль, используемый для перевозки пассажиров и грузов с оплатой проезда называют «такси», а *таксо* это сленговая форма. Вместо предлога *в*, должно быть «на», как вид транспорта для передвижения, т.е. правильная форма «Поедешь на такси?». Форма *takso* как нормативная существует только в эстонском и латышском языках. В Москве данная форма также употребляется, но обычно в маркированной ситуации вроде «Хо-хо, а вы

сегодня на таксо, как я погляжу». В переводах тонкость употребления сленгового слова *таксо* не отражена.

Нужно отметить, что в речи Элочки Щукиной многие слова выступают в функции междометий. Выше мы уже говорили о междометной функции слова *Krrрасота!* Сюда же нужно отнести слова *знаменито, мрак, жуть, подумаешь*. Слово *жуть* широко употребляются в разговорной речи многими русскими кроме Элочки, когда речь идет о тревожном чувстве страха, ужаса.

В речи Элочки Щукиной были представлены фразеологизмы. Это *Не учите меня жить!* и *У вас вся спина белая (Шутка)*. Фраза «Не учите меня жить» стала популярной цитатой после появления романа «Двенадцать стульев», и с тех пор кто только ее не повторял! Так, в фильме «Москва слезам не верит», ее произносит героиня И.Муравьевой. [Серов, 2005, с. 800] Фэй Минцзюнь перевел фразу *Не учите меня жить* китайской идиомой 胡说八道(говорить всякие глупости без основания), однако он заменил третий иероглиф 八 на 霸 с одинаковыми произношениями, и идиома разбивается на два словосочетания 胡说(говорить глупости) и 霸道(нагло; деспотично). Таким образом, в китайском переводе возникла игра слов. Но Элочка Щукина, высказывая данную фразу, скорее всего, имела прямой смысл, т.е. «не воспитывай меня». Перевод Чжан Пэйвэня 不用您教我怎么生活 является буквальным переводом. Однако, рассматривая контекст ее разговора с мужем, Элочка Щукина высказалась сердито, из-за того, что муж реагировал на приобретенные ей стулья не только без понимания, но еще и ругался за то, что она их купила на хозяйственные деньги. Реакцию мужа на ее поступок она приняла как хамство. Поэтому считаем, что в этом случае перевод должен быть кратким 用不着你教我(не надо меня воспитывать).

Что касается выражения *У тебя вся спина белая*, оно, скорее всего, в шуточной форме передает неловкую ситуацию, в которую попал собеседник. Фраза, создающая у собеседника ошибочное впечатление, что часть его верхней одежды, якобы покрыта, целиком либо пятнами, ишвесткой или иным веществомбелого цвета. Эффект основывается на том, что описываемая ситуация действительно возможна, если ранее человек прислонился к свежеокрашенной поверхности. Здесь трудностей перевода не возникло.

"Эрнст Павлович связал свои вещи в большой узел, завернул сапоги в газету и повернулся к дверям.

- **У тебя вся спина белая**, – сказала Элочка грамофонным голосом" [Ильф, Петров, 2005, с.220].

Приведенные примеры высказываний Элочки Щукиной и переводы на китайский язык позволяют рассмотреть пути перевода юмористических произведений, к которым относится и роман И.Ильфа и Е.Петрова «Двенадцать стульев». В процессе анализа выявлено, что предпочтение иногда следует отдавать не дословному переводу, который обязательно приведет к утрате приращенного смысла и вызовет смех у читателя, не

юмористическими находками, а как раз их отсутствием, прямым пониманием того, что является метафорой или метонимией. Предпочтение следует отдавать переводу эквивалентному, сохраняющему максимальную близость к смыслу текста оригинала [Николаев, 2003, с. 102-109].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильф, И.А. Записные книжки : 1925-1937 [Текст] / И.А. Ильф. – М.: Советский писатель, 1957 – 216 с.
2. Ильф, И. Петров, Е. Двенадцать стульев [Текст] / И. Ильф, Е. Петров. – М.: Эксмо, 2005 – 400 с.
3. Николаев, Г.А. Сленг Элочки-людоедки, или Элочка говорит... по-немецки [Текст] / Г.А. Николаев // Сопоставительная филология и полилингвизм. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003 – С. 102-109.
4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов/ С.И. Ожегов; Под общей редакцией профессора Л.И. Скворцова – 24-е изд., испр. [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. – 640с.
5. Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Текст] / В. Серов. – М.: Локид-пресс, 2005 – 800 с.
6. 汉俄词典 – 北京: 商务印书馆, 2004 – 1250 页.
7. 伊利夫, 彼得羅夫 “十二把椅子” (費明君譯) – 上海: 泥土社, 1954 – 456页.
8. 伊里夫, 彼得羅夫 “十二把椅子” 张佩文译) – 北京: 人民文学出版社, 2004 – 372页.

КОНВЕРГЕНЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

О.Н. Ярошенко

Челябинский государственный университет

The article runs about convergence of methodological approaches in consideration of professional competence of specialists in the English language.

Проблема совершенствования образования рассматривается в педагогической науке с точки зрения различных методологических подходов. Назовем некоторые из них:

- системный подход в общем случае сводится к изучению системных свойств объекта. Ключевым понятием данного подхода является система (А.Н. Аверьянов, В.Г. Афанасьев, Б.С. Гершунский, Т.А. Ильина, Н.В. Кузьмина и др.);

- деятельностный подход (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, К.К. Платонов, В.А. Сластенин и др.) трактуется как «описание, объяснение и проектирование различных предметов, подлежащих научному рассмотрению с позиции категории деятельности» [Сагатовский, 1990, с. 70];

- личностный подход – это принцип личностной обусловленности всех психических явлений человека, его деятельности, его индивидуально-психологических особенностей (В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн и др.).

Каждый из подходов определяет, какой аспект объекта исследования подвергается изучению. Обратимся к основным положениям системного подхода, под которым в современной научной литературе (И.В. Блауберг, Д.М. Гвишиани, В.П. Кузьмин, В.А. Лекторский, Э.Г. Юдин и др.) понимается направление методологии специально-научного познания и практики, в основе которого лежит исследование объектов как систем, когда объекты изучаются преимущественно под углом зрения внутренних и внешних системных свойств и связей, обуславливающих целостность объекта, его внутреннюю организацию и функционирование. Работы А.М. Арсеньева, С.И. Архангельского, М.А. Данилова, В.И. Загвязинского, Ф.Ф. Королева, В.В. Краевского, Ю.П. Сокольникова и других ученых доказали, что системный подход является «основанием» методологии педагогики. Именно он рассматривает объекты как педагогические системы и ориентирует на выявление многообразных типов связей в объекте при раскрытии его целостности. Анализ психолого-педагогической литературы (Г. Бэлдвин, Н.В. Кузьмина, А.Г. Куракин, Л.И. Новикова, Дж. Шилеппи и др.) свидетельствует, что системный подход в отечественной и зарубежной педагогике разрабатывается не только как метод исследования учебно-воспитательного процесса, но и как метод его совершенствования. Данная мысль является существенной для нашего исследования.

Основные понятия, которыми оперируют западные педагоги (Г. Борич, Г. Бэлдвин, Р. Джемелка, Р. Кауфман, Р. Стейкнас и др.) в работах теоретического плана по системному подходу, аналогичны используемым в исследованиях отечественных ученых по данной проблематике (Ю.А. Конаржевский, Н.В. Кузьмина, Г.Н. Сериков, Н.Р. Юсуфбекова, Н.М. Яковлева), в которых система характеризуется как совокупность взаимосвязанных элементов, изменение каждого из которых существенно влияет на другие.

В.Г. Афанасьевым [Афанасьев, 1980] выделен ряд ведущих признаков, посредством которых системы могут быть описаны как целостные образования:

- наличие составных элементов, компонентов, частей, из которых образуется система;
- наличие интегративных качеств, то есть таких качеств, которыми не обладает ни один из отдельно взятых элементов, образующих систему;
- наличие структуры, то есть определенных связей и отношений между частями и элементами;
- наличие коммуникативных свойств системы, проявляемых в двух формах: в форме взаимодействия со средой и в форме взаимодействия данной системы с суб- и суперсистемами, т.е. системами более низкого или высокого порядка, по отношению к которым она выступает как часть (подсистема) или как целое;

- историчность, преемственность или связь прошлого, настоящего и будущего в системе и в ее компонентах.

Профессиональная подготовка будущих переводчиков – это тоже система, представляющая собой совокупность взаимосвязанных средств, методов и процессов, необходимых для создания организованного и целенаправленного влияния на развитие творческой личности.

Мы солидарны с В.П. Беспалько, Н.М. Яковлевой, которые считают, что «системный подход может быть положен в основу любой технологии, воспроизводимости и планируемости которой целиком зависят от ее системности и структурированности» [Яковлева, 1991, с.8].

Это связано с тем, что системный подход позволяет:

- рассматривать профессиональную подготовку будущих переводчиков как целостный объект (систему);

- применять системный анализ к изучению профессиональной подготовки, то есть выявить компонентный состав данной системы и ее подсистем, их связи и отношения в процессе ее функционирования и развития; исследовать ее как динамическую систему, определяя различные уровни ее функционирования с точки зрения оптимизации процесса, его результативности в достижении целей;

- осуществлять синтез научных знаний для построения педагогической теории и решения соответствующих задач.

В нашем исследовании системный подход дополнен личностно-деятельностным подходом, который в течение многих десятилетий является ведущим методологическим принципом отечественной педагогики. В рамках этого подхода категория деятельности рассматривается как предельно широкая, охватывающая все формы человеческой деятельности (А.Н. Леонтьев). Основы личностно – деятельностного подхода были разработаны в трудах С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, К.К. Платонова и других, где личность рассматривалась как субъект деятельности, которая, сама, формируясь в деятельности и в общении с другими людьми, определяет характер этой деятельности и общения. Рассматривая личностно-деятельностный подход как единство его личностного и деятельностного компонентов, отметим, что первый соотносится с личностным или, как в последнее время он определяется, личностно ориентированным (И.С. Якиманская, Е.В. Бондаревская, М.Н. Берулава, В.В. Сериков, Э.Ф. Зеер и др.) подходом.

Перевод трактуется нами как деятельность в рамках теории речевой деятельности и шире – общей теории деятельности. Наиболее важными чертами любой деятельности являются открытость, системность, уровневость, гибкость, кольцевой характер, универсальность и динамичность. Одним из определяющих моментов всех деятельностных концепций можно назвать вопрос о соотношении двух психологических категорий – личности и деятельности. Согласно взглядам Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, личность является активным субъектом деятельности. Это означает, что личность не только формируется в

деятельности и общении, определяя их характер, но и способна управлять своими действиями, контролировать их ход и оценивать их результаты.

В структуре личности как субъекта учения в рамках анализа его профессиональной деятельности особый интерес представляют те черты, которые соотносятся с ее основными компонентами. По мнению Б.Г. Ананьева, субъект включает «определенные свойства индивида и личности, соответствующие предмету и средствам деятельности» [Ананьев, 2001, с.52]. Видимо, в переводе к таким свойствам следует отнести, прежде всего, коммуникативные умения – умение ориентироваться в условиях общения, правильно спланировать свою речь, выбрать содержание общения, найти адекватные средства для передачи мысли и обеспечить обратную связь [Садохин, 2005].

Личностный подход, по К.К. Платонову, это принцип личностной обусловленности всех психических явлений человека, его деятельности, его индивидуально-психологических особенностей [Платонов, 1981]. Как подчеркивал С.Л. Рубинштейн, «в психологическом облике личности выделяются различные сферы или черты, характеризующие разные стороны личности; но при всем своем многообразии, различии и противоречивости основные свойства, взаимодействуя друг с другом в конкретной деятельности человека и взаимопроникая друг в друга, смыкаются в единстве личности» [Рубинштейн, 1989, с. 102].

Применительно к познавательной деятельности студентов, личностно-деятельностный подход выступает как средство формирования познавательных ценностей с позиции их значимости для удовлетворения познавательных потребностей личности.

Используя личностно-деятельностный подход в развитии перцептивно-коммуникативной компетентности будущих переводчиков, мы делаем акцент на развитии индивидуальных способностей каждого студента. Нашей задачей является выявление и максимальное использование индивидуального опыта студента; помощь личности в познании себя, самоопределении и самореализации; стимулирование личностной, интеллектуальной активности, учитывая индивидуально-психологические особенности обучающегося. Таковы проявления личностного компонента личностно-деятельностного подхода, но, как полагал С.Л. Рубинштейн, «сделать личностный аспект единственным – значит закрыть себе путь для исследования закономерностей психической деятельности» [там же]. Соответственно, в качестве второго аспекта рассматриваемого подхода должен выступать его деятельностный компонент.

Данный принцип базируется на теории целенаправленной человеческой деятельности и теории речевой деятельности (А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.). Категория деятельности для данного рассмотрения является одной из основных. По определению А.Г. Асмолова, деятельность представляет собой динамическую саморазвертывающуюся иерархическую систему взаимодействий субъекта с миром, в процессе которых происходит порождение психического образа, воплощение его в объекте, осуществление

и преобразование опосредованных психическим образом отношений субъекта в предметной действительности. Обучение иностранным языкам носит деятельностный характер, поскольку речевое общение осуществляется посредством «речевой деятельности, которая, в свою очередь, служит для решения задач продуктивной деятельности в условиях сотрудничества и «социального взаимодействия» общающихся людей (И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев). Участники общения пытаются решить реальные и воображаемые задачи в совместной деятельности при помощи иностранного языка.

Таким образом, личностно-деятельностный подход позволяет создать условия для самоактуализации и личностного роста будущих переводчиков, формирования их активности за счет партнерских, субъект-субъектных отношений с другими участниками образовательного процесса, а также включения студентов в профессионально-коммуникативную деятельность с учетом их индивидуальных особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания [Текст] / Б.Г. Ананьев. – СПб: ПИТЕР, 2001. – 282 с.
2. Афанасьев В.Г. Системность и общество [Текст] / В.Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1980. – 368 с.
3. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий: учеб. пособие для инж. пед. работников профтехобразования [Текст] / К.К. Платонов. – М.: Высш. шк., 1981. – 175 с.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии в 2 т. Т.1 [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989. – 488 с.
5. Сагатовский В.Н. Категориальный контекст деятельностного подхода // Деятельность: теория, методология, проблемы [Текст] / В.Н. Сагатовский. – М.: Политиздат, 1990. – 82 с.
6. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации [Текст] / А.П. Садохин. – М.: Высш. шк., 2005. – 310 с.
7. Яковлева Н.М. Подготовка студентов к творческой воспитательной деятельности [Текст] / Н.М. Яковлева. – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1991. – 128 с.

CONTRASTIVE SPEECH ACT ANALYSIS OF ANGLO-AMERICAN AND SLOVAK DIVORCE JUDGMENTS IN TRANSLATION

S. Janigová

P. J. Šafárik University in Košice, Slovakia

The paper summarizes the results of a contrastive analysis of Anglo-American and Slovak divorce judgments in the light of Austinian speech act theory, aimed at justification of appropriate transpositions in the course of translation.

In course of practical translation, translators of ESP texts have to tackle a number of linguistic issues, i.e. grammar, lexis/terminology, and style of both the target as well as the source discourses. Legal texts, however, require one more aspect to cope with, an aspect that is ranked with the area of pragmatics, and that is often omitted in the course of translation. It is the issue of

illocutionary/performative forces to be taken into consideration, should proper translation solutions be arrived at. The selection of particular grammatical means while employing the translation technique of transposition seems to be closely dependent on the proper identification of performative force of a particular discourse. In our case, the pragmatic aspect is examined via Austinian performative theory.

For the purposes of our present analysis, we have compiled a sample of judgments from the Anglo-American domain (a Texas divorce judgment) and from the Continental domain (a Slovak divorce judgment), and have subjected them to a contrastive speech acts analysis in conjunction with a study of formal means employed to effect particular speech acts. The Anglo-American text serves as a parallel text source ranked with the 'legal sublanguage of standard language' [Kurzon, 1989], more particularly, with 'the application stylistic layer of legal language' [Tomášek, 1998]. The technique to be used in selecting the proper translation variant from Slovak into English is that of transposition based on 'grammatical changes in translation, while the meaning of the word in the target language is invariant' [Franko, 2003, p. 332]. Some general validity may, hopefully, be admitted for final remarks derived from the analysis.

Austin outlined his theory of speech acts in his well-known Harvard lectures titled 'How to Do Things with Words' (given 1955 and first published in 1962) by pointing out the principal distinction between 'performatives' and 'non-performatives' (i.e. 'constatives'). By uttering the former, we actually 'do things with words', we change extra-linguistic reality. Validity of performatives is tested by the satisfaction of felicity conditions (e.g. by uttering the words '*I declare this conference open*', this conference actually starts on condition that the utterer is competent to do it. A true or false test does not apply to this kind of locutions. On the other hand, constatives only describe a particular situation and may be subject to a true or false test (e.g. locution '*The weather is nice*' provides a mere statement of fact, and therefore its truth value may be examined). The term 'performative' is used in the speech acts theory, which has found its application in linguistic pragmatics as well as in philosophy of language, to denote that capacity of an utterance which is directed towards the extra-linguistic reality and participants. Austin distinguished three levels of acts: locutionary acts (locution as phonetic and morpho-syntactic utterance of lexical items, act of saying something), illocutionary acts (act of doing something through locution and in contrast to pure uttering something, speech acts), and perlocutionary acts (the effect of illocutionary acts on the addressee). At the illocutionary level Austin outlined 5 general classes of illocutionary forces/speech acts:

- (1) **Verdictives** (jury findings, assessments, evaluations)
- (2) **Exercitives** (exercising powers, applying the law, exerting influence, appointing to office, voting, warning, giving advice)
- (3) **Commissives** (promising, undertaking, assuming liabilities)
- (4) **Behavitives** (different functions of social behaviour: apologising, congratulating, recommending, expressing condolence, swearing, cursing)
- (5) **Expositives** (replying, proving, admitting, assuming)

The most relevant for our present analysis are **verdictives** and **exercitives**, both of which are official acts, but of somewhat different nature: verdictives evaluate facts of the case based on evidence (their typical exemplification is pronouncement of verdict of guilty/not guilty), and as such they may be correct or incorrect. On the other hand, exercitives are official acts that make the law – for the concerned parties as well as for the general public in course of common-law judicial law-making under the doctrine of stare decisis. These are typically exemplified by the pronouncement of judgments.

An Anglo-American divorce judgment is divided into several sections dealing with the issues relevant for a particular matrimonial case (i.e. jurisdiction and domicile, divorce (itself), children of marriage, division of marital estate etc.). In some sections the court makes findings on the ground of testimonies and documentary evidence. These have a verdictive illocutionary force: “*The Court finds that there is no child of the marriage of... and that none is expected.*” The form of these findings includes indicative present or past of verbs. The exercitive illocutionary force only occurs where the court delivers final orders. Formally, it is effected by the passive indicative introductory binomial: “*IT IS ORDERED AND DECREED*”, in the performative present, or the “instantaneous present” [Quirk, 1990, p. 49], with the introductory binominal being typically capitalised to intensify its illocutionary force. This introductory phrase is followed by nominal content subordinate clauses which may have the following forms:

1. Where the content of the actual order is the imposition of an obligation, the form is, in majority of cases, future tense “shall” combining the grammatical semantics of future tense with deontic modality of obligation:

“*IT IS ORDERED AND DECREED that XXX shall pay ... these items:...*”

However, other formal means may occur as well:

2. Subjunctive: “*IT IS ORDERED AND DECREED that each party file an individual income tax return in accordance with Internal Revenue Code...*”

3. Be operator + infinitive “*IT IS ORDERED AND DECREED that costs of court are to be borne by the party who incurred them.*”

Structurally, they are sentences where the binomial is the matrix clause and the *that*-clause is the subject proper of the matrix verbs, conveyed by a dependent nominal content subordinate clause of imperative type. Dependent imperative content clauses are rather rare in English, and in informal style they usually contain the subjunctive: “*I suggest that we should consult a lawyer.*” (Dušková, 1988: 606). Our analysis, however, shows that this type of clause is rather frequent and, hence, genre-specific kind of clause.

In contrast to the above examples where dependent clauses contain modality of obligation conveyed via shall+bare infinitive to effect the intended illocutionary force binding the litigants to do certain acts, in the following examples dependent clauses employ the present passive indicative, (unaccompanied with extra-linguistic deicticals of *hereby* type):

a) “*IT IS ORDERED AND DECREED that all relief requested in this case and not expressly granted is denied.*”

b) *“IT IS ORDERED AND DECREED that XXX, Petitioner, and YYY, Respondent, **are divorced** and that the marriage between them **is dissolved**.”*

The present indicative, as exemplified in examples (a) and (b) above, serves as the primary indicator of the exercitive illocutionary force: by the utterance of “IS DENIED/ARE DIVORCED/IS DISSOLVED/”, the judge actually “does things with words”, i.e. changes extra-linguistic reality and legal status of husband and wife. It is possible to employ a “*hereby test*” (considered as safe indicator of performative nature of a locution), and to prove that this form should be unmistakably treated as the performative, although the use of ‘hereby’ deicticals is often criticized as redundant [Mellinkoff, 1963]: ‘... *the Petitioner and Respondent are hereby divorced.*’

A Slovak divorce judgment is introduced by the pattern ‘Rozsudok v mene Slovenskej republiky’ = ‘Judgment in the name of the Slovak Republic’, followed by an introductory sentence detailing the court, judge, parties, legal matter, and the decision itself (or several decisions):

a) *Okresný súd... ‘rozhodol’* (‘decided’ – 3rd person singular past active indicative):

b) *Manželstvo... ‘sa rozvádza’*. (‘is divorced’ – 3rd person singular present passive indicative)

c) *Maloleté deti ‘sa zverujú’ do osobnej starostlivosti matky*. (‘are entrusted to’ – 3rd person plural present passive indicative)

d) *Otec ‘sa zaväzuje’ prispievať na výživu*. (‘is bound’ – 3rd person singular present passive indicative)

The exercitives in the Slovak judgment are effected by the combination of the introductory matrix (a) taking the form of the third person singular past active indicative, and the particular exercitive decisions (b, c, d) having the form of the third person present passive (reflexive) indicative. Peculiar is especially the formal past active indicative introductory verb in (a), which seems to be rather “un-performative” indicator.

In order to find the proper English transposition of these locutions, we refer back to the Anglo-American judgments above. Two variants may be suggested as transpositions fitting the Slovak context, having identical illocutionary force:

a) *The District Court HAS ORDERED AND DECREED as follows: or
The District Court HAS HELD as follows:*

The reflexive present indicative of the Slovak source may then be transposed into shall+bare infinite or subjunctive form of target translation into English, by analogy with the Anglo-American parallel text:

b) *IT IS ORDERED AND DECREED that the marriage **be divorced/be dissolved**.*

c) *.....that the custody over the minor children **be awarded** to the mother*

d) *.....that the father **shall pay** the support and maintenance...*

In this paper we have attempted to point out the relevance of a speech act approach to be taken into consideration in the process of translation of legal texts. Regardless of the peculiarities resulting from the fact that the source and target

texts rank with different legal systems, both texts show identity of illocutionary forces: Austinian verdictives and exercitives. As formal means used to effect them in the examined texts differ, it is necessary to employ transposition as suitable translation technique to select the most appropriate formal variant, based on the prior contrastive speech act analysis of the source and target texts.

REFERENCES

1. Austin, J. How to do things with words [Text] / J. Austin – Oxford: OUP, 1980.
2. Dušková, L. Mluvnice současné angličtiny na pozadí češtiny [Text] / L. Dušková. – Praha: Academia, 1988.
3. Franko, Š. Translation Science [Text] / Š. Franko // Rudiments of English Linguistics II; ed. Štekauer, P., Kavka, S., Prešov : FF PU, 2003.
4. Greenbaum, S., Quirk, R. A Student's Grammar of the English Language [Text] / S. Greenbaum, R. Quirk, London: Longman, 1990.
5. Kurzon, D. Language of the Law and Legal Language [Text] / D. Kurzon // Special Language: From Humans Thinking to Thinking Machines, Philadelphia: Claredon, 1989.
6. Mellinkoff, D. The Language of the Law [Text] / D. Mellinkoff. – Boston / Toronto: Little, Brown and Company, 1963.
7. Tomášek, M. Překlad v právní praxi [Text] / M. Tomášek. – Praha: Linde Praha a.s., 1998.

SEMANTICS RELATION TO MULTIPLE INTELLIGENCE PREFERENCES

B. A. Romero
Universidad Autónoma de Baja California (UABC)
Mexico

Semantic Differentiation by Osgood allows for the use of adjectives containing three aspects: power, quality and action. Students in Education field describe their performance on a university course, later correlated to their preferred style of learning, showing some cultural biases in establishing the quality, and a meaningful relation of preferred intelligence to power and action as well.

Introduction

This research was designed as part of a complex learning skills appraisal that considers the UABC slogan, one that condenses aims and philosophy of this institution: por la superación plena del hombre (for men's fulfillment).

Randomly selected students in the Education and Humanities licensure programs of the UABC were asked to describe using three adjectives what was their performance appraisal for the course (2009-2). According to Frida Díaz-Barriga (2002, pp. 248) there is a sequential relation among reflection and metacognition, where the first gives sense to activity and allows for a better coping with new learning situations.

The adjectives selected were categorized by the researcher to assess students' fulfillment on the course by way of positive and negative adjectives.

Next, these adjectives were categorized in three aspects of semantics according to Osgood Semantic Differentiation: power, quality and action. Later, a correlation test was run on SPSS 15, to find out how much the appraisal was influenced by the preferred intelligence type, according to Howard Gardner's nine intelligences, using an inventory that has been validated in the Language School since 2004.

Preferred intelligences was related previously to students' opinions on the self-access center of the language school, using a representative sample of students attending the center in 2003. The opinions were gathered using a four item scale and covering procedures, materials, service, display, and attention offered by the center. It showed a strong correlation to preferred kind of intelligence in frequency and quality of the opinions rendered. (Romero, B., 2004). This research aimed then, to discover the relation between a self-evaluation and the preferred kind of intelligence of students of the Education area in this University.

At present, this University has undertaken an Educational Model Change to the Competencies Model as recommended by UNESCO to empower countries in a Global World. A competencies model requires that students be taught the know-how or the operationalization of knowledge into practice. It is planned from professional competencies and generic competencies that account for success at large, considering alter-ego oriented instruction, behavior, and scope. It is a frame that reflects world change, where the foundations were deeply inspired by Jacques Delors, leading the higher education team of UNESCO's intercultural work that started in 1996.

Delors (1996) mentioned the possibility to plan human development respecting nature, future labor market, and providing a strong relation between education and development policy. His work preceded and was fundamental to the world study and later recommendations issued by UNESCO in the beginnings of the XXI century, which aimed to prevent the backlog of developing countries in a globalized world. He established four axis for education along life: Learn to know, learn to do, learn to live together and learn to be oneself, that are also fundamental to planning (UNESCO, 1998).

In educational politics, Delors recommended to strengthen basic education, to resort to dialogue and comprehension through the use of language, with special adaptations for special groups, and to continue with adult alphabetization. Leading principles were: 1) Strengthen teacher-student relationships, 2) Educate along life, 3) Multiple transparent possibilities, 4) University situated centrally; developing research and teaching skills, considering social needs, providing for permanent education and international cooperation.

The proposed world change of education has led many worldwide intellectuals and professionals to dissert on Generic Competencies as a transversal axis that ideologically permeates the institution, one where groups will transit from social cohesion to democratic participation; rescuing informed leadership and social capacities; respecting natural processes between thinking, reflective and committed people (that share hope) who educate world citizens and plan for a planetary future.

In this sense, the research presented here is embedded in the generic competencies as handled by the different Tuning Projects, to which the researcher has added the UABC slogan, *por la realización plena del hombre*, and is now measuring the connotations through the use of semantic differential.

Research on semantics, connotations, was conducted by Barthes in the scope of sign theory, where the spoken word describes a connotation that condenses the linguistic meaning to other meanings; specifically he established a relation to people's intonation. Also, and referred by the author, he considers the sign as an ideological organizing principle; where communication contained for example in a fashion parade, is made up by the meaning projected by it in a pure language, besides the verbal language communication, which were referred to as the signifier and the signified.

On the other hand, Saussure does not find the sign as a constituent of the linguistic unit; rather the sign is the unit. Where the linguistic unit contains pictoric signs for example, which are motivating, but do not break down.

On Multiple intelligences:

In this research, students' self-evaluation is being correlated to the kind of intelligence preferred to construct a view of the world. Students have different intellectual skills and talents for learning; some people will learn faster and easier than others. They have different cognitive and learning styles, like the ways they prefer to process information. Cognitive style refers to individual differences in cognitive organization, while learning style refers to cognitive, psychological and affective characteristics that lead the ways in which students perceive, interact, and respond to a learning environment (Contijoch, M. 2002).

An option to work and analyze intelligence was developed by Dr. Howard Gardner in Multiple Intelligences Theory. Gardner is a psychologist, researcher and professor of Harvard University who published in 1983 an innovative point of view based in his research findings from the biological perspective. He considered that schools had traditionally worked with a limited concept of intelligence, using intellectual coefficients that mostly measured linguistic and logic skills. Also, he established the necessary elements to qualify a kind of intelligence, according to the skills applied in problem solving, the skills to create an effective product, and a potential to identify problems:

He considered findings from evolutionary biology, anthropology, developmental and cognitive psychology, neuropsychology, and psychometrics, as

1. potential isolation by brain damage
2. existence of savants, prodigies, and other exceptional individuals
3. an identifiable core set of operations--basic kind of information-processing operations or mechanisms that deal with one specific kind of input
4. a distinctive developmental history, along with a definite set of "end-state" performances
5. an evolutionary history and evolutionary plausibility
6. support from experimental and psychological tasks

7. support from psychometric findings

8. susceptibility to encoding from a symbol system. (Project Zero, 1999)

Based on the requirements mentioned, he proposed the existence first of seven kinds of intelligences (Educational Leadership, 1994) later, of eight kinds of intelligence and recently included existential intelligence but recommended it to be a sensitizing strategy in the different education levels, one that would refer to the origins of life, its meaning, and ends; human behavior as in holocaust, discussing groups perceptions and individual experiences. The nine kinds of intelligences are:

Verbal-linguistic (words oriented) Logic-Mathematical (reasoning and numbers)

Visual-Spatial (Pictures, images) Bodily-Kinesthetic (body oriented, hands)

Musical (rhythm and timbre) Interpersonal (People, team work, interaction)

Intrapersonal (self-knowledge) Naturalist (nature, recognize, classify objects)

Existential (profound humanity themes, the philosophy of human existence)

In this way he could account for the existence of different professions, account for the developing environment, needs and stimulus as well as group dynamics which will limit or restrict the development of one kind of intelligence over a different one, or, will facilitate its development. Also, it could explain why a person is not satisfied with a clerical work when his preference is to work outdoors, for example.

This theory proposes that teachers can plan a class for all kinds of intelligences by including music, cooperative and collaborative learning, artistic activities, role play, etc. thus providing the environment for children to develop harmonically in their particular learning styles.

In 1988 Gardner wrote about Multiple Intelligences that the concept of intelligence had a lay meaning in different cultures; has been measured in its different elements but not completely; is plural, a set of independent factors; must be assessed in a context since a potential might not have developed in a specific culture or group; is distributed because it is not only in the brain but can be located in human and non human components that potentiate a person's productive work; can be nourished in educational scenarios; can be used for good or not, and becomes part of our human responsibility in a planet that requires a moral stance.

Eventhough he recommends that schools strive to develop all nine intelligences as possible; students have a preference and different proportions and combinations of each kind of intelligence. For this study, we are considering only the preferred kind of intelligence, the one that has the highest score in the inventory, and randomly determined which would be considered when a student presents a tie with another or other kinds of intelligences.

Methods Section

Kind of Study:

In order to find out whether a verbal self-evaluation related to the kind of intelligence preferred by students, this research was designed as descriptive and correlational (John W. Creswell, 2008 pp. 121) where the variables involved are: performance, self-evaluation, adjectives, semantic differential and kind of intelligence preferred.

Sample:

Students in randomly selected groups from each of the five licensure programs in the area of Education and Humanities at the UABC. They are 164 students, 57 men and 128 women enrolled during the 2009-2 period to one of the five licensure programs in education area and humanities at the UABC: languages, mathematics, language and literature, psycho-pedagogic assessment and education sciences. They were enrolled from third to eighth semester, aged 18-30.

Research Questions:

For this research, the research questions are:

Is there a positive appraisal of students' performance to account for their fulfillment under the Competencies Model?

Is it related to students' preferred kind of intelligence?

Hypotheses:

Ht₁: There is a positive performance self-evaluation under the new competencies model.

Ht₂: Self-evaluation is related to the kind of intelligence preferred by students.

Variable Definition:

Performance: students achievement when learning. (The Oxford Dictionary, 1996)

Self-evaluation in education is to express a judgment about what has been learnt (Miriam Ponce, 2009, pp.53).

Preferred kind of intelligence is the highest scale total obtained in a 9-scale multiple intelligences inventory based in Howard Gardner's theory of Multiple Intelligences. Ties were broken randomly.

Instruments:

A Multiple Intelligences Inventory created by Ligeia Lamberty in Tesol and adapted and translated by Beatriz Romero, UABC, Lilia Joya, UNAM (2004). It contains nine 10-items scales where students choose the activities they usually perform when studying and assign a number to be added in order to determine the preferred scale.

An item in the Generic Competencies Questionnaire created to assess its development in education licensure programs of the UABC, that requires to describe, using three adjectives, how students appraised their performance for the semester.

RESULTS

First Hypothesis is partially sustained, students performance self-evaluation is moderately positive, where 65% used positive adjectives to describe their performance on the University course.

Second Hypotheses is partially sustained, students self-evaluation is related to the

preferred intelligence type in two of the three aspects of Semantic differential, power and action, not so to quality.

Discussion: If we consider the fact that Multiple Intelligence is described as the activities that people perform to acquire knowledge and skills, it is reasonable to see a correlation to the action and power aspects of semantics.

If we consider that the quality of adjectives describes the good and the bad, the better and the worse, it is reasonable to infer that it is culturally oriented, since groups have a specific representation of the quality of objects in general.

Interestingly enough as it displays, it can also be regarded as a future measure of the qualitative change we are aiming to achieve in education under UNESCO'S proposed Competencies Model, once that considers a transversal axis that comprises and integrates an ethical-political dimension that will seek internal coherence and diversity acceptance in the moral, attitudinal grounds, and generic competencies, as well as its conceptualization in the academic and its operationalization in the aulic in the aulic.

REFERENCES

1. Creswell, J. Educational Research. N.J. Pearson 2008
2. Diaz-Barriga, F. Estrategias docentes para un aprendizaje significativo. Una interpretacion constructivista. Mx. GrawHill, 2002.
3. Delors, J. et al. La Educacion Encierra un Tesoro. Paris: UNESCO, 1996.
4. Romero, B. Apoyo del Centro de Auto Acceso en la Adquisicion de un Segundo Idioma. Tesis de Maestria. Mx. UABC, 2004.
5. UNESCO. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. Geneva, Switzerland, 1996-2000.

НАШИ АВТОРЫ

Абакумова Ольга Борисовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Орловского государственного университета

Абрамова Елена Николаевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Русско-британского института управления, e-mail: Elenaava@mail.ru

Агаркова Ольга Анатольевна - преподаватель кафедры романской филологии и МПФЯ Оренбургского государственного университета, e-mail: agarkova1612@rambler.ru

Аглеве Зуру Дьодонни – магистр филологии, Калави (Бенин)

Айвазова Валерия Вячеславовна - преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Сургутского государственного университета, e-mail: valeriya_aivazov@mail.ru

Аламан Рафаэль Кабаняс – профессор университета св. Луи г. Мадрида (Испания)

Александрова Надежда Федоровна - кандидат филологических наук, преподаватель кафедры современного русского языка и методики его преподавания Липецкого государственного педагогического университета, e-mail: Eals70@mail.ru

Анашева Дарига Касымовна - старший преподаватель кафедры иностранной филологии Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева (Казахстан)

Анзулевич Елена Владимировна - преподаватель кафедры общего и романского языкознания Челябинского государственного университета, e-mail: eleonora1984@mail.ru

Антропова Людмила Ильинична - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И.Носова

Асмус Нина Геннадьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: nasmus@74.ru

Афанасьева Мария Владимировна - преподаватель кафедры английского и французского языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, e-mail: maryafanasieva@yandex.ru

Байдикова Наталия Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент Московского института электронной техники, e-mail: nataleon22@list.ru

Баканова Юлия Валерьевна - преподаватель кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: BakanovaJV@yandex.ru

Басырова Фарида Амировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, e-mail: engel_ram@mail.ru

Бачурская Валерия Владимировна - преподаватель кафедры французского языка и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета, e-mail: nuagette@mail.ru, mak@csu.ru

Бейсембаева Сауле Толеутаевна- старший преподаватель кафедры теории и практики английского и немецкого языков, ЦКУ «МГТИ - Лингва» e-mail: b.saule2003@list.ru

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент кафедры языкознания Оренбургского государственного педагогического университета, e-mail: bekasova@mail.ru

Боброва Наталья Владимировна - кандидат филологических наук, доцент Орского гуманитарно-технологического института, e-mail: iamtasha@rambler.ru

Бобыкина Ирина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета, e-mail: bobykina@csu.ru

Брильц Оксана Александровна - кандидат философских наук, доцент кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета, e-mail: briltsoa@chelcom.ru

Ваганова Ксения Ринатовна - студентка 5 курса филологического факультета Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского, e-mail: vaganova1988@mail.ru

Вагнер Кира Рустемовна- кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института экономики, управления и права, г.Казань, e-mail: kirawagner@mail.ru

Ван Вэньцзюань - аспирантка кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета (Республика Беларусь)

Вандышева Анна Валентиновна - доцент кафедры зарубежной филологии Академии маркетинга и социально-информационных технологий, e-mail: anna_valentino@mail.ru

Вахрушев Александр Александрович - аспирант Пермского государственного технического университета, e-mail: tom_mamont@mail.ru, vaa@reductor-pm.com

Викулова Вера Викторовна - ассистент кафедры русского языка Самарского государственного университета, e-mail: veravik2008@yandex.ru

Винантова Ирина Владимировна - аспирантка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: vinantov@mail.ru

Волкова Мария Николаевна - магистрант русской филологии, г. Павлодар (Казахстан), e-mail: volk.marusya@yandex.ru

Волкова Татьяна Александровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета, e-mail: tatia.volkova@gmail.com

Волошкина Инесса Анатольевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Белгородской государственной сельскохозяйственной академии, e-mail: ivoloshkina@yandex.ru

Воробьева Ксения Александровна - старший преподаватель кафедры общего и романского языкознания Челябинского государственного университета, e-mail: vka05@rambler.ru

Воронина Любовь Валентиновна - кандидат филологических наук Рязанского военного автомобильного института, e-mail: lyubavoronina@rambler.ru

Гагарина Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры иностранных языков Удмуртского государственного университета, e-mail: kultura17@mail.ru

Гайда Радослав Евгеньевич - языковед, кандидат наук Педагогического университета им. Комиссии Народного Просвещения (Польша), e-mail: radgajda@wp.pl

Галич Галина Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, e-mail: galich2004@rambler.ru, unja@mail.ru

Гампер Елена Эдуардовна - старший преподаватель, Магнитогорского государственного технического университета, e-mail: gamper@yandex.ru

Гвоздева Ирина Викторовна - младший научный сотрудник кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета, e-mail: irinkachina@mail.ru, ivgvozdeva@yahoo.com

Глушкова Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и романского языкознания Челябинского государственного университета, e-mail: 101julia@mail.ru

Говорухо Роман Алексеевич - кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания МГУ им. М.В.Ломоносова, e-mail: govorroman@mail.ru

Годованая Ольга Николаевна - старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов Южного федерального университета, e-mail: olgod@inbox.ru

Голованов Игорь Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета, e-mail: ligol@csu.ru

Голованова Елена Иосифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета, e-mail: ligol@csu.ru

Голубева Валентина Николаевна - старший преподаватель кафедры иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета, e-mail: dmitri-grigoriev@yandex.ru

Глухова Ирина Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета

Гребенщикова Александра Вячеславовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: aleksa151@gmail.com

Григорьева Евгения Артуровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, e-mail: geva1979@yandex.ru

Григорьева Наталья Юрьевна - старший преподаватель кафедры иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета, e-mail: dmitri-grigoriev@yandex.ru

Григорьева Эльза Кирилловна - кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, e-mail: jnikonowa@mail.ru

Гурьева Ирина Анатольевна - ассистент кафедры английского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного университета, e-mail: +i.a.kostina@mail.ru

Давыдова Евгения Анатольевна - аспирантка Оренбургского государственного университета, e-mail: jannette3@yandex.ru

Дегтярева Евгения Валерьевна - студентка 4 курса филологического факультета Башкирского государственного университета, e-mail: tormy@inbox.ru

Демидова Елена Николаевна - соискатель кафедры теории языка Челябинского государственного университета, e-mail: demidoff66@yandex.ru

Денисова Ирина Владимировна – преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета, e-mail: irina_7j@inbox.ru

Дубкова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета, e-mail: linuan12@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Коломенского государственного педагогического института, e-mail: dubovama@rambler.ru

Дубровина Кира Николаевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, e-mail: kira35@inbox.ru

Евстафова Яна Анатольевна - преподаватель английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: evs_yana@mail.ru

Елизова Елена Ивановна - кандидат педагогических наук Шадринского государственного педагогического института, e-mail: elisowa@yandex.ru

Елистратов Алексей Алексеевич - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: asha91@rambler.ru

Ескиндинова Маншук Жумабаевна - старший преподаватель кафедры иностранной филологии, e-mail manshuk-eskindirova@yandex.ru

Есмурзаева Жанбота Бауржановна - старший преподаватель ФГОУ ВПО ОмГАУ, e-mail: yesmurzaeva@mail.ru

Житникова Любовь Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: lzit@csu.ru

Жовнерик Снежана Леонидовна - соискатель кафедры русского языка Белорусского государственного университета (Республика Беларусь), e-mail: snezka.72@mail.ru

Жуманбекова Нуркеш Зейнуллоевна - кандидат филологических наук, доцент Кокшетауского государственного университета им.Ш.Уалиханова (Казахстан), e-mail: nurkesh2009@mail.ru

Журавлева Алина Анатольевна - ассистент Магнитогорского технического университета им. Г.И. Носова, e-mail: sweetty4@ya.ru

Захарова Варвара Вячеславовна – студентка 5 курса факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: varya.zakharova@gmail.com

Зелянская Н.Л. - Оренбургский государственный университет

Злобин Александр Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода ФИЯ Института дополнительного образования, e-mail: aleksandr_z@list.ru

Зубкова Екатерина Владимировна - ассистент кафедры иностранных языков Пермского государственного технического университета, e-mail: vykate@mail.ru

Иванова Татьяна Васильевна - старший преподаватель кафедры перевода и межкультурной коммуникации Алтайской государственной педагогической академии, e-mail: i_t_v@mail.ru

Иванченко Татьяна Юрьевна - преподаватель кафедры иностранных языков Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса, e-mail: anna_valentino@mail.ru

Инчауральде Карлос – Университет Сарагосы (Испания)

Исенбаева Галина Ивановна - кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Орского гуманитарно-технологического института, e-mail: isenbaeva@rambler.ru

Ишмухаметова Алия Зуфаровна - ассистент кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета, e-mail: alja150378@mail.ru

Кадыркова Юлия Викторовна – аспирантка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: Juli4kaKad@rambler.ru

Карабыков Антон Владимирович - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Омского юридического института, e-mail: meavox@mail.ru

Карельская Екатерина Николаевна - аспирантка Оренбургского государственного педагогического университета», e-mail: kvnosu@mail.ru

Карманова Зоя Яковлевна - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Московского международного гуманитарно-лингвистического института, e-mail: zoyadis@rambler.ru

Карымсакова Рахилия Даулетбаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и мировой литературы Казахского национального университета им. аль-Фараби (Казахстан), e-mail: rakhilya.11@mail.ru

Квашнина Елена Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета, e-mail: [lena-kv@mail.ru](mailto:lana-kv@mail.ru)

Килина Лилия Фаатовна - кандидат филологических наук, доцент Удмуртского государственного университета, e-mail: kilin@idz.ru, kilin_74@mail.ru

Кириллова Татьяна Сергеевна - доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой иностранных языков лечебного факультета Астраханской государственной медицинской академии

Климович Наталья Викторовна – преподаватель кафедра теории и практики перевода Сибирского федерального университета, e-mail: klimovich79@mail.ru

Клюшина Алёна Михайловна – аспирантка Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, e-mail: klyushina1985@mail.ru

Кожанов Дмитрий Алексеевич - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Алтайской государственной педагогической академии, e-mail: dsf5k@yandex.ru

Козлова Наталья Степановна - преподаватель кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета, e-mail: net_666@meil.ru

Колодяжная Вероника Николаевна - соискатель Белгородского государственного университета, e-mail: veronikabgu@mail.ru

Копачева Александра Романовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и романского языкознания Челябинского государственного университета, e-mail: kassandra74@mail.ru

Копылова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры американистики Иркутского государственного лингвистического университета, e-mail: ntsh22@yandex.ru

Корнева Валентина Владимировна - доктор филологических наук, профессор Воронежского государственного университета, e-mail: kornevavalentina@mail.ru

Коровушкин Валерий Пантелеймонович - доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Череповецкого государственного университета, e-mail: vkorovushkin@mail.ru, vkor@tchercom.ru

Королькова Светлана Азадовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Волгоградского государственного университета, e-mail: svetlanakrlkva@rambler.ru

Котлярова Надежда Александровна - магистр филологических наук Волгоградского государственного педагогического университета, e-mail: Lady.Nade@yandex.ru

Кочетова Лариса Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного университета, e-mail: lakvolgu@mail.ru

Кривоносова Нина Васильевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Академии ФСИН России, e-mail: kaf-in-yaz@academjust.ryazantelecom.ru

Кручинкина Нина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева., e-mail: ndk-07@mail.ru

Кудинова Светлана Сергеевна - ассистент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Коломенского государственного педагогического института, e-mail: kudinova_svetlan@mail.ru, AlienKSS@yandex.ru

Кузьмина Елена Владимировна - преподаватель кафедры международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета, e-mail: helen1986@mail.ru

Куликова Юлия Сергеевна - преподаватель английского языка Народного университета дополнительного образования "Лингвист", e-mail: kulik-j@yandex.ru

Кустова Анна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского и французского языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, e-mail: annakustova@list.ru

Левенко Анна Олеговна - специалист по учебно-методической работе кафедры современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета, e-mail: annalevenko@mail.ru, sovet01@filo.asu.ru

Лекарева Елена Владимировна - старший преподаватель филиала Уральского государственного педагогического университета (г. Новоуральск), e-mail: lekarevaelena@mail.ru

Литовченко Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой «Гуманитарные и естественнонаучные дисциплины» Тамбовского филиала Орловской региональной академии государственной службы, e-mail: malitovchenko@yandex.ru

Лопатина Ксения Викторовна - кандидат филологических наук, преподаватель кафедры романской филологии Воронежского государственного университета, e-mail: Xeny4@yandex.ru

Любавина Анастасия Юрьевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры французского языка и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета

Макурина Ирина Юрьевна - старший преподаватель кафедры иностранных языков Юридического института МВД России, e-mail: Mairine@yandex.ru

Малёнова Евгения Дмитриевна - доцент кафедры английской филологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, e-mail: malenovae@mail.ru

Малюкова Дарья Сергеевна - преподаватель английского языка кафедры иностранных языков Томского политехнического университета,

e-mail: darja-1801@rambler.ru

Марк-Пюшан Кристин – ассистент профессора, университет Сорбонна (Франция)

Масгутова Марина Фаритовна -преподаватель кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: dochura2812@rambler.ru

Масленкова Полина Владимировна - магистрант филологического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь), e-mail: palina.masliankova@gmail.com

Маташ Кристина Александровна - соискатель при кафедре русского языка и МПРЯ Челябинского государственного педагогического университета, e-mail: matash_kristina@mail.ru

Машутина Елена Анатольевна - старший преподаватель кафедры иностранных языков естественнонаучных и инженерно-технических специальностей Оренбургского государственного университета

Милосердова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Тамбовского государственного университета

Минина Светлана Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин филиала Орловской региональной академии государственной службы, e-mail: s_minina@mail.ru

Миронова Дарья Александровна - соискатель, преподаватель кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета, e-mail: daria28@mail.ru

Михайлова Людмила Михайловна - ассистент кафедры теории и практики английского языка Педагогического института Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, e-mail: diara21@mail.ru

Михеева Евгения Александровна - старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Алтайской академии экономики и права, e-mail: miheeva_ea@mail.ru

Моисеев Михаил Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английской филологии Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского, e-mail: kafedral10a@yandex.ru

Моисеева Ирина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и методики преподавания французского языка Оренбургского государственного педагогического университета, e-mail: desire2003@yandex.ru

Мощанская Елена Юрьевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского государственного технического университета

Мубориева Альбина Рафиковна – ассистент кафедры английского языка для экономических специальностей Астраханского государственного университета, e-mail: albinamuborieva@mail.ru

Мукушева Гульсум Рамазановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций Международной бизнес-академии, e-mail: gmukusheva@mail.ru

Мусатова Галина Александровна - кандидат филологических наук Рязанского военного автомобильного института им. генерала армии В.П. Дубынина, e-mail: lyubavoronina@rambler.ru

Наличникова Инна Анатольевна- ассистент кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета, e-mail: nal-inna@yandex.ru

Наугольных Евгения Андреевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Пермской государственной фармацевтической академии, e-mail: pulina_jane@mail.ru

Никифоренко Алла Николаевна - преподаватель кафедры белорусской и мировой художественной культуры Белорусского государственного университета культуры и искусств (Республика Беларусь), e-mail: allochka606@mail.ru

Никифорова Светлана Александровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и его истории Удмуртского государственного университета, e-mail: snikif@list.ru

Николаева Татьяна Геннадьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, e-mail: tatanik2009@yandex.ru

Никонова Юлия Ивановна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, e-mail: jnikonowa@mail.ru

Никулина Марина Аркадьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов, e-mail nikulinoj.marine@mail.ru

Новикова Ольга Сергеевна - магистрантка филологического факультета Российского университета дружбы народов, e-mail: olganovikova2006@yandex.ru

Новрузова Нурида Самед – зав. кафедрой тюркологии Бакинского славянского университета (Азербайджан), e-mail: en.nurida @yahoo.com, n.nurida@ box.az

Омарова Людмила Расуловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка Дагестанского государственного педагогического университета, e-mail: tarki86@mail.ru

Охрицкая Надежда Михайловна - преподаватель кафедры общего и романского языкознания, Челябинского государственного университета, e-mail: o_corazon26@mail.ru

Павлова Светлана Никифоровна - старший преподаватель кафедры перевода Якутского государственного университета, e-mail: snpavlova@mail.ru

Панченко Наталья Николаевна - кандидат филологических наук,

доцент кафедры английской филологии Иркутского государственного лингвистического университета, e-mail: ntsh22@yandex.ru

Панченко Светлана Владимировна - доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральской государственной юридической академии, e-mail: panch@e1.ru

Патюкова Регина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и социальных коммуникаций Кубанского государственного университета, e-mail - patukovaregina@rambler.ru

Пикалова Елена Анатольевна - кандидат педагогических наук, доцент Магнитогорского государственного технического университета им. Носова, e-mail: pikalov@mmk.ru

Питеркина Юлия Сергеевна - старший преподаватель, аспирантка Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, e-mail: piterkina@2-u.ru

Питина Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории языка Челябинского государственного университета

Плотникова Светлана Николаевна - доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Иркутского государственного лингвистического университета, e-mail: ntsh22@yandex.ru

Поли, Диего – профессор университета Мачерата (Италия)

Полякова Лилия Сергеевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель Магнитогорского государственного технического университета, e-mail: lilit@mgn.ru, lilitmgn@mail.ru

Попкова Марина Владимировна - кандидат филологических наук, старший преподаватель Омского государственного педагогического университета, e-mail: pmarvlad@mail.ru

Попова Евгения Юрьевна - аспирантка кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Саратовского государственного социально-экономического университета, e-mail: evgenia_fx@inbox.ru

Поселенова Анна Валентиновна - доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук Волжского политехнического института, e-mail: poselenova@mail.ru

Просцевичус Владислав Эдуардович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы Горловского педагогического института иностранных языков (Украина), e-mail: dusja6@yandex.ru

Преснякова Н.А. – Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики (Псковский филиал)

Путилина Я.В. - Оренбургский государственный университет

Разумова Лиина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: lina.razumova@mail.ru

Разумовская Вероника Адольфовна – кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Сибирского

федерального университета (г. Красноярск), e-mail:
veronica_raz@hotmail.com

Ракитина Наталия Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, e-mail: Rakitina_n@mail.ru

Ракитина Светлана Владимировна - доктор филологических наук, доцент Волгоградского государственного педагогического университета, e-mail: s.rakitina@mail.ru

Ригина Наталья Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Челябинской государственной автомобильной академии, e-mail: deutsche_vita@mail.ru

Рогожникова Елена Сергеевна - ассистент кафедры иностранных языков Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, e-mail: varmag@mail.ru

Рогозина Ирина Владимировна - доктор филологических наук, доцент Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, e-mail: irogozi@mail.ru

Родионова Лилия Геннадьевна- преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета e-mail: liliarodionova@gmail.com

Романова Лилия Геннадьевна – преподаватель кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного университета, e-mail: romanovalg@mail.ru

Романова Татьяна Васильевна - старший преподаватель кафедры иностранных языков Ижевской государственной сельскохозяйственной академии, e-mail: romata@bk.ru

Ромеро Б.А. - Автономный университет Байя (Мексика)

Ротарь Виктория Владимировна - аспирантка кафедры истории русского языка и общего языкознания, e-mail: torik_kit@mail.ru

Русина Юлия Николаевна - кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков Полесского государственного университета, e-mail: jrusina@mail.ru

Савельева Марина Владимировна - старший преподаватель кафедры английской филологии Курганского государственного университета, e-mail: t_maria@mail.ru

Самойлова Светлана Владимировна – аспирантка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, e-mail: ssw1986@mail.ru

Санарова Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент Южного института менеджмента (г. Краснодар), e-mail: elena.snrw@mail.ru

Санко Мария Александровна - студентка 4 курса Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан), e-mail: sankomarsanna@mail.ru

Сарсеке Гульнар Адебиеткызы - кандидат филологических наук, доцент Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан)

Сборошенко Кирилл Валерьевич – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общего и романского языкознания Челябинского государственного университета, e-mail: kirk.07@mail.ru

Семенова Елена Валентиновна - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой практики французского языка Горловского государственного педагогического института иностранных языков (Украина), e-mail: olena_semenova@mail.ru

Семёнова Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания Оренбургского государственного педагогического университета, e-mail: bekasova@mail.ru

Семкин Максим Александрович - аспирант Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, e-mail: maxsiomkin@mail.ru

Семкина Галина Григорьевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Омского государственного университета им.Ф.М.Достоевского, e-mail: gsemkina@yandex.ru

Семкина Наталья Алексеевна - старший преподаватель кафедры второго иностранного языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, e-mail: nataliasiomkina@mail.ru

Соколовский Ярослав Викторович - Сибирский федеральный университет, e-mail: sokol_rus@hotmail.com

Солодкова Елена Владимировна - аспирантка кафедры английской филологии Иркутского государственного лингвистического университета, e-mail: el_sol2004@mail.ru

Солодовник Ксения Борисовна - доцент, кандидат филологических наук кафедры иностранных языков для неязыковых факультетов Российского государственного социального университета, e-mail: solodovnikk@mail.ru

Солоян Каринэ Александровна - Сибирский федеральный университет, e-mail: solokart@yahoo.com

Сорелла, Антонио – профессор университета Къети-Пескаре (Италия)

Сорокина Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета

Сулейманова Анастасия Александровна - ассистент кафедры перевода и переводоведения Института экономики управления и права (г. Казань), e-mail: Shagi93@mail.ru

Суслова Оксана Валентиновна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета, e-mail: suslovaoksana@yandex.ru

Терехова Евгения Викторовна - кандидат филологических наук, доцент, докторант Института языкознания РАН, сектор германских языков, e-mail: evgeniavlad@gmail.com

Трохина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Молдавского государственного университета (Молдова), e-mail: for.elena@gmail.com

Узаган Абдулкерим – доктор филологии, ассистент профессора (Турция)

Ульяненко Жанна Евгеньевна - аспирантка кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, e-mail: zhannchik1@rambler.ru

Устинова Ксения Андреевна – студентка 5 курса факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, e-mail: ustinova_ka@bk.ru

Файзуллина Зильфира Рафитовна - магистрантка Башкирского государственного педагогического университета, e-mail: zilfira87@mail.ru

Федотова Оксана Сергеевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Рязанского государственного университета им. С.А.Есенина, e-mail: o.fedotova@rsu.edu.ru

Флоря Александр Владимирович - доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, теории и методики обучения русскому языку Орского гуманитарно-технологического института, e-mail: alv45.63@mail.ru

Фофин Александр Иванович – докторант Иркутского государственного лингвистического университета

Фролова Юлия Борисовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Саратовского государственного университета им.Н.Г.Чернышевского, e-mail: bienaimée@yandex.ru

Хамидова А.Р. – студентка 4 курса филологического факультета Башкирского государственного университета, e-mail: tormy@inbox.ru

Харитоновна Светлана Викторовна- кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Магнитогорского государственного университета, e-mail: kirhel@mail.ru

Хизбуллина Диля Ишбуловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры сопоставительного языкознания Башкирского государственного университета, e-mail: della08@mail.ru

Хлебодарова А.Г. - аспирантка Иркутского государственного лингвистического университета. e-mail: Uventa2008@yandex.ru

Ходжаян Тагуи Рафаеловна - кандидат филологических наук Ереванского государственного лингвистический университета им. В.Я.Брюсова (Армения), e-mail: khojayant@netsys.am

Хохленкова Людмила Анатольевна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры русского и иностранных языков Поволжского государственного университета сервиса, e-mail: lyuda-khokhlenkova@yandex.ru

Хрущева Оксана Александровна - ассистент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного университета, e-mail: oksanakhrushcheva@rambler.ru

Цалко Татьяна Васильевна - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языка СМИ и рекламы Южного федерального университета

Цзан Годун - аспирант кафедры теории и практики перевода Сибирского федерального университета, e-mail: 820330@mail.ru

Чанышева Зульфира Закиевна - доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода Башкирского государственного университета, e-mail: frgf.dekanat@rambler.ru

Чепель Наталья Павловна - кандидат филологических наук, e-mail: chenat_74@mail.ru

Чернин Владимир Константинович - кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики начального образования Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н.Ульянова, e-mail: filoloc@yandex.ru

Чернышова Елена Борисовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах Борисоглебского государственного педагогического института, e-mail: iraida_morozova@mail.ru

Чугуй Анна Васильевна - кандидат филологических наук, доцент филиала Российского государственного торгово-экономического университета (г. Ростов), e-mail: annette1409@rambler.ru

Шагиахметова Лейсан Искандеровна - ассистент кафедры перевода и переводоведения ИЭУП (г. Казань), e-mail: Shagi93@mail.ru

Шаповалова Елена Олеговна - ассистент кафедры общего и романского языкознания Челябинского государственного университета, e-mail: megapchelishe@mail.ru

Шарипова Евгения Сергеевна - аспирантка кафедры русского языка Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, e-mail: fonema@inbox.ru

Шведова Ирина Рэмировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета, e-mail: irshvedova@mail.ru

Шестеркина Наталья Викторовна - кандидат филологических наук Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, e-mail: nvshest@mail.ru

Шляхова Марина Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Алтайской государственной педагогической академии, e-mail: sunrina@list.ru

Шнякина Наталья Юрьевна - доцент кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации Омского государственного педагогического университета, e-mail: zeral@list.ru

Щекотихина Ирина Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Орловского государственного университета, e-mail: schek@orel.ru

Щеркин Алексей Евгеньевич - аспирант кафедры общего и романского языкознания Челябинского государственного университета, e-mail: alexscherk@bk.ru

Ян Минбо (КНР) - старший преподаватель кафедры восточных языков Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск): mlmingbo@mail.ru

Янигова С. - Университет Косиче (Словакия)

Ярошенко Ольга Алексеевна - старший преподаватель кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Саратовского государственного социально-экономического университета, e-mail: cherskypeak@gmail.com

Ярошенко Ольга Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета. e-mail: onyarosh@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Е.В. Анзулевич. Репрезентация концепта „donna“ в итальянской языковой картине мира (на материале фразеологизмов и паремий)

Л.И. Антропова. К вопросу об описании национальных языковых ситуаций

В.В. Бачурская. Средства речевого воздействия в инокультурном тексте СМИ

К.А. Воробьева. Ирония как лингвокультурная ценность в современном обществе

Р.Е. Гайда. Современный русский язык с точки зрения иностранца

Г.Г. Галич. О макроструктуре языковой картины мира

И.А. Голованов. Проблема актуализации фольклорного сознания меморатах

Е.И. Голованова. Лексикографическая параметризация языковой личности учёного (на материале модельных личностей уральских лингвистов)

И.В. Денисова. Гендерные стереотипы как один из способов формирования гендерной системы

М.А. Дубова. Стилистика эпохи и способы её воссоздания в исторических романах В. Я. Брюсова

Л.В. Житникова. Восприятие англоязычных наименований лиц по профессии русскоязычными респондентами

С. Л. Жовнерик. Взаимодействие культур: иноязычные вкрапления в романе В. Пелевина «Generation «П»

А.Р. Копачева. Концепт «белый цвет» в лингвоцветовой картине мира (на материале русских паремий).

В.В. Корнева. Пространственная картина мира и особенности её структурирования в разных лингвокультурах

Ю. С. Куликова. Стереотип как результат восприятия языковых личностей других культур

А.Е. Кустова. Взаимодействие языка и культуры при невербальной коммуникации

М.Ф. Масгутова. Аксиологический аспект изучения англоязычной личности (на примере концепта «дружба»)

Т.В. Мизюрина. Роль образа женщины как ключевого образа американской лингвокультуры

Е.А. Михеева. Медицинская медиакартина мира как составляющая общей модели мира индивида

М.В.Моисеев. Взаимодействие культур как фактор формирования стереотипов-образов в английской языковой картине мира

Н.М. Охрицкая. Символика черного цвета в испанской фразеологической картине мира

С.А. Питина. Императивы по-американски

Л.В. Путилина. Контент – анализ как способ изучения категории времени в индивидуальной языковой картине мира

Н.А. Ригина. Картина мира как одна из составляющих языковой личности музыканта (на примере интервью с современными немецкими поп-музыкантами)

Е.С. Рогожникова. Языковая картина мира и её взаимосвязь с культурой

К.А. Солоян. Этикетно-речевой жанр «поздравление» в русской и китайской лингвокультурах

А.И. Фофин. Экспонат как текст культуры в пространстве музея

Д.И. Хизбуллина. О мифосемиотической модели мира

Л.И. Шагиахметова. Отражение национального характера в русском, китайском и английском паремиологическом фонде

Е.О. Шаповалова. Национально-культурная специфика французских и итальянских фразеологизмов в сопоставительном аспекте

Н.Ю. Шнякина. Метафорический потенциал концепта «толщина» в сфере оценки степени сложности в немецкой языковой картине мира

S. D. Aglewe. Das Frauenbild in deutschen und beninischen Märchen am Beispiel von Grimms und Maxi-Märchen

C. Inchaurrealde. Dynamic cultural knowledge and the lexicon

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

О.Б. Абакумова. Развертывание пословичного сценария как процесс актуализации семантики пословицы в дискурсе

О.А. Агаркова. Функционирование формул благодарности в крылатых выражениях

Н. Л. Байдикова. Переход корневых морфем в разряд суффиксов в древнеанглийском языке

Ф.А. Басырова. Гендерная специфика в лексике и грамматике современного английского языка

Б.А. Бобнев. К определению общего значения многозначного слова: проблемы и перспективы

О.А. Брильц. Вопрос как организующий элемент в процессе понимания

К.Р. Вагнер. Предикативная сочетаемость ЛСГ «птицы» (на материале русских и английских народных примет)

И.В. Винантова. Упрёк как прагматический акт

Л.В. Воронина. Особенности выражения аналитического компонента семантической структуры финитива

Н.Ю. Григорьева. Речевое воздействие комикса

Т.В. Григорьева, Е.В. Дегтярева. Многоочия в творчестве Дины Рубиной

Е.А. Давыдова. Различные модели онтологической категории «событие» в современной лингвистике

Е.Н. Демидова. Паронимы и прагматика научного текста

А.А. Елистратов. О лексико-тематической группе сниженных наименований спортивной фармакологии в конных видах спорта

В.В. Захарова. Регуляция диалогического общения

Г.И. Исенбаева. Семиотические представления в решении концептуально-конструкторских задач

Ю.В. Кадыркова. Семантико-прагматическая специфика речевого воздействия в ситуации эмотивного побуждения

Е.Н. Карельская. Особенности семантики сложных слитных слов, содержащих оценочный компонент

Р.Д. Карымсакова. Семантико-прагматическая пресуппозиция как источник речевых конфликтов

Е.Н. Квашнина. Стилистические особенности общеупотребительного слова как элемента специального языка

Л.Ф. Килина. О грамматической семантике причастных форм в древнерусском языке (на материале списков «Повести временных лет»)

В. Н. Колодяжная. Семантические характеристики наречий неполноты действия/признака в современном английском языке

С.С. Кудинова. Особенности сленга с флористическим компонентом в современном английском языке

А.О. Левенко. Реализация эвокационного потенциала художественного текста в кинотексте: прагматический аспект

К.В. Лопатина. О текстовых ситуациях интродукции антропонимов

А.Ю. Любавина. Функционально-прагматический анализ сложных речевых актов (на материале агитационно-политических текстов предвыборных кампаний в России и Франции)

К.А. Маташ. Семантика фразеологических единиц признака, номинирующих облик человека

Е.В. Милосердова. Прагматическая вариативность языковых форм в аспекте современного культурного контекста

С.В. Минина. Порядок слов в предложениях разной коммуникативной установки в немецком языке

И.Ю. Моисеева. Типологическая классификация реализации семантических отношений в художественном тексте

А.Р. Мубориева. Фразеологизмы в научно-популярном тексте на экономическую тематику (когнитивный и прагматический аспекты)

Г.А. Мусатова. Семантика простых предложений, осложнённых уступительным оборотом с предлогом «вопреки»

Е.А. Наугольных. Окказиональное слово как проявление «мутации» языка в художественном тексте

С.А. Никифорова. Репрезентация представлений о грехе прелюбодеяния в памятниках чешского средневековья (XV-XVI вв.)

Т.Г. Николаева. Дополнительные элементы смысла в семантически осложнённых предложениях с аппозитивными вторично-предикативными структурами в современном английском языке

Ю.И. Никонова, Э.К. Григорьева. Гиперболизация как прагматическая доминанта стратегии сатирического заострения

О.С. Новикова. Прагматика в сфере неузуальной лексики современного русского языка

Ю.С. Питеркина. Модели номинации в речи детей младшего дошкольного возраста

А.В. Поселенова. Семантическая структура фразеологических единиц русского языка, характеризующих речевое поведение личности

Н.А. Преснякова. Метафоризация соматических фразеологизмов семантического поля «эмоции»

Ю.Н. Русина. Модели значений меронимических единиц (на материале английского и русского языков)

М.В. Савельева. Зависимость актуализации компонентов семантической структуры императивных процессуальных единиц от способа выражения синтаксического субъекта

М.А. Санко. К проблеме гендерной номинации лиц по профессии в русском языке.

Г.Г. Семкина. О семантико-прагматическом потенциале альтернативных вопросов

А.А. Сулейманова. Модели атрибутивной связи сложных слов на примере экономической терминологии китайского языка

А.В. Чугуй. Разряды коммуникем по степени нечленимости: их языковые и речевые характеристики

Т.Р. Ходжаян. Понятие коннотации в теории литературы, лингвистике текста и прагматике

О.А. Хрущева. Семантические особенности блендов

И.Н. Щекотихина. Повседневное общение в контексте творчества

R. C. Alamán. La importancia del español para negocios ante la incidencia de otras lenguas autonómicas en España

C. Marque-Pucheu. Exclamation et changement linguistique dans les énoncés situationnels *je te dis pas ! et tu peux pas savoir !*

D. Poli. La lingua e la traduzione per Annibal Caro

A. Sorella. La parola di Francesca e il testo di Dante

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТАННЫХ ЯЗЫКОВ

Ю.В. Баканова. Социокультурный компонент в обучении английскому языку как фактор формирования коммуникативных стратегий делового общения

И.А. Бобыкина. Моделирование процесса формирования культуры лингвосамообразования

А.В. Вандышева. К вопросу о переводе стилистически и гендерно маркированной лексики

Т.А. Волкова. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода в обучении устному последовательному переводу

И.В. Гвоздева. Лингвокультурные особенности перевода деловой корреспонденции (на материале китайского и русского языков)

И.В. Глухова. Обучение культуре общения на иностранном языке

Р.А. Говорухо. Итальянские переводы «Героя нашего времени» и коллективный речевой узус

А.В.Гребенщикова. Дистанционное обучение: базовые понятия и современное состояние

Я.А. Евстафова. Лингвокультурологический и когнитивный подходы к гендерному аспекту перевода в художественных текстах

Е.И. Елизова. Лингвокоммуникативная подготовка будущих переводчиков: социально-исторический аспект

А.А. Журавлева. Развитие креативности в процессе иноязычной подготовки студентов технических вузов

А.Н. Злобин. К вопросу о применении когнитивно-матричного анализа к переводу

С.А. Королькова. Критерии отбора текстов при обучении письменному переводу

Н.В. Кривоносова. О выборе терминологического варианта при переводе юридических текстов (на материале испанского языка)

И.Ю. Макурина. Профессионально-ориентированные курсы по иностранному языку как средство совершенствования иноязычного процесса в неязыковом вузе

Е.Д. Малёнова. Особенности обучения переводу патентной документации в процессе подготовки переводчиков

Я. Минбо. Проблемы перевода русских имен на китайский язык (на материале романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита»)

Д.А. Миронова. Лингвокультурологический аспект переводимости трансформированных прецедентных высказываний

Е.Ю. Мощанская. Переводчик как преобразователь устного дискурса

М. А. Никулина. К вопросу о терминологических лакунах при переводе специальных и художественных текстов

С. В. Панченко. Опыт использования методов активного обучения в преподавании латинского языка в вузе

В.А. Разумовская. Изоморфизм как переводческая категория: содержательный и типологический аспекты

Е.С. Рогожникова. Использование невербальных опор в обучении эффективному речевому поведению студентов на уроке иностранного языка

Л.Г. Родионова. Роль самостоятельной работы система довузовской подготовки абитуриентов-инвалидов.

Л.Г. Романова. Понятийный потенциал термина «эквивалентность перевода»

Т.В. Романова. Развивающий и воспитывающий потенциал академического предмета «иностраный язык»

О.А. Сорокина. Метод разыгрывания ролей как одно из условий подготовки специалиста межкультурной коммуникации

О.В.Суслова. Реализация принципа прагма-функциональной релевантности в процессе развития иноязычной коммуникативной компетенции у студентов, изучающих английский язык

Е.В. Терехова. Структурно-семантические типы и модели образования временно-устойчивых словосочетаний и трудности их перевода на русский язык (на материале современного английского газетного дискурса)

Л. Г. Федюченко. Когнитивный аспект уровня сложности текста на перевод

А.В. Флоря. Обзор взглядов на переводимость

Ю.Б. Фролова. Прагматический аспект перевода названий французских кинофильмов на русский язык

С.В.Харитоновна. Важность культурологического компонента при изучении иностранного языка в университете

Л.А.Хохленкова. Метаметодика как основа частных методик

3.3. Чанышева. Факторы, определяющие переводческую компетенцию

Цзан Годун. Экспрессивная лексика романа И.Ильфа и Е.Петрова «Двенадцать стульев» и проблема её перевода на китайский язык

О.Н. Ярошенко. Конвергенция методологических подходов в исследовании профессиональной компетентности специалистов в области английского языка

S. Janigová. Contrastive speech act analysis of anglo-american and slovak divorce judgments in translation

B. A. Romero. Semantics relation to multiple intelligence preferences

Научное издание

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Сборник статей участников

V международной научной конференции
26-27 апреля 2010 года
Челябинск

Том 2